ТВОРЕНІЯ ПЛАТОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

Владиміра Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова

Цѣна 1 руб. 50 коп.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1903.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ

К. Т. СОЛДАТЕНКОВА,

находящихся въ продажѣ.

Мартъ 1902 г.

Белохъ, Ю. *Исторія Греціи*. Пер. ***М. Гершензона***. *Т. I.* Предисловіе переводчика. III—V стр.—Введеніе—преданіе.— Главы I—XVII, кончая софистическимъ движеніемъ и Пелопоннесскою войною.—Стр. XIII+500.—1897 г.—Ц. 2 р.—*Т. II.*—Кончая Аристотелемъ и завоеваніемъ Азіи.—Главы I—XV.—Стр. X+527.—1899 г. Ц. 2 р.

Брайсъ Дж. *Американская республика*. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго***. —*Часть I.* Національное правительство. Стр. I—XII+503.—1889 г.— *Часть II.* Правительства Штатовъ.—Политическія партіи. Стр. 515. 1890 г.—*Часть III.* Общественное мнѣніе.—Объяснительные примѣры и замѣчанія.—Строй общественной жизни. Стр. 554. и указателя I—XIII.—1890 г. Каждая часть по 3 р. 50 к.

Брандесъ, Георгъ. *Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Т. I.* Двѣ части. Пер. ***В. М. Спасской*** и ***В. М. Фриче***, подъ редакціей ***Н. И. Стороженко***. Съ предисловіемъ и примѣчаніями редактора. Стр. XI+383.—1899 г.—Ц. 1 р. 50 к., т. II, стр. VII+448 1901 г.— Ц. 1 р. 50 к.

Буасье, Гастонъ. *Цицеронъ и его друзья*. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Пер. ***Маріи Корсакъ***. Стр. 340.—1880 г. Ц. 2 р.

Его-же. *Паденіе язычества*. Изслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы на Западѣ въ IV вѣкѣ. Пер. подъ редакціей и съ предисловіемъ ***М. С. Корелина***. Съ алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ. Стр. XX+584.—1892 г. Ц. 4 р.

Вейсъ, Германъ. *Внѣшній бытъ народовъ* съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Т. III. Ч. I. (съ XIV по XVI стол.), съ 900 рис.

Пер. ***В. Чаева.*** Введеніе II. Указ. рисун. Стр. 343.—1877. Ц. 4 р.— Т. III. Ч. 2. Съ 16 стол. до настоящ. врем. Пер. ***В. Чаева.*** Съ 900 изобр.—Указ. рисун. Стр. 449.—1879. Ц. 4 р.

Викторовъ, П. *Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ.—Выпускъ первый.* Общія основы нормальныхъ и болѣзненныхъ настроеній въ связи съ ихъ отношеніемъ къ мимикѣ, поведенію, усовершенствованію и вырожденію личности. Стр. XI+181.—1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вильсонъ, Э. *Роль Клѣтки въ развитіи и наслѣдственности* (съ рисунками въ текстѣ). Пер. ***В. Линдемана.*** Предисловіе и указатель рисунковъ. I—XIX+460—Ц. 2 р. 50 к.

Гаймъ, Р. *Романическая школа въ Германіи.* Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Пер. ***В. Невѣдомскаго.*** Съ дополненіями, поправками и алфавитнымъ указателемъ. Стр. X+774+XI.—1891 г. Ц. 5 р.

Его-же. *Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Описаніе его жизни и характеристика.* Пер. съ нѣмецкаго Стр. XVI+529 Приложеніе **Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ**: *О границахъ дѣятельности государства.* Стр. VIII+166 —1899. Ц. 3 р.

фонъ-**Гартманъ**, Эдуардъ. *Сущность мірового процесса или философіи безсознательнаго.* По 4-му изданію. Полное изложеніе. системы. ***А. А. Козлова.*** *Выпускъ второй* и послѣдній. Стр. V+431.—1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гаспари, Адольфъ. *Исторія итальянской литературы.* Пер. ***К. Бальмонта.*** *Томъ I.* Итальянская литература среднихъ вѣковъ. Съ библіографическими и критическими замѣтками и алфавитнымъ указателемъ. Стр. 406+LXXVIII.—1895 г. Ц. 3 р.—*Томъ II.* Итальянская литература эпохи Возрожденія. Стр. 580 и приложеній съ указателемъ I—LXXXIV.—1897. Ц. 3 р.

Гервинусъ, Г. Г. *Автобіогрфія.* Съ четырьмя портретами. Предисловіе, приложенія и указатель собственныхъ именъ Пер. ***Эдуарда Циммермана.*** Стр. VII+357.—1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герцбергъ, Г. Ф. *Исторія Византіи.* Переводъ, примѣчанія и приложенія ***П. В. Безобразова.*** Съ рисунками. Стр. IX+674.—1894 г. Ц. 4 р.

Геттнеръ, Г. *Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ III.* Нѣмецкая литература. *Книга I.* 1678—1740 р. Пер. ***А. Пыпина*** и ***А. Плещеева.*** Стр. 383.—1872 г. Ц. 2 р.

Гиббонъ, Эдуардъ. *Исторія упадка и разрушенія римской имперіи.* Изд. ***Джорджа Белля.*** 1877 г. Съ примѣчаніями ***Гизо, Венка, Штрейтера, Гуго*** и др. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** Съ портретомъ автора. Предисловіе англійскаго издателя. Письмо ***Гизо*** къ его переводу (изд. 1828). Письмо ***Сюара*** къ ***Гизо.***—Очеркъ жизни и характера ***Гиббона*** (Пер. съ очерка, написаннаго ***Гизо***). Предисловіе ***Гиббона*** къ 1-ой части изданія in 4°, къ первому изданію in 8° и къ 1-й части.—*Части: I.* Стр. XLI+543.—1883 г. Ц. 4 р.—*II.* Стр. 383.—1883 г. Ц. 4 р.—*III.* Стр. 592.—1884 г. Ц. 4 р.—*IV.* Стр. 588.—1884 г. Ц. 3 р. 50 к.—*V.* Стр. 570.—1885 г. Ц. 3 р. 50 к.—*VI.* Стр. 613—1885 г. Ц. 3 р. 50 к.—*VII.* Съ заключеніемъ и указателемъ именъ и событій. Стр. CXXI+511.—1886 г. Ц. 3 р. 50 к.—Ц. за 7 томовъ 26 р.

Гнейстъ, Рудольфъ. *Исторія государственныхъ учрежденій въ Англіи (Englische Verfassungsgeschichte).* Пер. подъ редакціей ***С. А. Венгерова.*** *Періоды: I.* Англосаксонская эпоха.—*II.* Англонорманское ленное государство.—*III.* Эпоха государственныхъ чиновъ.—*IV.* Эпоха Тюдоровъ и реформаціи.—*V.* Стюарты и конституціонная борьба.—*VI.* Парламентское правленіе XVIII стол. Стр. 857+X.—1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Гобсонъ, А. *Джонъ Рёскинъ, какъ соціальный реформаторъ.* Пер. ***П. Николаева.*** Стр. X—336.—1899 г. Ц. 1 р.

Гомеръ. *Иліада.* Пер. ***Н. М. Минскаго.*** Стр. X+416.—1896 г. Ц. 75 к.

Горнъ, Фридрихъ. *Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.* Съ прилож. этюда ***Ф. Швейцера:*** «Скандинавское творчество новѣйшаго времени». Пер. ***К. Бальмонта.*** Съ алфавитнымъ указателемъ именъ. Стр. II+409+VI —1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Грегуаръ, Л. *Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ.* Съ приложеніемъ «Введенія» и «Дополненій». Пер. ***М. В. Лучицкой,*** подъ редакціей ***И. В. Лучицкаго.***—*Томъ первый.* Введеніе: очеркъ исторіи реставраціи по ***Эрнесту Додэ*** и исторіи Франціи съ 1830 по 1832 г. Стр. XXI+612.—1893 г. Ц. 4 р.—*Томъ второй*: іюльская монархія съ 1832 по 1848 г.—Февральская революція. Стр. XXVI+648.—1894 г. Ц. 4 р.—*Томъ третій*: Съ февральской революціи по 1862 г. Стр. XXII+698.—1896 г. Ц. 4 р.—*Томъ четвертый.* Послѣднее десятилѣтіе имперіи. Война 1870—71 г. Дополненія: коммуна третьей республики до окончат. утвержденія ея въ 1879 г.—Стр. XXIII+695—1897 г. Ц. 4 р.

Гринъ, Джонъ Ричардъ. *Исторія англійскаго народа.* Пер. ***П. Николаева.***—*Томъ первый*—съ 449 по 1461 годъ. Стр. 450.—1891 г. Ц. 3 р.—*Томъ второй*—съ 1461 по 1603 годъ. Стр. 396.—1892 г. Ц. 2 р. 50 к.—*Томъ третій*—съ 1603 по 1683 годъ. Стр. 365.—1892 г. Ц. 2 р. 50 к.—*Томъ четвертый*—съ 1683 по 1815 годъ.—Съ алфавитнымъ указателемъ. Стр. 308+CXIII.—1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. *Исторія современной литературы въ Испаніи.* Пер. ***Ю. В. Доппельмайеръ.*** Съ алфавитнымъ указателемъ. Стр. IV++362+V.—1892 г. Ц. 2 р.

Дройзенъ, I. Г. *Исторія эллинизма.* Пер. съ французскаго, дополненнаго авторомъ изданія, подъ редакціей ***А. Буше-Леклерка.***—Томъ

первый: исторія Александра Великаго. Пер. ***М. Шелгунова.*** Съ приложеніемъ. Стр. III+399. Примѣчанія стр. 185.—1891 г. Ц. 3 р. 50 к.— *Томъ второй*: исторія діадоховъ. Пер. ***М. Шелгунова.*** Стр. 385. Примѣчанія стр. 104. Приложенія. Стр. 13.—1893 г. Ц. 3 р.—*Томъ третій*: исторія эпигоновъ. Пер. ***Э. Циммермана.*** Стр. IV+508. Примѣчанія. Стр. 117. Алфавитный указатель именъ и содержаніе сочиненія. Стр. 508. Примѣчанія 117 стр. Алфавитный указатель LXXXII стр.—1893 г. Ц. 4 р. 50 к.

Давидъ-Соважо, А. *Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ.* Трудъ, увѣнчанный парижской академіей моральныхъ и политическихъ наукъ. Пер. ***А. Серебряновой.***—Извлеченіе изъ доклада ***С. Марта.*** Стр. XII+350.—1891. Ц. 2 р.

Забѣлинъ, И. *Кунцево и древній Сѣтунскій станъ.* Историческія воспоминанія. Съ портр. боярина ***Л. К. Нарышкина.*** Списокъ разстояній селеній Сѣтунскаго стана. Стр. 257.—1873 г. Ц. 2 р.

Іодль, Фридрихъ. Профессоръ философіи въ пражскомъ университетѣ *Исторія этики въ новой философіи. Томъ первый*: до конца восемнадцатаго вѣка (съ двумя вводными главами о греко-римской и христіанской этикѣ). Отъ редактора перевода.—Предисловіе автора.—Примѣчанія. Стр. XVI+284+71.—1896 г. Ц. 2 р. *Томъ второй.* Кантъ и этика въ 19 столѣтіи. Переводъ подъ редакціей ***Владиміра Соловьева.*** Предисловіе отъ автора. Примѣчанія. Стр. XVI+401+108.—1898 г. Ц. 2 р.

Ингрэмъ, Джонъ. *Исторія политической экономіи.* Пер. ***А. Н. Миклашевскаго***, съ библіографическими и другими примѣчаніями и указателемъ именъ. Второе изданіе. Стр. VIII+352+VIII.—1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каронинъ, (Н. Е. Петропавловскій). *Собраніе сочиненій.* Съ портретомъ, факсимиле и біографич. очеркомъ. Редакція ***А. А. Попова.*** *Томъ I.* Стр. XI+714.—*Томъ II.* Стр. 734. М. 1899 г. Ц. за оба тома 3 р.

Карріеръ, Морицъ: *Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества.* Пер. ***Е. Корша.*** Т. I. Зачатки культуры и восточная древность. Введеніе. Стр. 445.—1870. Ц. 3 р.— Т. II. Эллада и Римъ. Предисловіе IV. Стр. 484.—1871. Ц. 3 р. 50 к. —Т. III. Возрожденіе и реформація въ образованіи, искусствѣ и литературѣ. Предисловіе II.—Введеніе. (Стр. 551.—1874. Ц. 5 р. 50 к.— Т. IV. Пора духовнаго разсвѣта.—Предисловіе II. Введеніе. Стр. 548. —1875. Ц. 4 р.

Ковалевскій, Максимъ. *Происхожденіе современной демократіи.*— *Томъ III.* Народная монархія. Стр. 334.—1897 г. Ц. 2 р.— *Томъ IV.* Венеціанская демократія. Предисловіе автора. Стр. XI+352.—1897 г. Ц. 2 р. *Томъ I, часть III и IV.* Общественныя и политическія доктрины XVIII вѣка.—Политическія доктрины. Изданіе второе исправленное и дополненное. Стр. VI—577—1899. Ц. 2 р. 50 к.

Томъ I, часть I и II. Общественный строй Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка.—Политическій строй Франціи наканунѣ революціи. Изданіе второе исправленное и дополненное. Стр. XII+688.—1901 г. Ц. 3 р.

Его-же. *Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. I.* Стр. XXXVI+712 Ц. 2 р. 50 к., т. II стр. 998 ц. 2 р.

Куглеръ, Францъ. *Руководство къ исторіи искусства.* Съ четвертаго изд., обработаннаго ***Вильгельмомъ Любке.*** Пер. ***Е. Ѳ. Корша.*** Ц. 5 р.— *Часть вторая* съ 167 рисунками въ текстѣ—до настоящаго времени. Съ мѣстнымъ указателемъ художественныхъ произведеній. Стр. 633.— 1870 г. Ц. 5 р.

Куно-Фишеръ, Г. Э. *Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы.* Въ двухъ частяхъ. Пер. ***И. П. Рассадина.*** Стр. 185.— 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лависсъ, Эрнестъ, и **Рамбо,** Альфредъ. *Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени. Томъ I.* Зачатки средневѣкового строя. Съ 395—1095 годъ. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.***—Римскій и варварскій міръ.— Папская власть.—Италія.—Распространеніе христіанства.—Королинги.— Арабы и Исламъ.—Франція.—Германія.—Британскіе острова.—Восточная Европа.—Славяне. Стр. VI+820.—1896 г. Ц. 3 р.— *Томъ II.* Феодальная эпоха. Крестовые походы. 1095—1270 г. Пер. ***М. О. Гершензона.***—Папство и церковь.—Европейскія государства до конца XIII в.—Перевороты въ Азіи. Монголы. Стр. XV+885 г.— 1897 г. Ц. 3 р.—*Томъ III.* Образованіе большихъ государствъ. 1270—1492. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.***—Королевская власть во Франціи.—Столѣтняя война.—Англія.—Нидерланды.—Испанія.—Италія: Возрожденіе.—Германія.—Скандинавія.—Восточная Европа.—Тамерланъ. Стр. XXI+993.—1897 г. Ц. 3 р. *Томъ IV.* Возрожденіе и Реформація; Новый Свѣтъ. 1492—1559. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.***— Италія въ эпоху возрожденія.—Итальянскія войны.—Франція.—Преобразованія политическія и общественныя.—Экономическій прогрессъ, земледѣліе, промышленность, торговля.—Французская литература.— Искусство въ Европѣ.—Науки.—Испанія.—Германія и реформація.— Швейцарія.—Реформаціи во Франціи.—Англія въ царствованіе Генриха VII.—Англія и реформація.—Скандинавскія королевства.—Венгрія.—Польша подъ управленіемъ послѣднихъ Ягеллоновъ.—Оттоманская Имперія.—Революція въ сѣверной Америкѣ.—Индостанъ.—Имперія Великаго Могола.—Португальцы.—Америка. Ея открытіе и первыя европейскія колоніи. Стр. XXII+933. 1898 г. Ц. 3 р.—*Т. V.* Религіозныя войны. 1559—1648 Пер. ***В. Невѣдомскаго.***—Гл. I—XXII. Римское правительство и католическая реформація.—Царствованіе Филиппа II.—Религіозныя войны во Франціи о Нидерландахъ.—Окончательное введеніе протестантства въ Англіи и Шотландіи.—Возстановленіе внутренняго спокойствія и улучшеніе эконо-

мическаго положенія во Франціи. — Людовикъ XIII и Ришельё. — Французская литература. — Искусство и науки въ Европѣ. — Германская и тридцатилѣтняя война. — Стюарты и революція въ Англіи. — Испанія при преемникахъ Филиппа II. — Италія подъ владычествомъ Испаніи. — Польша. — Румыны. — Венгрія и Трансильванія. — Оттоманская имперія. — Крайній Востокъ. — Америка. — Стр. XX+880. — Ц. 3 р. *Т. VI.* Людовикъ XIV. 1643—1715. Гл. I—XXV. Франція. — Англійская республика. — Людовикъ XIV. — Дипломатія и войны. — Абсолютная монархія. — Экономическое положеніе Франціи. — Католическая церковь. — Протестанты въ царствованіе Людовика XIV. — Французская литература. — Искусство въ Европѣ. — Наука въ Европѣ. — Англія. — Соединенныя провинціи. — Испанія. — Итальянскія государства. — Германія. — Венгрія. — Скандинавскія государства. — Польша. — Война за Испанское наслѣдство. — Сѣверная война. — Оттоманская имперія. — Индостанъ. — Имперія великихъ Моголовъ. — Крайній востокъ. — Америка. — Стр. XXII—872. — 1899 г. Ц. 3 р. *Т. VII.* Первые годы царствованія Людовика XV. Европа послѣ заключенія утрехтскихъ мирныхъ договоровъ. Война за польское наслѣдство и восточная война. Война за австрійское наслѣдство. Семилѣтняя война въ Европѣ. Индостанъ. Людовикъ XV. Россія при преемникахъ Петра Великаго. Екатерина II. Америка. Европейская политика. Людовикъ XVI. Экономическое состояніе Франціи. Французская литература. Науки въ Европѣ. Искусство въ Европѣ. Католическая церковь. Англія при первыхъ Трехъ Георгахъ. Германія. Венгрія и Трансильванія. Италія. Испанія и Португалія. Скандинавскія государства. Стр. XXIV+977. — 1901 г. — ц. 3 р.

Лампрехтъ, Карлъ. *Исторія германскаго народа.* Пер. ***П. Николаева.*** *Томъ первый. Часть I и II.* до XI в. Стр. XXII+608. — 1894 г. Ц. 4 р. — *Томъ второй. Части III и IV* до XIV вѣка. Стр. XXII+656. — 1895 г. Ц. 4 р. — *Томъ третій. Часть V,* до XVII вѣка. Стр. XVIII+545. — 1896 г. Ц. 3 р.

Лансонъ, Гюставъ. *Исторія французской литературы.* Со второго французскаго изданія, пересмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ. *Томъ I.* До XVIII вѣка. — Предисловіе автора. Стр. 788 — 1897. Ц. 3 р. 50 к. Том. II. *Восемнадцатый вѣкъ и современная эпоха.* Стр. 638. — 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Леббокъ, Джонъ. *Красота природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ.* Пер. подъ редакціей проф. *А. П. Павлова.* Съ 36 политипажами. Стр. 255—1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лессингъ, Г. Э. *Гамбургская драматургія.* Пер. ***И. П. Рассадина.*** Съ предисловіемъ, примѣчаніями разныхъ комментаторовъ и алфавитнымъ спискомъ именъ писателей и названій нѣкоторыхъ лицъ и предметовъ, встрѣчающихся въ «Драматургіи». Отъ переводчика. Статей С. Стр. 8+503+XVII. — 1883 г. Ц. 3 р.

Лотце, Германъ. *Микрокозмъ.* Мысли естественной и бытовой исторіи человѣчества. Опытъ антропологіи. Пер. ***Е. Корша.*** *Часть первая.* 1. Душа. 2. Тѣло. 3. Жизнь. — Отъ переводчика. — Отъ автора. Стр. XVI+XXX+509. — 1866 г. Ц. 2 р. — *Часть вторая.* 4. Человѣкъ. 5 Духъ. 6. Ходъ міра. Стр. 529. — 1866 г. Ц. 2 р. — *Часть третья.* 7. Исторія. 8. Прогрессъ. 9. Общая связь вещей между собою. — Стр. 739. — 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.

Любке, Вильгельмъ. *Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени.* Пер. ***В. Чаева.*** Съ 321 рисунками въ текстѣ, предисловіемъ автора, и указателемъ именъ художниковъ и мѣстъ. Стр. IX+668. — 1870 г. Ц. 6 р.

Магаффи, Дж. П. Профессоръ дублинскаго университета. *Исторія классическаго періода греческой литиертуры.* Пер. ***Александры Веселовской.*** *Томъ первый.* Поэзія. Съ приложеніемъ статьи проф. Сэйса о поэмахъ Гомера. Предисловіе и приложенія. Стр. VII+460+32. — 1882 г. Ц. 3 р. — *Томъ второй.* Проза. Съ указателемъ личныхъ именъ въ обоихъ томахъ. Стр. 725+XIV. — 1883 г. Ц. 3 р.

Марта, Констанъ. *Филосфы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи* Пер. ***М. Карсанъ.*** Съ предисловіемъ къ 1 и 2-му изданію. Стр. 380. — 1880 г. Ц. 2 р.

Масарикъ. *Философскія и соціологическія основанія марксизма.* Этюды по соціальному вопросу. Пер. съ нѣмецкаго ***П. Николаева.*** Стр. XII+536. — 1900 г. Ц. 2 р.

Маурерь, Георгъ Людвигъ. *Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти.* Пер. ***В. Корша.*** Съ предисловіемъ автора. Стр. IV+360. — 1880 г. Ц. 2 р. 75 к.

Моммсенъ, Θ. *Римская исторія.* — Т. I. До битвы при Пиднѣ. Съ военной картой Италіи. — Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** Стр. 941. — 1887 г. Ц. 6 р. — Т. II и III. Съ шестого изд. Пер ***Н. Д. Ахшарумова*** и ***Н. А. Веселовскаго.*** Предисловіе. Стр. 539. — 1880. Ц. 7 р. — Т. V. Провинція съ временъ Цезаря, до временъ Діоклетіана. Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** Предисловіе. Стр. XII+648. — 1885. Ц. 3 р. 50 к.

Морлей, Джонъ. *Руссо.* Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** Примѣчанія къ первому изданію. Указатель именъ и предметовъ. Стр. 443+XIX. — 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

Морлей, Джонъ. *Дидро и энциклопедисты.* Пер. ***В. Н. Невѣдомскаго.*** Предисловіе и приложенія. Стр. 503. — 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мюллеръ, М. Шесть системъ индѣйской философіи. Переводъ съ Англійскаго П. Николаева. Стр. X_2+397. — 1901 г. — Ц. 2 р.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія въ 2 том. Ц. 3 р.

Ностицъ, Гансъ. Рабочій классъ Англіи въ девятнадцатомъ столѣтіи. Изъ общественной исторіи нашего времени. Перев. съ нѣмец. П. Николаева. стр. XIX+741—1902 г. Ц. 3 р.

Парксъ, Генрихъ. *Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи.* Съ двумя портретами автора. Пер. ***В. Невѣдомскаго.*** Предисловіе автора. Стр. II+VIII+452. — 1894 г. Ц. 3 р.

Пелисье, Жоржъ. *Литературное движеніе въ XIX столѣтіи.* Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. Пер. ***Ю. В. Доппельмайеръ.*** Съ алфавитнымъ указателемъ. Стр. 410+II.—1895 г. Ц. 2 р.

Пешель, Оскаръ. *Исторія эпохи открытій.* Пер. со 2-го изданія ***Э. Циммермана.*** Предисловіе нѣмецкихъ издателей. Стр. IX+483.—1885 г Ц. 3 р.

Платонъ. *Творенія.* Пер. съ греч. ***Владиміра Соловьева.*** *Томъ первый.* Посв. ***А. А. Фету.*** Пред. перев. V—XII.—Жизнь и произведенія Платона (Предварительный очеркъ). Стр. 1—30.—Отдѣлъ первый (Сократическіе діалоги).—М. 1899.—Ц. 1 р. 50 к.

Рибо, Т. *Современная англійская психологія.* (Опытная школа). Пер. со второго, дополненнаго изданія. Редакція перевода и критическій этюдъ ***П. Д. Боборыкина.*** Стр. XXVIII+345.—1881 г. Ц. 2 р.

Риль, А. Профессоръ. *Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма.* Пер. ***Е. Корша.*** «Отъ переводчика» и предисловіе автора. Стр. VII+426+VIII.—1888 г. Ц. 2 р.

Страбонъ. *Географія.* Въ семнадцати книгахъ. Пер. съ предисловіемъ и указателемъ ***Ѳ. Г. Мищенко.*** Стр. 856+CCLXXVII.—1879 г. Ц. 10 р.

Тикноръ. *Исторія испанской литературы.* Пер. съ 4-го изданія ***Н. И. Стороженко.*** Съ біографическимъ очеркомъ, примѣчаніями, библіографическимъ указателемъ и т. д. *Томъ первый.* Первый періодъ — отъ начала письменности до первой половины царствованія Карла V или отъ конца XII ст. до начала XVI. Второй періодъ—отъ вступленія на престолъ австрійскаго дома до его прекращенія, или отъ начала XVI до конца XVII в. Стр. LIII+435.—1883 г. Ц. 3 р.— *Томъ второй.* Пер. подъ редакціей ***Н. И. Стороженко.*** Второй періодъ — продолженіе. Стр. 448.—1886 г. Ц. 3 р.—*Третій томъ.* Пер. подъ редакціей ***Н. И. Стороженко.***—Конецъ второго періода и третій періодъ — отъ восшествія на престолъ бурбонской династіи до воцаренія Наполеона, или отъ начала XVIII до начала XIX в.—Восемь приложеній.— Алфавитный указатель. Стр. 409+CII.—1891 годъ. Ц. 3 р. 50 к.

Токвиль, Алексисъ. *Воспоминанія,* изданныя графомъ ***Токвилемъ.*** Пер. ***В. Невѣдомскаго.*** Съ предисловіемъ гр. ***Токвиля*** и приложеніями. Стр. 319.—1893 г. Ц. 2 р.

Трайль, Г. Д. *Общественная жизнь Англіи.* Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи съ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.—*Томъ I.* Отъ древнѣйшаго времени до восшествія на престолъ Эдуарда I. Пер. ***Л. Ч.,*** подъ редакціей ***П. Николаева.*** — Введеніе ***Трайля.*** Стр. 471.—1896 г. Ц. 3 р.—*Томъ II.* Отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 497.—1897 г. Ц. 2 р. 50 к. *Томъ III.* Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 514.—1897 г. Ц. 2 р. 50 к *Томъ IV.* Отъ воцаренія Іакова I до смерти Анны. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 537.—1898 г. Ц. 2 р. 50 к. *Томъ V.* Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 544.—1898. Ц. 2 р. 50 к. *Томъ VI.* Съ 1815 года до общихъ выборовъ 1855 года. Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 588—1899 г. Ц. 3 р.

Тьюкъ Хэкъ. *Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка.* Пер. ***П. Викторова.*** «Отъ переводчика». Вступленіе автора. Стр. V+391.—1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, И. *Титъ Ливій.* Критическое изслѣдованіе. Пер. съ франц. ***Е. И. Герье.*** Подъ ред. и съ примѣчаніями ***В. И. Герье.*** Съ очеркомъ научной дѣятельности Тэна. Стр. XLIV×398.—1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Финлей, Георгъ. *Греція подъ римскимъ владычествомъ со времени завоеванія римлянами до паденія имперіи ихъ на Востокѣ* 146 г. до Р. Х.—717 г. по Р. Х. Пер. ***Софьи Никитенко.*** Предисловіе къ первому изданію 1843 г. Хронологія.—Каталогъ изданій византійскихъ историковъ. напечатанныхъ въ Парижѣ и перепечатанныхъ въ Венеціи, съ прибавленіями, необходимыми для его полноты.— Стр. XVIII+444.—1877 г. Ц. 4 р.

Фиске, Джонъ. *Открытіе Америки съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія.* Въ двухъ томахъ. Пер. ***П. Николаева.*** Посвящается ***Эдуарду Августу Фриману.*** Предисловіе автора. *Томъ I.* Древняя Америка. Морскіе пути до Колумба и его путешествіе. Стр. 339+IX.—1892. Ц. 2 р.—*Томъ II.* «Новый міръ» Завоеваніе Мексики и Перу. Лосъ Казасъ. Общіе выводы. Съ картой новыхъ открытій, составленной въ 1500 г. ***Хуаномъ де-ла-Коза.*** Стр. 372+IX.—1893. Ц. 2 р.

Фонъ-Фрикенъ. А. *Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанства.* Съ рисунками. Посвящено памяти ***В. П. Боткина.*** *Часть первая.* Римскія катакомбы.—Стр. 189.—1873 г. Ц. 1 р.— *Часть вторая.* Надписи и символическія изображенія. Стр. 250.—1877 г. Ц. 1 р. 50 к.—*Часть третья.* Изображеніе Спасителя, Богоматери и апостоловъ первыхъ христіанъ. Стр. 190. — 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.—*Часть четвертая.* Живопись и пластика у первыхъ христіанъ Запада и Востока. Стр. 403.—1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. *Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Часть первая.* Посвящено ***К. Т. Солдатенкову.*** Стр. 310.—1891 г. Ц. 2 р.— *Часть вторая.* Стр. 313+II.—1895 г. Ц. 2 р. *Часть третья.* Стр. 358.—1898 г. Ц. 2 р. *Часть четвертая.* Стр: 312.—1901 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. *Историческая географія Европы.* Пер. ***М. В. Лучицкой,*** подъ редакціей профессора ***И. В. Лучицкаго*** М. 1892 г. *Томъ I.* Текстъ. Предисловіе ***И. Л.*** и предисловіе автора V.— Систематическое оглавленіе. Стр. XXXIX — 433. «Алфавитный указатель». Стр. XXXI.—*Томъ II.* 74 карты въ хронологическомъ порядкѣ, съ объяснительнымъ текстомъ. 1892 г. Ц. за два тома 6 р.

Его же. *Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 г.* съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи.— Главные періоды европейской исторіи. *Шесть лекцій 1895 г.*, съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Пер. ***П. Николаева.*** Отъ переводчика. — Предисловіе автора. Стр. V+338.—1893 г. Ц. 2 р.

Фуллье, Альфонсъ. *Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ.* Пер. ***П. Николаева.*** Стр. 535.—1895 г. Ц. 3 р.

Шекспиръ. *Драматическія сочиненія.* Пер. ***Н. Кетчера,*** выправленныя и пополненныя по найденному ***Пэнъ Кльеромъ*** старому экземпляру in folio 1632 г. *Часть 1.* Король Іоаннъ.— Ричардъ II.— Генрихъ IV. Стр. 408. 1862 г. — *Часть 2.* Генрихъ V.— Генрихъ VI. Стр. 421. 1863 г. — *Часть 3.* Ричардъ III. — Генрихъ VIII. — Комедія ошибокъ. — Макбетъ. Стр. 380. 1864 г.— *Часть 4.* Укрощеніе строптивой. — Коріоланъ. — Все хорошо, что хорошо кончится.—Отелло.—Стр. 445. 1864 г.—*Часть 5.* Тимонъ Аѳинскій. — Два Веронца. — Юлій Цезарь. — Антоній и Клеопатра. Стр. 376.—1863 г.—*Часть 6.* Зимняя сказка.—Троилъ и Кресида.— Виндзорскія проказницы.—Ромео и Джульетта. Стр. 437. 1866 г.— *Часть 7.* Крещенская ночь.—Гамлетъ.—Тщетный трудъ любви.— Мѣра за мѣру. Стр. 433. 1873 г.—*Часть 8.* Король Лиръ.—Много шуму по пустому. — Цимбелинъ. — Какъ вамъ угодно. Стр. 444. 1877.—*Часть 9.* Буря.—Венеціанскій купецъ.—Въ ночь на Ивана сновидѣніе.—Титъ Андроникъ.—Периклъ. Стр. 402. 1879 г.—Цѣна каждой части 1 р., послѣдней 2 р.

Шоу, Альбертъ. *Городскія управленія въ Западной Европѣ.* Пер. ***А. В. Бяловескаго.***—Отъ переводчика.—Предисловіе автора.—*Часть первая.* Городскія управленія въ Великобританіи.—*Часть вторая.* Очерки городскаго хозяйства на материкѣ Европы.— Стр. VII+3+651.—1899. Ц. 2 р. 50 к.

Штейнъ, Л. *Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія.* Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Пер. съ нѣмецкаго ***П. Николаева.*** Стр. XX+708.—1899 г. Ц. 3 р.

Эндрьюсъ, И. М. *Историческое развитіе современной Европы отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени.* Пер. съ англійскаго ***М. В. Лучицкой,*** подъ редакціей ***И. В. Лучицкаго.*** Томъ I. Стр. VIII—355.— Томъ II стр. VIII--346. Указатель на оба тома стр. XXII. 1899 г. Ц. 3 р.

Эсменъ, А. *Основныя начала государственнаго права.* Пер. съ французскаго Н. К., подъ редакціей и съ предисловіемъ ***М. Ковалевскаго.*** *Томъ I.* Предисловіе. Введеніе. Текстъ. Приложенія. Стр. X+450. 1898 г. Ц. 1 р. *Томъ II.* Стр. VIII+399. 1899 г. Ц. 1 р.

Библіотека экономистовъ.

Общія объясненія редакторовъ „Библіотеки", **М. П. Щепкина** и **И. А. Вернера,** см. въ I выпускѣ изданія.

Давидъ Рикардо. Выбранныя мѣста изъ его сочиненій. Съ портр. автора.—Жизнь и труды Рикардо и библіографическій указатель его сочиненій. Пер. ***Н. В. Фабриканта.*** *Выпускъ II.*—1895 г. Ц. 1 р.

Т. Р. Мальтусъ. *Опыты закона о народонаселеніи.* Пер. ***И. А. Вернера.*** *Выпускъ III.* Съ предисловіемъ редакторовъ «Библіотеки» и статьею переводчика о жизни и трудахъ Мальтуса. Стр. LXIV+ +249.—1895 г. Ц. 1 р.

Джонъ Сюартъ Милль. *Основныя начала политической экономіи.* Съ портр. автора. *Выпускъ IV.* Пер. ***А. Н. Миклашевскаго,*** со статьею переводчика о жизни и трудахъ Милля.—1895 г. Ц. 1 р.

Давидъ Юмъ—*Опыты* и **Іеремія Бентамъ**—*Принципы законодательства.*—О вліяніи условій времени и мѣста на законодательства.— Руководство политической экономіи. Съ портр. авторовъ. *Выпускъ V.*—Съ автобіографіей Юма, статьею ***Леона Сэ.***—«Юмъ, какъ экономистъ», съ библіографіей. — «Жизнь и дѣятельность Бентама». ***С. Рафаловичъ.*** Дополненія ред. и библіографія соч. Бентама Стр. XXVIII+119 и XLIII+136. Оба автора въ одномъ выпускѣ. Пер. ***М. О. Гершензона.*** 1896 г. Ц. 1 р.

Франсуа Кенэ. Выбранныя мѣста. Съ портр. автора.— Объясненія отъ редакціи «Библіотеки». Ст. «Жизнь и произведенія ***Франсуа Кенэ***», ***Александра Миклашевскаго,*** съ полнымъ спискомъ экономическихъ и философскихъ произведеній Кенэ. Въ приложеніи Tableau Economique. *Выпускъ VI.* Стр. LII+279.—1896 г. Ц. 1 р.

Жанъ Батистъ Сэ. *Трактатъ политической экономіи.* Пер. ***Е. Н. Каменецкой.*** Съ портр. авт. Съ объясненіемъ отъ редакціи и ст. «Жизнь и труды». ***Ж.-Б. Сэ.*** Стр. XXI+112.—**Фредерикъ Бастіа.** Кобденъ и Лига.—Экономическіе софизмы и Гармоніи.—Что видно и чего не видать Пер. ***З. С. Яновской,*** со статьею «Жизнь и труды Бастіа» и библіографическимъ спискомъ. Стр. XVI+240.— Оба писателя въ одномъ *VII выпускѣ.*—1896 г. Ц. 1 р.

Ж. Симондъ де-Сисмонди. *Новыя начала политической экономіи.* Пер. ***Б. О. Эфруси.*** Съ портр. автора и ст. переводчика — «Жизнь и труды С. де-Сисмонди». *Выпускъ VIII.* Стр. LVIII+292.—1897 г. Ц. 1 р.

Д. Э. Кэрнсъ. Выбранныя мѣста. Съ портр. автора. Логическій методъ. пол. экон. Стр. 127.—Основные принципы и цѣнность. Стр. 147.—Международная торговля. Стр. 80.—Со. ст. «Жизнь и сочиненія Д. Э. Кэрнса». Стр. XXXI.—1897. Ц. 1 р.—Пер. ***Туганъ-Барановскаго.*** *Выпускъ IX.*

Ричардъ Кобденъ. *Лига и борьба противъ хлѣбныхъ законовъ.—Рѣчи Кобдена въ парламентѣ и на митингахъ* Пер. ***Е. Н. Каменецкой.*** Съ предисл. ***М. П. Щепкина***. Вып. X. Стр. LVIII+314. 1899 г. Ц. 1 р.

Шмоллеръ, Густавъ. Народное хозяйство, наука о народномъ хозяйствѣ и ея методы—хозяйство, нравы и право.—Раздѣленіе труда. Переводъ проф. ***В. М. Нечаева.*** Вступительная статья проф. ***А. А. Мануилова.*** Выпускъ XI—Стр. XII+368.—1902 г. Цѣна 1 руб.

Дозволено цензурой.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., соб. домъ.

ТВОРЕНІЯ ПЛАТОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

Владиміра Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1903.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже два года пролетѣли послѣ смерти В. С. Соловьева и чѣмъ болѣе мы отъ него удаляемся, тѣмъ больше и выше поднимается его образъ передъ глазами современниковъ, которые не умѣли достаточно цѣнить его при жизни.

Два года тому назадъ онъ пріѣхалъ въ Москву, уже больной сдать рукопись перевода „Евтидема“ въ типографію,—его послѣдній трудъ, который онъ не успѣлъ докончить, исправить и просмотрѣть. Первые дни своей болѣзни онъ говорилъ объ этомъ переводѣ, и слова его показывали, какъ живо онъ интересовался имъ. Онъ находился подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ китайскихъ событій, которыя онъ предсказывалъ до ихъ наступленія и въ которыхъ онъ видѣлъ первыхъ грозныхъ предвѣстниковъ суда Божія, развязки великой драмы всемірной исторіи. Чувство приближающагося конца связывалось въ немъ съ апокалиптическими представленіями, которыя сильнѣе чѣмъ когда-либо привлекали его въ послѣдніе годы его жизни. И онъ сравнивалъ конецъ восемнадцатаго съ концемъ девятнадцатаго вѣка, конецъ стараго порядка въ Европѣ съ тѣмъ, что являлось ему концемъ великой магистрали европейской „всеобщей исторіи“. „Какъ же при этомъ заниматься Платономъ, если конецъ Европѣ настаетъ“, сказалъ я ему полушутя: „стоитъ ли это дѣлать, если китайцы все возьмутъ?“ — „Этимъ стоитъ заниматься отвѣчалъ онъ: „надо, что-бы было еще, что брать!.. То, что сдѣлано европейскими народами въ области политической, въ дѣлѣ государственнаго и общественнаго устройства человѣческихъ отношеній, это погибнетъ, потому что построено на ложномъ основаніи и потому что христіанство ихъ мнимое,... а дѣланіе грековъ было въ области вѣчныхъ формъ истины и красоты... это останется“. И мысль о сдѣланномъ

переводѣ возвращалась къ больному вмѣстѣ съ образами китайцевъ: онъ видѣлъ во снѣ Ли-хунъ-Чана, который говорилъ ему по гречески:

ἤματί κεν τριτάτῳ Φθίην ἐρίβωλον ἵκοιο

(на третій день ты прибудешь въ плодородную Фтію) *).

Владиміръ Сергѣевичъ не дѣлалъ никакой серьезной работы, въ особенности такой крупной, какъ предпринятый переводъ, безъ глубокаго убѣжденія въ важномъ значеніи и пользѣ своего дѣла. Какъ и съ другими работами, онъ торопился съ этимъ переводомъ, считая себя какъ бы призваннымъ его сдѣлать. Онъ говоритъ въ предисловіи къ первому тому, что ему будто слышался знакомый голосъ покойнаго Фета, зовущій его къ „*предназначенному*" труду.

И въ этомъ призваніи онъ не ошибался, хотя смерть помѣшала ему продолжить начатое дѣло. Врядъ ли кто, кромѣ его, могъ бы дѣйствительно „дать русской литературѣ Платона". Превосходные очерки, вступительное и заключительное разсужденія и опыты переводовъ, данные въ первомъ томѣ могутъ отчасти подтвердить это. Но всего болѣе заставляетъ насъ думать это та замѣчательная *конгеніальность*, которая влекла къ Платону нашего философа, и которая вѣроятно заставила покойнаго Фета желать, чтобы именно онъ перевелъ Платона.

Изумительное сочетаніе философскаго творчества съ величайшимъ художествомъ слова, мистическаго умозрѣнія съ самой свободной, смѣлой и сокрушительной діалектикой, всесторонній философскій интересъ, глубокое философско-эстетическое воззрѣніе на природу, вѣра въ то, что идеальный міръ есть не только дѣйствительный, но и долженствующій быть, и стремленіе осуществить этотъ лучшій міръ на землѣ, въ человѣческомъ обществѣ—всѣ эти черты, отличающія Платона, непосредственно совмѣщаются и въ В. Соловьевѣ. Оба мыслителя идеалисты въ самомъ глубокомъ корнѣ своего духовнаго существа, идеалисты по духу и, можно сказать, по темпераменту, — никто глубже Соловьева не понималъ значеніе Платонова „эроса", какъ силы, которая „уже сама по себѣ снимаетъ, по крайней мѣрѣ субъективно, безусловную грань между двумя мірами" (I, 27). Въ обоихъ философахъ идеализмъ отрѣшенный или пессимистическій, вытекающій изъ сознанія глубокой противоположности идеала съ дурною дѣйствительностью, совмѣщается

*) См. ниже стр. 344 сл. Критонъ 44 A — B.

съ положительнымъ идеализмомъ, который коренится въ самой вѣрѣ въ идеалъ абсолютной истины и блага, какъ всемогущаго, божественнаго; эти два противоположныя стремленія борются въ Платонѣ и совмѣщаются въ христіанскомъ идеализмѣ В. Соловьева. Въ господствѣ христіанской идеи заключается несомнѣнное глубокое отличіе какъ философіи Соловьева, такъ и всего его духовнаго строя и самой личной судьбы его въ сравненіи съ великимъ греческимъ мыслителемъ. Но это не помѣшало Соловьеву глубже другихъ заглянуть въ „жизненную драму Платона", которая кончилась крушеніемъ не только внѣшнихъ замысловъ его, но и самого его идеализма. Жизненная драма В. Соловьева есть также драма идеализма—крушеніе его замысловъ и надеждъ о ту „грань между двумя мірами", безусловность которой признавалъ Платонъ и которую до конца отвергалъ нашъ философъ,—ту грань, которая снималась для него субъективно въ чувствѣ и мысли, въ эросѣ и въ философіи. Эта жизненная драма унесла силы Соловьева, но онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ и какъ философъ, и какъ христіанинъ, сохранивъ свои идеалы, вѣруя въ ихъ конечное торжество въ самомъ видимомъ ихъ крушеніи.

„Съ наростаніемъ жизненнаго опыта, говоритъ онъ въ началѣ того же предисловія къ Твореніямъ Платона, безо всякой перемѣны въ существѣ своихъ убѣжденій, я все болѣе и болѣе сомнѣвался въ исполнимости и полезности тѣхъ внѣшнихъ замысловъ, которымъ были отданы мои такъ называемые „лучшіе годы". Разочароваться въ этомъ значило вернуться къ философскимъ занятіямъ, которыя за то время отодвинулись было на задній планъ". Тотъ, кто знаетъ, чѣмъ были „внѣшніе замыслы" автора „Всемірной теократіи", пойметъ и оцѣнитъ глубокій смыслъ этого признанія и спокойную вѣру, высказавшуюся въ этихъ простыхъ словахъ. Убѣдившись въ тщетѣ своихъ внѣшнихъ замысловъ, онъ не усумнился въ всепобѣдной силѣ своего идеала, ни въ его вѣчномъ царствѣ, ни въ томъ, что царство это дѣйствительно приходитъ и восторжествуетъ надъ всякимъ зломъ и неправдой, явится „во славѣ" въ концѣ историческаго процесса. И, смирившись, онъ продолжаетъ служить ему, какъ философъ; онъ обращается съ новой глубиною и силой мысли къ области „вѣчныхъ формъ истиннаго и прекраснаго",—туда, гдѣ передъ духовнымъ взоромъ снимается грань между двумя мірами, гдѣ умозрѣніе предвосхищаетъ сущій идеалъ, долженствующее, достойное быть. Жизненный подвигъ Соловьева, его личное дѣло было кончено,

и онъ отошелъ съ миромъ въ область вѣчнаго, къ Богу, которому онъ служилъ.

Труды его остались не конченными, и кто ихъ кончитъ безъ него? „Творенія Платона"—единственный изъ неоконченныхъ, начатыхъ имъ трудовъ, который можетъ быть доведенъ до конца послѣ него, хотя, конечно, и здѣсь другіе его не замѣнятъ и не дадутъ того своеобразнаго пониманія Платоновой мысли, которое обусловливалось личными особенностями В. С. и тѣмъ непосредственнымъ сродствомъ его съ Платономъ, которое мы отмѣтили.

К. Т. Солдатенковъ, другъ и почитатель В. Соловьева, не долго его пережившій, просилъ насъ съ М. С. Соловьевымъ въ память покойнаго продолжать и довести до конца начатое имъ изданіе Твореній Платона, на что мы изъявили согласіе. Большая часть второго тома была уже готова. Протагоръ, переведенный В. С. Соловьевымъ, вмѣстѣ съ его изслѣдованіемъ о происхожденіи этого діалога, оба Иппія, съ разсужденіями къ нимъ В. С.—были уже напечатаны, а Евтидемъ отданъ въ печать самимъ покойнымъ. Переводъ этого діалога представляется нѣсколько тяжелымъ и неотдѣланнымъ, но М. С. Соловьевъ не рѣшился передѣлывать послѣднюю работу своего брата, предпочитая напечатать ее, какъ она есть, вчернѣ, съ оговоркой, что она не была просмотрѣна и исправлена авторомъ. Я позволилъ себѣ незначительныя поправки на послѣднихъ страницахъ.

Кромѣ Протагора, Иппія Меньшаго и Евтидема всѣ діалоги, помѣщенные въ этомъ томѣ, переведены М. С. Соловьевымъ. Мнѣ принадлежатъ разсужденія къ Евтидему, Евтифрону, Апологіи и Критону, переводъ маленькой Апологіи Ксенофонта и статья о діалогѣ „Протагоръ", помѣщенная въ приложеніи, которую я рѣшаюсь помѣстить, не смотря на частное разногласіе со взглядами Владиміра Сергѣевича по вопросу о происхожденіи этого діалога. Подстрочныя примѣчанія къ переводамъ принадлежатъ переводчикамъ.

Третій томъ, заключающій въ себѣ діалоги Горгій, Менонъ Менексенъ, Федонъ, мы надѣемся выпустить приблизительно черезъ годъ.

Кн. С. Трубецкой.

31 іюля 1902 г.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СОКРАТОВСКАЯ БОРЬБА.

ПРОТАГОРЪ

ИЛИ СОФИСТЫ.

Собесѣдники: ПРІЯТЕЛЬ (Сократа), **СОКРАТЪ**; (въ разсказѣ Сократа, кромѣ него самого:) **ИППОКРАТЪ, ПРОТАГОРЪ, АЛКИВІАДЪ, КАЛЛІЙ, КРИТІЙ, ПРОДИКЪ, ИППІЙ.**

ПРОТАГОРЪ.

I. **Пріятель.** Откуда, Сократъ, являешься? Или и такъ ясно, что съ охоты за созрѣвшею красотой [1]) Алкивіада? Да и мнѣ, какъ видѣлъ я его недавно, еще прекраснымъ показался онъ мужчиной, однако *мужчиной*, Сократъ,—такъ что, между нами сказать, ужь и бородою онъ понемногу обрастаетъ. St. I. p. 309

Сократъ. Такъ что же изъ этого? Развѣ ты не похвалишь Гомера, когда онъ говоритъ, что самая пріятная пора юности—когда подрастаютъ усы [2]),—то самое, что теперь у Алкивіада. B.

Пр. Ну и какъ теперь дѣла? Отъ него ты являешься? И какъ расположенъ къ тебѣ юноша?

Сокр. Хорошо, мнѣ показалось, особенно же въ нынѣшній день; такъ какъ онъ много за меня говорилъ,—на подмогу мнѣ; отъ него я прямо и иду; ну и хочу я тебѣ сказать нѣчто невѣроятное, а именно, что въ его присутствіи я и вниманія на него не обращалъ, а зачастую такъ и просто позабывалъ про него.

Пр. И что же это столь великое стало между тобою и имъ? Вѣдь не попалъ же ты на другого кого нибудь, красивѣе его въ этомъ самомъ городѣ? C.

Сокр. И гораздо покрасивѣе.

Пр. Что ты говоришь? здѣшняго, или чужого?

Сокр. Чужого.

Пр. Откуда?

Сокр. Абдерита.

---

1) *Περὶ τὴν Ἀλκιβιάδου ὥραν.*

2) *Χαριεστάτην ἥβην εἶναι τοῦ ὑπηνήτου*—непереводимое буквально ὑπηνήτης происходитъ отъ ὑπήνη—верхняя губа, часть лица между носомъ и ртомъ.

Пр. И до такой степени красивымъ представился тебѣ какой то чужеземецъ, что показался даже прекраснѣе сына Клиніева?

Сокр. А какъ бы, мой чудесный, тому, что мудрѣе, и не показаться болѣе прекраснымъ?

Пр. Такъ значитъ ты пришелъ къ намъ сюда, Сократъ, послѣ встрѣчи съ какимъ то мудрецомъ?

D. **Сокр.** Да и съ самымъ, что ни на есть, мудрѣйшимъ между нынѣшними, если только ты думаешь, что всѣхъ мудрѣе теперь Протагоръ [3]).

Пр. Ну! что ты говоришь? Протагоръ у насъ?

Сокр. Да ужъ третій день.

Пр. И ты идешь прямо отъ бесѣды съ нимъ?

310 **Сокр.** Вволю таки и наговорившись и наслушавшись.

Пр. Такъ что́ же ты не разскажешь намъ этой бесѣды, если ничто тебѣ не мѣшаетъ? Садись-ка вотъ тутъ, а малому этому скажи, чтобъ всталъ.

Сокр. Весьма охотно; да и буду благодаренъ, если послушаете.

Пр. Да и мы тебѣ, если разскажешь.

Сокр. Такъ пусть благодарность будетъ двойная. Однако слушайте.

II. Этою вотъ минувшею ночью, еще въ глубокіе сумерки, Иппократъ, Аполлодоровъ сынъ, Фазоновъ же братъ, сильно стучится мнѣ въ дверь палкой, и когда ему отворили,
B. стремительно идетъ онъ прямо внутрь, громко возглашая:

— Сократъ, говоритъ, — проснулся ты, или спишь?

А я, узнавъ его голосъ:

— Это, говорю, Иппократъ. Не съ вѣстью ли о чемъ новомъ?

— Ни о чемъ, говоритъ, кромѣ добраго.

— Ну хорошо, коли такъ [4]), говорю. Но что же именно, и чего ради ты въ такую рань сюда явился?

А онъ, подойдя ко мнѣ, — Протагоръ, говоритъ, прибылъ.

— Позавчера еще, сказалъ я, а ты только теперь узналъ?

C. — Ей богу, говоритъ, ввечеру. И съ этими словами ощупавши кровать [5]), сѣлъ онъ у меня въ ногахъ. — Такъ

[3]) О Протагорѣ см. ниже, въ *Разсужденіи.*

[4]) *Εὖ ἂν λέγοις.*

[5]) *Σκίμπους*-складной стулъ, носилки, походная кровать—характерно дли Сократа.

ввечеру, говоритъ, очень поздно, какъ пришелъ я изъ Энои. Малый-то, Сатиръ, сбѣжалъ у меня [6]). Я еще хотѣлъ сказать тебѣ, что собираюсь догонять его, да за другимъ чѣмъ то забылъ. А какъ пришелъ я къ себѣ, и мы поужинали, и собирались на покой, тутъ братъ мнѣ и говоритъ, что Протагоръ прибылъ. Я собирался было тотчасъ же къ тебѣ идти, но потомъ показалось мнѣ, что ночь
слишкомъ ужъ поздняя [7]), а какъ только послѣ такой уста- D.
лости чуть-чуть выспался я, такъ сейчасъ же вставши вотъ и пошелъ сюда.

А я, зная его храбрость и ретивость, — Да что у тебя тутъ, говорю: не обижаетъ ли тебя чѣмъ нибудь Протагоръ?

А онъ, смѣясь, — Да, говоритъ, Сократъ, ей богу: тѣмъ, что онъ одинъ мудръ, а меня мудрымъ не дѣлаетъ.

— Но, видитъ Зевсъ! — говорю я, — если дать ему денегъ и уговорить его, сдѣлаетъ и тебя мудрымъ.

— Да еслибы, сказалъ онъ, за этимъ стало дѣло,
такъ вотъ Зевсъ и всѣ боги свидѣтели! не поскупился бы E.
я ничѣмъ, ни своимъ, ни пріятельскимъ; но изъ за этого то я и теперь пришелъ къ тебѣ, — чтобы ты поговорилъ съ нимъ на счетъ меня. Я то вѣдь и моложе [8]), и притомъ никогда не видалъ Протагора и не слыхалъ его, такъ какъ былъ еще ребенкомъ, когда онъ въ первый разъ приходилъ сюда. Но вѣдь всѣ, Сократъ, расхваливаютъ этого человѣка и говорятъ, что онъ изо всѣхъ самый мудрый въ разговорахъ [9]). Ну отчего бы намъ не пойти къ нему,
чтобы захватить его дома? А гоститъ онъ [10]), какъ я слы- 311
шалъ, у Каллія Иппоникова; ну идемъ!

А я говорю: не съ разу, добрякъ, — рано еще: а вотъ встанемъ и выйдемъ во дворъ, и будемъ прохаживаться и разговаривать, пока станетъ свѣтло; тутъ и пойдемъ. Вѣдь Протагоръ большею частью проводитъ время дома, такъ что ужъ не бойся, накроемъ его какъ слѣдуетъ.

III. И съ этими словами мы поднялись и стали проха-
живаться по двору; и я, чтобы испытать Иппократову силу, B.
посмотрѣвши на него пристальпо, спрашиваю его: Скажи

[6]) *ὁ γάρ τοι παῖς με ὁ Σάτυρος ἀπέδρα*—дѣло идетъ о бѣгломъ рабѣ.

[7]) *ἔπειτά μοι λίαν πόρρω ἔδοξε τῶν νυκτῶν εἶναι*

[8]) Иппократу было немного за двадцать лѣтъ, Сократъ же представленъ сорокалѣтнимъ, см. ниже въ *Разсужденіи.*

[9]) *Καί φασιν σοφώτατον εἶναι λέγειν.*

[10]) *Καταλύει*—букв. *распрягаетъ.*

мнѣ, Иппократъ,— вотъ ты теперь собираешься идти къ
Протагору, внести ему денегъ въ уплату за себя; такъ
собственно въ какомъ качествѣ онъ тутъ тебѣ нуженъ и
кѣмъ собственно ты хочешь (черезъ него) сдѣлаться? [11])
Какъ еслибы ты, напримѣръ, надумалъ идти къ своему
тёзкѣ Иппократу Косскому, изъ Асклепіева рода,—*ему*
внести денегъ въ уплату за себя, и кто нибудь спросилъ
бы тебя: скажи мнѣ, Иппократъ, ты вотъ хочешь запла-
C. тить тому Иппократу, ради какого его качества?— что бы
ты отвѣчалъ?

— Сказалъ бы, говоритъ, что какъ врачу.

— И чтобы кѣмъ сдѣлаться?

— Врачемъ, говоритъ.

— А еслибы ты намѣревался отправиться къ Поликлиту
Аргивцу, или Фидію Аѳинейцу—*имъ* внести за себя плату,
и кто нибудь спросилъ бы тебя; эти то деньги у тебя на
умѣ заплатить Поликлиту и Фидію въ какомъ ихъ качест-
вѣ?—что бы ты отвѣчалъ?

— Сказалъ бы, что какъ ваятелямъ.

— И съ тѣмъ, чтобы самому то *кѣмъ* стать?

— Ясно, что ваятелемъ.

D. — Ладно, сказалъ я. А вотъ теперь мы съ тобой от-
правляемся къ Протагору и будемъ готовы ему отсчитать
денегъ въ уплату за тебя, если достанетъ нашего имуще-
ства на то, чтобы уговорить его, а нѣтъ, то прихватимъ
еще и у друзей. Такъ еслибы при такомъ нашемъ силь-
номъ стараніи насчетъ этого, кто нибудь спросилъ насъ:
скажите мнѣ Сократъ и Иппократъ, въ качествѣ кого на-
мѣченъ вами Протагоръ, чтобы платить ему деньги,—что
E. бы мы ему отвѣчали? какое другое имя слышимъ мы отно-
сительно Протагора, какъ вотъ относительно Фидія имя
ваятеля, а относительно Гомера—поэта? Что въ этомъ родѣ
слышимъ мы касательно Протагора?

— Да называютъ то человѣка этого такъ, говоритъ,
что софистъ онъ.

— Такъ мы идемъ деньги платить ему, какъ софисту.

— Конечно.

312 — А если бы спросили тебя и о томъ: самъ то ты
идешь къ Протагору, чтобы стать *кѣмъ*?

А онъ говоритъ, покраснѣвши—потому что уже нѣсколь-

11) *ὡς παρὰ τίνα ἀφιξόμενος και τίς γενεσόμενος.*

ко разсвѣтало, такъ что онъ сталъ мнѣ явственно виденъ,—
Если сообразоваться съ прежде сказаннымъ, то ясно, что
цѣль здѣсь та, чтобы стать софистомъ.

— А тебѣ сказалъ я, не стыдно было бы, ради боговъ,
представиться эллинамъ въ качествѣ софиста?

— Ей-богу стыдно, Сократъ, если нужно говорить
то, что думаю.

— Но, пожалуй, Иппократъ, ты предполагаешь, что на-
ученье у Протагора будетъ не такое, а какое бывало у B.
киѳариста, или у преподавателя грамоты, или у препода-
вателя борьбы? Вѣдь каждому изъ этихъ дѣлъ ты учился
не какъ профессіи, чтобы стать ремесленникомъ, а въ ви-
дѣ упражненія, какъ подобаетъ самостоятельному обыва-
телю и свободному человѣку.

— Конечно, мнѣ кажется, сказалъ онъ, что Протаго-
рово обученіе скорѣе въ этомъ родѣ.

IV— Такъ знаешь ты, что̀ ты теперь будешь дѣлать,
или это тебѣ не видно? сказалъ я.

— Это насчетъ чего?

— Да что ты намѣренъ предоставить обрабатывать
твою душу софисту, какъ ты говоришь, а что̀ это такое со- C.
фистъ—наврядъ ли ты знаешь [12]). А вѣдь если ты этого
не вѣдаешь, то ни того не знаешь, кому такое передаешь
душу, ни того, на хорошее, или на дурное дѣло передаешь.

— Да я то думаю, что знаю,—сказалъ онъ.

— Ну такъ скажи, что такое софистъ, по твоему?

— Я то полагаю, сказалъ онъ, какъ и имя показы-
ваетъ, что это знатокъ въ мудрыхъ вещахъ [13]).

— Да вѣдь это, говорю, можно сказать и про живо-
писцевъ и про плотниковъ, что они знатоки въ мудрыхъ ве-
щахъ; но еслибы кто нибудь спросилъ у насъ, въ *ка-* D.
кихъ [14]) мудрыхъ вещахъ знатоки живописцы, мы бы вѣдь
сказали ему, что въ выдѣлываніи изображеній, и прочее
такимъ же образомъ. Но если бы кто нибудь спросилъ
про то: софистъ то при какихъ мудростяхъ состоитъ [15])?
—чтобы мы отвѣчали? Какимъ производствомъ онъ завѣ-
дуетъ? [16]).

12) *θαυμάζοιμ'ἂν εἰ οἶσθα*—букв. удивился бы я, если ты знаешь.
13) *τὸν τῶν σοφῶν ἐπιστήμονα.*
14) *τῶν τί σοφῶν;*
15) *ὁ δε σοφίστης τῶν τί σοφῶν ἐστιν;*
16) *ποίας ἐργασίας ἐπιστάτησ;*

— А что, если бы мы его обозначили, Сократъ, какъ завѣдующаго тѣмъ, чтобы дѣлать (людей) сильными въ рѣчахъ? [17]).

— Можетъ быть, говорю, мы и вѣрно бы сказали, однако не достаточно; потому что этотъ отвѣтъ у насъ требуетъ еще вопроса: въ рѣчахъ о чемъ дѣлаетъ людей сильными софистъ? Какъ напримѣръ киѳаристъ дѣлаетъ
E. вѣдь (человѣка) сильнымъ въ рѣчахъ относительно того самого, относительно чего онъ дѣлаетъ знатокомъ—разумѣю игру на киѳарѣ [18]); такъ вѣдь?

— Да.

— Ладно; ну а онъ то,—софистъ, въ рѣчахъ *о чемъ* же дѣлаетъ сильнымъ? Не ясно ли, что о томъ, въ чемъ онъ и свѣдущъ?

— Похоже на то.

— Ну а что же это такое, въ чемъ софистъ и самъ свѣдущъ и ученика дѣлаетъ такимъ же?

— Ей-богу, говоритъ, ничего больше не могу тебѣ сказать.

313 V. И я сказалъ на это: ну какъ же? Знаешь, какой опасности идешь ты подвергнуть свою душу? Вѣдь если тебѣ бывало нужно поручить кому нибудь свое тѣло, такъ что могло бы выйти на двое [19])—или къ пользѣ, или къ худу,—мало ли ты передумывалъ, поручать или нѣтъ, да и друзей, и домашнихъ призывалъ на совѣщаніе, разсматривая дѣло цѣлыми днями. А вотъ на счетъ души, которую ты вѣдь почитаешь за нѣчто большее, чѣмъ тѣло и отъ улучшенія, или ухудшенія которой зависитъ, хорошо
B. или дурно идутъ всѣ твои дѣла, [20])—насчетъ этого ты ни съ отцомъ, ни съ братомъ не столковался, ни съ кѣмъ нибудь изъ насъ, товарищей—поручать ли тебѣ, или нѣтъ, твою душу этому пришлому чужеземцу, но вчера лишь услыхавши, по твоимъ словамъ, идешь спозаранку безъ всякаго разсужденія или совѣщанія о томъ, нужно поручать ему себя, или нѣтъ, а прямо готовъ потратить и собственныя деньги, и деньги друзей, какъ будто окончательно дознавшись, что во всякомъ случаѣ должно тебѣ сойтись

17) Принимаю текстъ въ чтеніи Шанца: *Τί ἂν, εἰ εἴποιμεν ἀυτόν εἶναι, ὦ Σώκρατες, ἐπιστάτην τοῦ ποιῆσαι δεινὸν λέγειν;*

18) *περί κιθαρίσεως.*

19) *διακινδυνεύοντα ἤ—ἤ*—рискуя(однимъ изъ двухъ): или—или.

20) *καὶ ἐν ὧ πάντ᾽ἐστὶν τὰ σὰ ἢ εὖ ἢ κακῶς πράττεις.*

съ Протогоромъ, котораго, какъ говоришь, и не знаешь и
не разговаривалъ съ нимъ никогда; называешь же его со- C.
фистомъ, а что это такое софистъ,—оказывается, совсѣмъ
не вѣдаешь, а ему то желаешь себя довѣрить.

А онъ, выслушавъ говоритъ: Такъ оно выходитъ, Сократъ, изъ твоихъ то словъ.

— А что, Иппократъ,—не будетъ ли нашъ софистъ торговцемъ, или разнощикомъ тѣхъ товаровъ которыми питается душа?

— Да кажется мнѣ, онъ что то эдакое; а питается-то душа чѣмъ же, Сократъ?

— Познаніями, разумѣется,—сказалъ я. И лишь бы,
пріятель, не надулъ насъ софистъ, выхваляя то, что про-
даетъ, какъ тотъ купецъ, или разнощикъ, что торгуетъ D.
тѣлесною пищей. Потому что и у этихъ—ни они сами не
знаютъ что́ въ развозимыхъ ими товарахъ полезно и что́
вредно для тѣла,—а расхваливаютъ все ради продажи, [21])
ни покупающіе у нихъ этаго не знаютъ, развѣ случится
какой нибудь мастеръ гимнастическаго дѣла, или врачъ.
Такъ же вотъ и развозящіе по городамъ науку и ведущіе
крупную и мелкую торговлю [22]) со всякимъ желающимъ,
хоть и выхваляютъ все, чѣмъ торгуютъ, но можетъ быть,
почтеннѣйшій, и изъ нихъ же иные совсѣмъ не знаютъ
толку въ томъ, что продаютъ, хорошо ли оно, или худо E.
для души; а точно такъ же и покупающіе у нихъ, опять-
таки развѣ случится кто по душевной части знающій врачъ.
Такъ вотъ, если ты точно знаешь, что̀ здѣсь полезно, что̀
нѣтъ, безопасно тебѣ покупать наставленія и у Протагора
и у кого бы то ни было другого; если же нѣтъ, то смотри
добрякъ, какъ бы тебѣ при самой дорогой ставкѣ не пус- 314
титься въ отчаянную игру [23]). Потому что вѣдь гораздо
больше опасности въ покупкѣ наставленій, нежели въ покупкѣ съѣстного. Съѣстное то вѣдь и напитки купивши (у купца или разнощика) [24]), можно отнести въ другихъ сосу-

21) *ἐπαινοῦσιν δὲ πάντα πωλοῦντες.*

22) *πωλοῦντες καὶ καπηλεύονες.*

23) *μὴ περὶ τοῖς φιλτάτοις κυβεύῃς τε καὶ κινδυνεύῃς.*

24) *παρὰ τοῦ καπήλου καὶ ἐμπόρου.*—Эти слова, хотя находящіяся въ древнихъ рукописяхъ кажутся вставкой. У Шанца, какъ и у Германа они поставлены въ скобки.—Повторяющееся во всемъ этомъ сравненіи софиста съ торговцемъ различеніе между *ἔμπορος* и *κάπηλος* поясняется самимъ Платономъ въ *Государствѣ* II (371 D.).

дахъ и прежде чѣмъ принять въ свое тѣло чрезъ питье
или ѣду, можно сложить дома и посовѣтоваться, призвав-
ши знающаго, чтò (изъ купленнаго) слѣдуетъ ѣсть или
пить и чего не слѣдуетъ, а также—сколько и въ какое
время; такъ что въ *этой* покупкѣ не велика опасность.
B. Наставленія же нельзя отнести въ другомъ сосудѣ, а не-
обходимо, принявши ихъ въ самую душу (и тутъ же нау-
чившись изъ нихъ), уйти или съ вредомъ, или съ поль-
зой [25]). Такъ разсмотримъ это и вмѣстѣ съ тѣми, кто
насъ постарше; потому что мы еще молоды, чтобы разо-
брать такое дѣло.—Ну а теперь, пойдемъ, какъ хотѣли,
и послушаемъ этого человѣка, а послушавши его, и съ
другими побесѣдуемъ: Протагоръ вѣдь тамъ не одинъ, а
C. съ нимъ и Гиппій Элидскій; думаю также Продикъ Кеос-
скій, да и много другихъ мудрыхъ мужей [26]).

Такъ рѣшивши пошли; когда же очутились передъ во-
ротами [27]), то пріостановившись, разговаривали о какомъ-
то дѣлѣ, что пришло намъ въ голову дорогой. Такъ что-
бы не бросать его, а покончить съ нимъ прежде, чѣмъ
войти, мы и разговаривали, стоя передъ воротами, пока
не согласились другъ съ другомъ. Ну и кажется мнѣ, что
привратникъ, какой то скопецъ, подслушивалъ насъ, а ему
D. должно быть изъ за множества софистовъ опротивѣли по-
сѣтители этого дома. Такъ вотъ, когда мы постучали въ
дверь, онъ отворивши и увидя насъ,—Ну! говоритъ,—
софисты какіе то: *самому* некогда [28])—и заразъ обѣими
руками схватившись за дверь, въ сердцахъ захлопнулъ ее
изо всей силы. И мы опять постучали, а онъ въ отвѣтъ
изъ за запертой двери: Эй вы! говоритъ,—или не слышали,
что самому некогда.

—Но, любезный, говорю я, не къ Каллію мы при-
шли, да и не софисты мы. Успокойся: мы пришли по на-
E. добности видѣть Протагора,—такъ впусти же насъ! [29])—
Насилу отворилъ намъ дверь этотъ человѣкъ; когда же мы

---

[25]) *τὸ μάθημα ἐν αὐτῇ τῇ ψυχῇ λαβόντα καὶ μαθόντα ἀπιέναι ἢ βεβλαμμένον ἢ ὠφελημένον*. Шанцъ, справедливо заподозрѣвши слова *καὶ μαθόντα* ставитъ ихъ въ скобки.

[26]) О названныхъ Софистахъ см. въ ***Разсужденіи***.

[27]) *ἐν τῷ προθύρῳ*

[28]) *οὐ σχολή αὐτῷ*—самому, то-есть хозяину дома, Каллію.

[29]) *εἰσάγγειλον οὖν*—такъ возвѣсти! (или доложи!). Но едва ли здѣсь этотъ глаголъ значитъ больше чѣмъ просто ***впусти***,—какъ видно изъ контекста.

вошли, застали мы Протагора, прохаживающагося въ пор-
тикѣ [30]), съ нимъ же чинно прохаживались по одну сто-
рону Каллій, сынъ Иппонниковъ и братъ его единоутроб-
ный Паралъ [31]), сынъ Перикловъ и Хармидъ—Главко- 315.
новъ [32]) а по другую сторону—изъ Перикловыхъ же дѣ-
тей Ксанѳиппъ [33]), и Филомеловъ сынъ Филиппидъ, и Ан-
тимэръ Мендеецъ [34]), самый знаменитый изъ учениковъ
Протагора, и особливо изучающій искусство, чтобы быть
софистомъ. Тѣ-же, что за ними слѣдовали позади, прислу-
шиваясь къ разговору, большею частью были, повидимому,
чужеземцы — изъ тѣхъ, что Протагоръ уводитъ за собою
изъ каждаго города, черезъ который проходитъ, заворажи-
вая голосомъ какъ Орфей, а они идутъ за нимъ по голосу B.
какъ завороженные [35]); были-же нѣкоторые и изъ туземцевъ
въ этомъ хорѣ. На него то смотря, я особенно примѣчалъ,
какъ прекрасно они устраивались чтобы ни въ какомъ слу-
чаѣ не попасть впередъ Протагора, но когда тотъ со сво-
ими собесѣдниками поворачивалъ, какъ хорошо и чинно эти
слушатели раздѣлялись пополамъ и обходя кругомъ всегда
становились позади прекраснѣйшимъ образомъ.

„Онаго мужа узрѣлъ я“ [36]), какъ говоритъ Гомеръ,—
Иппія Элидскаго, сидящаго въ противуположномъ портикѣ C.
на высокомъ сѣдалищѣ [37]). Вкругъ же него возсѣдали на
скамьяхъ Эриксимахъ [38]), сынъ Акуменовъ и Фэдръ Мир-

---

[30]) *ἐν τῷ προστῴῳ*—во внутреннихъ дворахъ большихъ домовъ помѣщались четыре портика или крытыя колоннады.

[31]) Мать Каллія, разведясь съ отцомъ его Иппоникомъ, вышла за Перикла, которому родила этого Парала.

[32]) Хармидъ—братъ Платоновой матери Периктіоны, тотъ самый, которому посвященъ діалогъ этого имени (см. въ I томѣ).

[33]) О сыновьяхъ Перикла см. въ ***Первомъ Акивіадѣ***.

[34]) Эти два извѣстны только по именамъ.

[35]) *κηλῶν τῇ φωνῇ ὥςπερ Ορφεύς, οἱ δε κατὰ τήν φωνὴν ἕπονται κεκηλημένοι.*

[36]) *Τὸν δὲ μετ'εἰσενόησα*—полустишіе изъ Одиссеи (*Λ*, 601), изъ разсказа о схожденіи героя въ царство мертвыхъ (почему и вся рапсодія называлась *Νέκυια*). Этотъ стихъ относится къ тѣни Геркулеса и читается:

Τὸν δὲ μετ'εισενόησα βίην Ἡρακληείην—
Онаго мужа узрѣлъ я, Геракла великаго силу.

[37]) *ἐν θρόνῳ.*

[38]) Извѣстный врачъ и сынъ врача, выступаетъ съ остроумною рѣчью въ Платоновомъ діалогѣ ***Пиршество***.

ринузіецъ [39]), и Андронъ [40]) Андротіоновъ и еще нѣсколько
чужеземцевъ—его сограждане и другіе. Повидимому они
разспрашивали Иппія о разныхъ астрономическихъ предме-
тахъ—на счетъ небесныхъ явленій, а онъ, сидя на своемъ
престолѣ, всѣмъ имъ по одиночкѣ разбиралъ и растолко-
вывалъ то, о чемъ спрашивали...

„Также и Тантала—да—и его я также увидѣлъ“ [41])—
D. ибо Продикъ Кеосскій прибылъ сюда же, а находился онъ въ
какомъ то помѣщеніи, которое прежде служило Иппонику
кладовою, теперь же за множествомъ постояльцевъ Каллій,
опорожнивши и это мѣсто, сдѣлалъ его пристанищемъ для
гостей. Такъ Продикъ лежалъ еще, завернутый въ какія то
одѣяла и ковры, а на сосѣднихъ съ нимъ кроватяхъ ле-
жали Павзаній Керамеецъ [42]), а съ Павзаніемъ юный ка-
E. кой то еще мальчикъ, превосходный, я полагаю, по при-
родѣ, а по виду ужъ очень красивый. Кажется, я слышалъ,
что имя ему—Агаѳонъ [43]), и я бы не удивился, еслибы
оказалось, что онъ любимецъ Павзанія. Этотъ былъ тутъ
мальчикъ, и оба Адиманта—Кепидовъ сынъ и Левколофи-
довъ [44])—и другіе нѣкоторые виднѣлись; а о чемъ они
разговаривали,—этого я не могъ снаружи узнать, хоть и
жаждалъ слышать Продика, считая его премудрымъ чело-
316. вѣкомъ и божественнымъ; но вслѣдствіе низкаго тона его
голоса гулъ какой то раздавался по комнатѣ, дѣлая неяс-
нымъ то, что говорилось.

VIII. И только что мы вошли,—вслѣдъ за нами—
Алкивіадъ *прекрасный*, какъ ты его называешь и какимъ
я его почитаю, и Критій [45]), сынъ Каллэсхровъ. Мы, зна-
читъ, какъ вошли, еще немного помедлили и осмотрѣвшись

---

[39]) Сынъ Пиѳокла, изъ Мирринузійской демы, одинъ изъ обычныхъ собесѣдниковъ Сократа, хорошо извѣстный по діалогамъ ***Фэдръ*** и ***Пиршество***.

[40]) Упоминается еще и въ діалогѣ ***Горгій***.

[41]) *Καὶ μὲν δὴ καὶ Τάνταλόν γε εἰσεῖδον*—Измѣненный Платономъ стихъ изъ той же рапсодіи, гдѣ онъ читается (582) такъ:

Καὶ μὴν Τάνταλον εἰσεῖδον χαλέπ᾽ ἄλγε᾽ ἔχοντα

Тантала также узрѣлъ я, терпящаго тяжкія муки.

[42]) Изъ демы керамеевъ, т. е. горшечниковъ, или гончаровъ.

[43]) Впослѣдствіи извѣстный драматургъ, устроившій пиршество, увѣковѣченное Платономъ.

[44]) Упоминаются по имени въ нѣкоторыхъ древнихъ извѣстіяхъ.

[45]) О Критіѣ см. діалогъ ***Хармидъ*** (въ I томѣ).

кругомъ, подошли къ Протагору, и я сказалъ: къ тебѣ, B.
Протагоръ, мы пришли, я и вотъ онъ, Иппократъ.

—А хотите ли вы, сказалъ онъ, со мною наединѣ
разговаривать или и при другихъ?

—Для насъ то, сказалъ я, тутъ нѣтъ разницы, а
тебѣ самому будетъ видно, когда выслушаешь, ради чего мы
пришли.

—Ну такъ что же это такое, сказалъ онъ, ради чего
вы пришли?

—Вотъ онъ, Иппократъ, изъ здѣшнихъ, Аполлодо-
ровъ сынъ, изъ большого и состоятельнаго дома; да и самъ,
по природѣ, кажется, не уступитъ сверстникамъ. И думаю C.
я, что ему хочется стать значительнымъ въ нашемъ го-
родѣ, а это, онъ полагаетъ, всего скорѣе сдѣлается, если
онъ сойдется съ тобою; такъ вотъ ты ужь и разсмотри,
должно ли тебѣ, ты думаешь, разговаривать объ этомъ съ
нами наединѣ, или при другихъ?

—Правильно, сказалъ онъ, предусмотрителенъ ты,
Сократъ, насчетъ меня. Ибо чужому человѣку, и идущему
въ города великіе и въ нихъ убѣждающему наилучшихъ юно-
шей, чтобы они, оставивши сообщества прочихъ, и род-
ныхъ, и земляковъ, и старшихъ и младшихъ, сошлись бы
съ нимъ, чтобы стать лучшими чрезъ его сообщество,—
нужно ему очень остерегаться при такомъ дѣлѣ; потому D.
что изъ за этого происходитъ не мало зависти и всякаго
недоброхотства и навѣтовъ. Я и утверждаю, что хотя со-
фистическое искусство древнее, но что владѣвшіе имъ
древніе мужи, опасаясь того, что въ немъ возбуждало не-
нависть, скрывали его, дѣлая ему личной, одни—поэзію,
какъ Гомеръ и Гезіодъ и Симонидъ, другіе опять—таин-
ства и оракулы, какъ послѣдователи Орфея и Музея;
иныя же, я знаю, и гимнастику, какъ напримѣръ Иккъ
тарентинецъ и нынѣ еще существующій софистъ, никому E.
въ этомъ не уступающій Геродикъ Селимбріецъ, а по про-
исхожденію Мегарецъ; а музыку сдѣлалъ личиной вашъ
Агаѳоклъ, какъ есть великій софистъ, и Пиѳоклидъ Кеос-
скій и многіе другіе. Всѣ они, говорю, изъ опасенія не-
нависти, пользовались этими искусствами, какъ прикрытія-
ми. Я же со всѣми ними въ этомъ не схожусь; ибо думаю, 317.
что они нисколько не достигли того, чего хотѣли: они не
провели тѣхъ, что имѣютъ въ городахъ власть,—а именно
ради нихъ и существуютъ эти личины. Толпа вѣдь, такъ

сказать, ничего не понимаетъ, и что тѣ заголосятъ, тому
и она подпѣваетъ. Ну а когда убѣгающій не имѣетъ воз-
можности убѣжать, но бываетъ открытъ,—это выходитъ
большая глупость и въ смыслѣ предпріятія, да и въ лю-
B. дяхъ по необходимости вызываетъ еще большее нераспо-
ложеніе, такъ какъ они думаютъ, что этотъ человѣкъ сверхъ
прочаго еще и коваренъ. Я вотъ и пошелъ дорогою, со-
всѣмъ этому противоположною: признаю, что я софистъ и
что воспитываю людей, и думаю, что эта предосторожности
лучше той,—признаваться лучше, чѣмъ отрекаться. Ну и
другія еще предосторожности я соблюдалъ, такъ что, въ
C. добрый часъ молвить [46]) ничего ужаснаго я не претерпѣлъ
изъ за признанія себя софистомъ, хоть ужъ состою я въ
этомъ занятіи много лѣтъ, да и всѣхъ то моихъ лѣтъ ужъ
очень много: нѣтъ ни одного изъ васъ-то всѣхъ, кому я
по возрасту не былъ бы отцомъ [47]). Такимъ образомъ го-
раздо мнѣ пріятнѣе, чтобы вы, если чего хотите, гово-
рили объ этомъ передъ всѣми, присутствующими здѣсь.

А я—подмѣтивши, что онъ хотѣлъ показать Продику
и Гиппію и покрасоваться передъ ними, что мы пришли
D. какъ его поклонники,—такъ я то и говорю,—А что, не
позвать ли намъ Продика и Гиппія и тѣхъ, что съ ними,
чтобы они слышали насъ?

— Конечно, сказалъ Протагоръ.

— Такъ хотите, сказалъ Каллій, устроимъ общее за-
сѣданіе, чтобы вы могли разговаривать въ спокойномъ по-
ложеніи?

Это показалось дѣльнымъ; и мы всѣ, радуясь, что
послушаемъ мудрыхъ мужей, сами взявшись за скамьи и
кровати, расположили ихъ около Гиппія, такъ какъ тамъ
E. уже и прежде стояли скамьи. Въ это время пришли Критій
и Алкивіадъ, ведя Продика, поднятаго ими съ кровати, и
тѣхъ, что съ Продикомъ.

IX. Когда же всѣ мы вмѣстѣ сѣли, Протагоръ заго-
ворилъ такъ:

---

[46]) *συν θεῷ εἰπεῖν.*

[47]) Это не относится къ Иппію и Продику, которые еще не при-
соединились къ прочимъ собесѣдникамъ. Протагоръ нѣсколько преуве-
личиваетъ свою старость. Родившись около 485 г., онъ могъ имѣть
въ предполагаемое время этого разговора отъ 50 до 55 лѣтъ. Старше
Сократа онъ былъ на 15 лѣтъ, прочимъ же дѣйствительно годился
въ отцы.

— Ну такъ теперь вотъ въ ихъ присутствіи, скажи,
Сократъ, то, о чемъ только что упоминалъ мнѣ относи-
тельно этого юноши.

А я говорю: Тоже у меня начало, Протагоръ, какъ 318.
и прежде, насчетъ чего я пришелъ. А именно, этотъ вотъ
Иппократъ, оказывается, объятъ желаніемъ быть въ обще-
ніи съ тобою; а что для него выйдетъ изъ того, что онъ
будетъ съ тобою,—это хотѣлось бы ему (заранѣе) услы-
шать. Такъ вотъ въ чемъ наше дѣло.

— О юноша, подхватилъ Протагоръ, будетъ тебѣ отъ
сообщества со мною то, что въ тотъ же день, какъ со мною
сойдешься, уйдешь лучшимъ домой, и на завтра тоже са-
мое; и каждый день постоянно будетъ у тебя прибыль къ
лучшему. B.

А я, услышавъ это, сказалъ:

— Тутъ то, Протагоръ, нѣтъ ничего удивительнаго: вѣ-
роятно вѣдь и ты,—такой человѣкъ и такой мудрецъ [48]),—
еслибы тебя кто научилъ тому, чего ты не знаешь,—ты
бы сталъ лучше. Но дѣло не въ этомъ; а вотъ какъ еслибы
напримѣръ этотъ Иппократъ, вдругъ перемѣнивши желаніе,
захотѣлъ сообщества того юноши, что теперь недавно сюда
переселился—Зевксиппа Гераклейца, — и придя къ нему,
какъ вотъ теперь къ тебѣ, услышалъ отъ него тоже самое,
что отъ тебя, — что состоя при немъ, каждый день будетъ C.
онъ улучшаться и преуспѣвать,—такъ еслибы онъ его спро-
силъ: что́ собственно будетъ (во мнѣ) лучше, и въ чемъ я
буду преуспѣвать?—отвѣтилъ бы вѣдь ему Зевксиппъ, что въ
живописи; и еслибы сойдясь съ Ореагоромъ Ѳиванцемъ и
услышавъ отъ него то самое, что отъ тебя, спросилъ бы
его, въ чемъ лучше будетъ онъ каждый день, сообщаясь
съ нимъ, тотъ вѣдь отвѣтилъ бы, что въ игрѣ на флейтѣ;—
такъ то вотъ и ты скажи юношѣ и мнѣ, о немъ спраши- D.
вающему: вотъ онъ Иппократъ, когда сойдется съ Прота-
горомъ и въ тотъ самый день, какъ сойдется, уйдетъ отъ
него улучшеннымъ и каждый слѣдующій день будетъ также
преуспѣвать,—въ *чемъ* именно и относительно *чего*, Про-
тагоръ?

А Протагоръ, услышавъ это отъ меня, говоритъ:

— Ты, Сократъ, прекрасно спрашиваешь, а я пре-
красно спрашивающимъ съ удовольствіемъ и отвѣчаю. Придя

---

[48]) *Καίπερ τηλικοῦτος ὢν καὶ οὕτως σοφός.*

ко мнѣ, Иппократъ не претерпитъ того, что претерпѣлъ-бы,
соединившись съ другимъ кѣмъ-нибудь изъ софистовъ: дру-
E. гіе то вѣдь прямо обижаютъ юношей, такъ какъ ихъ, убѣ-
жавшихъ отъ техническихъ упражненій, они опять противъ
воли тащутъ и ввергаютъ въ разную технику [49]) научая ихъ
вычисленіямъ и астрономіи и геометріи и музыкѣ,—и тутъ
онъ взглянулъ на Иппія,—а тотъ, кто ко мнѣ приходитъ,
научится не другому чему, какъ только тому, для чего при-
шелъ. Наука же эта есть умѣлость въ домашнихъ отноше-
ніяхъ [50]), чтобы какъ можно лучше управлять своимъ соб-
ственнымъ домомъ, а также и въ отношеніяхъ обществен-
ныхъ, чтобы быть какъ можно сильнѣе и въ дѣлахъ и въ
319. рѣчахъ, что касается города.

— Вѣрно ли, спросилъ я, понимаю я твое слово? Мнѣ
вѣдь кажется, что ты разумѣешь гражданское искусство и
обѣщаешь дѣлать людей хорошими гражданами.

— Съ этимъ вотъ именно объявленіемъ, сказалъ онъ,
я и выступаю, Сократъ [51]).

X. Прекраснымъ же, сказалъ я, владѣешь ты искус-
ствомъ, если только владѣешь; съ тобою говоря, не нужно
вѣдь говорить другое, нежели то, что я дѣйствительно думаю.
Я вѣдь думалъ, Протагоръ, что этому нельзя научиться, но
B. разъ ты говоришь, что можно, не знаю, какъ не вѣрить.
А почему я полагаю, что это неизучимо, и что люди не
могутъ этого устроить для людей,—это обязанъ я сказать.
Дѣло въ томъ, что я, какъ и прочіе Эллины, признаю Аѳи-
нянъ мудрыми. И вотъ я вижу, что когда соберемся мы въ
народное собраніе, если нужно городу что нибудь дѣлать
по части строеній, то призываются зодчіе какъ совѣтники
въ дѣлѣ построекъ, а если по части корабельной, то кора-
C. бельщики и такимъ же образомъ во всемъ прочемъ, чему,
они думаютъ, можно учиться и учить; если же (при этомъ)
кто нибудь другой соберется имъ совѣтовать, кого они не
считаютъ мастеромъ, то хотя бы онъ былъ чрезвычайно
красивъ и богатъ и изъ благородныхъ, его (совѣтъ) все
таки ничуть не принимаютъ, но поднимаютъ смѣхъ и шумъ,
пока или самъ собирающійся говорить не отступится запуган-

---

[49]) *οἱ μὲν γὰρ ἄλλοι λωβῶνται τούς νέους. τὰς γὰρ τέχνας αὐτούς πεφευγότας ἄκοντας πάλιν αὖ ἄγοντες ἐμβάλλουσιν εἰς τέχνας.*

[50]) *τὸ δέ μάθημά ἐστιν εὐβουλία περὶ τῶν οἰκείων.*

[51]) *Αὐτό μὲν οὖν τοῦτό ἐστιν,... τό ἐπάγγελμα, ὅ ἐπαγγέλλομαι*—букв, это вотъ именно и есть то возвѣщеніе, что я возвѣщаю.

ный, или не стащутъ и не вытолкаютъ его сторожа [52]) по
приказанію предсѣдателей. Вотъ значитъ въ дѣлахъ, которые,
думаютъ они, зависятъ отъ искусства, они поступаютъ та-
кимъ образомъ; когда же понадобится совѣщаться о чемъ D.
нибудь касательно управленія городомъ, тутъ всякій, вставши,
совѣтуетъ имъ объ этомъ, все равно будь то плотникъ,
будь то мѣдникъ, сапожникъ, купецъ, судохозяинъ, бога-
тый, бѣдный, благородный, безродный, и этихъ никто за
это не укоряетъ, какъ въ первомъ случаѣ, что ни откуда
не научившись и не имѣя за собою никакого учителя рѣ-
шается все таки (этотъ человѣкъ) выступать со своимъ
совѣтомъ; потому что ясно, что они не считаютъ этого
дѣла подлежащимъ наученію. И не то, чтобы таково было
лишь общее мнѣніе города, а и въ частности у насъ муд- E.
рѣйшіе и лучшіе изъ гражданъ ту самую доблесть, которую
имѣютъ, не въ состояніи передать другимъ. Взять хоть Пе-
рикла, отца вотъ этихъ юношей: въ чемъ были у нихъ
учителя въ томъ далъ онъ имъ правильное и изящное вос-
питаніе, а въ чемъ самъ онъ мудръ, въ томъ ни самъ
ихъ не воспиталъ, ни другимъ не передалъ, а бродятъ они 320.
тутъ кругомъ и словно пасутся на волѣ,—не набредутъ ли
невзначай на добродѣтель. А если угодно еще, тотъ же
самый мужъ, Периклъ, будучи опекуномъ Клинія, младшаго
брата вотъ этого Алкивіада, и опасаясь, чтобы не развра-
тилъ его Алкивіадъ, разлучилъ ихъ и отдалъ Клинія на
воспитаніе въ домъ Арифрона [53]),—такъ не прошло и
шести мѣсяцевъ, какъ тотъ отдалъ его обратно, не зная
что съ нимъ дѣлать. Да и другихъ множество могу тебѣ B.
назвать такихъ, что сами будучи добрыми (гражданами) ни-
кого никогда не сдѣлали лучшими ни изъ своихъ домаш-
нихъ, ни изъ чужихъ. Такъ вотъ, Протагоръ, глядя на это,
я и не думаю, чтобы можно было научить добродѣтели; но
слыша, что ты говоришь, поворачиваю назадъ и думаю, что
вѣдь ты говоришь дѣло, такъ какъ я полагаю, что ты много
испыталъ, многому и научился, а иное и самъ открылъ.
Такъ если можешь яснѣе намъ показать, что добродѣтели
можно научиться,—не поскупись и покажи [54]). C.

---

[52]) *οἱ τοξόται*—вооруженные луками охранители общественнаго порядка, казенные невольники большею частью изъ скиѳовъ, почему назывались также *Σκύθαι*.

[53]) Братъ Перикла.

[54]) *μη φθονήσῃς, ἀλλ' ἐπίδειξον.*

— Ну скупиться-то, Сократъ, я не буду, сказалъ онъ.
Но какимъ способомъ показать? Разскажу ли вамъ, какъ
старикъ молодежи, сказку, или изложу въ разсужденіи [55])?
Многіе изъ присутствовавшихъ отвѣчали ему, что какъ
ему хочется, такъ пусть и излагаетъ.

— Ну такъ мнѣ кажется, говоритъ онъ, пріятнѣе будетъ сказать вамъ сказку.

XI. Было нѣкогда время, что боги-то были; смертныхъ
D. же родовъ не было. Когда-же пришло и для этихъ назначенное время рожденія, образуютъ ихъ боги внутри земли
изъ земли и огня, примѣшавъ и изъ прежнихъ растворовъ
огня и земли [56]). Когда же захотѣли вывести ихъ на свѣтъ,
приказали Промеѳею и Эпимеѳею наладить ихъ и распредѣлить каждому роду подобающія силы. Эпимеѳей же выпросилъ у Промеѳея, чтобы самому распредѣлять, „а когда
распредѣлю, говоритъ, тогда ты посмотри"; и уговоривши
такимъ образомъ, произвелъ распредѣленіе. При томъ однимъ
E. (существамъ) удѣлилъ онъ силу безъ быстроты, слабѣйшихъ
же снабдилъ быстротою; однихъ онъ вооружилъ, другимъ-же
давши природу безоружную, приспособилъ имъ иную нѣкую
силу во спасеніе. А кого изъ нихъ облекъ онъ малостью,
тѣмъ удѣлилъ птичій летъ, или подземную обитель, а кого
321. возрастилъ величиною, того тѣмъ самымъ и спасъ; и прочихъ такимъ способомъ выравнивая распредѣлилъ. Устраивалъ-же онъ такимъ образомъ изъ опасенія, чтобы какой
нибудь родъ не исчезъ, послѣ-же того, какъ онъ доставилъ
имъ способы избѣгать взаимоистребленія, устроилъ онъ имъ
предохранительныя средства и противъ божьей погоды, одѣвши
ихъ густыми волосами и толстыми шкурами, достаточными
для защиты и противъ зимней стужи и противъ жаровъ, а
также и для того, чтобы, когда пойдутъ отдыхать, была бы
B. у каждаго своя собственная и самородная постилка; и обувши
однихъ копытами другихъ же толстою и безкровною кожей.
Потомъ для разныхъ родовъ изобрѣлъ разную пищу—для
однихъ овощь изъ земли, для другихъ плоды древесные, а
для иныхъ коренья; а нѣкоторымъ далъ питаться пожираніемъ другихъ животныхъ [57]). При томъ нѣкоторымъ далъ
въ удѣлъ малоплодіе, а тѣмъ, которые ими ловятся—много-

[55]) *ἀλλά πότερον ὑμῖν, ὡς πρεσβύτερος νεωτέροις, μῦθον λέγων ἐπιδέιξω ἤ λόγῳ διεξέλθω;*

[56]) *ἐκ γῆς καί πυρὸς μίξαντες καί τῶν ὅσα πυρὶ καὶ γῇ κεράννυται.*

[57]) *ἔστι δ'οἷς ἔδωκεν εἶναι τροφήν ζώων ἄλλων βοράν.*

плодіе, чтобы спасти родъ. Ну а какъ былъ Епимеѳей не
очень то мудръ, то и не замѣтилъ онъ, какъ ужь роздалъ C.
всѣ силы, оставался же у него еще неодареннымъ родъ человѣческій, и сталъ онъ недоумѣвать, что дѣлать. А какъ
былъ онъ въ недоумѣніи, приходитъ Промеѳей, чтобы осмотрѣть распредѣленіе, и видитъ, что прочіе то животныя во
всемъ хорошо устроены, человѣкъ же нагъ и необутъ и
безъ постели и безъ оружія; а ужь наступилъ и назначенный судьбою день, когда слѣдовало и человѣку выйти изъ
земли на свѣтъ. Такъ вотъ въ недоумѣніи, какое бы найти D.
спасеніе человѣку, крадетъ Промеѳея художественную мудрость Гефеста и Аѳины, вмѣстѣ съ огнемъ—такъ какъ никому было невозможно безъ огня владѣть, или пользоваться
ею,—и такимъ образомъ одаряетъ онъ человѣка. Такъ для
жизни то необходимую мудрость человѣкъ чрезъ это получилъ, гражданской же—нѣтъ: потому что была она у Зевса;
Промеѳею же въ верхній то городъ [58]), въ обитель Зевса войти
было ужь нельзя,—да и страшны были тѣлохранительницы E.
Зевса [59]); въ общее же помѣщеніе Гефэста и Аѳины, гдѣ
они занимались своими искусствами [60]), онъ входитъ потихоньку, и укравши огнедышащее художество [61]), Гефэста
и другое—Аѳины, даетъ человѣку,—откуда происходятъ жизненныя удобства для человѣка, Промеѳея же (изъ-за Епимеѳея) [62]) впослѣдствіи, какъ говорятъ, постигло возмездіе 322.
за кражу.

XII. Такъ сдѣлавшись причастенъ божественному удѣлу,
человѣкъ вопервыхъ [63]), одинъ между животными сталъ при-

[58]) *τὴν ακρόπολιν.*

[59]) *πρὸς δὲ καὶ αἱ Διὸς φυλακαὶ φοβεραὶ ἦσαν*—по Гезіоду (Theog. 385) это были Держава и Сила (*Κράτος καὶ Βία*).—Комментаторъ Крошель (въ послѣдней переработкѣ Штальбаумовскаго изданія) толкуетъ все это мѣсто въ томъ смыслѣ, что еслибы даже Промеѳей и успѣлъ побывать въ жилищѣ Зевса, куда тѣлохранительницы верховнаго бога не могли заградить доступъ ему—довѣренному Зевсову служителю въ устроеніи земли, то онѣ ни въ какомъ случаѣ не допустили бы его унести что нибудь изъ этого жилища. Дѣйствительно слова *πρὸς δὲ* всего лучше объясняются такимъ образомъ.

[60]) *ἐν ᾧ φιλοτειχνέιτην*—букв. *въ которомъ любохудожествовали.*

[61]) *τὴν ἔμπυρον τέχνην.*

[62]) Слова *δὶ 'Επιμηθέα* Шанцъ считаетъ за постороннюю вставку и заключаетъ въ скобки. Противъ этого Крошель замѣчаетъ: Verba *δὶ' Επιμηθέα* suspectata sunt, sed cur quis Platonis orationi ea ascripsisset?—Однако!

[63]) Я оставляю безъ перевода слова *διὰ τὴν τοῦ θεοῦ συγγένειαν*

знавать боговъ и принялся воздвигать имъ алтари и свя-
щенныя изображенія; а затѣмъ скоро [64]) началъ съ искус-
ствомъ расчленять звуки голоса, создавая имена [65]), а также
изобрѣлъ онъ жилища и одежды и обувь и постилки и сред-
ства питанія изъ земли [66]). Такимъ образомъ устроившись,
люди сначала обитали въ разсѣяніи, городовъ же не было;
B. ну и погибали они отъ звѣрей, такъ какъ были во всемъ ихъ
слабѣе, и одного обрабатывающаго искусства [67]), хотя оно
было имъ достаточною подмогой для питанія, не хватало
однако для войны со звѣрями; такъ какъ они еще не имѣли
политическаго искусства, часть котораго есть искусство воен-
ное [68]). Вотъ они и пробовали собираться вмѣстѣ и спа-
саться, строя города. А лишь соберутся вмѣстѣ—безъ по-
литическаго-то искусства,—обижаютъ другъ друга, такъ что
опять приходилось разсѣяваться и пропадать. Такъ вотъ
Зевсъ, опасаясь за нашъ родъ, какъ бы ему всему не по-
C. гибнуть, посылаетъ Гермеса ввести къ людямъ стыдъ и
правду, да будутъ въ городахъ уклады и стягивающія узы
дружбы [69]). Вотъ и спрашиваетъ Гермесъ Зевса: какимъ же

(чрезъ сродство съ богомъ), какъ явную глоссу, ошибочно попавшую въ текстѣ. Она уже давно останавливала издателей: К. Ф. Германъ исключилъ слова *τοῦ θεοῦ*, Штальбаумъ внесъ поправку *τῶν θεῶν*, Шанцъ призналъ всѣ пять словъ вставкою и заключилъ ихъ въ скобки.

64) Слова *ἔπειτα—ταχὺ*, также какъ и предъидущее *πρῶτον μὲν*, нѣтъ никакой надобности понимать какъ выраженія хронологическаго порядка, особенно въ виду предварительнаго заявленія самого Протагора: *δοκεῖ τοίνυν μοι χαριέστερον εἶναι μῦθον ὑμῖν λέγειν* (такъ мнѣ кажется пріятнѣе будетъ сказать вамъ сказку).

65) *ἔπειτα φωνήν καὶ ὀνόματα ταχὺ διηρθρώσατο τῇ τέχνῃ* букв.: *потомъ голосъ и имена быстро расчленилъ искусствомъ* — само выраженіе это, конечно, показываетъ, что искусство логическаго расчлененія понятій не установилось такъ же рано, какъ искусство грамматическаго расчлененія словъ.

66) *'Εκ γῆς τροφαί* очевидно означаетъ здѣсь произведенія земледѣлія въ отличіе отъ *ἐκ γῆς βοτάνη* (овощь изъ земли), какъ природной пищи животныхъ (см. выше 321 B).

67) *δημιουργική τέχνη*.

68) *πολιτικὴν γὰρ τέχνην οὔπω εἶχον, ἧς μέρος πολεμική*. Я перевожу здѣсь *πολιτική τέχνη* — *политическое* искусство, а не *гражданское*, потому что съ этимъ послѣднимъ словомъ связывается у насъ оттѣнокъ противоположенія *военному*, что въ данномъ случаѣ было бы совсѣмъ неумѣстно.

69) *'Ερμῆν πέμπει ἄγοντα εἰς ἀνθρώπους αἰδῶ τε καὶ δίκην, ἵν'εἶεν πόλεων κόσμοι τε καὶ δεσμοί φιλίας συναγωγοί.*—букв.: Гермеса посылаетъ, ведущаго въ людей стыдъ да и правду, чтобы были они (разумѣется

способомъ дать людямъ правду и стыдъ,—не такъ ли ихъ
распредѣлить, какъ распредѣлены искусства? А искусства
такимъ образомъ распредѣлены: одного владѣющаго, поло-
жимъ, медициной, хватаетъ на многихъ, несвѣдущихъ въ
ней, тоже и съ прочими мастерами; и правду, значитъ, и
стыдъ я, молъ, такимъ образомъ установлю среди людей, или
же удѣлю ихъ *всѣмъ?*—Всѣмъ, сказалъ Зевсъ,—пусть всѣ D.
будутъ этаго причастны: не бывать бы и городамъ, если бы
только немногіе были причастны этихъ добродѣтелей, какъ
другихъ искусствъ [70]). И законъ положи отъ меня, чтобы
всякаго неспособнаго принять стыдъ и правду—убивать какъ
язву города [71]).

Такъ-то, Сократъ, и потому-то вышло, что, какъ прочіе,
такъ и Аѳиняне, когда дѣло идетъ по части плотнической
способности, или какой нибудь другой ремесленной, дума-
ютъ, что немногимъ пристало участвовать въ совѣщаніи,
и если кто, не принадлежа къ этимъ немногимъ [72]), подастъ
совѣтъ, его не принимаютъ, какъ ты говоришь,—и осно- E.
вательно, скажу я съ своей стороны;—когда же они вхо-
дятъ въ совѣщаніе по части добродѣтели гражданской, гдѣ 323.

стыдъ и правда) городовъ укладами да и узами дружбы, вмѣстѣ-сводителями.—Однако по русски, если еще и можно назвать стыдъ и правду узами дружбы, то никакъ ужь нельзя обозначить эти добродѣтели, какъ уклады или порядки городовъ. Думаю впрочемъ, что истинное значеніе этого прекраснаго мѣста ничего не потеряло въ моемъ переводѣ.

70) *ὥσπερ ἄλλων τέχνων* — причисленіе стыда и правды къ искусствамъ, хотя и съ отличіемъ отъ другихъ искусствъ есть опять свидѣтельство того, что формальное искусство расчлененія понятій еще не достигло своей зрѣлости въ тѣ времена, что впрочемъ не мѣшало ни старому Протагору, ни юному Платону высказывать вѣрныя и остроумныя мысли о самыхъ важныхъ предметахъ.

71) Нѣкоторые комментаторы спрашиваютъ: если стыдъ и правда суть удѣлъ *всѣхъ* людей, то какимъ образомъ, могутъ оказаться люди, ихъ лишенные,—и по этому поводу укоряютъ Протагора въ легкомысленномъ и поверхностномъ умствованіи. Явная придирка и несправедливый упрекъ! Что стыдъ и правда удѣлены *всѣмъ*, — утверждается вѣдь не въ смыслѣ ариѳметической полночисленности, а лишь въ томъ, что эти свойства, образуя нравственную природу человѣка, присущи всѣмъ нормальнымъ людямъ вообще, а не отдѣльнымъ только разрядамъ людей, подобно какимъ нибудь спеціальнымъ и техническимъ преимуществамъ. А этому нисколько не противорѣчитъ существованіе единичныхъ нравственныхъ аномалій, все равно какъ *безспорный*, я думаю, общечеловѣческій характеръ такого органа, какъ голова, нисколько не отрицается исключительнымъ явленіемъ безголовыхъ монстровъ.

72) *ἐκτὸς ὢν τῶν'ολίγων*.

все дѣло въ справедливости и благоразуміи [73]), тутъ при-
нимаютъ они, какъ и слѣдуетъ, совѣтъ всякаго человѣка,
такъ какъ всякому подобаетъ быть причастнымъ этой-то
добродѣтели, а иначе и городамъ не быть. Это самое, Со-
кратъ, и есть тому причина [74]).

А чтобы ты не думалъ, что я тебя обманываю, вотъ
тебѣ еще доказательство того, что всѣ люди въ самомъ
дѣлѣ считаютъ всякаго человѣка причастнымъ справедли-
вости и прочей гражданской добродѣтели [75]). Вѣдь насчетъ
прочихъ качествъ, какъ ты говоришь, если кто скажетъ
про себя, что онъ хорошій флейтистъ, или другое какое
припишетъ себѣ искусство, какого у него нѣтъ, то или его
B. высмѣиваютъ, или сердятся на него, и домашніе приходятъ
и уговариваютъ его какъ безумствующаго; а по части спра-
ведливости и прочей гражданской добродѣтели, когда про
кого и знаютъ, что онъ несправедливъ, но если бы онъ
самъ сталъ противъ себя говорить правду всенародно, (ока-
залось бы, что) то самое, что въ прежнемъ случаѣ (люди)
признавали за благоразуміе, — именно говорить правду, —
тутъ сочли бы они безуміемъ, говоря, что всѣ должны за-
являть себя справедливыми—таковы ли они въ самомъ дѣлѣ,
или нѣтъ,—а кто не надѣваетъ на себя личину справедли-
C. вости, безумствуетъ [76]); такъ что необходимо всякому ка-
кимъ нибудь способомъ быть причастнымъ добродѣтели, или
же не быть въ числѣ людей.

XIII. Такъ вотъ, о томъ что всякаго человѣка основа-
тельно принимаютъ въ совѣтники по части этой добродѣтели,
потому что полагаютъ, что всякій ея причастенъ,—о томъ
моя рѣчь была такова [77]); а за симъ я постараюсь тебѣ
доказать, что съ другой стороны эта добродѣтель сущест-
вуетъ не по природѣ и не сама собою, а что ей науча-

---

73) *ἣ δεῖ διὰ δικαιοσύνης πᾶσαν ἰέναι καὶ σωφροσύνης*—букв. *которая* (выше названа гражданская добродѣтель — *πολιτικὴ ἀρετή*) *должна вся идти черезъ справедливость и умѣренность.*

74) *αὕτη... τούτου αἰτία* — т. е. причина того явленія, на которое въ началѣ указалъ Сократъ.

75) *Ἵνα δὲ μὴ οἴῃ ἀπατᾶσθαι, ὡς τῷ ὄντι ἡγοῦνται πάντες ἄνθρωποι πάντα ἄνδρα μέτεχειν δικαιοσύνης τε καὶ τῆς ἄλλης πολιτικῆς ἀρετῆς, τόδε αὖ λαβὲ τηκμήριον.* Въ переводѣ этого мѣста я слѣдую мнѣнію большинства комментаторовъ, полагающихъ, что фраза *ὡς τῷ ὄντι κτλ.* зависитъ отъ послѣдующаго слова *τεκμήριον.*

76) *μαίνεσθαι τὸν μὴ προσποιούμενον δικαιοσύνην.*

77) *ταῦτα λέγω.*

ются, и что она въ силу прилежанія достается тому, кому
достается [78]). Когда дѣло идетъ между людей о томъ злѣ, D.
что они считаютъ происходящимъ отъ природы или отъ слу-
чая, никто вѣдь не сердится, и не увѣщеваетъ, и не на-
ставляетъ, и не наказываетъ подверженныхъ этому злу,
чтобы они не были такими,—а ихъ жалѣютъ; кто напри-
мѣръ будетъ настолько безсмысленъ, что рѣшится дѣлать
что нибудь такое [79]) противъ некрасивыхъ, или малорос-
лыхъ, или безсильныхъ? Потому что всѣ знаютъ, я полагаю,
что *это* и противоположное этому [80]) происходитъ у людей
по природѣ и по случаю; а вотъ ежели у кого нѣтъ того
добра, которое людямъ полагается имѣть чрезъ заботу и E.
упражненіе и наученіе, а (окажется) противуположное тому,
зло, изъ за этого то происходятъ гнѣвъ и наказанія и увѣ-
щанія. Сюда принадлежитъ [81]) и несправедливость [82]) и
нечестіе и вообще все противное гражданской добродѣтели: 324.
здѣсь то ужь всякій на всякаго сердится и бранится—ясно,
что (изъ за этой добродѣтели) какъ пріобрѣтаемой приле-
жаніемъ и наученіемъ [83]). Вѣдь если ты захочешь, Со-
кратъ, подумать о наказываніи преступниковъ [84]) въ *чемъ*
тутъ сила [85]), то это самое тебя научитъ, что люди-то
считаютъ добродѣтель чѣмъ-то пріуготовляемымъ [86]). Никто
вѣдь не наказываетъ преступниковъ имѣя въ умѣ лишь то [87])
и ради того, что они совершили беззаконіе,—развѣ только B.

---

78) *ἐξ ἐπιμελείας παραγίγνεσθαι ᾧ ἂν παραγίγνηται.*

79) *τι τούτων*—т. е. сердиться, браниться, или наказывать.

80) *ταῦτα μὲν γάρ, οἶμαι ὅτι φύσει τε καὶ τύχῃ τοῖς ανθρώποις γίγνεται καὶ τἀναντία τούτοις.* Въ рукописяхъ передъ *καὶ τἀναντία* стоитъ еще *τὰ καλά.* Уже въ XV вѣкѣ Марсилій Фицинъ нашелъ это несообразнымъ и предполагая описку, читалъ *τὰ κακά.* Изъ новыхъ эту поправку принялъ между прочимъ Штальбаумъ. Шанцъ считаетъ ее излишней, признавая *τὰ καλὰ* просто неудачною вставкой.

81) *ὧν ἐστιν ἕν.*

82) *ἀδικία* — здѣсь, какъ ясно изъ контекста, разумѣется не внутреннее дурное расположеніе, а его фактическое выраженіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ.

83) *ἔνθα δὴ πᾶς παντὶ, θυμοῦται καὶ νουθετεῖ, δῆλον ὅτι ὡς ἐξ ἐπιμελείας καὶ μαθήσεως κτητῆς οὔσης.*

84) *τοὺς ἀδικοῦντας*—очевидно означаетъ здѣсь преступниковъ, а не просто несправедливыхъ людей.

85) *τί ποτε δύναται.*

86) *παρασκευαστόν εἶναι ἀρετήν.*

87) *πρὸς τούτῳ τὸν νοῦν ἔχων*—букв. *имѣя умъ къ тому,*—обыкновенно переводится: „обращая вниманіе на то“.

кто безсмысленно мститъ, какъ животное,—а кто съ разу-
момъ старается наказывать, тотъ не за прошедшее безза-
коніе отплачиваетъ—вѣдь не превратитъ же онъ сдѣланнаго
въ небывшее,—но ради будущаго, чтобы опять не впалъ
въ преступленіе ни этотъ самый, ни другой, видящій его
наказаннымъ; а разсуждая такимъ образомъ, онъ признаетъ
добродѣтель предметомъ воспитанія [88]): вѣдь ради отклоне-
нія отъ зла онъ караетъ [89]). Такого то мнѣнія держатся
C. всѣ, кто только наказываетъ, и въ частномъ быту, и въ
общественномъ; наказываютъ же и караютъ признаваемыхъ
за преступниковъ [90]) какъ прочіе люди, такъ не менѣе дру-
гихъ и Аѳиняне, твои сограждане; такъ что согласно на-
шему разсужденію и Аѳиняне изъ числа тѣхъ, что при-
знаютъ добродѣтель чѣмъ то пріуготовляемымъ и препода-
ваемымъ. Итакъ, Сократъ, достаточно, я думаю, показано
тебѣ: (во-первыхъ), что твои сограждане основательно при-
нимаютъ въ совѣтники по дѣламъ политическимъ и мѣдника
и сапожника,—и (во-вторыхъ) что они считаютъ добродѣ-
D. тель предметомъ наученія и пріуготовленія.

XIV. Еще остается у тебя одно недоумѣніе—насчетъ
доблестныхъ государственныхъ мужей: ты недоумѣваешь,
какъ это они своихъ сыновей прочему, въ чемъ есть учи-
теля, научаютъ и дѣлаютъ мудрыми, а въ той добродѣтели,
въ которой сами превосходны, не дѣлаютъ ихъ лучше кого
бы то ни было. Объ этомъ-то, Сократъ я ужь не сказку
тебѣ скажу, а разумное слово [91]). Подумай вотъ о чемъ:
E. есть, или нѣтъ что-то единое, въ чемъ необходимо уча-
ствовать всѣмъ гражданамъ, если только быть городу?
Ибо этимъ рѣшается то самое недоумѣніе, въ которомъ ты
находишься [92]),—этимъ, или иначе ничѣмъ [93]). Ибо если
есть это единое, и однако не есть оно ни плотничество,

---

88) *παιδευτὴν εἶναι ἀρετήν.*

89) *ἀποτροπῆς γοῦν ἕνεκα κολάζει.*

90) *οὓς ἂν οἴωνται ἀδικεῖν*—какъ явствуетъ изъ контекста *ἀδικεῖν* значитъ здѣсь не просто несправедливо поступать, а нарушать положительные законы, или совершать преступленія.

91) *οὐκέτι μῦθόν σοι ἐρῶ, ἀλλὰ λόγον.*

92) *ἐν τούτῳ γὰρ αὕτη λύεται ἡ απορία, ἣν συ απορεῖς.* Если я не рѣшился слова *αὕτη ἡ ἀπορία, ἣν συ ἀπορεῖς* перевести буквально: ***то самое недоумѣніе, которымъ ты недоумѣваешь***,—то не потому конечно, что я считаю такой переводъ плохимъ,—напротивъ, онъ былъ бы безукоризненъ и по силѣ и по чисто-русскому характеру выраженія,—а лишь потому, что не желаю пока умножать новые обороты рѣчи.

93) *ἢ ἄλλοθι οὐδαμοῦ.*

ни мѣдныхъ дѣлъ мастерство, ни гончарное, но справедли- 325.
вость и благоразуміе и чтобы быть благочестивымъ [94]), и
вообще называю я это самое единое добродѣтелью мужа [95]),—
если оно есть то, въ чемъ всѣмъ должно участвовать, и
если всякій человѣкъ, хотя бы онъ и другое что нибудь
хотѣлъ учить или дѣлать, долженъ все дѣлать лишь въ за-
висимости отъ этого [96]), а безъ этого нѣтъ, и (если) того, въ
комъ этого нѣтъ, должно учить и наказывать—и дитя и
мужчину и женщину—доколѣ наказываемый не станетъ
лучше, а кто не послушается наказанія и наученія, того,
какъ неизлѣчимаго, извергать изъ городовъ, или убивать,—
если такъ оно есть по природѣ вещей [97]), то доблестные B.
то мужи, когда прочему учатъ своихъ сыновей, а этому
нѣтъ,—суди самъ, какъ чудно выходитъ у этихъ добле-
стныхъ [98]). Что они считаютъ это подлежащимъ наученію
и въ домашнемъ быту и въ общественномъ,—это вѣдь мы
показали. А между тѣмъ при возможности научать (этой
добродѣтели) и воздѣлывать ее [99]),—неужели они, хотя
научатъ своихъ сыновей прочему, за незнаніе чего не по-
лагается смерти какъ законнаго воздаянія [100]), а (между тѣмъ)
за что сынамъ ихъ, ненаученнымъ и невоспитаннымъ для C.
добродѣтели, положена въ наказаніе смерть и изгнаніе, и
кромѣ того отнятіе имуществъ и словомъ сказать полное
крушеніе домовъ [101]),—тому-то они неужели ихъ не научаютъ
и не заботятся всякою заботою? [102]). Надо вѣдь полагать,
Сократъ, (что они это дѣлаютъ) [103]).

---

94) *καὶ το ὅσιον εἶναι*—вмѣсто *ὁσιότης* (въ субъективномъ смыслѣ—pietas). Въ рѣчи Протагора, какъ замѣчаютъ комментаторы, допускается иногда нѣкоторая искусственная безъискусственность, или правильная безпорядочность, которая оставлена здѣсь и въ переводѣ.

95) *καὶ συλλήβδην ἓν αὐτό προσαγορεύω εἶναι ανδρὸς ἀρετήν.*

96) *μετὰ τούτου*—съ этимъ.

97) *εἰ οὕτω μεν ἔχει, οὕτω δ᾽αυτοῦ πεφυκότος.*

98) *σκέψαι ὡς θαυμάσιοι γίγνονται οἱ ἀγαθοί.*

99) *διδακτοῦ δὲ ὄντος καὶ θεραπευτοῦ.*

100) Слово *ζημία* съ членомъ (*ἡ ζημία*) означаетъ наказаніе опредѣленное закономъ.

101) *τῶν οἴκων ἀνατροπαί*—„уничтоженіе дома и очага, прекращеніе рода было величайшимъ несчастіемъ въ глазахъ древнихъ“. (***Заупе***).

102) *οὐδ᾽ ἐπιμελοῦνται πᾶσαν επιμέλειαν.*—Здѣсь (и далѣе болѣе пространно) Протагоръ отрицаетъ самый фактъ, приводимый Сократомъ (беззаботность доблестныхъ мужей о гражданской добродѣтели ихъ сыновей), а потомъ даетъ объясненіе мнимому наблюденію Сократа. См. ниже, въ ***Разсужденіи***).

103) Въ текстѣ просто: *οἴεσθαι γε χρή, ὦ Σώκρατες.*

XV. Начиная съ ранняго дѣтства и доколѣ сами живы [104]), они и учатъ ихъ и вразумляютъ. Какъ скоро начинаетъ какое дитя смыслить, что ему говорятъ—и кормилица, и мать, и дядька, и самъ отецъ бьются изъ-за того,
D. чтобы какъ можно лучше вышелъ ребенокъ, научая и показывая ему при всякомъ дѣлѣ и словѣ, что это вотъ справедливо, а то неправо, и это вотъ прекрасно, а то гадко, и это вотъ благочестиво, а вонъ то нечестиво, и это молъ ты дѣлай, а того не дѣлай; и когда добровольно слушается,—ладно [105]), если же нѣтъ, то—какъ съ деревомъ, что пошло вкось и согнулось—выпрямляютъ угрозами и побоями [106]). А потомъ, когда посылаютъ ихъ въ школу, то
E. приказываютъ учителямъ гораздо больше заботиться о благочинiи дѣтей, нежели объ ихъ азбукѣ и игрѣ на киѳарѣ; учителя же объ этомъ именно и заботятся, и когда дѣти научились грамотѣ и готовы понимать написанное, какъ прежде знали только звуки,—кладутъ они имъ на скамейки читать стихотворенiя хорошихъ поэтовъ и застав-
326. ляютъ ихъ выучивать,—а тамъ много и вразумленiй, много и разсказовъ назидательныхъ [107]) и похвалъ и прославленiй древнихъ доблестныхъ мужей, чтобы ребенокъ, соревнуя, подражалъ имъ и стремился стать такимъ же. Опять и киѳаристы съ своей стороны [108]) заботятся о благоразумiи, и чтобы юноши отнюдь не безчинствовали [109]). Къ тому же, когда они научились играть на киѳарѣ, учатъ ихъ опять сти-

---

[104]) *μέχρι οὗπερ ἂν ζῶσι*—пока живы,—разумѣется отцы, *οἱ αγαθοί ἄνδρες*; во избѣжанiе двусмысленности я вставилъ *сами*.

[105]) *καὶ ἐὰν μὲν ἑκὼν πείθηται*. Необходимыя по смыслу слова. обозначенныя въ переводѣ скобками, въ текстѣ отсутствуютъ, какъ подразумѣваемыя—обычная въ аттической рѣчи элизiя.

[106]) *εὐθύνουσιν ἀπειλαῖς καὶ πληγαῖς*—къ сравненiю съ деревомъ относится, очевидно лишь самое выпрямленiе, а не эти его особыя средства, неизвѣстныя садоводамъ и лѣсоводамъ.

[107]) *διέξοδοι*.

[108]) *ἕτερα τοιαῦτα*—букв.: другое тоже самое.

[109]) *σωφροσύνης τε ἐπιμελοῦνται καὶ ὅπως ἂν οἱ νέοι μηδὲν κακουργῶσιν*.—Здѣсь сначала говорится лишь про общiй надзоръ за поведенiемъ учениковъ, такъ какъ далѣе указывается, что *сверхъ того* (*πρός τούτοις*) киѳаристы оказываютъ педагогическое воздѣйствiе и чрезъ особыя средства, принадлежащiя самой музыкѣ. Что киѳаристы являются и въ качествѣ „классныхъ наставниковъ“ не должно насъ удивлять въ виду имѣющагося извѣстiя, что они же были и учителями грамоты, хотя въ рѣчи Протагора эти двѣ должности какъ будто раздѣлены.

хотворенiямъ другихъ хорошихъ поэтовъ пѣснотворцевъ [110]),
прилаживая слова къ музыкѣ [111]), и заставляютъ души дѣтей B.
свыкаться съ правильными чередованiями и ладами, чтобы становясь болѣе кроткими и чинными и уравновѣшенными, были они пригодны и для рѣчей и для дѣятельности; вѣдь вся жизнь человѣка нуждается въ чинности и добромъ ладѣ [112]). Такъ еще кромѣ того посылаютъ дѣтей въ школу гимнастики, чтобы лучшiя тѣла были у нихъ на службѣ
дѣльнаго разумѣнiя, и не приходилось имъ отъ плохого C.
свойства тѣлъ плоховать [113]) и на войнѣ и въ прочихъ дѣлахъ. И это всего болѣе дѣлаютъ тѣ, что всего болѣе могутъ, а всего болѣе могутъ тѣ, что всѣхъ богаче. Ихъ дѣти, начавши ходить въ училища съ самаго ранняго возраста, перестаютъ всѣхъ позднѣе. А какъ отстанутъ отъ учителей, городъ опять-таки заставляетъ ихъ учить законы
и жить сообразно съ ними [114]), чтобы не дѣйствовали они D.
сами собою, зря; но точь въ точь, какъ учителя грамоты, когда дѣти еще не умѣютъ писать, разлиневавши дощечку грифелемъ, въ такомъ видѣ даютъ ее и заставляютъ писать по линiямъ [115]), такъ же и городъ, начертавши законы,—изобрѣтенiя добрыхъ и древнихъ законодателей,—сообразно имъ заставляетъ поступать и начальствующихъ и подначальныхъ [116]). А кто пойдетъ мимо, того городъ наказы-

---

[110]) *μελοποιῶν*—разумѣются лирическiе поэты.

[111]) *ποιήματα ....εἰς τὰ κιθαρίσματα ἐντείνοντες*—букв. *натягивая*.

[112]) *πᾶς γὰρ ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου εὐρυθμίας τε καὶ εὐαρμοστίασ δεῖται*—отличительно-эллинскiй взглядъ.

[113]) *ἵνα τὰ σώματα βελτίω ἔχοντες ὑπηρετῶσι διανοίᾳ χρηστῇ οὔσῃ, καὶ μὴ ἀναγκάζωνται ἀποδειλιᾶν διὰ τὴν πονηρίαν τῶν σωμάτων*—послѣднее предложенiе переведено съ необычною мнѣ вольностью, которую въ этомъ случаѣ считаю позволительною, такъ какъ во-первыхъ буквально передать глаголъ *ἀποδειλιᾶν* все равно невозможно, а во-вторыхъ я не сомнѣваюсь, что авторъ *Протагора* при его склонности играть словами не упустилъ бы здѣсь своего, еслибы писалъ по-русски.

[114]) *καὶ κατὰ τούτους ζῆν*—въ рукописяхъ послѣ этихъ словъ стоитъ *κατὰ παράδειγμα* (по образцу); новые издатели справедливо выбрасываютъ эту вздорную глоссему (что можетъ значить: *жить по образцу законовъ*, особливо когда только что сказано: *жить по законамъ?*

[115]) *ὑπογράψαντες γραμμὰς τῇ γραφίδι οὕτω τὸ γραμματεῖον διδόασιν καὶ ἀναγκάζουσι γράφειν κατὰ τὴν ὑφήγησιν τῶν γραμμῶν*—въ переводѣ переданъ единственный возможный смыслъ этой фразы; понимать ее иначе значитъ принимать *γραμμὰς* (линiи, черты) за *γράμματα* (буквы) Впрочемъ cela s'est vu—et dans les meilleures familles.

[116]) *ἀναγκάζει καὶ ἄρχειν καὶ ἄρχεσθαι*.

ваетъ, и названіе этому наказанію и у васъ и по другимъ
многимъ мѣстамъ—*εὐθῦναι* (исправленія, выпрямленія), по-
тому что справедливое возмездіе какъ бы выпрямляетъ [117]).
При такомъ то—частномъ и общественномъ попеченіи о
E. добродѣтели [118]), ты удивляешься, Сократъ, и недоумѣваешь,
есть ли добродѣтель нѣчто передаваемое чрезъ наученіе.
Но тутъ то не нужно удивляться, а скорѣе бы въ томъ
случаѣ, еслибы она оказалась не изучимою [119]).

XVI. Ну а почему же многіе сыновья доблестныхъ
отцовъ выходятъ плохи? — узнай опять и это; ничего вѣдь
здѣсь нѣтъ удивительнаго, если я правду сейчасъ говорилъ,
что въ этомъ дѣлѣ, — въ добродѣтели, — если только быть
327. городу, никто не долженъ оказываться невѣждою. Ибо если
въ самомъ дѣлѣ такъ оно и есть, какъ я говорю, — а оно
ужъ навѣрно такъ, — сообрази, взявши для примѣра другое
какое угодно занятіе, или наученіе. Допустимъ, что городъ
не въ состояніи былъ бы существовать, еслибы всѣ мы не
были флейтистами — каждый, насколько кто можетъ, — и
въ этомъ всякій всякаго, и дома и публично и училъ бы и
бранилъ не хорошо дудящаго, и не завидовалъ бы другимъ,
какъ вѣдь теперь по части справедливаго и закономѣрнаго
никто другимъ не завидуетъ и не прячется отъ нихъ, какъ
это дѣлается въ другихъ искусствахъ [120]); такъ какъ вы-
B. годно намъ, я думаю, быть другъ къ другу справедливыми
и добродѣтельными [121]); поэтому всякій всякому усердно тол-

---

[117]) *καὶ ὄνομα τῇ κολάσει ταύτῃ... ὡς εὐθυνούσης τῆς δίκης, εὐθῦναι*—технический терминъ, обозначающій собственно взысканія съ начальствующихъ лицъ назначаемыя по суду, послѣ того какъ они не могли дать удовлетворительнаго *отчета* во всѣхъ дѣлахъ своего управленія.

[118]) Въ домашнемъ быту (*ἰδίᾳ*) попеченіе о добродѣтели показано на дѣлѣ воспитанія дѣтей, а въ общественномъ или народномъ (*δημοσίᾳ*) на законодательствѣ и карательномъ правосудіи.

[119]) *θαυμάζεις, ὦ Σώκρατες, καὶ ἀπορεῖς, εἰ διδακτόν ἐστιν ἀρετή; ἀλλ'οὐ χρὴ θαυμάζειν, ἀλλά πολὺ μᾶλλον, εἰ μὴ διδακτόν*—фраза, построенная довольно небрежно въ логическомъ отношеніи. См. ниже *разсужденіе*.

[120]) *και μὴ ἐφθόνει τούτου, ὥσπερ νῦν τῶν δικαίων και τῶν νομίμων οὐδείς φθονεῖ οὐδ'ἀποκρύπτεται ὥσπερ τῶν ἄλλων τεχνημάτων*. Греческій глаголъ *φθονεω*, (существительное *φθονος*), который поневолѣ приходится переводить русскимъ *завидую*, имѣетъ другой оттѣнокъ, не передаваемый однимъ и даже двумя словами: *φθονεῖν* относится здѣсь столько же къ самому дѣйствію, какъ и къ чувству, его внушающему, и значитъ *изъ себялюбія и ревнивой вражды отказывать кому нибудь въ чемъ нибудь,—не дѣлиться съ другимъ, удерживать для себя, скупиться.*

[121]) *λυσιτελεῖ γὰρ οἶμαι ἡμῖν ἡ ἀλλήλων δικαιοσύνη καὶ ἀρετή.*

куетъ о справедливомъ и законномъ и научаетъ этому. Такъ
вотъ еслибы и по части игры на флейтѣ мы имѣли всякое
усердіе и готовность безъ зависти учить другъ друга, дума-
ешь ли ты, Сократъ, сказалъ онъ, что тогда скорѣе сыновья
хорошихъ флейтистовъ становились бы хорошими флейти-
стами, нежели сыновья плохихъ? Думаю, что нѣтъ, но у
кого случайно родился сынъ по природѣ очень способный C.
къ флейтѣ, онъ бы и выросъ знаменитымъ, а у кого неспо-
собный—безславнымъ; да и часто отъ хорошаго флейтиста
происходилъ бы плохой, часто же и отъ плохого хорошій;
а однако же всѣ были бы удовлетворительными флейтистами
сравнительно съ неучами, съ тѣми, что ничего не знаютъ
въ игрѣ на флейтѣ. Такъ, будь увѣренъ [122]), и нынѣ, ка-
жется ли тебѣ какой человѣкъ — изъ тѣхъ, что воспитаны
среди людей, въ законѣ живущихъ,—самымъ что ни на есть
несправедливымъ, онъ все таки справедливъ и даже мастеръ
этого самаго дѣла [123]), если судить о немъ по сравненію D.
съ тѣми людьми, у которыхъ нѣтъ ни воспитанія, ни суди-
лищъ, ни законовъ и никакой принудительной силы, при-
нуждающей во всякомъ дѣлѣ заботиться о добродѣтели [124]),
а были бы это какіе нибудь дикари, вродѣ тѣхъ, что въ
прошломъ году поэтъ Ферекратъ [125]) вывелъ на Ленэйской
сценѣ [126]). Навѣрное, очутившись среди такихъ людей, и
ты подобно мизантропамъ въ томъ хорѣ [127]), радъ бы былъ

---

[122]) *οὕτως οἷον καὶ νῦν*.—Зауппе внесъ поправку: *οὕτως ᾧον κἂν νῦν*—безъ достаточнаго основанія.

[123]) *δίκαιον αὐτόν εἶναι καὶ δημιουργόν τούτου τοῦ πράγματος*—т. е. по аналогіи съ особыми профессіями и по противоположности къ „идіотамъ“ въ гражданской добродѣтели, какими далѣе являются „дикари“.

[124]) *μηδὲ ἀνάγκη μηδεμία διὰ παντὸς ἀναγκάζουσα ἀρετῆς ἐπιμελεῖσθαι.*—Такъ какъ Платонъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе представить рѣчь Протагора съ особенностями его стиля, куда, быть можетъ относится и *ἀνάγκη ἀναγκάζουσα*, то я и передалъ это выраженіе буквально.

[125]) Одинъ изъ главныхъ представителей такъ называемой „старой комедіи“, изобрѣтшій и особый „Ферекратовскій“ стихотворный размѣръ (отъ его произведеній сохранились лишь незначительные отрывки) поставилъ окол. 421 г. въ Аѳинахъ комедію „дикари“ *Ἄγριοι*.

[126]) *ἐδίδαξεν ἐπὶ Ληναίῳ*—глаголъ *διδάσκω* имѣетъ здѣсь техническій смыслъ: *ставлю на театрѣ* (частнѣйшимъ образомъ — *даю актерамъ разучивать роли*).—*Ληναῖον* (отъ *Ληνός*—виноградное точило)—мѣсто подъ Акрополемъ, гдѣ былъ храмъ Діониса-Вакха—*точильника* (*Ληναῖος*) и гдѣ въ мѣсяцъ *Ληναιών* (позднѣе *Γαμηλιών*—соотвѣтствуетъ концу января и началу февраля), во время вакхическихъ празднествъ (*Λήναια*, разум. *ἱερά*) разыгрывались драматическія представленія.

[127]) Въ комедіи Ферекрата дѣйствіе состояло въ томъ, что нѣсколько

E. встрѣтиться съ Еврибатомъ и Фринондомъ [128]) и съ тоскою
бы жаждалъ негодности здѣшнихъ людей [129]). А теперь
ты избаловался, Сократъ, потому что всѣ (у насъ) — учи-
теля добродѣтели, каждый насколько можетъ, и вотъ тебѣ
кажется, что нѣтъ ни одного, какъ не оказалось бы, если
бы ты искалъ, кто тутъ учитель греческой рѣчи, а также,
328. я думаю, не оказалось бы (искомаго) и тогда, когда бы
ты сталъ искать (кого нибудь), кто у насъ научилъ бы
сыновей ремесленниковъ тому самому ремеслу, которое они
ужь узнали отъ отцовъ,—насколько способенъ отецъ и его
друзья—товарищи по ремеслу,—такъ этихъ то, уже наученыхъ, кто бы еще научилъ? Думаю, что не легко, Сократъ,
ихъ-то учителя показать, а для совершенно неискусныхъ—
B. легко, такъ-же и по части добродѣтели и всего прочаго; но
ежели кто и немного лучше насъ умѣетъ вести людей впередъ по пути добродѣтели, — нужно и тѣмъ быть довольнымъ [130]). Думаю, что вотъ и я изъ такихъ [131]), и что
болѣе прочихъ людей могу быть полезенъ кому бы то ни
было въ томъ, чтобы стать ему прекраснымъ и добрымъ, и
что (я это дѣлаю) соразмѣрно той платѣ, которую назначаю [132]), и даже большей, — какъ оно покажется самому
учащемуся. Поэтому и способъ уплаты я установилъ такой:
когда кто у меня учился, то если хочетъ, даетъ деньги, какія
C. я назначаю; а нѣтъ, то отправясь въ храмъ и съ клятвою

аѳинянъ, разочаровавшихся въ добрыхъ качествахъ своихъ согражданъ, удаляются въ пустыню, но тамъ встрѣчаютъ толпу циклопо-образныхъ дикарей (составлявшихъ *хоръ* комедіи) столь звѣрскихъ и неистовыхъ, что въ сравненіи съ ними величайшіе изъ аѳинскихъ негодяевъ вспоминаются этими мизантропами какъ образцы благородства и добродѣтели.

128) Вошедшіе въ пословицу злодѣи. Еврибатъ родомъ изъ Ефеса былъ довѣреннымъ человѣкомъ на службѣ у лидійскаго царя Креза во время его войны съ Киромъ Персидскимъ, и посланный съ большими деньгами въ Пелоппонезъ набирать солдатъ для Креза, вмѣсто того съ похищенными деньгами бѣжалъ къ Киру, которому продалъ за дорогую цѣну военные планы Креза, котораго такимъ образомъ и погубилъ.— Фринондъ былъ аѳинянинъ, прославившійся своими мошенническими продѣлками, подробности которыхъ до насъ не дошли.

129) Т.-е. эта негодность (*πονηρία*) культурныхъ Аѳинянъ по сравненіи съ дикарями показалась бы тебѣ идеальнымъ совершенствомъ.

130) *ἀλλὰ κἂν εἰ ὀλίγον ἐστιν τις ὅστις διαφέρει ἡμῶν προβιβάσαι εἰς ἀρετήν, ἀγαπητόν.*

131) *ὧν δέ ἐγὼ οἶμαι εἶς εἶναι.*

132) *καὶ ἀξίως τοῦ μισθοῦ ὅν πράττομαι.*

заявивъ во сколько цѣнитъ мои наставленія, столько и выкладываетъ.
Ну вотъ, Сократъ, сказалъ онъ, изложилъ я тебѣ и
сказкою и разсужденіемъ, что можно научать добродѣтели
и что таково мнѣніе аѳинянъ, и что ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что у добрыхъ отцовъ бываютъ плохіе
сыновья, а у плохихъ добрые, — когда и Поликлэтовы сыновья, ровесники этимъ вотъ Паралу и Ксанѳиппу, — ничто
въ сравненіи съ отцомъ [133]), какъ и другіе сыновья другихъ
мастеровъ. Ихъ впрочемъ не слѣдуетъ въ этомъ обвинять,
потому что есть еще на нихъ надежды: молоды вѣдь они. D.
XVII. Наговорившись такимъ образомъ на показъ, Протагоръ умолкъ [134]). А я еще долгое время, завороженный,
смотрѣлъ на него [135]), желая слушать, какъ будто онъ долженъ былъ еще что нибудь сказать; когда-же наконецъ я
понялъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ говорить, то
съ трудомъ придя такъ сказать въ себя, я молвилъ, глядя
на Иппократа:
— О сынъ Аполлодора! Какъ благодаренъ я тебѣ, что
ты меня склонилъ придти сюда: вѣдь много для меня значитъ выслушать то, что я выслушалъ отъ Протагора. Въ E.
прежнее то время я полагалъ, что не человѣческою заботою
добрые становятся добрыми; теперь же убѣдился, (что человѣческою). Развѣ что одна малость мнѣ тутъ мѣшаетъ, и
ясно, что Протагоръ легко ее растолкуетъ, послѣ того, какъ
онъ растолковалъ такъ много. Потому что, еслибы кто сталъ
бесѣдовать объ этомъ самомъ съ кѣмъ нибудь изъ народныхъ витій, сейчасъ услыхалъ бы онъ такія же рѣчи или 329.
отъ Перикла, или отъ другого кого изъ мастеровъ говорить; но еслибы къ кому нибудь изъ нихъ обратился еще

---

133) Неизвѣстные сыновья знаменитаго ваятеля Поликлэта (*Πολύκλειτος*) очевидно безъ успѣха занимались отцовскимъ искусствомъ; какъ характерную и очевидно преднамѣренную со стороны Платона черту слѣдуетъ отмѣтить, что Протагоръ, дѣлая общее заключеніе своей рѣчи, вдругъ вспоминаетъ новый частный примѣръ въ подтвержденіе своего тезиса, и тутъ-же о немъ распространяется.

134) *Πρωταγόρας μὲν τοσαῦτα καὶ τοιαῦτα ἐπιδειξάμενος ἀπεπαύσατο τοῦ λόγου.*

135) *καὶ ἐγὼ ἐπὶ μὲν πολὺν χρόνον κεκηλημένος ἔτι πρὸς αυτὸν ἔβλεπον.* Гейндорфъ и Зауппе вопреки Штальбауму относятъ *ἐπὶ πολὺν χρόνον* не къ слову *κεκηλημένος*, а къ дальнѣйшему предложенію *πρὸς αὐτὸν ἔβλεπον.* И то и другое согласованіе одинаково возможно и грамматически и логически.

съ новымъ вопросомъ, то они, какъ книги, не могли бы ни отвѣтить, ни сами спросить, но если кто по малости какой переспроситъ изъ сказаннаго, точно какъ мѣдные сосуды, если въ нихъ ударить, долго еще звучатъ и протяжно, пока
B. кто нибудь не схватитъ, такъ и ораторы о маломъ спрошенные, растягиваютъ рѣчь въ „долгіе круги“ [136]). Ну а Протагоръ, хоть и умѣетъ, какъ само собою ясно, говорить длинныя и прекрасныя рѣчи, также умѣетъ и на вопросы отвѣчать кратко, и самъ спросивши, выжидать и выслушивать отвѣтъ, къ чему лишь немногіе способны. Такъ вотъ теперь, Протагоръ, мнѣ не хватаетъ очень немногаго, чтобы имѣть все, если ты на то-то мнѣ отвѣтишь. Ты говоришь, что добродѣтели можно научать, и если вѣрить кому дру-
C. гому изъ людей, отчего бы мнѣ не повѣрить и тебѣ? Но чему я удивлялся когда ты говорилъ, — это самое ты мнѣ въ душѣ и восполни [137]). Ты вѣдь говорилъ, что Зевсъ послалъ-молъ людямъ справедливость и стыдъ, и потомъ много разъ поминалъ ты въ своей рѣчи и справедливость, и благоразуміе, и благочестіе и все такое, какъ еслибы это вообще было нѣчто одно—добродѣтель, такъ вотъ это самое ты мнѣ въ точности разсуди и растолкуй. Такъ ли (ты это понимаешь), что добродѣтель хотя и есть нѣчто единое, однако справедливость и благоразуміе и благочестіе суть ея части,
D. или же такъ, что все это, о чемъ я сейчасъ говорилъ—только имена того же самаго единаго. Вотъ что я жажду еще (узнать).

XVIII.—Да вѣдь легко, Сократъ отвѣчать на это, сказалъ онъ, что добродѣтель, будучи единою, имѣетъ своими частями то, о чемъ спрашиваешь.

— Въ такомъ ли смыслѣ частями, сказалъ я, какъ вотъ части лица—ротъ и носъ и глаза и уши,—или же

136) *δόλιχον κατατείνουσι τοῦ λόγου.* Сравненіе относится къ олимпійскимъ играмъ, гдѣ *δόλιχον* называлось особенно продолжительное состязаніе въ конскомъ бѣгѣ, при которомъ нужно было объѣхать поприще двѣнадцать разъ къ ряду. Въ примѣненіи къ ораторамъ смыслъ значитъ такой: безъ конца кружатся около одного и того-же мѣста.

137) *ὅ δ'ἐθαύμασά σου λέγοντος, τοῦτό μοι ἐν τῇ ψυχῇ ἀποπλήρωσον*— Сократъ уже сказавшій передъ этимъ, что ему въ рѣчи Протагора не хватало очень не многаго (*σμικροῦ τινος ἐνδεής εἰμι*) повторяетъ тоже въ нѣсколько распространенномъ выраженіи, котораго точный смыслъ такой: когда ты говорилъ, только по одному маленькому вопросу осталось въ моей душѣ до конца неразрѣшенное удивленіе и недоумѣніе; вотъ эту-то малость, недостающую для моего душевнаго удовлетворенія, ты теперь и восполни.

какъ части золота, которыя ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга и отъ цѣлаго, кромѣ какъ большою и малою величиною. E.

— Кажется мнѣ, Сократъ, что по первому способу,— какъ части лица относятся къ цѣлому лицу.

—Ну, говорю, а участвуютъ ли люди въ этихъ доляхъ добродѣтели порознь—одни въ одной, другіе въ другой,—или же необходимо, чтобы кто взялъ одну, имѣлъ и всѣ?

— Никоимъ образомъ, сказалъ онъ, потому что многіе мужественны, а между тѣмъ несправедливы, и опять другіе справедливы, а не мудры.

— Такъ значитъ и это части добродѣтели, сказалъ 330. я,—мудрость то и мужество?

— Совершенно несомнѣнно, сказалъ онъ,—а мудрость то и величайшая изъ частей.

— Каждая же изъ нихъ, сказалъ я, есть другая для другой?

— Да.

— Да и силу [138]) каждая изъ нихъ имѣетъ свою собственную, какъ и части лица? Вѣдь глазъ не то, что уши, и сила у нихъ не та же самая; и изъ остальнаго ничто не есть какъ другое, ни по силѣ, ни по прочему; не такъ ли и части добродѣтели не одинаковы другъ съ другомъ—ни B. сами по себѣ, ни силы ихъ? Не ясно ли, что оно такъ, ежели сходно съ примѣромъ?

— Да такъ [139]), говоритъ.—А я:

Значитъ ни одна изъ другихъ частей добродѣтели не то же, что познаніе, ни что справедливость, ни что мужество, ни что благоразуміе, ни что благочестіе [140])?

— Нѣтъ, говоритъ.

138) Подъ *силой* (*δύναμις*) разумѣется здѣсь присущій чему нибудь особый способъ дѣйствительности, или то, что на языкѣ физіологіи называется отправленіемъ (функція).

139) *'Αλλ'οὕτως, ἔφη.* Такое чтеніе приняли Шанцъ и Заүппе на основаніи одной изъ древнѣйшихъ рукописей (B); у другихъ издателей на основаніи другой важной рукописи (T) это мѣсто читается такъ: *Αλλ'οὕτως, ἔφη, ἔχει, ὦ Σώκρατες.*

140) То есть каждая изъ названныхъ и неназванныхъ добродѣтелей (или частей добродѣтели) имѣетъ свою специфическую особенность, опредѣляющую ее исключительно саму по себѣ, въ отличіе отъ всякой другой: никакая добродѣтель не тождественна и даже не похожа на познаніе (не такова, какъ оно), кромѣ самого познанія, никакая не похожа на справедливость, кромѣ самой справедливости и т. д.

— Такъ давай, сказалъ я, посмотримъ сообща, какова каждая изъ этихъ частей. Сперва такъ начнемъ: справед-
C. ливость есть что нибудь дѣйствительное, или нѣтъ [141])? Мнѣ кажется, что да; а тебѣ какъ?

— И мнѣ тоже, говоритъ.

— Ну а еслибы кто спросилъ насъ съ тобою такъ: скажите ка мнѣ, Протагоръ и Сократъ, эта вотъ вещь, что вы сейчасъ назвали, справедливость, сама то она справедлива, или несправедлива [142])?—я то отвѣчалъ бы ему, что справедлива, ну а ты какое бы положилъ рѣшеніе,—тоже, что и мое, или другое?

— Тоже, говоритъ.

— Справедливость, значитъ, есть тоже, что быть
D. справедливымъ,—такъ я то бы сказалъ въ отвѣтъ спрашивающему; не такъ ли и ты?

— Да, говоритъ.

— Ну а еслибы онъ затѣмъ спросилъ насъ: не утверждаете ли вы, что есть еще какое то благочестіе?—мы бы вѣдь подтвердили, я думаю.

— Да, сказалъ онъ.

— А не признаете ли вы и это (благочестіе) за нѣчто дѣйствительное?—подтвердили бы мы, или нѣтъ?

— И съ этимъ согласился.

— А какой природы по вашему самое это дѣйствительное: то же оно, что быть нечестивымъ, или—что быть благочестивымъ?—я то, говорю, пришелъ бы въ досаду на такой вопросъ и сказалъ бы: тише ты, человѣче! едва-ли бы что другое могло быть благочестивымъ, еслибы само
E. благочестіе не было благочестивымъ. А ты какъ? не такъ-ли бы ты отвѣчалъ?

— Ну конечно такъ, говоритъ.

XIX.—А еслибы затѣмъ спрашивающій насъ сказалъ: а какъ же вы недавно то говорили? Или я васъ плохо слышалъ? Говорили вы, мнѣ казалось, что части добродѣтели имѣютъ такое отношеніе между собою, что ни одна изъ нихъ не такова, какъ другая;—а я то бы ему сказалъ, что прочее молъ ты вѣрно слышалъ, а что ты полагаешь, будто и *я* это говорилъ,—въ этомъ ты ослышался; вѣдь

[141]) *ἡ δικαιοσύνη πρᾶγμά τί ἐστιν ἢ οὐδὲν πρᾶγμα;*

[142]) *τοῦτο τὸ πρᾶγμα, ὃ ὠνομάσατε ἄρτι, ἡ δικαιοσύνη, αὐτὸ τοῦτο δίκαιόν ἐστιν ἢ ἄδικον;*

это были отвѣты вотъ его, Протагора, я же только спра- 331.
шивалъ. Ну такъ еслибы онъ спросилъ: правду онъ говоритъ, Протагоръ? ты утверждаешь, что изъ частей добродѣтели ни одна не такова какъ другая! *твое* это разсужденіе?—чтобы ему на это отвѣчать?

— Необходимо, говоритъ, согласиться, Сократъ.

— Ну а что же бы мы, Протагоръ, согласившись на это, отвѣтили ему, еслибы онъ снова насъ спросилъ: значитъ благочестіе не такое же дѣло, какъ быть справедливымъ, и справедливость не такое же, какъ быть благочестивымъ, а такое, какъ не быть благочестивымъ; а благо-
честіе—какъ не быть справедливымъ, значитъ—какъ быть B.
несправедливымъ, а то-то, (справедливость)—какъ быть нечестивымъ [143])?—что ему отвѣтить? Вѣдь я то самъ за себя сказалъ бы, что и справедливость благочестива, и благочестіе справедливо. Да и за тебя, съ твоего позволенія, я отвѣчалъ бы также, что справедливость и благочестіе—или одно и тоже, или весьма подобны другъ другу, и во всякомъ случаѣ справедливость такова какъ благочестіе, и благочестіе таково, какъ справедливость [144]). Такъ разсмотри же, запрещаешь ли ты мнѣ этотъ отвѣтъ, или и тебѣ такъ кажется?

— Не совсѣмъ то, сказалъ онъ, представляется мнѣ,
чтобы это было такъ просто, Сократъ,—чтобы справедли- C.
вость совпадала съ качествомъ благочестиваго, и благочестіе—съ качествомъ справедливаго, но мнѣ кажется, что здѣсь есть нѣкоторое различіе. Однако, что за дѣло? Если хочешь, говоритъ, пусть будетъ у насъ и справедливость благочестивою, и благочестіе справедливымъ.

— Ну ужь нѣтъ, сказалъ я: вовсе я не нуждаюсь въ разборѣ этихъ „если хочешь“, или „если ты думаешь“, а прямо „я“ да „ты“; а „я да ты“ говорю въ той мысли, что само дѣло такимъ образомъ всего лучше изслѣдуется,—если то-есть отбросить эти „если“ [145]).

[143]) *οὐκ ἄρα ἐστὶν ὁσιότης οἷον δίκαιον εἶναι πρᾶγμα, οὐδὲ δικαιοσύνη οἷον ὅσιον, ἀλλ᾽οἷον μὴ ὅσιον, ἡ δ᾽ὁσιότης οἷον μὴ δίκαιον, ἀλλ᾽ἄδικον ἄρα, τὸ δε ἀνόσιον.*—О невольныхъ логическихъ грѣхахъ этой аргументаціи см. ниже въ *Разсужденіи.*

[144]) *καὶ μάλιστα πάντων ἥ τε δικαιοσύνη οἷον ὁσιότης καὶ ἡ ὁσιότης οἷον δικαιοσύνη.*

[145]) *τὸ δ᾽ἐμέ τε καὶ σέ τοῦτο λέγω, οἰόμενος οὕτω τὸν λόγον βέλτιστ᾽ἂν ἐλέγχεσθαι, ἔι τις τὸ εἴ ἀφέλοι αὐτοῦ.*

D. — Ну такъ все таки, сказалъ онъ, похожа справедливость на благочестіе; да вѣдь и что бы то ни было на что бы то нибыло другое въ чемъ нибудь да похоже. Вѣдь и бѣлое съ чернымъ въ нѣкоторомъ отношеніи схожи, и твердое съ мягкимъ, и прочее, что повидимому всего болѣе противуположно одно другому. Да и то, что мы сейчасъ признали имѣющимъ разную силу и не такимъ одно,
E. какъ другое, именно части лица, въ чемъ нибудь да схожи между собою, и одно одинаково съ другимъ. Такъ что такимъ образомъ ты пожалуй и къ тому придешь заключенію, что все подобно одно другому. Но неосновательно называть подобнымъ то, въ чемъ есть лишь нѣчто подобное, и неподобнымъ то, въ чемъ есть лишь нѣчто неподобное, ежели это нѣчто очень незначительно [146].

Тутъ я съ удивленіемъ говорю ему:

Неужели по твоему справедливое и благочестивое такъ относятся другъ къ другу, что имѣютъ общимъ между собою лишь нѣчто незначительное?

332. — Не совсѣмъ такъ, сказалъ онъ, но опять таки и не такъ, какъ ты, кажется, думаешь.

— Ну а такъ какъ мнѣ кажется, что ты неохотно объ этомъ говоришь, то мы это и оставимъ, а разберемъ изъ того что ты говорилъ, вотъ это еще:

XX. Неразуміемъ ты называешь что нибудь?

Подтвердилъ.

— Полная этому противуположность не есть ли мудрость?

— Мнѣ кажется, говоритъ.

— А какъ по твоему: тогда ли, когда люди дѣйствуютъ правильно да и съ пользою, тогда они поступаютъ благоразумно, дѣйствуя такимъ образомъ, — или же на оборотъ [147]?

[146]) *Κἂν πάνυ σμικρὸν εἴη*—стоящія тутъ въ большей части рукописей слова *τὸ ὅμοιον* справедливо признаны Шанцемъ и Зауппе за описку (раньше заподозрѣны Гиршигомъ и Геннебергеромъ).

[147]) *Πότερον δὲ ὅταν πράττωσιν ἄνθρωποι ὀρθῶς τε καὶ ὠφελίμως, τοτε σωφρονεῖν σοι δοκοῦσιν οὕτω πράττοντες, ἢ (εἰ) τοὐναντίον (ἔπραττον)*;—слова, поставленныя въ скобки (Шанцемъ) выбрасывались въ новыхъ изданіяхъ уже со времени Штальбаума, который считаетъ ихъ ex inepta scioli alicujus interpretatione in ordinem verborum invecta. Далѣе онъ замѣчаетъ: Defendit loci integritatem Bernhardy, sed defendit sic, ut vix cuiquam satisfacturus videatur.—У Зауппе и у Крона *εἰ—ἔπραττον* также выброшено.

— Тогда именно, говоритъ.

— А не чрезъ благоразуміе ли они благоразумно поступаютъ? [148]). B.

— Необходимо.

— А неправильно дѣйствующіе не дѣйствуютъ ли неразумно и не оказываются ли не благоразумными, дѣйствуя такимъ образомъ?

— Мнѣ тоже кажется.

— Значитъ дѣйствовать неразумно и дѣйствовать благоразумно—противоположно между собой?

Подтвердилъ. C.

— Но то, что дѣлается неразумно дѣлается вѣдь чрезъ неразуміе, а то, что благоразумно—чрезъ благоразуміе?

Согласился.

— Ну а если что дѣлается чрезъ крѣпость, то крѣпко дѣлается, а если что чрезъ немощь—немощно?

Принялъ.

— И что съ быстротою—быстро, и что съ медлительностью—медленно?

Подтвердилъ.

— И если что дѣлается одинакимъ образомъ на томъ же основаніи дѣлается, а если противуположнымъ образомъ, то на противоположномъ основаніи? [149]).

Согласился.

—Ну-ка, сказалъ я, есть что-нибудь прекрасное?

Допустилъ.

Есть ли ему что противуположное, кромѣ гадкаго [150]).

— Нѣтъ.

— Ну а есть что нибудь доброе?

— Есть.

— Ему есть что нибудь противоположное, кромѣ злого?

— Нѣтъ.

[148]) *Οὐκοῦν σωφροσύνῃ σωφρονοῦσιν*;

[149]) *Καὶ εἴ τι δὴ ὡσαύτως πράττεται, ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ πράττεται, καί εἴ τι ἐναντίως, ὑπὸ τοῦ ἐναντίου*;

Предлогъ *ὑπό* не указываетъ здѣсь на причину дѣйствующую, а лишь на общее основаніе дѣйствія.

[150]) *τὸ αἰσχρόν*.

— Ну а есть что нибудь высокое въ смыслѣ голоса? [151]).

— Да.

— Этому нѣтъ вѣдь другой противуположности, кромѣ низкаго (голоса)?

— Нѣтъ.

— Не значитъ ли это, сказалъ я, что каждому изъ противуположныхъ противуположно только одно, а не многое?

D. Согласился.

— Такъ давай же, говорю, подведемъ счетъ тому, въ чемъ мы согласились [152]). Согласились мы, что одному противуположно только одно, а не больше?

— Согласились.

— И что дѣлаемое противоположнымъ образомъ дѣлается на противуположныхъ основаніяхъ [153]).

Подтвердилъ.

— А согласились мы въ противуположности между тѣмъ, что дѣлается неразумно, и тѣмъ, что дѣлается благоразумно?

Подтвердилъ.

— И что благоразумное дѣйствіе совершается на основаніи благоразумія [154]), а неразумное на основаніи нера-
E. зумія [155])?

Допустилъ и онъ.

— Вѣдь если противуположно по образу дѣйствія [156]), то противуположно и по основанію дѣйствія [157])?

— Да.

— Дѣлается же одно по благоразумію, а другое по неразумію?

— Да.

— Противуположнымъ образомъ?

— Конечно.

— Не на противуположныхъ ли основаніяхъ [158])?

— Да.

---

[151]) *ἔστιν τι ὀξὺ ἐν φωνῇ.*

[152]) *ἀναλογισώμεθα τὰ ὡμολογημένα ἡμῖν.*

[153]) *τό δὲ ἐναντίως πραττόμενον ὑπὸ ἐναντίων πράττεσθαι.*

[154]) *ὑπὸ σωφροσύνης.*

[155]) *ὑπὸ ἀφροσύνης.*

[156]) *ἐναντὶως πράττεται.*

[157]) *ὑπὸ ἐναντὶου.*

[158]) *ὑπὸ ἐναντὶων ὄντῶν.*

— Значитъ противоположно неразуміе благоразумію?

— Явно.

— А помнишь ты, какъ раньше то мы согласились, что неразуміе противуположно мудрости [159]).

Признавалъ.

— И что одно бываетъ противуположно только одному?

— Утверждаю.

— Ну а какое же изъ двухъ утвержденій намъ бро- 333.
сить, Протагоръ? То ли, что одному противуположно только одно, или же то, когда говорилось, что мудрость есть нѣчто другое, чѣмъ благоразуміе [160]), оба же эти качества части добродѣтели и притомъ разныя и непохожія другъ на друга и сами, и силы ихъ, — все равно, какъ части лица? Такъ что́ же изъ двухъ мы бросимъ? Вѣдь оба то эти утвержденія вмѣстѣ даютъ не слишкомъ хорошую музыку; потому что имъ между собою не спѣться и не сладиться [161]). Да и какъ бы имъ спѣться-то, ежели необходимо, чтобы одному было противоположно только одно и
не больше, а вотъ оказывается, что неразумію, одному, B.
противоположны мудрость да еще и благоразуміе; такъ вѣдь, Протагоръ, говорю, или какъ нибудь по другому?

Согласился, хотя и не охотно.

— Такъ не будетъ ли благоразуміе и мудрость — одно? Въ началѣ же у насъ опять таки оказалось, что справедливость и благочестіе почти тоже самое. Давай-ка, Протагоръ, сказалъ я, не отстанемъ, а будемъ неутомимо разбирать и прочее. Не думаешь вѣдь ты, что человѣкъ, дѣлающій неправду, благоразумно поступаетъ тѣмъ самымъ, что дѣлаетъ неправду?

— Стыдно было бы мнѣ, Сократъ, сказалъ онъ, при-
знать это, хотя много людей это говоритъ. C.

— Ну такъ къ нимъ обращать мнѣ слово, сказалъ я, или къ тебѣ?

— Если хочешь, сказалъ онъ, сперва разсуди объ этомъ вотъ утвержденіи многихъ.

---

[159]) Ср. въ первомъ томѣ *Второй Алкивіадъ.*

[160]) Аргументація Сократа держится на неясномъ различеніи противоположности формальной, или противорѣчія (бѣлый—не бѣлый) отъ противоположности матерьяльной (бѣлый — черный). См. ниже, въ Разсужденіи.

[161]) *οὖτοι γαρ οἱ λόγοι ἀμφότεροι οὐ πάνυ μουσικῶς λέγονται οὐ γὰρ συνᾶδουσιν οὐδέ συναρμόττουσιν ἀλλήλοις.*

— Да если только ты будешь отвѣчать, мнѣ все равно,
такъ ли ты думаешь, или нѣтъ. Я вѣдь главнымъ образомъ
хочу вывести на свѣтъ то, что есть въ самомъ дѣлѣ, хоть
можетъ случиться при этомъ вывести на свѣтъ и себя
спрашивающаго, и отвѣчающаго [162]).

D. XXI. Тутъ сперва для виду поскромничалъ передъ нами
Протагоръ, жалуясь, что вопросъ молъ труденъ. Однако
потомъ согласился отвѣчать.

— Такъ изволь, сказалъ я, отвѣчать мнѣ съ начала.
Полагаешь ли ты, что нѣкоторые, творя неправду, бываютъ
благоразумными?

— Пусть будетъ такъ, говоритъ.

— А быть благоразумнымъ значитъ по твоему — хорошо мыслить? [163])

Подтвердилъ.

— А хорошо мыслить — хорошо обсуждать? [164])

— Будь по твоему, говоритъ.

— Въ томъ ли случаѣ, сказалъ я, если творящимъ
неправду живется хорошо, или если дурно? [165])

— Если хорошо.

— Ну а скажешь ты, что нѣчто есть благо? [166])

— Скажу.

— А не то ли, сказалъ я, есть благо, что полезно
E. людямъ?

— Ну, видитъ Зевсъ, я называю блага благами, еже-
ли они и не полезны людямъ, — И мнѣ показалось, что
Протагоръ уже раздраженъ и волнуется и вооруженъ про-
тивъ требованія отвѣтовъ; [167]) ну и когда я увидѣлъ его
въ такомъ состояніи, то сдѣлавшись осмотрительнымъ, мяг-
334. ко спросилъ: про то ли ты говоришь, Протагоръ, что ни-
кому изъ *людей* не полезно, или про то, что вовсе ни на
что не полезно, и вотъ это ты называешь благомъ?

---

162) *τὸν γὰρ λόγον ἔγωγε μάλιστα ἐξετάζω, συμβαίνει μέντοι ἴσως καὶ ἐμὲ τὸν ἐρωτῶντα καὶ τὸν ἀποκρινόμενον ἐξετάζεσθαι.*

163) *εὖ φρονεῖν.*

164) *εὖ βουλεύεσθαι.* Слова *ὅτι ἀδικοῦσιν* справедливо отмѣчены Шанцемъ какъ явная вставка.

165) *εἰ εὖ πράττουσιν ἀδικοῦντες ἢ εἰ κακῶς.* — О двусмысленности выраженія *εὖ πράττειν* см. въ первомъ томѣ при діалогѣ ***Первый Алкивіадъ.***

166) *λέγεις οὖν ἀγαθὰ ἄττα εἶναι.*

167) *καί μοι ἐδόκει ὁ Προταγορας ἤδη τετραχύνθαι τε καὶ ἀγωνιᾶν και παρατετάσθαι πρὸς τὸ ἀποκρίνεσθαι.*

— Ничуть, говоритъ; но я знаю многія (блага), что
людямъ безполезны, и изъ пищи, и питья, и лѣкарствъ и
тысячи другихъ вещей, — а другія полезны; иныя же лю-
дямъ ни то ни другое, а лошадямъ полезны [168]); а еще
иныя только быкамъ, другія же собакамъ; иныя же ни
тѣмъ ни другимъ, а деревьямъ полезны; а и въ деревѣ
одно для корней хорошо, а для вѣтвей дурно, какъ на- B.
примѣръ навозъ, — для всѣхъ растеній, если корни имъ об-
ложить — добро, а попробуй на побѣги и молодые отростки
накидать — все погубитъ; потомъ и масло (оливковое) для
всѣхъ растеній вещь самая вредная, да и волосамъ про-
чихъ животныхъ — величайшій врагъ, кромѣ человѣческихъ,
а у человѣка помогаетъ, да и прочему тѣлу. А до такой
степени благо есть нѣчто разнообразное и многовидное,
что и здѣсь эта самая вещь [169]) съ наружи тѣла есть благо C.
для человѣка, а снутри она же — величайшее зло; и пото-
му то всѣ врачи отговариваютъ больныхъ отъ употребленія
масла, — развѣ только въ самомъ маломъ количествѣ, лишь
сколько нужно, чтобы заглушить отвратительныя впечатлѣ-
нія отъ кушаній и приправъ, происходящія чрезъ обоня-
тельный органъ.

XXII. Когда онъ это произнесъ, присутствующіе за-
шумѣли, — какъ хорошо, молъ, говоритъ! А я сказалъ:
Протагоръ! я на бѣду человѣкъ забывчивый, и когда кто
мнѣ говоритъ пространно, забываю о чемъ рѣчь. Ну такъ D.
все равно, какъ еслибы случилось мнѣ быть тугимъ на
ухо, ты бы вѣдь счелъ нужнымъ, желая со мною разго-
варивать, звучнѣе произносить слова, нежели обращаясь
къ прочимъ, — такъ и теперь, наткнувшись на забывчиваго,
разчленяй ты мнѣ отвѣты и дѣлай ихъ покороче, чтобы я
могъ за тобою слѣдовать.

— Какъ прикажешь мнѣ отвѣчать коротко? или, го-
воритъ, отвѣчать тебѣ короче, чѣмъ должно?

— Никоимъ образомъ, сказалъ я.

— Но, говоритъ, насколько должно?

— Да, говорю.

— Ну а какъ же я буду тебѣ отвѣчать коротко: на- E.
сколько *мнѣ* кажется должнымъ, или насколько тебѣ?

— Слышалъ я однако, сказалъ, я, что ты и самъ

---

168) *τὸ δὲ ἀνθρώποις μὲν οὐδέτερα, ἵπποις δέ.*

169) *ταὐτόν τοῦτο.*

способенъ, и другого умѣешь научить объ одномъ и томъ же говорить, по желанію, или такъ длинно, чтобы ни разу у тебя не прерывалась рѣчь, или опять такъ коротко, что
335. никому противъ тебя не сказать короче [170]); такъ вотъ, если хочешь со мною разговаривать, примѣняй ко мнѣ второй способъ—краткословіе.

— О Сократъ! сказалъ онъ,—я уже со многими людьми вступалъ въ словесную борьбу, но если бы я дѣлалъ то, чего ты требуешь,—разговаривалъ бы такъ, какъ противникъ прикажетъ мнѣ разговаривать, не явился бы я превосходящимъ кого бы то ни было, и имени Протагора не бывало бы въ Эллинахъ [171]).

А я,—такъ какъ я видѣлъ, что онъ самъ себѣ не понравился прежними отвѣтами и не захочетъ добровольно
B. разговаривать въ положеніи отвѣтчика, то сообразивъ, что мнѣ нечего бы и дѣлать въ такихъ бесѣдахъ, [172])—

Но, говорю, Протагоръ, вѣдь я не настаиваю на томъ, чтобы у насъ происходила бесѣда вопреки тому, что тебѣ угодно, но ежели ты хочешь разговаривать такъ, чтобы я могъ за тобой слѣдовать, тогда я буду съ тобой разговаривать. Ты то вѣдь, какъ про тебя говорятъ да и самъ ты утверждаешь, способенъ бесѣдовать и пространно и
C. кратко [173]); потому что ты мудрецъ; я же въ длинныхъ то этихъ рѣчахъ безсиленъ, хоть желалъ бы и тутъ быть способнымъ. Но ты, какъ сильный и въ томъ и въ другомъ, долженъ бы намъ уступить, чтобы вышла бесѣда; теперь же, такъ какъ ты не хочешь, а у меня есть кое какое занятіе, и мнѣ нельзя оставаться, пока ты растягиваешь длинныя рѣчи,—я вѣдь долженъ идти въ другое мѣсто,—иду; хотя пожалуй не безъ удовольствія прослушалъ бы отъ тебя и такія рѣчи [174]).

D. И съ этими словами я всталъ, какъ бы уходя. Но только что я всталъ, Каллій схватилъ меня за руку своею правою, а лѣвою ухватился за этотъ вотъ плащъ [175]) и говоритъ:

---

170) *ὥστε μηδένα σοῦ ἐν βραχυτέροις εἰπεῖν.*

171) *οὐδενός ἂν βελτίων ἐφαινόμην οὐδ ἂν ἐγένετο Πρωταγόρου ὄνομα ἐν τοῖς ἕλλησιν.*

172) *ἡγησάμενος οὐκέτι ἐμόν ἔργον εἶναι παρεῖναι ἐν ταῖς συνουσίαις ποιεῖσθαι*

173) *καὶ ἐν μακρολογίᾳ καὶ ἐν βραχυλογίᾳ οἷός τ᾽εἶ συνουσίας ποιεῖσθαι.*

174) *ἐπεὶ καὶ ταῦτ ᾽ἂν ἴσως οὐκ ἀηδως σου ἤκουον.*

175) *τῇ δ᾽ἀριστερᾷ ἀντελάβετο τοῦ τρίβωνος τουτουί — τρίβων* — короткій

— Не пустимъ тебя, Сократъ!—вѣдь если ты уйдешь, не тѣ ужь у насъ будутъ разговоры. Такъ прошу тебя, оставайся у насъ; вѣдь ничего пріятнѣе не услышишь какъ васъ съ Протогоромъ разговаривающихъ; ну сдѣлай намъ всѣмъ удовольствіе.

И я сказалъ—а ужь я было всталъ, какъ бы уходя—о сынъ Иппоника! хотя всегда былъ ты мнѣ пріятенъ своею любовью къ мудрости, и теперь я тебя хвалю и люб-
лю, такъ что хотѣлъ бы тебѣ сдѣлать удовольствіе, если- E.
бы только ты просилъ у меня возможнаго; теперь же все равно, какъ еслибы ты просилъ меня бѣжать за Кризономъ Имерейцемъ [176]), или съ кѣмъ нибудь другимъ изъ бѣгуновъ, или изъ скороходовъ бѣжать въ запуски и не от-
ставать;—я бы тебѣ сказалъ, что гораздо больше чѣмъ ты, 336.
я самъ у себя прошу поспѣвать за ними въ бѣгѣ,—да только не могу, но если ужь нужно смотрѣть на меня съ Кризономъ, бѣгущихъ вмѣстѣ, то его проси сбавить бѣгу, потому что я то скоро бѣжать не могу, а онъ медленно—можетъ. Такъ если хочешь слушать меня и Протагора, его проси, что бы какъ онъ сперва мнѣ отвѣчалъ кратко и о томъ самомъ, о чемъ спрашивалось, такъ бы ему теперь отвѣчать; если же нѣтъ,—что это будутъ за разго-
воры? я вѣдь полагалъ, что бесѣда разговаривающихъ ме- B.
жду собою—это одно, витійство народное—другое.

— Но видишь ли, Сократъ, сказалъ тотъ; кажется Протагоръ говоритъ справедливо, полагая, что ему вольно разговаривать, какъ онъ хочетъ, а тебѣ опять, какъ ты хочешь.

XXIII. Тутъ Алкивіадъ подхватилъ: Не хорошо ты говоришь, Каллій, [177]); потому что Сократъ то вѣдь признается, что непричастенъ искусству длинныхъ рѣчей и уступаетъ это Протагору, ну а что до способности разго-

---

плащъ изъ грубой матеріи, употреблявшійся спартанцами, а изъ прочихъ грековъ людьми „философской жизни“.

175) Знаменитый *стадіодромъ* (скоробѣжецъ) V-го вѣка, трижды побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ.—Оставляю безъ перевода слова *δρομεῖ ἀκμάζοντι,* какъ очевидную вставку (у Шанца они въ скобкахъ, у Зауппе выкинуты вовсе).

177) *Οὐ καλῶς λέγεις, ἔφη, ὦ Καλλία.* Если эти слова сопоставить съ тѣми, что въ самомъ концѣ діалога: *ἀλλὰ Καλλίᾳ τῷ καλῷ χαριζόμενος,*—то, пожалуй, нужно заключить, что и на этотъ разъ авторъ *Протагора* упустилъ отличный случай воздержаться отъ сомнительной игры словами.

C. варивать и умѣнья давать и принимать отчетъ (о смыслѣ
сказаннаго) [178])—я бы удивился, еслибы онъ уступилъ ка-
кому бы то ни было человѣку. Такъ еслибы и Протагоръ
согласился, что онъ плоше Сократа по части разговора,—
довольно этого Сократу [179]); если же онъ противится, то пусть
разговариваетъ, спрашивая и отвѣчая, а не такъ, какъ
онъ вотъ дѣлалъ: вытягивая по каждому вопросу длинную
рѣчь, отражая слова и не желая давать отчета (объ ихъ
смыслѣ), но распространяясь въ даль, покуда многіе изъ
D. слушающихъ не забудутъ, о чемъ былъ вопросъ; за Сократа
то я ручаюсь, что онъ не забудетъ,—не такъ какъ онъ
шутя говоритъ, будто забывчивъ. Вотъ мнѣ значитъ и ка-
жется, что Сократъ говоритъ болѣе подходящее: нужно,
чтобы всякій проявилъ свое мнѣніе.

После же Алкивіада, какъ я думаю, Критій говорилъ
такъ: Продикъ и Гиппій! Каллій хотя и тянетъ, мнѣ ка-
жется, къ Протагору, но Алкивіадъ всегда настаиваетъ на
томъ, къ чему устремится [180]); намъ же не должно никуда
E. примыкать,—ни къ Сократу, ни къ Протагору, но сообща
просить обоихъ, чтобы не порывали бесѣду на серединѣ.
337. На эти его слова отвѣчалъ Продикъ: Прекрасно, мнѣ
кажется, говоришь ты, Критій; ибо нужно тѣмъ, кому слу-
чится присутствовать при такихъ рѣчахъ, быть для обоихъ
разговаривающихъ *общими*, а не *равными* слушателями [181]).
Вѣдь это не одно и то же: хотя слушать должно обоихъ
сообща, но не отдавать каждому изъ двухъ равнаго при-
знанія, но болѣе мудрому—больше, а болѣе необразован-
ному—меньше [182]). Я вотъ и самъ, Протагоръ и Сократъ,
рѣшительно прошу васъ уступить другъ другу, чтобы хотя
B. и *спорить* о такихъ вопросахъ, но не *ссориться* [183]). Спо-
рятъ вѣдь и по хорошему расположенію друзья съ друзь-
ями, ссорятся же чужіе (по душѣ) да и враждебные другъ

[178]) *ἐπίστασθαι λόγον τε δοῦναι καὶ δέξασθαι.*

[179]) Очевидно, Алкивіадъ приписываетъ Сократу свое собственное тщеславіе, вѣроятно не безъ умысла автора.

[180]) *Ἀλκιβιάδης δὲ ἀεὶ φιλόνικός ἐστι πρὸς ὅ ἂν ὁρμήσῃ· ἡμᾶς δὲ οὐδὲν δεῖ συμφιλονικεῖν κτλ.*—такъ поправлено Шанцемъ (принято Дейшле-Крономъ), въ прочихъ изданіяхъ *φιλόνεικος, συμφιλονεικεῖν*; впрочемъ смыслъ приблизительно тотъ же.

[181]) *χρὴ γὰρ τοὺς ἐν τοιοῖς δε λόγοις παραγιγνομένους κοινοὺς μὲν εἶναι αμφοῖν τοῖν διαλεγομένοιν ἀκροατάς, ἴσους δὲ μή.*

[182]) *ἀλλὰ τῷ μὲν σοφωτέρῳ πλέον, τῷ δὲ ἀμαθεστέρῳ ἔλαττον.*

[183]) *ἀμφισβητεῖν μέν, ἐρίζειν δὲ μή.*

другу [184]). И такъ-то вышла бы у насъ наилучшая бесѣда:
и вы, говорящіе, всего болѣе такимъ образомъ были бы
нами, слушающими, *одобряемы*, но не *восхваляемы* [185]);
ибо одобрять присуще самимъ душамъ слушающихъ безъ
обмана, восхваляются же на словахъ зачастую ложно, про-
тивъ собственнаго мнѣнія; опять таки и мы слушающіе всего C.
болѣе такимъ образомъ *радовались* бы—не *наслаждались* бы:
радоваться вѣдь свойственно познающему что нибудь и стано-
вящемуся причастнымъ мудрости самимъ разумѣніемъ, наслаж-
даться же есть свойство того, кто ѣстъ что нибудь, или испы-
тываетъ другую какую пріятность въ собственномъ тѣлѣ [186]).

XXIV. Эти слова Продика были приняты многими съ
величайшимъ одобреніемъ.

За Продикомъ же говорилъ Гиппій мудрецъ: Мужи
присутствующіе, сказалъ онъ,—полагаю я, что мы всѣ
здѣсь сродники и свойственники [187]) и сограждане по при-
родѣ,—не по закону; ибо подобное подобному по естеству D.
сродно, но законъ, будучи властителемъ людей принуждаетъ
ко многому противъ природы [188]). Такъ стыдно было бы
намъ, зная природу вещей и будучи мудрѣйшими изъ Эл-
линовъ, и по этому самому сошедшись теперь въ это са-
мое для всей Эллады какъ бы присутственное мѣсто муд-
рости [189]), а въ самомъ этомъ городѣ—въ величайшій и
благополучнѣйшій этотъ домъ,—стыдно бы намъ было не явить
въ себѣ ничего достойнаго такого достоинства, но разно- E.
гласить другъ съ другомъ подобно худшимъ изъ людей.
Такъ вотъ я и прошу васъ и совѣтую вамъ, Протагоръ и
Сократъ, чтобы вы, принявъ насъ въ посредники, сошлись
подъ нашимъ руководствомъ на пол-пути, такъ чтобы ни
тебѣ, (Сократъ), не искать, если это не пріятно Протагору,— 338.
тѣснаго вида разсужденій, что требуетъ излишней крат-
кости [190]), но, отпустить и ослабить бразды рѣчей, чтобы

[184]) *ερίζουσιν δὲ οἱ διάφοροί τε και ἐχθροὶ ἀλλήλοις.*

[185]) *ὑμεῖς τε γὰρ οἱ λέγοντες ἐν ἡμῖν τοῖς ἀκούουσιν εὐδοκιμοῖτε και οὐκ ἐπαινοῖσθε.*

[186]) Каждая фраза этой каррикатурной рѣчи Продика съ начала до конца есть образчикъ его искусства различенія синонимовъ.

[187]) *οἰκείους.*

[188]) *παρὰ τὴν φύσιν βιάζεται.* Противоположеніе между *φύσις* и *νόμος*—одинъ изъ главныхъ пунктовъ въ ученіи софистовъ.

[189]) *πρυτανεῖον τῆς σοφίας.*

[190]) *τὸ κατὰ βραχὺ λίαν.*

онѣ явились намъ великолѣпнѣе и благообразнѣе, ни Протагору
съ другой стороны не натягивать всѣ паруса и не пускаться
съ попутнымъ вѣтромъ въ открытое море рѣчей, потерявъ
изъ виду землю, но обоимъ вамъ держаться нѣкой сере-
дины. Вотъ такъ бы вамъ поступать,—и послушайтесь меня:
B. выберите себѣ судью, и надзирателя и предсѣдателя [191]),
который соблюдалъ бы для каждаго умѣренную длину рѣчей.
XXV. Это понравилось присутствующимъ, и всѣ хва-
лили, а Каллій заявилъ, что не отпуститъ меня, и просили
выбрать надзирателя. Тутъ я сказалъ, что стыдно было бы
выбирать особаго посредника для рѣчей [192]). Потому что
если выбранный будетъ хуже насъ, неправильно, чтобы
худшій руководилъ лучшими; если же одинаковъ съ нами,—
тоже неправильно, потому что одинакій одинакое будетъ и
дѣлать, такъ что лишнее и выбирать. Или лучшаго, чѣмъ
C. мы, выберете? По правдѣ-то, я думаю невозможно вамъ вы-
брать кого нибудь мудрѣе вотъ его, Протагора; если же
выберете хотя нисколько не лучшаго, а только объявите
такимъ, то опять для него (Протагора) выйдетъ обидно, что
къ нему какъ къ плохому человѣку выбираете приставника—
вѣдь что до меня, то мнѣ все равно.—Но вотъ какъ про-
шу васъ сдѣлать, чтобы по вашему желанію вышла у насъ
бесѣда и разговоры. Если не хочетъ Протагоръ отвѣчать,
D. пусть онъ спрашиваетъ, а я буду отвѣчать и вмѣстѣ съ
тѣмъ попытаюсь ему показать, какимъ способомъ, по моему
утвержденію, нужно, чтобы отвѣчающій давалъ свой от-
вѣтъ [193]). Когда же я отвѣчу настолько, насколько онъ за-
хочетъ спрашивать, пусть снова онъ держитъ мнѣ отвѣтъ
подобнымъ же образомъ. Ну а если онъ не покажется рас-
положеннымъ отвѣчать на то самое, о чемъ спрашивается,
и я и вы будемъ сообща просить,—какъ вотъ вы меня
E. просили,—не разрушать бесѣды; и нисколько ради этого
не должно быть одному руководителю, но всѣ вы сообща
будете надзирать. Всѣмъ показалось, что такъ и слѣдуетъ
сдѣлать. А Протагоръ, хоть очень не хотѣлъ, все таки
былъ вынужденъ согласиться спрашивать, а послѣ того какъ
достаточно допросится, снова давать отчетъ, отвѣчая по-

[191]) *ῥαβδοῦχον καὶ ἐπιστάτην καὶ πρύτανιν ἑλέσθαι*—эти названія взяты отъ олимпійскихъ игръ.

[192]) *βραβευτὴν τῶν λόγων.*

[193]) *ὡς ἐγώ φημι χρῆναι τὸν ἀποκρινόμενον ἀποκρίνεσθαι.*

немногу съ раздѣльностью. Ну и началъ онъ спрашивать
такъ.
XXVI. Думаю я, Сократъ, сказалъ онъ, что бо́льшая
доля образованности для настоящаго человѣка — быть силь-
нымъ по части стихотвореній; а это значитъ—быть способ- 339.
нымъ сознательно понимать сказанное поэтами, что́ правильно
сочинено и что нѣтъ,—и умѣть это разъяснять, да и спра-
шивающимъ давать отчетъ. Такъ вотъ и теперь будетъ во-
просъ о томъ самомъ, о чемъ мы сейчасъ говорили—о до-
бродѣтели,—но мы переставимъ его въ поэзію; въ этомъ
только одномъ и будетъ разница. А именно Симонидъ [194])
говоритъ гдѣ то, обращаясь къ Скопасу, сыну Креонта Ѳес-
салійца: *трудно стать человѣкомъ воистину хорошимъ*— B.
(одинаково превосходнымъ со всѣхъ сторонъ) *руками, и
ногами и умомъ* (какъ бы) *четыреугольнымъ, безъ изъяна
сработаннымъ* [195]). Ты знаешь эту пѣсню, или сказать тебѣ
ее всю?—А я говорю:
— Не нужно: знаю я, да и много повозился съ пѣсней.
— Хорошо, говоритъ. Такъ какъ же тебѣ кажется: хо-
рошо это сочинено и правильно, или нѣтъ?
— Очень хорошо и правильно, говорю я.
— А кажется тебѣ, что хорошо сочинено, когда по-
этъ самъ себѣ говоритъ противное?
— Не хорошо, отвѣчаю.
— Смотри, говоритъ, лучше. C.
— Да я, почтеннѣйшій, достаточно разсматривалъ.
— Такъ ты знаешь, что дальше въ томъ же стихот-
вореніи онъ говоритъ вотъ что: *Вовсе неладнымъ признаю
я Питтаково* слово, *хотя и сказано оно мудрымъ му-
жемъ: трудно, говоритъ, быть хорошимъ* [196]). Понимаешь,
что тотъ же самый говоритъ и это, и прежнее?
— Знаю, сказалъ я.
— Такъ тебѣ кажется, говоритъ, что это съ тѣмъ въ
согласіи?
— Мнѣ то кажется,—а вмѣстѣ съ тѣмъ я боялся, что
то онъ еще скажетъ, — ну а тебѣ, говорю, не кажется? D.
— Да вѣдь какъ бы и показался согласнымъ съ самимъ

[194]) Знаменитый поэтъ V вѣка. См. ниже въ *Разсужденіи.*

[195]) *τετράγωνον, ἄνευ ψόγου τετυγμένον.*

[196]) *χαλεπὸν φάτ' ἐσθλὸν ἔμμεναι.* Питтакъ изъ Митилены—одинъ изъ такъ называемыхъ семи мудрецовъ.

собою тотъ, кто высказалъ оба эти сужденія,—кто сперва
самъ призналъ, что трудно человѣку стать воистину хоро-
шимъ, а немного спустя въ продолженіи того-же стихотворенія
забылъ это и порицаетъ Питтака, говорящаго одно и тоже
съ нимъ, что трудно быть хорошимъ,— его онъ порица-
етъ и не хочетъ принять его слова, когда тотъ говоритъ
тоже самое, что и онъ. Ну а коль скоро онъ порицаетъ
говорящаго съ нимъ одно и тоже, ясно, что онъ и себя
самого порицаетъ, такъ что или сперва, или послѣ онъ
говоритъ неправильно.

E. Ну и сказавши это, вызвалъ онъ у многихъ слушав-
шихъ громкую похвалу. А у меня сперва, точно ударилъ
меня хорошій кулачный боецъ, все потемнѣло и закружи-
лось, когда онъ это проговорилъ и прочіе зашумѣли; по-
томъ,—сказать тебѣ правду,—чтобы выиграть время по-
обдумать, что собственно говоритъ поэтъ, обращаюсь я къ
Продику и зову его: Продикъ! твой вѣдь землякъ Симо-
нидъ; ты обазанъ помогать ему. Мнѣ представляется такъ,
340. что я призываю тебя, какъ по словамъ Гомера Скамандръ,
осаждаемый Ахилломъ, призывалъ Симоиса, говоря: Другъ
родимый! теперь вдвоемъ губителя силу сдержимъ [197]).

Вотъ и я тебя призываю, чтобы Протагоръ не разнесъ
намъ Симонида [198]). Да вѣдь и требуется для оправданія Си-
монида твое искусство [199])—то, которымъ ты различаешь
B. между *волею* и *хотѣніемъ* [200]), какъ не означающими одного
и того же, и какъ ты ныньче говорилъ много прекраснаго.
И теперь посмотри, кажется ли тебѣ тоже, что мнѣ. Я вѣдь
не думаю, чтобы Симонидъ говорилъ противное самому себѣ.
Такъ ты, Продикъ, выскажи сперва свое мнѣніе вотъ о чемъ:
считаешь ли ты, что *стать* и *быть*—одно и тоже, или
разное? [201]).

C. — Ей-богу, разное, сказалъ Продикъ.

---

[197]) *Φίλε κασίγνητε, σθένος ἀνερος ἀμφότεροι περ—σχῶμεν.*
(Il. XXI, 307).

[198]) *μή ἡμῖν ὁ Πρωταγόρας τὸν Σιμωνίδην ἐκπερσῃ.* Здѣсь шутливо при-
мѣняется къ Протагору и Симониду продолженіе приведеннаго мѣста
изъ Гомера: *Σχωμεν, ἐπεί τάχα ἄστυ μέγα Πριάμοιο ἄνακτος ’Εκπέρσει.*—
Сдержимъ, чтобъ онъ не разнесъ царя Пріама твердыню.

[199]) *καὶ γὰρ οὖν καὶ δεῖται τὸ ὑπὲρ Σιμωνίδου ἐπανόρθωμα τῆς σῆς
μουσικῆς.*

[200]) *ἢ τὸ τε βούλεσθαι καὶ επιθυμεῖν διαιρεῖς.*

[201]) *ταὐτόν σοι δοκεῖ εἶναι τὸ γενέσθαι καὶ τὸ εἶναι, ἢ ἄλλο;*

— Такъ не выразилъ ли, говорю, въ первыхъ-то
стихахъ самъ Симонидъ то свое мнѣніе, что трудно чело-
вѣку *стать* воистину хорошимъ?

— Твоя правда, молвилъ Продикъ.

— А Питтака, говорю я, онъ порицаетъ не за тоже
самое изреченіе, какъ думаетъ Протагоръ, а за другое. По-
тому что Питтакъ говорилъ не то, что трудно стать хоро-
шимъ, какъ думалъ Симонидъ, а—быть; а не одно и тоже,
о Протагоръ, какъ вотъ и Продикъ утверждаетъ,— что
быть, что—стать; если же не одно и тоже быть и стать,
Симонидъ не противорѣчитъ самъ себѣ. И можетъ быть
сказалъ бы вотъ Продикъ и многіе другіе, согласно Гезіоду, D.
что хотя и трудно стать хорошимъ, потому что боги положили
впереди добродѣтели много поту, но когда кто взойдетъ на
ея вершину, она потомъ ужъ легка, какъ бы ни была труд-
ною—для пріобрѣтенія [202]).

XXVII. Продикъ, выслушавъ это, похвалилъ меня, Про-
тагоръ же сказалъ:

— Твое оправданіе, Сократъ, больше имѣетъ въ себѣ
погрѣшности, нежели то, что тобою оправдывается. — И я
сказалъ:

— Плохая, значитъ, моя работа, какъ видно, Прота-
горъ, и смѣшной я врачъ: врачуя, увеличиваю болѣзнь. E.

— Да такъ оно есть, говоритъ.

— Какимъ же образомъ, однако? говорю.

— Велико, говоритъ онъ, было бы невѣжество по-
эта, еслибы онъ объявилъ такимъ пустякомъ обладаніе до-
бродѣтелью,—дѣло самое трудное изъ всѣхъ, какъ при-
знается всѣми людьми.—А я сказалъ:

— Видитъ Зевсъ! Во время случился Продикъ при
нашихъ разговорахъ. Вѣдь Продикова то мудрость, Протагоръ, 341.
есть, пожалуй, нѣчто издревле божественное, началась ли она
отъ Симонида, или и еще древнѣе. А ты то, во многомъ дру-
гомъ искусный, въ этомъ неискусенъ—не то, что я, иску-

---

[202]) Въ этомъ мѣстѣ варьируются слѣдующіе стихи Гезіода (Труды
и дни, 285--291):

τὴν μέν τοι κακότητα καὶ ἰλαδόν ἔστιν ἑλέσθαι
ῥηιδίως λειη οδος, μάλα δ’ἐγγύθι ναιει
τῆς δ’ἀρετῆς ἱδρῶτα θεοὶ προπάροθεν ἔθηκαν
ἀθάνατοι· μακρὸς δὲ καὶ ὄρθιος οἶμος ες αὐτὴν
και τρηχὺς τὸ πρῶτον· ἐπὴν δ’εἰς ἄκρον ἵκηται
ῥηιδὶη δὴπειτα πελει, χαλεπή περ ἐοῦσα.

сившійся въ этой мудрости, будучи ученикомъ вотъ этого
самаго Продика. И теперь, кажется мнѣ, ты не понимаешь,
что можетъ быть и это (понятіе) *трудное*[203]) Симонидъ не
такъ беретъ, какъ ты берешь, а такъ, какъ насчетъ (по-
нятія) *страшный*[204]) этотъ же опять Продикъ выговарива-
етъ мнѣ каждый разъ, какъ я, хваля тебя-ли, другого-ли
кого, скажу — Протагоръ, молъ мужъ, страшно мудрый —
B. (тутъ Продикъ-то и) спрашиваетъ меня, не стыдно ли мнѣ
называть хорошее страшнымъ. Потому что страшное, молъ,
есть дурное. Никто вѣдь не говоритъ о страшномъ богат-
ствѣ, ни о страшномъ мирѣ, ни о страшномъ здоровьѣ, а
говорятъ о страшной болѣзни и о страшной войнѣ и о
страшной бѣдности, такъ какъ страшное есть дурное. Такъ
вотъ можетъ быть и въ трудномъ опять таки Кеосцы и Си-
монидъ подразумѣваютъ или дурное, или что другое, чего ты
не знаешь; такъ спросимъ Продика: справедливо вѣдь о
C. Симонидовомъ говорѣ спрашивать именно его; что же, Про-
дикъ, разумѣлъ Симонидъ подъ труднымъ?

— Дурное, говоритъ.

— За это, Продикъ, онъ значитъ и порицаетъ Пит-
така, сказалъ я, говорящаго, что трудно быть добрымъ,
все равно, какъ еслибы услышалъ отъ него, что дурно
быть добрымъ.

— А что же бы ты думалъ другое, какъ не это, гово-
ритъ Симонидъ, браня Питтака, что тотъ не умѣлъ пра-
вильно различать имена, какъ сущій Лесбіецъ, воспитан-
ный на варварскомъ нарѣчіи[205])?

D. — Слышишь, говорю, Протагоръ, этого Продика: мо-
жешь ты что нибудь на это сказать? — А Протагоръ:

— Далеко до того, говоритъ, чтобы такъ оно было,
Продикъ; но я хорошо знаю, что и Симонидъ труднымъ на-
зывалъ, какъ и мы прочіе, не дурное, а то что не легко
(дается), но добывается съ большими хлопотами.

— Да вѣдь и я думаю, сказалъ я, что Симонидъ такъ
разумѣетъ, да что и Продику-то это извѣстно, но что онъ
шутитъ и, кажется, тебя, Протагоръ, испытываетъ, спосо-
E. бенъ ли ты будешь поддержать свое мнѣніе; а что Симо-

203) *τὸ χαλεπόν τοῦτο*

204) *περὶ τοῦ δεινοῦ.*

205) Комментаторы признаютъ характернымъ для самомнѣнія Продика, что онъ считаетъ варварскимъ Лесбійское нарѣчіе, на которомъ писали Сафо и Алкей.

нидъ не считаетъ трудное за дурное, — сильное доказатель-
ство въ изреченіи, которое прямо затѣмъ слѣдуетъ, а именно
онъ говоритъ, что богъ лишь одинъ этимъ даромъ владѣ-
етъ, — а вѣдь не сталъ же бы онъ, еслибы считалъ, что
дурно быть доблестнымъ, говорить что одинъ лишь богъ это
имѣетъ и богу одному удѣлять этотъ даръ, — вѣдь тогда Про-
дику пришлось бы говорить о какомъ-то наглецѣ Симо-
нидѣ, а никакъ не о Кеосцѣ[206]). Но что, мнѣ кажется, ра-
зумѣетъ Симонидъ въ этой пѣснѣ, охотно скажу тебѣ, если 342.
желаешь испытать меня, каковъ я по части стихотвореній,
какъ ты говоришь; а то, если изволишь, тебя послушаю.
Протагоръ же на эти мои слова отвѣчалъ: (говори ты),
Сократъ, если хочешь. — Продикъ же и Гиппій сильно тре-
бовали, также и прочіе.

XXVIII. Такъ я попытаюсь, сказалъ я, изложить вамъ
то, что мнѣ представляется насчетъ этой пѣсни. (Долженъ
я сказать), что самая древняя и самая распространенная
философія у Эллиновъ находится на Критѣ и въ Лакеде- B.
монѣ, и самое большое на землѣ число софистовъ — тамъ
же; но они отрекаются и дѣлаютъ видъ, что неученые,
чтобы не стало ясно, что они превосходятъ мудростью всѣхъ
Эллиновъ, — какъ и тѣ софисты, про которыхъ говорилъ
Протагоръ,[207]) — но чтобы ихъ считали превосходными въ
умѣньи сражаться и въ мужествѣ, думая, что если будетъ
узнано, въ чемъ ихъ превосходство, всѣ станутъ упраж-
няться въ томъ же. Теперь же, скрывши настоящее, они
обманули своихъ подражателей въ другихъ городахъ[208]), а
тѣ разбиваютъ себѣ по ихъ примѣру уши, и обертываютъ C.
руки ремнями и предаются гимнастикѣ и носятъ короткіе
плащи, какъ будто этимъ самымъ Лакедемонцы властвуютъ
надъ Эллинами[209]). А когда Лакедемонцамъ надоѣстъ тайно
сообщаться съ тѣми софистами, что находятся у нихъ, и
они захотятъ дѣлать это открыто, они устраиваютъ изгна-
нія чужеземцевъ — какъ тѣхъ подражателей, такъ и вся-
каго другого пришлаго иностранца, и тогда свободно со-
общаются съ софистами, невѣдомо для чужихъ. Они же,
какъ и Критяне, не позволяютъ своимъ юношамъ отправ- D.

206) Кеосцы славились добрыми нравами.

207) См. выше.

208) *τοὺς εν ταῖς πόλεσι λακωνίζοντας.*

209) Сократъ и Платонъ сами были *λακωνίζοντες*, но только — съ другого конца.

ляться въ прочіе города, чтобы не разучились они тому,
чему научены. И въ этихъ государствахъ [210]) не только
мужчины высоко ставятъ образованіе [211]), но и женщины. А
что я правду говорю, и что Лакедемоняне действительно
наилучшимъ образомъ воспитаны для философіи и для сло-
веснаго искусства, [212]) это вы бы узнали вотъ изъ чего: если
бы кто захотѣлъ сойтись съ самымъ плохимъ изъ Лаке-
E. демонянъ, то большею частью нашелъ бы его повидимому
слабымъ въ словѣ, а потомъ, въ любомъ мѣстѣ рѣчи,
пропуститъ (этотъ Лаконецъ), точно могучій стрѣлокъ, какое
нибудь замѣчательное изрѣченіе [213]), короткое и сжатое, такъ
что собесѣдникъ кажется ничѣмъ не лучше ребенка. Вотъ
объ этомъ то самомъ и изъ нынѣшнихъ иные, и изъ древ-
нихъ догадались, что лаконизмъ состоитъ гораздо болѣе въ
любви къ мудрости, нежели къ тѣлеснымъ упражненіямъ,
зная что умѣнье произносить *такія* изреченія есть дѣло
человѣка въ совершенствѣ образованнаго. Изъ нихъ былъ
343. и Θалесъ Милетскій, и Питтакъ Митиленскій и Біантъ изъ
Пріены, и нашъ Солонъ, и Клеобулъ Линдіецъ, и Мизонъ
Хенеецъ, а седьмой между ними считается Лакедемонецъ
Хилонъ. Всѣ они были ревнители и любители и ученики
лакедемонской образованности; и всякимъ можетъ быть вы-
учена ихъ мудрость, будучи такого рода — въ краткихъ
сказанныхъ каждымъ изъ нихъ достопамятныхъ изреченіяхъ,
B. которыя они [214]) и вмѣстѣ сойдясь, положили какъ нача-
токъ мудрости въ храмъ Аполлону, что въ Дельфахъ, на-
писавши то, что всѣ прославляютъ: *познай самого себя* и
ничего чрезъ мѣру.

Но чего ради я это говорю? А ради того, что таковъ
былъ у древнихъ способъ философіи,—краткословіе нѣкое
лаконическое. Вотъ такимъ образомъ ходило повсюду и это
особое Питтаково изреченіе, восхваляемое мудрыми,—что
C. *трудно быть хорошимъ*. Ну и Симонидъ будучи честолю-
бивъ насчетъ мудрости, смекнулъ, что ежели опрокинетъ онъ
это изреченіе, какъ знаменитаго какого атлета и превзой-
детъ его, то и самъ прославится между тогдашними людьми.
Такъ противъ этого-то изреченія и по этому побужденію

[210]) т. е. въ Спартѣ и въ городахъ острова Крита.

[211]) *ἐπὶ παιδεύσει.*

[212]) *πρὸς φιλοσοφίαν καὶ λόγους.*

[213]) *ῥήματα.*

[214]) *ἅ οὗτοι.*

злоумышляя умалить его, сочинилъ онъ всю пѣсню, какъ
мнѣ кажется.

XXIX. Разсмотримъ же это всѣ сообща, правду ли
я говорю. Вѣдь прямо съ перваго (стиха) пѣсни оказыва-
лось бы (нѣчто) безумное, еслибы, желая сказать, что
трудно стать хорошимъ человѣкомъ, онъ вдругъ вставилъ D.
бы (частицу)—*то* (*μὲν*) [215]). Ибо это оказывалось бы вста-
вленнымъ безъ малѣйшаго разумнаго основанія, если не
предположить, что Симонидъ говоритъ какъ бы споря про-
тивъ Питтакова изреченія: такъ какъ Питтакъ утверждаетъ,
что трудно быть хорошимъ, то противорѣча этому (Симо-
нидъ) говоритъ: нѣтъ, о Питтакъ, но и стать-то хорошимъ
человѣкомъ во истину трудно — не „воистину хорошимъ“,
не въ томъ смыслѣ говоритъ онъ объ истинѣ, что молъ E.
бываютъ иные взаправду добрыми, а другіе, хотя и доб-
рыми, но не взаправду: вѣдь это было бы, явно глуповато
и не по-симонидовски [216]); но должно полагать, что въ
пѣснѣ слово *воистину* переставлено, при чемъ подразумѣ-
вается Питтаково изреченіе,—въ родѣ того, какъ еслибы
предположить, что самъ Питтакъ говоритъ, а Симонидъ
отвѣчаетъ. „О люди“, говоритъ тотъ, „трудно быть хоро-
шимъ», а этотъ отвѣчаетъ: „Неправду, Питтакъ, говоришь: 344.
не *быть*, а и *стать*-то человѣкомъ хорошимъ со всѣхъ
сторонъ, — руками, и ногами, и умомъ (какъ-бы) квадрат-
нымъ, безъ изъяна сработаннымъ, — трудно воистину“.
Такимъ образомъ окажется частица *то* вставленною со
смысломъ и слово *воистину* правильно ляжетъ на самомъ
концѣ [217]). И послѣдующее все свидѣтельствуетъ за такой
смыслъ рѣчи: много бы нашлось и въ каждомъ словѣ этой
пѣсни такого, на чемъ можно было бы показать, какъ она B.
хорошо сочинена, потому что она отличается изяществомъ
и продуманностью [218]). По длинно было бы разбирать ее
такимъ образомъ [219]); прослѣдимъ до конца лишь ея общій
характеръ и замыселъ, который черезо всю пѣсню есть
болѣе всего обличеніе Питтакова слова.

Въ первомъ стихѣ:

[215]) *Ανδρ' ἀγαθον μὲν ἀλαθέως γενέσθαι χαλεπόν.*

[216]) *εὔηθες γὰρ τοῦτό γε φανείη ἄν καὶ οὐ Σιμωνίδου.*

[217]) *οὕτω φάινεται πρὸς λόγον τὸ μέν εμβεβλημένον καὶ τὸ ἀλαθέως ὀρθῶς ἐπ' ἐσχάτῳ κείμενον.*

[218]) *μεμελημένως.*

[219]) То есть каждое слово отдѣльно.

XXX. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого немного спустя,
говоритъ онъ,—ежели бы простымъ словомъ сказать [220]), —
такъ: стать-то хорошимъ человѣкомъ воистину трудно,
однако же возможно — на нѣкоторое время; но ставши
C. такимъ, пребывать въ томъ же состояніи и *быть*, какъ
ты, Питтакъ, говоришь, хорошимъ человѣкомъ — это не-
возможно и есть дѣло не человѣческое, а *развѣ богу одному
данъ такой даръ, нельзя же не быть дурнымъ тому
мужу, кого необоримая случайность низвергнетъ* [221]).
D. Ну а кого же необоримая случайность низвергнетъ, на-
примѣръ, въ начальствованіи кораблемъ? Ясно, что не
какого нибудь невѣжду; невѣжда то и такъ всегда внизу;
какъ никто вѣдь не захочетъ свалить лежащаго, а развѣ
стоящаго захотѣлось бы кому нибудь свалить, чтобы онъ
сдѣлался лежащимъ, а не того, кто ужъ лежитъ; точно
также необоримая случайность можетъ повалить того,
кто вообще умѣетъ справляться съ трудностями, а не того,
кто всегда неспособенъ съ ними справляться [222]); и нале-
тѣвшая великая буря можетъ сдѣлать безпомощнымъ корм-
чаго, и внезапное ненастье — земледѣльца, и съ врачемъ
тоже самое. Потому что хорошему возможно стать дур-
нымъ, какъ свидѣтельствуетъ другой поэтъ говорящій:

Добрый бываетъ худымъ подъ часъ — и опять превос-
E. ходенъ [223]). Дурному же невозможно бывать, или стано-
виться, а необходимо всегда быть дурнымъ; тогда какъ
умѣлому и мудрому и доброму не остается ничего, какъ
быть дурными лишь послѣ того, какъ ихъ повалитъ не-
оборимая случайность; а ты, Питтакъ, утверждаешь, что
трудно быть хорошимъ, а въ самомъ дѣлѣ стать-то трудно,
но возможно, быть же — невозможно; *ибо при удачѣ всякій
хорошъ, а при неудачѣ — дуренъ* [224]).

345. Ну вотъ по части граматы, какая дѣятельность хороша
и дѣлаетъ человѣка хорошимъ? Ясно что ученье граматѣ.
И какая хорошая дѣятельность [225]) дѣлаетъ хорошимъ вра-

[220]) *ὡς ἄν ἐι λέγοι λόγον*—т. е. въ логическомъ порядкѣ, а не поэтически.

[221]) *ἄνδρα δ' οὐκ ἔστι μὴ οὐ κακὸν ἔμμεναι ὅν ἂν ἀμήχανος συμφορά καθέλῃ.*

[222]) *τὸν αεὶ ἀμήχανον ὄντα.*

[223]) *αὐτὰρ ἀνὴρ ἀγαθὸς τοτὲ μὲν κακός, ἄλλοτε δ' ἐσθλός*—стихъ поэта, неизвѣстнаго намъ, но хорошо извѣстнаго, кромѣ автора Протагора, еще Ксенофонту (Memor. I, 2), а также, повидимому, Софоклу (Ant. 365).

[224]) *πράξας μὲν γὰρ εὖ πᾶς ἀνὴρ ἀγαθός κακὸς δ' εἰ κακῶς.*

[225]) *εὐπραγια*. Здѣсь и во всемъ этомъ мѣстѣ своей рѣчи Сократъ

чемъ? Ясно, что изученіе искусства лечить больныхъ. Дурно
же (это исполняющій) — дуренъ [226]). Такъ значитъ кто бы
могъ стать дурнымъ врачемъ? Ясно, что тотъ, кому сперва
присуще быть врачемъ, а затѣмъ хорошимъ врачемъ: онъ
же вѣдь сталъ бы и дурнымъ врачемъ; а мы, невѣжды въ
медицинѣ, не стали бы вѣдь, дурно ведя свои дѣла, ни вра-
чами, ни плотниками, ни чѣмъ другимъ въ этомъ родѣ; а B.
кто чрезъ плохія дѣла, не становится врачемъ, ясно, — что
онъ не становится и дурнымъ врачемъ [227]). Такимъ же обра-
зомъ и доблестный мужъ становится иногда и дурнымъ:
или отъ времени, или отъ утомленія, или отъ болѣзни,
или отъ иного какого обстоятельства (отнимающаго знаніе);
потому что это самое и есть единственное злополучіе — быть
лишеннымъ знанія [228]); а дурной человѣкъ не можетъ стать
дурнымъ, будучи всегда дуренъ; но чтобы *стать* дурнымъ,
должно ему сперва стать хорошимъ. Такъ что и это мѣсто C.
пѣсни тянетъ туда же, что быть человѣку хорошимъ, хотя
невозможно, (то есть) непрерывно хорошимъ, стать же
хорошимъ можно, а также и дурнымъ для того же самаго
человѣка, а *всего дольше и всѣхъ болѣе хороши тѣ, ко-
торыхъ боги любятъ* [229]).

XXXI. Все это, значитъ, сказано противъ Питтака,
и дальше въ пѣснѣ это еще яснѣе. А именно онъ гово-
ритъ: *Ради этого-то я и не бросаю попусту жизненной
доли для несодѣянной надежды отыскать несбыточное —
всенепорочнаго человѣка* (между нами), *сколько насъ ни
собираетъ плода съ земли широко — населенной. А какъ
скоро такого найду, — извѣщу васъ* [230]), говоритъ. Съ

пользуется двусмысленностью выраженія *εὖ πράττειν* (*εὐπραγία*), которое по прямому значенію указываетъ на *хорошее дѣйствіе*, но по обыкновенному употребленію относится къ *успѣху, удачѣ въ дѣлахъ, благополучію*. Намѣренное смѣшеніе этихъ двухъ смысловъ въ текстѣ есть для переводчика *необоримое* (*ἀμήχανος*) затрудненіе. Я сдѣлалъ что могъ, — *ἀνάγκῃ δ'οὐδέ θεοί μάχονται.* — См. въ I томѣ, въ *Разсужденіи о Первомъ Алкивіадѣ*, а также ниже — въ *Разсужденіи о Протагорѣ*.

[226]) *κακὸς δὲ κακῶς.*

[227]) *ὅστις δὲ μὴ ἰατρὸς ἂν γένοιτο· κακῶς πράξας, δῆλον ὅτι οὐ δὲ κακός ἰατρός.*

[228]) Мнѣ кажется, что это замѣчаніе, ничѣмъ не подготовленное, есть несомнѣнная глоссема: кто-то хотѣлъ заранѣе напомнить тотъ главный пунктъ, до котораго діалогъ еще не дошелъ.

[229]) *ἐπὶ πλεῖστον δὲ καὶ ἄριστοί εἰσιν οὕς ἂν οἱ θεοὶ φιλῶσιν.*

[230]) *τοὔνεκεν οὔ ποτ' εγώ τὸ μὴ γενέσθαι δυνατὸν.
διζήμενος κενεὰν ἐς ἄπρακτον ἐλπίδα μοῖραν αἰῶνος βαλέω.*

D. такою силою и черезо всю пѣсню преслѣдуетъ онъ изре-
ченіе Питтака. *Всѣхъ же хвалю и люблю я, кто только*
ничего постыднаго не сдѣлалъ своею волей: съ судьбою же
и боги не сражаются[231]). И это сказано противъ того же.
Не былъ вѣдь Симонидъ до такой степени необразованъ,
чтобы заявлять, что онъ хвалитъ тѣхъ, кто добровольно
не дѣлаетъ ничего дурного, какъ будто бываютъ такіе, что
добровольно дѣлаютъ дурное. Я думаю по крайней мѣрѣ,
E. что никто изъ мудрыхъ мужей не полагаетъ, чтобы какой
нибудь человѣкъ добровольно заблуждался, или доброволь-
но творилъ постыдныя и злыя дѣла, но они знаютъ, что
всѣ дѣлающіе постыдное и злое дѣлаютъ это неволь-
но. Такъ вотъ и Симонидъ не объявляетъ себя хва-
лителемъ тѣхъ, кто будто бы не дѣлаетъ дурного своею
волею, а къ себѣ самому онъ относитъ это слово „своею
волею". Такъ какъ онъ полагалъ, что достойный чело-
вѣкъ часто самого себя принуждаетъ дѣлаться кому нибудь
346. другомъ и хвалителемъ—какъ это случается часто напримѣръ
относительно матери, или отца превратно дѣйствующаго, или
отечества, или чего нибудь другого въ этомъ родѣ. Плохіе
то люди, когда съ ними что нибудь такое случится, смот-
рятъ на это какъ бы съ удовольствіемъ и порицая указы-
ваютъ и обвиняютъ негодность родителей, или отечества,
чтобы иначе люди не обвиняли и не бранили ихъ за без-
B. печность,—такъ что они еще и преувеличиваютъ порица-
нія и прилагаютъ умышленныя непріязни къ неизбѣжнымъ;
добрые же люди (въ такихъ случаяхъ) прикрываютъ и при-
нуждаютъ себя къ похваламъ, если же и разсердятся на
родителей, или на отечество за неправедныя ихъ дѣла, то
сами себя уговариваютъ и смиряются, приневоливая себя
любить и хвалить своихъ. Часто же я полагаю и самъ Си-
монидъ считалъ нужнымъ тиранна ли, другого ли кого изъ
C. такихъ хвалить и прославлять—не по своей волѣ, а по
необходимости. Это вотъ онъ и Питтаку говоритъ, что не
потому, молъ, я тебя, Питтакъ, порицаю, чтобы я былъ

πανάμωμον ἄνθρωπον, εὐρυεδοῦς ὅσοι καρπὸν αἰνύμεθα χθονός.
επειθ᾽ ὑμῖν εὑρὼν απαγγελέω.

Послѣдній стихъ читается разно. Слѣдую чтенію Шанца, такъ какъ юмористическій смыслъ получаемый въ этомъ чтеніи, при всей своей неожиданности, имѣетъ все таки преимущество передъ тѣмъ отсутствіемъ всякаго смысла, какое получается при другихъ чтеніяхъ.

[231]) *πάντας δ'ἐπαίνημι καὶ φιλέω*
ἑκὼν ὅστις ἕρδῃ
μηδέν αἰσχρόν. ἀνάγκῃ δ'οὐδέ θεοί μάχονιαι.

этого любителемъ,—такъ какъ: *мнѣ то довольно* (во
всякомъ человѣкѣ), *чтобъ не былъ злой онъ, ни слиш-*
комъ уже неспособный, а знающій общеполезную правду,
здравый мужъ. Такого не осужу я. Ибо не любитель я
осужденій: вѣдь глупцовъ безчисленно племя[232]), такъ что
если кто находитъ удовольствіе въ порицаніяхъ, можетъ
вполнѣ удовольствоваться порицая этихъ (глупцовъ).
Все прекрасно, къ чему постыдное не примѣшало-
ся.—Это онъ не въ томъ смыслѣ говоритъ, какъ если бы D.
сказалъ, что все бѣло, къ чему черное не примѣшалося,—
такъ какъ это было бы весьма смѣшно,—а въ томъ смыслѣ,
что онъ и посредственное принимаетъ безъ порицанія. И не
ищу я, говоритъ, всенепорочнаго человѣка (межъ нами),
сколько насъ ни сбираетъ плода съ земли необъятной,—
а какъ найду, извѣщу васъ. Такъ что за это[233]) я никого
не буду хвалить, а довольно съ меня, былъ бы (человѣкъ)
средній и никакого зла не дѣлалъ, такъ что я всѣхъ люб-
лю и хвалю—здѣсь онъ и говоръ Митиленскій употреб- E.
ляетъ (особенно) обращая къ Питтаку[234]) эти сло-
ва: всѣхъ хвалю и люблю *охотно* (тутъ произносящему
должно сдѣлать остановку на „охотно"), кто не творитъ
ничего постыднаго,—а есть кого *поневолѣ* я хвалю и люб-
лю.—Ну а тебя, Питтакъ, если бы ты сказалъ что ни-
будь и посредственно приличное и истинное, я бы не по- 347.
рицалъ. Теперь же, такъ какъ ты, сказавши крайнюю
ложь и о величайшемъ предметѣ, считаешь себя сказав-
шимъ правду,—за это тебя я порицаю[235]).

XXXII. Вотъ, Продикъ и Протагоръ, сказалъ я, въ
какомъ, мнѣ кажется, разумѣ сочинилъ Симонидъ эту пѣсню.
И сказалъ Иппій: хотя хорошо, мнѣ кажется, и ты,
Сократъ, разобралъ эту пѣсню, есть однако и у меня рѣчь B.

---

[232]) *ἔμοιγ 'ἐξαρκεῖ ὃς ἂν μὴ κακὸς ᾖ*
μηδ'ἄγαν ἀπάλαμνος, εἰδώς τ'ονησίπολιν
δίκαν ὑγιὴς ἀνήρ.
οὔ μιν ἐγὼ μωμήσομαι.
οὐ γὰρ φιλόμωμός εἰμι.
τῶν γὰρ ἠλιθίων ἀπείρων γενέθλα.

[233]) то есть за всенепорочность, которая вовсе невозможна для людей.

[234]) Родиною Питтака была Митилена, главный городъ острова Лесбоса, гдѣ говорили на эолійскомъ діалектѣ. Сократъ думаетъ, что Симонидъ, обращаясь къ митиленцу (слѣдовательно эолійцу) Питтаку нарочно употребилъ эолійскую форму *ἐπαίνημι* вмѣсто *ἐπαινέω*.

[235]) О всемъ этомъ толкованіи на Симонида см. ниже въ *Разсужденіи*.

на этотъ предметъ, хорошо составленная, и если хотите, я произнесу вамъ ее.

А Алкивіадъ: Да, говоритъ, Иппій, только потомъ; а теперь будетъ справедливо, чтобы по взаимному соглашенію Протагора и Сократа, если Протагоръ еще хочетъ спрашивать, отвѣчалъ бы Сократъ, а если напротивъ онъ хочетъ отвѣчать Сократу,—то спрашивалъ бы тотъ.—А я говорю:

— Я то предоставляю Протагору,—что изъ двухъ ему
C. пріятнѣе; но если хочетъ, о пѣсняхъ то и стихотвореніяхъ мы рѣчь прекратимъ, а вотъ, о чемъ я тебя, Протагоръ, сперва спрашивалъ, такъ я съ удовольствіемъ бы дошелъ до конца, разсматривая этотъ вопросъ съ тобою. Потому что мнѣ кажется, что разговаривать о поэзіи,—это всего болѣе похоже на пиры плохихъ и площадныхъ людей. Они вѣдь, будучи неспособны по своей необразованности бесѣдовать за виномъ другъ съ другомъ сами отъ себя посредственномъ своего голоса и своихъ словъ, поднимаютъ цѣну на
D. флейтистокъ, дорого оплачивая чужой голосъ флейтъ, и черезъ ихъ голосъ они другъ съ другомъ бесѣдуютъ; а гдѣ за виномъ сойдутся настоящіе люди и образованные [236]), тамъ не увидишь ни флейтистокъ, ни танцовщицъ, ни арфистокъ [237]), но собесѣдники, довольствуясь сами собою, безъ этихъ пустяковъ и дѣтскихъ игрушекъ бесѣдуютъ собствен-
E. нымъ голосомъ, говоря и слушая въ свой чередъ, хотя бы при этомъ и очень много пили они вина. Подобнымъ же образомъ и такія вотъ бесѣды, когда включаютъ такихъ людей, какими заявляютъ себя многіе изъ насъ, не нуждаются въ чужомъ голосѣ, ни въ поэтахъ, которыхъ нельзя спросить, о чемъ они говорятъ, а изъ многихъ приводящихъ ихъ въ своихъ рѣчахъ одни утверждаютъ, что поэтъ разумѣетъ одно, другіе—другое, разсуждая (такимъ образомъ) о дѣлѣ, которое не могутъ истолковать; но отъ такихъ бесѣдъ они отказываются, а сами по себѣ бесѣдуютъ собственными средствами и въ своихъ словахъ другъ
348. друга испытываютъ и подвергаются испытанію. Такимъ то, кажется мнѣ, болѣе нужно подражать и намъ со тобою,

---

236) *ὅπου δὲ καλοὶ κἀγαθοί συμπόται καὶ πεπαιδευμένοι εἰσίν.* — Признанное Шанцемъ за вставку *καὶ πεπαιδευμένοι*, сохраняется другими новѣйшими издателями.

237) *ψαλτρίας.*

отложивши поэтовъ,—самимъ, собственными нашими средствами вести рѣчи другъ съ другомъ, испытывая истину и насъ самихъ; такъ если хочешь еще спрашивать, готовъ я держать тебѣ отвѣтъ, а то хочешь, ты мнѣ отвѣчай, чтобы приложить конецъ къ тому, что мы прервали на серединѣ.

И тогда, какъ я говорилъ это и другое тому подоб- B.
ное,—такъ и не объявилъ Протагоръ, что изъ двухъ онъ будетъ дѣлать. Ну, а Алкивіадъ и говоритъ, глядя на Каллія: кажется ли тебѣ, Каллій, что и теперь Протагоръ хорошо дѣлаетъ, что не хочетъ ясно сказать, будетъ ли онъ держать отвѣтъ, или нѣтъ? Мнѣ вѣдь не кажется, (чтобы это было хорошо); но пусть онъ или разговариваетъ, или скажетъ, что не хочетъ разговаривать, чтобы намъ это о
немъ знать, и чтобы Сократъ сталъ разговаривать съ кѣмъ C.
другимъ, или другой, кто захочетъ—съ другимъ. И Протагоръ, устыдившись, какъ мнѣ показалось, и Алкивіада, говорившаго эти (слова), и Каллія, упрашивавшаго его со всѣми почти прочими присутствующими, черезъ силу склонился на разговоръ, и сказалъ, чтобы его спрашивали, а онъ будетъ отвѣчать.

XXXIII. Вотъ я и говорю: Не думай, Протагоръ, чтобы разговаривая съ тобой, имѣлъ я какое нибудь другое намѣреніе, кромѣ того, чтобы разсмотрѣть то, о чемъ я самъ каждый разъ недоумѣваю. Я вѣдь полагаю, что очень вѣрно говоритъ Гомеръ [238]):

Двое коль вмѣстѣ идутъ, за двоихъ тутъ каждый про-
мыслитъ [239]); потому что (такимъ образомъ) всѣ мы люди D.
болѣе способны [240]) на всякое дѣло, и слово и размышленіе; *а одинъ когда бы даже и мыслилъ* [241]), сейчасъ ищетъ кругомъ, пока не найдетъ, кому бы показать и съ кѣмъ бы утвердить (свою мысль). Такъ вотъ и я ради этого

---

238) *ἡγοῦμαι γὰρ πάνυ λέγειν τι τὸν Ὅμηρα.*

239) При отправленіи Діомеда вмѣстѣ съ Одиссемъ лазутчиками къ Троянцамъ говоритъ Діомедъ у Гомера (Зл. X, 224 и слѣд.):

σύν τε δύ᾽ ἐρχομένω, καί τε πρὸ ὁ τοῦ ἐνόησει
ὅππως κέρδος ἔῃ μοῦνος δ᾽ εἴ πέρ τε νοήσῃ,
ἀλλά τε οἱ βράσσων τε νόος, λεπτή δε τε μῆτις,

(Двое коль вмѣстѣ идутъ, за двоихъ тутъ каждый промыслитъ,
Выгода въ чемъ, а одинъ, когда бы даже и мыслилъ,—
Умъ то кипитъ у него, и дума его легковѣсна).

240) *εὐπορώτεροι.*

241) См. примѣч. 239.

охотнѣе разговариваю съ тобою, чѣмъ съ кѣмъ нибудь дру-
гимъ, почитая, что ты всѣхъ лучше разсудишь, какъ обо
E. всемъ томъ вообще, чѣмъ слѣдуетъ заниматься порядочному
человѣку, такъ и особенно о добродѣтели. Къ кому же дру-
гому и идти, какъ не къ тебѣ? Ты вѣдь не только самъ
думаешь быть превосходнымъ [242]), какъ другіе нѣкоторые
сами-то порядочные люди, другихъ же не могутъ сдѣлать
(такими); а ты и самъ хорошъ и другихъ способенъ дѣ-
лать хорошими. И до такой степени ты увѣрился въ себѣ,
что между тѣмъ какъ другіе скрываютъ это искусство, ты,
открыто о себѣ возвѣстилъ передъ всѣми Эллинами и на-
349. именовавшись софистомъ, отъявилъ себя учителемъ обра-
зованности и добродѣтели, первый признавши себя достой-
нымъ собирать за это плату. Такъ какъ же не призвать
тебя къ разсмотрѣнію этого вопроса, и не спрашивать тебя,
и не подѣлиться съ тобою (мыслями)? Никакъ безъ этого
невозможно [243]). Вотъ и теперь я хочу, чтобы изъ того, о
чемъ я сперва спрашивалъ, опять сначала кое-что ты мнѣ
B. напомнилъ, а другое бы намъ вмѣстѣ разсмотрѣть. Былъ
же, я полагаю, вопросъ въ томъ: мудрость, и благоразу-
міе, и мужество, и справедливость, и благочестіе—суть ли
это пять именъ для одного и того же дѣла, или (напро-
тивъ), подъ каждымъ изъ этихъ именъ разумѣется особая
нѣкая сущность и дѣйствительность [244]), имѣющая собствен-
ную силу, такъ что каждая изъ нихъ не есть то же, что
другая? Ну, и ты сказалъ, что это не имена для одного и
того же, но что каждое изъ этихъ именъ принадлежитъ
C. особому предмету [245]), всѣ же они [246]) суть части добродѣ-
тели,—не такъ, какъ части золота, похожія другъ на друга
и на то цѣлое, котораго онѣ части, а какъ части лица,
не похожія ни на то цѣлое, котораго онѣ части, ни другъ
на друга, а имѣющія каждая особую силу. Такъ если ты
объ этомъ думаешь еще по прежнему, — скажи; если же
иначе какъ нибудь,—*это* опредѣленно вырази, такъ какъ
я-то вовсе не буду ставить тебѣ въ счетъ, ежели ты те-
перь заявишь что нибудь другое: я вѣдь не удивился бы,

---

[242]) *καλός κἀγαθός.*

[243]) *οὐκ ἔσθ᾽ ὅπως οὔ.*

[244]) *ἢ ἑκάστῳ τῶν ὀνομάτον τούτων ὑπόκειταί τις ἴδιος οὐσία καὶ πρᾶγμα.*

[245]) *ἰδίῳ πράγματι.*

[246]) *πάντα δὲ ταῦτα.*

если бы (оказалось что) ты тогда говорилъ такъ, испыты-
вая меня:
XXXIV. Но я, отвѣчалъ онъ, говорю тебѣ, Сократъ, D.
что все это — часть добродѣтели и что изъ нихъ четыре
довольно близки между собою, мужество же очень многимъ
отличается отъ нихъ всѣхъ. А что я правду говорю, узнай
вотъ изъ чего: вѣдь ты найдешь много людей самыхъ не-
справедливыхъ, и нечестивыхъ, и необузданныхъ, и невѣ-
жественныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно мужествен-
ныхъ [247]).
— Постой-ка, сказалъ я: вѣдь стоитъ разсмотрѣть, E.
что ты говоришь. Разумѣешь ли ты подъ мужественными
смѣлыхъ, или что другое?
— И дерзновенно идущихъ на то, на что большинство
боится идти [248]), сказалъ онъ.
— Ну, хорошо! А добродѣтель признаешь ты чѣмъ-то
прекраснымъ, и себя предлагаешь въ учителя добродѣтели,
какъ чего-то прекраснаго?
— Да и самаго, говоритъ, что ни на есть прекрас-
нѣйшаго, если только я не сошелъ съ ума.
— Такъ ли, сказалъ я, что одно-то въ ней гадко,
а другое прекрасно, или все цѣликомъ прекрасно?
— Цѣлое прекрасно, насколько лишь возможно.
— Ну, а извѣстно тебѣ, кто смѣло ныряетъ въ ко- 350.
лодцы?
— Извѣстно, что водолазы.
— Потому ли (они тутъ смѣлы), что знаютъ (какъ
это дѣлать), или по чему другому?
— Потому, что знаютъ.
— Ну, а кто смѣлъ въ сраженіи на коняхъ: конница,
или пѣхота?
— Конница.
— А съ легкими щитами кто смѣлѣе въ сраженіи,
обученные искусству пелтастовъ [249]), или прочіе?

---

[247]) *ἀνδρειωτάτους δὲ διαφερόντως.* Это послѣднее слово обозначено Шанцемъ какъ вставка. Останавливаюсь на чтеніи Кобэ: *ἀνδρείους δὲ διαφερόντως.*

[248]) *καὶ ἴτας γ᾽, ἔφη, ἐφ᾽ ἃ οἱ πολλοὶ φοβοῦνται ἰέναι.* Протагоръ даетъ здѣсь понять, что слово *ἴτης* (смѣлый, дерзкій) происходитъ отъ глагола *ἴημι* (иду). Не имѣя возможости сохранить эту этимологію въ переводѣ, я могъ только передать слово *ἴτης* такъ, чтобы осталась связь понятія *дерзости* съ понятіемъ *идти* (*дерзновенно идущихъ на...*)

[249]) *οἱ πελταστικοί* — *πέλτη* — легкій, небольшой щитъ безъ обруча,

— Обученные. Да и во всемъ остальномъ, если ты
этого ищешь, сказалъ онъ, знающіе смѣлѣе незнающихъ,
B. да и тотъ же человѣкъ, научившись, становится смѣлѣе
себя самаго, какимъ онъ былъ до наученія.

— А развѣ ты не видалъ, сказалъ я, такихъ, что во всемъ этомъ несвѣдущи, а дерзаютъ на каждое изъ этихъ дѣйствій?

— Какъ же! сказалъ онъ,—и даже очень дерзающихъ.

— Такъ эти-то смѣльчаки, не мужественны ли также они?

— Постыднымъ однако (дѣломъ) было бы тогда мужество, сказалъ онъ: вѣдь эти-то просто сумасшедшіе.

— Такъ какъ же? Развѣ ты не назвалъ мужественныхъ смѣлыми?

— Да и теперь называю, говоритъ.

C. — Такъ эти-то, сказалъ я, что смѣлы въ такомъ
родѣ, не оказываются ли они вмѣсто мужественныхъ—сумасшедшими? а тамъ опять тѣ-то мудрѣйшіе, они же и самые смѣлые, а будучи самыми смѣлыми,—и самые мужественные? И по этому-то разсужденію не будетъ ли *мудрость* мужествомъ?

— Не хорошо передаешь ты, Сократъ, то, что я говорилъ въ отвѣтъ тебѣ. Спрошенный тобою, смѣлы ли мужественные, я отвѣчалъ утвердительно, а о томъ, мужественны ли смѣлые, я не былъ спрошенъ; и вѣдь если
бы ты меня объ этомъ спросилъ, я бы сказалъ, что не всѣ;
D. а о мужественныхъ, чтобы они не были смѣлыми,—этого
ты ничѣмъ не доказалъ и моего-то утвержденія (что они смѣлы), ты не обличилъ въ неправильности. Потомъ ты показываешь, что знающіе смѣлѣе, чѣмъ они сами были до того, какъ научились [250]) и чѣмъ другіе незнающіе и полагаешь, что тѣмъ самымъ мужество и мудрость—одно и тоже; но полагаясь далѣе на этотъ способъ разсужденія, ты пожалуй и крѣпость примешь за мудрость [251]). Въ самомъ дѣлѣ, если бы разсуждая такимъ образомъ ты сперва
E. спросилъ бы меня, сильны ли крѣпкіе люди, я отвѣчалъ
бы, что да; потомъ спросилъ бы ты про умѣющихъ бо-

πελταστής—вооруженный этимъ щитомъ воинъ, *πελταστικός*—особо обученный, искусный обращаться съ этимъ вооруженіемъ.

250) *ἀυτούς ἑαυτῶν θαρραλεωτέρους*—смѣлѣе самихъ себя: указанный въ переводѣ смыслъ явствуетъ изъ предъидущаго.

251) *τούτῳ δὲ τῷ τρόπῳ μετιὸν καὶ την ἰσχὺν οιηθείης ἂλ εἶναι σοφίαν.*

роться, не сильнѣе ли они неумѣющихъ боротья, а также и относительно самихъ себя, не сильнѣе ли они, научившись этому искусству, нежели какими были до наученія, я тоже подтвердилъ бы. А когда я это призналъ бы, свободно бы тебѣ было, пользуясь этими самыми доказательствами, говорить, что по моему же признанію мудрость есть крѣпость. Я же ни вообще, ни въ этомъ случаѣ не согла-
сенъ, чтобы сильные были крѣпкими, а говорю, что крѣп-
кіе сильны; ибо не тоже самое сила и крѣпость [252]), но 351.
первое-то изъ нихъ—сила происходитъ и отъ знанія, и отъ
безумія, и отъ сердечнаго возбужденія [253]). крѣпость же отъ природы и отъ хорошаго тѣлеснаго питанія. Такъ и тутъ не одно и тоже смѣлость и мужество; такъ что, хотя мужественнымъ приходится (непремѣнно) быть смѣлыми, но не всѣ смѣлые (непремѣнно) мужественны; потому что смѣ-
лость происходитъ у людей и отъ искусства и отъ сердеч- B.
наго возбужденія, и отъ безумія, какъ и сила, мужество же происходитъ отъ природы и отъ хорошаго питанія душъ.

XXXV. Считаешь ли ты, Протагоръ, сказалъ я, что иные изъ людей хорошо живутъ, другіе дурно?

Подтвердилъ.

— Ну, а показался ли бы тебѣ хорошо живущимъ тотъ человѣкъ, который жилъ бы въ удрученіи и огорченіи.

— Нѣтъ, говоритъ.

— Ну, а если пріятно живущій скончаетъ жизнь, не покажется ли тебѣ, что онъ такимъ образомъ хорошо прожилъ?

— Да, говоритъ.

— Значитъ съ пріятностью то жить хорошо, а безъ C.
пріятности—дурно.

— Лишь бы только, говоритъ, жилъ онъ, наслаждаясь тѣмъ, что *прекрасно*.

— Какъ, Протагоръ? И ты вмѣстѣ съ большинствомъ нѣкоторыя пріятныя вещи называешь дурными, а мучительныя — хорошими? То есть, я разумѣю, по столько ли они не хороши, поскольку пріятны, а не въ томъ ли случаѣ не хороши, если изъ нихъ что нибудь другое выйдетъ? и опять таки мучительныя вещи не постольку ли дурны, поскольку мучительны [254])?

252) *οὐ γὰρ ταὐτὸν δύναμίντε καὶ ἰσχύν.*

253) *ἀπὸ θυμοῦ.*

254) *καθ ὅσον ἀνιαρά, κακά.*

— Не знаю, Сократъ, сказалъ онъ, когда ты такъ
D. просто ставишь вопросъ [255]), долженъ ли я отвѣчать, что
все вообще пріятное—хорошо, а все мучительное—дурно;
но мнѣ кажется, что не только по отношенію къ нынѣш-
нему отвѣту, но и по отношенію ко всему прочему образу
жизни моему, вѣрнѣе мнѣ будетъ сказать, что бываетъ и
такое пріятное, что не хорошо, да и такое мучительное,
что (вовсе) не дурно; есть же и такія (пріятныя состоянія),
что (вмѣстѣ съ тѣмъ и) хороши, (а изъ мучительныхъ та-
кія, что вмѣстѣ съ тѣмъ и дурны) [256]), а есть и третій
родъ (такихъ состояній), что ни то, ни другое—ни дурны,
ни хороши [257]).

— А пріятнымъ, сказалъ я, не называешь ли ты
того, что причастно удовольствію, или производитъ удо-
вольствіе [258])?
E. — Совершенно такъ, говоритъ.

— Такъ вотъ я это и разумѣю, спрашивая про самое
удовольствіе, не хорошо ли оно?—то есть: не хорошо ли
оно, *поскольку пріятно?*

— Какъ вотъ ты, Сократъ, сказалъ онъ, самъ каждый
разъ требуешь,—изслѣдуемъ этотъ вопросъ, и еслибы вы-
водъ показался намъ дѣльнымъ [259]), и оказалось бы, что
пріятное и хорошее—одно и тоже, допустимъ это; а если
нѣтъ, тогда ужь будемъ оспаривать.

— Ну а какъ: ты что-ли хочешь предводительство-
вать въ изслѣдованіи, или мнѣ его вести?

---

255) *ἁπλῶς οὕτως ὡς σὺ ἐρωτᾷς.*

256) *ἔστι δ᾽ ἃ ἔστιν*—буквальный, или хотя бы близкій по внѣшнему выраженію переводъ невозможенъ, а для точной передачи смысла необходимо греческое выраженіе восполнить логически такъ: *εστι δ᾽ ἃ (τῶν ἡδέων) ἔστιν (ἀγαθά καὶ τῶν ἀνιαρῶν κακά).*

257) *καὶ τρίτον ἃ οὐδέτερα, οὔτε κακὰ οὔτ ἀγαθά.*—Пріятныя и мучительныя состоянія въ ихъ отношеніи къ (нравственно) хорошему и дурному Протагоръ дѣлитъ на три разряда: 1) такія, въ которыхъ это отношеніе есть обратное, т. е. пріятное должно быть признано дурнымъ, а непріятное—хорошимъ (каковы именно наслажденія отъ удовлетворенія гнусныхъ страстей, а съ другой стороны добровольно принятыя страданія ради исполненія нравственнаго долга); 2) такія вь которыхъ отношеніе прямое, т. е. пріятное и нравствено хорошо, а непріятное — дурно; и наконецъ 3) тѣ пріятныя и мучительныя состоянія, которыя нравственно безразличны.

258) *ἡδονήν.*

259) *πρὸς λογον.*

— Ты обязанъ вести, говоритъ: вѣдь ты же и зачин-
щикъ этого разговора.

— Ну, сказалъ я, а не станетъ ли дѣло для насъ 352.
ясно такимъ вотъ способомъ. Какъ если кто нибудь, осма-
тривая человѣка по наружному виду,—для здоровья ли,
или для другой какой тѣлесной потребы,—и видя (только)
лицо да обнаженныя части рукъ, сказалъ бы: ну-тка открой
и покажи мнѣ грудь и спину, чтобы яснѣе мнѣ разсмотрѣть;
такъ и я чего-то подобнаго желаю для нашего вопроса;
посмотрѣвши, что ты вотъ такъ относишься къ хорошему
и пріятному, какъ говоришь, хотѣлъ бы я сказать въ та-
комъ родѣ: Ну-тка, Протагоръ, открой мнѣ еще изъ своей B.
мысли вотъ что: какъ относишься ты къ познанію? Такъ
ли и объ этомъ ты думаешь, какъ большинство людей,
или иначе? А большинство то думаетъ о познаніи, что оно
есть нѣчто не сильное и не предводительствующее и не
начальственное; и не размышляютъ они о немъ, какъ
такомъ [260]), но (полагаютъ), что хотя бы и присуще
было человѣку познаніе, не познаніе имъ управляетъ, а
что нибудь другое, иногда сердце [261]), иногда удовольствіе,
иногда скорбь, иной разъ любовь, а часто страхъ,—думая
о познаніи, что его, прямо какъ невольника, другіе всѣ C.
тащутъ въ разныя стороны [262]). Такъ значитъ и тебѣ объ
этомъ думается въ томъ же родѣ, или (ты думаешь), что
познаніе есть нѣчто прекрасное, чему свойственно управ-
лять человѣкомъ, и если кто узнаетъ добро и зло, ничто
ужь не заставитъ его дѣлать что нибудь другое, а не то,
что велитъ познаніе, но достаточно ума [263]), чтобы помо-
гать человѣку [264])?

— Кажется, сказалъ онъ, что оно такъ, какъ ты
говоришь, Сократъ, и притомъ, если кому другому, то ужь
и мнѣ стыдно не признать мудрости и познанія за первѣй-
шее изъ человѣческихъ дѣлъ. D.

---

260) То есть какъ о первенствующемъ, или господственномъ началѣ въ человѣческой жизни.

261) *θυμός*—сердце въ томъ смыслѣ, въ которомъ говорится „сердитъ“, или „въ сердцахъ“, „сорвать сердце“.

262) *ατεχνῶς διανοούμενοι περὶ τῆς ἐπιστήμης, ὥςπερ περὶ ἀνδραπόδου, περιελκομίνης ὑπὸ των ἄλλων ἁπαντον.*

263) *φρόνησις*—мыслительная дѣятельность, или актъ понимания, что отождествляется здѣсь съ познаніемъ (*ἐπιςτήμη*) — безъ грубой ошибки, поскольку дѣло идетъ о предметахъ нравственнаго порядка.

264) Подразумѣвается—въ исполненіи имъ добра.

— Прекрасно ты говоришь и истинно, сказалъ я.
Ну а ты знаешь, что люди то большею частью насъ
съ тобой не слушаютъ и утверждаютъ, что многіе, зная
наилучшее, не хотятъ его дѣлать, хотя бы у нихъ и была
къ тому возможность [265]), но дѣлаютъ другое; и сколькихъ
я ни спрашивалъ, что же этому за причина, утверждаютъ
всѣ, что дѣлающіе это потому такъ дѣйствуютъ, что усту-
паютъ силѣ удовольствія, или скорби, или подъ властью
E. чего нибудь изъ того, о чемъ я сейчасъ говорилъ [266]).
— Да вѣдь я думаю, Сократъ, сказалъ онъ, что и
многое другое неправильно утверждаютъ люди.
— Такъ давай вмѣстѣ со мной попробуемъ убѣдить
людей и научить ихъ насчетъ того, чтò это у нихъ за
353. состояніе такое, что по ихъ словамъ они пересиливаются
удовольствіями и чрезъ это не дѣлаютъ наилучшаго, когда
и знаютъ его [267]). Вѣдь можетъ быть, что на наши-то слова,
что, молъ, не правильно говорите вы, люди, но лжете, —
они то бы намъ отвѣчали: А ежели, Протагоръ и Сократъ,
это состояніе [268]) не въ томъ, чтобы уступать пересилив-
шему удовольствію, то что же оно такое, и чѣмъ признаете
вы его, — скажите намъ.
— Такъ чтò же, Сократъ, развѣ мы обязаны разсма-
тривать мнѣніе людской толпы, говорящей что попало?
B. — Думаю, сказалъ я, что это имѣетъ для насъ зна-
ченіе, чтобы узнать о мужествѣ, — какъ оно можетъ отно-
ситься къ прочимъ частямъ добродѣтели. Такъ если ты
полагаешь остаться намъ при томъ, что уже нами принято
именно, чтобы я управлялъ (бесѣдою), то слѣдуй за мною
туда, гдѣ по моему всего лучше выяснится дѣло; а не
хочешь, такъ я, пожалуй, оставлю это.
— Но, сказалъ онъ, ты правильно говоришь: кончай
же какъ началъ.
C. XXXVI. — Такъ опять, говорю я, еслибы сказали они
намъ; чтò это такое по вашему-то, про что мы говорили

---

265) *ἐξὸν αὐτοῖς* — здѣсь разумѣется возможность физическая, то есть отсутствіе внѣшняго препятствія или внѣшняго принужденія къ противному. О существѣ обсуждаемаго здѣсь вопроса — см. ниже въ *Разсужденіи*.

266) *ὑπὸ ἡδονῆς φασὶν ἡττωμένους ἢ λύπης ἢ ὧν ννυδὴ ἐγὼ ἔλεγον, ὑπό τινος τούτων κρατουμένους ταῦτα ποιεῖν τοὺς ποιοῦντας*

267) *ὅ ἐστιν αντοῖς τοῦτο τὸ πάθος, ὅ φασιν ὑπὸ τῶν ἡδονῶν ἡττᾶσθαι καὶ οὐ πράττειν διὰ ταῦτα τὰ βέλτιονα ἐπεὶ γιγνώσκειν γε αὐτά.*

268) *τοῦτο τὸ πάθημα.*

какъ про уступку осилившимъ удовольствіямъ, — я бы ска-
залъ имъ такъ: Слушайте же, вотъ мы съ Протагоромъ
попробуемъ вамъ (это) растолковать. Вѣдь не иное что
вы, люди, тутъ разумѣете, какъ то, что нерѣдко бываетъ,
когда пища, питье и любовное влеченіе, будучи пріятными,
заставляютъ и тѣхъ, кто знаетъ, что это дурно, все таки
дѣйствовать подъ властью этихъ удовольствій? — Они сказали
бы, что такъ. — А мы съ тобой опять развѣ не спросили
бы ихъ: а дурно-то все это по вашему чѣмъ? тѣмъ ли, что D.
тутъ сейчасъ же доставляется удовольствіе, и каждое изъ
этихъ (дѣйствій) [269]) пріятно, или же тѣмъ, что въ послѣ-
дующее время они производятъ болѣзни и бѣдность и гото-
вятъ многое другое подобное? Или даже въ томъ случаѣ,
если такія состоянія не грозятъ въ послѣдствіи ничѣмъ
(дурнымъ), а только вызываютъ радостное чувство [270]), они
все таки будутъ дурными, (именно) потому, что заставляютъ
испытывающаго ихъ находить наслажденіе, — каково
бы оно ни было [271])? Такъ неужели намъ думать, Прота-
горъ, что они отвѣчали бы что нибудь другое, кромѣ того,
что не въ силу непосредственнаго произведенія самого удо-
вольствія дурны эти состоянія [272]), а чрезъ бывающее въ E.
послѣдствіи — болѣзни и прочее?
— Я то полагаю, сказалъ Протагоръ, что большинство
отвѣчало бы именно такъ.
— Развѣ то, что производитъ болѣзни, не произво-
дитъ (тѣмъ самымъ) страданія, и производящее бѣдность
не производитъ страданія? Вѣдь они бы согласились, по- 354.
лагаю.
Протагоръ подтвердилъ.
— Такъ развѣ вамъ не кажется, люди, что, какъ мы
съ Протагоромъ утверждаемъ, эти (излишества) дурны не
инымъ чѣмъ, какъ тѣмъ, что они кончаются страданіями
и лишаютъ другихъ удовольствій? Вѣдь согласились бы они?
— Признано нами обоими, что такъ.
— Ну а если бы опять спросили мы ихъ наоборотъ:
вы, люди, считающіе страданія чѣмъ-то хорошимъ, не ра-
зумѣете ли вы тутъ такія вещи какъ гимнастическія упраж-

---

269) или состояній, т. е. связанныхъ съ ѣдою, питьемъ и любовными отношеніями.

270) *χαίρειν δὲ μόνον ποιεῖ* — а только заставляютъ радоваться.

271) *ὅτι παθόντα χαίρειν ποιεῖ καὶ ὁπῃοῦν.*

272) *οὐ κατὰ τὴν αὐτῆς τῆς ἡδονῆς της παραχρῆμα ἐργασίαν κακά ἐστιν.*

ненія и военные походы и врачеванія, производимыя посредствомъ прижиганій и вырѣзаній и (отвратительныхъ) лекарствъ и голоданія,—такъ не разумѣете ли вы, что вотъ
B. это, хотя добро, однако мучительно? Подтвердили бы?

Принято.

— Такъ почему же вы это называете добромъ: потому ли, что это въ настоящемъ доставляетъ крайнюю боль и страданія, или потому, что впослѣдствіи времени отсюда происходятъ здоровье и благосостояніе тѣлъ и избавленіе городовъ и власть надъ другими и богатства? Подтвердили бы, я полагаю.

Согласился.

— А это есть добро развѣ по чему другому, какъ не потому, что кончается удовольствіемъ и упраздненіемъ и отстраненіемъ скорбей? или вы можете указать другой ка-
C. кой конецъ, глядя на который называете это добромъ, кромѣ какъ удовольствія и страданія? Не нашли бы другого, полагаю.

— И мнѣ тоже кажется, сказалъ Протагоръ.

— Такъ не гоняетесь ли вы за удовольствіемъ, какъ за добромъ и не избѣгаете ли страданія, какъ зла?

Призналъ и онъ.

— Значитъ, зломъ то вы считаете это самое - страданіе, а добромъ—удовольствіе, такъ какъ вы тогда (только) разумѣете пріятное состояніе[273]) какъ зло, когда оно лишаетъ бо̀льшихъ удовольствій, чѣмъ тѣ, что въ немъ заключаются, или готовитъ больше страданій, чѣмъ сколько
D. въ немъ удовольствія; потому что еслибы вы по чему нибудь другому и глядя на другой какой конецъ, называли само пріятное состояніе зломъ, то вы могли бы и намъ это сказать; однако, не можете.

— И мнѣ кажется, что не могутъ, сказалъ Протагоръ.

— А не тотъ же ли самый опять оборотъ и съ состояніемъ страданія?[274]) Вы вѣдь тогда называете самое страданіе добромъ, когда оно или отвращаетъ бо̀льшія, чѣмъ въ немъ скорби, или готовитъ больше удовольствія, чѣмъ (сколько въ немъ) скорби? Потому что если вы, когда на-
E. зываете страданіе добромъ, смотрите на какой другой конецъ, нежели тотъ, о которомъ я говорю, то можете намъ сказать; но вы не будете въ состояніи (сказать).

---

[273]) *αὐτὸ τὸ χαίρειν.*

[274]) *Ἄλλο τι οὖν πάλιν καὶ περὶ αὐτοῦ τοῦ λυπεῖσθαι ὁ αὐτὸς τρόπος;*

— Правду говоришь, сказалъ Протагоръ.

— Ну и опять, сказалъ я, если бы вы, люди, меня спросили: чего же ради ты объ этомъ такъ много говоришь и на разные лады?[275])—Извините ужь меня, я то бы отвѣтилъ: во первыхъ, вѣдь не легко показать, что̀ это такое, что вы называете *быть осиленнымъ удовольствіемъ;* а затѣмъ въ этомъ вся сила нашего разсужденія[276]). Но еще и теперь вольно намъ взять назадъ (сказанное), если вы можете утверждать, что добро есть что нибудь другое, чѣмъ 355.
удовольствіе, и зло — что нибудь другое, чѣмъ страданіе; или же достаточно для васъ пріятно прожить жизнь безъ скорбей? если же достаточно, и вы не можете утверждать, что бы добро, или зло было чѣмъ нибудь другимъ, что не сводится въ концѣ концовъ на это самое[277]), то слушайте дальше. Ибо я утверждаю вамъ, что если это такъ, то смѣшное выходитъ дѣло, когда вы говорите, что нерѣдко знающій зло, что оно есть зло, и имѣя возможность его не дѣлать, все таки дѣлаетъ его, ведомый и оглушаемый удовольствіями; и какъ опять вы говорите, что человѣкъ B.
знающій добро не хочетъ его дѣлать вслѣдствіе минутныхъ удовольствій, пересиленный ими.

XXXVII. А что это смѣшно, будетъ вполнѣ ясно, если мы будемъ употреблять не разныя названія заразъ[278])— пріятное и мучительное и добро и зло,—но такъ какъ дѣло сведено къ двумъ (понятіямъ), то и будемъ обозначать ихъ (каждый разъ) двумя именами[279]),—сперва добромъ и зломъ, потомъ опять пріятнымъ и мучительнымъ. Установивъ же это такимъ образомъ, скажемъ, что человѣкъ, знающій зло, что оно есть зло, все таки дѣлаетъ его. А если кто C.
насъ спроситъ: почему же (дѣлаетъ)?—мы отвѣтимъ: потому что пересиленъ. — А тотъ насъ спроситъ: чѣмъ (пересиленъ)?—А намъ то ужъ больше нельзя сказать, что удовольствіемъ, потому что вмѣсто удовольствія тутъ ужъ дру-

---

[275]) *πολλαχῇ.*

[276]) *ἔπειτα ἐν τούτῳ εἰσὶν πᾶσαι αἱ ἀποδείξεις.*

[277]) *ὃ μὴ εἰς ταῦτα τελευτᾷ.*

[278]) Читаю здѣсь текст *ἅμα* вмѣсто *ἄρα*. Эта поправка, предложенная Куалэномъ и затѣмъ Кобэ, а изъ новѣйшихъ издателей принятая Крошелемъ, даетъ болѣе простой смыслъ и устраняетъ противорѣчіе съ контекстомъ.

[279]) Т. е. попробуемъ для полной ясности употребить порознь, сначала одну, потомъ другую пару соотносительно противоположныхъ терминовъ (добро—зло; пріятное—мучительное).

гое имя—добро;—такъ мы тому-то будемъ отвѣчать и ска-
жемъ, что, молъ, (зло дѣлаетъ) *пересиленный*... А тотъ
опять: да *чѣмъ же?*—Добромъ, видитъ Зевсъ! придется
намъ сказать. Ну а ежели случится, что спрашивающій то
D. насъ — глумитель [280]), — засмѣется онъ и скажетъ: право,
смѣшное это дѣло, что вы говорите, будто ежели кто дѣ-
лаетъ зло, зная, что оно зло и не должно ему этого дѣ-
лать, — то дѣйствуетъ онъ пересиленный добромъ! [281]) Ка-
кимъ же значитъ добромъ, скажетъ онъ далѣе: такимъ ли,
что не стоитъ по вашему [282]) зла, или же—стоитъ?—ясно,
что мы скажемъ въ отвѣтъ: такимъ, молъ, добромъ, что
не стоитъ,—потому что иначе не погрѣшилъ бы тотъ, про
кого мы говоримъ, что онъ осиленъ удовольствіями.—А
спрашивающій-то, можетъ быть, скажетъ (еще): *Чѣмъ же*
(собственно) добро бываетъ нестоящимъ зла, или зло не-
стоящимъ добра: другимъ-ли чѣмъ, или тѣмъ, что одно
больше, другое—меньше, одного больше, другого меньше? [283])
E. —мы ничего другого не нашли бы указать, кромѣ этого.—
Значитъ ясно, скажетъ тотъ, что подъ „осиленнымъ быть"
вы (здѣсь) разумѣете: за меньшее добро взять большее
зло.—Ну съ этой стороны, значитъ, такъ. Теперь примѣ-
нимъ-ка опять къ тому же самому слово *пріятное* и *му-
чительное* и скажемъ, что человѣкъ дѣлаетъ—тогда-то мы
говорили зло, теперь же скажемъ мучительное, зная что
оно мучительно, будучи пересиленъ пріятнымъ,—ясно что
такимъ пріятнымъ, которое не стоитъ того, чтобы побѣ-
356. ждать. И какую же другую цѣнность [284]) имѣютъ удоволь-
ствіе и скорбь другъ передъ другомъ, кромѣ того. чтобы
превышать мѣру, или не достигать ея, т. е. когда они ста-

[280]) *ὑβριστής*.

[281]) *ὑπὸ τῶν ἀγαθῶν*.—Такъ какъ въ этой части діалога оба слова: *τὸ ἀγαθόν* и *τὸ κακόν* употребляются въ текстѣ безразлично и въ единственномъ, и во множественномъ числѣ и такъ какъ по русски соотвѣтствующія слова не имѣютъ всѣхъ падежей во множественномъ числѣ, то я употребляю здѣсь только единственое число, чѣмъ смыслъ нисколько не измѣняется.

[282]) *ἐν ὑμῖν*.

[283]) *ἢ κατ' ἄλλο τι ἢ ὅταν τὰ μὲν μείζω, τὰ δὲ σμικρότερα ᾖ; ἢ πλείω, τὰ δὲ ἐλάττω ᾖ*; качественное различіе между добромъ и зломъ, пріятнымъ и мучительнымъ (*какъ такими*) — безусловна; сравнительная же оцѣнка конкретныхъ случаевъ можетъ быть только *количественною*. См. ниже, въ *Разсужденіи*.

[284]) *ἀξία*.

новятся больше и меньше другъ друга и обильнѣе и скуд-
нѣе, и сильнѣе и слабѣе. Потому что. если бы кто ска-
залъ, что однако, молъ, Сократъ, большая разница между
пріятнымъ въ настоящую минуту и тѣмъ, что въ послѣ-
дующее время будетъ какъ пріятнымъ, такъ и скорбнымъ,—
я бы отвѣчалъ: а развѣ въ чемъ другомъ разница-то, а
не въ томъ же опять—удовольствіи и скорби? вѣдь въ дру-
гомъ то имъ различаться не въ чемъ. Но какъ человѣкъ, B.
умѣющій хорошо взвѣшивать, сложи пріятное и сложи скорб-
ное, положивши на вѣсы и близкое и далекое,—и скажи,
чего больше? [285]) Ну и ежели сравниваешь вѣсъ пріятнаго
съ пріятнымъ, бери всегда то, чего больше, а скорбнаго
со скорбнымъ, то меньшее; когда же пріятное противъ
скорбнаго, то ежели мучительное (окончательно) перевѣ-
шивается пріятнымъ,—близкое-ли далекимъ, или далекое
близкимъ,—то нужно производить то дѣйствіе, въ кото-
ромъ окажется такой перевѣсъ; если же пріятное будетъ C.
(окончательно) перевѣшено мучительнымъ, тогда—не про-
изводить [286]). Не такъ ли именно, сказалъ бы я, стоитъ
это дѣло, о люди? Знаю, что они не могли бы сказать
иначе.

Такъ показалось и ему.

—Ну а какъ это обстоитъ такимъ образомъ, скажу
я (далѣе), то отвѣтьте мнѣ вотъ на что: одно и тоже по
величинѣ кажется ли вамъ на видъ вблизи-то большимъ,
а вдали меньшимъ,—или нѣтъ?—Они подтвердятъ.—Точно
тоже и со стороны толщины и со стороны числа? И звуки,
равные между собою, вблизи то сильнѣе, а вдали слабѣе?—
Подтвердили бы.—Ну а если бы наше благосостояніе за- D.
ключалось въ томъ, чтобы большія черты и принимать и
самимъ проводить, а малыхъ избѣгать и не проводить, то что
оказалось бы тогда для насъ спасеніемъ жизни: мѣрительное
ли искусство, или свойство видимости? [287]) Послѣднее-то
не вводило ли бы насъ въ заблужденіе и не заставляло ли бы

[285]) Развивая гедоническій принципъ нравственности Сократъ нашего діалога указываетъ здѣсь на сложность практическаго примѣненія этаго принципа чрезъ всестороннее сравненіе *суммы* пріятныхъ состояніи съ суммою непріятныхъ. См. ниже въ *Разсужденіи*.

[286]) *ἐὰν μὲν τὰ ἀνιαρὰ ὑπερβάλληται ὑπὸ τῶν ἡδέων,— — — ταύτην τὴν πρᾶξιν πρακτέον ἐν ᾗ ἂν ταῦτ' ἐνῇ ἐὰν δε τὰ ἡδέα ὑπὸ τῶν ἀνιαρῶν, οὐ πρακτέα*.

[287]) *ἡ τοῦ φαινομένου δύναμις*—буква *сила являемаго*.

часто ставить одно и то же то выше, то ниже и мѣнять
намѣренія и въ дѣлахъ и при выборѣ большихъ и малыхъ
вещей; мѣрительное же искусство упраздняло бы этотъ
E. призракъ и выясняя истину, давало бы покой душѣ, остаю-
щейся при истинѣ, и спасало бы жизнь. Ну такъ согла-
сились ли бы съ нами люди въ томъ, что спасаетъ измѣ-
реніе, или сказали бы, что другое.

— Измѣреніе, подтвердилъ онъ.

— Ну а если бы для насъ спасеніе жизни было въ
правильномъ выборѣ между четнымъ и нечетнымъ: когда
должно выбрать большее, и когда — меньшее, само-ли по
себѣ, или по отношенію одного къ другому, вблизи-ли на-
ходятся (эти предметы), или вдали, [288])—то что же бы намъ
357. спасло тутъ жизнь? Не познаніе-ли? И притомъ не измѣ-
рительное ли нѣкое искусство, какъ относящееся къ тому,
что превышаетъ мѣру и что не хватаетъ до нея? [289]) А
какъ (дѣло идетъ) о нечетномъ и четномъ, то вѣдь это не
другое какое искусство, а именно ариѳметика [290])? Такъ
согласились бы съ нами люди, или нѣтъ?

Полагалъ и Протагоръ, что согласились бы.

— Будь такъ, о люди! А разъ у насъ оказывается,
что спасеніе жизни заключается въ правильномъ выборѣ
между удовольствіемъ и скорбью, именно между большимъ
и меньшимъ, крупнѣйшимъ и мельчайшимъ, отдаленнѣй-
B. шимъ и ближайшимъ, то не являются ли тутъ во-первыхъ
измѣреніе, какъ изслѣдующее взаимныя отношенія изли-
шества и недостачи и равенства [291]).

— Да необходимо.

— А если измѣреніе, то ужъ по необходимости умѣнье
и знаніе.

Они согласятся.

— Ну а что это за искусство и знаніе,—это мы раз-
смотримъ въ другой разъ. А что оно есть (во всякомъ

---

[288]) Къ счастію для читателя различныя возможныя сочетанія обстоятельствъ при рѣшеніи даннаго вопроса указаны лишь въ общихъ чертахъ, а не разбираются порознь, какъ это слишкомъ часто встрѣчается въ раннихъ діалогахъ.

[289]) *καὶ ἆρ' ἂν οὐ μετρητική τις, ἐπειδήπερ ὑπερβολῆς τε καὶ ἐνδείας ἐστὶν ἡ τεχνη;*

[290]) Разумѣется ариѳметика не въ теперешнемъ, формальномъ смыслѣ, а то мистико-идеалистическое ученіе о числахъ, которое связано съ именемъ Пиѳагорейцевъ. См. въ I томѣ *Хармидъ*.

[291]) *ὑπερβολῆς τε καὶ ἐνδείας οὖσα καὶ ἰσότητος πρὸς ἀλλήλας σκέψις;*

случаѣ) познаніе—этого достаточно для того доказатель-
ства, которое мы съ Протагоромъ должны представить на-
счетъ того, о чемъ вы насъ спрашивали. А спрашивали C.
вы, если помните, когда мы то другъ съ другомъ согла-
сились, что нѣтъ ничего сильнѣе познанія, но что оно
всегда, гдѣ бы ни оказалось, владѣетъ и удовольствіемъ,
и всѣмъ прочимъ;—вы же, напротивъ, говорили именно,
что нерѣдко удовольствіе одолѣваетъ и знающаго человѣка,
а затѣмъ, какъ мы съ вами не соглашались, то вы и го-
ворили намъ: Протагоръ и Сократъ! если это состояніе
(о которомъ у насъ рѣчь), заключается не въ томъ, что-
бы быть одолѣваемымъ удовольствіемъ [292]), то что же это
такое и какъ вы это обозначите,—скажите намъ.—Такъ D.
если бы мы тогда то вамъ прямо сказали, что это есть
невѣденіе, то вы бы надъ нами смѣялись; теперь же,
смѣясь надъ нами, надъ собою самими будете смѣяться.
Вы вѣдь согласились, что погрѣшающіе въ выборѣ между
удовольствіями и непріятностями, т. е. между добромъ и
зломъ, погрѣшаютъ именно по недостатку знанія; и не толь-
ко знанія, но вы еще напередъ [293]) согласились, что именно
знанія *измѣрительнаго*. А погрѣшительное дѣйствіе безъ
познанія—сами понимаете, что производится невѣдѣніемъ; E.
такъ что это самое—плошать передъ удовольствіемъ—есть
величайшее невѣдѣніе; противъ него вотъ Протагоръ за-
являетъ себя врачемъ, а также Продикъ и Гиппій; вы же,
думая, что тутъ нѣчто другое, нежели невѣдѣніе,—ни са-
ми не идете, ни дѣтей своихъ не шлете къ учителямъ
этихъ дѣлъ [294]),—къ этимъ вотъ софистамъ, какъ будто
этому нельзя научить [295]),—но заботясь о деньгахъ и не
давая ихъ этимъ мужамъ, дурно поступаете и для домаш-
ней, и для общественной жизни.

XXXVIII. Такъ отвѣчали бы мы большинству. Васъ
же вмѣстѣ съ Протагоромъ спрашиваю я теперь, Иппій и 358.
Продикъ,—общее пусть будетъ у васъ слово,—кажется
ли вамъ, что я правду говорю, или лгу?

Всѣ нашли, что сказанное чрезвычайно какъ вѣрно.

— Вы соглашаетесь, значитъ, сказалъ я, что пріят-

---

[292]) *ἡδονῆς ἡττᾶσθαι.*

[293]) *εἰς τὸ πρόσθεν.*

[294]) *παρὰ τοὺς τούτων διδασκάλους* — т. е. всего относящагося къ добродѣтели.

[295]) *ὡς οὐ διδακτοῦ ὄντος.*

ное есть добро, а мучительное — зло. Продиковское различеніе именъ я прошу тутъ оставить: пріятнымъ ли, или увеселяющимъ, или радостнымъ,—откуда бы и какъ бы ни находилъ ты удовольствія брать названія для этаго самаго
B. (удовольствія), превосходнѣйшій Продикъ,—этимъ (словомъ) и отвѣчай мнѣ на то, что мнѣ нужно[296]).

Ну Продикъ со смѣхомъ согласился. а также и прочіе.

— Такъ какъ же теперь, о мужи, сказалъ я,—вотъ насчетъ чего: всѣ дѣйствія (направленныя) на это самое,—чтобы жить безпечально и пріятно,—не прекрасны ли они?[297]), а прекрасное то дѣло не есть ли оно доброе и полезное?

Приняли.

— Если, значитъ, сказалъ я. пріятное—добро, то никто, зная, или думая, что другое лучше того, что онъ дѣлаетъ и возможно (для него), не станетъ потомъ дѣлать
C. то (прежнее), имѣя въ своей власти лучшее; и уступить тому (худшему) есть не иное что, какъ невѣдѣніе, а преодолѣть его не иное что, какъ мудрость[298]).

Принято всѣми.

— Такъ какъ же? Значитъ вы называете невѣдѣніемъ имѣть ложное мнѣніе и думать неправду о предметахъ большой важности?

И это всѣми принято.

— А не такъ развѣ, сказалъ я, что никто не идетъ добровольно на зло или на то, что считаетъ зломъ, и что это, повидимому, не въ природѣ человѣка, чтобы хотѣть идти вмѣ-
D. сто добра на то, что считаешь зломъ; когда же принуждаютъ выбирать между двумя злами, никто не выберетъ бо́льшаго, если вольно ему (выбрать) меньшее.

Все это было принято всѣми нами.

---

296) *εἴτε γὰρ ἡδὺ εἴτε τερπνόν λέγεις εἴτε χαρτόν, εἴτε ὁπόθεν καὶ ὅπως χαίρεις τὰ τοιαῦτα ὀνομάζων,— — τοῦτό μοι πρὸς ὅ βούλομαι ἀπόκριναι.* Легкую игру словъ *χαρτόν* и *ὅπως χαίρεις* я удержалъ, хотя не безъ нѣкотораго опасенія сдѣлать ее тяжелою.

297) *ἆρ᾽ οὐ καλαί;* въ рукописяхъ послѣ этого стоитъ *καὶ ὠφέλιμα*, что признано за вставку еще Шлейрмахеромъ и исключено въ новѣйшихъ изданіяхъ текста.

298) Всѣ критики начиная съ Корнара, читаютъ здѣсь вмѣсто стоящаго въ рукописяхъ *αὐτοῦ* (что относится къ предъидущему *τὸ ἡδύ*)— *αὑτοῦ* и *ἑαυτοῦ* (самаго себя). Рѣшаюсь пока (до лучшаго вразумленія) не согласиться съ этой поправкой и держаться прежняго чтенія, которое кажется мнѣ по смыслу предпочтительнымъ. См. ниже въ *Разсужденіи.*

— Ну а что? сказалъ я,—вѣдь вы называете нѣчто боязнью и страхомъ?[299]) и вѣдь то же самое, что и я?—тебѣ говорю, Продикъ. Я разумѣю тутъ нѣкое ожиданіе зла, страхомъ ли вы это называете, или боязнью.

Протагору то съ Гиппіемъ показалось, что это боязнь и страхъ, Продику же, что боязнь, а не страхъ.

— Но это, Продикъ, все равно, сказалъ я; а вотъ E.
что: если прежде (говоренное) правда, то захочетъ ли кто нибудь изъ людей пойти на то, чего ему страшно, будучи воленъ избрать другое, или это не возможно на основаніи того, въ чемъ мы согласились? Вѣдь признано нами, что страшное ему онъ считаетъ зломъ, и что почитаемаго зломъ никто и не дѣлаетъ и не принимаетъ добровольно.

И это всѣмъ показалось (правдой). 359.

XXXIX. Когда же это, сказалъ я, положено такимъ образомъ въ основу, о Продикъ и Гиппій, то пусть защищается тутъ у насъ Протагоръ въ томъ, что онъ сперва отвѣчалъ[300]),—какимъ образомъ оно можетъ быть правильно,—не то, что съ самаго перваго начала: тогда то вѣдь онъ утверждалъ. что при пяти частяхъ добродѣтели ни одна изъ нихъ не такова, какъ другая, но каждая имѣетъ свою собственную силу; но я не это разумѣю, а то, что онъ потомъ высказывалъ. А потомъ вѣдь онъ утверждалъ, что четыре то[301]) довольно близки другъ другу, а одна
очень много различается отъ другихъ, именно мужество; B.
извѣстно же это, молъ, мнѣ изъ такого доказательства: вѣдь ты найдешь, Сократъ, людей хотя сущихъ нечестивцевъ и самыхъ несправедливыхъ и необузданныхъ и невѣжественныхъ, однако же чрезвычайно мужественныхъ, откуда и видно, какъ много различается мужество отъ другихъ частей добродѣтели. А я и тогда же очень удивлялся этому отвѣту, а еще больше послѣ того, какъ мы съ вами это разобрали. Такъ я его и спросилъ, считаетъ ли онъ мужественныхъ смѣлыми?—А онъ въ отвѣтъ: Да и
дерзкими. — Помнишь, говорю, Протагоръ, что ты это C.
отвѣчалъ?

Согласился.

---

299) *καλεῖτε τι δέος καὶ φόβον;*

300) *ἀπολογεί σθω ἡμῖν Πρωταγόρας ὅδε, ἃ τὸ πρῶτον απεκρίνατο.*

301) *τὰ μὲν τέτταρα*, т. е. четыре изъ пяти частныхъ добродѣтелей. или частей добродѣтели.

— Такъ давай-ка теперь, сказалъ я, сообщи намъ, на что дерзаютъ мужественные, на то ли, на что и робкіе?

— Нѣтъ, говоритъ.

— Такъ не на другое ли?

— Да, говоритъ.

— Не идутъ ли робкіе на то, что безопасно, а мужественные на то, что страшно?

— Такъ именно говорится у людей, Сократъ.

— Твоя правда, сказалъ я; но не объ этомъ вопросъ,
D. а по твоему-то на что съ дерзновеніемъ идутъ мужественные: на то ли страшное, что они считаютъ страшнымъ, или на то, чего такимъ не считаютъ?

— Но первое-то, сказалъ онъ, въ прежнихъ твоихъ рѣчахъ уже принято какъ невозможное.

— И тутъ, сказалъ я, правду говоришь. Такъ что, если это правильно было принято, никто не идетъ на то, что считаетъ страшнымъ[302]).

Согласился.

— Но вѣдь опять-таки на то, чего не опасаются, *всѣ* идутъ, и робкіе, и мужественные, и такимъ-то образомъ на то же самое идутъ и робкіе и мужественные.

E. — Но все-таки, Сократъ, совершенно противоположно, говоритъ, то, на что идутъ робкіе и на что мужественные. Вотъ хоть на войну, одни то желаютъ идти, а другіе не желаютъ.

Тогда какъ идти-то, сказалъ я, дѣло прекрасное, или постыдное?

— Прекрасное, говоритъ.

— А вѣдь если прекрасное, то и доброе по прежнему нашему соглашенію: мы вѣдь согласились, что всѣ прекрасныя дѣйствія они же и добрыя.

— Правду говоришь, и таково мое всегдашнее мнѣніе.

360. — И правильно, сказалъ я. Но кто же изъ нихъ, утверждаешь ты, не хочетъ идти на войну—на прекрасное то и доброе дѣло?

— Робкіе, отвѣчаетъ.

---

[302]) Слѣдующія за симъ слова: *ἐπειδὴ τὸ ἥττω εἶναι ἑαυτοῦ εὑρέθη ἀμαθία οὖσα*—такъ какъ найдено, что быть хуже (слабѣе) самого себя—сущее безуміе (есть безуміе)—я исключаю, рѣшительно присоединяясь къ мнѣнію *Аста*, который эти слова pro alieno eoque inepto additamento habet. См. ниже въ *Разсужденіи*.

— А вѣдь ежели оно, сказалъ я, прекрасно и добро, то и пріятно?

— Такъ нами принято, говоритъ.

— Такъ значитъ съ вѣдома своего робкіе не хотятъ идти на прекраснѣйшее и лучшее и пріятнѣйшее?

— Но если бы мы съ этимъ согласились, сказалъ онъ, то разрушили бы прежнія соглашенія.

— А что же мужественный? Не идетъ ли онъ на прекраснѣйшее и лучшее и пріятнѣйшее?

— Необходимо это признать, сказалъ онъ. B.

— Значитъ, вообще говоря, мужественные не дурнымъ страхомъ боятся, когда боятся и не дурнымъ дерзновеніемъ дерзаютъ?

— Правда, говоритъ.

— А если не дурнымъ, значитъ прекраснымъ?

Согласился.

— А если прекраснымъ, то и добрымъ?

— Да.

— Ну, а робкіе и безумные[303]), напротивъ, дурнымъ вѣдь страхомъ боятся и дурнымъ дерзновеніемъ дерзаютъ?

Согласился.

— Дерзаютъ же они на постыдное и злое не по другому вѣдь чему, какъ по незнанію и невѣжеству?

— Такъ оно есть, говоритъ. C.

— Ну, а какъ: то самое, чѣмъ робкіе робки, называешь ты робостью, или мужествомъ?

— Робостью, конечно, говоритъ.

— А не выяснено ли было, что робкими дѣлаетъ невѣдѣніе о томъ, что страшно?

— Совершенно такъ, говоритъ.

— Значитъ чрезъ это самое невѣдѣніе они и робки?

Согласился.

— А то, въ силу чего они робки, по твоему признанію есть робость?

Подтвердилъ.

— Такъ именно невѣдѣніе о страшномъ и не страшномъ и не есть ли робость?

Кивнулъ.

---

[303]) Стоящія здѣсь между *οἱ δειλοί—καὶ οἱ μαινόμενοι* слова: *καὶ οἱ θαρσεῖς* (или по другимъ спискамъ *θρασεῖς*) справедливо отвергаются Шанцемъ.

D. — Но, сказалъ я, вѣдь мужество противоположно робости?

Подтвердилъ.

— Ну, а мудрость по части страшнаго и не-страшнаго не противуположна ли невѣдѣнію на этотъ счетъ? И тутъ еще кивнулъ.

— А невѣдѣніе объ этомъ есть робость? Тутъ очень нехотя кивнулъ.

— Значитъ мудрость по части страшнаго и не-страшнаго есть мужество, по противоположности съ невѣдѣніемъ объ этомъ [304])?

Тутъ ужъ онъ не захотѣлъ кивнуть въ знакъ согласія, и молчалъ. Я же сказалъ:

— Что же, Протагоръ, ни ты подтверждаешь, ни ты отрицаешь, что̀ я говорю?

E. — Самъ кончай, сказалъ онъ.

— Одно только, сказалъ я, спрошу у тебя еще: кажется ли тебѣ по прежнему, что бываютъ люди, хотя въ высочайшей степени невѣжественные, но (вмѣстѣ съ тѣмъ) въ высочайшей степени мужественные?

— Кажется мнѣ, сказалъ онъ, что ты, Сократъ, особенно настаиваешь на томъ, чтобы мнѣ быть отвѣчающимъ [305]); такъ ужъ сдѣлаю тебѣ пріятное и скажу, что на основаніи прежде признаннаго мнѣ это кажется невозможнымъ [306]).

XL. Да вѣдь не ради чего нибудь другого, сказалъ я, спрашиваю я обо всемъ этомъ, какъ только желая разсмотрѣть, какъ оно обстоитъ насчетъ добродѣтели, и что̀

---

[304]) Т. е. разъ признано, что невѣдѣніе о страшномъ и не страшномъ есть робость (!), то ясно, что знаніе или мудрость на счетъ этого есть мужество. Прямое отождествленіе познавательныхъ состояній съ качествами и движеніями чувства есть *πρῶτον ψεῦδος* сократовой психологіи и этики. См. ниже въ *Разсужденіи.*

[305]) *Φιλονικεῖν μοι, ἔφη, δοκεῖς, ὦ Σώκρατες, τὸ ἐμὲ εἶναι τὸν αποκρινόμενον.* Здѣсь, какъ и выше, чтеніе *φιλονικεῖν* предложено Шанцемъ вмѣсто прежняго *φιλονεικεῖν* которое и теперь *φιλονικοῦσι* Крошель, а также Зауппе. Буквально соотвѣтствующее греческому *φιλονικεῖν* ***любопобѣдничать*** не существуетъ по русски, а для полной описательной передачи этого слова съ его отличительнымъ оттѣнкомъ потребовалось бы слишкомъ много русскихъ словъ, а именно: ***настаивать на чемъ нибудь изъ желанія торжествовать и первенствовать надъ другими.***

[306]) Т. е. невозможно совмѣщеніе крайняго невѣжества съ крайнимъ мужествомъ.

такое это самое—добродѣтель? Ибо я знаю, что когда это 361. станетъ явнымъ, всего лучше выяснится и то, о чемъ мы съ тобою распространились въ длинной рѣчи каждый—я-то утверждая, что добродѣтели нельзя научить, ты же,—что можно. И мнѣ кажется, что теперешній исходъ рѣчей, какъ будто человѣкъ, обвиняетъ и высмѣиваетъ насъ и еслибы получилъ голосъ, сказалъ бы такъ: чудаки вы, Сократъ и Протагоръ! Ты, говорившій прежде, что добродѣтели нельзя научить, теперь противъ самого себя усердствуешь, стараясь показать, что все: и справедливость и

B. благоразуміе и мужество — все это — знаніе, а этимъ то способомъ всего яснѣе бы вышло, что добродѣтели можно научить: вѣдь еслибы добродѣтель была чѣмъ нибудь другимъ, нежели знаніемъ, какъ пытался утверждать Протагоръ, ясно, что она не была бы предметомъ наученія; теперь же, если она цѣликомъ окажется, знаніемъ, за что ты, Сократъ ревнуешь, чудомъ было бы еслибы ей нельзя было научить. А Протагоръ съ своей стороны, тогда предполагавшій, что она изучима, теперь повидимому старается о противуположномъ: чтобы она скорѣе оказалась всѣмъ C.

другимъ, только не познаніемъ, а такимъ образомъ она менѣе всего была бы изучима [307]).—Такъ вотъ я, Протагоръ, глядя, какъ страшно все это у насъ сверху внизъ и снизу вверхъ перетряхнулось, всяческое имѣю усердіе къ тому, чтобы это выяснилось, и хотѣлъ бы я, послѣ того какъ мы это прошли [308]), вернуться и къ добродѣтели (вообще),—что она такое, да и этотъ вопросъ снова разсмотрѣть: изучима ли она, или нѣтъ,—чтобы не обманулъ насъ какъ нибудь въ нетвердомъ изслѣдованіи тотъ Епимеѳей [309]), какъ онъ же и въ распредѣленіи даровъ плохо D.

о насъ позаботился, по твоимъ словамъ. Вотъ и въ сказкѣ твоей мнѣ болѣе Епимеѳея понравился Промеѳей. Пользуясь его помощью [310]) и стараясь быть предусмотрительнымъ [311]) и для всей своей жизни я всѣмъ этимъ занима-

---

[307]) *καὶ οὕτως ἂν ἥκιστα εἴη διδακτόν.*

[308]) *ταῦτα διεξελθόντας ἡμᾶς.*

[309]) *Ἐπιμηθεύς* знач. ***послѣ думающій***, т. е. послѣ дѣйствія,—заднимъ умомъ крѣпкій. Исходъ бесѣды показалъ, что предметъ ея не былъ заранѣе обдуманъ какъ слѣдуетъ.

[310]) *ᾧ χρώμενος.*

[311]) *προμηθούμενος.*

юсь [312]), а также, если хочешь, какъ и сначала я говорилъ, съ величайшимъ удовольствіемъ разобралъ бы это вмѣстѣ съ тобою.—А Протагоръ:

— Да и я, Сократъ, хвалю, говоритъ, твое усердіе и твое веденіе разговора. Ибо и въ прочемъ, думается, не
E. дурной я человѣкъ, а ужъ завистливъ меньше всякаго; такъ вотъ и о тебѣ многимъ я говорилъ, что изъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаюсь, ты мнѣ всѣхъ пріятнѣе, а ужъ особенно между твоими сверстниками; да и говорю, что не удивился бы я, еслибы ты сталъ въ числѣ мужей, значительныхъ по мудрости. О нынѣшнихъ же вопросахъ, если хочешь, поговоримъ въ другой разъ; а теперь ужъ пора и къ другому кой чему обратиться.

362. — Да такъ мы и сдѣлаемъ съ твоего позволенія, сказалъ я. Вѣдь и мнѣ ужъ давно пора, куда собирался идти, да вотъ только въ угоду Каллію прекрасному пробылъ здѣсь до сихъ поръ.

Такъ поговоривши и послушавши, мы разошлись.

312) *πραγματεύομαι.*

РАЗСУЖДЕНІЕ О ПРОТАГОРѢ.

I.

По общему и повидимому окончательно установившемуся мнѣнію діалогъ *Протагоръ* есть несомнѣнное произведеніе Платона. Въ недавно вышедшемъ 8-мъ выпускѣ сочиненія вѣнскаго профессора Теодора Гомперца: Griechische Denker — eine Geschichte der antiken Philosophie авторъ, излагая и оцѣнивая между прочимъ *Протагора*, обозначаетъ его какъ одинъ изъ величайшихъ и самыхъ блестящихъ діалоговъ, никогда не затронутый никакимъ дыханіемъ подозрѣнія (einer der grössten und glänzendsten Dialoge, der niemals von einem Hauch des Verdachtes gestreifte Protagoras. S. 226). А далѣе (S. 250) Гомперцъ называетъ это произведеніе вѣнцомъ и вершиною (Krone und Gipfel) философскаго творчества Платона въ его сократическую эпоху.

Правда, Гомперцъ вообще въ вопросѣ о подлинности отличается консерватизмомъ, но и самый радикальный изо всѣхъ Платоновскихъ критиковъ Шаршмидтъ, оставившій Платону только девять діалоговъ *), то есть лишь одну четверть произведеній, приписанныхъ ему древностью, — и тотъ не рѣшился оспаривать подлинности этого діалога, котораго принадлежность Платону имѣетъ за себя такимъ образомъ *единогласное* мнѣніе всѣхъ критиковъ. Однако, если въ другихъ случаяхъ, гдѣ предвзятость и произвольность радикальной критики бросаются въ глаза, достаточно бываетъ противупоставить ей согласіе большинства ученыхъ, то въ вопросѣ о *Протагорѣ* нельзя ограничиться указаніемъ даже на ихъ единогласіе: сомнѣнія въ принадлежности этого прекраснаго діалога нашему философу вызываются самимъ существомъ дѣла.

*) Именно: *Протагора, Горгія, Федона, Θеэтета, Федра, Пиршество, Государство, Тимея и Законы.*

Только на это существо и можно опираться въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, разумѣю прямыхъ и близкихъ, о принадлежности, или непринадлежности этаго діалога Платону до насъ не дошло. Можно признать доказаннымъ лишь то, что Аристотель зналъ нашъ діалогъ (см. статью *Боница* въ Hermes III, 447 ff.), но на авторство Платона нѣтъ здѣсь достаточно опредѣленнаго указанія. Два мѣста въ *Протагорѣ*—одно *по всей вѣроятности*, а другое *навѣрное*—имѣлись въ виду Аристотелемъ. Первое мѣсто (321,С) находится въ Протагоровомъ миѳѣ объ устроеніи земли, гдѣ говорится, что Эпимеѳей по непредусмотрительности обдѣлилъ родъ человѣческій, оставивъ его безъ тѣхъ природныхъ удобствъ и орудій, которыми снабжены прочія животныя (см. выше стр. 19); это мѣсто имѣется вѣроятно въ виду Аристотелемъ (De part. anim. IV, 10), когда онъ отвергаетъ мнѣніе говорящихъ, что человѣкъ устроенъ хуже всѣхъ животныхъ, будучи по природѣ необутъ, неодѣтъ и безоруженъ: *ἀλλ᾽οἱ λέγοντες ὡς συνέστηκεν οὐ καλῶς ὁ ἄνθρωπος ἀλλὰ χείριστα τῶν ζώων (ἀνυπόδητόν τε γάρ αὐτόν εἶναι φασι καὶ γυμνὸν καὶ οὐκ ἔχοντα ὅπλον πρὸς τὴν ἀλκήν) οὐκ ὀρθῶς λέγουσιν.*—Это сопоставленіе само по себѣ не можетъ дать больше, чѣмъ простую вѣроятность, такъ какъ дѣло идетъ лишь о такомъ размышленіи, которое Аристотелю могло быть прямо извѣстно оттуда же, откуда оно было извѣстно Протагору, или автору діалога, именно изъ общаго житейскаго мнѣнія. Но рѣшающее значеніе для вопроса имѣютъ слова Аристотеля въ *Никомаховой Этикѣ* (VII, 3), *δεινόν γὰρ ἐπιστήμης ἐνούσης, ὡς ᾤετο Σωκράτης, ἄλλο τι κρατεῖν* [*καὶ περιέλκειν αὐτόν* (*τον ἐπιστάμενον*) *ὥσπερ ἀνδράποδον*. Здѣсь Аристотель прямо ссылается на слова Сократа въ нашемъ діалогѣ (см. выше, стр. 65) противъ непризнающихъ самостоятельной и правящей силы познанія, а думающихъ о немъ, что его, прямо какъ невольника, другіе всѣ тащутъ въ разныя стороны—*ἀτεχνῶς διανοούμενοι περὶ τῆς επιστήμης ὥσπερ περί ἀνδραπόδου, περιελκομένης ὑπὸ τῶν ἄλλων ἁπάντων* (352, В). Тождество сравненія съ невольникомъ и выраженія *περιέλκειν*, а главное прямое указаніе на Сократа—*ὡς ᾤετο Σωκράτης*—ставятъ выше всякаго сомнѣнія, что Аристотель читалъ нашъ діалогъ. Но насчетъ авторства Платона нельзя извлечь отсюда достаточнаго указанія. Діалоги, гдѣ говорилъ Сократъ, писались многими авторами и помимо Платона, всѣ свидѣтельства о принадлежности ему *Протагора* относятся къ позднѣйшему времени, и слѣдовательно вопросъ можетъ быть рѣшаемъ только на внутреннихъ основаніяхъ.

II.

Идущее изъ древности обозначеніе нашего діалога *Πρωταγόρας ἢ Σοφισταί* совершенно соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанію, которое даетъ намъ не портретъ одного образцоваго софиста,—какъ напримѣръ въ Іонѣ мы имѣли такой портретъ одного типичнаго рапсода,—а цѣлую картину, въ которой Протагоръ занимаетъ срединное положеніе, не заслоняя однако характерные образы другихъ софистовъ. Изобразить въ живыхъ чертахъ всю софистику—das ganze Sophistenwesen, это, очевидно, и было первою задачею для автора діалога. А достаточно ясное—и въ частностяхъ, и въ цѣломъ отрицательное отношеніе ко всей софистикѣ, и противупоставленіе ей всей одного Сократа, какъ носителя положительной истины, несомнѣнно доказываетъ, что авторомъ діалога былъ одинъ изъ учениковъ Сократа. Безспорно высокія (хотя и преувеличенныя нѣкоторыми критиками, напримѣръ тѣмъ же Гомперцемъ) достоинства исполненія показываютъ въ этомъ сократовомъ ученикѣ значительнаго писателя съ художественнымъ талантомъ, а общій мягкій тонъ разговора, его изящная веселость и выдержанное до конца незлобіе и взаимное уваженіе между спорящими указываютъ, что этотъ писатель былъ человѣкъ тонкаго остроумія съ широкими и просвѣщенными взглядами, гуманный и общительный. Судя по содержанію главныхъ частей діалога, авторъ несомнѣнно былъ философомъ по призванію. Но то же содержаніе діалога заранѣе исключаетъ мысль объ авторствѣ всѣхъ философовъ Сократовой школы кромѣ двухъ: Платона и—Аристиппа. Остановимся сначала на второмъ, о которомъ, насколько мнѣ извѣстно, никогда еще не было серьезной рѣчи въ критической литературѣ, какъ о соперникѣ Платона по авторскимъ правамъ на *Протагора*.

Между тѣмъ тезисъ о наибольшемъ удовольствіи, какъ истинной цѣли и нормѣ человѣческой жизни—тезисъ съ твердою увѣренностью и особымъ одушевленіемъ излагаемый Сократомъ въ *Протагорѣ* и охотно принимаемый всѣми собесѣдниками (Prot. 351 B—358 C, см. выше стр. 63—74) выражаетъ собою сущность основанной Аристиппомъ евдемонической, гедонической, или по мѣсту—киренайской философіи. А тотъ фактъ, что авторъ діалога безъ всякихъ оговорокъ и объясненій влагаетъ это довольно специфическое ученіе прямо въ уста Сократу какъ его собственное,—вызываетъ, я думаю, есте-

ственный вопросъ: былъ ли этимъ авторомъ Платонъ, и если да, то какія основанія могъ онъ имѣть, чтобы представить учителя такимъ рѣшительнымъ послѣдователемъ одного изъ его учениковъ?

III.

Прежде всего вспомнимъ объективное отношеніе между ученіями Сократа и Аристиппа. Послѣдній былъ еще молодымъ, но уже зрѣлымъ и умственно самостоятельнымъ человѣкомъ, когда слава Сократа привлекла его въ Аѳины, а личное обаяніе великаго совопросника заставило киренайскаго гостя навсегда примкнуть къ Сократовой школѣ и, не отказываясь отъ собственнаго образа мыслей, окрылить его нравственнымъ паѳосомъ учителя. Обстоятельно разсмотрѣвши все, что мы знаемъ объ Аристиппѣ и его взглядахъ, лучшій доселѣ знатокъ греческой философіи, Целлеръ, заключаетъ, что этотъ философъ отклоняется отъ первоначальнаго направленія Сократова ученія еще дальше, чѣмъ Антисѳенъ. „Евдемонистическое воззрѣніе на жизнь, которое для Сократа было лишь вспомогательнымъ представленіемъ, чтобы оправдать нравственное стремленіе передъ рефлексіей, возводится у Аристиппа въ принципъ, и сократовское *знаніе* должно поступить на службу этому принципу; философія становится, какъ у софистовъ, лишь средствомъ для особыхъ цѣлей единичнаго человѣка, вмѣсто познанія истины имѣется въ виду лишь индивидуальная образованность, состоящая собственно въ житейской мудрости и въ искусствѣ наслажденія... И если болѣе глубокое содержаніе Сократовой философіи и не совсѣмъ здѣсь пропадаетъ, то оно подчиняется тому, что у самого Сократа было лишь пристройкой (Aussenwerk), противорѣчившей его настоящему принципу; такъ что, хотя мы не можемъ прямо назвать Аристиппа лжесократовцемъ (Pseudosokratiker), какъ это дѣлаетъ Шлейермахеръ, однако должны его обозначить не только вообще какъ *односторонняго* сократовца, но и опредѣленнѣе *какъ того между односторонними сократовцами, кто менѣе всѣхъ проникъ въ средоточіе сократовой философіи* (so müssen wir ihn doch nicht blos überhaupt als einen einseitigen Sokratiker, sondern noch bestimmter *als denjenigen unter den einseitigen Sokratikern bezeichnen, der am wenigsten in den Mittelpunkt der sokratischen Philosophie eingedrungen ist*). Съ другой стороны, продолжаетъ Целлеръ, рядомъ съ этимъ не-сократическимъ содержаніемъ аристиппова ученія нельзя не признать въ немъ и сократическое.

Соединеніе этихъ то двухъ элементовъ и составляетъ особенность этой философіи. Одинъ есть собственно ученіе о наслажденіи, другой — ближайшее его опредѣленіе сократическимъ требованіемъ научной разсудительности, тотъ принципъ, что *разумѣніе* есть единственное средство истиннаго удовольствія“ *).

Въ указанномъ мѣстѣ нашего діалога весьма отчетливо выступаютъ оба составные элемента Аристиппова ученія, основательно различенные Целлеромъ. Въ этой бесѣдѣ съ Протагоромъ Сократъ сжато, но точно и съ видомъ глубокаго убѣжденія излагаетъ.... сущность Киренайской философіи. Протагоръ, какъ и всѣ софисты, занимался теоріей нравственности не по существу, а болѣе со стороны различенія и классификаціи добродѣтелей. Спорящій съ нимъ Сократъ настаиваетъ на общей основѣ нормальныхъ дѣйствій, опредѣляя ее со стороны субъективно-матеріальной какъ стремленіе къ удовольствію, а со стороны формальной какъ сравнительный расчетъ познаваемыхъ удовольствій по ихъ величинѣ, или силѣ. Это взглядъ Аристиппа, а не Сократа. Замѣтимъ, что хотя научный анализъ позволяетъ и требуетъ различать въ Киренайской философіи, какъ это дѣлаетъ Целлеръ, не-сократовскій и сократовскій элементы, но что въ дѣйствительности это ученіе имѣетъ цѣльный характеръ и что сократовскій элементъ здѣсь всегда окрашенъ такъ сказать въ Аристипповъ цвѣтъ, что видно и въ мнимо-сократовомъ разсужденіи въ нашемъ діалогѣ. Настоящій Сократъ, сводя добродѣтель къ распознаванію истиннаго *блага*, никогда не разумѣлъ подъ этимъ только измѣреніе удовольствія, или оцѣнку его со стороны величины и силы. Въ сократовскую оцѣнку благъ входилъ объективный признакъ нравственнаго достоинства и недостоинства, въ силу котораго извѣстныя блага, хоть бы они сдѣлались самыми сильными и прочными, не перестаютъ быть ложными, или недостойными, и отреченіе отъ нихъ по существу заслуживаетъ нравственнаго одобренія. Этотъ чисто нравственный элементъ, существенный для Сократова ученія, не вошелъ въ философію Аристиппа, и онъ отсутствуетъ также въ мнимо-сократовыхъ рѣчахъ нашего діалога, такъ что мы имѣемъ здѣсь изложеніе *специфически*-киренайской, а не общесократовской точки зрѣнія. Но какія же основаніи могъ имѣть авторъ діалога для того, чтобы дѣлать изъ Сократа горячаго

*) Zeller, Die Philosophie der Griechen, 2 Theil, 1 Abth. (3 Aufl.), стр. 322—3.

послѣдователя одного изъ его учениковъ и притомъ именно того, который былъ наиболѣе далекъ отъ главныхъ воззрѣній учителя? Объ основаніяхъ объективныхъ при совершенно-опредѣленномъ и коренномъ различіи сократовой этики отъ гедонизма, не можетъ быть рѣчи. Слѣдовательно нужно искать основаній психологическихъ, или субъективныхъ.

IV.

Если-бы Платонъ былъ авторомъ нашего діалога, то я нахожу невозможнымъ съ какою нибудь тѣнью вѣроятности дать опредѣленныя психологическія основаніи, по которымъ бы онъ могъ подставить Аристиппа вмѣсто Сократа. Никакихъ указаній на то, чтобы Платонъ когда нибудь былъ въ тѣсномъ единомысліи съ Аристиппомъ не существуетъ, а можно, напротивъ найти ясные слѣды ихъ взаимной антипатіи и антагонизма. Вся дѣятельность Платона достаточно говоритъ за то, какъ дорогъ ему былъ образъ учителя, возведенный имъ до идеальнаго совершенства въ такихъ діалогахъ какъ *Фэдонъ* и *Пиршество*, и по какому побужденію сталъ бы онъ рядить въ этотъ дорогой образъ такого посторонняго и чуждаго, если не прямо враждебнаго ему человѣка, какъ Аристиппъ?

Эта внутренняя несообразность представляла бы во всякомъ случаѣ большую трудность для критики, — если бы она ее замѣчала. Но и тутъ находитъ себѣ примѣненіе слово объ отцѣживаемыхъ комарахъ и проглатываемыхъ верблюдахъ. Критика не обратила даже достаточнаго вниманія на тотъ любопытный фактъ, что въ нашемъ діалогѣ нѣкоторыя мысли, несомнѣнно принадлежащія дѣйствительному Сократу, влагаются въ уста не ему, а его противнику въ разговорѣ, оспариваемому имъ Протагору. Ср., напримѣръ, Protag. 333—334 съ Memorab. Xenoph. III, 8. Между тѣмъ для возможности такого пріема совершенно необходимо принять, что авторъ діалога имѣлъ въ предметѣ не собственное ученіе Сократа, а то особое видоизмѣненіе, какое оно приняло у Аристиппа, спорящаго здѣсь съ Протагоромъ; интересъ автора, очевидно, состоялъ здѣсь въ томъ, чтобы прикрыть авторитетомъ учителя взгляды одного изъ его учениковъ, именно Аристиппа, влагаемые для этого въ уста Сократу. Но ясно, что *у Платона* такого интереса никакъ не могло быть. И когда Протагоръ въ діалогѣ высказываетъ общую нравственную истину, входившую въ азбуку Сократовой этики, именно что пріятныя вещи могутъ

быть или хорошими, или дурными, смотря по своему внутреннему достоинству, по какому побужденію могъ бы Платонъ заставить *своего* Сократа усердно, хоть и не убѣдительно *опровергать* это всегдашнее убѣжденіе дѣйствительнаго Сократа, какъ мы видимъ въ діалогѣ, гдѣ такая странность плохо сглаживается тѣмъ, что носителемъ истинно сократова воззрѣнія выступаетъ не Сократъ, а спорящій съ Сократомъ Протагоръ. Въ результатѣ получается та новая странность, что этическій взглядъ софиста, хотя и представляется ниспровергнутымъ посредствомъ діалектическихъ дистинкцій Сократа, однако остается по существу на болѣе высокомъ уровнѣ, нежели (мнимый) взглядъ величайшаго изъ моралистовъ, сведенный здѣсь къ расчетливому эгоизму,—тогда какъ Протагоръ, напротивъ, съ самаго начала разговора стоитъ на почвѣ альтруизма и собирательнаго нравственнаго сознанія. Уже въ его прекрасномъ *миѳѣ* ярко выступаетъ самостоятельность нравственнаго начала въ двухъ своихъ опредѣленіяхъ, какъ *αἰδώς* и *δίκη*, причемъ оба эти опредѣленія по существу своему выходятъ за предѣлы личнаго блага,—*ἵν' εἶεν πόλεων κόσμοι τε καὶ δεσμοὶ φιλίας συναγωγοί*. И можно ли повѣрить, что въ отвѣтъ на этотъ твердый и величавый образъ мыслей знаменитаго софиста „божественный Платонъ“ заставитъ „мудрѣйшаго изъ эллиновъ“ выступить съ теоріей измѣренія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній!

Протагоръ въ своей притчѣ даетъ лишь возвышенное и весьма изящное выраженіе общему нравственному сознанію, всегда безусловно различающему *постыдное* отъ *нерасчетливаго* и *неправедное* отъ *невыгоднаго*. А противъ этого голоса общечеловѣческаго разума Сократъ нашего діалога выставляетъ частную мысль, особую индивидуалистическую теорію. И это еще не бѣда; но бѣда въ томъ, что индивидуальность, высказывающаяся въ этой мысли, не есть ни Сократовская, ни Платоновская, а только Аристипповская. Кто же былъ авторъ діалога?

V.

Если не ошибаюсь, рѣшительное основаніе, въ силу котораго единогласная совокупность критиковъ, ничто же сумняся, приписываетъ Протагора Платону, заключается въ художественномъ достоинствѣ этого діалога. Мы видѣли, какъ новѣйшій ученый Гомперцъ, говоря съ восторгомъ о красотѣ *Протагора*, не допускаетъ подъ этимъ впечатлѣніемъ и мысли о возможности какихъ нибудь подозрѣній насчетъ его плато-

новскаго происхожденія. Что нашъ діалогъ съ литературной стороны есть произведеніе незаурядное, и что мѣстами изобразительный талантъ достигаетъ въ немъ истиннаго совершенства,—это несомнѣнно. Тѣмъ не менѣе это есть произведеніе въ общемъ неровнаго достоинства. Вслѣдствіе отсутствія должной перспективы отдѣльныя части производятъ больше впечатлѣнія чѣмъ цѣлое, живость образовъ слишкомъ перевѣшиваетъ интересъ разсужденія, которое распадается на нѣсколько отдѣльныхъ темъ, лишенныхъ общаго средоточія и ясной связи и послѣдовательности. Разборъ Симонидова стихотворенія слишкомъ длиненъ, чтобы служить для перехода отъ одного разсужденія къ другому и слишкомъ безсодержателенъ для самостоятельной темы. А заканчивается діологъ такъ небрежно, что и Протагоръ и Сократъ и все общество совсѣмъ забываютъ о настоящей причинѣ бесѣды — о юномъ Иппократѣ. Такимъ образомъ и со стороны художественной формы было бы несправедливо ставить этотъ діалогъ на равнѣ съ *Фэдромъ* и *Фэдономъ, Пиршествомъ* и первою книгою *Государства.*

Но помимо этаго, каковы бы ни были достоинства формы, они сами по себѣ позволяли бы только заключить, что это литературное произведеніе достойно такого писателя какъ Платонъ, но дѣйствительное авторство нашего философа, разъ есть серьезное основаніе возбудить о немъ вопросъ, должно, очевидно, опираться на другія основанія: вѣдь Платонъ всетаки не былъ единственнымъ мастеромъ слова въ эту эпоху.

Представимъ себѣ, что по случайнымъ обстоятельствамъ изо всѣхъ сочиненій Лермонтова до насъ дошелъ бы только Герой Нашего Времени, съ надписью неизвѣстной руки, приписывавшей это произведеніе Пушкину, всѣ сочиненія котораго сохранились. Разумѣется по своему языку, яркости образовъ, живости положеній этотъ романъ вполнѣ достоинъ такого писателя, какъ Пушкинъ, за которымъ огромное большинство критиковъ утвердило бы авторское право безъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній, создавши такимъ образомъ историко-литературную традицію. И тѣмъ не менѣе, если-бы впослѣдствіи явился критикъ, который не оспаривая художественныхъ достоинствъ формы въ Героѣ Нашего Времени, сталъ бы утверждать, что по содержанію, по внутреннимъ признакамъ этотъ романъ не могъ быть написанъ Пушкинымъ, а принадлежитъ тому Лермонтову, котораго всѣ другія сочиненія хотя и потеряны, но личный характеръ и взгляды, достаточно засвидѣтельствованные современниками, совершенно подходятъ къ внутреннимъ признакамъ Героя Нашего Времени,—то этотъ критикъ хотя можетъ быть не нашелъ бы поддержки, однако былъ бы правъ.

Вѣроятно инымъ читателямъ покажется страннымъ, что оставляя за Платономъ авторство мелкихъ сократическихъ діалоговъ (не исключая даже *Θеага*), я отнимаю у него *Протагора*, — этотъ блестящій „вѣнецъ" всѣхъ сократическихъ его произведеній (по мнѣнію Гомперца). И въ самомъ дѣлѣ *Протагоръ* настолько же важнѣе *Θеага*, насколько напримѣръ *Отцы и Дѣти* значительнѣе *Барышни-Крестьянки*, которая однако, несмотря на свою маловажность несомнѣнно написана великимъ Пушкинымъ, а то, болѣе значительное, произведеніе столь же несомнѣнно принадлежитъ другому, менѣе великому, но тоже въ своемъ родѣ превосходному автору. Было бы нелѣпо переносить авторство *Протагора* съ Платона на какого нибудь темнаго и ничтожнаго писаку, но характеръ и достоинство Аристиппа, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ и содержанію и достоинствамъ этого діалога, который не могъ быть написанъ Платономъ не потому, чтобы литературно былъ его недостоинъ, а потому, что Платонъ не могъ дѣлать изъ Сократа рѣшительнаго гедоника, учителя или ученика Киренайской школы.

VI.

Если нѣкоторые новѣйшіе критики значительно упрощаютъ свою задачу тѣмъ, что просто не замѣчаютъ главной трудности, то ихъ заслуженные предшественники хорошо ее видѣли, но не желая отказываться отъ укоренившейся традиціи, прибѣгали къ разнымъ болѣе или менѣе правдоподобнымъ соображеніямъ, которыя я долженъ подвергнуть краткому разбору.

По мнѣнію Шлейермахера, Штейнгарта и другихъ сократова защита гедонизма въ нашемъ діалогѣ была только *ироніей*: Сократъ издѣвается здѣсь надъ Протагоромъ, показывая какъ легко сбить съ толку знаменитаго софиста самыми несостоятельными разсужденіями. Такое мнѣніе не подтверждается текстомъ. Въ діалогѣ есть мѣста, гдѣ Сократъ иронизируетъ, но они не принадлежатъ къ разсужденію о гедонизмѣ, гдѣ Сократъ говоритъ съ совершенно серьезнымъ убѣжденіемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ рѣчи Сократа специально гедоническое положеніе (тождество добра съ пріятнымъ и зла съ непріятнымъ) стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ истинно-сократовскимъ положеніемъ о зависимости добродѣтеля отъ знанія, —

обѣ мысли высказываются съ совершенно одинаковымъ отношеніемъ къ нимъ говорящаго, и если это отношеніе есть иронія, то спрашивается, надъ кѣмъ иронизируетъ Сократъ?— Предметомъ ироніи здѣсь могъ быть, конечно, не Протагоръ,— стоящій въ этомъ случаѣ на другой точкѣ зрѣнія и притомъ близкой къ истинно-сократовскому образу мыслей,— а только Аристиппъ, полу-сократовскія идеи котораго вложены въ уста Сократу. И если бы авторомъ діалога былъ Платонъ, то отчего бы ему въ самомъ дѣлѣ и не смѣяться надъ своимъ соученикомъ, но не единомышленникомъ? Удобно ли ему было заставлять Сократа смѣяться надъ преданнымъ ему ученикомъ,— это другой вопросъ, не требующій впрочемъ разрѣшенія, такъ какъ ни малѣйшаго намека или признака не только Сократовской или Платоновской, но и вообще какой нибудь ироніи, или насмѣшки при изложеніи гедоническаго принципа въ нашемъ діалогѣ нельзя усмотрѣть, а излагается онъ тономъ убѣжденія и внушенія, причемъ совершенно ясно, что излагать его такимъ образомъ можетъ не Сократъ, рожденный Софронискомъ, а также и не Сократъ созданный Платономъ, а лишь Сократъ, придуманный авторомъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія Аристиппа.

Въ отличіе отъ Шлейермахера и Штейнгарта, болѣе объективный Целлеръ, не находя въ нашемъ діалогѣ никакого ироническаго отношенія къ гедонизму, а вмѣстѣ съ тѣмъ понимая невозможность серьезной проповѣди этаго ученія со стороны Сократа и Платона, утверждаетъ, что Сократъ здѣсь высказываетъ гедоническія положенія, хотя серьезно, но не въ качествѣ своихъ дѣйствительныхъ убѣжденій, а лишь гипотетически, для цѣлей аргументаціи опираясь на мнѣніе толпы, или многихъ—*τῶν πολλῶν*. Но—страннымъ образомъ—Целлеръ впалъ здѣсь въ явную ошибку: его указаніе прямо противорѣчитъ тексту, гдѣ гедоническое воззрѣніе мнимаго Сократа справедливо представлено какъ *несогласное* съ общимъ мнѣніемъ, и здѣсь Сократъ упрекаетъ своего противника Протагора за то, что онъ, Протагоръ, раздѣляетъ мнѣніе толпы, отвергаемое Сократомъ: *Τί δή, ὦ Πρωταγόρα; μὴ καὶ σύ, ὥσπερ οἱ πολλοί, ἡδέα ἄττα καλεῖς κακὰ καὶ ἀνιαρὰ ἀγαθά;* И въ самомъ дѣлѣ точка зрѣнія защищаемая Сократомъ этаго діалога, никогда не была общимъ мнѣніемъ: она была лишь ученіемъ школы,—именно школы Киренайской. Чуждое общему сознанію, это ученіе никогда не исповѣдывалось съ другой стороны и историческимъ Сократомъ, который навѣрное иначе бы жилъ и иначе бы умеръ, если бы былъ расчетливымъ гедоникомъ; а навязывать ему эту чуждую

доктрину могъ, конечно, лишь ея убѣжденный сторонникъ между его учениками.

Любопытно, что въ своемъ гедонистическомъ разсужденіи, сводящемъ добродѣтель къ расчетливому предпочтенію бóльшихъ удовольствій меньшимъ, Сократъ нашего діалога останавливается какъ разъ передъ тѣмъ пунктомъ, по которому Аристиппу нечего было сказать, тогда какъ историческій Сократъ и тѣмъ болѣе Платонъ могли говорить дальше и дѣйствительно говорили—разумѣю отношеніе между добродѣтелью и смертью. Объясняя гедонистически добродѣтель мужества, Сократъ діалога говоритъ, что разумный человѣкъ правильно расчитываетъ, что сумма прочныхъ удовольствій, происходящихъ для него отъ его мужества — почетъ и уваженіе согражданъ, укрѣпленіе и увеличеніе общественнаго благосостоянія, дѣлающія и его жизнь болѣе пріятною и т. д. — превышаетъ сумму кратковременныхъ тягостей и лишеній, сопряженныхъ съ военною службою. Но при этомъ забывается необходимая для дѣйствительнаго мужества рѣшимость рисковать самою жизнью, а слѣдовательно и всѣми ея мнимо прочными удовольствіями. Ясно, что никакого расчета сравнительной величины удовольствій, какъ окончательнаго основанія поступковъ, не можетъ здѣсь быть, такъ какъ всѣ возможныя величины удовольствія, входящія въ счетъ, при несуществованіи дѣйствительнаго субъекта, испытывающаго удовольствіе, одинаково равняются нулю. Всякое субъективное мѣрило необходимо упраздняется съ упраздненіемъ субъекта въ смерти. Эта истина выяснилась подъ конецъ и въ школѣ Аристиппа (Гегезій *πεισιθάνατος*), но ему самому она еще не была ясна. Что Платонъ и историческій Сократъ понимали несостоятельность субъективнаго принципа удовольствія, какъ основанія этики—не можетъ быть сомнѣнія, и слѣдуетъ только удивляться силѣ предвзятаго убѣжденія, заставляющей К. Ф. Германа для спасенія платоновской подлинности нашего діалога утверждать, что гедонизмъ выведеннаго въ немъ Сократа былъ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ историческаго Сократа и Платона въ самые ранніе его годы, къ которымъ Германъ по нуждѣ относитъ сочиненіе Протагора.

Джорджъ Гротъ, напротивъ, относитъ нашъ діалогъ къ наиболѣе зрѣлымъ произведеніямъ Платона (The Protagoras belongs, in my opinion, to Plato's most perfect and mature period. Grote, Plato etc. 2 ed. 1867. II, 88). Несоотвѣтствіи между гедонистическою проповѣдью Сократа въ *Протагорѣ* и тѣмъ, что онъ выказываетъ въ другихъ діалогахъ, вполнѣ

признается английскимъ историкамъ, но онъ по своему обычаю не разрѣшаетъ узелъ вопроса, а разрубаетъ его. Приписать Платону и даже въ „наиболѣе совершенный и зрѣлый его періодъ“ самые противорѣчивые и несовмѣстимые взгляды легче для консервативнаго историка, нежели хоть разъ усомниться въ непогрѣшимости Ѳразилла и его каталога.

Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ этотъ главный аргументъ подкрѣпляется (и чрезъ то ослабляется) у Грота робкимъ указаніемъ на то, что гедонистическое разсужденіе мнимаго Сократа,—очень высоко оцѣненное другомъ Милля,—не выставляется въ самомъ діалогѣ, какъ окончательное рѣшеніе вопроса. Это обстоятельство, не важное для Грота, достаточно обезпеченнаго своею непоколебимою вѣрою въ Ѳразилла, было бы важно для насъ, какъ открывающее единственную возможность разумно стоять за авторство Платона. Итакъ мы должны въ точности разобрать, что́ именно говоритъ здѣсь текстъ діалога.

VII.

Во многихъ Платоновыхъ, или приписанныхъ Платону діалогахъ главный собесѣдникъ, Сократъ, разбирая какой нибудь спорный философскій вопросъ не приходитъ ни къ какому опредѣленному и положительному рѣшенію, такъ какъ всѣ предложенныя другими собесѣдниками и имъ самимъ рѣшенія или опредѣленія, по тщательному разбору оказываются несостоятельными одно вслѣдъ за другимъ. И если-бы въ нашемъ діалогѣ Сократъ, изложивши гедонистическое рѣшеніе нравственнаго вопроса, или давши то опредѣленіе добродѣтели, что она въ сущности есть расчетливое предпочтеніе бо́льшаго удовольствія меньшему,—затѣмъ показалъ несостоятельность, или недостаточность такого взгляда, хотя бы и не замѣняя его никакимъ другимъ, то разумѣется мы не имѣли бы никакого повода съ этой стороны сомнѣваться въ авторствѣ Платона, не говоря уже о возможности предполагать авторство Аристиппа.

Но въ нашемъ діалогѣ мы видимъ нѣчто совсѣмъ другое. Сократъ въ концѣ произноситъ длинную и прерываемую лишь знаками согласія рѣчь, въ которой развиваетъ ученіе гедонизма, выражая при этомъ свою полную увѣренность въ безспорной истинѣ этаго ученія. И онъ особенно подчеркиваетъ именно неоспоримость своихъ заключеній: *μή πῃ ἄλλῃ ἔχει, φαίην ἄν, ταῦτα, ὦ ἄνθρωποι; οἶδ᾽ ὅτι οὐκ ἂν ἔχοιεν ἄλλως λέγειν*. (356 С). И по окончаніи этой длинной рѣчи (*μακρὸς λόγος*), съ содержаніемъ которой прочіе собесѣдники охотно и безусловно соглашались, а Протагоръ, хотя и не охотно, однако долженъ былъ согласиться,— Сократъ указываетъ лишь на одно обстоятельство, касающееся не существа дѣла, (тутъ-же имъ опредѣляемаго—*πῶς ποτ᾽ ἔχει τὰ περὶ τῆς ἀρετῆς καὶ τί ποτ᾽ ἐστὶν αὐτὸ ἡ ἀρετή*), а лишь практическаго вопроса объ изучаемости, или преподаваемости добродѣтели. По этому вопросу неожиданно произошелъ обмѣнъ ролей между собесѣдниками: Сократъ, сначала утверждавшій, что добродѣтели нельзя научить, теперь на основаніи своего теоретическаго разбора самой добродѣтели, какъ зависящей отъ знанія, долженъ заключать къ ея изучимости, а Протагоръ, сначала стоявшій за эту изучимость, затѣмъ незамѣтно для самого себя защищалъ такое положеніе, изъ котораго логически слѣдовала невозможность научиться добродѣтели. Указавъ на эту неожиданную перемѣну ролей, Сократъ высказываетъ свою всегдашнюю готовность вернуться при случаѣ къ новому разсмотрѣнію этихъ предметовъ. Безъ этаго заявленія діалогъ пришлось бы кончить простымъ торжествомъ Сократа, побѣдившаго въ спорѣ знаменитаго софиста при единодушномъ согласіи прочихъ собесѣдниковъ. Такое окончаніе было бы и не художественно и не соотвѣтствовало бы тому тону благородной общительности, которымъ проникнута вся бесѣда. Заключительная рѣчь Сократа не указываетъ никакихъ объективныхъ логическихъ основаній для пересмотра вопроса о добродѣтели. Вѣдь прежде высказанное мнѣніе Сократа, что нельзя научить добродѣтели, опиралось на такіе аргументы, которые Протагоръ убѣдительно опровергъ, и Сократъ, не продолжая тогда съ нимъ спора по этому предмету, перешелъ къ другому,—къ вопросу о сущности добродѣтели, причемъ къ внѣшнимъ соображеніямъ своего собесѣдника присоединилъ внутреннія, по которымъ изъ самаго существа добродѣтели, какъ измѣрительнаго знанія (*μετρητική*) бо́льшихъ и меньшихъ удовольствій, вытекало ея свойство—быть предметомъ изученія. По этому послѣднему, прикладному вопросу Сократъ перемѣнилъ такимъ образомъ свое мнѣніе на совершенно достаточныхъ основаніяхъ, противъ которыхъ затѣмъ ни съ какой стороны не было предъявлено никакихъ возраженій и сомнѣній, такъ что онъ по праву могъ полагать, что путемъ правильнаго разсужденія достигъ истиннаго опредѣленія добродѣтели, и прежній ошибочный взглядъ не могъ самъ по себѣ его смущать, или требовать новаго изслѣдованія вопроса. Съ другой стороны у Протагора не было

собственно перемѣны мнѣнія, а только обнаружилось, что его вѣрное и по мысли Сократа положеніе *ὅτι διδακτόν ἡ ἀρετή* не было имъ самимъ до конца продумано, и когда его собесѣдникъ раскрылъ логическія основанія этого положенія, то Протагору оставалось только съ нимъ согласиться и признать, что Сократъ сильнѣе его въ діалектикѣ. Но Сократъ, вѣрно изображенный въ своемъ характерѣ, хотя и не въ ученіи, авторомъ нашего діалога, долженъ былъ въ своихъ словахъ смягчить это заключеніе, и такъ слишкомъ ясное, долженъ былъ пощадить самолюбіе знаменитаго софиста и свою собственную скромность. И онъ это прекрасно дѣлаетъ въ такой безобидной и ни къ чему не обязывающей фразѣ: *ἐγώ οὖν, ὦ Πρωταγόρα, πάντα ταῦτα καθορῶν ἄνω κάτω ταραττόμενα δεινῶς, πᾶσαν προθυμίαν ἔχω καταφανῆ αὐτα γενέσθαι, καὶ βουλόιμην ἄν ταῦτα διεξελθόντας ἡμᾶς ἐξελθεῖν καὶ ἐπὶ τήν ἀρετὴν ὅ τι ἐστί καὶ πάλιν ἐπισκέψασθαι περὶ αὐτοῦ, εἴτε διδακτόν, εἴτε μὴ διδακτόν κτλ.*

Заключительная рѣчь Сократа въ нашемъ діалогѣ есть только *актъ учтивости* по отношенію къ Протагору, который, отлично это понявъ и оцѣнивъ, поспѣшилъ отплатить тѣмъ же: *Καὶ ὁ Πρωταγόρας, ἐγὼ μέν, ἔφη, ὦ Σώκρατες, ἐπαινῶ σου την προθυμίαν καὶ τὴν διέξοδον τῶν λόγων κτλ.*

VIII.

Кромѣ главнаго, внутренняго основанія предпочесть авторство Аристиппа Платоновскому есть еще второстепенное обстоятельство, которое само по себѣ не могло бы имѣть рѣшающаго значенія, но при наличности главнаго аргумента можетъ служить ему подтвержденіемъ. Отношеніе къ софистамъ въ нашемъ діалогѣ иное, чѣмъ въ прочихъ и притомъ болѣе соотвѣтствующее характеру Аристиппа, нежели Платона. Тутъ нѣтъ ни глубокой вражды, ни гнѣва, ни издѣвательства, ни рѣзкой каррикатуры, а только легкая усмѣшка и безобидное подчеркиваніе типичныхъ особенностей. И Протагоръ и Продикъ и Гиппій изображены здѣсь прежде всего какъ разумные и порядочные люди, тогда какъ въ Платоновомъ *Евтидемѣ*, напримѣръ, два разговаривающіе тамъ знаменитые софиста выставлены какими то распущенными школьниками, или шутами гороховыми. Въ нашемъ діалогѣ ни одинъ изъ софистовъ не говоритъ никакихъ глупостей, а первая рѣчь Протагора настолько хороша, что апологетъ древней софистики, историкъ Гротъ, приписывающій, разумѣется, этотъ діалогъ Платону, утверждаетъ, что рѣчь вложенная авторомъ въ уста Протагору есть одна изъ лучшихъ частей Платоновыхъ писаній (I think it one of the best parts of Platonic writings), а изложеніе здѣсь (324 B,C) карательнаго принципа — *ἀποτροπῆς γοῦν ἕνεκα κολάζει* — онъ признаетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ не только у Платона, но и у какого бы то ни было древняго писателя (This clear and striking exposition of the theory of punishment is one of the most memorable passages in Plato, or in any ancient author). Такую же высокую оцѣнку дѣлаетъ и Штейнгартъ. Но можно ли признать правдоподобнымъ, чтобы Платонъ, заставивши Сократа проповѣдывать если не враждебное, то во всякомъ случаѣ чуждое ему ученіе гедонизма, лучшую рѣчь въ діалогѣ предоставилъ софисту Протагору? Если бы это былъ Платоновскій діалогъ, то роль Сократа въ немъ была бы совершенно непонятна. Онъ и его главный собесѣдникъ проповѣдуютъ два лжеученія (съ точки зрѣнія предполагаемаго автора), прочіе съ ними соглашаются, а истина если не въ смыслѣ исповѣданія, то въ смыслѣ серьезнаго исканія,— представляемаго обыкновенно Сократомъ, остается вовсе безъ представителя и безъ всякаго яснаго указанія на нее. При авторствѣ Платона въ этомъ діалогѣ нѣтъ смысла въ цѣломъ и много безсмыслицы въ частяхъ, и никакого удовлетворительнаго объясненія этому произведенію я пока не вижу.

Иначе станетъ дѣло, если только допустить авторство Аристиппа. Съ точки зрѣнія этого философа гедонизмъ есть истина, и значитъ учитель, Сократъ является въ достойной его роли исповѣдника и проповѣдника истины. Съ другой стороны отсутствіе всякой полемической остроты отношенія къ софистамъ, разумныя и прекрасныя рѣчи, вложенныя въ уста Протагора— не могутъ вызывать при авторствѣ Аристиппа никакого недоумѣнія, такъ какъ этотъ философъ долженъ былъ иначе относиться къ софистамъ и въ особенности къ Протагору, нежели Платонъ. Въ теоретической философіи Аристиппъ усвоилъ себѣ сенсуалистическую точку зрѣнія Протагора: подлиннымъ основаніемъ истины и для него была субъективная и относительная дѣйствительность единичныхъ ощущеній. Аристотель прямо причисляетъ Аристиппа къ софистамъ; самъ же онъ считалъ себя ученикомъ Сократа. При этомъ одинаково естественно для него было бы и вложить свое ученіе гедонизма въ уста Сократу, и представить Протагора, хотя и не учителемъ истины, но все таки говорящимъ прекрасныя и здравомысленныя рѣчи. Авторъ діалога относится къ первенствующему софисту именно такъ,

какъ долженъ бы былъ относиться къ нему Аристиппъ. Черты опредѣленнаго комизма оставлены на долю другихъ софистовъ, Продика и Гиппія, съ которыми Аристотель не имѣлъ близкаго соотношенія, а тѣсно связанный съ нимъ въ теоретическомъ образѣ мыслей Протагоръ изображенъ съ минимальною долею ироніи и съ большою долей уваженія,— провозвѣстникомъ же главной истины—гедонизма, является все таки Сократъ, которому принадлежитъ и первое и послѣднее слово діалога.

Во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ содержаніи *Протагора* нѣтъ ни одной сколько нибудь значительной черты, которую нельзя было бы приписать Аристиппу, какъ автору, тогда какъ нѣкоторыя весьма существенныя особенности этаго діалога прямо несовмѣстимы съ авторствомъ Платона. Всесторонней и обстоятельной защиты этаго авторства я не нашелъ въ литературѣ „платоновскаго вопроса", и теперь мнѣ остается по этому предмету указать на одно свидѣтельство древности, которое, хотя и не содержитъ, я увѣренъ, прямого и достовѣрнаго факта, однако показываетъ, до какой степени авторство Аристиппа было въ порядкѣ вещей на взглядъ ближайшихъ современниковъ.

IX.

Младшій современникъ Аристиппа Ѳеопомпъ, обвинялъ Платона въ плагіатѣ изъ Аристипповыхъ *діатрибъ* (*Διατριβαί*). Это обвиненіе (сообщаемое Аѳинеемъ—XI, 508 c.) было безъ сомнѣнія ложно, но самый фактъ обвиненія доказываетъ не только писательство Аристиппа (въ чемъ нѣкоторые критики напрасно сомнѣвались), но и однородность и приблизительную равноцѣнность нѣкоторыхъ его писаній съ нѣкоторыми произведеніями Платона. Иначе обвиненіе—будь то злонамѣренное, или только ошибочное — было бы немыслимо: никто ни по ошибкѣ, ни по дурному умыслу не обвинилъ бы Жуковскаго, напримѣръ, въ плагіатахъ изъ Баркова. А если современникъ обоихъ древнихъ философовъ, Ѳеопомпъ, могъ безъ явной нелѣпости приписывать Платону присвоеніе Аристиппова произведенія, то тѣмъ болѣе позднѣйшіе читатели и переписчики могли сами приписать дѣйствительное произведеніе Аристиппа—Платону—безо всякой вины и повода со стороны великаго философа. Есть извѣстіе, что сочиненія Аристиппа не были распространены въ Аѳинахъ, что ихъ извѣстность ограничивалась его родиною Киреною, гдѣ осталась его школа. Есть указаніе, что и написаны были *эти сочиненія* уже по возвращеніи философа

изъ Аѳинъ на родину. Малая распространенность сочиненій Аристиппа внѣ его мѣстной школы объясняетъ и фактъ ихъ исчезновенія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ нѣкоторую вѣроятность тому предположенію, что какой нибудь случайно попавшій въ Аѳины списокъ одного изъ этихъ рѣдкихъ сочиненій могъ быть по общимъ признакамъ приписанъ Платону (on ne prête qu'aux riches), соотвѣтственно надписанъ и затѣмъ, многократно переписываемый уже въ качествѣ Платонова діалога, попасть въ каталогъ Ѳразилла и такимъ образомъ пріобрѣсти традиціонный авторитетъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что несовмѣстимость гедонистическихъ разсужденій этого діалога съ авторствомъ Платона бросается въ глаза лишь въ концѣ діалога, а по началу всякій легко можетъ принять его за Платоновскій особенно въ виду подкупающаго мастерства съ какимъ изображены живыя лица и положенія.

Но вѣдь и Аристиппъ, бывшій по всему, что о немъ сообщается человѣкомъ весьма остроумнымъ и талантливымъ, проявлялъ, конечно, эти свойства и въ своихъ, довольно многочисленныхъ, сочиненіяхъ, о которыхъ Діогенъ Лаэртій сообщаетъ краткія и безсвязныя, но довольно опредѣленныя свѣдѣнія, не исключающія возможности нашего предположенія. Рядомъ съ тремя книгами историческими Діогенъ указываетъ одну, содержавшую двадцать пять діалоговъ, написанныхъ одни на *аттическомъ,* другіе на дорійскомъ діалектѣ: *Τοῦ δέ κυρηναϊκοῦ φιλοσόφου φέρεται βιβλία, τρία μὲν ἱστορίας τῶν κατὰ Λιβύην, ἀπεσταλμένα Διονυσίῳ, ἓν δὲ, ἐν ᾧ διάλογοι πέντε καὶ εἴκοσιν, οἱ μὲν Ἀτθίδι, οἱ δε Δωρίδι διαλέκτο γεγραμμένοι* (Diog. Laërt. lib. II, cap. VIII, sect. 6) Очевидно каждый изъ этихъ діалоговъ былъ очень небольшихъ размѣровъ, но бросающееся въ глаза отсутствіе строгаго единства и цѣльности въ нашемъ *Протагорѣ,* разнопредметность этого произведенія именно наводитъ на мысль, что оно составилось изъ нѣсколькихъ, повидимому, шести—связанныхъ между собою маленькихъ діалоговъ.

Въ концѣ своего библіографическаго извѣстія Діогенъ приводитъ списокъ Аристипповыхъ произведеній по Сотіону и по Панэтію, и во главѣ этого списка стоятъ два сочиненія: объ *образованности* и о *добродѣтели* (*Περὶ παιδείας* и *Περὶ ἀρετῆς*); а въ другомъ мѣстѣ (lib. X, cap. I, sect. 3) упоминается еще сочиненіе объ *удовольствіи* (*Περὶ τῆς ἡδονῆς*). Возможно допустить, что эти три сочиненія, не упоминаемыя Діогеномъ въ его собственномъ спискѣ, были тремя главными изъ тѣхъ двадцати пяти діалоговъ, о которыхъ онъ говоритъ, не передавая ни

ихъ заглавія ни ихъ предмета. А эти три сочиненія по предмету своему прямо соотвѣтствуютъ тремъ изъ шести отдѣловъ, на которые естественно распадается діалогъ *Протагоръ*.

X.

Что нашъ *Протагоръ* сложился изъ шести маленькихъ діалоговъ—это есть, конечно, лишь вѣроятное предположеніе, которое было бы *необходимо* лишь въ томъ случаѣ, еслибы были прямыя и положительныя указанія, что это сочиненіе входило въ ту книгу 25 діалоговъ, о которой говоритъ Діогенъ Лаэртій. Но такъ какъ подобныхъ указаній нѣтъ, то можно предположить и то, что *Протагоръ* былъ обнародованъ Аристиппомъ приблизительно въ теперешнемъ своемъ видѣ какъ одно цѣлое сочиненіе, которое вовсе не вошло въ Діогеновъ списокъ Аристипповыхъ твореній потому, что гораздо ранѣе Діогена уже было приписано Платону въ Аѳинахъ. Что касается до каталога Сотіона и Панэтія, то если отказаться отъ предположенія, что *Протагоръ* находится тамъ своими главными частями въ видѣ сочиненія *Περὶ παιδείας* и *Περὶ ἀρετῆς*,—его отсутствіе въ этомъ каталогѣ не представило бы серьезнаго затрудненія. Во первыхъ за полноту и точность воспроизведенія Діогеномъ стараго списка Аристипповыхъ сочиненій нѣтъ никакого ручательства да и никакого вѣроятія: такъ какъ ко времени Діогена принадлежность *Протагора* Платону успѣла стать твердымъ преданіемъ, то еслибы Діогенъ и нашелъ этотъ діалогъ въ спискѣ Аристипповыхъ произведеній, онъ, конечно, не задумался бы исправить такую „ошибку"; а во вторыхъ весьма вѣроятно, что и подлинный каталогъ Сотіона и Панэтія не содержалъ въ себѣ *Протагора*, какъ уже въ ихъ время приписаннаго Платону.

Но, спрашивается, какимъ образомъ самый фактъ этого qui pro quo могъ произойти на глазахъ прямыхъ учениковъ Аристиппа, которые, конечно, не могли быть равнодушными къ тому, чтобы у ихъ учителя похищались авторскія права на такое во всякомъ случаѣ значительное произведеніе, какъ *Протагоръ?* Съ какими однако ограниченіями можно сказать, что совершавшееся въ Аѳинахъ происходило на глазахъ у Киринейцевъ? Ни философскихъ журналовъ, ни съѣздовъ вѣдь не было, и все было предоставлено случайностямъ личныхъ сношеній. Тѣмъ не менѣе дошедшее до насъ извѣстіе о Ѳеопомповомъ обвиненіи Платона въ плагіатѣ именно изъ Аристипповыхъ сочиненій показываетъ, что были какіе то слухи и толки о литературныхъ недоразумѣніяхъ около именъ этихъ двухъ философовъ. Точнаго разслѣдованія и разъясненія дѣла мы не въ правѣ ожидать вообще по условіямъ того времени, да если бы это и было произведено, то конечно лишь тѣми, кто былъ тутъ прямо заинтересованъ, то есть учениками Аристиппа, но ничего изъ написаннаго ими,—ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ,—до насъ не дошло. Вообще же при имѣющихся у насъ данныхъ, находить какую нибудь *непреодолимую историческую* трудность въ предположеніи, что Аристипповъ діалогъ былъ ошибочно приписанъ Платону, можно только забывая о существенно различныхъ условіяхъ писательской дѣятельности и книжнаго обращенія въ теперешнія и тогдашнія времена.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни малѣйшаго намека на какую нибудь отличительно Платоновскую мысль, или точку зрѣнія мы въ этомъ діалогѣ не находимъ. Здѣсь нѣтъ ни одной фразы и ни одного слова, которое бы требовало Платона какъ автора, и есть многія страницы къ ряду, притомъ наиболѣе опредѣленныя и существенныя по содержанію, которыя наталкиваютъ на мысль объ авторствѣ Аристиппа. И если принять это предположеніе, то образъ Платоновой философіи освободится отъ такой прибавки, которая совершенно несовмѣстима съ его цѣльностью и единствомъ. Я по крайней мѣрѣ рѣшительно отказываюсь представить хотя бы только генетическое построеніе Платоновой философіи какъ чего то осмысленнаго, если нужно включить туда гедонизмъ, навязанный Сократу авторомъ *Протагора*. Этотъ діалогъ написанъ не мальчикомъ, а взрослый Платонъ не былъ гедонистомъ и не могъ навязывать этого ученія Сократу *).

---

*) Послѣ того, какъ этотъ очеркъ былъ мною представленъ на обсужденіе нѣсколькихъ уважаемыхъ спеціалистовъ по филологіи и философіи (въ закрытомъ засѣданіи Петербургскаго Философскаго Общества), высказанныя ими возраженія хотя не заставляютъ меня отказаться отъ моего взгляда, однако требуютъ отъ меня дополнительнаго разсмотрѣнія нѣкоторыхъ частей вопроса, что я и прилагаю въ концѣ этого тома.

БОЛЬШІЙ ИППІЙ

(ИЛИ О ПРЕКРАСНОМЪ)

Собесѣдники: СОКРАТЪ, ИППІЙ.

БОЛЬШІЙ ИППІЙ.

Сокр. А! Иппій прекрасный и мудрый, какъ давно не 281.
жаловалъ къ намъ въ Аѳины! [1]).

Ипп. Да все некогда, Сократъ. Потому что каждый разъ какъ Элидѣ бываетъ нужно обдѣлать какое нибудь дѣло съ тѣмъ или инымъ городомъ, она всегда изъ граждамъ обращается ко мнѣ первому, находя меня самымъ способнымъ судьёю и докладчикомъ въ переговорахъ, которые при-
ходится вести съ разными городами. Ѣздилъ я нерѣдко по- B.

[1]) Иппій, менѣе знаменитый софистъ, чѣмъ Горгій, Протагоръ, или Продикъ, былъ гражданиномъ пелопонесскаго города Элиды. О его дѣятельности и о характерѣ этой дѣятельности мы узнаемъ главнымъ образомъ изъ двухъ діалоговъ, обозначенныхъ его именемъ. При всей карикатурности этого литературнаго образа нельзя всетаки не видѣть въ немъ многихъ реальныхъ чертъ. Иппій прежде всего обладалъ искусствомъ говорить легко и убѣдительно, а потому нерѣдко служилъ своему отечеству по дипломатическимъ дѣламъ; но кромѣ того онъ зналъ все и могъ публично говорить обо всемъ: о геометріи, о планетахъ, о разсужденіяхъ, буквахъ, стихахъ и о многомъ другомъ; онъ гордился своими познаніями въ ремеслахъ и даже сдѣлалъ себѣ самъ кольцо, сапоги и платье (см. ниже въ *Меньшемъ Иппіи*). Какъ ни малосложны были вообще познанія древнихъ, но такое многознаніе и тогда могло казаться признакомъ ума необычайнаго и широкой образованности; однако Сократъ объясняетъ дѣло иначе; оказывается, что сверхъ прочихъ наукъ и искусствъ Иппій обладалъ искусствомъ мнемоники (*τὸ μνημονικόν*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, или, можетъ быть, по тому самому онъ былъ самонадѣянъ и хвастливъ до смѣшного. Бодрый и увлеченный пріѣхалъ онъ въ Аѳины въ полной надеждѣ на новый успѣхъ; послѣ завтра онъ намѣренъ прочесть публичную лекцію о „прекрасныхъ занятіяхъ“, каковую лекцію онъ уже съ успѣхомъ читалъ въ Спартѣ; но тутъ встрѣтилъ его Сократъ и очень не кстати попросилъ опредѣлить, что такое само *прекрасное*.

Собственное значеніе глагола *καταίρειν* (прибывать) — *нисходить, спускаться* (напр. о птицахъ); вѣроятно Сократъ употребилъ это слово съ ироническимъ оттѣнкомъ, намекая на самомнѣніе и кичливость Иппія.

сланникомъ и въ другіе города, чаще же всего и по самымъ частымъ и важнымъ дѣламъ — въ Лакедемонъ. Поэтому-то я и бываю рѣдко въ вашихъ мѣстахъ, какъ ты замѣтилъ.

Сокр. Вотъ оно, Иппій, что значитъ быть по истинѣ мудрымъ и совершеннымъ мужемъ! Выходитъ, что ты и въ частныхъ дѣлахъ,—положимъ, что получаешь съ молодыхъ людей много денегъ,—однако еще того больше способенъ при-
C. носить имъ пользы, а съ другой стороны и въ общественныхъ дѣлахъ способенъ оказывать благодѣянія своему городу, какъ подобаетъ тому, кто хочетъ, чтобы всѣ его уважали, а не презирали. Но, Иппій, что за причина, что тѣ древніе, имена которыхъ, ради ихъ мудрости, слывутъ великими,—Питтакъ, Біантъ, Ѳалесъ Милетскій съ его послѣдователями, да и болѣе поздніе вплоть до Анаксагора [2]), или всѣ, или по большей части воздерживались по видимому отъ общественныхъ дѣлъ?

Ипп. Да что же иное думаешь ты, Сократъ, какъ не то, что они были безсильны и неспособны постигать умомъ
D. то и другое заразъ—и общественныя дѣла и частныя?

Сокр. Такъ ужь не сказать ли намъ по правдѣ, что какъ прочія искусства ушли впередъ и старые мастера оказываются плохими въ сравненіи съ теперешними, такъ и ваше искусство ушло впередъ и древніе мудрецы плохи въ сравненіи съ вами?

Ипп. Ну да, совершенно правильно говоришь.

Сокр. Значитъ, Иппій, еслибы у насъ теперь ожилъ
282. Біантъ, то онъ бы рядомъ съ вами возбуждалъ смѣхъ, точно такъ же, какъ былъ бы смѣшонъ Дедалъ [3]), какъ говорятъ ваятели, если бы онъ, живя теперь, дѣлалъ вещи такія же, какъ и тѣ, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ имя.

Ипп. Такъ-то оно такъ, Сократъ; а всетаки самъ я древнихъ и вообще жившихъ прежде насъ обыкновенно восхваляю прежде и больше, чѣмъ теперешнихъ, отчасти опасаясь возбуждать зависть въ живущихъ, отчасти боясь гнѣва покойниковъ.

[2]) Питтакъ (651—570 до Р. Х.) и Біантъ числились въ ряду семи мудрецовъ. Ѳалесъ изъ Милета, въ Іоніи, (род. около 639 до Р. Х.) тоже одинъ изъ семи—извѣстный глава философской школы. Знаменитый Анаксагоръ жилъ уже при Сократѣ и считался его учителемъ.

[3]) Дедалъ—легендарный родоначальникъ ваятелей; про него греки говорили, что онъ первый сталъ изображать глаза и отдѣлять руки отъ туловища.

Сокр. Прекрасное это у тебя правило, Иппій, и ты B.
прекрасно разсуждаешь, какъ мнѣ кажется; я съ своей стороны могу тебѣ засвидѣтельствовать, что ты говоришь правду, и что въ самомъ дѣлѣ ваше искусство ушло впередъ относительно умѣнья вести заразъ и общественныя и свои частныя дѣла. Вотъ напримѣръ Горгій, знаменитый леонтинскій софистъ,—пріѣзжалъ онъ сюда полномочнымъ посломъ отъ своего города, какъ человѣкъ искуснѣйшій въ веденіи общественныхъ дѣлъ, и не только прославился какъ превосходный ораторъ въ народномъ собраніи, но и выступая частнымъ образомъ и наставляя юношей, не мало зарабо- C.
талъ денегъ въ нашемъ городѣ. А не угодно ли тебѣ, нашъ пріятель, знаменитый Продикъ,—онъ и раньше пріѣзжалъ къ намъ по общественнымъ дѣламъ, а въ послѣдній разъ, какъ-то недавно, пріѣхавъ съ полномочіями отъ Кея [4]), не только весьма отличился рѣчью въ совѣтѣ, но и выступая частнымъ образомъ и наставляя юношей, получилъ удивительно сколько денегъ; а изъ тѣхъ древнихъ ни одинъ не подумалъ требовать себѣ денежнаго вознагражденія или показывать свою мудрость на всевозможныхъ сборищахъ; такъ они были просты и совсѣмъ не замѣчали, какъ много зна-
чатъ деньги. Изъ этихъ же каждый заработалъ себѣ денегъ D.
мудростью больше, чѣмъ иной мастеръ заработаетъ какимъ-нибудь мастерствомъ, а Протагоръ еще раньше, чѣмъ эти [5]).

Ипп. Э, да настоящаго-то, Сократъ, ты и не знаешь; вотъ когда ты узнаешь сколько я заработалъ денегъ, такъ удивишься. Объ остальномъ умолчу, а только вотъ пріѣхавъ однажды въ Сицилію въ то время, когда тамъ проживалъ и былъ въ славѣ и первенствовалъ Протагоръ, я, будучи E.
много его моложе, въ очень короткое время заработалъ болѣе 150 минъ и въ одномъ только очень маленькомъ мѣстечкѣ, Иникѣ, болѣе 20 минъ. И все это, возвратясь домой, я принесъ и отдалъ отцу, такъ-что и онъ, и прочіе граждане были внѣ себя отъ удивленія. И я такъ полагаю, что заработалъ денегъ болѣе, чѣмъ два любыхъ софиста вмѣстѣ взятыхъ.

Сокр. Вотъ это, Иппій, ты привелъ хорошее и вѣское
доказательство своей собственной мудрости, равно какъ и 283.
мудрости нынѣшнихъ людей въ сравненіи съ древними,—

[4]) Одинъ изъ Цикладскихъ островoвъ.

[5]) Объ этихъ софистахъ смотри выше въ діалогѣ *Протагоръ*.

какая между ними разница. Въ самомъ дѣлѣ велика была глупость прежнихъ людей, какъ оказывается изъ твоихъ словъ. Вѣдь съ Анаксагоромъ, говорятъ, случилось какъ разъ обратное тому, что бываетъ съ вами: получивъ въ наслѣдство большое состояніе, онъ пренебрегъ имъ и потерялъ все; такъ безсмысленно занимался онъ философіей.

Да и о другихъ древнихъ разсказываютъ разныя подобныя же вещи. Это ты представилъ, какъ мнѣ кажется, хорошее доказательство мудрости нынѣшнихъ людей въ
B. сравненіи съ прежними, и многіе согласны въ томъ, что мудрый прежде всего долженъ быть мудрымъ для себя самого; а признакъ этого стало быть въ томъ, чтобы заработать какъ можно больше денегъ.

Ну и объ этомъ довольно, а ты мнѣ вотъ что скажи: изъ тѣхъ городовъ, гдѣ ты бывалъ, въ какомъ ты самъ заработалъ всего больше денегъ? Не очевидно ли, что въ Лакедемонѣ, гдѣ вѣдь ты всего чаще бывалъ?

Ипп. Совсѣмъ же нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Какъ, всего меньше?

C. **Ипп.** Такъ-таки ровно ничего никогда.

Сокр. Ты удивительныя чудеса разсказываешь, Иппій. Да скажи же мнѣ, развѣ твоя мудрость не способна дѣлать тѣхъ, которые её слушаютъ и изучаютъ, болѣе добродѣтельными?

Ипп. И даже очень способна, Сократъ.

Сокр. Значитъ сыновей Иничанъ ты могъ дѣлать лучшими, а сыновей Спартіатовъ не могъ?

Ипп. Куда тамъ!

Сокр. Но въ такомъ случаѣ Сицилійцы, значитъ, стремятся къ совершенству, а Лакедемонцы нѣтъ?

D. **Ипп.** Всячески и Лакедемонцы стремятся, Сократъ.

Сокр. Такъ развѣ они избѣгали тебя по недостатку въ деньгахъ?

Ипп. Конечно нѣтъ, когда у нихъ достаточно денегъ.

Сокр. Такъ отчего бы это могло быть, что при всемъ желаніи и средствахъ и при томъ, что ты могъ принести имъ величайшую пользу, они отпустили тебя, не нагрузивъ деньгами? Не оттого же, наконецъ, что Лакедемонцы лучше тебя могутъ сами воспитать своихъ дѣтей? Или, можетъ быть, это такъ, и ты тоже съ этимъ согласенъ?

E. **Ипп.** Отнюдь!

Сокр. А тогда, можетъ быть, ты не былъ въ состояніи убѣдить въ Лакедемонѣ юношей въ томъ, что они болѣе усовершенствуются въ доблести, учась у тебя, чѣмъ учась у своихъ, или же ты не могъ убѣдить ихъ отцовъ, что скорѣе слѣдуетъ поручить это дѣло тебѣ, чѣмъ хлопотать самимъ, если только они принимаютъ къ сердцу судьбу своихъ сыновей: вѣдь не завидовали же они собственнымъ дѣтямъ, какъ бы тѣ не стали совершенными?

Ипп. Не думаю я, чтобы завидовали.

Сокр. Но вѣдь Лакедемонъ во всякомъ случаѣ благоустроенное государство.

Ипп. Ну еще бы!

Сокр. А въ благоустроенныхъ государствахъ доблесть, 284.
надо полагать, въ самомъ большомъ почётѣ.

Ипп. Конечно.

Сокр. И ты умѣешь передавать её лучше всѣхъ.

Ипп. И очень умѣю, Сократъ.

Сокр. Такъ вѣдь тотъ, кто всего лучше умѣетъ обучать верховой ѣздѣ, изо всей Эллады будетъ въ самомъ большомъ почетѣ и всего больше получитъ денегъ развѣ не въ Θессаліи [6]), или еще гдѣ-нибудь, гдѣ это цѣнится?

Ипп. Понятно.

Сокр. И ты думаешь, мой другъ, будто тотъ, кто можетъ сообщить драгоцѣннѣйшія познанія, ведущія къ доблести, найдетъ самый большой почётъ и заработаетъ, если B.
захочетъ, всего больше денегъ не въ Лакедемонѣ или другомъ какомъ благоустроенномъ эллинскомъ государствѣ, а въ Сициліи и Иникѣ? Должны ли мы этому вѣрить? Вѣдь если ты приказываешь, надо вѣрить.

Ипп. Дѣло въ томъ, Сократъ, что у Лакедемонянъ не принято трогать законы, или воспитывать сыновей несогласно съ обычаемъ.

Сокр. Да что ты говоришь? У Лакедемонянъ не принято поступать правильно, а принято поступать неправильно? C.

Ипп. Я не хотѣлъ этого сказать, Сократъ.

Сокр. Такъ вѣдь они поступали бы правильно, воспитывая юношей лучше, а не хуже?

Ипп. Правильно; но воспитывать по иностранному считается у нихъ противузаконнымъ, а то будь увѣренъ, что если бы только кто-нибудь когда-нибудь получалъ тамъ

---

[6]) Θессалія славилась лошадьми, и искусство объѣзжать лошадей стояло тамъ очень высоко.

деньги за воспитаніе, то ужъ я-то получилъ бы несравненно болѣе другихъ; впрочемъ они охотно меня слушаютъ и хвалятъ; только, опять говорю, у нихъ это не законъ.

D. **Сокр.** А законъ, Иппій, по твоему—ко вреду для государства, или къ пользѣ?

Ипп. Постановляется законъ, полагаю, для пользы, иногда же онъ и вредитъ, если дурно постановленъ.

Сокр. Ну а постановляющіе законъ не полагаютъ ли въ немъ величайшаго блага для государства, и возможенъ ли безъ этого добрый порядокъ въ жизни?

Ипп. Правду говоришь.

Сокр. Если, значитъ, тѣ, что берутся постановлять законы, ошибаются относительно самого блага, то ошибка будетъ и въ законѣ и въ томъ, что они считаютъ законнымъ. Или иначе по твоему?

E. **Ипп.** Въ точномъ смыслѣ оно такъ, Сократъ, только обыкновенно люди такъ не разбираютъ.

Сокр. Какіе люди, Иппій? Понимающіе или непонимающіе?

Ипп. Большинство.

Сокр. А понимаетъ ли оно по истинѣ, это большинство?

Ипп. Разумѣется, нѣтъ.

Сокр. Ну а понимающіе, эти-то ужъ конечно думаютъ, что для всякихъ людей полезное по истинѣ законнѣе безполезнаго; или ты съ этимъ несогласенъ?

Ипп. Да, согласенъ, что *по истинѣ*.

Сокр. Значитъ на дѣлѣ-то оно такъ, какъ думаютъ понимающіе.

Ипп. Конечно.

Сокр. Для Лакедемонянъ же, какъ ты утверждаешь, твое
285. воспитаніе, благо что оно иностранное, полезнѣе домашняго.

Ипп. И вѣрно я говорю.

Сокр. А что полезнѣе, то—законнѣе; вѣдь ты и это, Иппій, утверждаешь?

Ипп. Я же сказалъ.

Сокр. Значитъ, по твоимъ словамъ выходитъ, что сыновьямъ Лакедемонянъ воспитываться у Иппія законнѣе, а воспитываться у отцовъ беззаконнѣе, если только отъ тебя они въ самомъ дѣлѣ получатъ больше пользы [7]).

---

[7]) Здѣсь Сократъ, примѣняясь къ собесѣднику-софисту, употребляетъ ad hominem явно софистическій аргументъ, основанный на двусмыслен-

Ипп. Непремѣнно получатъ, Сократъ. B

Сокр. Стало-быть Лакедемоняне поступаютъ противузаконно, не давая тебѣ денегъ и не поручая тебѣ своихъ сыновей.

Ипп. Съ этимъ согласенъ; мнѣ, право, кажется, что ты говоришь въ мою пользу, и что я ничего не долженъ возражать на это.

Сокр. Итакъ, мой другъ, мы находимъ, что Лаконцы—беззаконники, и притомъ въ самомъ важномъ дѣлѣ; тѣ Лаконцы, которые кажутся самыми что ни на есть законниками. Ну а скажи мнѣ ради боговъ, Иппій, за что они тебя хвалятъ-то, и о чемъ они любятъ послушать? Не ясно ли, что о томъ, что тебѣ всего лучше извѣстно, о звѣздахъ да о томъ, что происходитъ на небѣ? C.

Ипп. И ничуть; этого они даже не выносятъ.

Сокр. Такъ они любятъ послушать что-нибудь касательно геометріи?

Ипп. Ни въ коемъ случаѣ, потому что многіе изъ нихъ, попросту сказать, не умѣютъ даже считать.

Сокр. Стало быть многаго имъ не хватаетъ, чтобы выносить, когда ты имъ читаешь объ умозаключеніяхъ.

Ипп. Ну конечно многаго.

Сокр. Тогда, значитъ, о томъ, въ чемъ ты умѣешь
всѣхъ лучше разбираться, о значеніи буквъ, слоговъ, рит- D.
мовъ, созвучій?

Ипп. Какія тамъ созвучія и буквы, добрѣйшій!

Сокр. Такъ о чемъ же они, наконецъ, слушаютъ съ удовольствіемъ и за что хвалятъ тебя? Когда ужъ я не умѣю найти, то скажи мнѣ самъ.

Ипп. Съ особеннымъ удовольствіемъ, Сократъ, слушаютъ они о родословіяхъ героевъ и людей и о переселеніяхъ [8]) о томъ, какъ основывались въ древности города, и вообще обо всемъ, что бывало въ старину, такъ что ради нихъ я былъ принужденъ тщательно заниматься и изучать все подобное. E.

ности слова *законный*, которое означаетъ во первыхъ *правильный*, *нормальный* и слѣдовательно во всякомъ случаѣ *хорошій* и *полезный*, а во-вторыхъ означаетъ въ смыслѣ права положительнаго все то, что признано или утверждено государственною властью, и что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть дурнымъ и вреднымъ, то есть по существу ненормальнымъ, не становясь однако чрезъ это незаконнымъ, или противузаконнымъ.

[8]) Т.-е. о выводѣ колоній, какъ сейчасъ же и поясняетъ Гиппій.

Сокр. Да, Иппій; счастье твое, право, что не обра-
дуешь Лакедемонянъ если станешь перечислять имъ на-
шихъ архонтовъ [9]), начиная съ Солона, а то, запоминая
ихъ, много пришлось бы тебѣ поработать.

Ипп. Почему такъ, Сократъ? Я могу со слуха запом-
нить 50 именъ подъ рядъ.

Сокр. Это вѣрно; я не сообразилъ что ты обладаешь
искусствомъ запоминанія. Теперь я понимаю, что Лакеде-
монянамъ естественно радоваться тебѣ, когда ты такъ мно-
286. го знаешь, и что они, какъ дѣти старухами, пользуются
тобою, чтобы насладиться сказками.

Ипп. Могу тебя увѣрить, Сократъ; да вотъ относи-
тельно достойныхъ занятій, чѣмъ слѣдуетъ заниматься юно-
шѣ, я говорилъ тамъ съ большимъ успѣхомъ какъ разъ
недавно. Вѣдь у меня объ этомъ есть прекраснѣйшее со-
чиненіе, и вообще-то хорошо составленное, а главное по
выраженіямъ. Завязка у меня и начало сочиненія такое:
въ сочиненіи говорится, что послѣ того, какъ взята была
B. Троя, Неоптолемъ спросилъ Нестора о томъ, какія бы-
ваютъ прекрасныя занятія, занимаясь которыми въ моло-
дости, всякій могъ бы пріобрѣсти самую добрую славу;
послѣ этого говоритъ Несторъ и преподаетъ Неоптолему
всевозможныя прекраснѣйшія правила. Вотъ съ этимъ-то
сочиненіемъ я не только тамъ, но и здѣсь намѣренъ вы-
ступить послѣзавтра въ училищѣ Фейдострата; найдется у
меня не мало и другого, что достойно вниманія. Меня объ
этомъ просилъ Евдикъ, [10]) сынъ Апеманта. Но только
C. чтобъ ты и самъ присутствовалъ и привелъ другихъ, кто
способенъ слушать и судить о томъ, что я буду говорить.

Сокр. Такъ это и будетъ, Иппій, если Богу будетъ
угодно; а теперь ты мнѣ все-таки объясни дѣло вкратцѣ.
Ты напомнилъ мнѣ какъ разъ кстати, а именно; не такъ
давно, добрѣйшій мой, въ какомъ-то разговорѣ, послѣ то-
го какъ я одно порицалъ, находя дурнымъ, а другое хва-
лилъ, находя прекраснымъ, одинъ человѣкъ поставилъ меня
въ тупикъ, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ въ такомъ

[9]) Высшая администрація въ Аѳинахъ состояла изъ девяти архон-
товъ (начальниковъ), которыхъ выбирали ежегодно. Именемъ одного
изъ нихъ обозначали годъ.

[10]) Евдикъ—одинъ изъ аѳинскихъ пріятелей Иппія, у котораго онъ
остановился; въ діалогѣ *Меньшій Иппій* Евдикъ участвуетъ въ числѣ
собесѣдниковъ.

родѣ и притомъ весьма свысока: „скажи на милость, Со-
кратъ,—спросилъ онъ,—тебѣ-то откуда извѣстно, чтò пре-
красно и чтò дурно? Подумай-ка, можешь ли ты сказать,
что такое прекрасное?“—А я по простотѣ своей растерял- D.
ся и не съумѣлъ ему отвѣтить какъ подобаетъ. И вотъ,
уходя изъ общества, негодовалъ я и пенялъ на самого
себя, и твердо рѣшилъ, что какъ только встрѣчусь съ
кѣмъ-нибудь изъ васъ, мудрецовъ, порасспрошу, узнаю и,
обдумавши, пойду опять къ тому человѣку, который меня
спрашивалъ, и возобновлю съ нимъ споръ. Вотъ я и го-
ворю, что ты пришелъ теперь кстати, и ужь ты мнѣ по- E.
кажи какъ слѣдуетъ, что такое прекрасное, и постарайся
отвѣчать на мои вопросы какъ можно точнѣе, чтобы мнѣ
опять не вызвать смѣха, когда меня вторично опровер-
гнутъ. Вѣдь ужъ тебѣ оно доподлинно извѣстно, и не ве-
лика же эта наука между тѣми, которыхъ ты знаешь такое
множество.

Ипп. Вѣрно, что не велика; просто сказать, ничего
не стоитъ.

Сокр. Стало-быть мнѣ будетъ легко научиться, и уже
никто не опровергнетъ меня.

Ипп. Конечно легко, а то на чтожь бы я тогда го-
дился? 287.

Сокр. Клянусь Герой, Иппій, хорошо бы это было одо-
лѣть намъ того человѣка, какъ ты говоришь. Но не по-
мѣшаю ли я тебѣ, если, подобно ему, буду возражать на
твои слова, для того чтобы ты наставилъ меня какъ мож-
но лучше? На возраженія-то вѣдь я пожалуй мастеръ. Ну
а если тебѣ все равно, то я желаю возражать, чтобы знать
потверже.

Ипп. Да возражай; вѣдь и вопросъ-то неважный, какъ
я сейчасъ сказалъ; а я могъ бы научить тебя отвѣчать на B.
гораздо болѣе трудные вопросы, такъ что ни одинъ чело-
вѣкъ не былъ бы въ состояніи опровергать тебя.

Сокр. Фу-ты какъ хорошо! Въ такомъ случаѣ, разъ
и ты приказываешь, попробую-ка я тебя спрашивать какъ
можно болѣе похоже на того человѣка. Если бы, видишь
ли, ты выступилъ передъ нимъ съ этимъ сочиненіемъ о
прекрасныхъ занятіяхъ, о которомъ ты говоришь, то онъ,
выслушавъ тебя и давъ тебѣ окончить рѣчь, прежде все-
го,—таковъ ужъ у него обычай,—задалъ бы тебѣ вопросъ
о прекрасномъ и сказалъ бы тебѣ: „Элидецъ, другъ мой, C.

развѣ не силою справедливости справедливые бываютъ справедливы?“—Ну, Иппій, отвѣчай такъ, какъ будто бы это онъ тебя спрашивалъ.

Ипп. Отвѣчаю, что силою справедливости.

Сокр. Стало-быть она что-нибудь да есть, эта справедливость?

Ипп. Конечно.

Сокр. И стало-быть не силою ли мудрости мудрые бываютъ мудры, и не силою ли добра все доброе бываетъ добрымъ?

Ипп. А то какъ же?

Сокр. Притомъ, полагаю, силою того, что само есть что-нибудь; вѣдь не силою же того, чего нѣтъ!

Ипп. Конечно силою того, что есть.

Сокр. Вотъ тоже и все прекрасное развѣ не силою прекраснаго бываетъ прекрасно?

D. **Ипп.** Да, силою прекраснаго.

Сокр. Которое что-нибудь да есть?

Ипп. Есть; а то какъ же?

Сокр. „Въ такомъ случаѣ,—возразитъ онъ,—скажи мнѣ, мой другъ, что такое это прекрасное?“

Ипп. Значитъ, Сократъ, тотъ, кто это спрашиваетъ, желаетъ знать, что̀ именно прекрасно?

Сокр Нѣтъ, мнѣ кажется; но что такое прекрасное, Иппій.

Ипп. А чѣмъ же одно отъ другого отличается?

Сокр. Ничѣмъ по твоему?

Ипп. Разумѣется ничѣмъ не отличается.

Сокр. Да ужь ясное дѣло, что тебѣ это лучше знать.
E. А все-таки, добрѣйшій мой, подумай: вѣдь онъ тебя спрашиваетъ не о томъ, что̀ прекрасно, но о томъ, что такое прекрасное.

Ипп. А! понимаю, добрѣйшій, и конечно отвѣчу ему, что такое прекрасное, и ни въ какомъ случаѣ не буду опровергнутъ; а именно, Сократъ, ты можешь быть увѣренъ, что ужь если говорить правду, то прекрасная дѣвушка несомнѣнно есть что-то прекрасное.

Сокр. И прекрасно же ты отвѣтилъ, Иппій; просто на славу, клянусь собакой! [11]) Значитъ, если я отвѣчу именно такъ, то отвѣчу правильно и ни въ какомъ случаѣ не буду опровергнутъ?

---

[11]) По объясненію однихъ Греки клялись собакою, имѣя въ виду собачью вѣрность; другіе думаютъ, что подъ собакою здѣсь подразумѣвается египетскій богъ Анубисъ, изображавшійся съ собачьей головой.

Ипп. Какимъ же образомъ, Сократъ, можешь ты быть опровергнутъ, когда это всѣ находятъ, и когда всякій, кто это услышитъ, засвидѣтельствуетъ тебѣ, что ты говоришь правду! 288.

Сокр. Положимъ. Конечно, конечно... [12]) Въ такомъ случаѣ, Иппій, дай-ка я разберу самъ съ собою то, что ты говоришь. Человѣкъ этотъ скажетъ мнѣ, положимъ, такъ: „А ну-ка, Сократъ, отвѣчай мнѣ: все то, что ты называешь прекраснымъ, можетъ быть прекраснымъ, въ случаѣ если что̀ именно есть само прекрасное?“ А я разумѣется отвѣчу, что если прекрасная дѣвушка есть что-то прекрасное, такъ она и есть что-то, отъ чего все это можетъ быть прекраснымъ [13]).

Ипп. Такъ ты еще думаешь, что онъ примется опровергать тебя, будто то, что ты назвалъ, не прекрасно, B.
или, что онъ не будетъ смѣшонъ, если примется опровергать?

Сокр. Что онъ примется, въ этомъ-то я увѣренъ, мой чудеснѣйшій, а вотъ будетъ ли онъ смѣшонъ, если примется опровергать меня, это покажетъ само дѣло. Мнѣ хочется сказать тебѣ, что̀ именно онъ непремѣнно будетъ говорить.

Ипп. Ну скажи.

Сокр. „До чего ты простъ, Сократъ!—скажетъ онъ мнѣ;—а прекрасная кобыла, которую даже богъ прославилъ въ извѣстномъ изреченіи [14]), развѣ не есть что-то прекрас-

---

[12]) *Εἶεν. πάνυ μὲν οὖν.*—очень странное сочетаніе выраженій. Винкельманъ отнесъ первое слово къ Сократу, остальные три—къ Иппію, и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы перевести такъ: **Сокр.** Положимъ. **Ипп.** Да ужь конечно!—Но тогда получается хотя и маленькая, а всетаки несвойственная платоническому Сократу остановка въ рѣчи; Сократъ передъ этимъ справедливо замѣтилъ Иппію: „на возраженія-то я мастеръ“. (287).

[13]) Мы придерживались въ этомъ мѣстѣ чтенія Шанца: *ταῦτα πάντα ἃ φῄς καλὰ εἶναι, εἰ τί ἐστιν αὐτό τὸ καλόν, ταῦτ ἂν εἴη καλά; ἐγώ δέ δὴ ἐρῶ ὅτι εἰ παρθένος καλὴ καλόν, ἔστι τί, δι' ὃ ταῦτ' ἂν εἴη καλά* Шлейермахеръ, вмѣсто: *εἰ τί ἐστιν*, читалъ: *εἴ τι ἔστιν*.

[14]) Мегарцы, вообразивъ о себѣ, что они лучше всѣхъ эллиновъ, пожелали узнать объ этомъ мнѣніе Аполлона, и богъ отвѣтилъ имъ, что изъ городовъ самый лучшій—Аргосъ, изъ лошадей самыя лучшія—ѳракійскія, изъ женщинъ—лакедемонянки. (Схол. къ Ѳеокриту, приведено въ изданіи Мартина Шанца)

ное?“—Что намъ на это сказать Иппій? Не сказать ли, что и кобыла есть что-то прекрасное, по крайней мѣрѣ
C. прекрасная кобыла? Потому что, какъ же мы осмѣлимся утверждать, что прекрасное—не прекрасно?

Ипп. Твоя правда, Сократъ; да и правильно сказалъ это богъ, потому что у насъ встрѣчаются дѣйствительно прекраснѣйшія лошади.

Сокр. „Хорошо,—скажетъ онъ,—ну а прекрасная лира развѣ не есть что-то прекрасное?—Согласимся мы съ нимъ, Иппій?

Ипп. Да.

Сокр. Судя по его обыкновенію, я почти увѣренъ, что вслѣдъ за этимъ онъ скажетъ: „ну любезнѣйшій ты мой, а прекрасный горшокъ развѣ не есть что-то прекрасное?“

D. **Ипп**. Кто же этотъ человѣкъ, Сократъ? Какой-то неучъ, если онъ осмѣливается употреблять такія дурныя слова въ важномъ разговорѣ!

Сокр. Въ этомъ родѣ, Иппій; человѣкъ простой, не тонкаго обхожденія; кромѣ истины ни о чемъ больше не помышляетъ. Но тѣмъ не менѣе намъ нужно отвѣчать этому мужу, и съ своей стороны я прежде всего заявляю: если горшокъ вылѣпленъ хорошимъ горшечникомъ, если онъ гладкій и ровный и хорошо обожженъ,—изъ такихъ хорошихъ горшковъ, мѣрою въ шесть возліяній, попадаются прекраснѣйшіе съ двумя ушками!—такъ если о такомъ
E. горшкѣ онъ спрашиваетъ, то слѣдуетъ согласиться, что такой горшокъ прекрасенъ; потому что какимъ образомъ можемъ мы утверждать, что прекрасное не прекрасно?

Ипп. Никоимъ образомъ, Сократъ.

Сокр. „Стало быть,—спроситъ онъ,—и прекрасный горшокъ тоже есть что-то прекрасное?“—Отвѣчай!

Ипп. Да полагаю, что такъ, Сократъ; хороша и эта утварь, если она хорошо сработана, только вообще все это недостойно считаться прекраснымъ на ряду съ лошадью или дѣвушкой и всѣмъ прочимъ прекраснымъ.

289. **Сокр**. Хорошо, я понимаю, въ чемъ дѣло, Иппій; тому, кто это спрашиваетъ, намъ нужно отвѣчать такъ: „о человѣче, неизвѣстно тебѣ хорошее изреченіе Гераклита, что какъ, значитъ, прекраснѣйшая изъ обезьянъ безобразна въ сравненіи съ породою человѣческой, такъ и прекраснѣйшій изъ горшковъ безобразенъ въ сравненіи съ

породою дѣвичьей, какъ утверждаетъ мудрецъ Иппій“,— Не такъ ли, Иппій?

Ипп. Ну совершенно ты, Сократъ, правильно отвѣтилъ.

Сокр. Постой! Вѣдь я увѣренъ, что послѣ этого онъ скажетъ: „ну а если кто-нибудь, Сократъ, сравнитъ дѣвичью породу съ породою богинь, то не найдетъ ли онъ B.
того же, что и при сравненіи горшка съ дѣвушкой? Самая прекрасная дѣвушка не окажется ли безобразной? Да не говоритъ ли того же самаго и Гераклитъ, на котораго ты ссылаешься, а именно что мудрѣйшій изъ людей рядомъ съ богомъ покажется обезьяной и по мудрости, и по красотѣ, и по всему прочему?—Согласимся ли мы, Иппій, что самая прекрасная дѣвушка въ сравненіи съ породою богинь безобразна?

Ипп. Да противъ этого кто же будетъ спорить, Сократъ?

Сокр. Ну, а если мы съ этимъ согласимся, то онъ C.
разсмѣется и скажетъ: „а помнишь ли ты, Сократъ, о чемъ тебя спрашивали?—„Помню,—отвѣчу я ему,—о томъ, что такое прекрасное.“—„И вотъ,—скажетъ онъ,—спрошенный о прекрасномъ, ты въ своемъ отвѣтѣ называешь то, что, какъ самъ ты говоришь, столь же прекрасно, какъ и безобразно?“—„Конечно!“—скажу я на это. Или какъ посовѣтуешь ты мнѣ сказать, мой другъ?

Ипп. По моему такъ; что рядомъ съ богами человѣческая порода безобразна, ужь въ этомъ онъ будетъ правъ.

Сокр. „Да если бы,—скажетъ онъ,—я спросилъ тебя D.
съ самаго начала, что такое бываетъ и прекраснымъ, и безобразнымъ, то, отвѣчая такъ, какъ сейчасъ отвѣтилъ, ты отвѣтилъ бы правильно. И тебѣ все еще кажется, что само прекрасное, которое краситъ и все прочее, и отъ котораго все оказывается прекраснымъ, къ чему только присоединится эта особенность, что это есть дѣвушка, либо лошадь, либо лира“.

Ипп. Ахъ, Сократъ, если онъ именно этого ищетъ, что такое то прекрасное, которое краситъ все прочее, и отъ котораго, какъ только оно привходитъ, все становится E.
прекраснымъ, то нѣтъ ничего легче, какъ отвѣчать ему на этотъ вопросъ. Ужъ очень онъ простоватъ, этотъ человѣкъ, и ничего не смыслитъ въ хорошихъ вещахъ. Вѣдь

если ты ему отвѣтишь, что то прекрасное, о которомъ онъ спрашиваетъ, есть не что иное, какъ золото, то онъ растеряется и не подумаетъ опровергать тебя. Кажется всякому изъ насъ извѣстно, что все, къ чему только прикоснется золото, хотя бы раньше и было безобразнымъ, будучи имъ украшено, покажется прекраснымъ.

Сокр. Ты не знаешь этого человѣка, Иппій, до чего онъ упрямъ и какъ онъ ничѣмъ легко не удовлетворяется.

290. **Ипп.** Почему же это, Сократъ? Вѣдь ему необходимо принять правильное опредѣленіе, а то онъ вызоветъ насмѣшки, если не приметъ его.

Сокр. Да этого отвѣта, мой любезнѣйшій, онъ не только не приметъ, но къ тому же еще сильно будетъ надо мной насмѣхаться и скажетъ мнѣ: „Ахъ ты оголтѣлый, ты думаешь, что Фидій плохой мастеръ?“—А я ему скажу: ничуть не думаю.

Ипп. И правильно, правильно скажешь Сократъ!

Сокр. Ну конечно правильно. И вотъ, когда я съ
B. нимъ соглашусь, что Фидій мастеръ хорошій, онъ мнѣ скажетъ: „Въ такомъ случаѣ, стало быть, ты думаешь, что Фидій не зналъ того прекраснаго, о которомъ ты толкуешь?“—„А въ чемъ дѣло?“—возражу я ему. „А въ томъ,—скажетъ онъ мнѣ,—что Фидій сдѣлалъ у Аѳины глаза и все прочее лицо, и ноги, и руки не изъ золота, а изъ слоновой кости. Вѣдь если бы все это, будучи сдѣлано изъ золота, должно было быть всего прекраснѣе, то ясно, что онъ сдѣлалъ это по невѣжеству, не зная, что золото и есть то самое, что украшаетъ все, къ чему только прикоснется“.

— Что мы на это можемъ отвѣтить, Иппій?

C. **Ипп.** Отвѣтить на это нетрудно; а именно мы можемъ ему сказать, что Фидій поступилъ правильно. Вѣдь и слоновая кость, полагаю, есть нѣчто прекрасное.

Сокр. „Почему же,—скажетъ тотъ,—онъ и зрачковъ тоже не сдѣлалъ изъ слоновой кости, а сдѣлалъ ихъ изъ камня, отыскавъ камень, какъ можно болѣе похожій на слоновую кость? Или, можетъ быть, и прекрасный камень тоже есть нѣчто прекрасное?“—Сказать намъ это, Иппій?

Ипп. Конечно сказать; если только онъ подходитъ.

Сокр. „А если онъ не подходитъ, то онъ есть нѣчто безобразное?“—Согласиться или нѣтъ?

Ипп. Согласись; если только онъ не подходитъ.

Сокр. „Эхъ ты мудрецъ,—скажетъ онъ мнѣ,—а развѣ слоновая кость и золото не тогда украшаютъ, когда подходятъ, и не тогда безобразятъ, когда не подходятъ?“ D.
—Станемъ ли мы это отрицать, или согласимся, что онъ говоритъ правильно?

Ипп. Съ этимъ-то мы можемъ согласиться: что къ чему идетъ, то и дѣлаетъ это самое прекраснымъ.

Сокр. „Если,—скажетъ онъ,—поставить на огонь горшокъ, полный прекрасной размазни, тотъ самый прекрасный горшокъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, какая веселка подойдетъ къ нему больше, золотая или фиговая?“

Ипп. Гераклъ! О какомъ это человѣкѣ ты говоришь,
Сократъ? Ты не хочешь мнѣ сказать, кто это? E.

Сокр. Да тебѣ не узнать его, если бы я и назвалъ его имя.

Ипп. Но я и такъ знаю, что это какой-то невѣжа.

Сокр. Очень онъ несносенъ, Иппій. А какъ же мы всетаки скажемъ? Какая изъ двухъ весёлокъ болѣе идетъ къ размазнѣ и къ горшку? Не ясно ли, что фиговая? Во первыхъ потому, что отъ нея размазня какъ-то лучше пахнетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, мой другъ, она не разобьетъ намъ нашего горшка, не выплеснетъ размазни, не потушитъ огня и собирающихся угоститься не лишитъ весьма благороднаго кушанья; а золотая, та можетъ все это надѣлать; такъ что
по моему мы должны сказать, что фиговая подходитъ больше, 291.
чѣмъ золотая, если только ты не думаешь какъ нибудь иначе.

Ипп. Ну да конечно, Сократъ, она больше подходитъ; только я бы право не сталъ разговаривать съ человѣкомъ, который задаетъ такіе вопросы.

Сокр. И ты въ правѣ, мой другъ; разумѣется тебѣ, столь прекрасно одѣтому, прекрасно обутому, прославляемому за мудрость всѣми эллинами, не пристало набираться подобныхъ словъ; ну а мнѣ нипочемъ якшаться съ этимъ человѣкомъ. Такъ ужь ты научи меня и отвѣчай ради меня, B.
„Значитъ,—скажетъ этотъ человѣкъ,—если фиговая подходитъ больше, чѣмъ золотая, то не должна ли она быть также и прекраснѣе, Сократъ, разъ ты уже согласился, что то, что подходитъ, прекраснѣе того, что не подходитъ?—Не согласимся ли мы, Иппій, что фиговая прекраснѣе, чѣмъ золотая?

Ипп. Хочешь, Сократъ, я скажу тебѣ, какъ ты дол-

женъ опредѣлить прекрасное, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ разсужденій?

C. **Сокр.** И очень даже хочу, только не прежде, чѣмъ ты мнѣ скажешь, какъ я долженъ отвѣчать: какая изъ двухъ сейчасъ мною названныхъ весёлокъ болѣе подходитъ и болѣе прекрасна?

Ипп. Да если тебѣ такъ хочется, отвѣчай ему, что сдѣланная изъ фиговаго дерева.

Сокр. Ну теперь говори то, что ты сейчасъ хотѣлъ сказать. Вѣдь изъ прежняго отвѣта, если я скажу, что прекрасное есть золото, пожалуй окажется, что золото ничуть не прекраснѣе фиговаго дерева. Ну а теперь, по твоему, что такое прекрасное?

D. **Ипп.** А вотъ я тебѣ скажу. Мнѣ кажется именно, что ты ищешь для отвѣта нѣчто такое прекрасное, что никогда, нигдѣ и никому не могло бы показаться безобразнымъ.

Сокр. Ну вотъ именно, Иппій! И какъ ты теперь, право, хорошо понимаешь!

Ипп. Ну вотъ слушай. И знай, что ужъ если противъ этого найдется у кого-нибудь возраженіе, то я скажу, что я совсѣмъ ничего не смыслю.

Сокр. Такъ ради боговъ, говори какъ можно скорѣе!

Ипп. Я утверждаю, что всегда и вездѣ для всякаго человѣка всего прекраснѣе, будучи богатымъ, здоровымъ и
пользуясь уваженіемъ у эллиновъ, дожить до старости, почтить своихъ родителей прекрасными похоронами, когда
E. они умрутъ, и самому быть прекрасно и съ честью похороненнымъ собственными своими дѣтьми.

Сокр. Ого, Иппій, какъ ты это сказалъ дивно величественно и достойно самого себя! Клянусь Герой, я признателенъ тебѣ за то, что ты, повидимому, готовъ помочь мнѣ какъ только можешь. А всётаки мы не угодимъ нашему мужу, но можешь быть увѣренъ, что теперь-то онъ и станетъ надъ нами всего больше смѣяться.

Ипп. Плохой же смѣхъ, Сократъ! Если онъ, не умѣя
ничего возразить противъ этого, всётаки будетъ смѣяться,
то будетъ смѣяться надъ самимъ собою, и самъ будетъ под-
292. нятъ на смѣхъ присутствующими.

Сокр. Можетъ быть, а можетъ быть и такъ, что послѣ этого отвѣта, какъ я предвижу, онъ не только станетъ надо мною смѣяться...

Ипп. А что же еще?

Сокр. Но, если случится при немъ палка, и я не спасусь отъ него бѣгствомъ, то онъ постарается хорошенько меня съѣздить.

Ипп. Что ты говоришь?! Да развѣ этотъ человѣкъ—
господинъ тебѣ, и развѣ, сдѣлавъ это, онъ не будетъ за-
держанъ и отданъ подъ судъ? Или у васъ въ городѣ нѣтъ B.
никакого правосудія, и гражданамъ позволено бить другъ
друга ни съ того, ни съ сего?

Сокр. Ничуть даже не позволено.

Ипп. Значитъ онъ долженъ отвѣтить передъ судомъ, если бьетъ тебя не за дѣло.

Сокр. Ахъ нѣтъ, Иппій, мнѣ это не кажется; еслибы я отвѣтилъ ему такимъ образомъ, то мнѣ кажется, онъ прибилъ бы меня за дѣло.

Ипп. А въ такомъ случаѣ, Сократъ, мнѣ тоже это кажется, если ужъ ты самъ это думаешь.

Сокр. Такъ не сказать ли тебѣ, почему самъ я думаю, что, отвѣтивъ такимъ образомъ, я былъ бы прибитъ подѣломъ? Или и ты хочешь бить меня безъ суда? Или, можетъ быть, выслушаешь?

Ипп. Да это было бы ужасно, Сократъ, еслибы я C.
не хотѣлъ тебя выслушать. Но что же такое ты хочешь
сказать?

Сокр. Я буду говорить точно такъ же, какъ говорилъ
сейчасъ, представляя того же самаго человѣка, чтобы не
къ тебѣ обращаться съ тѣми словами, какія онъ будетъ
говорить мнѣ, словами крѣпкими и несовсѣмъ обычными.
А именно, можешь быть увѣренъ, что онъ обратится ко
мнѣ такъ: „Скажи мнѣ, Сократъ, ты думаешь, что неспра-
ведливо получилъ побои, послѣ того какъ столь немузы-
кально пропѣлъ такой длинный диѳирамбъ совсѣмъ въ раз-
ладъ съ нашимъ вопросомъ?“ — „Почему такъ?“ — спрошу я
его. — „Почему?“ — спроситъ онъ; — такъ ты не въ со- D.
стояніи помнить, что я спрашивалъ тебя о самомъ прекрас-
номъ, которое дѣлаетъ прекраснымъ все, къ чему только
прикоснется, и камень, и дерево, и человѣка и божество,
и всякое дѣло, и всякое знаніе? О человѣче! Вѣдь я спра-
шиваю тебя о самой красотѣ, чтó она такое, и вотъ столько
же могу добиться отъ тебя толку, какъ еслибы рядомъ со
мною сидѣлъ камень, жерновъ, у котораго нѣтъ ни ушей,
ни мозга!“ — Ты не разсердишься, Иппій, если я, испугав-

шись, скажу ему послѣ этого такъ: „Да вѣдь это Иппій утвер-
E. ждаетъ, что въ этомъ заключается прекрасное, а спрашивалъ я его такъ же, какъ и ты меня, именно о томъ, что бываетъ прекрасно для всѣхъ и всегда".—Ну что ты скажешь? Не разсердишься, если я это скажу?

Ипп. По крайней мѣрѣ, Сократъ, я увѣренъ что то, что я назвалъ прекраснымъ, бываетъ прекрасно для всѣхъ и покажется такимъ всякому.

Сокр. „А также и будетъ прекрасно?"—спроситъ онъ меня; вѣдь прекрасное, полагаю, всегда должно быть прекраснымъ.

Ипп. Конечно.

Сокр. „Значитъ и было?"—спроситъ онъ.

Ипп. И было.

Сокр. „А сказалъ ли твой элидскій пріятель,—спроситъ онъ меня,—что и для Ахиллеса, и для его дѣда Эака, и для всѣхъ прочихъ рожденныхъ богами, и для самихъ боговъ прекрасное заключалось въ томъ, чтобы быть похо-
293. роненными послѣ родителей?"

Ипп. Это еще что? Ну его совсѣмъ твоего человѣка![15] Объ этомъ неблагочестиво даже и спрашивать, Сократъ.

Сокр. „А утверждать то же самое, отвѣчая другому, развѣ очень благочестиво?"

Ипп. Полагаю, что не очень.

Сокр. „Такъ полагаю,—скажетъ онъ мнѣ,—что ты и есть тотъ самый, который утверждаетъ, будто для всѣхъ и всегда прекрасно быть похороненнымъ дѣтьми, а самому похоронить родителей; не былъ ли и Гераклъ однимъ изъ всѣхъ, а также и всѣ тѣ, кого мы сейчасъ назвали?"

Ипп. Да вѣдь я не говорилъ, что для боговъ.

B. **Сокр.** „И не для героевъ, кажется?"

Ипп. По крайней мѣрѣ не для тѣхъ, которые были дѣтьми боговъ.

Сокр. „А для тѣхъ, которые ими не были?"

Ипп. Ну конечно!

Сокр. „Итакъ, по твоимъ словамъ опять, кажется, выходитъ, что изъ героевъ для однихъ это ужасно, нечестиво и постыдно,—для Тантала, Дардана, Зеѳа, а для Пе-

[15]) По гречески нѣсколько сильнѣе: „Пошли (брось) его къ блаженнымъ!" (βάλλ' ἐς μακαρίαν), но все же не такъ сильно, какъ наше: „Пошли его къ чорту!"

лопа[16]) и прочихъ, родившихся подобно ему,—прекрасно".

Ипп. Мнѣ кажется.

Сокр. „Значитъ,—скажетъ онъ,—тебѣ кажется то, чего ты сейчасъ не утверждалъ, а именно, что схоронить родителей и самому быть схороненнымъ дѣтьми иногда и
для нѣкоторыхъ бываетъ постыдно. А еще того важнѣе, C.
кажется, что не со всякимъ можетъ это и случиться, такъ что участь этого прекраснаго та же, что и прежнихъ, дѣвушки и горшка, только на этотъ разъ еще смѣшнѣе, что для однихъ оно прекрасно, а для другихъ не прекрасно. Вотъ и теперь,—скажетъ онъ,—ты все еще не въ состояніи, Сократъ, отвѣчать на вопросъ о томъ, что такое прекрасное". Этими или подобными словами будетъ онъ меня попрекать справедливо, если я стану ему такъ отвѣчать.
Такъ-то онъ со мною, Иппій, по большей части разгова- D.
риваетъ, а иногда, какъ бы сжалившись надъ моею неопытностью и необразованностью, самъ начинаетъ спрашивать меня, не кажется ли мнѣ, что прекрасное есть то-то и то-то, или начнетъ допытываться о чемъ-нибудь другомъ, по поводу какого-нибудь разговора.

Ипп. То-есть какъ это, Сократъ?

Сокр. А вотъ слушай. „О чудакъ Сократъ,—говоритъ онъ мнѣ,—перестань-ка ты такъ отвѣчать! Ужъ очень это незамысловато и легко можетъ быть опровергнуто, а по-
смотри-ка ты вотъ на что: не кажется ли тебѣ, что пре- E.
красное есть то самое, чего и мы сейчасъ коснулись въ нашемъ отвѣтѣ, и по причинѣ чего золото, когда оно къ чему-нибудь подходитъ,—прекрасно, а когда не подходитъ, то нѣтъ, а также и все прочее въ присутствіи этого самаго свойства; разсмотри-ка само это подходящее и природу этого самаго подходящаго, не окажется ли, что оно и есть прекрасное"? Я обыкновенно съ такими рѣчами каждый разъ соглашаюсь, потому что не знаю, чтò на это сказать. Такъ не кажется ли тебѣ, что подходящее есть прекрасное?

Ипп. Само собою разумѣется, Сократъ.

Сокр. Посмотримъ, какъ бы намъ въ чемъ-нибудь не промахнуться.

Ипп. Конечно слѣдуетъ посмотрѣть.

[16]) Первые трое—сыновья Зевса, а Пелопъ—сынъ Тантала.

Сокр. Гляди же. Называемъ ли мы подходящимъ то,
294. что своимъ присутствіемъ заставляетъ всякую вещь, при
которой оно находится, *казаться* прекрасной, или то, что
заставляетъ ее *быть* прекрасной, или ни то, ни другое?

Ипп. Разумѣется...

Сокр. Что изъ этого?

Ипп. Разумѣется то, что заставляетъ казаться; ну напримѣръ, если кто-нибудь надѣнетъ плащъ, который къ нему идетъ, или башмаки, то онъ будетъ казаться лучше, хотя бы былъ дуренъ до смѣшного.

Сокр. Если подходящее заставляетъ что-нибудь казаться прекраснѣе, чѣмъ это есть на дѣлѣ, то оно будетъ
относительно прекраснаго какимъ-то обманомъ и не можетъ
B. быть тѣмъ, чего мы ищемъ, Иппій; вѣдь мы-то ищемъ то-
го, чѣмъ всѣ прекрасныя вещи въ самомъ дѣлѣ прекрасны,
какъ напримѣръ то, чѣмъ все великое бываетъ велико, а
именно преизбыткомъ; вотъ чѣмъ всякая вещь бываетъ
велика, и если она не кажется таковой, а всетаки преизбы-
точествуетъ чѣмъ-нибудь, то ей необходимо быть великой.
Вотъ такъ же, говоримъ мы, и прекрасное, то, чѣмъ вся-
кія вещи бываютъ прекрасны, кажутся ли онѣ такими или
нѣтъ,—чѣмъ это прекрасное можетъ быть? Подходящее не
можетъ этимъ быть, потому что, какъ ты говоришь, оно
заставляетъ что-нибудь казаться прекраснѣе, чѣмъ на дѣ-
лѣ, а казаться такимъ, какъ на дѣлѣ, не позволяетъ; а
C. ты, говорю я, постарайся сказать, что̀ такое то прекрас-
ное, которое заставляетъ что-нибудь быть прекраснымъ,
будетъ ли это такимъ казаться, или нѣтъ. Вотъ мы чего
ищемъ, если только ищемъ прекрасное.

Ипп. Но подходящее, Сократъ, своимъ присутствіемъ заставляетъ и быть, и казаться прекраснымъ.

Сокр. Стало быть на дѣлѣ-то невозможно, чтобы прекрасныя вещи не казались прекрасными, именно если присутствуетъ то, что заставляетъ казаться прекраснымъ?

Ипп. Невозможно.

Сокр. Ну а согласимся ли мы съ тѣмъ, Иппій, что
все на самомъ дѣлѣ прекрасное, разныя учрежденія, рас-
поряженія, всѣми всегда считаются прекрасными и всѣмъ
D. кажутся такими, или же совсѣмъ наоборотъ очень многіе
не признаютъ ихъ прекрасными, и изъ-за нихъ всего боль-
ше бываетъ споровъ и усобицъ какъ между отдѣльными
гражданами, такъ и всенародно между городами.

Ипп. Скорѣе такъ, что не признаются, Сократъ.

Сокр. А вѣдь этого пожалуй не было бы, еслибы имъ
было присуще свойство казаться прекрасными; а оно было
бы присуще, еслибы подходящее было самимъ прекраснымъ
и заставляло бы не только быть прекраснымъ, но также и
казаться. Такимъ образомъ подходящее можетъ быть тѣмъ
прекраснымъ, которое мы ищемъ, только въ томъ случаѣ,
если оно есть то, что заставляетъ быть прекраснымъ, а
не въ томъ конечно, если оно есть то, что заставляетъ
казаться; и обратно: если подходящее есть то, что застав-
ляетъ казаться, то оно не можетъ быть тѣмъ прекраснымъ,
которое мы ищемъ; это-то вѣдь заставляетъ быть пре- E.
краснымъ, а заставлять казаться и вмѣстѣ быть не только
прекраснымъ, но и чѣмъ бы то ни было, одно и тоже какъ
будто не можетъ. Такъ рѣшимъ же, что такое по нашему
подходящее: то ли, что заставляетъ казаться, или то, что
заставляетъ быть прекраснымъ?

Ипп. По моему, Сократъ, то, что заставляетъ казаться.

Сокр. Ай-ай, Иппій, ускользаетъ отъ насъ знаніе прекраснаго, что̀ оно такое, если ужь подходящее оказывается у насъ не прекраснымъ, а чѣмъ-то другимъ.

Ипп. Да, Сократъ, видитъ Зевсъ, и для меня это очень странно.

Сокр. А всё-таки, мой другъ, попридержимъ его пока; 295.
у меня вѣдь есть надежда, что мы еще выяснимъ, что̀ такое
прекрасное.

Ипп. Во всякомъ случаѣ, Сократъ! Вѣдь вовсе не трудно найти; я, по крайней мѣрѣ знаю, что подумай я немного наединѣ самъ съ собою, и я тебѣ это скажу точнѣе точнаго.

Сокр. Ой, Иппій,—не говори такъ самоувѣренно! Развѣ
не видишь, сколько оно намъ уже доставило хлопотъ? Смотри,
какъ бы оно, разсердившись, не убѣжало отъ насъ еще
дальше. Впрочемъ я тебѣ не мѣшаю: ты-то, я думаю, это B.
легко найдешь, когда ты будешь одинъ; только ради боговъ,
найди это при мнѣ! А то, если хочешь, поищемъ вмѣстѣ,
какъ сейчасъ; и если мы найдемъ, прекрасно, а если
нѣтъ, то я, кажется, покорюсь своей судьбѣ, а ты,
уйдя отъ меня, найдешь съ легкостью. И если мы теперь
найдемъ, то ты не безпокойся, я не стану надоѣдать тебѣ
съ разспросами, что̀ бы это такое могъ ты тамъ найти самъ
съ собою. Ну а теперь посмотри, не кажется ли тебѣ пре-

C. красное вотъ чѣмъ: я утверждаю, что прекрасное—только ты наблюдай за мною какъ можно внимательнѣе, чтобы не дать мнѣ завраться—я утверждаю, что прекраснымъ у насъ должно быть то, что можетъ быть пригодно. Надумалъ я это, сообразивъ вотъ о чемъ; мы говоримъ: прекрасные глаза!—не о тѣхъ глазахъ, которые кажутся намъ неспособными видѣть, но о тѣхъ, которые могутъ видѣть и пригодны для зрѣнія. Не такъ ли?

Ипп. Да.

Сокр. Точно такъ же мы говоримъ и обо всемъ тѣлѣ, что оно прекрасно, иное для бѣга, иное для борьбы, тоже
D. и обо всѣхъ животныхъ, о лошади, о пѣтухѣ, о перепелѣ, и обо всякой утвари, и о разныхъ приспособленiяхъ для перевозки, какъ по сушѣ такъ и по морю, и обо всѣхъ орудiяхъ, употребляемыхъ какъ въ музыкѣ, такъ и въ прочихъ искусствахъ, а пожалуй и о занятiяхъ, и о законахъ; все это мы одинаково называемъ прекраснымъ, болѣе или менѣе. Замѣчая какого свойства каждая изъ этихъ вещей, какъ она сдѣлана, въ какомъ находится состоянiи, если она какъ-нибудь, къ чему-нибудь и когда-нибудь пригодна,
E. мы говоримъ, что она прекрасна, а непригодное во всѣхъ этихъ отношенiяхъ называемъ дурнымъ. Не находишь ли и ты того же, Иппiй?

Ипп. Да, нахожу.

Сокр. Стало быть мы это теперь правильно говоримъ, что пригодное прекрасно болѣе, чѣмъ что-либо другое?

Ипп. Конечно правильно, Сократъ.

Сокр. Ну а то, что имѣетъ силу произвести что-нибудь, въ какомъ отношенiи оно сильно, въ томъ и пригодно, а въ какомъ безсильно, въ томъ и непригодно?

Ипп. Разумѣется.

Сокр. Значитъ сила есть что-то прекрасное, а безсилiе—что-то дурное?

Ипп. Ну еще бы! Многое, Сократъ, показываетъ намъ,
296. что это такъ, а главное—политика, потому-что быть сильнымъ въ государственныхъ дѣлахъ вообще и въ своемъ собственномъ городѣ прекраснѣе всего, а быть безсильнымъ—всего постыднѣе.

Сокр. Хорошо говоришь! Скажи ради боговъ, Иппiй, не потому ли и мудрость всего прекраснѣе, а невѣжество всего постыднѣе?

Ипп. А то какъ же, Сократъ?

Сокр. Постой, милый другъ; мнѣ что-то страшно: что это мы такое опять говоримъ?

Ипп. Чего же ты опять боишься, Сократъ? Вѣдь теперь-то ужь ты разсуждаешь превосходно. B.

Сокр. Желалъ бы я этого, только разберемъ мы съ тобою вотъ что: развѣ кто-нибудь можетъ сдѣлать что-нибудь такое, чего онъ и не понимаетъ и вообще не въ силахъ сдѣлать?

Ипп. Какъ же такъ, чего не въ силахъ сдѣлать? Ни въ какомъ случаѣ.

Сокр. Значитъ тѣ, что грѣшатъ и дѣлаютъ всякое зло умышленно и неумышленно, еслибы не были въ силахъ это дѣлать, то и не дѣлали бы?

Ипп. Очевидно.

Сокр. Но ужъ конечно быть въ силахъ можно благодаря силѣ; не благодаря же безсилiю? C.

Ипп. Конечно нѣтъ.

Сокр. И всякiй что-нибудь дѣлающiй въ силахъ бываетъ дѣлать то, что онъ дѣлаетъ?

Ипп. Да.

Сокр. Всѣ же люди съ самаго дѣтства дѣлаютъ зла гораздо больше, чѣмъ добра, и умышленно и неумышленно. Такъ вотъ эту-то самую силу и эту пригодность, пригодность къ учиненiю какого-нибудь зла, назовемъ-ли мы это прекраснымъ, или же далеко отъ того?

Ипп. Далеко, Сократъ, какъ мнѣ кажется. D.

Сокр. Стало быть, Иппiй, сильное и пригодное кажется не выходитъ у насъ *прекраснымъ*.

Ипп. Да вѣдь это тогда, когда что-нибудь бываетъ въ силахъ дѣлать добро, Сократъ, и пригодно именно къ этому.

Сокр. Такъ ужъ то долой, будто просто сильное и просто пригодное означаютъ прекрасное; а душа наша, Иппiй, хотѣла значитъ сказать вотъ что: что сильное и пригодное къ совершенiю чего нибудь добраго — это-то и есть прекрасное?

Ипп. Мнѣ кажется. E.

Сокр. Но вѣдь ужъ это будетъ *полезное*. Или нѣтъ?

Ипп. Конечно да.

Сокр. Такимъ образомъ и прекрасныя тѣла, и прекрасные обычаи, и мудрость, и все, что мы сейчасъ назвали, все это прекрасно потому, что все это полезно.

Ипп. Очевидно поэтому.

Сокр. Значитъ, Иппій, намъ кажется, что прекрасное есть полезное.

Ипп. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Но вѣдь полезное есть то, что производитъ что-нибудь хорошее.

Ипп. Вотъ именно.

Сокр. А производящее есть не что иное, какъ причина, не такъ ли?

Ипп. Такъ.

Сокр. Значитъ прекрасное есть причина хорошаго.

297. **Ипп.** Вотъ именно.

Сокр. Но вѣдь причина, Иппій, и то, чего она бываетъ причиной,—не одно и то же; вѣдь не можетъ какъ будто причина быть причиною причины. Вотъ ты на что посмотри: причина не была ли у насъ чѣмъ-то производящимъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Такъ вѣдь производящимъ производится только то, что (отъ него) происходитъ, а не то, что (его) производитъ.

Ипп. Это вѣрно.

Сокр. Значитъ одно будетъ то, что происходитъ, а другое—то, что производитъ?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть причина бываетъ причиною не причины, а того, что отъ нея происходитъ.

B. **Ипп.** Конечно.

Сокр. Если, стало быть, прекрасное есть причина хорошаго, то отъ прекраснаго должно происходить хорошее; вотъ почему, кажется, мы и хлопочемъ о разумности и обо всемъ прочемъ прекрасномъ; потому именно, что произведеніемъ и порожденіемъ всего этого бываетъ то, о чемъ стоитъ хлопотать,—все хорошее, и изъ того, что мы сейчасъ нашли, прекрасное какъ будто оказывается какимъ-то отцомъ хорошаго.

Ипп. О, безъ сомнѣнія. Хорошо ты это говоришь, Сократъ!

C. **Сокр.** Ну а не такъ же ли будетъ хорошо, если я скажу, что ни отецъ не есть сынъ, ни сынъ не есть отецъ?

Ипп. Конечно хорошо.

Сокр. Также и причина не есть то, что (отъ нея) происходитъ, и то, что происходитъ, тоже не есть причина.

Ипп. Вѣрно говоришь.

Сокр. Ну право, любезнѣйшій, также и прекрасное не

есть нѣчто хорошее, и хорошее не есть нѣчто прекрасное; или тебѣ кажется, что это возможно, не смотря на раньше сказанное?

Ипп. Нѣтъ, право же мнѣ это не кажется.

Сокр. Такъ значитъ мы хотѣли бы сказать, что прекрасное не хорошо и хорошее не прекрасно; и намъ это нравится?

Ипп. Право же нѣтъ, мнѣ это совсѣмъ не нравится.

Сокр. Ну да разумѣется, Иппій; мнѣ по крайней мѣрѣ D.
изо всего, что мы говорили, это всего менѣе нравится.

Ипп. Такъ оно и есть.

Сокр. Пожалуй, значитъ, это опредѣленіе прекраснаго,—будто оно есть полезное, пригодное, то, что въ силахъ производить что-нибудь хорошее,—вовсе не есть самое прекрасное опредѣленіе, какимъ оно сейчасъ казалось; нѣтъ, скорѣе же, если только это возможно, оно еще смѣшнѣе тѣхъ первыхъ опредѣленій, въ которыхъ мы за прекрасное принимали дѣвушку и еще тамъ разныя вещи, которыя давеча называли.

Ипп. Повидимому.

Сокр. И что касается меня, Иппій, то не знаю я больше, куда и обратиться, растерялся совсѣмъ; ну а ты имѣешь что-нибудь сказать?

Ипп. Въ настоящую минуту нѣтъ, но, какъ я сейчасъ E.
говорилъ, если я подумаю, то увѣренъ, что найду.

Сокр. Но я такъ страстно желаю знать, что кажется не въ состояніи пережидать, пока ты будешь собираться; да къ тому же я сейчасъ кажется что-то надумалъ. Ну вотъ посмотри: если мы скажемъ, что прекрасное есть то, что заставляетъ насъ радоваться,—отнюдь не всѣ удовольствія, а только получаемыя черезъ зрѣніе и слухъ,—попадемъ ли мы въ цѣль? Возьмемъ, Иппій, такъ: прекрасные 298.
люди, всякія украшенія, живопись, изваянія,—все это доставляетъ намъ удовольствіе, когда мы на это смотримъ, если только это прекрасно; то же самое производятъ прекрасные звуки, всякая музыка, рѣчи, разсказы; такъ что если мы отвѣтимъ тому самоувѣренному человѣку; „Почтеннѣйшій, прекрасное есть пріятное, испытываемое черезъ зрѣніе и слухъ“,—то какъ ты думаешь, не сбавимъ ли мы ему немножко самоувѣренности?

Ипп. Вотъ теперь, Сократъ, мнѣ кажется мы говоримъ B
хорошо, что такое прекрасное.

Сокр. Ну а прекрасныя дѣйствія и законы, Иппій? Скажемъ ли мы, что они прекрасны потому, что они бываютъ намъ пріятны черезъ слухъ и зрѣніе, или же мы скажемъ, что они принадлежатъ къ другому роду?

Ипп. Да этого, Сократъ, нашъ человѣкъ пожалуй и не замѣтилъ бы.

Сокр. Ну ужь нѣтъ, Иппій, клянусь собакою; ужъ передъ нимъ-то я всего болѣе постыдился бы шутить шутки и дѣлать видъ, будто я что-то говорю, когда я ничего не говорю [17]).

Ипп. Но дѣло въ томъ, что и мнѣ самому, послѣ того какъ ты сказалъ, стало казаться, что относительно законовъ это какъ-то иначе.

Сокр. Подожди, Иппій! Вѣдь того и гляди, что мы попали относительно прекраснаго въ тотъ же самый тупикъ, въ которомъ были давеча, а думаемъ, что выбрались на какую-то другую дорогу.

Ипп. Что ты подъ этимъ разумѣешь, Сократъ?

Сокр. Я тебѣ объясню, что мнѣ именно представляется; ну-какъ я и въ самомъ дѣлѣ что нибудь разумѣю? Что
D. касается законовъ и дѣйствій, то вѣдь очень можетъ быть, что это-то еще не выходитъ изъ круга ощущеній, получаемыхъ нами черезъ слухъ и зрѣніе. Но ограничимся тѣмъ утвержденіемъ, что пріятное, испытываемое черезъ эти чувства, есть прекрасное, не впутывая сюда ничего относительно законовъ. Если, однако, или тотъ человѣкъ, о которомъ я говорю, или еще кто нибудь другой спроситъ насъ: „Что же это вы, Иппій и Сократъ, изъ всего пріятнаго выдѣляете, какъ прекрасное, пріятное только такъ, какъ вы говорите, а пріятное въ прочихъ ощущеніяхъ, въ

[17]) Послѣ этихъ словъ Сократа въ текстѣ находится еще слѣдующее: **Ипп**. Передъ кѣмъ это?—**Сокр**. Передъ Сократомъ, сыномъ Софрониска, который позволилъ бы мнѣ легкомысленно говорить то, чего я не обдумалъ, ни чуть не скорѣе, чѣмъ дѣлать видъ, будто я знаю то, чего я не знаю.—Это очевидно позднѣйшая вставка переписчика, который, догадавшись можетъ быть еще раньше этого мѣста, кто такое таинственный собесѣдникъ Сократа, воспользовался здѣсь удобнымъ случаемъ, чтобы раскрыть его инкогнито. Приписывать эти слова автору діалога нельзя по той простой причинѣ, что и далѣе тотъ же мнимый собесѣдникъ служитъ Сократу ширмою для издѣвательства надъ несчастнымъ Иппіемъ. Помѣщенная въ текстъ діалога, эта наивная вставка самымъ досаднымъ образомъ прерываетъ нить разговора, почему мы и нашли необходимымъ вынести её въ примѣчаніе.

ѣдѣ, въ питьѣ, въ томъ, что относится къ Афродитѣ, и E.
во всемъ прочемъ подобномъ не называете прекраснымъ? Или вы не считаете всего подобнаго пріятнымъ и вообще не видите удовольствія ни въ этомъ, ни въ чемъ либо другомъ, кромѣ какъ только смотрѣть да слушать?“—что мы на это скажемъ, Иппій?

Ипп. Безъ всякаго сомнѣнія мы скажемъ, Сократъ, что и во всемъ прочемъ бываетъ большое удовольствіе.

Сокр. „Почему же,—скажетъ онъ,—вы отнимаете это названіе у удовольствій, которыя столько же—удовольствія, какъ и тѣ, и лишаете ихъ свойства быть прекрасными?“
„Потому,—скажемъ мы, —что нѣтъ такого человѣка, ко- 299.
торый не сталъ бы надъ нами смѣяться, еслибы мы сказали, что ѣда не пріятна, а прекрасна, и что пріятный запахъ не пріятенъ, а прекрасенъ; ну а что касается Афродиты, то всѣ побьются съ нами объ закладъ, что хотя это и пріятнѣе всего, но что если этимъ и заниматься, то ужь такъ, чтобы никто этого не видалъ, потому что нѣтъ ничего стыднѣе, какъ чтобы это видѣли“. Когда мы это скажемъ, Иппій, то онъ по всей вѣроятности возразитъ: „И я кое-что понимаю: вы все стыдитесь сказать, что эти удовольствія прекрасны, потому что людямъ это не кажется;
но я спрашивалъ не о томъ, что всѣмъ кажется прекрас- B.
нымъ, но о томъ, что въ самомъ дѣлѣ прекрасно“. Ну и мы скажемъ, я думаю, то самое, что мы выставили напередъ, а именно, что мы-то называемъ прекраснымъ ту часть пріятнаго, которая бываетъ отъ зрѣнія и слуха. Но годится ли по твоему эта мысль, или же намъ сказать еще что нибудь другое, Иппій?

Ипп. На все сказанное, Сократъ, необходимо отвѣчать не иначе какъ такъ.

Сокр. „Это вы хорошо говорите,—скажетъ онъ,—
Такъ если пріятное посредствомъ зрѣнія и слуха есть C.
прекрасное, то не ясно ли, что всякое пріятное, которое бываетъ не такъ, не можетъ быть прекраснымъ?“—Согласиться намъ?

Ипп. Да.

Сокр. „Въ такомъ случаѣ,—скажетъ онъ,—пріятное посредствомъ зрѣнія будетъ ли пріятнымъ посредствомъ зрѣнія и слуха, или пріятное посредствомъ слуха—пріятнымъ посредствомъ слуха и зрѣнія?“—„Никоимъ образомъ,—скажемъ мы, —не можетъ пріятнымъ быть посредствомъ

обоихъ вмѣстѣ то, что бываетъ пріятнымъ посредствомъ того или другого; вѣдь ты это, кажется, хочешь намъ сказать, а мы-то говорили, что каждое изъ этихъ пріятныхъ и само по себѣ можетъ быть прекраснымъ и оба вмѣстѣ“— Такъ ли будемъ мы отвѣчать?

D. **Ипп.** Именно такъ.

Сокр. „Такъ развѣ,—скажетъ онъ,—что-нибудь пріятное отличается отъ чего-нибудь пріятнаго этимъ самымъ свойствомъ—быть пріятнымъ? Я не о томъ говорю, что одно удовольствіе бываетъ больше, другое меньше, одного бываетъ больше, другого меньше, но о томъ, отличаются ли удовольствія одно отъ другого именно тѣмъ, что одно есть удовольствіе, а другое—не удовольствіе?“—„Что касается насъ, то намъ это не кажется“. Вѣдь не кажется?

Ипп. Да ужъ конечно не кажется.

Сокр. „Значитъ,—скажетъ онъ,—вы отобрали эти удовольствія отъ остальныхъ удовольствій не по тому, что они—удовольствія, а по чему-нибудь другому, видя въ нихъ обоихъ что-нибудь такое, чѣмъ они отличаются отъ дру-

E. гихъ, глядя на что вы и утверждаете, что они прекрасны; удовольствіе, получаемое черезъ зрѣніе, вѣдь не по тому же—удовольствіе, что оно получается черезъ зрѣніе; если бы это самое и было причиною того, что оно прекрасно, то вѣдь другое-то удовольствіе, удовольствіе, получаемое черезъ слухъ, не было бы тогда прекрасно; значитъ оно не по тому—удовольствіе, что получается черезъ зрѣніе“. Скажемъ ли мы ему что онъ вѣрно говоритъ?

Ипп. Конечно скажемъ.

300. **Сокр.** „Опять-таки и удовольствіе, получаемое черезъ слухъ, не по тому можетъ быть прекрасно, что оно получается черезъ слухъ; потому что опять-таки удовольствіе, получаемое черезъ зрѣніе, не было бы тогда прекрасно; стало быть оно не по тому—удовольствіе, что получается черезъ слухъ“. Скажемъ ли мы, Иппій, что, говоря такъ, человѣкъ этотъ говоритъ правду?

Ипп. Скажемъ.

Сокр. „А всетаки оба удовольствія прекрасны, какъ вы говорите“. Вѣдь мы говоримъ?

Ипп. Говоримъ.

Сокр. „Значитъ въ нихъ есть что-нибудь одинаковое, что заставляетъ ихъ быть прекрасными, что-то общее, что

присуще имъ какъ обоимъ вмѣстѣ, такъ и каждому въ частности; вѣдь иначе не были бы они прекрасны и оба вмѣстѣ и каждое порознь“. Отвѣчай мнѣ такъ, какъ будто бы ты отвѣчалъ ему самому. B.

Ипп. Отвѣчаю: мнѣ тоже кажется, что это такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Если, стало быть, что-нибудь свойственно этимъ удовольствіямъ обоимъ вмѣстѣ, а каждому порознь не свойственно, то этимъ-то свойствомъ не могутъ они быть прекрасны.

Ипп. Да и какъ же это можетъ быть, Сократъ, чтобы что-нибудь не было свойственно ни тому, ни другому, и вдругъ это свойство, несвойственное ни тому, ни другому, было бы свойственно обоимъ вмѣстѣ?

Сокр. Тебѣ не представляется? C.

Ипп. Да я совсѣмъ не могу понять ни природы такихъ вещей, ни того, что значатъ наши теперешнія слова.

Сокр. Вотъ это хорошо, Иппій! Но въ такомъ случаѣ должно быть мнѣ только кажется, будто я вижу кое-что именно такимъ, какимъ оно по твоему не можетъ быть, а на дѣлѣ я ничего не вижу.

Ипп. Не то-что *кажется*, Сократъ, а вполнѣ очевидно, что ты видишь совсѣмъ не то, что есть.

Сокр. И вѣдь много подобнаго возстаетъ передъ моей душой, только я всему этому не вѣрю, потому что это представляется не тебѣ, мужу, который больше всѣхъ теперешнихъ людей заработалъ денегъ мудростью, а мнѣ, который ничего никогда не заработалъ; и я начинаю подозрѣвать, дружище, не шутишь ли ты со мною и не проводишь ли ты меня нарочно; такъ живо и столь многое мнѣ представляется. D.

Ипп. Никто, Сократъ, лучше тебя самого не узнаетъ, шучу я или нѣтъ, если ты попробуешь сказать то самое, что тебѣ представляется; тогда будетъ ясно, что сказать тебѣ нечего. Вѣдь ты никогда не найдешь ничего такого, что не будучи свойственно ни мнѣ, ни тебѣ, было бы свойственно намъ обоимъ.

Сокр. Какъ ты это разумѣешь Иппій? Конечно ты подъ этимъ что-нибудь да разумѣешь, только я этого не понимаю; но прослушай внимательнѣе то, что я хочу сказать. То, что не свойственно ни мнѣ, ни тебѣ и чѣмъ не можемъ быть ни я, ни ты, то самое, какъ мнѣ ясно пред- E.

ставляется, можетъ быть свойственно обоимъ намъ вмѣстѣ; а съ другой стороны тѣмъ, что свойственно обоимъ намъ вмѣстѣ, каждый изъ насъ можетъ и не быть.

Ипп. Опять ты говоришь чудеса, Сократъ, еще болѣе удивительныя, чѣмъ сейчасъ говорилъ. Ну разсуди же ты: если мы съ тобою оба вмѣстѣ справедливы, то не будетъ ли справедливъ и каждый изъ насъ, или, если каждый не
301. справедливъ, то не будемъ ли мы несправедливы и оба вмѣстѣ, и если здоровы, то не здоровъ ли каждый изъ насъ? Или, если каждый изъ насъ боленъ, либо раненъ, либо ушибленъ, либо подвергся еще чему-нибудь, то опять-таки не подверглись ли тому же самому и мы оба вмѣстѣ? А вотъ еще также еслибы оба мы вмѣстѣ были золотыми, или серебряными, или изъ слоновой кости, а если хочешь, то и благородными, или мудрыми, или почтенными, или старыми, или молодыми, словомъ какими угодно,—развѣ тогда не было бы совершенно необходимо, чтобы тѣмъ же самымъ былъ также и каждый изъ насъ?

B. **Сокр.** Ужь во всякомъ случаѣ необходимо.

Ипп. А вотъ ты, Сократъ, такъ же и тѣ, съ кѣмъ ты обыкновенно ведешь разговоры, вы не разсматриваете вещи въ ихъ цѣломъ, а берете отвлеченно прекрасное и всякую иную сущность и разбираете и разсѣкаете ихъ въ своихъ разсужденіяхъ. Поэтому-то и остаются для васъ скрытыми столь великія и по природѣ своей цѣльныя вещи; вотъ и сейчасъ ты ослѣпленъ настолько, что думаешь, будто бываетъ такое состояніе или такая сущность, которыя относятся къ какимъ-нибудь двумъ предметамъ вмѣстѣ, а къ каждому отдѣльно не относятся, или обратно къ каждому
C. отдѣльно относятся, а къ обоимъ вмѣстѣ нѣтъ. Вотъ вы какъ разсуждаете безсмысленно, неосмотрительно, глупо и нелѣпо.

Сокр. Такова наша участь, Иппій: не то дѣлай, что хочешь, какъ говоритъ пословица, а то дѣлай, что можешь. Но ты всегда помогаешь намъ своими наставленіями; вотъ и теперь, прежде чѣмъ ты насъ въ этомъ наставишь, я скажу тебѣ, какъ мы объ этомъ думали, и ты увидишь еще
D. яснѣе, до чего глупо мы разсуждали; или не говорить?

Ипп. Новаго ты мнѣ не скажешь, Сократъ; я вѣдь знаю любителей разсужденій, что каждый изъ нихъ думаетъ. Впрочемъ, если это сколько-нибудь доставляетъ тебѣ удовольствіе, то говори.

Сокр. Да ужъ конечно доставляетъ. Вѣдь мы, любезнѣйшій, прежде чѣмъ ты это сказалъ, до того были глупы, что воображали обо мнѣ и о тебѣ, будто каждый изъ насъ порознь есть одинъ, а вотъ этимъ-то самымъ, что есть каждый изъ насъ, оба вмѣстѣ, видишь ли, мы не можемъ быть, потому что мы съ тобою оба вмѣстѣ не одинъ, а пара. Вотъ до чего мы были простоваты, но теперь мы уже научились отъ тебя, что если мы оба вмѣстѣ—пара, E.
то и каждый изъ насъ непремѣнно будетъ парой, а если каждый—одинъ, то и оба вмѣстѣ непремѣнно будутъ одинъ, потому что по цѣльности всего существующаго, какъ говоритъ Иппій, иначе быть не можетъ, но чѣмъ будутъ оба вмѣстѣ, тѣмъ и каждый, и чѣмъ каждый, тѣмъ и оба вмѣстѣ. Ну вотъ теперь, убѣжденный тобою, я успокоился; а всё-таки, Иппій, прежде всего напомни мнѣ, какъ это будетъ; такъ ли, что мы оба съ тобою—одинъ, или же такъ, что и ты—пара, и я—пара?

Ипп. Что ты говоришь, Сократъ?

Сокр. То и говорю; вѣдь я теперь боюсь ясно говорить, потому что ты на меня сердишься... какъ только тебѣ самому покажется, что ты говоришь что-то дѣльное. А всетаки ты мнѣ еще скажи: каждый изъ насъ не есть ли 302.
одинъ, и не свойственно ли это каждому изъ насъ—быть однимъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. А если—одинъ, то въ такомъ случаѣ каждый изъ насъ долженъ быть нечетомъ; или ты одного не считаешь нечетомъ?

Ипп. Считаю.

Сокр. А будемъ ли мы оба вмѣстѣ тоже нечетомъ, когда насъ двое?

Ипп. Этого не можетъ быть, Сократъ.

Сокр. Значитъ оба-то вмѣстѣ мы будемъ чётомъ, не такъ ли?

Ипп. Конечно.

Сокр. Такъ неужели же, отъ того что оба мы вмѣстѣ —четъ, отъ этого и каждый изъ насъ тоже будетъ чётъ?

Ипп. Никоимъ образомъ.

Сокр. Значитъ нѣтъ уже такой необходимости, чтобы B
оба вмѣстѣ были то же, что и каждый, и чтобы каждый былъ то же, что и оба вмѣстѣ, какъ ты сейчасъ говорилъ.

Ипп. Да не это вовсе, а то, о чемъ я говорилъ.

Сокр. Довольно и этого, Иппій; и то дорого, что одно бываетъ такъ, а другое не такъ. Вотъ я и говорилъ, если только ты помнишь, съ чего у насъ пошелъ этотъ разговоръ, что удовольствіе, получаемое черезъ зрѣніе, и удовольствіе получаемое черезъ слухъ, могутъ быть прекрасны
C. не тѣмъ, что можетъ быть свойственно каждому изъ нихъ порознь, а обоимъ вмѣстѣ не свойственно, или обоимъ вмѣстѣ свойственно, а каждому порознь не свойственно, но тѣмъ, что свойственно обоимъ вмѣстѣ и каждому порознь, потому что ты соглашался, что они прекрасны и оба вмѣстѣ, и каждое порознь. Вотъ почему я думалъ, что если оба они прекрасны, то они должны быть прекрасны такою сущностью, которая причастна имъ обоимъ, а такою, которой одному изъ нихъ не достаетъ, не должны; я и теперь еще это думаю. Но скажи мнѣ какъ-бы снова: удовольствіе, получаемое черезъ зрѣніе и удовольствіе, получаемое черезъ слухъ, — если они прекрасны, и оба вмѣстѣ, и каждое
D. порознь, такъ развѣ то, что дѣлаетъ ихъ прекрасными, не причастно имъ, какъ обоимъ вмѣстѣ, такъ и каждому порознь?

Ипп. Конечно причастно.

Сокр. Такъ развѣ отъ того, что они—удовольствія, и каждое порознь, и оба вмѣстѣ, отъ этого могутъ они быть прекрасны? По этой-то причинѣ не будутъ ли столь же прекрасны и всѣ прочія удовольствія? Вѣдь они тоже оказались у насъ удовольствіями ни чуть не меньшими, какъ ты это, можетъ быть, помнишь.

Ипп. Помню.

Сокр. А мы говорили, что они прекрасны по тому, что они получаются черезъ зрѣніе и слухъ.

E. **Ипп.** Такъ и говорили.

Сокр. Посмотри однако, вѣрно ли это. Вѣдь мы говорили, насколько мнѣ помнится, что не всякое пріятное можетъ быть прекраснымъ, а только то, которое получается посредствомъ зрѣнія и слуха.

Ипп. Вѣрно.

Сокр. Такъ вѣдь это-то свойство не присуще ли имъ обоимъ вмѣстѣ, а не каждому порознь? Вѣдь каждое-то изъ нихъ, какъ раньше было говорено, не получается черезъ то и другое, но оба вмѣстѣ они получаются черезъ то и другое, а каждое нѣтъ; не такъ ли?

Ипп. Такъ.

Сокр. Значитъ каждое-то изъ нихъ порознь прекрасно

не тѣмъ, что не присуще каждому порознь; вѣдь то, что относится къ обоимъ имъ вмѣстѣ, къ каждому отдѣльно не относится, такъ что оба они вмѣстѣ, по предположенному, могутъ быть прекрасными, а каждое порознь не можетъ. Или мы не такъ скажемъ? Нѣтъ такой необходимости?

Ипп. Очевидно есть. 303.

Сокр. Такъ мы скажемъ, что оба они вмѣстѣ прекрасны, а что каждое порознь прекрасно, этого не скажемъ?

Ипп. А что же намъ препятствуетъ?

Сокр. А то, мой другъ, какъ мнѣ кажется, препятствуетъ, что съ однимъ у насъ было такъ: если оно является у обоихъ вмѣстѣ, то и у каждаго, и если у каждаго, то и у обоихъ вмѣстѣ, а именно со всѣмъ тѣмъ, что было приведено тобою; не такъ ли?

Ипп. Да.

Сокр. Ну а съ тѣмъ, что я приводилъ съ своей стороны, было не такъ; въ томъ числѣ конечно было и само „*каждое*“ и „*оба*“. Это такъ?

Ипп. Такъ.

Сокр. Къ чему же, по твоему, относится прекрасное, B.
Иппій? Къ тому ли, о чемъ ты говорилъ: если и я силенъ, и ты силенъ, то и оба мы сильны, если и я справедливъ, и ты справедливъ, то и оба мы справедливы, и если оба, то и каждый; точно такъ же безъ сомнѣнія, если и я прекрасенъ, и ты прекрасенъ, то и оба мы прекрасны, и если оба, то и каждый. Или ничто не препятствуетъ, чтобы все это было такъ же, какъ когда оба вмѣстѣ—четъ, а каждое порознь въ одномъ случаѣ—чётъ, въ другомъ—нечетъ, или еще: каждое порознь—неопредѣленная величина, а оба вмѣстѣ то опредѣленная, то неопредѣленная, C.
о чемъ именно я и говорилъ, что мнѣ представляются тысячи подобныхъ вещей. Такъ на какую же сторону положишь ты прекрасное? Или можетъ быть ты думаешь объ этомъ такъ же, какъ и я? Вѣдь мнѣ-то кажется большой безсмыслицей, чтобы оба мы вмѣстѣ были прекрасны, а каждый порознь не былъ бы прекрасенъ или каждый порознь былъ бы, а оба вмѣстѣ не были бы, или еще что-нибудь подобное. Такъ же ли ты рѣшаешь, какъ я, или нѣтъ?

Ипп. Я рѣшаю такъ же, Сократъ.

Сокр. И хорошо дѣлаешь, Иппій, чтобы ужъ кстати отдѣлаться намъ отъ дальнѣйшаго изысканія. Вѣдь если D.

прекрасное относится къ этого рода вещамъ, то прiятное черезъ зрѣнiе и слухъ не можетъ быть прекраснымъ, потому что прiятное черезъ зрѣнiе и слухъ дѣлаетъ прекрасными оба удовольствiя вмѣстѣ, каждое же порознь не дѣлаетъ; ну а это оказалось невозможнымъ, въ чемъ мы теперь съ тобою, кажется уже согласны, Иппiй.

Ипп. Конечно согласны.

Сокр. Невозможно, стало быть, чтобы прiятное черезъ зрѣнiе и слухъ было прекраснымъ, если ужь оно, становясь прекраснымъ, порождаетъ что-то невозможное.

Ипп. Это вѣрно.

Сокр. „Ну,—скажетъ онъ,—если вы въ этомъ ошиблись, то говорите опять сначала: что такое по вашему E.
то прекрасное, которое находится въ обоихъ этихъ удовольствiяхъ, изъ-за котораго вы и почитаете ихъ выше остальныхъ, называя ихъ прекрасными?“ По моему, Иппiй, придется ужъ сказать, что мы почитаемъ эти удовольствiя по тому, что они изъ всѣхъ самыя безвредныя и лучшiя и оба вмѣстѣ, и каждое порознь; или ты можешь назвать еще что-нибудь такое, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ?

Ипп. Никакъ не могу; въ самомъ дѣлѣ они вѣдь самыя лучшiя.

Сокр. „Значитъ вотъ что называете вы прекраснымъ,—скажетъ онъ,—удовольствiе, которое полезно?“—„Повидимому“,—скажу я ему; а ты?

Ипп. И я тоже.

Сокр. „Такъ вѣдь полезно,—скажетъ онъ,—то, чѣмъ производится добро, а производящее и производимое не были сейчасъ однимъ и тѣмъ же, и рѣчь ваша сворачи-
304. ваетъ на прежнее? Вѣдь ни добро не можетъ быть прекраснымъ, ни прекрасное добромъ, если каждое изъ нихъ есть не то, что другое“.—„Вѣрно, какъ нельзя болѣе“,—скажемъ мы, Иппiй, на это, если будемъ благоразумны; не порядокъ вѣдь это—не соглашаться съ тѣмъ, кто говоритъ правильно.

Ипп. Но послушай Сократъ, что такое, по твоему, все это вмѣстѣ? Увѣряю тебя, что это какая-то шелуха и крошечные обрывки мыслей, какъ я сейчасъ говорилъ. А что не только хорошо, но и стоитъ дорогого, такъ это вотъ что: быть способнымъ выступить на судѣ или въ совѣтѣ или
B. еще въ какомъ-нибудь правительственномъ мѣстѣ, гдѣ только придется говорить, съ умнымъ и изящнымъ словомъ

и, убѣдивши имъ слушателей, вынести не какую-нибудь пустячную награду, но величайшую изъ всѣхъ—спасенiе себя самого и своего имущества и спасенiе друзей. Такъ вотъ о чемъ подобаетъ стараться, а словесныя эти мелочи слѣдуетъ оставить, чтобы не казаться черезчуръ глупымъ, занимаясь, какъ сейчасъ, шутками и пустословiемъ.

Сокр. О другъ мой Иппiй, тебѣ-то это хорошо, ты-то вѣдь знаешь, чѣмъ слѣдуетъ человѣку заниматься, и самъ занимаешься этимъ вдоволь, какъ говоришь; а меня должно быть держитъ какой-то злой рокъ: всё-то я путаюсь и не C.
знаю какъ быть, а вздумаю повѣдать о своемъ безвыходномъ положенiи вамъ, мудрымъ людямъ, только что я о томъ повѣдаю, какъ вы забрасываете меня грязью; а именно вы говорите, какъ и ты сейчасъ говорилъ, что занимаюсь я глупостями, пустяками, тѣмъ, что ничего не стоитъ. Съ другой же стороны, когда, убѣжденный вами, начинаю я говорить то же, что и вы, насколько де важнѣе быть въ состоянiи сказать умную и изящную рѣчь или на судѣ или еще въ какомъ-нибудь собранiи, тогда слышу я всякую брань и отъ того человѣка, который меня постоянно обличаетъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ изъ здѣшнихъ. Вѣдь чело- D.
вѣкъ этотъ приходится мнѣ ближайшимъ родственникомъ и живетъ со мною въ одномъ домѣ; и вотъ, когда я возвращаюсь къ себѣ домой, и онъ отъ меня это услышитъ, спрашиваетъ онъ меня, не стыдно ли мнѣ осмѣливаться разсуждать о прекрасныхъ занятiяхъ, „когда,—говоритъ онъ,—тебѣ столь очевидно было доказано относительно прекраснаго, что ты не знаешь даже того, что̀ оно такое. Какимъ же тогда образомъ,—говоритъ онъ,—можешь ты знать, прекрасно или не прекрасно сказалъ кто-нибудь рѣчь или сдѣлалъ еще что-нибудь, если тебѣ не извѣстно, что E.
такое прекрасное? И находясь въ такомъ положенiи, думаешь ли ты, что тебѣ лучше продолжать жить, нежели умереть?“—Такъ-то вотъ мнѣ и приходится, говорю я, плохое выслушивать отъ васъ, плохое и отъ него. Но ужь должно быть необходимо, чтобы все это такъ и оставалось; вѣдь ничего тутъ не было бы страннаго, если бы я получилъ отъ этого пользу. Итакъ, Иппiй, мнѣ кажется, что отъ бесѣды съ вами обоими вмѣстѣ я получилъ пользу: что значитъ поговорка *не легко дается прекрасное,*—это ужъ я теперь кажется знаю.

РАЗСУЖДЕНІЕ ОБЪ ИППІѢ БОЛЬШЕМЪ.

I.

Этотъ діалогъ безспорно не принадлежитъ къ числу значительныхъ по содержанію и блестящихъ по формѣ твореній Платона. Но признать его вовсе недостойнымъ Платона и на этомъ основаніи отвергать его подлинность я считаю вдвойнѣ неосновательнымъ: во первыхъ это произведеніе не такъ уже плохо, а во вторыхъ у бóльшой части великихъ писателей можно найти произведенія ихъ недостойныя и однако несомнѣнно имъ принадлежащія,—за примѣромъ ходить не далеко. Рядомъ съ *Иппіемъ большимъ*, подлинность котораго заподозрѣна, помѣщается *Иппій меньшій* (см. ниже), котораго принадлежность Платону общепризнана на томъ основаніи, что Аристотель мимоходомъ упоминаетъ объ этомъ діалогѣ по поводу его особой темы (нравственная оцѣнка лжи). Между тѣмъ самъ по себѣ этотъ діалогъ могъ бы быть основательнѣе признанъ недостойнымъ Платона, такъ какъ, не имѣя большого преимущества со стороны формы, онъ и философски малосодержателенъ, представляя лишь обычное діалектическое упражненіе на случайно-взятую тему. Тѣмъ не менѣе свидѣтельство Аристотеля, конечно, достаточно для утвержденія подлинности этого діалога независимо отъ его внутренняго достоинства, или недостоинства. Но простое *отсутствіе* такого свидѣтельства о другомъ діалогѣ, разумѣется, еще ничего не говоритъ *противъ* его подлинности: Аристотель никогда не занимался каталогомъ Платоновыхъ твореній, а лишь мимоходомъ упоминалъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя ему приходили на умъ по своему (иногда не существенному) отношенію къ предметамъ его собственныхъ разсужденій.

Какъ бы то ни было, если Платонъ *могъ* написать *Иппія меньшаго* (а это признано), то тѣмъ болѣе могъ онъ написать *Иппія большаго*,—произведеніе хотя и третьестепенное, однако не

лишенное въ содержаніи своемъ не только интереса вообще, но и нѣкоторыхъ спеціально-платоновскихъ чертъ.

По формѣ это есть разговоръ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, то есть непрерывная бесѣда двухъ лицъ безъ всякой сценической обстановки и драматическаго движенія. Такимъ способомъ главный интересъ сосредоточивается на внутреннемъ характерѣ бесѣдующихъ и на предметѣ бесѣды, и этою простотою интереса до нѣкоторой степени выкупается недостатокъ художественныхъ подробностей. Общій замыселъ—изобразить противуположность между философіей въ лицѣ Сократа, ничего не знающаго и думающаго только о единомъ, что на потребу,—и софистикой въ лицѣ знаменитаго Иппія знатока всѣхъ вещей, пекущагося и молвящаго о многомъ. Это изображеніе необходимо становится *сатирой* на софистику. Образъ Иппія очерченъ рѣзкими и крупными чертами. Знаменитый софистъ глупъ и смѣшонъ. При своихъ самодовольныхъ притязаніяхъ на исключительно-высокую образованность и энциклопедическое всезнаніе онъ умственно безпомощенъ и не только не можетъ слѣдить за діалектическими переходами Сократовой мысли, но еле-еле понимаетъ, о чемъ тотъ спрашиваетъ. Собственное его мышленіе рудиментарно и нечленораздѣльно, онъ мыслитъ лишь конкретными образами, какъ дѣти, или дикари. Съ этой стороны Платонъ очевидно сгустилъ краски и написалъ каррикатуру на Иппія. Однако и тутъ онъ удержался въ извѣстныхъ границахъ. Смѣхъ, возбуждаемый Иппіемъ не соединяется нисколько съ нравственнымъ негодованіемъ. Издѣваясь надъ знаменитымъ софистомъ, Платонъ не хотѣлъ на него клеветать и не причислялъ его къ тому весьма распространенному типу умственныхъ бездѣльниковъ и негодяевъ, съ которымъ мы встрѣтимся въ *Евтидемѣ*. Хотя исполненный мелкихъ слабостей, безпощадно подчеркиваемыхъ Платономъ, Иппій былъ въ сущности честнымъ тружениковъ въ своей области полигистора и универсальнаго наставника, и мы видимъ въ діалогѣ его прямодушныя хотя и тщетныя попытки добросовѣстно философствовать вмѣстѣ съ Сократомъ, и если тутъ онъ не говоритъ ничего кромѣ глупостей, то безъ всякаго дурного умысла. Замѣтимъ, что въ началѣ діалога Платонъ, выставляя его низменное тщеславіе и корыстолюбіе, когда онъ хвастаетъ большимъ количествомъ денегъ, заработанныхъ имъ въ Сициліи, не скрываетъ однако смягчающаго обстоятельства: эти деньги онъ принесъ обратно на родину и отдалъ своему отцу къ изумленію всѣхъ своихъ сограждан.

Но если иной софистъ можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почтеннымъ человѣкомъ, то софистика во всякомъ случаѣ есть пустое дѣло. Ироническія похвалы Сократа дѣятельности Иппія подчеркиваютъ его невысокое мнѣніе объ этой дѣятельности, а затѣмъ эту отрицательную оцѣнку наглядно подтверждаетъ убійственное для знаменитаго софиста, хотя и недостаточно имъ замѣченное указаніе на то, что самые дѣльные и счастливые изо всѣхъ эллиновъ—лакедемоняне, у которыхъ онъ всего больше усердствовалъ, никогда не заплатили ему ни одного обола за его труды. То, какъ говорится въ діалогѣ о спартанцахъ и объ ихъ внутренней политикѣ, совершенно соотвѣтствуетъ всегдашней лакономаніи Платона, и эта черта, хотя сама по себѣ, конечно, ничего не доказываетъ, но вмѣстѣ съ другими можетъ подтверждать подлинность нашего діалога.

II.

Въ *Иппіи Большемъ* вовсе нѣтъ тѣхъ творческихъ подъемовъ мысли и слова, тѣхъ молній вдохновенія, которыя мы находимъ не только въ лучшихъ діалогахъ Платона, но даже и въ такой маленькой вещицѣ, какъ *Іонъ*. Нѣтъ здѣсь и равномѣрной тонкости отдѣлки. За то діалогъ отличается особенною обдуманностью и твердостью замысла. Имѣя въ намѣреніи наглядно и убѣдительно показать крайнюю несостоятельность софистики на одномъ изъ ея знаменитѣйшихъ представителей, совершенно безпомощномъ при объясненіи такого коренного и многообъемлющаго понятія какъ *прекрасное*, авторъ нигдѣ не упускаетъ этого предмета изъ виду. *Прекрасный* Иппій—*Ἱππίας ὁ καλός*—такъ начинается нашъ діалогъ, а оканчивается напоминаніемъ пословицы о трудности *прекраснаго* *τήν γὰρ παροιμίαν ὅ τί ποτε λέγει, τὸ χαλεπὰ τὰ καλά, δοκῶ μοι εἰδέναι.*

И въ предварительной части діалога обильное употребленіе слова *καλός* въ разныхъ видахъ уже подготовляетъ читателя къ главному предмету бесѣды: *καλῶς γε σύ, ὦ Ἱππία, νομίζων τε καὶ διανοούμενος... Οὐδὲν γαρ, ὦ Σώκρατες, οἶσθα τῶν καλῶν περὶ τοῦτο... καλόν γε, ὦ Ἱππία, λέγεις καὶ μέγα τεκμήριον σοφίας... τοῦτο μέν οὖν μοι δοκεῖς καλὸν τεκμήριον αποφαίνειν... κάλλιστ᾽ ἀνθρώπων ἐπίστασαι... κάλλιστ᾽ ἐπιστάμενος... κάλλιστα ἐπίστασαι... περί γε ἐπιτηδευμάτων καλῶν... ἔστι γάρ μοι περὶ αὐτῶν παγκάλως λογος ξυγκείμενος... ποῖά ἐστι καλά ἐπιτηδεύματα... παμπολλα νόμιμα καὶ πάγκαλα.*—Не настаивая

на этой микрологіи, обратимся къ постановкѣ главнаго вопроса въ діалогѣ. Ближайшій поводъ къ ней дается хвастливымъ сообщеніемъ Иппія, что онъ приготовилъ на удивленіе аѳинянъ прекраснѣйшую рѣчь: по взятіи Трои Неоптолемъ спрашиваетъ Нестора, какія бываютъ прекрасныя занятія, и Несторъ излагаетъ ему въ отвѣтъ великое множество прекраснѣйшихъ наставленій, которыя Иппій и поднесетъ послѣ завтра аѳинской публикѣ. Такая перспектива прекраснаго словеснаго потопа не особенно прельщаетъ Сократа, но она даетъ ему прекрасный поводъ заговорить о самомъ прекрасномъ.—Кстати, говоритъ онъ, ты мнѣ напомнилъ (*καὶ γάρ με εἰς καλόν ὑπέμνησας*—букв. ибо ты меня *на прекрасное* напомнилъ). Есть несноснѣйшій неотвязчивый человѣкъ (самъ Сократъ, какъ потомъ окажется) который, какъ только Сократу случится осудить что нибудь какъ дурное, или похвалить какъ прекрасное, сейчасъ же пристанетъ съ вопросомъ: да ты то откуда знаешь, что̀ прекрасно и что̀ дурно? вѣдь для этаго нужно сперва сказать, *что̀ есть прекрасное*. И такъ досаждаетъ этотъ человѣкъ Сократу, что рѣшилъ онъ, какъ только встрѣтитъ кого изъ мудрецовъ, хорошенько разузнать у него объ этомъ предметѣ,—и вотъ какъ нельзя болѣе кстати приходитъ Иппій, чтобы точнѣйшимъ образомъ научить Сократа, что это такое—*само* прекрасное (*νῦν οὖν, ὃ λέγω, εἰς καλόν ἥκεις, καὶ με δίδαξον ἱκανῶς αὐτὸ τὸ καλὸν ὅ τι ἐστίν*)—286 CE.

Постановка вопроса сократовская, но какъ сейчасъ увидимъ, вбивая ее въ голову Иппія, Сократъ нашего діалога пользуется и такими разъясненіями, которыя имѣютъ кромѣ обще-сократовскаго значенія и особый чисто платоновскій оттѣнокъ. Сначала Сократъ старается втолковать своему непонятливому собесѣднику что если всѣ справедливые справедливы именно справедливостью, или въ силу справедливости (а не чего нибудь другого), то значитъ справедливость *есть нѣчто* (*ἆρ᾽ οὐ δικαιοσύνῃ δικαιοί εἰσιν οἱ δίκαιοι; ... Οὐκοῦν ἔστι τι τοῦτο, ἡ δικαιοσύνη*; то же самое и относительно *мудрости* и *добра*: *Σω. Οὐκοῦν καὶ σοφίᾳ οἱ σοφοί εἰσι σοφοί καὶ τῷ ἀγαθῷ πάντα τἀγαθὰ;—Ἱπ. Πῶς δ᾽οὔ; Σω. Οὖσί γέ τισι τουτοις. οὐ γὰρ δή που μὴ οὖσί γε.—Ἱπ, Οὖσι μέντοι.* Точно такъ же должно понимать и *прекрасное;* и оно, дѣлая другое прекраснымъ, т. е. сообщая извѣстное качество, очевидно само есть нѣчто: *Σω. Ἀρ οὖν οὐ καὶ τὰ καλὰ πάντα τῷ καλῷ ἐστι καλά; Ἱπ. Ναί, τῷ καλῷ.—Σω. Ὄντι γέ τινι τούτῳ;—Ἱπ. Ὄντι*—287 CD.

Признавая такимъ образомъ прекрасное за нѣчто сущее,

мы должны отвѣчать на вопросъ: что же такое есть прекрасное?—*τί ἐστι τοῦτο τὸ καλόν*;—причемъ Сократъ старается втолковать Иппію, что спрашивается не о томъ, что прекрасно, то есть не о тѣхъ предметахъ, которые бываютъ прекрасными, а о самомъ прекрасномъ какъ такомъ *τό καλόν*, *das* Schöne, *le* beau: *ἐρωτᾷ γάρ σε οὐ τί ἐστι καλόν, ἀλλ' ὅ τι ἐστὶ τὸ καλόν* 287 E.

Уже здѣсь, настойчиво указывая на существенный характеръ красоты, какъ и другихъ идеальныхъ качествъ, Сократъ нашего діалога выходитъ за предѣлы *общаго понятія* и вступаетъ въ область платоновской идеи; это становится вполнѣ ясно далѣе, гдѣ говорится о самомъ прекрасномъ, которымъ и прочее все красится и является прекраснымъ, какъ только привзойдетъ эта идея (*αὐτό τό καλὸν, ᾧ καὶ τἆλλα πάντα κοσμεῖται καὶ καλὰ φαίνεται, ἐπειδάν προςγένηται ἐκεῖνο τὸ εἶδος* 289 D. Изъ контекста явствуетъ что слово *εἶδος*—видъ имѣетъ здѣсь именно смыслъ платоновской идеи*), соотвѣтственно чему нѣсколько далѣе кромѣ обычнаго прилагательнаго *прекрасное* (*τό καλόν*) мы встрѣчаемъ существительное *красота* (*τό κάλλος*): *αὐτὸ γὰρ ἔγωγε, ἄνθρωπε, κάλλος ἐρωτῶ ὅ τι ἐστιν* 292 D.

Діалогъ проходитъ черезъ рядъ *недостаточныхъ* опредѣленій *прекраснаго*. Отъ предлагаемыхъ Иппіемъ совершенно дикихъ, какъ то, что прекрасное есть прекрасная дѣвушка, а затѣмъ—золото, собесѣдники переходятъ, благодаря Сократу, къ болѣе приличнымъ и пригоднымъ понятіямъ о прекрасномъ какъ приличномъ (*τὸ πρέπον*) и пригодномъ (*τὸ χρήσιμον*), и послѣ курьезнаго уклоненія Иппія въ сторону „конкретнаго“ („всего прекраснѣе для мужа при богатствѣ, здоровьѣ, почетѣ отъ эллиновъ, достигнувъ старости и прекрасно похоронивъ своихъ родителей, быть прекрасно и великолѣпно похороненнымъ своими потомками“) долго останавливаются на такомъ опредѣленіи прекраснаго, которое не далеко и отъ теперешнихъ ходячихъ понятій въ эстетической области, а именно прекрасное опредѣляется какъ то, что пріятно для ощущенія двухъ высшихъ чувствъ—зрѣнія и слуха. Обстоятельнымъ и тонкимъ разборомъ,—слишкомъ тонкимъ для другого собесѣдника,—Сократъ разрушаетъ и это опредѣленіе и заканчиваетъ бесѣду сознаніемъ, что „прекрасное трудно“. Прямая цѣль разговора—показать несостоятельность и безотчетность софистической мудрости—достигнута вполнѣ. Къ послѣдней части Иппія я

*) Въ 297 B встрѣчается и слово *ἰδέα*, но не въ спеціально-платоновскомъ, а въ общемъ житейскомъ своемъ значеніи.

еще буду имѣть случай вернуться въ разсужденіяхъ о *Федрѣ*, *Пиршествѣ* и *Филэбѣ*, а пока замѣчу только, что сквозь отрицательную аргументацію Сократа здѣсь ясно просвѣчиваетъ положительное убѣжденіе въ дѣйствительности бытія и значеніи Платоновскихъ идей.

III.

Не находя пока достаточныхъ основаній отрицать подлинность этого діалога, я долженъ упомянуть и о времени его написанія и о мѣстѣ его среди другихъ твореній Платона. За отсутствіемъ внѣшнихъ указаній руководясь одними внутренними признаками, я полагаю, что *Иппій Большій* написанъ при жизни Сократа. Въ тонѣ діалога вовсе нѣтъ признаковъ того удрученнаго состоянія, въ какомъ находился Платонъ въ первое время послѣ процесса и смерти Сократа, а въ содержаніи діалога ничто не указываетъ на ту важную перемѣну общаго міросозерцанія, которая произошла въ Платонѣ подъ вліяніемъ тѣхъ же трагическихъ событій. Съ другой стороны пробивающаяся въ діалогѣ струя самостоятельной, сверх-сократовской мысли не позволяетъ отнести *Иппія* къ самымъ раннимъ произведеніямъ Платона. Если этотъ діалогъ написанъ нашимъ философомъ, то въ послѣдніе годы жизни Сократа не задолго до начала катастрофы.

По замыслу *Иппій* принадлежитъ къ отдѣлу „Сократовской борьбы“, такъ какъ всецѣло посвященъ одному изъ главныхъ (въ принципіальномъ, хотя не въ практическомъ смыслѣ) двигателей этой борьбы—софистикѣ. Не софисты погубили Сократа, но то непримиримое противоборство между его духомъ и его жизненной средой, которое житейски погубило и исторически прославило его,—это противоборство было бы непонятно безъ существеннаго противоположенія между его образомъ мыслей и софистикой. А отношеніе между ними нигдѣ не представляется въ болѣе простомъ и ясномъ видѣ, чѣмъ въ этомъ діалогѣ, къ которому я еще вернусь и съ этой стороны въ заключительномъ разсужденіи этого тома „О сократовской борьбѣ“.

ИППІЙ МЕНЬШІЙ

(ИЛИ О ЛЖИ)

Собесѣдники: ЕВДИКЪ, СОКРАТЪ, ИППІЙ.

ИППІЙ МЕНЬШІЙ.

Евдикъ[1]). А ты что же это молчишь, Сократъ, когда 363.
Иппій излагаетъ такія вещи и ни хвалишь ничего съ своей стороны, ни обличаешь, если что нибудь кажется тебѣ неладно сказаннымъ? Къ тому же вѣдь тутъ остались мы одни[2]), всего болѣе старающіеся участвовать въ занятіяхъ по философіи[3]).

Сократъ. Конечно, Евдикъ, есть о чемъ бы я съ удовольствіемъ распросилъ Иппія изъ того, что онъ сейчасъ
говорилъ насчетъ Гомера. Я вѣдь и отъ отца твоего Апе- B.
манта слыхалъ, что Иліада болѣе прекрасная поэма у Гомера, нежели Одиссея, и настолько прекраснѣе, насколько Ахиллъ доблестнѣе Одиссея: такъ какъ по его словамъ одна изъ этихъ поэмъ сочинена на Одиссея, а другая на Ахилла. Вотъ объ этомъ я бы съ удовольствіемъ, если угодно Иппію, распросилъ его, какъ ему представляется насчетъ этихъ двухъ мужей: который изъ нихъ по его мнѣнію доблестнѣе, разъ онъ уже показалъ намъ такъ
много разныхъ разностей и по части другихъ поэтовъ и C.
по части Гомера.

Евд. Ну ужь ясно, что не поскупится Иппій отвѣчать, если ты его спросишь о чемъ. Такъ вѣдь, Иппій: если

---

[1]) Евдикъ — расположенный къ Иппію и Сократу, образованный Аѳинянинъ, сынъ такого же образованнаго отца Апеманта.

[2]) Ἄλλως τε ἐπειδὴ καὶ αὐτοὶ λελείμμεθα. - Αὐτοί autem est soli, quemadmodum ponitur in formula αὐτοὶ ἐσμεν aliisque similibus loquutionibus (Stallbaum).

[3]) Разговоръ начинается послѣ чтенія Иппія о Гомерѣ и другихъ поэтахъ. Происходило ли это чтеніе въ домѣ Евдика, или публично въ томъ Фидостратовомъ училищѣ, о которомъ упоминается въ предъидущемъ діалогѣ (286 B),—во всякомъ случаѣ оно происходило при многочисленныхъ слушателяхъ, которые теперь разошлись, оставивъ съ Иппіемъ тѣсный кружокъ избранныхъ любителей.

спроситъ тебя о чемъ Сократъ, отвѣтишь? Или какъ иначе сдѣлаешь?

Иппій. Чу́дно бы это было, Евдикъ, съ моей стороны! Въ Олимпію-то, когда праздникъ олимпійскій, на всеэллинское торжество, я вѣдь каждый разъ придя отъ себя изъ
D. Элиды, выступаю у святилища и произношу чего кто захочетъ изъ приготовленнаго мною для произнесенія и отвѣчаю желающему о чемъ бы кто ни спрашивалъ, — а тутъ вдругъ сталъ бы я убѣгать отъ Сократовыхъ разспросовъ!

364. **Сокр**. Въ блаженномъ же ты, Иппій, состояніи, если каждую Олимпіаду приходишь къ святилищу въ такой благонадежности на счетъ души со стороны философіи! А я бы удивился, если бы даже кто изъ тѣлесныхъ атлетовъ приходилъ туда для борьбы, чувствуя такое безстрашіе и увѣренность насчетъ своего тѣла, какія ты по твоимъ словамъ имѣешь насчетъ своего разумѣнія.

Ипп. Подобаетъ мнѣ, Сократъ, такъ чувствовать [4]): вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ началъ я состязаться на олимпійскихъ игрищахъ, никого никогда ни въ чемъ не встрѣчалъ я сильнѣе меня.

Сокр. Прекрасный же это выходитъ даръ мудрости [5]),
B. Иппій,—твоя слава и для города элидскаго и для твоихъ родителей! Но что́ собственно говоришь ты намъ объ Ахиллѣ и Одиссеѣ? Котораго изъ двухъ считаешь ты лучшимъ, и въ чемъ? Пока насъ тутъ было много, и ты держалъ свою рѣчь, отсталъ я отъ твоихъ словъ. Стѣснялся я поднимать вопросы — и изъ за большой толпы здѣсь, и чтобы тебѣ, спрашивая, не помѣшать въ твоемъ изложеніи; ну, а теперь какъ насъ тутъ мало, и Евдикъ вотъ велитъ
C. спрашивать,—скажи и научи насъ ясно: что говорилъ ты о тѣхъ двухъ мужахъ? Какъ ты ихъ различаешь?

Ипп. Охотно я тебѣ, Сократъ, еще яснѣе, чѣмъ тогда, изложу, что разумѣю, и о нихъ, и о другихъ. Я утверждаю, что Гомеръ изобразилъ Ахилла самымъ доблестнымъ мужемъ изъ пришедшихъ подъ Трою, самымъ мудрымъ—Нестора, а самымъ изворотливымъ—Одиссея.

Сокр. Ахъ, Иппій! Не сдѣлаешь ли ты мнѣ такой

4) *Εἰκότως, ὦ Σώκρατες, ἐγὼ τοῦτο πέπονθα.*

5) *τῆς σοφίας ἀνάθημα.* Въ знаменитыхъ святилищахъ дары и приношенія отъ лицъ и городовъ, какъ торжественно возлагавшіяся на алтари, назывались возложеніями (*ἀνάθημα*). См. въ I томѣ діалогъ *Второй Алкивіадъ*.

милости, чтобы не смѣяться, если я съ трудомъ понимаю твои слова, и часто буду повторять вопросы? Но попробуй
мнѣ кротко и охотно отвѣчать. D.

Ипп. Стыдно бы было, Сократъ, если бы обучая этому другихъ и заслуживая чрезъ то деньги, я къ твоимъ вопросамъ не оказалъ бы вниманія и не отвѣчалъ бы тебѣ кротко.

Сокр. Очень хорошо говоришь. Но вотъ, когда ты утверждалъ, что Ахиллъ изображенъ какъ самый доблест-
ный, мнѣ казалось, что я понимаю, что ты говоришь, а E.
также, что Несторъ представленъ мудрѣйшимъ; но когда ты сказалъ, что поэтъ изобразилъ Одиссея какъ самаго изворотливаго, тутъ я, правду тебѣ сказать, совсѣмъ не знаю, что ты говоришь. Такъ ты мнѣ скажи, чтобы я больше понялъ: развѣ Ахиллъ не изображенъ у Гомера изворотливымъ?

Ипп. Всего менѣе, Сократъ, а напротивъ самымъ, что ни на есть простякомъ, какъ вотъ и въ Мольбахъ [6]), когда представляетъ Гомеръ этихъ двоихъ разговаривающими другъ съ другомъ, говоритъ у него Ахиллъ Одиссею:

Сынъ благородный Лаэрта, Улиссъ многохитрый и ловкій! 365.
Долженъ на рѣчи твои прямымъ я отказомъ отвѣтить,—
Что́ я мыслю скажу и что совершить полагаю;
Ибо не менѣе вратъ Аида мнѣ тотъ ненавистенъ,
Кто на сердцѣ таитъ одно, говоритъ же другое.
Самъ я лишь то возвѣщу, чему неминуемо сбыться [7]). B.

Въ этихъ словахъ онъ объясняетъ нравъ каждаго изъ двухъ мужей, именно, что Ахиллъ правдивъ и простъ, а Одиссей изворотливъ и лживъ; вѣдь онъ представляетъ, что Ахиллъ говоритъ эти слова противъ Одиссея.

Сокр. Ну теперь, Иппій, я какъ будто понимаю, что
ты говоришь: подъ изворотливымъ ты разумѣешь лживаго, C.
кажется.

Ипп. Вотъ именно, Сократъ: такимъ вѣдь представилъ Гомеръ Одиссея во многихъ мѣстахъ—и въ Иліадѣ, и въ Одиссеѣ.

Сокр. Такъ Гомеръ повидимому считалъ, что другой

6) *εν Λιταῖς*—такъ называлась у древнихъ комментаторовъ IX пѣснь Иліады, гдѣ описывались старанія Одиссея уговорить Ахилла къ участію въ оборонѣ греческаго лагеря противъ побѣдоноснаго вторженія Троянцевъ.

7) Ib. IX, 308—313. Переводъ мой.

бываетъ мужъ правдивый, и другой—лживый, а не одинъ и тотъ же.

Ипп. А то какъ же, Сократъ?

Сокр. И ты самъ тоже думаешь, Иппій?..

Ипп. Всеконечно; да и чудно было бы думать иначе.

Сокр. Гомера то мы теперь оставимъ, такъ какъ вѣдь
D. нельзя же его поставить къ допросу, что́ онъ собственно
мыслилъ, когда сочинялъ эти стихи; но такъ какъ ты повидимому принимаешь на себя это дѣло, и ты самъ думаешь то же, что по твоему говоритъ Гомеръ, то и отвѣчай сообща и за Гомера и за самого себя.

Ипп. Будь такъ, только спрашивай покороче, что тебѣ нужно.

Сокр. Лживыхъ ты разумѣешь не способными что нибудь дѣлать, каковы напримѣръ больные, или же способными?

Ипп. Способными, и очень, какъ на многое другое, такъ
E. и на то, чтобы обманывать людей.

Сокр. Итакѣ они по твоему — люди способные и изворотливые. Такъ вѣдь?

Ипп. Да.

Сокр. А изворотливы они и обманщики отъ простоты и безразсудства, или отъ хитроумія и смышленности?

Ипп. Всеконечно отъ хитроумія и смышленности.

Сокр. Значитъ они умны, какъ видно.

Ипп. Да, ей-Богу, и очень.

Сокр. А будучи умны, неужели они не имѣютъ знаніи[8]).

Ипп. Имѣютъ, и очень: чрезъ то и злохудожничаютъ.

Сокр. Зная же то, что знаютъ, неучи они, или мудрецы?

366. **Ипп.** Конечно мудры они на это самое, — обманывать.

Сокр. Ну вотъ! Припомнимъ теперь, что ты утверждаешь. Лживыхъ ты признаешь способными и умными, и знающими, и мудрыми въ томъ, въ чемъ они лживы?

Ипп. Признаю.

---

8) *Φρόνιμοι δὲ ὄντες οὐκ ἐπίστανται;*—такъ у Шанца согласно всѣмъ рукописямъ, кромѣ одной, гдѣ прибавлено: *ὅ τι ποιοῦσιν, ἢ ἐπίστανται,* каковому чтенію и слѣдуютъ прежнія изданія и переводы. Штальбаумъ, хотя справедливо замѣчаетъ: Haec verba quia desunt in codicibus plerisque omnibus, facile suspiceris a sciolo aliquo, qui *ἐπίστανται* sic absolute dictum pro *ἐπιστήμονές εἰσιν* non concoqueret, temere intrusa esse, — однако сохраняетъ ошибочное чтеніе по соображеніямъ, не имѣющимъ силы.

Сокр. А правдивыхъ и лживыхъ ты считаешь другъ отъ друга различными и совсѣмъ противоположными?

Ипп. Такъ я думаю.

Сокр. Такъ значитъ по твоему слову лживые принадлежатъ къ числу способныхъ и мудрыхъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Когда же ты говоришь, что лживые способны B.
и мудры на это самое, разумѣешь ли ты, что они способны лгать, когда хотятъ, насчетъ того въ чемъ лгутъ, или не способны?

Ипп. Способны, я полагаю.

Сокр. Такъ чтобы сказать это вообще и вкратцѣ, лживые мудры и способны на то, чтобы лгать.

Ипп. Да.

Сокр. Значитъ мужъ неспособный и неразумѣющій лгать не будетъ лживымъ.

Ипп. Такъ оно есть.

Сокр. Ну, а способенъ всякій, кто дѣлаетъ то, что
хочетъ и когда хочетъ,; разумѣется не тотъ, кому мѣшаетъ C.
болѣзнь, или что нибудь такое, но вотъ какъ ты—способенъ написать мое имя, когда хочешь — въ этомъ смыслѣ я говорю; развѣ ты не называешь способнымъ того, кто находится въ подобномъ положеніи?

Ипп. Называю.

Сокр. Такъ скажи мнѣ, Иппій, вѣдь ты опытенъ въ счетахъ и въ числительной наукѣ?

Ипп. И весьма, Сократъ.

Сокр. Такъ еслибы кто тебя спросилъ, трижды семь-
сотъ какое это число, ты бы скорѣе всякаго еслибы D.
захотѣлъ, сказалъ насчетъ этого?

Ипп. Конечно.

Сокр. Потому вѣдь, что ты въ этомъ способнѣйшій и мудрѣйшій человѣкъ.

Ипп. Да.

Сокр. Только ли мудрѣйшій и способнѣйшій, или и лучшій въ томъ, въ чемъ способнѣйшій и мудрѣйшій—въ счетномъ дѣлѣ?

Ипп. Ну конечно и лучшій, Сократъ!

Сокр. Такъ сказать истину по этой части было бы тебѣ всего способнѣе, —-такъ вѣдь?

Ипп. Я полагаю.

Сокр. Ну а какъ насчетъ лжи по этому самому пред- E.

мету? Ужь ты отвѣть мнѣ, Иппій, какъ и прежде, благо-
родно и прямодушно. Если бы кто тебя спросилъ, сколько
будетъ трижды семьсотъ, не ты ли бы могъ всего лучше
и солгать и всегда неизмѣнно лгать по этому предмету,
еслибы только ты *хотѣлъ* лгать и никогда не отвѣчать
истину, — или же какой нибудь невѣжда въ счетѣ могъ бы
солгать супротивъ тебя, намѣренно лгущаго? Развѣ не вый-
детъ такъ, что неучъ, желая лгать, нерѣдко скажетъ истину
367. по неволѣ въ силу своего незнанія, ты же мудрецъ, ужь
коли захочешь лгать, такъ всякій разъ одинаково хорошо
солжешь?

Ипп. Да, такъ оно есть, какъ ты говоришь.

Сокр. Ну, а лживый человѣкъ лживъ только относи-
тельно прочаго, а не относительно числа, и когда счи-
таетъ, — не лжетъ?

Ипп. Лжетъ же, ей-богу, и относительно числа.

Сокр. Значитъ мы признаемъ и это, Иппій что иной
B. человѣкъ лживъ по части счета и числа?

Ипп. Да.

Сокр. Ну, а кто бы это такой былъ? Не нужно ли
для него, какъ ты уже согласился, если ужь быть ему
лживымъ, то и способнымъ лгать. Вѣдь тобою признано,
если помнишь, что неспособный лгать никогда и не сталъ
бы лживымъ?

Ипп. Да помню, такъ именно я и говорилъ.

Сокр. А не оказался ли ты у насъ самымъ способнымъ
къ тому, чтобы лгать въ счетахъ?

Ипп. Да, говорено было и это.

C. **Сокр**. А развѣ ты не самый способный и правду го-
ворить въ счетахъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Такъ не выходитъ ли, что одинъ и тотъ же спо-
собенъ и лгать и правду говорить въ исчисленіяхъ? (И
это есть именно тотъ, кто превосходенъ по этой части —
счетчикъ.) [9])

Ипп. Да.

Сокр. Кто же теперь выйдетъ у насъ лживымъ въ

---

[9]) Послѣднія слова: *οὗτος δ'ἐστὶν ὁ ἀγαθὸς περὶ τούτων, ὁ λογιστικός*— заподозрѣны Беккеромъ и заключены въ скобки имъ и послѣ него Шанцемъ. Но кажется слѣдуетъ согласиться съ Штальбаумомъ, считающимъ эти слова необходимыми по смыслу.

счетахъ, Иппій, — кто другой, кромѣ хорошаго въ этомъ
дѣлѣ, онъ же вѣдь и способный, онъ же и правдивый? [10])

Ипп. Кажется, что такъ.

Сокр. Такъ видишь, что одинъ и тотъ же въ этомъ
и лживъ и правдивъ, и ничѣмъ не лучше правдивый лжи-
ваго? потому что это — одинъ и тотъ же, и нѣтъ тутъ про- D.
тивоположности, какъ ты прежде думалъ.

Ипп. Нѣтъ противоположности — въ этомъ предметѣ.

Сокр. Такъ хочешь посмотрѣть въ другомъ?

Ипп. Если хочешь.

Сокр. Вѣдь ты искусенъ и въ геометріи?

Ипп. Да.

Сокр. Что же? Развѣ и въ геометріи дѣло не такъ
обстоитъ? Вѣдь одинъ и тотъ же всего способнѣе и лгать
и правду говорить относительно начертаній, именно ученый
геометръ? [11])

Ипп. Да.

Сокр. Значитъ на это то же хорошъ, — другой кто, E.
или этотъ?

Ипп. Не другой.

Сокр. Развѣ хорошій и мудрый геометръ не способнѣе
всѣхъ и на то, и на другое? [12]) И если ужь кому быть
лживымъ по части начертаній, то ужь конечно ему — хоро-
шему геометру: онъ вѣдь способенъ, а плохой геометръ
не способенъ лгать, такъ что не станетъ лживымъ тотъ кто,
оказалось, не можетъ лгать.

Ипп. Такъ.

Сокр. Посмотримъ теперь еще и на третьяго — на
астронома: въ этомъ искусствѣ ты вѣдь считаешь себя
еще болѣе знающимъ, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Такъ вѣдь, 368.
Иппій?

Ипп. Да.

Сокр. Такъ и въ астрономіи не обстоитъ ли дѣло та-
кимъ же образомъ?

Ипп. Похоже на то, Сократъ.

Сокр. И въ астрономіи, значитъ, ежели кто другой

---

[10]) Плохой счетчикъ, т. е. незнающій и неумѣлый не можетъ ни навѣрное лгать, ни навѣрное говорить правду, — и то и другое возможно только для хорошаго счетчика.

[11]) *ὁ γεωμετρικός*.

[12]) То есть и на то, чтобы говорить правду и на то, чтобы лгать по своей части.

лживъ, то уже конечно будетъ лживымъ хорошій астрономъ,
тотъ, что способенъ лгать (а не тотъ, кто по невѣжеству
къ этому не способенъ) [13]).

Ипп. Повидимому такъ.

Сокр. Значитъ и въ астрономіи одинъ и тотъ же бу-
детъ и правдивъ и лживъ.

Ипп. Похоже на то.

Сокр. Ну-ка, Иппій, пройдись такимъ же образомъ
B. по всѣмъ вообще наукамъ, есть ли какая нибудь, гдѣ бы
дѣло обстояло не такъ, а иначе. Ты вѣдь почти во всѣхъ
искусствахъ мудрѣйшій изъ всѣхъ людей,—слыхалъ я какъ
ты величался на площади у лавокъ, [14]) разсказывая про
свою многую и завидную мудрость. Говорилъ же ты, что
какъ то пришелъ въ Олимпію,—и все, что у тебя было
на тѣлѣ, было твоимъ собственнымъ издѣльемъ; и во пер-
выхъ твой перстень, — съ него ты началъ, — былъ твоей
C. работы, такъ какъ ты умѣешь рѣзать драгоцѣнные камни,
и другая еще печать—твое же издѣліе, и скребницу [15]),
и стклянку съ елеемъ самъ ты сдѣлалъ; потомъ и сапоги,
что на тебѣ были, самъ ты вырѣзалъ изъ кожи, и плащъ
соткалъ и рубаху [16]); а что всѣмъ показалось самымъ не-
обычайнымъ и всего болѣе выставляло твою мудрость, такъ
это было то, что по твоимъ словамъ поясъ на рубахѣ,
хоть былъ совсѣмъ такой, какіе бываютъ персидскіе, у
D. богатыхъ,—а сплелъ то его ты самъ [17]). А затѣмъ шли у
тебя стихотворенія, и эпосы и трагедіи и диѳирамбы и
множество всякихъ складныхъ рѣчей. И по части тѣхъ
искусствъ, о которыхъ я уже говорилъ, явился ты съ
отличнымъ знаніемъ противъ прочихъ людей, и также
насчетъ риѳмовъ и гармоній и правописанія, и множе-

---

13) Заключенныя въ скобки слова Шанцъ признаетъ вставкой.

14) *ἐπὶ ταῖς τραπέζαις* — ближайшимъ образомъ разумѣются столы мѣнялъ.

15) *καὶ στλεγγίδα* см. I томъ, прим. къ *Хармиду*.

16) *καὶ τὸν χιτωνίσκον.*

17) *καὶ ὅ γε πᾶσιν—ἐπειδὴ τὴν ζώνην ἔφησθα—εἶναι—πλέξαι.* Астъ исключилъ слово *ἐπειδὴ*, Беккъ предлагаетъ поправку *ἔτιδὲ*, Шанцъ—или *ἐπιδεικνὺς*, или *ἐπιδείξας*. Штальбаумъ замѣчаетъ: Loco pnrticulae *ἐπειδὴ* usitatius (sic!) erat dicere *ὅτι*: nam verba hoc significant: *quod autem omnibus videbatur prorsus singulare et maximae sapientiae argumentum, illud erat quod cingulum dicebas* etc. Scd quanta Graeci hoc quoque in genere usi sint constructionis varietate, ostendit Matthiae Gr. § 432, p. 806. Latine item dicere licet: *illud erat, quum diceres.*

ства другихъ предметовъ, насколько помню... да! о мне-
моническомъ-то искусствѣ твоемъ чуть не забылъ, въ кото-
ромъ ты считаешь себя такимъ блистательнымъ; вѣроятно
и многое другое вышло изъ памяти [18]). Но, говорю я, E.
смотря и на собственныя твои искусства,—а ихъ таки до-
статочно,—да и на чужія, скажи ты мнѣ,—насчетъ того,
о чемъ мы съ тобою столковались,—найдешь ли ты гдѣ
нибудь такое, въ которомъ бы правдивый и лживый были
отдѣльно другъ отъ друга, а не одинъ и тотъ же? Смотри
въ какой хочешь мудрости, или художествѣ, или какъ ни 369.
угодно назвать. Не найдешь такого, пріятель, потому что
и нѣтъ его. Ну, скажи самъ!

Ипп. Да такъ то сейчасъ не нахожу, Сократъ.

Сокр. Да и не найдешь, я полагаю. А если я прав-
ду говорю, ты вѣдь помнишь, что̀ у насъ выходитъ по
тому соображенію.

Ипп. Не совсѣмъ я понимаю, о чемъ ты, Сократъ,
говоришь.

Сокр. Это, можетъ быть, потому, что ты теперь какъ
разъ не пользуешься твоимъ мнемоническимъ искусствомъ,
полагая, конечно, что его тутъ не нужно; такъ я тебѣ
напомню. Знаешь ты, что по твоему Ахиллъ былъ прав-
дивымъ, а Одиссей лживымъ и изворотливымъ? B.

Ипп. Да.

Сокр. Ну а теперь ты понимаешь, что вѣдь у насъ
оказалось, что одинъ и тотъ же есть и лживый и прав-
дивый, такъ что если Одиссей былъ лживъ, то онъ же
стало быть и правдивъ, и если Ахиллъ правдивъ, то онъ
же и лживъ, и эти два мужа не отличны и не противо-
положны между собою, а одинаковы.

Ипп. Ахъ, Сократъ! Вѣчно ты сплетешь такія какія
то разсужденія и выбирая самое что ни на есть трудное
въ предметѣ, привязываешься къ этому по мелочамъ, а не C.
схватываешься съ цѣлымъ предметомъ, о которомъ рѣчь.
Вотъ и теперь, если хочешь, я многими доводами покажу

---

18) ... *ὡς ἐγω δοκῶ μνημονεύειν καίτοι τό γε μνημονικὸν ἐπελαθόμην σοῦ, ὡς ἔοικε, τέχνημα.* Штальбаумъ справедливо замѣчаетъ: Frigidus vero in his lusus verborum cernitur, quo tamen neminem eo adductum iri existimamus, ut hunc librum minus pro Platonico opere probet. Nam vel in iis sermonibus, quorum fidem et auctoritatem nemo in dubitationem vocat, similia facetiarum exempla, quae ex eodem fonte manarunt, facili negotio invenire licebit.

тебѣ въ подобающей рѣчи, что Гомеръ представилъ Ахилла лучшимъ противъ Одиссея и нелживымъ, а того лукавымъ и много лгущимъ и худшимъ противъ Ахилла. Если же хочешь, и ты противъ этой рѣчи выступи съ другою рѣчью, доказывая, что тотъ лучше. Тогда вотъ они скорѣе узнаютъ, кто изъ насъ лучше говоритъ.

D **Сокр.** Я вѣдь, Иппій, не спорю противъ того, что ты мудрѣе меня. Но такой ужъ мой всегдашній обычай, что когда кто нибудь что нибудь говоритъ, я прилагаю свой умъ[19]), хотя бы впрочемъ говорящій и казался мнѣ мудрецомъ,—и желая узнать, что̀ собственно онъ говоритъ, я расспрашиваю и пересматриваю и сопоставляю его слова, чтобы понять ихъ. А когда говорящій кажется мнѣ плохъ, то я и не переспрашиваю, и нѣтъ мнѣ заботы, что̀ онъ тамъ говоритъ. На этомъ самомъ ты и узнаешь, кого я почитаю мудрыми: такъ какъ ты всегда увидишь, что я
E. озабоченъ тѣмъ, что говоритъ такой человѣкъ и выспрашиваю у него, чтобы, научившись, получить какую нибудь пользу. Вотъ и теперь, пока ты говорилъ, я подумалъ насчетъ тѣхъ стиховъ, что ты читалъ, показывая Ахилла порицающимъ Одиссея[20]) какъ сущаго пустослова[21]),—такъ я подумалъ, что ежели ты говоришь правду, то какъ
370. странно выходитъ, что Одиссей,—изворотливый то—нигдѣ не оказывается солгавшимъ, а Ахиллъ-то именно оказывается какимъ-то изворотливымъ въ твоемъ смыслѣ: лжетъ вѣдь онъ[22]). Въ самомъ дѣлѣ, сказавши сперва тѣ слова, которыя ты уже привелъ:

Ибо не менѣе вратъ Аида мнѣ тотъ ненавистенъ.
Кто на сердцѣ таитъ одно, говоритъ же другое,—

B. онъ немного спустя говоритъ, что Одиссей съ Агамемномъ его не убѣдятъ, и что онъ вовсе не останется у Трои, но

Завтра же Дію и всѣмъ богамъ свершивъ возношенье
Я, корабли нагрузивъ, спущу ихъ въ соленое море.

[19]) *προσέχειν τὸν νοῦν*. Не вижу основанія отступать отъ буквальнаго перевода этого выраженія совершенно соотвѣтствующаго духу русскаго языка (напр. *ума не приложу*). Принятый переводъ: *обращать вниманіе, быть внимательнымъ*—безъ надобности ослабляетъ рѣчь.

[20]) *εἰς τον 'Οδυσσέα λέγειν*.

[21]) *ὡς ἀλαζόνα ὄντα*. Я полагаю, что въ подобныхъ выраженіяхъ духъ русскаго языка вовсе не требуетъ отказаться отъ буквальнаго перевода и превращать причастіе *ὄντα* въ придаточное предложеніе.

[22]) Въ началѣ разговора Сократъ заставилъ Иппія признать что подъ „изворотливымъ" (*πολύτροπος*) онъ разумѣетъ именно „лживаго".

Будешь смотрѣть, если хочешь и если тебѣ въ томъ забота,
Какъ поутру на зарѣ мои корабли къ Геллеспонту
Всѣ поплывутъ, а на нихъ усердно-гребущіе мужи.
Если же счастья въ пути намъ дастъ Земли-сотрясатель[23]),
Въ третій день я уже до Фтіи холмистой достигну[24]). C.

А еще прежде этого, бранясь съ Агамемномъ, онъ говорилъ:

Нынѣ во Фтію иду: мнѣ будетъ много пригоднѣй
Съ войскомъ домой отойти, а ты, меня здѣсь обезчестивъ,
Врядъ ли себѣ соберешь сокровищъ еще и богатства[25]). D.

И сказавши это одинъ разъ передъ всѣмъ эллинскимъ ополченіемъ, а потомъ передъ своими друзьями, онъ, оказывается, вовсе не дѣлаетъ никакихъ приготовленій и не прилагаетъ рукъ къ тому, чтобы спускать корабли для возвращенія домой, а чрезвычайно благородно пренебрегаетъ правдою своихъ словъ[26]). Такъ вотъ я, Иппій, и спрашивалъ тебя сначала, недоумѣвая, который изъ этихъ двухъ мужей представленъ поэтомъ какъ лучшій, и полагая, что E.
оба они самые превосходные, и трудно различить, который лучше, какъ по части лжи и правды, такъ и по части прочей добродѣтели: оба они и въ этомъ очень ужь близки между собою.

Ипп. А не хорошо ты это разсматриваешь, Сократъ: когда Ахиллъ лжетъ, онъ очевидно, лжетъ безъ умысла, по неволѣ, принужденный злополучіемъ войска остаться и оказать помощь. А когда Одиссей лжетъ, то добровольно и съ умысломъ.

Сокр. Обманываешь меня, милѣйшій Иппій, и самъ подражаешь Одиссею.

Ипп. Совсѣмъ нѣтъ, Сократъ,— скажи чѣмъ, и въ 371.
чемъ?

Сокр. А тѣмъ, что ты говоришь, будто Ахиллъ лжетъ безъ умысла,—онъ-то, котораго Гомеръ представилъ—помимо хвастливости—такимъ хитрецомъ и обманщикомъ, что ему ни по чемъ и Одиссея перехитрить и провести своими хвастливыми рѣчами, смѣло передъ нимъ противорѣча самому себѣ и оставаясь неуличеннымъ: по крайней мѣрѣ

[23]) *'Εννοσίγαιος*—гомеровскій эпитетъ Посидона.

[24]) Hom. Il. IX, 357 — 363. Переводъ здѣсь, какъ и для всѣхъ слѣдующихъ стиховъ,—мой.

[25]) Hom. Il. I, 169—171.

[26]) *ἀλλὰ πάνυ γενναίως ὀλιγωρῶν τοῦ τἀληθῆ λέγειν*.

Одиссей ничего не говоритъ ему такого, изъ чего бы вид-
B. но, что онъ понялъ его ложь.

Ипп. Да ты это о чемъ, Сократъ?

Сокр. Развѣ не знаешь, что послѣ того, какъ онъ утверждалъ въ разговорѣ съ Одиссеемъ, что отплыветъ завтра же на зарѣ, Аяксу онъ утверждаетъ, что не отплыветъ, а говоритъ другое.

Ипп. Гдѣ это?

Сокр. А тамъ гдѣ говоритъ:

Нѣтъ, я о брани кровавой теперь не помыслю, доколѣ
C. Сынъ Пріама—властителя, Гекторъ, къ шатрамъ Мирмидонскимъ
Самъ не придетъ, Аргивянъ гоня и суда зажигая.
Только, я думаю, Гекторъ, хоть яръ онъ, отъ боя отстанетъ
Передъ палаткой моей и моимъ кораблемъ чернобокимъ [27])

Такъ неужели ты, Иппій, почитаешь сына Θетиды и
D. воспитанника мудрѣйшаго Хирона [28]) настолько забывчивымъ, что выбранивши передъ тѣмъ пустослововъ крайнею бранью, онъ сейчасъ же самъ говоритъ Одиссею, что отплыветъ, а Аяксу, что останется, — и это будто бы безъ умысла, а не такъ, что онъ считаетъ Одиссея простакомъ, а себя самого далеко его превосходящимъ въ злохудожествѣ [29]) и въ лганьѣ?

Ипп. Ну, я этого не думаю, Сократъ; но и здѣсь
E. онъ говоритъ Аяксу одно, а Одиссею другое по простотѣ, потому что передумалъ. А вотъ Одиссей и правду говоритъ, всегда съ умысломъ, и когда лжетъ — точно тоже.

Сокр. Значитъ, какъ видно, Одиссей-то лучше Ахилла.

Ипп. Ну ужъ всего меньше, Сократъ.

Сокр. Какъ же? Развѣ не оказалось у насъ, что добровольно лгущіе лучше невольно лгущихъ?

Ипп. Какимъ же это образомъ, Сократъ, доброволь-
372. ные обидчики и добровольные злоумышленники и злодѣи были бы лучше невольныхъ, которымъ вѣдь допускается большое снисхожденіе, когда кто по невѣдѣнію учинитъ какую обиду или неправду, или сдѣлаетъ какое нибудь другое зло? Вѣдь и законы гораздо болѣе тяжкіе для злодѣйствующихъ и обманывающихъ по своей волѣ, нежели для невольныхъ.

---

[27]) Hom. Il. IX, 650—655.

[28]) Ахиллъ былъ воспитанъ кентавромъ Хирономъ.

[29]) *τῷ τεχνάζειν.*

Сокр. Видишь, Иппій, что я правду говорю про себя, B.
что я очень ревностенъ въ разспрашиваніи мудрецовъ? Насчетъ самаго положенія дѣлъ я не твердъ и не знаю, какъ оно тамъ обстоитъ. [30]) Достаточное этому доказательство у меня то, что когда сойдусь я съ кѣмъ нибудь изъ васъ, прославляемыхъ за мудрость и кому всѣ Эллины свидѣтели въ мудрости, я оказываюсь ничего незнающимъ; потому что я, можно сказать, ни въ чемъ не имѣю того же мнѣ-
нія, что вы: и какое же больше этого доказательство не- C.
вѣжества, какъ расходиться съ мудрыми мужами? Но есть у меня одно удивительное добро, оно меня и спасаетъ. А именно не стыжусь я учиться, но выпытываю и распрашиваю и великую имѣю благодарность къ отвѣчающему, и никого никогда не лишалъ этой благодарности: научившись чему нибудь, никогда отъ этого не отрекался и не выдавалъ то, чему научился отъ другого, за свое собственное изобрѣтеніе; но восхваляю учившаго меня мудреца [31])
и выставляю то, чему научился отъ него. Вотъ и теперь D.
въ томъ, что ты говоришь, я не согласенъ съ тобою, но расхожусь очень далеко; и то я отлично знаю, что самъ я тому причиной, потому что я таковъ каковъ есмь, — чтобы не выдавать себя за что нибудь большее [32]). Но дѣло въ томъ, Иппій, что мнѣ кажется своасѣмъ наоборотъ тому, какъ ты говоришь: по моему вредящіе людямъ и обижающіе и лгущіе и обманщики и вообще всѣ погрѣшающіе по своей волѣ, а не по нечаянности, лучше тѣхъ, что грѣшатъ невольно. Правда, иногда мнѣ представляется
и обратное, и я блуждаю около этого. Но вотъ въ насто- E.
ящую минуту на меня словно какъ напалъ припадокъ [33]) и представляются мнѣ погрѣшающіе въ чемъ нибудь намѣренно лучшими нежели невольно погрѣшающіе. А какъ виновниковъ этого моего нынѣшняго состоянія обвиняю я наши прежнія разсужденія, въ силу которыхъ мнѣ именно представляется въ настоящую минуту, что невольно дѣлаю-

---

[30]) *τῶν μὲν γὰρ πραγμάτων ᾗ ἔχει ἔσφαλμαι, καὶ οὐκ οἶδ᾽ ὅπῃ ἐστί.* Хотя *πραγμάτων* употреблено здѣсь въ общемъ смыслѣ всякихъ дѣлъ и предметовъ, но не безъ ироническаго намека на энциклопедическую дѣловитость софистовъ въ яркомъ контрастѣ съ житейскою непрактичностью Сократа.

[31]) *ὡς σοφὸν ὄντα* см. выше прим. 21.

[32]) *καὶ τοῦτ εὖ οἶδα ὅτι δι ἐμὲ γίγνεται, ὅτι τοιοῦτος εἰμι οἷός περ, εἰμι, ἵνα μηδὲν ἐμαυτὸν μεῖζων εἴπω.*

[33]) *νυνὶ δὲ ἐν τῷ παρόντι μοι ὥςπερ κατηβολὴ περιελήλυθεν.*

щіе какое нибудь изъ золъ хуже тѣхъ, кто дѣлаетъ его намѣренно. Ты же будь милостивъ и не скупись врачевать мою душу: вѣдь гораздо больше добра ты мнѣ сдѣлаешь,
373. избавя душу отъ невѣденіи, нежели тѣло отъ болѣзни. Ну а если ты хочешь произнести длинную рѣчь, предупреждаю тебя, что меня не уврачуешь, потому что мнѣ за тобою не поспѣть, если же какъ прежде хочешь давать отвѣты, большую принесешь мнѣ пользу, да и себѣ, полагаю, не повредишь. По справедливости призвалъ бы я и тебя, сынъ Апеманта: ты вѣдь возбудилъ меня къ разговору съ Иппіемъ; и теперь еслибы не захотѣлъ отвѣчать мнѣ Иппій, проси его за меня. [34])

Евд. Но я думаю, Сократъ, что не нуждается Иппій
B. въ нашей просьбѣ: не такъ онъ передъ тѣмъ говорилъ, утверждая, что не уклонился бы ни отъ чьихъ вопросовъ. Вѣдь правда, Иппій? Не это ли ты утверждалъ?

Ипп. Конечно; но дѣло въ томъ Евдикъ, что Сократъ всегда сбиваетъ съ толку своими словами точно какъ будто злодѣй какой нибудь.

Сокр. Иппій превосходнѣйшій! Вѣдь не по своей охотѣ я это дѣлаю—тогда то я былъ бы мудръ и силенъ по твоему,—а выходитъ это у меня невольно, такъ что ужь имѣй ко мнѣ снисхожденіе: ты же опять утверждаешь, что кто невольно злодѣйствуетъ, заслуживаетъ снисхожденія. [35])

Евд. И отнюдь не поступай иначе, Иппій, но ради насъ и ради твоихъ прежнихъ словъ отвѣчай на то, о чемъ спрашиваетъ Сократъ.

Ипп. Ну и буду отвѣчать, если ты просишь. Такъ спрашивай, что хочешь. [36]).

Сокр. Да и очень сильно я желаю, Иппій, разсмотрѣть то, о чемъ сейчасъ говорилось: кто лучше: намѣренно, или же ненамѣренно погрѣшающіе? А начать это разсмотрѣніе, я думаю, всего правильнѣе будетъ слѣдующимъ образомъ... Но отвѣчай: называешь ты какого нибудь скоробѣжца хорошимъ?

---

34) За меня—ὑπὲρ ἐμοῦ—въ смыслѣ *отъ моего имени*. Вся рѣчь Сократа 372 B—373 A по тону и складу есть, если не ошибаюсь, явная пародія напыщенной реторики софистовъ.

35) Ироническое указаніе на то противорѣчіе, въ которое незамѣтно для себя впалъ Иппій, допустившій сначала внутреннее превосходство *намѣренныхъ* злодѣевъ, а потомъ утверждавшій что *невольные* злодѣи заслуживаютъ снисхожденія.

36) Послѣднія слова относятся къ Сократу.

Ипп. Да. D.

Сокр. И дурнымъ?

Ипп. Да.

Сокр. А не тотъ ли хорошъ, кто хорошо бѣжитъ, и дуренъ, кто—дурно?

Ипп. А не тотъ ли дурно бѣжитъ, кто бѣжитъ медленно, а кто быстро, тотъ—хорошо?

Сокр. Такъ значитъ въ скороходствѣ и въ бѣгѣ быстрота есть добро, а медленность—зло?

Ипп. Какъ же нѣтъ?

Сокр. Ну, а который скоробѣжецъ лучше: тотъ, что нарочно тихо бѣжитъ, или тотъ что поневолѣ медлитъ?

Ипп. Тотъ, что нарочно.

Сокр. А развѣ бѣжать не значитъ что нибудь дѣлать?

Ипп. Разумѣется дѣлать.

Сокр. А если дѣлать, то и совершать? [37]). E.

Ипп. Да.

Сокр. Значитъ дурно бѣгущій совершаетъ въ бѣгѣ дурное и постыдное дѣло?

Ипп. Дурное,—какъ же нѣтъ?

Сокр. А дурно бѣжитъ тотъ, кто бѣжитъ медленно?

Ипп. Да.

Сокр. А развѣ хорошій то скоробѣжецъ не совершаетъ этаго дурного и постыднаго *нарочно*, а плохой—невольно?

Ипп. Похоже на то.

Сокр. Значитъ въ бѣгѣ хуже тотъ, кто невольно совершаетъ дурное, нежели тотъ, кто намѣренно?

Ипп. Да—въ бѣгѣ.

Сокр. Ну, а въ борьбѣ? Который борецъ лучше: кто нарочно падаетъ, или кто нечаянно? 374.

Ипп. Кто нарочно, кажется.

Сокр. А хуже и постыднѣе въ борьбѣ упасть, чѣмъ опрокинуть?

Ипп. Упасть.

Сокр. Значитъ и въ борьбѣ намѣренно совершающій худое и постыдное лучше того, кто дѣлаетъ это невольно.

Ипп. Похоже на то.

---

37) Не нахожу лучшаго способа передать здѣсь эти различіе между ποιεῖν и ἐργάζεσθαι. Полная точность требовала бы словъ *творить* и *содѣлывать*, но боюсь, чтобы въ такой точности не затерялась и послѣдняя крупица смысла, заключеннаго въ этой неважной діалектикѣ.

Сокр. Ну а во всякомъ другомъ тѣлесномъ упражненіи? Развѣ лучшій по тѣлу не можетъ совершать и то и
B. другое: и сильное, и слабое, и дурное, и прекрасное: такъ что когда совершается дурное въ тѣлесномъ отношеніи, то лучшій по тѣлу совершаетъ это намѣренно, а худшій — невольно?

Ипп. Кажется оно такъ относительно тѣлесной силы.

Сокр. Ну а какъ насчетъ благообразія, Иппій? Развѣ не свойственно лучшему тѣлу принимать постыдныя и безобразныя положенія намѣренно, а худшему — невольно? Или какъ тебѣ кажется?

Ипп. Такъ.

Сокр. И значитъ намѣренное безобразіе относится къ
C. тѣлесной доблести, а невольное къ тѣлесному пороку?

Ипп. Выходитъ такъ.

Сокр. А что скажешь о голосѣ? Который лучше: намѣренно фальшивящій, или невольно?

Ипп. Тотъ, что намѣренно.

Сокр. А тотъ, что невольно фальшивитъ—негоднѣе?

Ипп. Да.

Сокр. Ну, а что бы ты предпочелъ имѣть: хорошее, или дурное?

Ипп. Хорошее.

Сокр. Такъ ты бы лучше хотѣлъ имѣть ноги, нарочно хромающія, нежели поневолѣ хромыя?

D. **Ипп**. Нарочно.

Сокр. А хромота ногъ не есть ли порокъ и безобразіе?

Ипп. Да.

Сокр. Ну а близорукость не есть ли порокъ глазъ?

Ипп. Да.

Сокр. А на какіе глаза ты бы лучше согласился? На тѣ, которыми можно нарочно щуриться и плохо разглядывать, или на тѣ, которыми поневолѣ плохо видятъ?

Ипп. Которыми намѣренно.

Сокр. Значитъ ты лучшимъ для себя считаешь нарочно совершаемое зло, нежели невольно производимое?

Ипп. Да, въ такихъ-то дѣлахъ.

Сокр. Но вѣдь все—и уши, и носъ, и ротъ, и всѣ ощущенія обнимаетъ одинъ законъ [38]) именно, что невольно

38) *Εἷς λόγος συνέχει.*

производимое дурное нежелательно, какъ сущее зло, а E.
намѣренно совершаемое желательно какъ сущее добро.

Ипп. Мнѣ кажется такъ.

Сокр. Ну а съ какими орудіями лучше обращаться: съ тѣми, которыми можно нарочно дурно дѣйствовать, или съ тѣми, чрезъ которыя поневолѣ ничего хорошаго не сдѣлаешь? Напримѣръ, какой руль лучше: которымъ поневолѣ приходится дурно править, или тотъ, который можно нарочно направлять и въ ту, и въ другую сторону?

Ипп. Тотъ, что нарочно.

Сокр. А не тоже ли самое съ лукомъ и лирой и флейтой и всѣмъ прочимъ вообще?

Ипп. Правду говоришь.

Сокр. Ну а лошадь какого нрава [39]) лучше имѣть?
Такого, что на ней нарочно можно бы дурно ѣздить, или 375.
по неволѣ приходилось бы?

Ипп. Нарочно.

Сокр. Значитъ такой конь лучше.

Ипп. Да.

Сокр. Значитъ съ лошадью лучшаго нрава можно дурно производить соотвѣтственныя дѣла по умыслу, а съ худшею это будетъ дѣлаться по неволѣ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Не тоже ли и съ собаками и со всѣми прочими животными?

Ипп. Да.

Сокр. Ну а человѣка, стрѣлка напримѣръ, съ какою душою лучше имѣть: съ тою, что намѣренно попадаетъ мимо цѣли, или невольно?

Ипп. Намѣренно. B.

Сокр. Такой вѣдь лучше для этого самаго дѣла?

Ипп. Да.

Сокр. Значитъ душа невольно погрѣшающая хуже той, что погрѣшаетъ намѣренно?

Ипп. Да, въ стрѣлковомъ дѣлѣ.

Сокр. А во врачебномъ? Развѣ душа умѣющая сознательно приноситъ тѣлесный вредъ не имѣетъ бо́льшей медицинской способности?

Ипп. Да.

Сокр. Значитъ она лучше не умѣющей.

39) Буквально: какую *душу коня—ψυχὴν ἵππου.*

Ипп. Лучше.

Сокр. Ну, а въ игрѣ на киѳарѣ и на флейтѣ и во
C. всѣхъ прочихъ искусствахъ и познаніяхъ — развѣ лучшая душа не та, что погрѣшаетъ, намѣренно производя дурное и постыдное, тогда какъ худшая дѣлаетъ это невольно?

Ипп. Выходитъ такъ.

Сокр. Ну и мы предпочли бы, чтобы рабы у насъ имѣли души намѣренно, а не по неволѣ погрѣшающія и злодѣйствующія, какъ на дѣлѣ лучшія.

Ипп. Да.

Сокр. Ну а собственную свою душу не желали бы мы имѣть какъ можно лучше?

Ипп. Да.

D. **Сокр.** А не будетъ ли она лучше, когда намѣренно злодѣйствуетъ и погрѣшаетъ, нежели когда невольно?

Ипп. Однако чудно бы это было, Сократъ, еслибы умышленные беззаконники были лучше, чѣмъ невольные.

Сокр. Но вѣдь такъ выходитъ изъ сказаннаго.

Ипп. По моему это не такъ.

Сокр. А я думаю, Иппій, что и по твоему такъ вышло. Ну, отвѣчай опять. Справедливость развѣ не есть нѣкая сила, или нѣкое знаніе, или и то, и другое? Вѣдь необходимо, чтобы справедливость была чѣмъ нибудь изъ
E. этого?

Ипп. Да.

Сокр. Ну а если справедливость есть сила души, то не будетъ ли сильнѣйшая душа справедливѣйшею? потому что вѣдь оказалось, что такая лучше, почтеннѣйшій.

Ипп. Оказалось.

Сокр. Ну, а если справедливость есть знаніе? Развѣ мудрѣйшая душа не будетъ справедливѣйшею, а болѣе невѣжественная—болѣе несправедливою?

Ипп. Да. [40])

Сокр. Ну, а если и то, и другое? Развѣ душа, имѣющая и то, и другое — и знаніе и силу,— не будетъ справедливѣйшею? [41]) Вѣдь необходимо этому такъ быть?

Ипп. Явно такъ.

Сокр. Такъ развѣ та душа, что сильнѣе и мудрѣе — она-то будучи лучшею, развѣ не является и болѣе способною дѣлать и то, и другое, и прекрасное и гадкое, во всякомъ дѣлѣ? 376.

Ипп. Да.

Сокр. Значитъ, когда она дѣлаетъ гадкое, намѣренно дѣлаетъ, силою и умѣньемъ; а это, кажется, принадлежитъ къ справедливости,—или оба свойства, или одно изъ нихъ. [42])

Ипп. Похоже на то.

Сокр. А вѣдь творить неправду значитъ дѣйствовать дурно, а не творить—хорошо?

Ипп. Да.

Сокр. Ну, а сильнѣйшая и лучшая душа, когда творитъ неправду, вѣдь намѣренно дѣйствуетъ, а плохая — невольно?

Ипп. Явно такъ.

Сокр. А развѣ не такъ, что добрый мужъ тотъ, что B.
имѣетъ добрую душу, а злой тотъ, что—злую?

Ипп. Да.

Сокр. Значитъ доброму мужу свойственно творить неправду намѣренно, а злому невольно, — если только добрый имѣетъ добрую душу.

Ипп. Да вѣдь имѣетъ же.

Сокр. Значитъ, Иппій, тотъ, кто намѣренно погрѣшаетъ и творитъ гнусности и неправды, онъ то именно въ этомъ своемъ качествѣ и будетъ ничѣмъ инымъ, какъ добрымъ.

Ипп. Ну ужъ въ этомъ-то, Сократъ, не вижу, какъ мнѣ съ тобою согласиться?

Сокр. Да и мнѣ съ самимъ собою. Однако это у насъ теперь такъ вышло по необходимости изъ нашего разсуж- C.
денія. Впрочемъ, какъ я прежде говорилъ, я насчетъ этого блуждаю туда и сюда, и никогда мнѣ это не представляется одинаково. И мнѣ-то, или другому неучу, блуждать совсѣмъ не удивительно. Но когда вы, мудрецы, станете блуждать, это ужъ и для насъ страшное дѣло, если и къ вамъ прибѣгнувъ, не успокоимся отъ блужданія.

---

[40]) Это подтвержденіе Иппія—*Ναί*—въ старыхъ изданіяхъ было пропущено.

[41]) Я не перевожу слова *ἢ δ᾽ἀμαθεστέρα ἀδικωτέρα*, исключенныя изъ текста Беккомъ и поставленныя въ скобки Шанцемъ.

[42]) *ταῦτα δὲ δικαιοσύνης φαίνεται, ἤτοι ἀμφότερα, ἢ τὸ ἕτερον.*

РАЗСУЖДЕНІЕ ОБЪ ИППІѢ МЕНЬШЕМЪ.

I.

Въ концѣ пятой книги Метафизики Аристотель ссылается на этотъ діалогъ, по обычаю своему не называя автора. Мнѣніе Аста, что въ *Иппіи Меньшемъ* содержится многое, противное Сократову и Платонову ученію, имѣло бы смыслъ еслибы не было заключительнаго заявленія Сократа, что онъ самъ несогласенъ съ тѣмъ, что говорилъ въ этой бесѣдѣ. На слова Иппія: *Οὐκ ἔχω, ὅπως σοι συγχωρήσω, ὦ Σώκρατες, ταῦτα*—Сократъ отвѣчаетъ: *Οὐδὲ γὰρ ἐγὼ ἐμοί, ὦ Ἱππία*. Безъ всякаго сомнѣнія разговоръ имѣетъ характеръ діалектическаго упражненія съ цѣлью обличить умственную несостоятельность знаменитаго и самоувѣреннаго софиста. Это есть новая сатира на софистику въ лицѣ Иппія, дополняющая одноименный діалогъ. Никакихъ серьезныхъ внутреннихъ основаній отрицать авторство Платона здѣсь не видно, если не признать заранѣе аксіомой, что Платонъ могъ писать только во всѣхъ отношеніяхъ превосходныя и значительныя произведенія.

Иппій Меньшій имѣетъ значеніе лишь для Платоновой характеристики софистовъ въ ихъ противоположности Сократу, и этому діалогу принадлежитъ замѣтное мѣсто въ отдѣлѣ „Сократовская борьба". Тема разговора—о предумышленной и непредумышленной лжи логически связана съ чисто сократовскимъ вопросомъ объ отношеніи между знаніемъ и добродѣтелью, но въ самомъ діалогѣ нѣтъ не только сократовскаго рѣшенія этого вопроса, но и сократовскаго освѣщенія его, и даже прямой постановки. Это ничего не говоритъ противъ авторства Платона, такъ, какъ цѣль діалога была полемическая и сатирическая: онъ весь направленъ на обличеніе и осмѣяніе софистики въ лицѣ Иппія. Образъ этого „мудреца на всѣ руки" производитъ одинаковое впечатлѣніе въ обоихъ діалогахъ, обо-

значенныхъ его именемъ. Но во второмъ изъ нихъ есть одно обстоятельство, которое должно остановить внимательнаго читателя. По тому принятому представленію о софистахъ, отъ котораго большинство историковъ философіи не отказалось и послѣ Гегеля и Джорджа Грота, отличительная черта софистики—умышленная игра словами и понятіями съ цѣлію сбить съ толку собесѣдника и доказать ему то, что выгодно для софиста по его личнымъ соображеніямъ безо всякаго отношенія къ объективной истинѣ и къ общему благу. Такое представленіе о софистикѣ, оставшееся навсегда связаннымъ съ этимъ словомъ, не лишено конечно, твердаго основанія. Несомнѣнно, что *теоретическіе* принципы, утверждаемые главнѣйшими софистами, именно Горгіемъ и Протагоромъ, по своему чисто-отрицательному характеру оставляли двери широко открытыми для всякой безнравственной практики, хотя самъ Протагоръ, какъ и самъ Горгій никогда ничему безнравственному не учили. Но когда эти несомнѣнно добродѣтельные мужи настаивали на полной непознаваемости истины (Горгій) и на полной относительности и условности всего существующаго (Протагоръ), то всякій желающій могъ отсюда вывести свое неограниченное право доказывать и дѣлать все, что угодно, не оглядываясь на несуществующую истину и на какія нибудь произвольно-принятыя положенія. Скептическій принципъ первыхъ великихъ софистовъ никого ни къ чему не обязывалъ, но онъ, при логической послѣдовательности, разрѣшалъ дурнымъ дурное, а такъ какъ и между софистами дурныхъ и нравственно слабыхъ было больше чѣмъ по природѣ хорошихъ и крѣпкихъ, то весьма скоро преобладающимъ направленіемъ софистики оказалось то намѣренное и своекорыстное злоупотребленіе формами мышленія, которое увѣковѣчилось въ сознаніи человѣчества какъ историческій и вмѣстѣ какъ родовой типъ умственнаго зла.

II.

Но какъ было бы ошибочно наводить одну чорную краску на все историческое явленіе, обозначаемое словомъ софистика,—это лучше всего видно изъ нашего маленькаго діалога. Хотя ко времени Платона *исходъ* софистики достаточно выяснился для проницательнаго философа, и нравственная негодность учениковъ невольно бросала тѣнь на умственную односторонность учителей,—характеръ такого, даже не старшаго, а *средняго* софиста, какъ Иппій, хотя и представленный въ яркой и

злой каррикатурѣ, не содержитъ и въ *Иппіи Меньшемъ*, какъ и въ большемъ діалогѣ того же названія, ничего прямо безнравственнаго. Болѣе того, въ нашемъ меньшемъ діалогѣ—и это есть та его особенность, о которой я выше упомянулъ,—софистъ Иппій не только свободенъ отъ нѣкоторыхъ дурныхъ типичныхъ чертъ, вошедшихъ въ традиціонный образъ всякаго софиста, но прямо выказываетъ основную черту такъ сказать *антисофистическую*, — простодушіе и чистосердечіе, непоколебимую, хотя и безпомощную, преданность требованіямъ здраваго смысла. Благодаря этому Иппій не только не способенъ кого нибудь обманывать намѣренными измышленіями и умственными фокусами, но самъ становится беззащитною жертвою Сократа, нарочно сбивающаго его съ толку,—и однако же не успѣвающаго окончательно навязать ему того, что Иппій по свидѣтельству совѣсти и общаго сознанія считаетъ ложнымъ.

Во все время бесѣды Сократъ исполняетъ ремесло софиста въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а софистъ Иппій играетъ ту роль, которая—съ меньшею наивностью и большимъ успѣхомъ—должна бы принадлежать настоящему Сократу. Эта кажущаяся странность достаточно объясняется тѣмъ, что разныя видоизмѣненія, степени развитія и индивидуальныя особенности въ сложномъ историческомъ составѣ софистики были живѣе и яснѣе для Платона, чѣмъ для позднѣйшихъ писателей, и осуждая всю софистику въ виду ея выяснившихся нравственныхъ результатовъ, онъ проводилъ явственныя границы между различными типами самихъ софистовъ. Легко различить три главныхъ: 1) софисты мыслители, какъ Протагоръ и Горгій, 2) софисты филологи и полигисторы какъ Продикъ и Гиппій и 3) софисты улицы, люди съ прожженною совѣстью, какихъ мы увидимъ въ слѣдующемъ діалогѣ *Евтидемъ*. Только въ послѣднемъ типѣ нравственная негодность и злоупотребленіе мышленіемъ для низменныхъ цѣлей становится существеннымъ признакомъ софистики, и ея обличителю остается только брать яркіе образчики этой негодности и этихъ злоупотребленій и какъ бы указывая на нихъ пальцемъ смѣяться и возбуждать смѣхъ.

Отношеніе къ Иппію должно быть другое, хотя и не лишенное насмѣшки. Многоученый мужъ страдаетъ лишь грубоватостью, элементарностью ума и слабостями характера. Никакого отрицательнаго отношенія къ истинному, доброму и прекрасному здѣсь нѣтъ. Въ *Меньшемъ Иппіи* Сократъ *нарочно* (какъ потомъ и самъ признается), чтобы испытать софиста и

показать его *умственную* безпомощность, подробно доказываетъ завѣдомо ложное положеніе, что умышленное злодѣяніе лучше нечаянной ошибки, а его собесѣдникъ хочетъ, но не умѣетъ защитить обратное, истинное положеніе, утверждаемое и общимъ сознаніемъ и здравою нравственною философіей: что невольный грѣхъ есть меньшее зло, чѣмъ умышленный.

Если бы даже въ нашемъ діалогѣ и не было заключительныхъ словъ Сократа съ заявленіемъ, что онъ самъ съ собою несогласенъ, то и тогда было бы несомнѣнно, что его аргументація не выражаетъ его настоящей мысли—ни въ нашемъ діалогѣ, ни у Ксенофонта (*Memorab*. IV, 2; 19—22) Основа Сократовой этики — тѣснѣйшая связь между добродѣтелью и знаніемъ, въ силу чего только знающій можетъ быть добродѣтельнымъ (но вмѣстѣ съ тѣмъ только добродѣтельный—дѣйствительно знающимъ). Съ этой точки зрѣнія разсужденіе о мудромъ и правдивомъ человѣкѣ, который завѣдомо лжетъ или совершаетъ всякія другія злодѣянія, — можетъ имѣть смыслъ лишь какъ способъ „доведенія до нелѣпости". Сократъ съ своей точки зрѣнія долженъ вообще отрицать самую возможность того, чтобы истинно добродѣтельный человѣкъ, производилъ что нибудь дурное, и его аргументъ въ этомъ пунктѣ могъ сводиться лишь къ слѣдующему: добродѣтельный человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ *знающій*, слѣдовательно если бы онъ вообще могъ дѣлать зло, то онъ долженъ бы его былъ дѣлать завѣдомо и по своей волѣ; *но такъ какъ завѣдомо и по собственной волѣ* (*ἄκων*) никто зла не дѣлаетъ (всегдашняя аксіома Сократа) то значитъ добродѣтельный человѣкъ вообще зла дѣлать не можетъ. Такой *сократовскій* смыслъ должно имѣть плохо переданное у Ксенофонта разсужденіе учителя. Самая постановка вопроса о превосходствѣ вольнаго или невольнаго зла есть безсмыслица съ точки зрѣнія Сократа, что просвѣчиваетъ и въ изложеніи Ксенофонта: *τῶν δὲ δὴ τοὺς φίλους ἐξαπατώντων ἐπὶ βλαβῇ (ἵνα μηδὲ τοῦτο παραλείπωμεν ἄσκεπτον) πότερος ἀδικώτερός ἐστιν, ὁ ἑκών, ἢ ὁ ἄκων;*

III.

Что касается до нашего діалога, то здѣсь уже сначала чувствуется намѣреніе Сократа „подвести" своего собесѣдника, и нельзя не испытывать нѣкотораго чувства состраданія при чистосердечной жалобѣ Иппія: *ἀλλὰ Σωκράτης, ὦ Εὔδικε, ἀεὶ ταράττει ἐν τοῖς λόγοις καὶ ἔοικεν ὥσπερ κακουργοῦντι.* Изъ за чего

же однако онъ это дѣлаетъ? Ставя знаніе кореннымъ условіемъ добра для человѣка, Сократъ не могъ мириться съ безотчетнымъ, непродуманнымъ, или хотя бы не до конца продуманнымъ присутствіемъ въ умѣ истинныхъ положеній. Онъ требовалъ, чтобы они присутствовали во всеоружіи. Показать необходимость этой умственной *паноплiи* — и есть задача сократовской полемики противъ софистовъ того *средняго* типа, къ которому принадлежалъ Иппій. Эти люди были далеки и отъ завѣдомой лжи, и отъ какихъ-нибудь по существу невѣрныхъ утвержденій. То, чему они учили, была правда, но лишенные могучаго теоретическаго интереса къ философіи, свободные отъ философскаго *паѳоса*, они не старались до конца продумать свои истинныя положенія. Лично они были тверды въ своей совѣсти и въ своемъ здравомъ смыслѣ, но уже ихъ ученики (софисты третьяго типа) показали на себѣ, что личная добропорядочность не наслѣдственна, и что ея примѣръ не можетъ замѣнить идеальнаго оправданія нравственныхъ правилъ.

Въ трагической судьбѣ Сократа софистика не играла бы никакой роли, еслибы она закончилась такими типами какъ Протагоръ и Горгій, Иппій и Продикъ. Но за ними выступали Евтидемъ и Діонисодоръ. Съ этими естественными союзниками Анита и Мелита насъ теперь и познакомитъ Платонъ въ одной изъ своихъ мастерскихъ сатиръ.

ЕВТИДЕМЪ

(ИЛИ СПОРЩИКЪ).

Собесѣдники: КРИТОНЪ, СОКРАТЪ, (въ разсказѣ Сократа): ЕВТИДЕМЪ, ДІОНИСОДОРЪ, КЛИНІЙ, КТЕСИППЪ.

ЕВТИДЕМЪ.

Критонъ. Съ кѣмъ это ты, Сократъ, вчера разговаривалъ St I p. 271.
въ Ликеѣ? Тамъ около васъ стояла такая толпа, что я, придя съ желаніемъ слушать, не могъ ничего слышать ясно; а только заглядывалъ черезъ головы, и мнѣ показалось, что ты разговаривалъ съ какимъ то иностранцемъ. Кто же это такое?

Сократъ. Да про котораго спрашиваешь, Критонъ? Вѣдь не одинъ, а двое ихъ было.

Кр. Тотъ, про кого я говорю, сидѣлъ отъ тебя третьимъ справа; а между вами былъ Аксіоховъ мальчикъ [1]). И показалось мнѣ, Сократъ, что онъ очень подросъ и какъ будто B.
немногимъ отличается по возрасту отъ нашего Критобула [2]). Но тотъ еще жидокъ, а этотъ возмужалъ и превосходенъ на видъ [3]).

Сокр. Тотъ, о комъ спрашиваешь, Критонъ, былъ Евтидемъ; а около меня слѣва сидѣлъ братъ его Діонисодоръ, онъ тоже участвуетъ въ разсужденіяхъ.

Кр. Не знаю ни того, ни другого, Сократъ. Это опять новые какіе-то софисты, какъ видно. Откуда они? И въ чемъ ихъ мудрость? [4]). C.

Сокр. Родомъ то они, я полагаю, откуда нибудь изъ Хіоса, переселились же въ Туріи [5]), а оттуда уже много лѣтъ

1) *τὸ ᾿Αξίοχον μειράκιον* — Клиній, племянникъ Алкивіада, сынъ брата его Аксіоха.

2) Сынъ Критона.

3) Критобулъ былъ старше Клинія, но не развитъ физически, а Клиній раннимъ развитіемъ опередилъ свой возрастъ.

4) Въ прежнихъ изданіяхъ, согласно нѣкоторымъ рукописямъ, слова *καινοί τινες αὖ οὗτοι, ὡς ἔοικε, σοφισταί* говоритъ не Критонъ, а Сократъ.

5) Туріи, или Сибарисъ, ахейская колонія въ Луканіи (Южной Италіи).

тому будетъ, бѣжавши, проводятъ время вотъ около здѣшнихъ мѣстъ [6]). А объ ихней мудрости, что ты спрашиваешь, Критонъ,—такъ она удивительна. Просто они на все мудрецы [7]), такъ что я раньше и не зналъ, какіе бываютъ всеборцы [8]). Они вѣдь совершенно всевоители, [9]) не такъ,
D. какъ два брата всеборца изъ Акарнаніи, что умѣютъ сражаться только тѣломъ. А наши то двое во первыхъ тѣломъ страхъ какъ сильны и въ сраженіяхъ всѣхъ одолѣваютъ;
272. сражаться же они умѣютъ въ полномъ вооруженіи [10]) и всякаго сдѣлаютъ умѣлымъ, кто только заплатитъ; а потомъ они чрезвычайно какъ хорошо ратоборствуютъ въ судилищахъ и всякаго обучаютъ говорить и писать рѣчи, годныя для судилищъ. Раньше-то они были сильны только на это, [11]) теперь же положили завершеніе этому своему всеборческому искусству; потому что и то боевое художество, которое еще оставалось у нихъ не воздѣланнымъ, настолько теперь ими разработано, что никто не посмѣетъ и противостать имъ: такъ они стали страшны въ состязаніи на словахъ и
B. въ опроверженіи всего, что говорится, будь-то ложь, будьто истина. Такъ вотъ, Критонъ, я и имѣю въ умѣ отдать себя въ распоряженіе этимъ двумъ мужамъ, такъ какъ они вызываются въ короткое время сдѣлать кого угодно силачемъ въ этомъ самомъ дѣлѣ.

Кр. Ну а не опасаетесь на счетъ возраста, Сократъ? Не старъ ли ты ужъ для этого?

Сокр. Всего меньше, Критонъ: достаточное у меня есть ручательство и опора такихъ опасеній; вѣдь сами то они, будучи уже можно сказать старцами, принялись за эту вожделѣнную мудрость,—за эристику,—въ прошломъ, или поза-
C. прошломъ году они еще вовсе не были въ ней искусны. Одного я только боюсь,—какъ бы не вызвать насмѣшекъ надъ этими иностранцами,—все равно какъ надъ Конномъ, сыномъ Метробія, киѳаристомъ, что и теперь меня учитъ играть на киѳарѣ; дѣло въ томъ, что свидѣтели моихъ уроковъ, дѣти, соученики мои, и надо мною смѣются да и надъ

[6]) Около 92-й олимпіады аѳинская партія, къ которой, какъ видно, принадлежали братья софисты, была побѣждена и изгнана изъ Турій.

[7]) *πάσσοφοι.*

[8]) *παγκρατιασταί.*

[9]) *παμμάχω.*

[10]) *Оплонахія*, о которой говорится въ діалогѣ *Лахесъ* (см. I томъ).

[11]) Т. е. на разныя атлетическія и затѣмъ—судебныя состязанія

Конномъ, обзывая его „старцеучителемъ“. Такъ какъ бы вотъ и надъ этими иностранцами кто нибудь такъ же не посмѣялся, а они, опасаясь именно этого, пожалуй и не захотятъ меня принять [12]). Тамъ-то [13]) я, Критонъ уговорилъ иныхъ стариковъ пойти вмѣстѣ со мной въ обученіе,
а здѣсь [14]) попытаюсь уговорить другихъ, — отчего бы и D.
тебѣ не присоединиться? Какъ приманка для нихъ [15]) будутъ у насъ твои сыновья; ради нихъ они станутъ и насъ обучать [16]).

Кр. Отчего нѣтъ, Сократъ, если ты такъ полагаешь. Но сперва растолкуй мнѣ мудрость этихъ мужей,—что̀ она такое, чтобы мнѣ знать, чему мы будемъ обучаться.

Сокр. Это ужь ты непремѣнно услышишь; [17]) я вѣдь никакъ не могъ бы сказать, что былъ невнимателенъ къ ихъ рѣчамъ, — нѣтъ! очень былъ внимателенъ и запомнилъ, и тебѣ попробую разсказать все сначала.

Далъ мнѣ богъ нѣкій такое счастье, что сидѣлъ я тамъ, E.
гдѣ ты меня видѣлъ, въ раздѣвальнѣ одинъ, и ужь поднялся было уходить, но какъ встать мнѣ, тутъ вдругъ то обычное знаменіе нездѣшнее [18]). Ну я опять сѣлъ, и немного 273.
спустя вошли эти двое, Евтидемъ и Діонисодоръ, а съ ними многіе другіе,—ученики ихъ, какъ я полагаю [19]). Войдя же стали они прохаживаться подъ навѣсомъ. И не сдѣлали они двухъ или трехъ круговъ, какъ входитъ Клиній, про котораго ты справедливо говоришь, что онъ очень подросъ; позади же его очень многіе поклонники, между прочимъ Кте-

[12]) Явная иронія. Оба собесѣдника отлично понимали, что если Евтидемъ и Діонисодоръ не захотятъ принять Сократа въ ученики, то конечно не изъ опасенія прослыть „старцеучителями“, а по другимъ, болѣе серьезнымъ причинамъ.

[13]) Разумѣются музыкальные уроки Конна.

[14]) Разумѣются уроки эристики у двухъ софистовъ.

[15]) Для софистовъ.

[16]) Извѣстно, что софисты предпочитали имѣть дѣло съ молодыми людьми, какъ болѣе податливыми на ихъ внушенія. (См. выше въ *Протагорѣ*).

[17]) *Οὐκ ἂν φθάνοις ἀκούων.*

[18]) *τὸ δαιμόνιον.* По русски слова *демонъ, демонское, демоническое* неразрывно связаны съ представленіемъ злого духа, что не допускается смысломъ текста.

[19]) Такъ какъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ читается *καὶ ἄλλα μαθηταὶ ἅμα αὐτοῖν πολλά, ἐμοὶ δοκεῖν* — то Шанцъ предполагаетъ передъ двумя послѣдними словами пропускъ.

сиппъ, пэаніецъ,[20]) юноша большихъ природныхъ достоинствъ,
B. только немного сварливый—по молодости. Клиній-же, какъ только вошелъ, сейчасъ увидалъ меня, сидящаго въ одиночествѣ, и прямо подойдя, сѣлъ справа, какъ и ты говоришь. Увидавъ его, Діонисодоръ и Евтидемъ сперва остановились и разговаривали между собою, снова и снова взглядывая въ нашу сторону,—я то очень внимательно ихъ разсматривалъ; потомъ, подошедши, одинъ, Евтидемъ, сѣлъ рядомъ съ мальчикомъ, а другой—ко мнѣ, слѣва, прочіе же, какъ кому пришлось. Я поздоровался съ ними, какъ долгое время ихъ не видавшій, и затѣмъ сказалъ Клинію: Клиній,
C. эти два мужа, Евтидемъ вотъ и Діонисодоръ, мудры не на малыя дѣла, а на великія: они все знаютъ по военной части, что нужно желающему стать полководцемъ, о ратномъ строѣ и предводительствѣ войсками и все, чему нужно обучиться для сраженія въ полномъ вооруженіи. Также могутъ они сдѣлать всякаго способнымъ помогать самому себѣ въ судилищахъ, ежели кто кого обидитъ.

Къ этимъ моимъ словамъ отнеслись они пренебрежи-
D. тельно, такъ какъ они оба стали смѣяться, глядя другъ на друга, и Евтидемъ сказалъ:

— Это ужь для насъ, Сократъ, не занятіе, этимъ мы только между дѣла пробавляемся.

И я удивленный, говорю:

— Прекрасное же у васъ должно быть дѣло, если даже такія занятія для васъ бездѣлица; ради боговъ скажите мнѣ, что это за прекрасное такое?

— Добродѣтель, Сократъ!—отвѣчаетъ онъ,—добродѣтель передать считаемъ мы себя способными лучше и скорѣе всѣхъ людей.

— О Господи! — говорю — о какомъ вы однако дѣлѣ
E. молвили. А я то еще думалъ про васъ, какъ сейчасъ говорилъ, что большая ваша сила въ томъ, чтобы сражаться въ полномъ вооруженіи,—это я и говорилъ про васъ; потому что когда вы въ первый разъ сюда пріѣзжали, помню я, что вы такъ именно возвѣщали о себѣ. Если же теперь вправду вы владѣете этимъ знаніемъ[21]), то будьте милостивы,—я просто къ вамъ, какъ къ богамъ обращаюсь—

[20]) Изъ Пэаніи (*Παιανία*)—дема, принадлежавшая къ пандіонійской филѣ. О Ктесиппѣ см. въ I томѣ, діалогъ *Лисій*.

[21]) Т. е. знаніемъ о добродѣтели.

имѣйте снисхожденіе къ прежнимъ моимъ словамъ. Только
смотрите, Евтидемъ и Діонисодоръ, правду ли вы говорите; 274.
потому что при величіи вашего заявленія не удивительно и не вѣрить.

— Да ужь не сомнѣвайся, Сократъ, что такъ оно есть.

— Такъ блаженными я васъ почитаю за это пріобрѣтеніе гораздо болѣе, чѣмъ великаго царя за его власть; только вотъ что мнѣ скажите: намѣрены ли вы изложить эту мудрость, или какъ у васъ рѣшено?

— Да для того самаго мы прибыли, Сократъ, чтобы
излагать и преподавать, если бы кто захотѣлъ научиться. B.

— Что захотятъ всѣ не имѣющіе[22]), за это я вамъ ручаюсь: во первыхъ я, затѣмъ вотъ Клиній, а за нами Ктесиппъ и эти прочіе,—сказалъ я, показывая ему на поклонниковъ Клинія. А они уже стояли кругомъ насъ; потому что Ктесиппъ, какъ мнѣ показалось, сидѣлъ сначала далеко отъ Клинія, и когда Евтидемъ, разговаривая со мною, на-
клонялся впередъ, онъ заслонялъ ему Клинія, сидѣвшаго C.
между нами,—такъ вотъ Ктесиппъ, желая смотрѣть на мальчика, а также и слушать, первый вскочивши сталъ прямо противъ насъ; тогда и прочіе, на него глядя, стали вкругъ насъ,—поклонники Клинія и товарищи Евтидема и Діонисодора. На нихъ то указывая, я и сказалъ Евтидему, что всѣ готовы учиться. Ктесиппъ же согласился весьма охотно,
также и прочіе, и всѣ сообща потребовали отъ двухъ братьевъ, D.
чтобы они показывали, въ чемъ сила мудрости.

Тутъ я сказалъ: Непремѣнно, Евтидемъ и Діонисодоръ, сдѣлайте вы всѣмъ имъ удовольствіе, да и ради меня покажите свое искусство. Самое главное тутъ объяснять было бы, очевидно, дѣломъ слишкомъ обширнымъ. Но вотъ что вы мнѣ скажите: можете ли вы сдѣлать добрымъ того
только человѣка, который уже убѣжденъ, что нужно у E.
васъ учиться, или также и того, кто вовсе въ этомъ не убѣжденъ,—потому ли что онъ вообще не думаетъ, чтобы эта вещь, то есть добродѣтель, подлежала изученію, или потому что васъ не считаетъ ея учителями? Ну скажи, когда кто нибудь думаетъ такъ, то убѣдить его и въ томъ, что добродѣтель изучаема, и въ томъ, что именно у васъ ей всего лучше научиться,—есть ли это дѣло того же самаго искусства, или другого?

[22]) Неимѣющіе знанія о добродѣтели.

— Того же самаго, Сократъ,—сказалъ Діонисодоръ.

— Значитъ вы, Діонисодоръ, сказалъ я, изо всѣхъ нынѣшнихъ людей лучше всего склоняете къ философіи
275. и къ заботѣ о добродѣтели?

Думаемъ такъ, Сократъ.

— Такъ прочія-то объясненія, сказалъ я, вы отложите до другого раза, а это изложите: вотъ этого самого отрока убѣдите, что нужно философствовать и заботиться о добродѣтели,—сдѣлайте удовольствіе и мнѣ и всѣмъ имъ. Именно въ подобномъ положеніи находится этотъ мальчикъ; я и они всѣ желаемъ, чтобы онъ сталъ какъ можно лучше. Онъ—сынъ Аксіоха, сына стараго Алкивіада, нынѣшнему же Алкивіаду—двоюродный братъ; [23]) имя же ему Клиній. Онъ молодъ, и мы боимся за него, какъ за
B. юношу, чтобы кто не предупредилъ насъ и не обратилъ его умъ на какое нибудь другое занятіе и тѣмъ не испортилъ бы его. Значитъ вы подоспѣли въ самый разъ. Такъ если вамъ все равно, испытайте мальчика, разговаривая съ нимъ передъ нами.

Послѣ такой приблизительно моей рѣчи Евтидемъ ска-
C. залъ твердо и съ дерзновеніемъ:

— Намъ то что же, Сократъ? Лишь бы мальчикъ захотѣлъ отвѣчать.

— Да къ этому то, говорю, онъ привыченъ; зачастую вотъ они обращаются къ нему со всякими вопросами и разговорами, такъ что онъ уже довольно смѣлъ въ отвѣтахъ.

Ну, а что тутъ было дальше, Критонъ, какъ бы мнѣ тебѣ по лучше разсказать? Не малое вѣдь дѣло быть въ состояніи повторить въ порядкѣ такую несодѣянную мудрость; такъ что я, подобно поэтамъ, долженъ въ началѣ
D. разсказа призвать музъ и мать ихъ, Память [24]). Началъ же Евтидемъ, я думаю, вотъ съ чего:

— Которые, Клиній, между людьми научаются: мудрые, или невѣжды?—

---

[23]) Вотъ ихъ родство:

Алкивіадъ I.
Клиній I. — Аксіохъ.
Клиній II. — Алкивіадъ II. — Клиній III.

[24]) *Μνήμην* первоначальное обозначеніе вмѣсто болѣе поздняго — Мнемозина.

А мальчикъ,—какъ это былъ дѣйствительно великій вопросъ, покраснѣлъ и недоумѣвая взглянулъ на меня; я же, видя его смущеннымъ,

— Смѣлѣй, говорю, Клиній, мужественно отвѣчай: что изъ двухъ тебѣ представляется,—потому что можетъ E.
быть это принесетъ тебѣ величайшую пользу.—А при этомъ Діонисодоръ, наклонившись мнѣ немного къ уху и съ подсмѣивающимся лицемъ,—ужь я, говоритъ, предсказываю тебѣ, Сократъ, что бы ни отвѣтилъ мальчикъ, все равно быть ему опровергнутымъ. И при этихъ его словахъ Клиній уже держалъ отвѣтъ, такъ что мнѣ не пришлось внушить мальчику, чтобы былъ остороженъ,—но онъ ужь 276.
отвѣтилъ, что учатся мудрые. А Евтидемъ:

— Называешь ты, говоритъ, кого нибудь учителями, или нѣтъ?—Тотъ отвѣтилъ утвердительно.

— А не такъ ли, что учителя суть учителя учащихся, какъ вотъ кисаристъ и грамматистъ - учителя твои и прочихъ дѣтей, а вы—ученики? Согласился.

— А развѣ не такъ бываетъ, что когда вы учились, вы не знали того, чему учились?

— Не иначе.

Такъ развѣ вы были мудры, когда этого не знали?

— Конечно нѣтъ, сказалъ тотъ. B.

А если не мудры, то значитъ невѣжды?

— Всеконечно.

Значитъ учась тому, чего вы не знали, вы учились будучи невѣждами.—Согласился мальчикъ.

— Такъ учатся то значитъ невѣжды, Клиній, а не мудрые, какъ ты полагаешь.—При этихъ его словахъ, какъ хоръ по указкѣ хороначальника, разомъ зашумѣли и засмѣялись всѣ сопровождавшіе Діонисодора и Евтидема. C.
И прежде, чѣмъ мальчикъ успѣлъ хорошенько перевести духъ, Діонисодоръ, перехвативши бесѣду,

— Какъ же, говоритъ, Клиній, когда учитель грамматы повторяетъ вамъ что нибудь наизусть, которыя изъ дѣтей выучиваютъ то, что онъ говоритъ,—мудрыя, или невѣжды?

— Мудрыя.

— Значитъ мудрые учатся, а не невѣжды, и ты не хорошо отвѣчалъ сейчасъ Евтидему.

Тутъ еще сильнѣе засмѣялись и зашумѣли привержен- D.
цы этихъ мужей, удивляясь ихъ премудрости, а мы про-

чіе, пораженные, молчали. Евтидемъ же, видя, что мы поражены, чтобы заставить насъ еще болѣе ему дивиться, не отпустилъ мальчика, но какъ хорошіе плясуны обратился съ двойными вопросами объ одномъ и томъ же [25]) и сказалъ:

— Такъ что же изъ двухъ: учащіеся учатся тому,
Е. что знаютъ, или тому, чего не знаютъ?—А Діонисодоръ, опять слегка наклонившись ко мнѣ шопотомъ говоритъ:

— И тутъ, Сократъ, опять тоже самое.

— О Зевсъ! сказалъ я, и въ первый то разъ ужъ очень оно намъ показалось прекрасно [26]).

— Отъ такихъ вопросовъ, Сократъ, сказалъ онъ, у насъ ужъ не убѣжишь.

— Потому-то, говорю, вы и въ такой чести у своихъ учениковъ.—Между тѣмъ Клиній отвѣчалъ Евтидему, что учащіеся учатся тому, чего не знаютъ; а тотъ сталъ спра-
277. шивать его по прежнему.

— Что же, говоритъ, развѣ ты не знаешь буквъ?

— Знаю говоритъ.

— И вѣдь всѣ?

— Всѣ.

— Ну, а когда кто говоритъ что нибудь наизусть, развѣ не буквы онъ говоритъ?—Согласился.

— Значитъ изъ тѣхъ говоритъ, которыя ты знаешь, ежели ты всѣ знаешь?—И съ этимъ согласился.

— Ну, говоритъ, а развѣ ты, знающій буквы, не учишься тому, что кто нибудь говоритъ наизусть, а тотъ, кто не знаетъ буквъ, учится?

— Нѣтъ, сказалъ тотъ, именно я учусь.

— Значитъ, говоритъ, ты учишься тому, что знаешь,
В. ежели ты всѣ буквы знаешь. - Согласился.

— Выходитъ, что неправильно ты отвѣчалъ.—И не

---

25) *ἀλλ, ὥσπερ οἱ ἀγαθοὶ ὀρχησταὶ διπλᾶ ἔστρεφε τα ἐρωτήματα περὶ τοῦ αὐτοῦ.* Въ прежнихъ изданіяхъ передъ *ὥσπερ* стоитъ слово *ἠρωτα*, справедливо осужденное Шанцемъ.—Смыслъ сравненія не въ томъ, что во всѣхъ пляскахъ одни и тѣже тѣлодвиженія многократно повторяются,—что необходимо исполняется всѣми, а не одними только хорошими плясунами,—а въ томъ, что именно хорошимъ, искуснымъ плясунамъ, болѣе прочихъ приходится по требованію зрителей повторять особо удачные отдѣлы пляски,

26) *ὦ Ζεῦ, ἔφην ἐγώ, ἦ μὴν καὶ τὸ πρότερόν γε καλὸν ἡμῖν ἐφάνη.* Стоявшее въ прежнихъ изданіяхъ слово *τό ἐρώτημα* (послѣ *ἐφανη*) справедливо отмѣчено Шанцемъ какъ ненужная вставка.

успѣлъ этого сказать Евтидемъ, какъ Діонисодоръ, перехвативъ слово, какъ мячъ, опять перебросилъ его мальчику, говоря:

Евтидемъ тебя обманываетъ, Клиній; въ самомъ дѣлѣ: скажи мнѣ, развѣ учиться не значитъ получать нѣкоторое познаніе о томъ, чему кто учится. - Клиній согласился.

— А знать, продолжалъ тотъ, есть вѣдь не иное что, какъ уже имѣть знаніе? - Подтвердилъ,

— Слѣдовательно не знать—еще не имѣть знанія?—
Согласился съ нимъ отрокъ. С.

— А кто же получаетъ что нибудь: уже имѣющіе это самое, или не имѣющіе?

— Не имѣющіе. [27]).

— А ты вѣдь призналъ, что къ нимъ принадлежатъ и незнающіе - къ неимѣющимъ-то? - Кивнулъ.

— Значитъ учащіеся относятся къ получающимъ, а не къ имѣющимъ. Подтвердилъ.

— Такъ учатся-то, сказалъ онъ, незнающіе, Клиній, а не тѣ, что знаютъ.

И тутъ въ третій разъ собрался Евтидемъ подзадорить юношу какъ бы новою уловкою борьбы [28]). Я же, видя, что малый мой совсѣмъ захлебнулся [29]) и желая дать ему D.
вздохнуть, чтобы не запугали его у насъ совсѣмъ,—такъ сталъ его уговаривать:

— Не удивляйся, Клиній, если эти рѣчи кажутся тебѣ необычайными: вѣдь ты, можетъ быть, не понимаешь, что собственно дѣлаютъ съ тобою эти гости, - а дѣлаютъ они то самое, что и посвящающіе въ таинства корибантовъ, когда сажаютъ на престолъ того, кого намѣрены посвятить [30]), потому что и тамъ это какой-то хороводъ и дѣтская игра - для того, кто уже посвященъ; [31]) и теперь Е.

---

27) *οἳ ἂν μὴ.* Слово *ἔχωσιν,* принятое въ прежнихъ изданіяхъ, есть, очевидно, пояснительная вставка, совершенно неумѣстная при греческомъ контекстѣ, хотя мнѣ пришлось ее внести въ русскій переводъ.

28) Я не перевелъ слово *καταβαλῶν*, какъ ниспровергнутое новѣйшею критикой текста.

29) *καὶ ἐγὼ γνοὺς βαπτιζόμενον τὸ μειράκιον.*—Я думаю, что выраженіе *βαπτιζόμενον* здѣсь довольно ясно, чтобы сохранить его конкретное свойство въ переводѣ.

30) Неизвѣстный изъ другихъ источниковъ обрядъ въ тайномъ культѣ Кибелы.

31) *εἰ ἄρα καὶ τετέλεσαι.*

вотъ они только водятъ кругомъ тебя хороводъ и какъ бы
пляшутъ, играя, чтобы потомъ посвятить тебя.

Такъ теперь ты и положи, что слышишь лишь начат-
ки софистическихъ таинствъ. Ибо первымъ дѣломъ, какъ
говоритъ Продикъ, должно научиться правильности именъ;
это вотъ тебѣ и показываютъ наши гости, такъ какъ ты
не зналъ, что словомъ *учиться* [32]) люди называютъ и то,
когда кто нибудь изначала не имѣя никакого знанія о чемъ
278. либо, потомъ пріобрѣтаетъ знаніе объ этомъ предметѣ,—
а также называютъ и то, когда кто, уже имѣя знаніе,
посредствомъ этого самого знанія разсматриваетъ этотъ
предметъ, данный или въ дѣйствіи, или въ словѣ. Хотя
тутъ то больше это называется сообщаться (въ мысляхъ),
чѣмъ учиться, но и учиться [33]). Отъ тебя же,—какъ они
тебѣ и показываютъ, это ускользнуло, именно, что одно
и тоже названіе примѣняется къ людямъ въ противополож-
B. номъ состояніи—къ знающему и къ незнающему. Прибли-
зительно тоже самое и во второмъ вопросѣ, когда они тебя
спрашивали, чему люди научаются: тому ли, что знаютъ,
или нѣтъ. Такія вещи въ наукѣ - игра; поэтому я и гово-
рю, что они съ тобой забавляются. Называю же я это
игрой потому, что хотя бы кто и многому, или даже всему
научился въ этомъ родѣ, о самихъ предметахъ и дѣлахъ—
въ какомъ они положеніи,—ничего не узнаетъ, забавляться
же передъ людьми будетъ способенъ, подставляя имъ ногу
и опрокидывая ихъ чрезъ различныя значенія именъ, все
равно какъ тѣ, что выхватывая стулья изъ подъ хотящихъ
C. садиться, радуются и смѣются, видя ихъ опрокинутыми
навзничъ. Такъ ты это и считай, что они съ тобою шутки
шутили; ну а за этимъ ясно, что они покажутъ тебѣ на-
стоящее дѣло, а я вотъ ихъ предварю въ томъ, что они
мнѣ обѣщали исполнить. Они вѣдь сказали, что покажутъ
свою увѣщательную мудрость [34]); теперь же, мнѣ кажется,
они сочли сперва нужнымъ пошутить съ тобою. Такъ вотъ,
D. Евтидемъ и Діонисодоръ, пусть это все было вами сказано
шутя, и, пожалуй, этого довольно; а затѣмъ въ самомъ
дѣлѣ покажите, увѣщая мальчика, какъ должно заботиться
о мудрости и добродѣтели. Но сперва я вамъ покажу, какъ

[32]) *τὸ μανθάνειν.*

[33]) *μᾶλλον μὲν αὐτὸ ξυνιέναι καλοῦσιν ἢ μανθάνειν, ἔστι δ᾽ὅτε καὶ μανθάνειν.*

[34]) *τὴν προτρεπτικὴν σοφίαν.*

я это подразумѣваю и въ какомъ смыслѣ хочу отъ васъ
слышать; если же я вамъ покажусь простоватымъ и смѣш-
нымъ,—не высмѣивайте меня; вѣдь изъ желанія послушать
вашей мудрости дерзну я такъ развязно выступить передъ E.
вами. Сдержитесь же и безъ смѣха слушайте меня, —вы
и ученики ваши; а ты, сынъ Аксіоха, держи мнѣ отвѣтъ.

— Всѣ ли мы, люди, хотимъ, чтобы намъ было хо-
рошо? [35]) Или это одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ вопросовъ,
которыхъ я сейчасъ опасался? Безумно, правда, и спра-
шивать о такихъ вещахъ: кто не желаетъ, чтобы ему было
хорошо?

— Нѣтъ никого, кто бы не желалъ, сказалъ Клиній. 279.

— Пусть такъ, говорю; но затѣмъ, такъ какъ мы
хотимъ чтобы намъ было хорошо, то въ какомъ же слу-
чаѣ намъ бываетъ хорошо? Не въ томъ ли, если у
насъ много добра? Или это еще простоватѣе прежняго?
Ясно и тутъ, что такъ оно и есть.—Подтвердилъ.

— Смотри же: что изо-всего существующаго бываетъ
для насъ добромъ? Или это тоже не трудно, и вовсе, ка-
жется не требуется мужа чрезвычайной силы, чтобы это
найти: всякій вѣдь намъ скажетъ, что быть богатымъ—
добро. Такъ вѣдь?

— Конечно, говоритъ.

— Также вѣдь и быть здоровымъ и красивымъ и про-
чее касательно тѣла имѣть въ надлежащемъ видѣ?—Согла- B.
сился.

— Ну, а родовитость, и власть, и почетъ на родинѣ,
ясно вѣдь, что это благо?—Призналъ.

— Такъ что же еще, сказалъ я, остается намъ изъ
благъ? Быть разсудительнымъ, и справедливымъ, и муже-
ственнымъ — это что такое? Ради Зевса, Клиній, что изъ
двухъ ты думаешь: тогда ли мы правильно разсудимъ,
когда примемъ эти свойства какъ блага, или когда не при-
мемъ. Вѣдь можетъ быть иной у насъ усумнится на этотъ
счетъ; но тебѣ какъ кажется?

— Блага это, сказалъ Клиній.

— Пусть такъ, говорю; ну, а мудрость, къ какому
хору пристроимъ: къ благамъ, или какъ скажешь? C

— Къ благамъ.

[35]) *εὖ πράττειν*—о трудности и двусмысленности этого выраженія я уже говорилъ въ I томѣ.

— Сообрази какъ слѣдуетъ, не пропущено ли нами что изъ благъ, стоющее упоминанія.

— Да кажется, говоритъ Клиній, мы ничего не пропустили.—А я, припомнивъ, говорю:

— Видитъ Зевсъ, вѣдь мы было пропустили самое великое изъ благъ.

— Какое такое, спрашиваетъ.

— Благополучіе, Клиній, то, что всѣ, и даже совсѣмъ плохіе, утверждаютъ какъ величайшее изъ благъ.

— Правду говоришь.—А я опять, перемѣнивъ мысль [36]):

D. — А вѣдь мы чуть не сдѣлались смѣшными въ глазахъ этихъ гостей,—я и ты, сынъ Аксіоха.

— Какъ это такъ? говоритъ.

— Да потому что уже ранѣе предположивъ благополучіе, сейчасъ опять стали говорить о томъ же самомъ.

— Какъ же это такъ?

— Смѣшно въ самомъ дѣлѣ снова предлагать то, что уже прежде положено, и дважды говорить тоже самое.

— О чемъ собственно ты это говоришь? [37]).

— Да мудрость-то, говорю, вѣдь есть благополучіе: это всякій ребенокъ знаетъ. — Этому онъ удивился: настолько онъ еще юнъ и простодушенъ; я же, видя его удивленіе,

E. — Или ты не знаешь, говорю, Клиній, что въ хорошей игрѣ на флейтѣ всего благополучнѣе флейтисты? — Подтвердилъ.

— А въ писаніи и чтеніи буквъ—грамматисты?

— Конечно.

— Ну, а насчетъ морскихъ опасностей думаешь ли ты, что есть кто благополучнѣе мудрыхъ кормчихъ, вообще говоря? [38]).

— Конечно никого нѣтъ.

— А будучи на войнѣ, съ кѣмъ бы ты охотнѣе раздѣлилъ опасность и счастье: съ мудрымъ полководцемъ, или съ невѣжественнымъ?

---

[36]) *μετανοήσας* — таковъ точный смыслъ этого выраженія, которое въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ получило болѣе тѣсное значеніе нравственной перемѣны, или покаянія.

[37]) Эта мысль очевидно страдаетъ тѣмъ самымъ, что здѣсь осуждается — ненужнымъ повтореніемъ. Нельзя ли предположить тутъ неудачную вставку, или простую ошибку переписчика — этотъ вопросъ предоставляю по принадлежности критикамъ текста.

[38]) *ὡς ἐπὶ πᾶν εἰπεῖν*.

— Съ мудрымъ. 280.

— Ну, а въ болѣзни съ кѣмъ бы ты охотнѣе попыталъ счастье: съ мудрымъ врачемъ, или съ невѣждой?

— Опять таки съ мудрымъ.

— И вѣдь это потому, что ты расчитываешь благополучнѣе вести дѣло, дѣйствуя съ мудрымъ, нежели съ неучемъ?—Согласился.

— Значитъ мудрость даетъ людямъ быть благополучными во всемъ. Вѣдь не можетъ же мудрость въ чемъ нибудь погрѣшать, но ей необходимо дѣйствовать правильно и попадать въ цѣль; потому что иначе это вовсе и не будетъ мудрость.

— Въ заключеніе мы согласились, уже не знаю какъ, B. что вообще бываетъ такимъ образомъ, что когда присутствуетъ въ чемъ нибудь мудрость, то уже нѣтъ тутъ надобности въ благополучіи. А сойдясь съ нимъ въ этомъ я опять переспросилъ его, какъ обстоитъ у насъ дѣло по прежнему соглашенію.

— Мы вѣдь согласились, сказалъ я, что ежели у насъ много благъ, то мы счастливы и намъ хорошо.—Онъ подтвердилъ.

— Ну, а въ какомъ случаѣ мы счастливы чрезъ существующія блага: ежели они намъ нисколько не полезны, или ежели полезны?

— Если полезны, говоритъ.

— Ну, а бываютъ ли они полезны, если мы ихъ только имѣемъ, а употреблять — не употребляемъ? Напримѣръ ежели пищи у насъ много, а мы не ѣдимъ, или напитковъ много, а мы не пьемъ, — будетъ ли въ этомъ какая польза?

— Не будетъ, говоритъ.

Ну, а какъ всѣ ремесленники, если бы у нихъ было приготовлено все потребное каждое для его дѣла, а употребленія изъ этого они бы не дѣлали, было ли бы имъ хорошо отъ этого пріобрѣтенія; — что пріобрѣли они все, что должно пріобрѣсти ремесленнику, какъ напримѣръ
плотникъ, если бы у него были приготовлены всѣ инстру- D.
менты и достаточно дерева, а строить бы онъ не строилъ, была ли бы ему какая польза отъ его пріобрѣтенія?

— Никоимъ образомъ.

— Какъ же теперь? Если бы кто пріобрѣлъ богатство и всѣ тѣ блага о которыхъ мы сейчасъ говорили,

но не употреблялъ бы ихъ, былъ ли бы онъ счастливъ чрезъ пріобрѣтеніе этихъ благъ?

— По правдѣ нѣтъ, Сократъ.

— Значитъ нужно, какъ видно, сказалъ я, чтобы желающій быть счастливымъ не только пріобрѣлъ такія блага, но и употреблялъ ихъ въ дѣло, — иначе не будетъ именно пользы отъ пріобрѣтенія [39]).

— Правду говоришь.

— Ну, а этого то, Клиній, достаточно, чтобъ сдѣ-
лать кого либо счастливымъ: пріобрѣсти блага и употреб-
E. лять ихъ?

— Мнѣ кажется.

— Тогда ли однако, сказалъ я, когда кто нибудь употребляетъ блага правильно, или когда неправильно?

— Когда правильно.

— Прекрасно говоришь, сказалъ я. Вѣдь совсѣмъ иное дѣло, я полагаю, когда кто нибудь неправильно что нибудь употребляетъ, или когда онъ вовсе не прилагаетъ къ этому рукъ [40]): первое то — зло, а второе — ни зло, ни добро. Или не такъ скажемъ? — Согласился.

281. — Ну, а какъ? Въ работѣ надъ деревомъ и въ его
употребленіи, вѣдь правильное то употребленіе чѣмъ про-
изводится, какъ не знаніемъ плотничьимъ?

— Ничѣмъ другимъ, говоритъ.

— Но вѣдь и при выдѣлываніи сосудовъ правильность этаго дѣла дается знаніемъ? — Согласился.

— Такъ значитъ, сказалъ я, и при употребленіи тѣхъ благъ, что мы сперва назвали — богатство и здоровье, и красота — или чѣмъ другимъ? [41]).

B. — Знаніемъ, сказалъ онъ.

— Итакъ знаніемъ доставляется не только благополучіе, но и хорошее веденіе дѣла при всякомъ пріобрѣтеніи и занятіи [42]). — Согласился.

---

39) *ἢ οὐδὲν ὄφελος τῆς κτήσεως γίγνεται.*

40) *ἢ ἐὰν ἐᾷ.*

41) *Ἆρ᾽ οὖν, ἦν δ᾽ ἐγώ, καὶ περὶ τὴν χρείαν ὧν ἐλέγομεν τὸ πρῶτον τῶν ἀγαθῶν, πλούτου τε καὶ ὑγιείας καὶ κάλλους ἐπιστήμη ἡ ἡγουμένη και κατορθοῦσα τὴν πρᾶξιν, ἢ ἄλλο τι;* — помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ передъ словомъ *ἐπιστήμη* слова: *τὸ ὀρθῶς πᾶσι τοῖς τοιούτοις χρῆσθαι,* заключенныхъ Шанцемъ въ скобки, я оставляю безъ перевода, какъ явную вставку.

42) *Οὐ μόνον ἄρα εὐτυχίαν, ἀλλὰ καὶ εὐπραγίαν, ὡς ἔοικεν, ἡ ἐπιστήμη παρέχει ἐν πάσῃ κτήσει τε καὶ πράξει,* т. е. отъ знанія зависитъ не только внѣшняя удача, но и внутреннее достоинство самого дѣла. Противуположеніе между *εὐτυχία* и *εὐπραγία* (въ этомъ смыслѣ) доселѣ остается главнымъ двигателемъ практической философіи.

— Такъ ради Зевса! — сказалъ я — какая польза въ прочихъ-то пріобрѣтеніяхъ — безъ разумѣнія и мудрости [43])? Развѣ
человѣкъ, много пріобрѣтшій и много дѣлающій, но ума
не имѣющій, выгадаетъ больше, чѣмъ человѣкъ мало пріоб-
рѣтшій и мало дѣлающій? Ты на то смотри: вѣдь менѣе
дѣйствуя, онъ менѣе погрѣшаетъ, а когда менѣе погрѣ- C.
шаетъ, то ему менѣе бываетъ плохо [44]), а ежели ему ме-
нѣе плохо, то онъ менѣе бѣдствуетъ.

— Конечно, сказалъ онъ.

— Теперь въ которомъ же изъ двухъ положеній будетъ кто нибудь меньше дѣйствовать: когда онъ бѣденъ, или богатъ?

— Когда бѣденъ, говоритъ.

— А когда немощенъ, или крѣпокъ?

— Когда немощенъ.

— Когда въ чести, или въ безчестіи?

— Въ безчестіи.

— Ну а будучи мужественнымъ меньше онъ дѣйствуетъ, или будучи робкимъ?

— Робкимъ.

— Не такъ ли, что и праздному это болѣе свойственно, чѣмъ труженику [45])? — Согласился.

— И медлителю болѣе, чѣмъ быстрому, и тупо ви-
дящему и слышащему скорѣе, чѣмъ обладающему острымъ
зрѣніемъ и слухомъ? — Во всемъ этомъ мы согласились между D.
собою.

— Вообще же, Клиній, сказалъ я, оказывается, что все, признанное нами сперва за добро, не въ томъ смыслѣ должно такъ называться, чтобы оно само по себѣ уродилось добрымъ [46]), но, какъ видно, дѣло въ томъ, что когда всѣмъ этимъ управляетъ невѣдѣніе, то изъ двухъ противуположныхъ вещей, или свойствъ одно хуже другого настолько, насколько сильнѣе оно служитъ управляющему началу, которое тутъ вѣдь — зло; если же во главѣ стоитъ разумѣніе и мудрость, то наоборотъ — одно настолько же

---

43) *ἄνευ φρονήσεως καὶ σοφίας.*

44) *ἐλάττω δὲ ἁμαρτάνων ἧττον ἂν κακῶς πράττοι.*

45) *ἐργάτης.*

46) *ὅπως αὐτά γε καθ αὑτὰ πέφυκεν ᾽αγαθά.*

E. *лучше* другого [47]); само же по себѣ ничто изъ этого ничего не стоитъ.

— Оказывается, сказалъ онъ, повидимому такъ, какъ ты говоришь.

— Такъ не приводитъ ли насъ все сказанное къ тому, что изъ прочаго-то ничто не есть ни добро, ни зло, а вотъ изъ этихъ то двухъ [48]) мудрость есть добро, а невѣдѣніе —зло —Согласился.

282. Теперь еще, сказалъ я, разсмотримъ остальное. Такъ
какъ мы всѣ стремимся быть блаженными, а оказалось, что мы становимся такими чрезъ употребленіе вещей и притомъ чрезъ употребленіе *правильное*, правильность же и удача доставляются *знаніемъ*,—то и должно, какъ видно, всякому человѣку всякимъ способомъ такъ устраивать, чтобы быть ему какъ можно мудрѣе [49])· или нѣтъ?

— Должно такъ, отвѣчалъ.

— И нужно такъ полагать, что это самое дѣло гораздо
B. болѣе, чѣмъ деньги, слѣдуетъ брать и отъ отцовъ и отъ
попечителей и отъ прочихъ друзей и отъ называющихъ себя влюбленными, какъ отъ иностранцевъ, такъ и отъ согражданъ,—прося и умоляя ихъ подѣлиться мудростью, и ничего тутъ, Клиній, не будетъ постыднаго и предосудительнаго ради этого служить и рабствовать и любовнику да и всякому человѣку, изъ желанія служить прекраснымъ служеніемъ — въ стремленіи стать мудрымъ. Или, говорю, это тебѣ не представляется такъ?

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что ты совершенно хорошо говоришь.

C. — Если только, Клиній, сказалъ я, мудрость подле-
житъ изученію, а не сама собою приходитъ людямъ. Это вѣдь у насъ еще не разсмотрѣно, и въ этомъ еще мы съ тобой не столковались.

— Но мнѣ то, Сократъ, сказалъ онъ, кажется, что подлежитъ изученію. — А я, какъ услыхалъ это, воскликнулъ:

— Воистину прекрасно говоришь ты, доблестнѣйшій изъ мужей [50])! И какъ хорошо ты сдѣлалъ, что избавилъ

[47]) *μεἰζω ἀγαθά.*

[48]) т.-е. *σοφία* и *ἀμαθία.*

[49]) *ὅπως ὡς σοφώτατος ἔσται.*

[50]) Это обращеніе къ ***мальчику*** явно отмѣчено добродушною ироніей, которая бьетъ по взрослымъ, такъ же легко принимающимъ безъ критики рѣшенія труднѣйшихъ вопросовъ.

меня отъ долгаго разбора этого самого вопроса: изучима, или не изучима мудрость. Ну а теперь, такъ какъ ты полагаешь, что она и изучима, и притомъ одна на всемъ
свѣтѣ дѣлаетъ человѣка блаженнымъ и благополучнымъ, D.
то вѣдь ничего другого тебѣ не остается, какъ признать, что необходимо заниматься философіею, и самому имѣть на умѣ это дѣлать.

— Ну конечно, Сократъ, сказалъ онъ,—какъ оно и подобаетъ всего болѣе.

И я, услыхавъ это съ наслажденіемъ:

— Вотъ, говорю, Діонисодоръ и Евтидемъ, мой образчикъ того, какимъ я желаю, чтобы было увѣщательное слово, — такое, можетъ быть простоватое и съ трудомъ развиваемое въ подробностяхъ [51]); вы же, что изъ двухъ выберете: или покажите намъ то же самое въ своей ис-
кусной обработкѣ, или, если это вамъ не угодно, покажите E.
мальчику по порядку съ того мѣста, гдѣ я остановился,— должно ли ему пріобрѣтать всѣ познанія, или же есть такое одно, которое необходимо дѣлаетъ своего обладателя счастливымъ и добрымъ человѣкомъ, и какое это именно знаніе. Для насъ-то, какъ я сказалъ сначала, очень важно, чтобы этотъ юноша сталъ мудрымъ и добрымъ.

Такъ вотъ, Критонъ, сказалъ я такія слова, а самъ 283.
обратилъ все свое вниманіе, — что за этимъ послѣдуетъ, примѣчая, какимъ бы способомъ они принялись за слово и съ чего бы начали свои увѣщанія юношѣ упражняться въ мудрости и добродѣтели. Такъ вотъ старшій изъ двухъ, Діонисодоръ, первый началъ слово, и мы всѣ смотрѣли на него, какъ имѣющіе тотчасъ же услышать вещи весьма
удивительныя, что насъ и постигло; ибо диковинную нѣ- B.
кую рѣчь завелъ этотъ мужъ, и тебѣ, Критонъ, стоитъ послушать, какъ эта рѣчь внушительно побуждала къ добродѣтели.

— Скажи мнѣ, такъ онъ началъ, — ты, Сократъ, и вы прочіе, желающіе, по вашимъ словамъ, чтобы этотъ юноша сталъ мудрымъ, шутите ли вы, говоря это, или воистину желаете и стараетесь?

Тутъ я подумалъ, что они-то уже сначала полагали, что мы шутимъ, приглашая ихъ разсуждать съ мальчикомъ, и
потому-то лишь играли словами, не говоря дѣла [52]); ну и C.

[51]) *ἰδιωτικόν ἴσως καὶ μόλις διὰ μακρῶν λεγόμενον.*

[52]) *καὶ διὰ ταῦτα προσεπαισάτην τε καὶ οὐκ ἐσπουδασάτην*

подумавши это, я сталъ еще сильнѣе утверждать, что мы чрезвычайно какъ далеки отъ шутки въ этомъ дѣлѣ [53]).— А Діонисодоръ:

— Ну смотри, говоритъ, Сократъ, какъ бы тебѣ не пришлось отречься отъ того, что ты теперь высказываешь.

— Да я ужь прежде посмотрѣлъ, сказалъ я, чтобы не пришлось когда нибудь отрекаться.

— Такъ въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, вы утверждаете, что хотите, чтобы онъ сталъ мудрымъ?

— Всеконечно.

— А теперь-то, говоритъ, Клиній мудръ, или нѣтъ?

— Ну объ этомъ онъ ничего не утверждаетъ: онъ
D. же не хвастунъ.

— А вы-то, говоритъ, хотите, чтобы онъ сталъ мудрымъ, неучемъ же не былъ?—Мы согласились.

— Значитъ вы хотите, чтобы онъ сталъ такимъ, какимъ онъ не существуетъ, а каковъ онъ есть—пересталъ бы существовать.—Услышавъ это, я смутился, онъ же, подмѣтивъ мое замѣшательство:

Такъ желая, говоритъ, чтобы онъ вовсе не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь есть, развѣ вы чего другого желаете, какъ не того, чтобы онъ погибъ? Много же стоятъ такіе друзья и поклонники, которымъ прежде всего нужно, чтобы ихъ любимецъ сгинулъ!

E. Услышавъ же это, Ктесиппъ разсердился изъ за мальчика и воскликнулъ:

— Ну туріяскій гость! еслибы не было это слишкомъ неучтиво, я бы отвѣтилъ тебѣ по головѣ, счего ты взялъ налгать на меня и на прочихъ такое дѣло, что и сказать, я думаю, нечестиво,—будто я хотѣлъ бы вотъ ему погибнуть [54]).

— Какъ же это, Ктесиппъ, сказалъ тутъ Евтидемъ, или ты думаешь, что возможно лгать?

Ей-богу, говоритъ, если я только не сошелъ съума.

— И что же, приэтомъ высказывался тотъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, или не высказывается?

284. — Высказывается.

[53]) *оτι θαυμαστῶς σπουδάζοιμεν.*

[54]) И въ греческомъ подлинникѣ слова Ктесиппа носятъ замѣтный отпечатокъ какъ его неспокойнаго характера вообще, такъ и того возбужденія, въ которое онъ былъ приведенъ нелѣпою остротой софиста.

— А когда это высказывается, вѣдь не другое говорится, какъ то самое, что говорится [55]).

— Какъ это? сказалъ Ктесиппъ.

— Да вѣдь это же самое, что высказывается, есть нѣчто, одно изъ существующаго, отдѣльно отъ прочаго.

— Конечно.

— Значитъ, кто это высказываетъ, тотъ высказываетъ существующее?

— Да.

— Но вѣдь тотъ, кто высказываетъ существующее, то, что есть,—говоритъ истину; такъ что Діонисодоръ, ежели высказываетъ то, что есть, говоритъ истину и ничего на тебя не налыгаетъ.

— Да, сказалъ Ктесиппъ; но вѣдь тотъ, кто говоритъ такія вещи,[56]) Евтидемъ, высказываетъ не существу- B.
ющее.—А Евтидемъ на это:

— Да несуществующее то,—вѣдь его нѣтъ, не такъ ли?

— Такъ.

— Значитъ несуществующее нигдѣ не бываетъ? [57]).

— Нигдѣ.

— Такъ развѣ можетъ кто бы то ни было съ этимъ [58]) дѣйствовать такъ, чтобы сдѣлать это самое—нигдѣ не существующее?

— Не думаю, сказалъ Ктесиппъ.

— Ну а какъ же? Риторы, когда говорятъ въ народномъ собраніи, развѣ не дѣйствуютъ?

— Дѣйствуютъ, говоритъ.

— А если дѣйствуютъ, то значитъ и дѣлаютъ что C.
нибудь? [59]).

— Да.

[55]) *οὐκ ἄλλο λέγει (τῶν ὄντων) ἢ ἐκεῖνο ὅπερ λέγει.* Слова поставленные Шанцемъ въ скобки, какъ вставка, мною не переведены.

[56]) *ἀλλ' ὁ ταῦτα λέγων.*

[57]) Въ прежнихъ изданіяхъ сложѣе: *ἄλλο τι οὖν ουδαμοῦ τά γε μὶη ὄντα ὄντα εστὶν*; (значитъ несуществующее нигдѣ не бываетъ существующимъ). Шанцъ справедливо отмѣтилъ второе *ὄντα* какъ вставку.

[58]) Послѣ *περὶ ταῦτα* въ прежнихъ изданіяхъ пояснительная вставка *τὰ μὴ ὄντα,* которую не перевожу, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ текстъ и безъ того имѣетъ *τὰ μὴδαμοῦ ὄντα.*

[59]) *Οὐκοῦν εἴπερ πράττουσιν, καὶ ποιοῦσι;*—Различіе между *ποιεῖν* и *πράττειν* не можетъ быть передано по русски съ полною точностью. Ср. діалогъ *Хармидъ* (I томъ).

— Значитъ говорить есть дѣйствовать и дѣлать?— Согласился.

— Такъ значитъ, сказалъ тотъ, несуществующаго никто не говоритъ; потому что говоря это, онъ уже дѣлалъ бы нѣчто, а ты согласился, что не существующаго никто не можетъ дѣлать; такъ что по твоему же слову никто не говоритъ лжи, но ежели Діонисодоръ говоритъ, то говоритъ истину и о томъ, что есть [60]).

— Ей-богу, Евтидемъ! воскликнулъ Ктесиппъ—говоритъ-то онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ о томъ, что есть, да не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно есть [61]).

— Какъ ты это разумѣешь, Ктесиппъ?—сказалъ Діонисодоръ: развѣ бываютъ такіе, что говорятъ о предметахъ
D. такъ, каковы они въ самомъ дѣлѣ? [62]).

— Конечно, бываютъ, сказалъ тотъ: именно всѣ порядочные люди, и всѣ говорящіе правду.

— Какъ такъ?—говоритъ—развѣ хорошее не находится въ самомъ хорошемъ состояніи, а дурное—въ дурномъ [63]).—Согласился.

— А порядочные-то люди, какъ ты признаешь, говорятъ о предметахъ такъ, каковы они въ самомъ дѣлѣ?

— Признаю.

— Значитъ, Ктесиппъ, порядочные-то люди, о дурномъ говорятъ дурно, если только они говорятъ о дѣлѣ, какъ оно есть.

— Да, ей-богу, сказалъ тотъ,—особенно о дурныхъ людяхъ,—къ нимъ же ты, если меня послушаешь, остере-
E. жешься принадлежать, чтобы хорошіе люди не говорили о тебѣ дурно; такъ какъ въ этомъ-то ты будь увѣренъ, что хорошіе люди о дурныхъ говорятъ дурно.

— И о высокихъ, сказалъ Евтидемъ, говорятъ они высоко [64]), и о горячихъ—горячо.

---

60) *τἀληθῆ τε καὶ τὰ ὄντα λέγει.* По смыслу слѣдующаго за этимъ возраженія Ктесиппа необходимо было перевести по русски *τὰὄντα* не винительнымъ падежомъ, а съ помощью предлога.

61) *ἀλλὰ τὰ ὄντα μὲν τρόπον τινὰ λέγει, οὐ μέντοι ὥςγε ἔχει.*

62) *εἰσὶν γάρ τινες,οἳ λέγουσι τὰ πράγματα ὡς ἔχει*; болѣе широкое въ греческомъ языкѣ. чѣмъ у насъ, употребленіе глагола *Λέγειν* съ винительнымъ падежемъ (гдѣ мы говоримъ о солнцѣ, грекъ могъ прямо *τὸν ἥ λιον λέγειν*) облегчало софисту его игру словами, какъ сейчасъ увидимъ.

63) *τἀγαθὰ οὐκ εὖ ἔχει, τὰ δὲ κακὰ κακῶς;*

64) букв. о великихъ—велико (*τοὺς μεγάλους μεγάλως λέγουσι*).

— Въ высочайшей степени такъ, сказалъ Ктесиппъ,— а людей съ остылымъ умомъ называютъ постылыми, такъ же какъ и разсужденіе ихъ [65]).

— Бранишься ты, Ктесиппъ, сказалъ Діонисодоръ, бранишься!

— Ей-богу, нѣтъ, сказалъ тотъ, потому что я тебя люблю, Діонисодоръ, и вразумляю какъ пріятель, стараясь внушить тебѣ, чтобы ты никогда передо мною не говорилъ такъ дико, будто я желаю погибели тѣмъ, которыхъ я больше всего цѣню. 285.

Тутъ я, находя ихъ слишкомъ грубо настроенными другъ противъ друга, обратился съ шуткой къ Ктесиппу, говоря:

— Мнѣ кажется, Ктесиппъ, нужно намъ принимать отъ гостей, что они захотятъ дать [66]), и не расходиться изъ за словъ; потому что если они умѣютъ такъ губить людей, чтобы изъ дурныхъ и безразсудныхъ дѣлать ихъ хорошими и разумными, сами ли они это нашли, или отъ кого другого научились этому разрушенію и истребленію, B.
чтобы погубивъ человѣка дурнымъ, снова явить его хорошимъ; если они это умѣютъ,—а ясно, что умѣютъ: вѣдь они уже сказали, что у нихъ есть это новонайденное искусство дѣлать людей хорошими изъ дурныхъ,—такъ предоставимъ имъ это, чтобы они погубили мальчика и сдѣлали его умнымъ, а также и насъ всѣхъ прочихъ. Если C.
же вы, молодые, боитесь, то пусть вся опасность будетъ на мнѣ, какъ на Карійцѣ [67]); такъ какъ я, будучи уже и старъ, готовъ отважиться и отдаю себя этому Діонисодору, какъ бы Колхійской Медеѣ: пусть онъ погубитъ меня, а если хочетъ, то и сваритъ,—пусть что хочетъ, то и дѣлаетъ,—лишь бы потомъ явилъ меня настоящимъ человѣкомъ.

---

65) *τους γοῦν ψυχροὺς ψυχρῶς λέγουσί τε καὶ φασὶν διαλέγεσθαι.* Сознаю смѣлость своего перевода, но въ извиненіе могу сказать, что въ лучшихъ мнѣ извѣстныхъ переводахъ (не исключая и превосходнаго Шлейермахера) это мѣсто передано еще дальше и отъ подлинника и отъ здраваго остроумія, которое впрочемъ и авторъ діалога менѣе всего имѣлъ въ виду представить въ этой перебранкѣ.

66) *᾿Εμοὶ μὲν δοκεῖ χρῆναι ἡμᾶς παρὰ τῶν ξένων δέχεσθαι (ἃ λέγουσιν), ἂν ἐθέλωσι διδόναι* Нелѣпую вставку, заключенную Шанцемъ въ скобки, оставляю безъ перевода.

67) Карійцы, какъ наемныя войска, выставлялись въ опасныхъ случаяхъ преимущественно передъ гражданами.

— Да я, Сократъ, и самъ готовъ, сказалъ Ктесиппъ,
D. предоставить себя гостямъ, чтобы они драли [68]) меня если угодно, еще больше, чѣмъ теперь дерутъ, лишь бы это дранье кончилось для меня не пустымъ мѣшкомъ какъ для Марсіаса [69]), а добродѣтелью. Хотя Діонисодоръ думаетъ, что я на него сержусь, но я не сержусь, а возражаю на то, что, мнѣ кажется, онъ не ладно противъ меня говоритъ. Но ты, благородный Діонисодоръ, обратился онъ къ нему, не называй противорѣчія бранью, потому что брань есть нѣчто другое.

А на это Діонисодоръ:

— По твоимъ словамъ, Ктесиппъ, противорѣчіе какъ будто существуетъ?

E. — Да конечно, говоритъ, и очень существуетъ; а ты, Діонисодоръ, развѣ не думаешь, что бываетъ противорѣчіе?

— Однако, ты мнѣ не могъ бы показать, что слышалъ когда нибудь, чтобы кто нибудь противорѣчилъ кому нибудь другому.

— Правду говоришь, сказалъ тотъ. Но *теперь*-то я это слышу и тебѣ показываю, когда Ктесиппъ противорѣчитъ Діонисодору. [70])

— Ты въ самомъ дѣлѣ поддержалъ бы это свое заявленіе?

— Конечно, говоритъ.

— Такъ какъ же? сказалъ тотъ: о каждомъ существующемъ вѣдь есть слова [71])?

— Конечно.

— И вѣдь о томъ, какъ оно есть,—или какъ не есть?

— Какъ есть.

286. — Вѣдь если ты помнишь, Ктесиппъ, мы уже пока-

[68]) *Δέρειν*, дальше и существ. *δορά*.

[69]) Извѣстный миѳъ объ эагровомъ сынѣ Марсіасѣ, изобрѣтателѣ флейты, который состязался въ музыкѣ съ Аполлономъ, побѣдившимъ его и сдѣлавшимъ тимпакъ изъ его содранной кожи.

[70]) Такъ какъ собесѣдникъ его только цѣпляется за слова, то Ктесиппъ уступаетъ ему относительно прошедшаго времени (*οὔκουν ἀποδείξαις πώποτε ἀκούσας*: вовсе не зная прежде этого софиста, онъ не могъ ему ничего и показывать: но теперь уже самый споръ ихъ доказываетъ дѣйствительность того, что софистъ признаетъ невозможнымъ (*αλλὰ ἀκόνων μὲν νῦνί σοι ἀποδέικνυμι*.

[71]) *Εἰσὶν ἑκάστω τῶν ὄντων λόγοι*;

зали, что никто не говоритъ, какъ не есть; потому что несуществующаго никто не проявлялъ въ словѣ.

— Это какъ же такъ?—тотъ-то воскликнулъ Ктесиппъ: развѣ мы не противорѣчимъ другъ другу, я и ты?

— Ну а развѣ, говоритъ, мы противорѣчили бы другъ другу, если бы высказывали оба смыслъ одного и того-же дѣла [72]): развѣ въ такомъ случаѣ мы не говорили бы одного и того же?—Согласился.

— Ну а еслибы, продолжалъ тотъ, ни одинъ изъ насъ не высказывался о смыслѣ дѣла, развѣ могли бы мы тогда противорѣчить другъ другу: вѣдь такимъ образомъ ни одинъ B.
изъ насъ даже не поминалъ бы объ этомъ предметѣ. И съ этимъ согласился.

— Ну, а когда я-то высказываю смыслъ этого дѣла, твои же слова выражаютъ другой смыслъ чего нибудь другого, противорѣчимъ ли мы тогда другъ другу? не выходитъ ли тогда, напротивъ, что я-то говорю объ извѣстномъ дѣлѣ, а ты вовсе о немъ не говоришь; а не говорящій какъ можетъ противорѣчить говорящему?

И Ктесиппъ тутъ ничего не отвѣчалъ; я же, удив- C.
ляясь этимъ словамъ,

— Какъ, говорю, ты это разумѣешь, Діонисодоръ? Вѣдь это разсужденіе я отъ многихъ и часто слыхалъ, и всегда ему удивляюсь. Этотъ вѣдь пріемъ употребляли и тѣ, что шли за Протагоромъ, да еще и болѣе древніе; мнѣ же оно всегда казалось какимъ то удивительнымъ, опровергающимъ и другихъ и самого себя; думаю однако что въ его истинности я всего лучше могу убѣдиться чрезъ тебя. Дѣло въ томъ, что нельзя произносить ложь: тутъ вѣдь вся сила этого разсужденія; не такъ ли? Но говорящій или говоритъ истину, или ничего не говоритъ?—Согласился.

— Ну а можетъ быть, хотя нѣтъ того, чтобы говорить ложь, однако есть то, чтобы высказывать мнѣніе [73])? D.

Нѣтъ, говоритъ, и это невозможно.

— Такъ что, сказалъ я, никакого ложнаго мнѣнія вовсе не существуетъ?—Не допустилъ и ложнаго мнѣнія.

— Значитъ не существуетъ и невѣжества и невѣже-

[72]) *Πότερον οὖν, ἦ δ᾽ὅς, ἀντιλέγοιμεν ἂν τὸν τοῦ ἀυτοῦ πράγματος λόγον ἀμφότεροι λέγοντες*;—членъ *τὸν*, отсутствующій въ прежнихъ изданіяхъ, основательно вставленъ Шанцемъ

[73]) *Δοξάζειν*.

ственныхъ людей? Не въ томъ ли и было бы невѣжество,— еслибы оно было,—чтобы имѣть ложныя мнѣнія о вещахъ?

E. — Конечно, сказалъ онъ.

— Но вѣдь этого не существуетъ, сказалъ я.

— Не существуетъ.

— Говоришь ли ты это, Діонисодоръ, только для разговора, какъ примѣръ нелѣпости, или въ самомъ дѣлѣ думаешь, что нѣтъ ни одного невѣжды между людьми?

— Да ты опровергни, сказалъ онъ.

— А развѣ это бываетъ, по твоему-то разсужденію— опровергать,—когда вѣдь никто не лжетъ?

— Не бываетъ, сказалъ Евтидемъ.

— А развѣ сейчасъ Діонисодоръ не требовалъ опровергать?

— Нѣтъ: какъ же можно требовать того, что не существуетъ; ты развѣ требуешь? [74])

— Хотя, Евтидемъ, сказалъ я, и не совсѣмъ я понимаю эти мудрыя и прекрасныя слова, но кой-что будто смекаю. Извини, если спрошу у тебя нѣчто, быть можетъ, слишкомъ трудное. Слушай: если нельзя ни лгать, ни имѣть ложнаго мнѣнія, ни быть невѣжественнымъ, то не иначе

287. выходитъ, что нельзя и погрѣшить, когда кто дѣлаетъ что нибудь: дѣлающій вѣдь не можетъ ошибаться въ томъ, что дѣлаетъ; не такъ ли вы утверждаете?

— Конечно, сказалъ онъ.

— Вотъ это и есть, говорю, трудный-то вопросъ. Вѣдь если мы не погрѣшаемъ ни въ дѣйствіяхъ, ни въ рѣчахъ, ни въ мысляхъ,—вы-то, ради Зевса, при такомъ положеніи, къ кому сюда пришли въ учителя? Или вы не заявили что можете лучше всѣхъ людей преподать добро-

B. дѣтель желающему научиться?

— Вотъ ты, Сократъ, какой Кощей безсмертный [75]),

[74]) Въ прежнихъ изданіяхъ вопросъ Сократа сливался съ отвѣтомъ Діонисодора въ одну фразу, произносимую послѣднимъ, такимъ образомъ: Да я и не требовалъ, чтобы ты опровергалъ, сказалъ Діонисодоръ: какъ можетъ кто нибудь требовать того, что не существуетъ.

[75]) *οὕτως εἶ Κρόνος*. Я нахожу неудобнымъ передавать собственное имя нарицательнымъ прилагательнымъ (какъ напр. у Шлейермахера: bist du so altväterisch) потому что этимъ измѣняется характеръ рѣчи. Съ другой стороны переводъ буквальный: „экій ты Кроносъ!“ былъ бы непонятенъ и тѣмъ самымъ тоже невѣренъ подлиннику, гдѣ это выраженіе употреблено какъ ходячее. Слѣдовательно оставалось поискать общеизвѣстнаго русскаго имени и образа, соотвѣтствующаго Кроносу. Думаю,

подхватилъ Діонисодоръ: вспоминаешь ли то, что мы и прежде говорили,—не вспоминаешь еще прошлогодняго рѣчи?—а съ тепершнимъ-то разговоромъ видно ничего не подѣлаешь? [76])

— Да ужь очень трудны ваши рѣчи, сказалъ я; оно и понятно: такіе мудрецы говорятъ!

Вотъ и это самое, что ты сейчасъ сказалъ, чрезвычайно трудно приложить къ дѣлу. А именно, что ты разумѣешь, Діонисодоръ, говоря: „ничего не подѣлаешь“? Или то, что я не могу опровергнуть твоего разсужденія? А нѣтъ, такъ скажи, какой же еще разумъ въ этой твоей рѣчи: C.

„ничего не подѣлаешь съ какимъ нибудь разсужденіемъ“? [77])

— Но что ты-то вотъ говоришь, сказалъ онъ, съ этимъ не очень ужь трудно что нибудь сдѣлать... [78]) Поэтому отвѣчай.

— Какъ, говорю, Діонисодоръ: прежде, чѣмъ ты отвѣтилъ?

— Такъ не отвѣчаешь? сказалъ онъ.

— Ну развѣ это справедливо?

— Да справедливо же, говоритъ.

— На какомъ основаніи? [79]) спросилъ я; или ясно на томъ, что ты вотъ теперь пришелъ къ намъ, какъ человѣкъ всемудрый въ рѣчахъ, и знаешь, когда нужно отвѣчать, и когда нѣтъ, и теперь вотъ ничего не отвѣчаешь, какъ знающій, что не нужно? D.

— Болтаешь, сказалъ онъ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать. Но, добрѣйшій, послушайся и отвѣчай, разъ ужь ты призналъ меня мудрымъ.

— Нужно послушаться, сказалъ я, и по необходимости, какъ видно: ты вѣдь здѣсь начальствуешь [80]); такъ спрашивай.

что Кощей Безсмертный удовлетворяетъ этому требованію: миѳологически онъ по существу тождественъ съ Кроносомъ.

[76]) *Τοῖς δ᾽ ἐν τῷ παρόντι λεγομένοις οὐχ ἕξεις ὅ τι χρῇ*. Послѣ *λεγομένοις* Шанцъ вставляетъ *λόγοις* въ связи съ послѣдующею ссылкой самого Сократа на это свое выраженіе.

[77]) *ἐπεὶ εἰπέ, τί σοι ἄλλο νοεῖ τοῦτο τὸ ῥῆμα, τὸ οὐκ ἔχω ὅτι χρήσωμαι τοῖς λόγοις;*

[78]) или: этимъ не очень ужь трудно *воспользоваться τούτῳ γ᾽ οὐ πάνυ χαλεπὸν χρῆσθαι.*

[79]) *κατὰ τίνα λόγον;*

[80]) Сократъ поддерживаетъ фикцію, что онъ поступаетъ въ школу къ братьямъ-софистамъ.

— Какія существа мыслятъ: имѣющія душу, или также
и бездушныя?

— Имѣющія душу.

— Ну а знаешь ты такую рѣчь, которая бы имѣла
душу.

— Нѣтъ ей-Богу!

— А что же ты спрашивалъ, какой разумъ въ моей
E. рѣчи?

— Что же мнѣ другое на это сказать, отвѣчалъ я,
кромѣ того, что и по глупости ошибся? Или не ошибся,
но и тутъ сказалъ правильно, говоря что рѣчи имѣютъ
разумъ? [81]) Что же изъ двухъ ты признаешь: ошибся я,
или нѣтъ? Вѣдь если я не ошибся, то ты, хотя мудрецъ,
меня не опровергнешь и ничего не подѣлаешь съ моимъ
словомъ; а если я ошибся, то и тутъ ты неправильно го-
288. воришь, утверждая, что нельзя ошибаться,—а это я го-
ворю ужь не противъ прошлогодняго. Но видно, сказалъ
я, это разсужденіе, Діонисодоръ и Евтидемъ, остается все
въ томъ же положеніи и, какъ въ старину, низвергая само
падаетъ, и противъ этого его свойства ничего не найти
даже въ вашемъ искусствѣ, столь удивительномъ почасти
точности реченій,—Тутъ воскликнулъ Ктесиппъ:

— Удивительныя вы говорите вещи, мужи Турійскіе,
B. или Хіосскіе, или какъ и по какому мѣсту вамъ пріятнѣе
называться: удивительно какъ беззаботно вы говорите
вздоръ!—А я, опасаясь, чтобы не вышло ссоры, опять
укрощая Ктесиппа, сказалъ:

— Вотъ и теперь, что я говорилъ Клинію, то же са-
мое говорю и тебѣ, Ктесиппъ: не знаешь ты мудрости
этихъ гостей, насколько она удивительна; только не хо-
C. тѣли они показать ее намъ взаправду, а подражали Протею,
египетскому софисту. [82]) Ну такъ мы уподобимся Менелаю,
и не отстанемъ отъ этихъ мужей, пока они намъ не по-
кажутъ, въ чемъ ихъ настоящая мысль: думаю, что они
явятъ что нибудь необычайно прекрасное, когда начнутъ

---

[81]) *ὅτι νοεῖ τα ῥήματα.* Софистъ пользуется здѣсь двоякимъ употребленіемъ слова *νοεῖν* какъ въ смыслѣ разумѣть (мыслить), такъ и въ смыслѣ разумѣться, означать; точно передать эту игру словами по русски невозможно.

[82]) Это платоновское сравненіе съ оборотнемъ Протеемъ отлично подходитъ не только къ представленной здѣсь софистикѣ, но и къ настоящей діалектикѣ.

говорить по настоящему; но будемъ же просить и угова-
ривать и умолять ихъ явить это. А я самъ опять полагаю
предуказать имъ, какъ я желалъ бы, чтобы они явились
мнѣ. Такъ на чемъ я прежде остановился попробую оттуда
по порядку, на сколько могу пройти весь рядъ мыслей, не D.
вызову ли я ихъ, чтобы, пожалѣвъ и помиловавъ меня
усердствующаго и старающагося, они и сами постарались.

Ты же, Клиній, продолжалъ я, напомни мнѣ, гдѣ мы
тогда остановились. Я думаю вотъ гдѣ: мы подъ конецъ
согласились, что нужно философствовать; такъ вѣдь?

— Да, сказалъ онъ.

— А философія—пріобрѣтеніе знанія, не такъ ли?
говорю.

— Да, говоритъ.

— Ну а какое знаніе пріобрѣтая, мы правильно E.
пріобрѣтали бы? Не просто ли дѣло, что то, которое намъ
выгодно?

— Конечно, сказалъ онъ.

— Ну а было ли бы намъ выгодно, еслибы мы знали,
обходя всякія мѣста, развѣдывать, гдѣ всего больше за-
рыто золота?

— Можетъ быть, говоритъ.

— Но вѣдь прежде, сказалъ я, мы доказали, что ни-
чего бы не выгодали, еслибы даже безъ всякихъ хлопотъ
и безъ раскопокъ въ землѣ все превращалось бы для насъ
въ золото; такъ что если бы мы знали, какъ дѣлать зо- 289.
лото изъ простыхъ камней, это знаніе ничего бы не стоило;
потому что еслибы мы при этомъ не знали еще и того,
какъ примѣнять къ дѣлу золото, то никакой бы отъ него
не было пользы; или не помнишь? сказалъ я.

— Отлично помню, говоритъ.

— И въ прочемъ знаніи, кажется, не бываетъ пользы,
ни въ экономическомъ, ни во врачебномъ, ни въ какомъ
бы то ни было,—которое знаетъ что нибудь производить, а
пользоваться произведеннымъ—нѣтъ; не такъ ли.—Под-
твердилъ.

— И даже еслибы было такое знаніе, чтобы дѣлать B.
людей безсмертными, то безъ знанія, что дѣлать изъ своего
безсмертія,—и тутъ нельзя признать никакой пользы, если
только примѣнить тѣ доказательства, на которыхъ мы
согласились.—Все это онъ подтвердилъ.

— Значитъ, милое дитя, сказалъ я, намъ нужно та-

кое познаніе, въ которомъ совпадаетъ и то, чтобы дѣлать и то, чтобы умѣть пользоваться тѣмъ, что дѣлаешь.

— Явно такъ, говоритъ.

C. — Значитъ, какъ видно, намъ нисколько нѣтъ необходимости быть хорошими дѣлателями лиръ и стремиться къ такому умѣнью. Ибо здѣсь искусство произведенія и искусство употребленія произведеннаго существуютъ порознь [83]), такъ какъ одно дѣло соорудить лиру, и другое дѣло—играть на лирѣ; не такъ ли?—Подтвердилъ.

— Ясно, что мы не нуждаемся и въ искусствѣ дѣлать флейты, —вѣдь это опять тоже самое. [84])—Согласился.

— Но ради боговъ, сказалъ я, еслибы мы научились искусству дѣлать рѣчи, [85]) не оказалось ли бы оно тѣмъ самымъ, обладая чѣмъ, должны мы сдѣлаться счастливыми?

— Ну этого ужъ я не думаю, сказалъ Клиній оживлено.
D. ленно. [86])

— А на какомъ основаніи? [87]) спросилъ я.

— Да потому, что вижу какъ иные дѣлатели рѣчей не умѣютъ пользоваться собственными рѣчами, которыя они сами сочинили--все равно какъ мастера, сдѣлавшіе лиры, не имѣютъ играть на нихъ. [88]) Ясно, значитъ, что

---

[83]) *ἐνταῦθα γὰρ δὴ χωρὶς μὲν ἡ ποιοῦσα τέχνη, χωρὶς δὲ ἡ χρωμένη* — за этими словами въ прежнихъ изданіяхъ слѣдовали еще *διῄρηται τοῦ αὐτοῦ πέρι*. Эта вставка отмѣчена Шанцемъ.

[84]) *καὶ γὰρ αὕτη ἑτέρα τοιαύτη.*

[85]) *εἰ τὴν λογοποικὴν τέχνην μάθοιμεν*. Вслѣдствіе многозначимости греческаго *λόγος* подъ этою *λογοπικὴ τέχνη* можетъ одинаково разумѣться какъ искусство правильно разсуждать, такъ и искусство хорошо говорить. Названіе *λογοπικὴ* такъ же сочинено ad hoc, какъ и предъидущія: *λυροποικὴ* и *αὐλοποικὴ*.

[86]) *οὐκ οἶμαι, ἔφη, ἐγώ, ὁ Κλεινίας ὑπολαβών*. Такъ какъ именно Клиній находился въ это время въ бесѣдѣ съ Сократомъ то слово *ὑπολαβὼν* не можетъ значить здѣсь ***подхватилъ, вмѣшался въ бесѣду***; а такъ какъ непосредственно предшествующія слова Сократа выражали опредѣленный и законченный вопросъ, то *ὑπολαβὼν* не можетъ значить ***перебилъ*** (рѣчь собесѣдника); очевидно это слово указываетъ на особое оживленіе, вызванное въ Клиніѣ вопросомъ Сократа и предположеніемъ, что *λογοποιοί*, о которыхъ спрашивается, того же рода люди, какъ эти два досадительные иностранца, которыхъ Клиній ужъ ни за что бы не захотѣлъ признать благодѣтелями человѣчества.

[87]) *τίνι τεκμηρίῳ;*

[88]) *Ὁρῶ, ἔφη, τινὰς λογοποιούς, οἳ τοῖς ἰδίοις λόγοις, οἷς αὐτοὶ ποιοῦσιν, οὐκ ἐπίστανται χρῆσθαι, ὥσπερ οἱ λυροποιοὶ ταῖς λύραις*. За этими словами, содержащими очевидный намекъ на Евтидема съ Діонисодоромъ и на ихъ недавнія разсужденія, въ прежнихъ изданіяхъ слѣдовала неумѣст-

и по части рѣчей, искусство ихъ дѣлать—само по себѣ, а искусство ими пользоваться—тоже само по себѣ.

— Кажется мнѣ, сказалъ я, что ты достаточное привелъ доказательство, что искусство словотворцевъ не есть то самое, обладая которымъ кто нибудь станетъ блаженнымъ. Я то вѣдь думалъ, что здѣсь ужъ намъ явится то
знаніе, что мы давно ищемъ. Дѣло въ томъ, что мужи- E.
то эти, словотворцы, когда схожусь съ ними, кажутся мнѣ, Клиній, сверхмудрыми, [89]) и искусство ихъ—чѣмъ-то возвышеннымъ и божественнымъ. Да и не удивительно: вѣдь оно есть часть искусства заклинаній, [90]) и развѣ немно-
гимъ ниже того; такъ какъ заклинательное-то искусство 290.
есть завораживаніе змѣй и пауковъ ядовитыхъ и скорпіоновъ и прочаго звѣрья, а также болѣзней, словесное же искусство бываетъ завораживаніемъ и зоговариваніемъ судей и народныхъ представителей и прочаго люда. [91]) Или тебѣ, сказалъ я, это кажется какъ нибудь иначе?

— Нѣтъ, сказалъ онъ, но мнѣ кажется именно такъ какъ ты говоришь.

— Такъ куда же, сказалъ, мы еще обратимся? Къ какому художеству?

—Я-то, говоритъ, не могу этого сказать.

— А я, говорю, полагаю, что нашелъ это искусство.

— Какое же именно? спросилъ Клиній. B.

— Воеводческое искусство, говорю, кажется мнѣ болѣе всего такимъ, что кто имъ обладалъ бы, —былъ бы блаженъ.

— Ну я этого не думаю.

— Почему? спросилъ я.

— Да вѣдь это въ родѣ какого-то искусства охотиться на людей.

— Такъ что же? говорю.

— Никакой родъ охоты, сказалъ онъ, не идетъ дальше того, чтобы изловить и захватить; когда же захватятъ то,

---

ная вставка, справедливо осужденная Шанцемъ и оставленная мною безъ перевода: *ἀλλὰ καὶ ἐνταῦθα ἄλλοι δυνατοὶ χρῆσθαι οἷς ἐκεῖνοι εἰργάσαντο, οἱ λυροποιεῖν αὐτοὶ ἀδύνατοι.*

[89]) *ὑπέρσοφοι.*

[90]) *ἔστι γὰρ τῆς τῶν ἐπῳδῶν τέχνης μόριον.*

[91]) *ἡ δε δικαστῶν τε καὶ ἐκκλησιαστῶν καὶ τῶν ἄλλων ὄχλων κήλησίς τε καὶ παραμυθία.* Довольно язвительное сопоставленіе народныхъ избранниковъ съ змѣями, фалангами и скорпіонами.

за чѣмъ охотятся, ничего съ нимъ сами не подѣлаютъ, но
C. звѣроловы и рыболовы передаютъ свою добычу поварамъ, опять же геометры и астрономы, и счетчика,—они вѣдь тоже охотники, потому что сами не дѣлаютъ предметовъ своихъ занятій, а отыскиваютъ то что уже существуетъ, [92]) и затѣмъ какъ неумѣющіе пользоваться своими находками, а только охотиться за ними, передаютъ ихъ для употребленія діалектикамъ, т. е. тѣ изъ нихъ, которые не совсѣмъ безсмысленны. [93])

— Отлично, прекраснѣйшій и мудрѣйшій Клиній, сказалъ я: тутъ значитъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ?

— Да конечно.

D. — Тѣмъ же самымъ способомъ, сказалъ я, и полководцы когда изловятъ городъ какой, или лагерь, передаютъ свою добычу мужамъ государственнымъ, потому что сами то не знаютъ какъ употребить въ дѣло то, что изловили въ родѣ того, я думаю, какъ охотники на куропатокъ передаютъ ихъ людямъ, откармливающимъ куропатокъ.

— Ежели, значитъ, сказалъ онъ, намъ нужно такое искусство, которое, что добудетъ,— работой ли, охотой ли,—само знаетъ, какъ этимъ пользоваться, и ежели только такое сдѣлаетъ насъ счастливыми, то нужно, говоритъ, намъ искать другое какое нибудь, а не воеводческое,

E. **Кр.** Что ты говоришь, Сократъ? Мальчикъ этотъ высказывалъ такія слова?

Сокр. А ты этого не думаешь, Критонъ?

Кр. Нѣтъ, ей богу! потому что я думаю, что ежели онъ это говорилъ, то онъ не нуждается для образованія ни въ Евтидемѣ, ни въ какомъ либо другомъ человѣкѣ.

Сокр. А вѣдь, помоги Зевсъ!—не Ктесиппъ ли это былъ—говорившій-то, а я запамятовалъ?

Кр. Какой тамъ Ктесиппъ!

291. **Сокр.** Но это ужь я навѣрно знаю, что ни Евтидемъ ни Діонисодоръ этого не говорили. Но въ самомъ дѣлѣ, чудеснѣйшій Критонъ, не присутствовалъ ли тутъ кто изъ болѣе сильныхъ и произнесъ эти слова, а что слышалъ-то я ихъ,—это ужь навѣрно.

---

[92]) Въ прежнихъ изданіяхъ здѣсь внесено въ текстъ неудачное поясненіе *τὰ διαγράμματα*.

[93]) Соотвѣтствіе этого разсужденія подлиннымъ платоновымъ мыслямъ представляется мнѣ болѣе несомнѣннымъ, нежели его умѣстность въ устахъ мальчика.

Кр. Да, ей-богу, Сократъ, и я думаю, что кто нибудь изъ сильнѣйшихъ, и на много сильнѣйшихъ. [94]). Но послѣ того какую вы еще смотрѣли науку, и нашли, или не нашли то, чего ради были эти исканія?

Сокр. Гдѣ уже тамъ, превосходнѣйшій найти! А вы- B.
шло у насъ совсѣмъ смѣшно: какъ дѣти, что гоняются за птичками [95]), думали мы каждый разъ схватить настоящую науку, а онѣ всегда улетали. Да что уже много говорить! Дойдя до *царственнаго* искусства и разсматривая его, не оно ли есть то самое, что производитъ благополучіе,—тутъ словно попавши въ лабиринтъ, думая быть уже у конца, — обернувшись, опять очутились какъ въ началѣ
исканія съ отсутствіемъ какъ разъ того самаго, чего сперва C.
искали.

Кр. Какъ же это съ вами случилось, Сократъ?

Сокр. Разскажу. Пришли мы къ тому мнѣнію, что политическое и царственное искусство есть то самое, что намъ нужно.

Кр. Ну и что же?

Сокр. Этому искусству и воеводческое и прочія передаютъ управленіе дѣлами, которыми каждое занимается, какъ единственному, умѣющему пользоваться всякими знаніями. Вотъ намъ и показалось яснымъ, что это политическое знаніе именно и есть то самое, котораго мы искали и что въ немъ причина правильной дѣятельности въ
гражданствѣ, такъ что оно прямо, какъ говорится въ сти- D.
хахъ Эсхила [96]), одно сидитъ у кормы государства, всѣмъ управляя и повелѣвая всѣмъ творить все потребное.

---

[94]) Довольно прозрачный намекъ на самого Сократа, который (по изображенію Платона) приписалъ свои мысли Клинію и уклонялся, изъ скромности, прямо въ этомъ признаться, когда ему было указано на невозможность такой ранней мудрости у мальчика. Мнѣніе позднѣйшихъ платониковъ, что подъ „кѣмъ-нибудь сильнѣйшимъ и на много сильнѣйшимъ“ слѣдуетъ разумѣть нѣкое божественное существо, Шлейермахеръ справедливо называетъ нелѣпымъ и безвкуснымъ. Объясненіе же этого мѣста у самого Шлейермахера неопредѣленно и неудовлетворительно.

[95]) *ὥσπερ τὰ παιδία τὰ τοὺς κορύδους διώκοντα.* Такъ какъ лексикографы несогласны между собою въ томъ, какую собственно птицу означаетъ *κόρυδος*, то переводчикъ долженъ былъ или поставить наудачу какое нибудь птичье названіе, (какъ сдѣлалъ Шлейермахеръ, переводящій: Schwalben), или оставить родъ птицы неопредѣленнымъ; послѣднѣе кажется мнѣ вѣрнѣе.

[96]) Хоръ въ началѣ трагедіи *семь противъ Ѳивъ*.

Кр. Такъ развѣ это не хорошо вамъ представилось, Сократъ?

Сокр. Ты будешь судить, Критонъ, если захочешь дослушать. Послѣ того, что сейчасъ сказано, опять мы разсуждали приблизительно такъ: ну-ка, а начальствующее надъ всѣмъ, царственное искусство какое оно намъ производитъ дѣло? или никакого?—Во всякомъ случаѣ ужь
E. какое нибудь да производитъ, сказали мы другъ другу. Ну а ты, развѣ не сказалъ бы того же, Критонъ?

Кр. Конечно.

Сокр. Ну на какое же ты дѣло укажешь для этого искусства? Какъ еслибъ я тебя спрашивалъ про врачебное искусство, какъ завѣдующее всѣмъ, чѣмъ оно завѣдуетъ, — какое оно дѣло производитъ, не сказалъ ли бы ты, что здоровье?

Кр. Конечно.

Сокр. Ну а ваше искусство, земледѣліе[97]); распоряжаясь всѣмъ, чѣмъ оно распоряжается, что производитъ?
292. Развѣ не скажешь, что оно доставляетъ намъ всякое продовольствіе изъ земли?

Кр. Конечно.

Сокр. Ну а царственное то искусство, начальствуя надо всѣмъ, надъ чѣмъ оно начальствуетъ, что собственно производитъ? На это, пожалуй, ты не очень то готовъ отвѣтить.

Кр. Ей-богу такъ, Сократъ.

Сокр. Да вѣдь и мы тоже[98]), Критонъ. Но настолько то знаешь ты, что ежели оно есть то самое, котораго мы ищемъ, то оно должно быть полезно.

Кр. Конечно.

Сокр. Такъ не должно ли оно доставлять намъ нѣкое благо?

Кр. Необходимо, Сократъ.

Сокр. А насчетъ блага мы съ Клиніемъ ужь согла-
B. сились, что оно есть не что иное, какъ нѣкоторое знаніе.

Кр. Да, ты это говорилъ.

Сокр. Прочія то дѣла, какія приписалъ бы кто нибудь политикѣ,—а ихъ будетъ не мало, какъ то: дѣлать гражданъ богатыми, и свободными, и безмятежными — все это

97) Критонъ былъ богатымъ землевладѣльцемъ.

98) *Οὐδὲ γὰρ ἡμεῖς.*

оказалось ни зломъ, ни добромъ, а должна политика дѣлать гражданъ мудрыми и сообщать имъ знаніе, если быть ей тѣмъ самымъ искусствомъ, приносящимъ пользу и дѣлающимъ людей счастливыми. C.

Кр. Такъ. По твоему разсказу вы вѣдь въ этомъ тогда согласились.

Сокр. Такъ значитъ царственное искусство[99]) дѣлаетъ людей мудрыми и добрыми.

Кр. Что же этому мѣшаетъ?

Сокр. Однако всѣхъ ли и во всемъ добрыми? И сообщается ли этимъ самымъ искусствомъ всякое знаніе: и сапожническое, и плотничье и всѣ прочія?

Кр. Ну не думаю, Сократъ.

Сокр. Ну такъ какое же знаніе? Къ чему приложи-
мое? Такъ какъ оно вѣдь не должно быть производителемъ D
никакого дѣла изъ тѣхъ, что ни злы ни добры, и никакого другого знанія оно не должно передавать кромѣ себя самого. Такъ намъ нужно сказать, что такое это самое знаніе, и къ чему оно приложимо? Хочешь, скажемъ, Критонъ, что оно есть то, силою котораго мы сдѣлаемъ другихъ добрыми?

Кр. Конечно.

Сокр. А кто будетъ у насъ въ добрыхъ, кто въ полезныхъ? Или скажемъ еще, что тѣ, которые другихъ дѣлаютъ добрыми, а эти другіе—опять другихъ? А въ чемъ они всѣ добры, никакъ намъ не объявится такъ какъ об-
щепризнанныя то дѣла политики мы отвергли, и выйдетъ E.
тутъ просто сказка про бѣлаго бычка[100]), и, какъ я говорилъ, столько же, сколько прежде, а то и еще больше будемъ мы далеки отъ знанія, что это за наука такая, которая сдѣлала бы насъ счастливыми.

Кр. Да, ей-богу, Сократъ! Въ большое вы попали недоумѣніе, какъ видно.

99) *ἡ Βασιλική*. Во всемъ этомъ разсужденіи Сократъ для обозначенія этого высшаго искусства попеременно и безразлично употреблялъ два слова *πολιτική* и *Βασιλική*: для него вся политическая мудрость заключается въ умѣньи царствовать,—взглядъ болѣе характерный для Платона, нежели для Сократа.

100) *ἀλλ᾽ ἀτεχνῶς τὸ λεγόμενον ὁ Διὸς Κόρινθος γίγνεται.* Коринѳъ сынъ Зевса и герой — епонимъ города Коринѳа. Общій смыслъ греческой поговорки мною переданъ; точное же ея объясненіе намъ неизвѣстно. По всей вѣроятности дѣло шло о какомъ нибудь анекдотическомъ смѣшеніи имени лица съ именемъ города.

Сокр. Ну я и самъ, Критонъ, послѣ того, какъ впалъ
263. въ это недоумѣніе, всѣ голоса перепробовалъ, молясь двумъ гостямъ словно Діоскурамъ, призывая ихъ спасти насъ съ мальчикомъ изъ этого треволненія мысли [101]) и всячески приложить стараніе, взаправду показать намъ, что же это такое за познаніе, добывши которое мы могли бы прекрасно провести прочее время жизни.

Кр. Ну и что же? Захотѣлъ Евтидемъ что нибудь вамъ объяснить?

Сокр. Какъ же нѣтъ? И началъ онъ свое слово весьма высокомѣрно вотъ такимъ образомъ:

B. — Что изъ двухъ, Сократъ? сказалъ онъ: научить ли тебя этой наукѣ, о которой вы давно недоумѣваете, или показать, что ты ее уже знаешь?

— О блаженнѣйшій! воскликнулъ я: и это въ твоей власти?

— Ну конечно, говоритъ.

— Такъ ради Зевса, говорю, покажи мнѣ, что я уже обладаю этою наукою: оно вѣдь гораздо легче для меня, чѣмъ еще учиться въ такомъ возрастѣ.

— Ну такъ отвѣчай мнѣ, сказалъ онъ: есть что нибудь такое, что ты знаешь?

— Конечно, говорю, и даже много,—да мелочи.

— Довольно, говоритъ. Ну а считаешь ли ты возможнымъ чтобы какое нибудь существо не было тѣмъ самымъ, что оно есть?

C. — Ну ужъ никакъ, ей-богу!

— А вѣдь ты, говоритъ, нѣчто знаешь?

— Да.

— Значитъ ты знающій, ежели знаешь?

— Конечно; знающій по части этого самаго.

— Все равно; но развѣ тебѣ нѣтъ необходимости знать все, разъ ты—знающій?

— Вотъ тѣ Зевсъ! сказалъ я: да вѣдь я же многаго не знаю.

— Выходитъ, если ты чего не знаешь, ты ужъ не знающій.

— Не знающій именно этого, любезнѣйшій, сказалъ я.

— Тѣмъ не менѣе всетаки не знающій? А раньше ты признавалъ себя знающимъ; и слѣдовательно оказы-

---

101) ἐκ τῆς τρικυμίας τοῦ λόγου.

вается, что ты самъ и существуешь такимъ, каковъ ты D.
есть, и опять не существуешь—и то, и другое заразъ въ одномъ и томъ же отношеніи.

— Ладно, Евтидемъ, сказалъ я; вѣдь говорится: „прекрасно же ты шумишь“ [102]). Такъ какъ же теперь я знаю ту науку, которую мы искали? Такъ какъ невозможно быть и не быть однимъ и тѣмъ же, то ежели я знаю одно, знаю и все,—чтобы не быть мнѣ заразъ и знающимъ и не знающимъ,—а зная все, я обладаю и тѣмъ главнымъ познаніемъ; такъ вѣдь ты разумѣешь, и въ E.
этомъ именно и состоитъ твое мудрое рѣшеніе?

— Самъ ты себя, Сократъ, изобличаешь, сказалъ онъ.

— Что же, говорю, Евтидемъ: съ тобою развѣ это самое не случилось? Я-то вѣдь, претерпѣвая что нибудь вмѣстѣ съ тобою и вотъ съ этимъ милымъ человѣкомъ, Діонисодоромъ, не очень то огорчался бы. Скажи мнѣ, съ вами то двумя не бываетъ, чтобы одно изъ существующихъ вы знали, а другого не знали?

— Всего меньше, Сократъ, сказалъ Діонисодоръ.

— Какъ вы это разумѣете, спросилъ я: или такъ, что вы ничего не знаете?

— Вотъ еще! говоритъ.

— Значитъ, сказалъ я, вы все знаете, коль скоро 294.
знаете что нибудь?

— Все знаемъ, говоритъ; да и ты тоже, если одно что нибудь знаешь, то и все знаешь.

— О, Господи! воскликнулъ я: какого чуда явленіе и великаго блага ты возвѣщаешь! Но неужели и прочіе всѣ люди все знаютъ, или ничего?

— Не можетъ же того быть, сказалъ онъ, чтобы они что нибудь знали, а чего нибудь другого не знали и были заразъ и знающими и незнающими?

— Ну что же именно изъ двухъ? говорю.

— Всѣ все знаютъ, сказалъ онъ, коль скоро знаютъ
что нибудь одно. B.

— О боги! воскликнулъ я. Теперь то ужъ мнѣ ясно, что вы не шутя говорите, насилу-то я васъ къ этому уговорилъ. Такъ вы то сами взаправду все знаете,—напримѣръ и плотничье мастерство, и сыромятничье?

---

102) τὸ γὰρ λεγόμενον, καλὰ δὴ παταγεῖς.

— Конечно, говоритъ.

— И плести ремни изъ жилъ вы мастера?

— Да и подошвы сшивать ей-богу! сказалъ онъ [103]). Ну а такія вещи, какъ напримѣръ сколько звѣздъ, или песка?

— Да конечно-же, говоритъ; ужели ты думаешь, что мы этого не подтвердимъ?

C. — Ради Зевса! подхватилъ Ктесиппъ: покажи мнѣ, Діонисодоръ, какое нибудь доказательство — такое, чтобы мнѣ по нему знать, что ты правду говоришь.

— Что показать? говоритъ.

— Знаешь ты, сколько зубовъ у Евтидема, а Евтидемъ—сколько у тебя?

— Не довольно развѣ съ тебя, сказалъ тотъ, слышать, что мы все знаемъ?

— Нѣтъ, говоритъ, но скажите намъ еще лишь это одно и покажите, что скажете правду, и вотъ когда скажетъ каждый изъ васъ, сколько у другого зубовъ, а мы сосчитаемъ и окажется, что вы это дѣйствительно знаете,
D. тогда ужь мы повѣримъ вамъ и въ прочемъ.

Сочтя это за насмѣшку, они не захотѣли (такого опыта), но только на вопросы Ктесиппа объ отдѣльныхъ предметахъ утверждали, что знаютъ каждый. А Ктесиппъ совсѣмъ открыто издѣвался, и ужь о чемъ онъ только подъ конецъ не спрашивалъ — даже о самомъ неприличномъ, знаютъ ли они. А тѣ храбрѣйшимъ образомъ шли прямо на вопросы, утверждая, что знаютъ, — словно какъ неприлѣзутъ на ножъ. Такъ что, Критонъ, наконецъ и меня самого невѣріе принудило спросить [104]): знаетъ ли Діонисодоръ плясать? [105])—А тотъ:

E. — Конечно, говоритъ.

— Ну однако среди мечей кувыркаться, [106]) или колесомъ ходить [107]) онъ вѣдь не умѣетъ въ своемъ то возрастѣ? Такъ далеко въ мудрости онъ не зашелъ.

[103]) *Καὶ ναὶ μὰ Δία καττύειν, ἔφη.*

[104]) Исключаю здѣсь изъ текста по указанію Шанца слово *τὸν Εὐθύδημον,* а строкою раньше слово *ὀμόσε.*

[105]) *εἰ καὶ ὀρχεῖσθαι ἐπίσταιτο* — одинъ изъ множества примѣровъ характернаго, для тогдашней умственной стадіи, смѣшенія *знанія* съ *умѣньемъ*. См. въ I томѣ разсужденіе о діалогѣ *Іонъ*.

[106]) *καὶ ἐς μαχαίρας γε κυβιστᾶν.*

[107]) *καὶ ἐπὶ τροχοῦ δινεῖσθαι.* Такъ какъ точный характеръ этого упражненія намъ неизвѣстенъ, то я довольствуюсь самымъ простымъ и общепонятнымъ аналогомъ.

— Нѣтъ ничего, говоритъ, чего бы мы не умѣли.

— Но, сказалъ я, теперь только вы все знаете, или и всегда знали?

— И всегда, говоритъ.

— И когда дѣтьми вы были, и новорожденными, — все знали?

— Все, сказали оба заразъ.

Намъ-то показалось это дѣло невѣроятнымъ, Евти-
демъ же: 295.

— Не вѣришь, говоритъ, Сократъ?

— Вѣрю только, что вы мудрецы [108]).

— Но если ты захочешь мнѣ отвѣчать, сказалъ онъ, я и тебя изобличу въ тѣхъ же чудесахъ [109]).

— Вотъ, говорю, пріятнѣйшее было бы мнѣ изобличеніе: ежели я самъ не зналъ, что мудръ, а ты покажешь, что я все знаю и всегда, — какую больше этого находку могъ бы я найти во всю свою жизнь?

— Такъ отвѣчай же, сказалъ онъ. B.

— Спрашивай, а я-то ужь отвѣчу. [110])

— Такъ ты, Сократъ, сказалъ онъ, въ чемъ нибудь знающій, или нѣтъ?

— Знающій.

— И ты познаешь тѣмъ самымъ, въ силу чего ты знающій, или чѣмъ другимъ?

— Тѣмъ самымъ: вѣдь ты разумѣешь, я думаю, душу? Или нѣтъ?

— Не стыдно тебѣ, Сократъ, на вопросъ отвѣчать вопросомъ?

— Хорошо, сказалъ я, но какъ же мнѣ дѣлать? потому что я буду дѣлать такъ, какъ ты велишь. Когда я не знаю, что ты спрашиваешь, велишь ли все таки отвѣчать и не переспрашивать?

— Да вѣдь представляешь ты что нибудь при моихъ C.
словахъ?

[108]) Такъ какъ текстъ здѣсь не имѣетъ грамматическаго смысла (*Πλήν γ᾽ὅτι ἐγὼ εἰκὸς ὑμᾶς ἐστι σοφοὺς εἶναι*), то Шанцъ обозначаетъ пропускъ между словами *ἐγὼ εἰκὸς*.

[109]) *ἐγὼ ἐπιδείξω καὶ σὲ ταῦτα τὰ θαυμαστὰ ἔχοντα.* Послѣднее слово, какъ ошибочно пропущенное, вставлено Шанцемъ.

[110]) *ὡς ἀποκρινουμένου ἐρώτα.*

— Да, говорю.

— Вотъ на то и отвѣчай, что представляешь.

— Какъ же это? говорю: ежели ты спрашиваешь, мысля одно, а я представляю другое и потомъ на это и отвѣчу, доволенъ ли ты будешь, когда я не къ дѣлу отвѣчу?

— Я то, говоритъ, буду доволенъ, а вотъ ты, думаю, — нѣтъ.

— Такъ видитъ Зевсъ! сказалъ я: не буду отвѣчать, пока не буду убѣжденъ.

— Оттого ты не будешь отвѣчать по своимъ всегдаш-
D. нимъ представленіямъ, сказалъ онъ, что у тебя какія то затѣи, и ты болѣе несообразный человѣкъ, чѣмъ должно[111]).

Тутъ я увидѣлъ, что онъ на меня сердится за то, что я останавливаюсь на раздѣльномъ смыслѣ реченій, [112]) тогда какъ онъ хотѣлъ изловить меня, забросавъ словами. Ну и вспомнилъ я Конна, что и онъ каждый разъ на меня сердится, когда я ему не уступаю, и вслѣдствіе этого меньше обо мнѣ заботится, какъ о какомъ то неучѣ; а такъ какъ я замышлялъ и къ Евтидему идти въ ученье, то и подумалъ, что должно уступить ему, чтобы не отказалъ мнѣ отъ своей школы, сочтя строптивымъ. Такъ вотъ я и говорю:

E. — Но если тебѣ хочется, Евтидемъ, давай такъ; [113]) ты вѣдь гораздо прекраснѣе знаешь какъ разсуждать, будучи мастеромъ этого дѣла, нежели я, человѣкъ простой; [114]) такъ спрашивай опять съ начала.

— Отвѣчай же снова, сказалъ онъ: познаешь ли ты чѣмъ нибудь то, что познаешь, или нѣтъ?

296. — Разумѣется да, говорю, — именно душою.

— Вотъ онъ опять забѣгаетъ впередъ вопроса! Вѣдь я не спрашиваю, чѣмъ ты познаешь, а познаешь ли ты чѣмъ нибудь.

— Я опять, говорю, отвѣтилъ больше должнаго, — по невоспитанности; но будь ко мнѣ снисходителенъ; теперь ужъ я отвѣчу просто, что я познаю чѣмъ то все, что познаю.

---

[111]) Эта фраза, нескладная и въ подлинникѣ, должна по очевидному намѣренію автора изобличать въ софистѣ раздраженіе и потерю самообладанія.

[112]) *κἀγὼ ἔγνων αὐτὸν ὅτι μοι χαλεπαίνοι διαστέλλοντι τὰ λεγόμενα.*

[113]) У Шанца отмѣчено вставленное безъ надобности слово *ποιεῖν.*

[114]) idem — *ἢ ἐγώ.*

— А тѣмъ же ли самымъ всегда, спросилъ онъ, или иной разъ однимъ, а другой — другимъ?

— Всегда, когда познаю, то однимъ и тѣмъ же.

— Опять! Да перестанешь ли ты болтать лишнее?

— Но какъ бы насъ не поддѣло это „всегда“.

— Ну не *насъ*, говоритъ, а развѣ только тебя; но B.
отвѣчай: всегда ли познаешь ты однимъ и тѣмъ же?

— Всегда, говорю, если ужъ нужно откинуть „когда“.

— Такъ значитъ ты всегда познаешь тѣмъ же самымъ; а всегда познавая, одно познаешь ты тѣмъ, чѣмъ познаешь, а другое — другимъ, или же все однимъ и тѣмъ же?

— Однимъ и тѣмъ же, сказалъ я, все вообще, что познаю.

— Вотъ оно, воскликнулъ онъ: опять таже прибавка!

— Да я отниму, говорю, „что познаю“.

— Ничего не отнимай, сказалъ онъ: я у тебя ничего не прошу [115]). Но отвѣчай мнѣ: могъ ли бы ты знать „все C.
вообще“, если бы не зналъ всего? [116]).

— Это было бы чудомъ, сказалъ я. А онъ говоритъ:

— Ну теперь ужъ прибавляй, что хочешь: ты вѣдь признался, что знаешь все.

— Очевидно, сказалъ я, коль скоро „что знаю“ не имѣетъ никакой силы, то я знаю все [117]).

— И такъ ты согласился, что всегда знаешь тѣмъ самымъ, чѣмъ знаешь, тогда ли, когда знаешь, или какъ угодно иначе; ты же вѣдь согласился и съ тѣмъ, что всегда знаешь все вмѣстѣ; такъ ясно, что и въ дѣтствѣ ты все D.
зналъ, и при рожденіи, и при зачатіи; и прежде чѣмъ тебѣ произойти, и прежде, чѣмъ стать небу и землѣ, ты зналъ все совокупно, разъ ты всегда знаешь. И видитъ Зевсъ! воскликнулъ онъ онъ: еще и будешь ты знать всегда и все, если я захочу [118]).

— Такъ захоти же, многочтимый Евтидемъ! сказалъ я; если только ты въ самомъ дѣлѣ правду говоришь. Только я не совсѣмъ тебѣ вѣрю, чтобы тебя на это хватило, [119])

---

[115]) Софистъ спохватился, что эта прибавка не мѣшаетъ его мнимой аргументаціи.

[116]) *δύναιο ἂν ἅπαντα ἐπίστασθαι, εἰ μὴ πάντα ἐπίσταιο;*

[117]) *ἐπειδήπερ γε οὐδεμίαν ἔχει δύναμιν τὸ ἃ ἐπίσταμαι, πάντα δὲ ἐπίσταμαι.*

[118]) *ἂν ἐγὼ βούλωμαι.*

[119]) *ἀλλ᾽ οὔ σοι πάνυ πιστεύω ἱκανῷ εἶναι.*

если не сойдется съ тобою въ одной волѣ вотъ онъ—братъ твой Діонисодоръ. Такъ скорѣе же, скажите мнѣ, [120]) про-
E. должалъ я; — въ прочемъ-то возражать мнѣ вамъ нечего, мужамъ столь диковинной мудрости, и говорить, что я не все знаю, когда вы утверждаете, что я знаю все; но вотъ такія вещи, Евтидемъ, какъ я скажу, что знаю: напримѣръ, что добрые люди неправедны? Ну-ка скажи, знаю я это, или не знаю? [121])

— Знаешь, конечно, говоритъ.

— Что? говорю.

— Что добрые *не* неправедны.

— Это то я, конечно, знаю давно; но не о томъ спрашиваю; а что добрые неправедны,—этому то я гдѣ научился?

297. — Нигдѣ, сказалъ Діонисодоръ.

— Значитъ, я этого и не знаю, сказалъ я.

— Портишь ты мнѣ разговоръ, сказалъ Евтидемъ Діонисодору: вотъ онъ окажется не знающимъ, и выйдетъ, что заразъ онъ и знающій и незнающій. — И Діонисодоръ покраснѣлъ.

— Да ты-то, сказалъ я, какъ это разумѣешь, Евтидемъ? Неправильно отвѣчалъ твой братъ,—всевѣдущій.

B. — Какъ? быстро подхватилъ Діонисодоръ: я братъ Евтидема.—А я сказалъ:

— Оставь это добрѣйшій, пока Евтидемъ не научитъ меня, что я знаю про хорошихъ людей, что они неправедны,—и не завидуй мнѣ изъ за этого наученія.

— Убѣгаешь, Сократъ! сказалъ Діонисодоръ: и нехочешь отвѣчать.

— Понятно, сказалъ я: вѣдь и каждаго то изъ васъ
C. порознь я слабѣе,—такъ какъ же мнѣ не бѣжать отъ двухъ? Вѣдь много же я плоше Гераклея [122], который однако

---

[120]) *οὕτω τάχα ἄν, εἴπετον δέ μοι*

[121]) Характерная для Сократа черта: достовѣрность нравственныхъ истинъ болѣе ему очевидна, нежели истинъ фактическихъ и логическихъ.

[122]) Отбрасывать послѣдній, коренной слогъ греческаго имени, когда на этомъ слогѣ удареніе (какъ въ *Ἡρακλῆς, Περικλῆς*), и говорить Гераклъ, Периклъ и т. д.—я считаю столь же нелѣпымъ, какъ и наоборотъ—вводить греческій суффиксъ въ корень имени и склонять Гераклесъ, Гераклеса, Гераклесу Периклесъ, Периклеса и т. д. Поэтому, избѣгая этихъ двухъ крайностей, я всегда буду произносить по русски Герак*лей*, Герак*лею*, Перик*лей*, Перек*лея* и т. д. Извиняюсь, что въ пер-

былъ не въ силахъ побороть заразъ и гидру,—сущую софистку, которая черезъ свою мудрость выпускала на мѣсто одной отрѣзанной головы разсужденія много новыхъ [123]),—да еще и рака, другого софиста, только что, я полагаю, прибывшаго изъ моря, вплавь [124]); но когда этотъ (новый врагъ) такимъ образомъ удручалъ его слѣва, разсуждая и кусая [125], призвалъ (Гераклей) на помощь племянника своего Іолая, который и помогъ ему какъ слѣдуетъ [126]).

— Отвѣчай же, сказалъ Діонисодоръ, разъ ужъ ты D.
самъ завелъ эту рѣчь: былъ ли Іолай болѣе племянникомъ Гераклея, нежели твоимъ?

— Да ужъ всего лучше мнѣ будетъ, сказалъ я, отвѣтить тебѣ, Діонисодоръ; потому что ты не отступаешь отъ меня со своими вопросами, и все это—я почти увѣренъ,—изъ зависти, чтобы помѣшать Евтидему научить меня той мудрости [127]).

— Такъ отвѣчай же, говоритъ.

— Такъ отвѣчаю, сказалъ я, что Іолай былъ Гераклеевымъ племянникомъ, моимъ же, какъ мнѣ кажется, не былъ вовсе; потому что отцомъ его былъ не братъ мой Патроклей, а близкій ему по имени Ификлей, братъ Ге- E.
раклея.

вомъ томѣ *больше, чѣмъ должно,* тиранніи обычая, которую, впрочемъ, вполнѣ отстранить не берусь.

[123]) *σοφιστρίᾳ οὔσῃ καὶ διὰ τὴν σοφίαν ἀνιείσῃ, εἰ μίαν κεφαλὴν ἀποτμηθείη τοῦ λόγου, πολλὰς ἀντὶ τῆς μιᾶς.* Такъ какъ здѣсь съ многоголовою гидрой сравнивается *γόγος σοφιστικός*, то отдѣльной головѣ гидры соотвѣтствуетъ отдѣльное положеніе, или отдѣльный аргументъ софистическаго разсужденія.

[124]) Этотъ ракъ, прибывшій морскимъ путемъ, есть очевидный намекъ на заморскихъ учителей мнимой мудрости, ближайшимъ же образомъ ракъ, кусающій слѣва означаетъ Діонисодора, сидѣвшаго слѣва отъ Сократа, а чтобы на этотъ счетъ не оставалось никакого сомнѣнія. ракъ прямо и называется „другимъ софистомъ“ какъ гидра (Евтидемъ) „сущею софисткой“.

[125]) *λέγων, καὶ δάκνων.* Раку свойственно только послѣднее, софисту же и то, и другое. Во всемъ этомъ забавномъ и остроумномъ сравненіи, далѣе разростающемся, термины намѣренно смѣшаны.

[126]) Признаю неискусною вставкой и оставляю безъ перевода слова *ὁ δ᾽ ἐμός Ἰόλεως Πατροκλῆς εἰ ἔλθοι, πλέον ἂν θάτερον ποιήσειεν.* Слово ***Πατροκλῆς*** осуждено Шанцемъ. Но и вся фраза есть неумѣстное предвареніе того, что говорится нѣсколькими строками дальше.

[127]) *ἐκεῖνο τὸ σοφόν.*—разумѣется выше утверждаемое софистомъ положительное знаніе того, что прямо противорѣчитъ нравственнымъ аксіомамъ.

— Патроклей же, говоритъ,—твой братъ?

— Именно, говорю: по матери то есть, но не по отцу.

— Значитъ онъ тебѣ и братъ, и не братъ.

— Не братъ по отцу, говорю, почтеннѣйшій: его то отецъ былъ Хэредемъ, а мой—Софронискъ [128].

298. — Отецъ былъ, говоритъ, Софронискъ и Хэредемъ?

— Конечно, говорю: первый-то былъ мой, второй-же—его.

— Значитъ, сказалъ онъ, Хэредемъ былъ *другой* относительно отца?

— Относительно *моего* отца, пояснилъ я.

— Такъ онъ былъ отецъ, будучи другимъ отца? Или ты—тоже самое, что камень?

— Боюсь, какъ бы этого со мною не случилось благодаря тебѣ; вообще же—не думаю.

— Такъ ты другой относительно камня?

— Да другой же.

— Не такъ развѣ, что ты, будучи другимъ камню,—не камень? И будучи другимъ золоту—не золото?

— Такъ.

— Значитъ, говоритъ, и Хэредемъ, будучи другимъ отцу,—не отецъ.

B. — Выходитъ, что не отецъ, сказалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ Евтидемъ, потому что, если Хэредемъ—отецъ, то Софронискъ, будучи съ своей стороны другимъ отцу, не есть отецъ, такъ что у тебя, Сократъ, нѣтъ отца.—Тутъ вмѣшался Ктесиппъ:

— А съ вашимъ то, говоритъ, отцомъ развѣ не тоже самое? Другой вѣдь онъ моему отцу?

— Нисколько, сказалъ Евтидемъ.

— Значитъ тотъ же самый?

— Конечно, тотъ же самый.

— Ну на это я бы, положимъ, не согласился. Но какъ

C. ты это разумѣешь, Евтидемъ: мнѣ онъ только отецъ, [129]) или и прочимъ людямъ?

— И прочимъ, говоритъ: или ты думаешь, что онъ, будучи отцомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не есть отецъ?

---

[128]) Мать Сократа, Фэнарета, была дважды замужемъ.

[129]) т. е. отецъ Евтидема есть ли по его утвержденію общій ему отецъ съ однимъ Ктесиппомъ, или и со всѣми прочими людьми.

— Думалось бы такъ въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Ктесиппъ.

— Какъ же такъ? возражаетъ тотъ, что нибудь, будучи золотомъ, вдругъ не есть золото? или будучи человѣкомъ, не есть человѣкъ?

— А ты бы, Евтидемъ, сказалъ Ктесиппъ, слушался пословицы: не чинить рвани рванью [130]) Вѣдь страшное дѣло ты говоришь, будто твой отецъ всѣмъ отецъ.

— Да ужь вѣрно! подтвердилъ тотъ.

— Людямъ ли только онъ отецъ? сказалъ Ктесиппъ, — или и лошадямъ? а то и всѣмъ прочимъ животнымъ? D.

— Всѣмъ, говоритъ.

— А также и мать—всѣхъ мать?

— Да и мать.

— Такъ твоя мать, говоритъ, есть мать и ежей? [131])

— Да, отвѣчаетъ, и твоя—также.

— И ты, значитъ, братъ телятамъ, и щенятамъ, и поросятамъ.

— Какъ и ты, говоритъ.

— И къ тому же въ отцахъ у тебя еще и песъ,

— И у тебя, молъ, также.

— Да вотъ сейчасъ, вмѣшался Діонисодоръ, если ты будешь мнѣ отвѣчать, Ктесиппъ, ты самъ съ этимъ согласишься: скажи мнѣ, есть у тебя песъ?

— Да, и очень злой, сказалъ Ктесиппъ. E

— А есть у него щенята?

— Да, говоритъ, тоже очень злые.

— Значитъ, песъ-то имъ отецъ?

— Самъ видѣлъ, говоритъ тотъ, какъ онъ оплодотворялъ суку.

— Такъ какъ же? Песъ-то развѣ не твой?

— Конечно, мой, говоритъ.

---

[130]) *τὸ λεγόμενον, οὐ λίνον λίνῳ συνάπτεις.* Точнаго значенія этой пословицы я не нашелъ. Смыслъ ея въ настояшемъ случаѣ, повидимому. такой: не подкрѣпляй нелѣпаго положенія нелѣпымъ аргументомъ.

[131]) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, принятыхъ во всѣхъ старыхъ изданіяхъ, стоитъ *морскихъ ежей—τῶν ἐχίνων... τῶνθαλαττίων*. Морскіе ежи (echinozoa)—особый отрядъ *безпозвоночныхъ* животныхъ изъ класса лучистыхъ. Повидимому какой нибудь мягкосердечный, но несообразительный переписчикъ, или схоліастъ нашелъ настоящаго сухопутнаго ежа предметомъ слишкомъ жесткимъ въ данной связи представленій, забывъ что ежи рождаются безъ иголъ, какъ китайцы безъ косъ.

— А твой-то онъ, будучи отцомъ, такъ что твой отецъ—песъ, и ты братъ щенятамъ.

И не останавливаясь, чтобы не дать Ктесиппу что-нибудь сказать, Діонисодоръ продолжалъ:

— Отвѣчай мнѣ, пожалуйста, еще немножко: бьешь ты этого пса?—А Ктесиппъ со смѣхомъ:

Да, ей-богу, говоритъ,—за невозможностью прибить тебя!

299. — Значитъ, говоритъ, ты бьешь своего отца.

— Много справедливѣе, сказалъ Ктесиппъ, было-бы мнѣ бить вашего отца, котораго нелегкая угораздила родить такихъ мудрыхъ сыновей [132]). Но въ самомъ дѣлѣ, Евтидемъ, вѣдь многими благами поживился вашъ, онъ же и собачій, родитель отъ этой вашей премудрости?

Но во многихъ благахъ, Ктесиппъ, ни ему, ни тебѣ нѣтъ никакой надобности.

— Ни тебѣ самому Евтидемъ? спросилъ тотъ.

— И никакому другому человѣку. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, Ктесиппъ, считаешь ли ты добромъ для боль-
B. ного пить лекарство, когда онъ въ этомъ нуждается, или тебѣ это кажется не добромъ? Или когда кто пойдетъ на войну, лучше ему идти съ оружіемъ, или безоружному?

— Думаю, первое; хотя ожидаю, что ты опять поднесешь намъ какую нибудь диковинку [133]).

— Это тебѣ предстоитъ,—въ наилучшемъ видѣ, сказалъ онъ, только отвѣчай [134]). Такъ какъ ты признаешь, что добро человѣку—пить лекарство, когда нужно, то выйдетъ, что онъ долженъ пить этаго добра какъ можно больше, и что ему будетъ хорошо, если кто нибудь, растеревши, намѣшаетъ ему цѣлый возъ еллеборы?—А Ктесиппъ
C. сказалъ:—Совершенно такъ, Евтидемъ, если пьющій будетъ въ версту дельфійскому истукану [135]).

— И на войнѣ, продолжалъ тотъ, ежели добро имѣть оружіе, то неслѣдуетъ ли имѣть какъ можно больше копей и щитовъ, разъ это добро?

— Да и конечно, сказалъ Ктесиппъ. А ты этого не

132) *ὅ τι παθών σοφούς ὑεῖς οὕτως ἔφυσεν.*

133) *καίτοι οἶμαί τί σε τῶν καλῶν ἐρεῖν.*

134) *Σὺ ἄριστα εἴσει, ἔφη. ἀλλ᾽ἀποκρίνου.*

135) *ὅσος ὁ ἀνδριάς ὁ ἐν Δελφοῖς*—огромная статуя Аполлона въ Дельфахъ, первообразъ родосскаго колосса.

думаешь, Евтидемъ? По твоему можетъ быть достаточно одного щита и одного копья?

— Да, полагаю.

— Какъ? воскликнулъ Ктесиппъ. И Геріона [136]), и Бріарея [137]) ты вооружилъ бы такимъ образомъ? Ну я думалъ что ты больше тутъ смыслишь, самъ занимаясь борьбою въ тяжеломъ вооруженіи [138]). — Тутъ Евтидемъ промолчалъ [139]); Діонисодоръ же, возвращаясь къ вопросу, уже прежде рѣшенному, спросилъ Ктесиппа. D.

— Не полагаешь ли ты, что и золото имѣть хорошо?

— Конечно, и въ большомъ количествѣ, отвѣчалъ Ктесиппъ.

— Ну а не кажется ли тебѣ, что благо имѣть нужно всегда и вездѣ?

Совершенно такъ.

А золото не признаешь ли ты благомъ?

— Да вѣдь ужь призналъ же, говоритъ тотъ.

— Такъ не должно ли его имѣть всегда и вездѣ и какъ можно больше при себѣ? И всего блаженнѣе былъ E
бы тотъ, кто бы имѣлъ три таланта золота въ брюхѣ, талантъ въ черепѣ и по статеру въ каждомъ глазѣ.

— Да вѣдь и говорятъ, Евтидемъ, сказалъ Ктесиппъ, что между Скиѳами самые благородные и счастливые тѣ, что имѣютъ много золота въ своихъ собственныхъ черепахъ—какъ ты вотъ сейчасъ говорилъ насчетъ пса — отца, [140]) и что еще удивительнѣе—они и пьютъ изъ своихъ собственныхъ позолоченыхъ череповъ и смотрятъ имъ на дно, держа собственную голову въ рукахъ [141]). 300.

136) Баснословный великанъ съ тремя тѣлами, сынъ Хрисаора, послѣ Гесіода упоминается Пиндаромъ и Геродотомъ; онъ представлялся жившимъ на островѣ Еритіи близь Испаніи, гдѣ увелъ стада Гераклея.

137) Одинъ изъ сторукихъ исполиновъ, боровшихся съ олимпійцами; раньше Гесіода онъ упоминается въ Иліадѣ.

138) Не перевожу отмѣченную Шанцемъ вставку: *καὶ τόνδε τὸν ἑταῖρον.*

139) Очевидно онъ былъ озадаченъ тѣмъ, какъ быстро и успѣшно Ктесиппъ усвоилъ софистическую манеру разсужденія. См. дальше.

140) Т. е. въ смыслѣ такой же игры словами.

141) Голова убитаго врага была собственностью побѣдителя. Удачно подражая софистическимъ пріемамъ разсужденія, Ктесиппъ нарочно смѣшиваетъ юридическую принадлежность внѣшней вещи съ физическою принадлежностью частей тѣла.

Ну а смотрять-то, сказалъ Евтидемъ, и Скиѳы, и прочіе люди, на то, что способно для зрѣнія, или что неспособно?

— Конечно, что способно.

— И ты также?

— И я.

— Ну, а видишь ты наши плащи?

— Да.

— Значитъ они способны для зрѣнія, и нужно признать ихъ зрячими [142]).

— Чрезвычайно вѣрно, воскликнулъ Ктесиппъ.

— Такъ что же? сказалъ тотъ.

— Ничего; а ты можетъ быть думаешь, что плащи не зрячи,—настолько ты простодушенъ! Но мнѣ кажется, Евтидемъ, что ты безъ сна заснулъ, и если возможно, чтобы говорящій ничего не говорилъ, то ты именно это
B. дѣлаешь.

— А развѣ не возможно, сказалъ Діонисодоръ, молчащему говорить?

— Никоимъ образомъ, отвѣчалъ тотъ-то, Ктесиппъ.

— Значитъ и говорящему молчать?

Еще менѣе.

— Но когда говорятъ: камни, бревна, желѣзо, то вѣдь это молчащіе,—а говорятъ [143]).

— Какіе же молчащіе? воскликнулъ тотъ. Походи-ка по кузницѣ, какъ тамъ желѣзо голоситъ и ужасно кричитъ, только его тронешь; а ты-то отъ мудрости своей этого не замѣтилъ и сказалъ пустое. Но покажите мнѣ еще другое-то: какъ возможно говорящему молчать?—Тутъ мнѣ пока-
C. залось, что Ктесиппъ чрезмѣрно волнуется изъ за своего любимца.

— Какъ возможно *говорящему молчать?* сказалъ Евтидемъ. Да вѣдь когда ты о чемъ молчишь, ты всѣмъ молчишь, значитъ молчишь и говорящему, такъ что выходитъ возможно говорящему молчать [144]).

---

142) По гречески *δυνατά ὁρᾶν* можетъ имѣть и дѣйствительное значеніе и страдательное: способность видѣть и способность быть видимымъ. Построенную на этомъ нелѣпость нельзя прямо передать по русски.

113) *Ὅταν οὖν λίθους λέγῃς καὶ ξύλα καὶ σιδήρια, οὐ σιγῶντα λεγεις* По русски эта наглая острота выходитъ еще лучше, чѣмъ по гречески,— стоитъ лишь замѣнить единственное число глагола множественнымъ. На другихъ языкахъ и приблизительный переводъ невозможенъ.

144) Здѣсь я также долженъ былъ нѣсколько отступить отъ бук-

— А что? сказалъ Ктесиппъ: все-то развѣ не молчитъ?

— Ну нѣтъ, возразилъ Евтидемъ.

— Такъ значитъ, почтеннѣйшій,—все говоритъ?

— Да, все говорящее.

— Да не объ этомъ спрашиваю, сказалъ тотъ: а все-то молчитъ, или говоритъ?

— Ни то, ни другое, и то и другое, сказалъ подско- D.
чивши [145]), Діонисодоръ; ужь я навѣрное знаю, что у тебя ничего не выйдетъ изъ отвѣта. — А Ктесиппъ, по своему обыкновенію, весьма громко захохотавши, обратился къ Евтидему:

— Смотри, братъ твой раздвоилъ вопросъ [146]), и пораженъ, и погибъ!—И Клиній очень радовался и смѣялся, такъ что Ктесиппу прибыло духа больше, чѣмъ вдесятеро [147]). И я думаю, что этотъ ловкій малый, Ктесиппъ, у нихъ же это самое перенялъ, потому что ни у кого другого
изъ нынѣшнихъ людей нѣтъ такой мудрости. Я и говорю: E.

— Что ты, Клиній, смѣешься надъ такими важными и прекрасными вещами?

— Такъ тебѣ, Сократъ, перебилъ меня Діонисодоръ, значитъ, уже извѣстна какая нибудь прекрасная вещь?

— Да и многія, говорю, Діонисодоръ.

— Ну, а онѣ что нибудь другое, говоритъ, относи-
тельно прекраснаго, или то же самое, что прекрасное? 301.

Тутъ я сталъ въ тупикъ и подумалъ, что это мнѣ по дѣломъ: зачѣмъ подсмѣивался;—однако отвѣчалъ, что прекрасныя вещи—не то, что само прекрасное, но что каждой изъ нихъ присуща нѣкая красота [148]).

— Присуща! воскликнулъ онъ: Такъ ежели вмѣстѣ съ тобою находится быкъ, то и ты—быкъ, и такъ какъ вотъ теперь я тебѣ соприсутствую, то, значитъ, ты—Діонисодоръ?

— Ну на этотъ счетъ потише! сказалъ я.

— Но какимъ же это образомъ, говоритъ, оттого толь-

вальнаго значенія греческой фразы, чтобы сохранить за нею необходимую по сущности дѣла двусмысленность.

145) *ἔφη ὑφαρπάσας ὁ Διονυσόδωρος.*

146) *ἐξημφοτέρικεν τον λόγον.*

147) *ὥστε ὁ Κτήσιππος ἐγένετο πλεῖν ἢ δεκαπλάσιος.*

148) Краткое, но очень опредѣленное указаніе на платонову теорію идей. См. ниже *разсужденіе* о настоящемъ діалогѣ.

ко что другое соприсутствуетъ другому, другое будетъ
другимъ?
B. — Такъ ты этого-то неберешь въ толкъ, сказалъ я,
уже пробуя подражать особой мудрости этихъ мужей,—
такъ сильно я ея желалъ.
— Какъ же и мнѣ и всѣмъ прочимъ людямъ, сказалъ
онъ, взять въ толкъ то, чего не существуетъ?
— Что ты говоришь, Діонисодоръ! воскликнулъ я:
развѣ прекрасное не прекрасно, и гадкое не гадко?
— Если мнѣ такъ представляется, сказалъ онъ.
— Такъ развѣ не представляется?
— Конечно, представляется.
— И развѣ тоже самое не тоже самое, и другое—не
другое. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не можетъ же другое быть
C. тѣмъ же самымъ, и я не думаю, чтобы даже ребенокъ
сталъ колебаться въ сомнѣніи: есть ли другое, или нѣтъ.
Но ты это нарочно пропустилъ, Діонисодоръ, потому что
въ прочемъ мнѣ представляется, что какъ мастера отдѣлы-
ваютъ то, что каждому пристало, такъ и вы наипрекра-
снѣйшимъ образомъ отдѣлываете веденіе разговора.
— Такъ ты знаешь, сказалъ онъ, что пристало каж-
дому роду мастеровъ? И во-первыхъ, кому пристало ковать,
знаешь?
— Знаю, что кузнецу.
— А кому дѣлать посуду?
— Горшечнику.
D. — А кому пристало убивать животное и обдирать и
мелко изрубивши мясо, варить и жарить?
— Повару, сказалъ я.
— А вѣдь ежели кто, сказалъ онъ, дѣлаетъ то, что
пристало, правильно поступаетъ?
— Совершенно.
— А повару, какъ ты говоришь, присталъ убой и
обдираніе? Согласился ты съ этимъ, или нѣтъ?
— Да согласился, сказалъ я, но имѣй ко мнѣ снисхо-
жденіе.
— Такъ ясно, сказалъ онъ, что ежели кто, зарѣзавъ
повара и изрубивши его начнетъ варить и жарить, то сдѣ-
лаетъ этимъ пристойное; и ежели опять кто станетъ куз-
неца ковать, а горшечника вертѣть на горшечномъ станкѣ,
и этотъ будетъ поступать пристойно.
E. — О Посидонъ! воскликнулъ я: вотъ уже вѣнецъ воз-

ложилъ ты на свою мудрость. Но усвою ли я ее когда
нибудь такъ, чтобы она была моею собственною?
— А узналъ ли бы ты ее, Сократъ, еслибы она стала
твоею собственною?
— Если ты позволишь, сказалъ я, то ясно, что уз-
налъ бы.
— Какъ? говоритъ тотъ: ты думаешь, что ты знаешь
свое?
— Да, если ты не скажешь какъ нибудь иначе: съ
тебя вѣдь нужно начинать, а кончать вотъ этимъ Евтиде-
момъ.
— Такъ не считаешь ли ты своимъ, сказалъ онъ,
то, надъ чѣмъ ты начальствуешь и что властенъ употре-
блять, какъ тебѣ хочется? Напримѣръ, ты считаешь тѣхъ 302.
быковъ и овецъ своими, которыхъ ты властенъ продать,
подарить и заклать кому хочешь изъ боговъ? а тѣ, надъ
которыми такой власти ты не имѣешь, тѣ не твои?—А я,
предвидя, что отсюда вынырнетъ что нибудь прекрасное [149])
и желая какъ можно скорѣе это услышать, поспѣшилъ
утвердительно отвѣтить:
— Конечно такъ, тѣ только одни—мои.
— Ну, а животнымъ, сказалъ онъ, не то ли ты на-
зываешь, что имѣетъ душу?
— Да, говорю.
— Такъ ты признаешь, что изъ животныхъ тѣ толь- B.
ко твои, надъ которыми ты властенъ дѣлать все то, что
я сейчасъ говорилъ!
— Признаю.— А онъ, остановился съ ироническимъ
видомъ и какъ будто раздумывая что-то великое,
— Скажи, говоритъ, Сократъ: есть у тебя Отече-
ственный Зевсъ [150]).—А я, догадавшись что рѣчь клонится
туда, куда она наконецъ и пришла, и недоумѣвая куда
повернуться, какъ бы захваченный въ сѣть:
— Нѣту, говорю, Діонисодоръ!
— Такъ, значитъ, ты совсѣмъ жалкій какой то че- C.
ловѣкъ и не аѳинянъ—безъ отечественныхъ боговъ и безъ
святилищъ и безо всего что ни есть порядочнаго [151]).

149) Не перевожу отмѣченную Шанцемъ вставку *τῶν ἐρωτημάτων*.

150) *Ζεὺς πατρῷος*. Особое почитаніе нѣкоторыхъ общепризнанныхъ боговъ какъ своихъ отеческихъ, или отечественныхъ—остатокъ древняго родоваго быта и религіи предковъ.

151) *μηδὲν καλὸν κἀγαθόν*

— Постой, Діонисодоръ! воскликнулъ я: говори лучше и не досаждай мнѣ такимъ наученіемъ. Вѣдь есть у меня и святилища домашнія и отечественныя и прочее въ этомъ родѣ, что есть и у другихъ аѳинянъ.

— Такъ и у прочихъ Аѳинянъ, говоритъ, нѣтъ отечественнаго Зевса?

— Да нѣтъ же, говорю, такого прозванія ни у ка-
D. кихъ Іонійцевъ,— ни у тѣхъ, что выселились изъ этого города, ни у насъ, но отечественный у насъ Аполлонъ, чрезъ рожденіе Іона: а Зевсъ у насъ не зовется Отечественный, а Ограждающій и Братскій, и Аѳинея — братская же.

— Но довольно и этого, сказалъ Діонисодоръ: есть у тебя, какъ оказывается, Аполлонъ да и Зевсъ и Аѳинея.

— Конечно, говорю.

— А эти боги не твои-ли?

— Мои родоначальники, говорю, и владыки.

— Но вѣдь *твои* же; или ты не призналъ, что они твои?

— Призналъ, говорю: что̀ тутъ подѣлаешь?

E. — А вѣдь эти боги также и животныхъ? Потому что ты призналъ, что всѣ существа, у которыхъ есть душа,— животныя; или у этихъ боговъ нѣтъ души?

— Есть, говорю.

— Значитъ они—животныя?

— Животныя.

— А изъ животныхъ, говоритъ, ты призналъ своими тѣхъ, которыхъ ты властенъ дарить, продавать и приносить въ жертву, какому угодно богу?

— Призналъ, говорю: нѣтъ мнѣ исхода, Евтидемъ.

— Такъ иди же впередъ, говоритъ; скажи мнѣ: такъ
303. какъ ты признаешь своимъ Зевса и прочихъ боговъ, то значитъ ты властенъ ихъ продавать, или дарить, или всячески пользоваться ими по своей волѣ, какъ и прочими животными? Ну тутъ, Критонъ, я то, какъ бы пораженный этимъ разсужденіемъ, лежалъ безгласенъ; Ктесиппъ же, какъ бы приходя мнѣ на помощь, воскликнулъ:

— Гераклей! Чортъ возьми! вотъ такъ прекрасное разсужденіе [152])! А Діонисодоръ:

152) *Πυππὰξ ὦ Ἡράκλεις, ἔφη, καλοῦ λόγου.*

— Что изъ двухъ? говоритъ: Гераклей по твоему — чортъ, или чортъ Гераклей?—А Ктесиппъ на это:

— О Посидонъ! Что за поразительныя рѣчи! Отступаюсь: необоримы эти два мужа!

Ну, и тутъ, милый Критонъ, не нашлось никого изъ B.
присутствующихъ, кто бы не хвалилъ до чрезвычайности [153]) и рѣчь и обоихъ говорившихъ, такъ что они едва уцѣлѣли въ общемъ шумѣ, хлопаньѣ и ликованіи. Прежде то при каждой выходкѣ [154]) тоже наилучшимъ образомъ шумѣли, но только приверженцы Евтидема, а теперь, я думаю, и столбы Ликея [155]) участвовали въ общей радости и шумныхъ похвалахъ этимъ мужамъ. Да и самъ я, пораженный, признался, что никогда не видалъ людей настолько C.
мудрыхъ, и совершенно низвергнутый и плѣненный ихъ мудростью, обратился къ ихъ восхваленію и прославленію,— въ такихъ словахъ:

— О вы блаженные своею дивною натурой, выработавшіе столь великое дѣло такъ быстро и успѣшно [156]). Много и другого прекраснаго въ рѣчахъ вашихъ, Евтидемъ и Діонисодоръ! Всего же великолѣпнѣе здѣсь то, что вамъ нѣтъ заботы о многихъ людяхъ и почтенныхъ и признаваемыхъ значительными, а думаете вы только о подобныхъ D.
вамъ. Ибо я навѣрное знаю, что эти ваши рѣчи дѣйствительно нравятся очень немногимъ людямъ, похожимъ на васъ,—прочимъ же они такъ противны, что они навѣрное болѣе бы стыдились опровергать такими рѣчами другихъ, нежели быть самимъ опровергнутыми такимъ образомъ. И вотъ это опять общительно и дружелюбно въ вашихъ рѣчахъ [157]): когда вы утверждаете, что нѣтъ ничего ни прекраснаго, ни добраго, ни бѣлаго, и ничего прочаго въ томъ же родѣ, да и вообще никакихъ различій между предметами [158]), вы въ самомъ дѣлѣ просто зашиваете E.
рты людямъ, какъ и сами признаете; но что вы такъ поступаете не только съ чужими ртами, но, какъ видно,

153) *ὑπερεπῄνεσε.*

154) *ἐφ ἑκάστοις.*

155) *οἱ κίονες οἱ ἐν τῷ Λυκείῳ.* Слѣдуетъ разумѣть вещественные столбы, такъ какъ другихъ въ тогдашнемъ Ликеѣ еще не могло быть.

156) Я устранилъ здѣсь плеоназмъ подлинника: *οὕτω ταχὺ καὶ ἐν ὀλίγω χρόνῳ.*

157) *καὶ τόδε αὖ ἕτερον δημοτικόν τι καὶ πρᾶον ἐν τοῖς λόγοις.*

158) *μηδὲ το παράπαν ἑτέρων ἕτερον.*

и съ своимъ собственнымъ,—это уже совершенно мило, и отнимаетъ все досадительное въ рѣчахъ. А — главное,— что ваши пріемы разсужденія такъ хорошо и искусно изобрѣтены, что любой человѣкъ можетъ имъ научиться въ самое короткое время,—это я и самъ узналъ, наблюдая надъ Ктесиппомъ, какъ быстро онъ могъ безъ приго-
304. товленія [159]) подражать вамъ. Эти-то пріемы вашего дѣла хотя прекрасны быстротою передачи, чрезъ это же и неудобны для всенароднаго разсужденія; но если бы вы меня послушали, то не стали бы говорить передъ многими, а то быстро изучивши ваше искусство, они не будутъ чувствовать къ вамъ благодарности; но всего лучше разсуждать вамъ только между собою, а ужъ если передъ кѣмъ другимъ, то лишь передъ тѣмъ, кто далъ бы вамъ денегъ.
B. То же самое, если вы благоразумны, вы и ученикамъ своимъ посовѣтуете,—чтобы никогда не разсуждали ни передъ кѣмъ постороннимъ, а пусть это дѣло ведется между ними и вами. Ибо рѣдкое, Евтидемъ, высоко цѣнится, вода же вещь самая дешевая, хотя и превосходная, по словамъ Пиндара. Но пожалуйста, заключилъ я, меня то съ Клиніемъ примите въ вашу школу.

Послѣ этихъ, Критонъ, и другихъ краткихъ словъ мы ушли. Смотри же, какъ бы тебѣ вступить въ общеніе съ этими мужами, такъ какъ они увѣряютъ, что могутъ на-
C. учить всякаго, желающаго дать денегъ, и не исключаютъ никакого природнаго расположенія и никакого возраста и— что тебѣ всего важнѣе слышать—по ихъ словамъ и дѣловыя занятія [160]) нисколько никому не мѣшаютъ легко перенять ихъ мудрость [161]).

Кр. Конечно, Сократъ, я люблю послушать и охотно чему нибудь научился бы; однако и мнѣ приходится причислить себя къ непохожимъ на Евтидема,—къ тѣмъ, про
D. которыхъ ты говорилъ, что имъ пріятнѣе быть изобличенными такими разсужденіями, нежели изобличать. Хотя смѣшно мнѣ кажется вразумлять тебя, но всетаки хочу тебѣ передать то, что слышалъ. Такъ знай, что одинъ изъ уходившихъ съ вашей бесѣды, мужъ, почитаемый весьма мудрымъ, одинъ изъ тѣхъ, что особенно сильны въ судеб-

159) *παράχρημα*.

160) *τὸ χρηματίζεσθαι*.

161) Здѣсь собственно оканчивается діалогъ. Дальнѣйшее приставлено впослѣдствіи. См. *Разсужденіе*.

ныхъ рѣчахъ, подошелъ ко мнѣ, когда я прогуливался, и сказалъ:

— Ты не слушаешь мудрецовъ, Критонъ?

— Нѣтъ, ей-богу, говорю: ставши вблизи, я не могъ ничего разслышать изъ-за толпы. E.

— Ну а стоило послушать, сказалъ онъ.

— А что же? спрашиваю.

— Да ты бы слышалъ разсужденія людей, которые нынѣ всѣхъ мудрѣе по этой части.—А я:

— Ну, какъ же они тебѣ показались?

— Да не иначе, какъ могутъ показаться люди, корые вѣчно болтаютъ и изъ предметовъ, нестоящихъ вниманія дѣлаютъ недостойное занятіе?—Такъ онъ мнѣ это и сказалъ, этими словами. А я:

— Однако, говорю, вѣдь любезное это дѣло—философія.

— Какое тамъ, говоритъ, любезное, почтеннѣйшій? Просто ничего не стоющее, и еслибы ты теперь присут- 305.
ствовалъ при ихъ разговорѣ, я совершенно увѣренъ, что тебѣ было бы стыдно за твоего пріятеля [162]): такъ онъ былъ нелѣпъ, желая идти въ науку къ людямъ, которые вовсе не заботятся о томъ, что говорятъ, а только прекословятъ всякому сужденію. А они то, какъ я уже сказалъ, изъ самыхъ сильныхъ между нынѣшними. Но, Критонъ, и дѣло это самое, и люди, что съ этимъ дѣломъ возятся — негодны и смѣшны.—Мнѣ же, Сократъ, показалось, что самое дѣло философіи онъ бранитъ неправильно, какъ и всякій B.
другой, кто бы сталъ бранить его; однако желаніе разсуждать съ такими людьми передъ цѣлою толпой—это, мнѣ казалось, онъ правильно порицалъ.

Сокр. Ахъ Критонъ! Удивительны эти люди. Но я, право, не знаю, что сказать. Изъ какихъ былъ тотъ, что подошелъ къ тебѣ и бранилъ философію? Изъ тѣхъ ли онъ, что сильны бороться въ судилищахъ, какой нибудь риторъ, или изъ тѣхъ, что посылаютъ риторовъ въ судилища [163]), какой нибудь сочинитель тѣхъ рѣчей, которыми борятся риторы?

Кр. Ей-богу! всего менѣе риторъ, я думаю онъ даже C.
никогда не входилъ въ судилище. Но говорятъ, что онъ смыслитъ въ этомъ дѣлѣ, ей-богу!—и очень силенъ въ немъ да и рѣчи важныя сочиняетъ [164]).

162) т.-е. за Сократа.

163) *ἢ τῶν τοὺς τοιούτους εἰσπεμπόντων*.

164) *δεινοὺς λόγους συντιθέναι*.

Сокр. Понимаю. Объ этихъ людяхъ я и самъ сейчасъ
хотѣлъ говорить. Вѣдь дѣло идетъ, Критонъ, о тѣхъ, ко-
торыхъ Продикъ называетъ промежуткомъ между филосо-
фомъ и политикомъ [165]), они же считаютъ себя мудрѣй-
шими изъ всѣхъ людей, да и весьма важными въ глазахъ
D. большинства [166]), такъ что никто не мѣшаетъ имъ пользо-
ваться всеобщимъ почетомъ, кромѣ людей, занимающихся
философіей [167]). Такъ вотъ они и думаютъ, что, еслибы имъ
удалось ославить философовъ, какъ ничего не стоющихъ, такъ
они уже безъ всякаго сомнѣнія передъ всѣми вынесли бы по-
бѣдный вѣнокъ за мудрость [168]). Они считаютъ себя по истинѣ
мудрѣйшими, а случись имъ быть превзойденными въ частномъ
разговорѣ [169]) виноваты приверженцы Евтидема: они, молъ,
ихъ запутали [170]). Мудрыми же они почитаютъ себя съ
большимъ правдоподобіемъ: берутъ они въ умѣренной сте-
E. пени и отъ философіи, берутъ — тоже въ умѣренной — и
отъ политики, и для такой умѣренности есть у нихъ доста-
точное основаніе: они причастны сколько должно политикѣ
и философіи, и, будучи внѣ опасностей и ратоборствъ, поль-
зуются плодами мудрости.

Кр. И что же? Кажется тебѣ, Сократъ, что они гово-
рятъ дѣло? Какъ ни какъ, а въ разсужденіи этихъ людей
есть нѣкоторая благовидность.

Сокр. Да и въ самомъ дѣлѣ, Критонъ, здѣсь больше благо-
306. видности, чѣмъ истины; потому что не легко ихъ убѣдить въ слѣ-
дующемъ: и у людей, и во всемъ прочемъ то, что находится про-
межъ какихъ либо двухъ началъ [171]) и обоимъ причастно,
если оно между дурнымъ и хорошимъ, то лучше перваго
и хуже второго, а что слагается изъ двухъ благъ но отно-
сящихся не къ одному и тому же, — хуже обоихъ въ отно-
шеніи того, въ чемъ каждое изъ нихъ полезно, — и только
то, что находится посреди двухъ золъ, относящихся не къ
B. одному и тому же, только такая средина лучше каждаго
изъ тѣхъ золъ, которымъ обоимъ она причастна. Такъ,

[165]) *μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ.*

[166]) Читаю текстъ по рецензіи Шанца: *πρὸς δε καὶ δοκεῖν πάνυ παρὰ πολλοῖς*. Въ прежнихъ изданіяхъ читается: *πρὸς δὲ τὸ εἶναι καὶ κτλ.*

[167]) *ἢ τοὺς περί φιλοσοφίαν ἀνθρώπους.*

[168]) *τά νικητήρια οἴσεσθαι σοφίας πέρι.* Въ прежнихъ изданіяхъ *τὰ νικητήρια εἰς δοξαν κτλ.*

[169]) *ἐν τοῖς ἰδίοις λόγοις*

[170]) *ὑπὸ τῶν ἀμφὶ Εὐθύδημον κολούεσθαι.*

[171]) *ὅσα μεταξύ τινοῖν δυοῖν ἐστι.*

значитъ, ежели философія есть благо, а также и полити-
ческая дѣятельность, предметъ же у каждой изъ нихъ дру-
гой, — то эти люди, причастные обѣимъ, находясь по сере-
динѣ ихъ, не представляютъ ничего дѣльнаго, такъ какъ
они хуже и тѣхъ, и другихъ [172]), если же одинъ изъ двухъ
предметовъ, между которыми они находятся, есть добро, а
другой зло, то они хотя лучше однихъ, за то хуже другихъ;
и лишь въ томъ случаѣ, если бы оба близкіе имъ предмета
были зломъ, то оказалось бы, что они говорятъ правду [173]),
а иначе — никакимъ образомъ. Ну а вѣдь я не думаю, чтобы C.
они допустили, что философія и политика [174]) суть зло,
или хотя бы то, что одна — добро, а другая зло; на
самомъ дѣлѣ, будучи отчасти философами и отчасти поли-
тиками, они уступаютъ и тѣмъ и другимъ во всякомъ
отношеніи, въ какомъ политика и философія чего нибудь
стоятъ [175]), — и, занимая по истинѣ лишь третье мѣсто,
они хотятъ казаться первыми; хоть и нужно извинить имъ
это желаніе и не сердиться на нихъ, однако считать то
ихъ нужно такими, каковы они на дѣлѣ: вѣдь нужно лю- D.
бить всякаго человѣка, который предлагаетъ дѣло, имѣющее
хоть сколько нибудь смысла и разрабатываетъ его съ му-
жественною рѣшимостью.

Кр. Да я-то, Сократъ, какъ всегда тебѣ говорю, на-
счетъ сыновей своихъ недоумѣваю: что съ ними предпри-
нять? Младшій-то еще малъ, ну а Критобулъ ужъ на воз-
растѣ и нуждается въ комъ - нибудь, кто бы имъ занимался
для его пользы. Такъ вотъ каждый разъ, какъ я съ тобою
сойдусь, чувствую себя въ такомъ расположеніи, что мнѣ
кажется безуміемъ, послѣ того какъ я такъ много старался
о дѣтяхъ съ разныхъ другихъ сторонъ — и относительно E.
брака, чтобы они были отъ благороднѣйшей матери, и отно-
сительно имущества, чтобы были какъ можно богаче, — о
воспитаніи-то ихъ не позаботиться; когда же я посмотрю
на кого нибудь изъ вызывающихся воспитывать людей то 307.
я пораженъ и — правду тебѣ сказать, каждый изъ нихъ пред-
ставляется мнѣ какимъ то уродомъ [176]); такъ что я и не
знаю, какъ мнѣ склонять маьчика къ философіи.

[172]) Они слабѣе философовъ въ философіи и слабѣе политиковъ въ политической дѣятельности.

[173]) т.-е. они были бы дѣйствительно лучше и тѣхъ и другихъ, не будучи всецѣло преданы ни тому, ни другому изъ двухъ золъ.

[174]) *αὐτώ ἀμφοτέρω*, т.-е. философія и политика.

[175]) *ἀξίω λόγου ἐστόν.*

[176]) *πάνυ αλλόκοτος εἶναι.*

Сокр. О милый Критонъ! Развѣ ты не знаешь, что во всякомъ занятіи плохихъ много и они ничего не стоятъ, дѣльныхъ же немного, и они всего стоятъ? Развѣ не кажется тебѣ прекраснымъ дѣломъ, гимнастика, или денежное дѣло, реторика, стратегія?

Кр. По моему, конечно.

Сокр. Ну и что же? Въ каждомъ изъ этихъ искусствъ большинство-то, развѣ ты не видишь,—какой это смѣшной народъ?

Кр. Да, ей-богу! и очень вѣрно ты это говоришь.

B. **Сокр.** Такъ неужели изъ за этого ты и самъ будешь избѣгать всякаго занятія, и сыновей ни къ чему не будешь побуждать?

Кр. Не справедливо бы это было, Сократъ!

Сокр. Такъ и не дѣлай того, чего не должно, Критонъ; но оставивъ въ покоѣ занимающихся философіей,—хороши они, или худы,—испытай хорошенько само дѣло,

C. и если найдешь его дурнымъ, всякаго человѣка отклоняй отъ него, а не только своихъ сыновей; если же оно и тебѣ покажется такимъ какимъ я его считаю, то смѣло гонись за нимъ и упражняйся въ немъ, какъ говорится, и ты и дѣти твои.

РАЗСУЖДЕНІЕ ОБЪ ЕВТИДЕМѢ.

I.

Сократъ разсказываетъ своему другу Критону бесѣду, которую онъ велъ наканунѣ съ двумя знаменитыми братьями софистами, Евтидемомъ съ Діонисіодоромъ, выступающими въ качествѣ учителей добродѣтели. Сократъ въ присутствіи многочисленной толпы юношей аѳинскихъ и другихъ любителей словеснаго искусства приглашаетъ обоихъ братьевъ показать образецъ своей мудрости и убѣдить Аксіохова сына, мальчика Клинія, что добродѣтель можетъ быть изучаема, „что нужно философствовать и заботиться о добродѣтели". Оба софиста обрушиваются на мальчика и приводятъ его въ крайнее смущенье, доказывая ему заразъ, что учатся только неучи и наоборотъ, только знающіе, что люди познаютъ только то, что они уже знаютъ и наоборотъ,—только то, чего они не знаютъ. Сократъ приходитъ на помощь Клинію, захлебывающемуся отъ аргументовъ своихъ новыхъ учителей. Все это только шутки. Евтидемъ и Діонисіодоръ должны серьезно показать свою «протрептическую мудрость", „увѣщая мальчика, какъ должно заботиться о мудрости и добродѣтели". Но сперва онъ самъ показываетъ, что онъ разумѣетъ подъ такимъ увѣщаніемъ и даетъ образецъ своей протрептики (278 E—282 E). Всѣ люди желаютъ, чтобы имъ было хорошо и съ этою цѣлью желаютъ себѣ всевозможныхъ благъ, богатства, счастья или удачи: но удача во всякомъ дѣлѣ дается лишь знающему, мудрому, и одно внѣшнее обладанье благами богатства, могущества, здоровья безполезно для нашего счастья безъ умѣнья правильно ими пользоваться,—умѣнья, которое опять таки дается лишь *знанію*. И такъ какъ всѣ мы стремимся къ счастью, которое достигнется лишь черезъ правильное употребленіе вещей, или

черезъ правильное поведеніе, то человѣкъ прежде всего долженъ стремиться къ тому, чтобы быть „какъ можно болѣе мудрымъ“, не щадя для этого никакихъ жертвъ и усилій, ибо «правильность и удача (εὐτυχία) доставляются *знаніемъ*». «*Если только мудрость подлежитъ изученію*»,—а этотъ труднѣйшій вопросъ предполагается уже разрѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ,—то человѣкъ долженъ стремиться къ такому изученію ради собственнаго счастья. „Вотъ мой образчикъ того, какимъ я желаю, чтобы было увѣщательное слово“, заключаетъ Сократъ и предлагаетъ обоимъ братьямъ либо придать искусную разработку его простому „слову“, либо же развить его далѣе и показать *какое* знаніе „необходимо дѣлаетъ своего обладателя счастливымъ и добрымъ человѣкомъ“. Въ отвѣтъ на такое приглашеніе оба брата снова начинаютъ показывать фокусы своей словесной эквилибристики. Желая сдѣлать Клинія мудрымъ, Сократъ и Ктесиппъ, поклонникъ Клинія, хотятъ, чтобы онъ сталъ такимъ, какимъ онъ не существуетъ, слѣд.—чтобы онъ погибъ. Ктесиппъ восклицаетъ, что это ложь, на что Евтидемъ замѣчаетъ, что ложь невозможна, что *лгать нельзя*. Всякій, кто говоритъ, говоритъ то самое, что онъ говоритъ и высказываетъ нѣчто сущее и тѣмъ самымъ говоритъ истину; не-существующее, *небытіе* не *бываетъ нигдѣ*, его нѣтъ безусловно, а слѣд. его не можетъ быть и въ рѣчи нашей; несуществующаго никто не говоритъ, ибо, высказывая несуществующее, мы дѣлаемъ *нѣчто*, а несуществующее, какъ таковое, есть ничто и потому ни сдѣлано, ни высказано быть не можетъ. Еще болѣе софистически доказываетъ Діонисіодоръ, что нельзя говорить о предметахъ такъ, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, и на замѣчаніе Ктесиппа, что всѣ хорошіе люди говорятъ о предметахъ, каковы они суть въ дѣйствительности, онъ отвѣчаетъ, что слѣдовательно они говорятъ дурно—о дурномъ. Далѣе онъ высказываетъ одно изъ излюбленныхъ положеній антилогической софистики того времени—о невозможности противорѣчія: каждая вещь опредѣляется свойственнымъ ей словомъ или понятіемъ, и, высказывая его, собесѣдники, по необходимости, высказываютъ одно и то же понятіе, одно и то же „слово“, имѣющее одинъ и тотъ же смыслъ; въ противномъ случаѣ они говорятъ о различныхъ предметахъ или различныхъ понятіяхъ, такъ какъ, по отношенію къ одному и тому же, противорѣчіе или различіе немыслимы. Сократъ указываетъ, что софисты въ такомъ случаѣ напрасно стараются что либо опровергать или что либо доказывать: такія рѣчи не имѣютъ смысла. По этому

поводу Діонисіодоръ говоритъ, что смыслъ могутъ имѣть лишь существа, обладающія душею, а рѣчей, обладающихъ душею, нѣтъ. Въ такомъ случаѣ возражаетъ Сократъ, что нибудь одно: или я не ошибся, и тогда ты меня не опровергнешь, или я ошибся, и ты самъ опровергаешь свое предшествовавшее утвержденіе относительно невозможности ошибки, лжи или заблужденія. Тутъ Ктесиппъ снова выступаетъ съ рѣзкимъ выраженіемъ нетерпѣнія: „удивительно съ какою легкостью вы вздоръ болтаете!“ Но Сократъ еще разъ его останавливаетъ: гости не хотѣли взаправду показать своей мудрости; когда они начнутъ говорить по настоящему, они безъ сомнѣнія явятъ что-нибудь необычайно прекрасное. И Сократъ опять пытается предуказать обоимъ братьямъ, какъ онъ желалъ бы, чтобы они ему явились, предлагая имъ второй образчикъ ожидаемаго поученія. Уже ранѣе было установлено, что слѣдуетъ стремиться къ знанію; но безусловно желательно лишь такое знаніе, которое умѣетъ не только *производить* что нибудь, но и *пользоваться* произведеннымъ. Ни искусство составителя рѣчей, ни стратегическое искусство не относятся къ такого рода знанію, какъ это доказываетъ Сократу самъ мальчикъ Клиній, къ удивленію стараго Критона, который прерываетъ разсказъ своего друга, переспрашивая его, подлинно ли мальчикъ высказалъ такія слова? Послѣ этого, продолжаетъ Сократъ, они съ Клиніемъ, въ своихъ поискахъ за самодовлѣющимъ знаніемъ перебрали много различныхъ наукъ, не остановившись ни на одной изъ нихъ. Наконецъ пришли къ „царственному искусству“ и признали въ немъ то самое, котораго они искали: ему „какъ единому, умѣющему пользоваться всякими знаніями“, всѣ прочія передаютъ начальство надо всѣмъ, оно есть причина *удачи или правильнаго веденія дѣлъ* въ государствѣ. Но дальнѣйшее изслѣдованіе о сущности этаго царственнаго искусства привело собесѣдниковъ назадъ къ прежнему затрудненію: царственное искусство, или политика, состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать гражданъ богатыми, свободными, обезпеченными,—все это оказалось ни зломъ, ни добромъ; если политика есть то единое искусство, которое даетъ людямъ пользу и счастье, такъ она есть то искусство, которое дѣлаетъ людей мудрыми и добрыми, сообщая имъ *знаніе*. Но если общепризнанныя блага политики отвергаются, то, спрашивается, что же слѣдуетъ считать добрымъ, кого слѣдуетъ считать добрыми, и что за наука такая, которая можетъ сдѣлать насъ счастливыми? Съ этимъ вопросомъ Сократъ снова обращается къ двумъ гостямъ, прося ихъ

спасти его съ Клиніемъ отъ „треволненія мысли“ и „взаправду показать“ имъ то познаніе, „добывши которое мы могли бы хорошо провести прочее время жизни“.

Въ отвѣтъ на эту просьбу философа слѣдуетъ новый градъ софизмовъ. Если Сократъ знаетъ что-нибудь, онъ есть знающій и потому знаетъ все; если онъ чего нибудь не знаетъ, онъ—незнающій и потому не знаетъ ничего; «всѣ все знаютъ, коль скоро знаютъ что-нибудь“ (294),—почему софисты приписываютъ себѣ совершенное всевѣдѣніе, ибо нельзя быть заразъ и знающимъ и незнающимъ. Все, что мы познаемъ, мы *всегда* познаемъ чѣмъ-либо (какимъ-либо органомъ познанія) и притомъ однимъ и тѣмъ же органомъ, вслѣдствіе чего мы *всегда* все знаемъ. Всякая попытка Сократа раскрыть ложные логическіе пріемы обоихъ гостей встрѣчаетъ съ ихъ стороны безусловное противодѣйствіе. Они требуютъ лишь простаго положительнаго или отрицательнаго отвѣта на свои вопросы, чтобы немедленно привести собесѣдника къ абсурду. Софрoнискъ, отецъ Сократа, отличенъ отъ Хайредема; Хайредемъ—отецъ; стало быть Софронискъ не отецъ (*ὁ ἕτερος πατρός τινος οὐ πατήρ ἐστι*); этотъ песъ—*твой*; онъ—*отецъ*, стало быть онъ—твой отецъ. Никто не нуждается въ множествѣ благъ: лѣкарства есть блага, но никто не нуждается въ слишкомъ большомъ количествѣ лекарства; никто не нуждается и въ золотѣ: благо нужно имѣть всегда и вездѣ и какъ можно больше при себѣ, но въ такомъ случаѣ всего блаженнѣе былъ бы тотъ, кто имѣлъ бы три таланта золота въ брюхѣ, талантъ въ черепѣ и по статеру въ каждомъ глазѣ. Предполагаетъ ли видимое нами способность зрѣнія? Да. Но въ такомъ случаѣ плащи, видимые нами, слѣдуетъ признать способными къ видѣнію, или зрячими (трудно передаваемая игра словъ).

Молчащее (напр. дерево, камень, желѣзо) можетъ сказываться и говорящее можетъ быть умалчиваемо. Прекрасныя вещи не могутъ быть прекрасными вслѣдствіе присутствія красоты, какъ Сократъ не можетъ стать быкомъ вслѣдствіе присутствія быка. Если мяснику или повару присталъ убой и жаренье, а кузнецу ковка—то тотъ, кто зарѣжетъ и сваритъ повара или подкуетъ кузнеца, будетъ поступать пристойно. Съ твоими животными ты можешь распоряжаться по произволу—можешь ихъ дарить, продавать, рѣзать; Аполлонъ—твой; онъ есть живое существо или животное: слѣд. ты можешь его дарить, продавать или рѣзать. *Πύππαξ ὦ Ἡράκλεις*, „Пиппаксъ (выраженіе изумленія) о Гераклъ!“ восклицаетъ Ктесиппъ; „что изъ двухъ спрашиваетъ Діонисіодоръ: Гераклъ по твоему Пиппаксъ, или Пиппаксъ—Гераклъ“?

Разговоръ кончается среди общаго смѣха и гама, и въ заключенье Сократъ восхваляетъ мудрость обоихъ братьевъ. Онъ хвалитъ ихъ за то, что они пренебрегаютъ мнѣніемъ толпы и даже людей всѣми уважаемыхъ, ибо, говоритъ онъ, если рѣчи подобныя слышаннымъ, и нравятся немногимъ, похожимъ на Евтидема и Діонисіодора то „прочимъ они такъ противны, что они навѣрное болѣе бы стыдились опровергать такими рѣчами другихъ, нежели быть самимъ опровергнутыми такимъ образомъ“. Далѣе онъ хвалитъ ихъ за то, что они, отрицая возможность какого бы то ни было сужденія и общаго опредѣленія, тѣмъ самымъ зашиваютъ рты не только другимъ, но и самимъ себѣ. А главное онъ ставитъ имъ въ заслугу, что пріемы ихъ разсужденія изобрѣтены такъ искусно, что любой человѣкъ можетъ научиться имъ въ самое короткое время. Сократъ кончаетъ, рекомендуя обоихъ братьевъ вниманью Критона.

„Здѣсь, собственно, оканчивается Діалогъ“, замѣчаетъ В. С. Соловьевъ: „дальнѣйшее приставлено впослѣдствіи“. Въ дальнѣйшемъ Критонъ отвѣчаетъ Сократу совѣтомъ остерегаться отъ подобнаго общества. Онъ слышалъ самъ, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ при бесѣдѣ Сократа съ обоими братьями осуждалъ его за то, что онъ водится съ такого рода людьми; признавая обоихъ софистовъ наиболѣе выдающимися изъ теперешнихъ учителей, онъ осуждалъ и самое дѣло ихъ, и тѣхъ людей, которые, подобно имъ, занимаются философіей. Послѣднее, по мнѣнію Критона, несправедливо; но публичное общеніе съ людьми въ родѣ Евтидема и Діонисіодора дѣйствительно заслуживаетъ порицанія. Узнавъ отъ Критона, что его высокомѣрный порицатель былъ извѣстный составитель рѣчей (Исократъ), самъ никогда не показывавшійся въ судилищахъ, Сократъ замѣчаетъ, что люди подобные ему стремятся занять среднее мѣсто между философіей и политикой *) и мнятъ, что они тѣмъ самымъ становятся выше философовъ и политиковъ; на дѣлѣ они не имѣютъ преимуществъ ни тѣхъ, ни другихъ и уступаютъ и философамъ, и политикамъ. Имъ можно простить ихъ вожделѣнія, но слѣдуетъ почитать ихъ тѣмъ, что они суть. Что же касается вопроса о томъ, слѣдуетъ ли Критону заботиться о

*) Такъ именно дѣлаетъ Исократъ въ своей 13 рѣчи (противъ софистовъ), ср. начало 10-й рѣчи (похвала Еленѣ).

философскомъ образованіи своихъ сыновей, то ему нечего смущаться тѣмъ, что и въ философіи, какъ и въ другихъ занятіяхъ, встрѣчается не много достойныхъ и хорошихъ дѣятелей и много плохихъ и недостойныхъ; оставивъ въ покоѣ тѣхъ, кто занимаются философіей, хороши ли они или дурны, надобно хорошенько испытать самое дѣло: „если оно явится тебѣ дурнымъ, отвращай отъ него всякаго человѣка, не только сыновей; если же оно окажется таковымъ каковымъ я его считаю, то смѣло предавайся ему и подвизайся въ немъ и самъ и съ твоими дѣтьми".

II.

„Евтидемъ не оконченъ" говорилъ мнѣ В. С. Соловьевъ: „есть туловище, но оно обрублено". Заключительный разговоръ съ Критономъ, какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія къ стр. 224, представлялся ему позднѣйшею приставкой, которая не заканчиваетъ собою діалогъ, а является какъ бы отступленіемъ отъ него, написаннымъ по совершенно постороннему поводу— въ отвѣтъ одному „извѣстному составителю рѣчей", осуждавшему Сократа вмѣстѣ съ философіей и софистикой.

Къ сожалѣнію, Владиміръ Сергѣевичъ не успѣлъ высказать своихъ взглядовъ на этотъ діалогъ. Въ первомъ томѣ (см. стр. 20 и „необходимыя поправки" на стр. 373 онъ относитъ „Евтидемъ" вмѣстѣ съ обоими Иппіями и Протагоромъ—къ послѣднимъ годамъ жизни Сократа. „Въ нихъ, говоритъ онъ, духъ Сократова ученія характеризуется главнымъ образомъ отрицательно—черезъ сопоставленіе съ духомъ софистики. Необходимо признать что два болѣе значительные изъ этихъ діалоговъ — Протагоръ и Евтидемъ были существенно передѣланы Платономъ въ послѣдующее время". Какъ знаютъ читатели, Владиміръ Сергѣевичъ существенно измѣнилъ свой взглядъ на „Протагора", подлинность котораго онъ рѣшительно отрицаетъ. Къ какимъ выводамъ привело бы его изслѣдованіе Евтидема, мы рѣшать не беремся. Повидимому онъ представлялся ему отраженіемъ „Сократовской борьбы". Сократъ выступаетъ здѣсь въ борьбѣ съ „софистами улицы" (см. выше стр. 168). Два принципа воспитанія сталкиваются между собою и изображаются въ своей противоположности другъ другу, или, какъ говоритъ Боницъ „призваніе философіи быть истинной воспитательницей юношества оправдывается противъ притязаній мнимой мудрости, посягающей на ея мѣсто, — посредствомъ самораскрытія той и другой".*) И

*) Bonitz, Platonische Studien (3 Aufl) 1886 стр 126,

Сократъ, и софисты показываютъ, въ чемъ состоитъ ихъ мудрость: одинъ стремится къ „царственному искусству", которое дѣлаетъ людей мудрыми и добрыми, указывая имъ идеалъ высшаго блага и путь къ его достиженію; другіе стремятся къ чисто словесному искусству, упраздняя возможность всякаго знанія.

„Нельзя ли предполагать, спросилъ я Владиміра Сергѣевича, что подъ маскою Евтидема и Діонисіодора Платонъ мѣстами издѣвается надъ киниками, какъ это думали нѣкоторые нѣмецкіе ученые?" — „Возможно", отвѣчалъ онъ, „очень ужъ жестоко Платонъ ихъ пробираетъ. Это надо будетъ разобрать!".. Теперь мнѣ пришлось разбирать этотъ вопросъ. Разсматривая „Евтидемъ" я пришелъ къ тому заключенію, что Платонъ при его написаніи имѣлъ въ виду киниковъ не только „мѣстами", а въ цѣломъ: весь діалогъ представляется сплошной сатирой на эристику, діалектику, гносеологію Антисѳена. И, какъ мнѣ кажется, только такое объясненіе дѣлаетъ намъ его понятнымъ и въ частяхъ и въ цѣломъ.

III.

За исключеніемъ краткаго вступленія и заключительной бесѣды Сократа съ Критономъ, нашъ діалогъ довольно явственно дѣлится на пять частей: 1) обращеніе Сократа къ Евтидему и Діонисіодору и первые софизмы двухъ братьевъ, сбивающіе молодого Клинія; 2) рѣчь Сократа, который даетъ софистамъ образчикъ своей собственной протрептики и проситъ софистовъ показать такой же образчикъ ихъ „увѣщательной мудрости" (знаніе, какъ начало добра и счастья); 3) рядъ новыхъ софизмовъ о невозможности лжи, противорѣчія, безсмыслицы; 4) вторая рѣчь Сократа; бесѣдуя съ Клиніемъ, онъ приходитъ къ требованію „царственнаго искусства" или того знанія, которое есть „единое на потребу" для человѣка; онъ проситъ софистовъ объяснить ему природу этого знанія, но, передавши имъ слово, получаетъ отъ нихъ вмѣсто того 5) доказательство, что онъ уже обладаетъ всѣми возможными знаніями, вслѣдъ за чѣмъ разсыпается заключительный букетъ наиболѣе грубыхъ софизмовъ.

Читая внимательно Евтидема, я не вынесъ изъ него впечатлѣнія чего либо недоконченнаго. Расчлененіе его замѣчательно ясно и просто, и бесѣда между Сократомъ и обоими софистами кончается весьма естественно среди общаго гама и смѣха,

когда мудрые братья договорились что называется до чертиковъ; продолжать съ ними бесѣду далѣе было бы болѣе чѣмъ безполезно: и безъ того уже Критонъ журитъ Сократа и передаетъ ему, какъ осуждаютъ его за то, что онъ водится съ такими праздными и вздорными болтунами. Правда, можно замѣтить, что Сократъ такъ и не даетъ своего опредѣленія „царственнаго искусства“; но во первыхъ это далеко заходило бы за предѣлы простаго „увѣщанія“; во-вторыхъ Сократъ и хотѣлъ показать лишь образчикъ такого увѣщанія, а вдаваться въ пространное изслѣдованіе о существѣ „политики“ въ присутствіи такихъ собесѣдниковъ, какъ Евтидемъ и его братъ, значило бы метать жемчугъ передъ „псами“.

Обличительная цѣль нашего діалога, этой живой и остроумной философской „комедіи“, какъ называетъ ее Боницъ, достигается вполнѣ, въ связи съ другою апологетическою цѣлью, которую подчеркиваетъ самъ Платонъ въ заключительной бесѣдѣ Сократа съ Критономъ. Противниками великаго учителя являются вовсе не Евтидемъ и Діонисіодоръ, и не къ нимъ обращена его защита. Противниками его выступаютъ тѣ лица, которыя смѣшиваютъ Сократа съ софистами, подобными только что названнымъ, и не различаютъ между философіей и софистикой. Такимъ противникомъ сократической философіи является знаменитый риторъ-литераторъ, который самъ никогда не показывается въ судилищахъ, но сочиняетъ рѣчи для другихъ. Этотъ риторъ, въ которомъ не трудно узнать Исократа*), встрѣчаетъ себѣ оцѣнку не только въ концѣ нашего діалога, но и въ серединѣ его, гдѣ въ лицѣ „словотворцевъ“, не умѣющихъ произносить собственныя рѣчи мы находимъ довольно язвительный намекъ по его адресу.**) По мнѣнію В. С. Соловьева, вся заключительная бесѣда съ Критономъ есть post-scriptum, приставленный впослѣдствіи; но если въ нашемъ діалогѣ кто-нибудь выступаетъ съ какимъ либо обвиненіемъ противъ Сократа, такъ это именно „словотворецъ“, сочинитель рѣчей, о которомъ говорится здѣсь и которому „Евтидемъ“ долженъ служить косвеннымъ отвѣтомъ. Что касается до обоихъ братьевъ софистовъ, выведенныхъ въ этомъ діалогѣ, то ни одинъ изъ нихъ нигдѣ

*) См. выше, 233.

**) Такіе словотворцы не обладаютъ „царственнымъ искусствомъ“ и, какъ иные мастера, сами не умѣютъ играть на тѣхъ лирахъ, которыя они выдѣлываютъ. Далѣе, ихъ искусство заговаривать судей и народныхъ представителей сравнивается съ искусствомъ заговаривать змѣй, ядовитыхъ пауковъ и скорпіоновъ.

не выступаетъ съ полемикой противъ Сократа или съ обличеніемъ его дѣятельности; *онъ* обличаетъ ихъ, а не они его. И если въ отдѣльныхъ ихъ софизмахъ можно усмотрѣть полемическую тенденцію противъ какого либо дѣйствительнаго философскаго ученія, такъ это не противъ этики или діалектики Сократа, а противъ позднѣйшаго ученія самого Платона: въ одномъ изъ софизмовъ Діонисіодора (300*E* — 301*A*). В. С. Соловьевъ справедливо видитъ *„краткое, но очень опредѣленное указаніе на Платонову теорію идей“*. Стало быть „Евтидемъ“ былъ написанъ въ эпоху, когда означенная теорія не только сложилась, но и преподавалась Платономъ и подвергалась нападкамъ его противниковъ. Кто были эти противники, полемизировавшіе противъ ученія объ идеяхъ? Такую полемику мы находимъ отчасти у представителей мегарской школы; но всего рѣзче и опредѣленнѣе она развивается у *Киниковъ*. Ихъ то, повидимому, и осмѣиваетъ Платонъ подъ личиною Евтидема и Діонисіодора.

Подобное предположеніе высказывалось уже давно и притомъ столь авторитетными знатоками Платона, какъ Боницъ, Целлеръ, Дюмлеръ. Правда, Боницъ, вмѣстѣ съ другими учеными, указываетъ лишь на отдѣльныя черты Евтидема, напоминающія родоначальника кинической школы, и полагаетъ, что Платонъ соединяетъ въ этомъ діалогѣ коллекцію наиболѣе модныхъ, ходячихъ софизмовъ, фокусовъ мысли и слова, распространенныхъ въ его время.*) „Евтидемъ“ является типическимъ обобщеніемъ софистики въ ея вырожденіи. Но тщательный анализъ *всѣхъ* софизмовъ нашего діалога показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ софистикой совершенно особаго рода и направленія, нисколько не похожею на софистику Протагора, Горгія, Иппія, Продика, занимавшихъ Платона до написанія „Евтидема.“ Называть Евтидема и Діонисіодора „площадными“ учителями, „софистами улицы“ мы не имѣемъ основанія, не смотря на ту комическую роль, какую Платонъ заставляетъ ихъ играть въ своей каррикатурѣ: онъ самъ замѣчаетъ, что рѣчи ихъ нравятся лишь немногимъ, имъ подобнымъ, и что толпа относится къ нимъ неодобрительно, равно какъ и нѣкоторые всѣми уважаемые люди, въ глазахъ которыхъ они компрометируютъ самую философію. Въ основаніи ихъ софистики лежитъ своеобразное представленіе о знаніи—своего рода антилогическая, агностическая теорія, которая являлась Пла-

*) Bonitz, Platonische Studien, 135 сл., ср. Zeller, II, 1, 477[4].

тону достойной не одного глумленія, но и серьезнаго изслѣдованія, какъ мы видимъ это изъ другихъ его діалоговъ, наприм. изъ Θеетета или Софиста. Какая же эта теорія и кому она принадлежала? Намъ кажется, что Платонъ имѣетъ въ виду главныхъ своихъ противниковъ, *киниковъ*, и что скрытая цѣль діалога состоитъ именно въ томъ, чтобы показать различіе между ихъ софистикой и подлинной философіей Сократа. Такимъ образомъ мы усматриваемъ въ Евтидемѣ не отдѣльные намеки на Антисθена, какъ это дѣлаютъ другіе, а прямую сатиру, всецѣло посвященную киникамъ, „собачьимъ дѣтямъ“. Правда, есть въ Евтидемѣ софизмы, которые сближаютъ діалектику обоихъ братьевъ съ скептическимъ ученіемъ Горгія. Но Антисθенъ былъ ученикомъ именно этого софиста, агностицизмъ котораго явно отразился на діалектикѣ киниковъ. По выраженію Прантля въ его „Исторіи Логики,“ *Антисθенъ въ области логики „ничему не научился и ничего не забылъ“ во время своего общенія съ Сократомъ.*

IV.

Обратимся однако къ самимъ софизмамъ „Евтидема“ и разсмотримъ ихъ въ ихъ отношеніи къ тому ученію, которое въ нихъ дѣйствительно высказывается.

Давая общую характеристику рѣчей обоихъ братьевъ, Сократъ замѣчаетъ: „когда вы утверждаете, что нѣтъ ничего ни прекраснаго, ни благого, ни бѣлаго, и ничего прочаго въ этомъ же родѣ, ни другого въ другомъ родѣ, то вы въ самомъ дѣлѣ по просту зашиваете людямъ рты, какъ вы это и сами говорите; но что вы поступаете такъ не только съ чужими, но, повидимому, и съ собственными вашими ртами,—это ужь совершенно мило и уничтожаетъ все досадительное въ вашихъ рѣчахъ“. Смыслъ этой характеристики таковъ: отрицая возможность какихъ бы то ни было общихъ опредѣленій, общихъ предикатовъ, общихъ понятій, Евтидемъ и его братъ уничтожаютъ возможность всякаго сужденія или связи между субъектомъ и предикатомъ. Такая характеристика, дающая ключь къ пониманію софизмовъ нашего діалога, какъ нельзя лучше подходитъ къ крайнему номинализму Антисθена. Антисθенъ, а не кто иной, отрицалъ возможность общихъ понятій и опредѣленій, точно такъ же какъ и общихъ свойствъ, признавая, что существуютъ лишь единичные предметы, которые мы можемъ только называть, а не опредѣлять. Отсюда онъ доказывалъ, что о каждомъ отдѣльномъ предметѣ можетъ сказываться лишь одно „слово“,

заключающее въ себѣ его „собственное“ понятіе; нельзя сказать напримѣръ „человѣкъ добръ“, потому что человѣкъ есть *человѣкъ*, а не *добро*, и *добро* есть *добро*, а не *человѣкъ* *), или, какъ это иллюстрируется въ нашемъ діалогѣ, нельзя сказать, что Софронискъ есть „отецъ“ потому что Софронискъ отличенъ отъ „отца“ или отличенъ отъ Хайредема, который признанъ „отцемъ“. Отсюда, по свидѣтельству Аристотеля и его комментаторовъ, Антисθенъ выводитъ чисто-софистическое ученіе о невозможности противорѣчія, лжи и заблужденія. Противорѣчіе невозможно, потому что мы либо высказываемъ „собственное“ понятіе вещи, либо не высказываемъ его, или, точнѣе, высказываемъ понятіе *другой* вещи. Это положеніе Антисθенъ доказывалъ совершенно въ такихъ же выраженіяхъ, какъ Діонисіодоръ въ нашемъ діалогѣ (285*E*).**) Точно также доказывалась киниками и невозможность лжи или заблужденія — въ терминахъ, весьма близкихъ къ нашему діалогу (284).***) На аргументаціи Антисθена отражалось вліяніе Горгія: этотъ „софистъ-мыслитель“, развивая ученіе философовъ элейской школы, училъ между прочимъ, что въ рѣчи нельзя выразить ни небытія, котораго нѣтъ *безусловно*, ни сущаго, каково оно есть въ дѣйствительности.****).

Строго говоря, этими антилогическими положеніями объясняются всѣ софизмы Евтидема и Діонисіодора: въ рѣчи нельзя выразить сущее, какъ оно есть; наши сужденія и понятія, наша мысль не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и это доказывается обоими софистами и въ общемъ, и на частныхъ примѣрахъ. Первая половина софизмовъ посвящена доказательству

*) Ср. Zeller II, 1, 293⁴.

**) Ib. 301, 3 и комментарій Алекс. Афр. къ V, 29 метафизики Арист. V, 29: *ᾤετο ὁ Ἀντισθένης ἕκαστον τῶν ὄντων λέγεσθαι τῷ οἰκείῳ λόγῳ μόνῳ καὶ ἕνα ἑκάστου λόγον εἶναι... ἐξ ὧν καὶ συνάγειν ἐπειρᾶτο ὅτι μὴ ἔστι ἀντιλέγειν. τοὺς μὲν γὰρ ἀντιλέγοντας περί τινος διάφορα λέγειν ὀφείλειν, μὴ δύνασθαι δὲ περὶ αὐτοῦ διαφόρους τοὺς λόγους φέρεσθαι τῷ ἕνα τὸν οἰκεῖον ἑκάστου εἶναι. ἕνα γαρ ἑνὸς εἶναι καὶ τον λέγοντα περὶ αὐτοῦ λέγειν μόνον. ὥστε εἰ μὲν περὶ τοῦ πράγματος τοῦ αὐτοῦ λέγοιεν ἀλλήλοις (εἷς γὰρ ὁ περὶ ἑνὸς λόγος), λέγοντες δὲ ταὐτὰ οὐκ ἀντιλέγοιεν ἀλλήλοις. εἰ δὲ διαφέροντα λέγοιεν, οὐκέτι λέξειν αὐτοὺς περὶ αὐτοῦ.*

***) Ib. 302, 1. Ср. комментарій Прокла къ Кратилу Платона, 37: *Ἀντισθένης ἔλεγεν μὴ δεῖν ἀντιλέγειν. πᾶς γὰρ, φησὶ, λόγος ἀληθεύει. ὁ γὰρ λέγων τὶ λέγει, ὁ δὲ τὶ λέγων, τὸ ὂν λέγει, ὁ δὲ τὸ ὂν λέγων, ἀληθεύει.*

****) Ср. Euthyd. 284 и Theaet. 201ε; простое сличеніе этого послѣдняго текста съ Метафизикой Аристотеля кн. VIII гл. 3 (1043 в. 23 сл.) гдѣ рѣчь идетъ объ Антисθенѣ, убѣждаетъ насъ, что Платонъ говоритъ о немъ же.

того, что учиться нельзя, что познанія нѣтъ, что ложь и противорѣчіе невозможны; другая половина показываетъ на конкретныхъ примѣрахъ, что любое сужденіе наше антилогично: если логически ложь и противорѣчіе немыслимы, то въ дѣйствительности всякое слово, допускающее *нѣсколько различныхъ значеній* или могущее вступать въ различныя синтаксическія сочетанія, заключаетъ въ себѣ ложь; и всякое сужденіе, въ которомъ относительно какого либо подлежащаго сказывается отличное отъ него сказуемое, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе (А=не А). Это антилогическое ученіе представляется крайнимъ атомизмомъ мысли, разбивающимъ все содержаніе познаваемой дѣйствительности на какіе то индивидуальные конечные элементы, которые отнюдь не могутъ вступать въ логическую связь между собой. Замѣчательно, что Евтидемъ и Діонисіодоръ раскрываютъ это ученіе въ видѣ „протрептики", въ отвѣтъ на просьбу Сократа убѣдить молодого Клинія въ необходимости заниматься философіей о заботиться о добродѣтели. Ясно, что практическая философія основывается здѣсь на развалинахъ философіи теоретической: знанія нѣтъ, и науки не существуетъ.

Такое изображеніе, не смотря на свою каррикатурность, позволяетъ намъ узнать тотъ подлинникъ, съ котораго оно писано: номиналистическая теорія киниковъ извѣстна намъ по болѣе объективному свидѣтельству Аристотеля и самого Платона въ его „Ѳеететѣ". Это теорія служила киникамъ для ниспроверженія теоретической философіи, между тѣмъ какъ Платонъ стремился возсоздать такую философію, отправляясь отъ самой діалектики Сократа. Киники считали эту діалектику чисто-скептической, отрицательной и не умѣли различать между нею и эристикой Горгія; точно также поступали и противники философіи въ родѣ Исократа. Платонъ, напротивъ того, видѣлъ въ этой діалектикѣ истинную логику понятія и изъ этой логики строилъ свою онтологію, свое ученіе объ „идеяхъ".

Понятенъ антагонизмъ между киниками и Платономъ и полемика, возгорѣвшаяся между ними. Вопросы о возможности науки или ученія, о возможности заблужденія и противорѣчія, о возможности сочетанія между идеями (*κοινωνία τῶν γένων*) о возможности и сущности знанія оживленно обсуждались въ различныхъ школахъ. Къ чему относятся наши общія понятія и опредѣленія? Вѣдь въ опытѣ намъ даны лишь единичныя вещи; какъ же могу я познавать или опредѣлять ихъ чрезъ посредство общихъ понятій, къ которымъ сводится знаніе по Сократу? Не доказывается ли этимъ невозможность логическаго знанія, какъ

учили киники? Или наоборотъ, не доказывается ли этимъ недостовѣрность чувственнаго познанія, какъ учили философы мегарской школы? Естественно, Платону приходилось разбираться среди противоположныхъ мнѣній, и такіе діалоги, какъ Ѳеететъ, Софистъ, Парменидъ показываютъ сколь добросовѣстно пытался онъ взвѣшиваетъ эти мнѣніи, считаясь съ проблемами, въ нихъ затрогиваемыми. Но ему приходилось сталкиваться не съ отвлеченными теоріями, а съ живыми противниками, и нерѣдко философскій споръ получалъ характеръ ожесточенной полемики, въ которую иногда примѣшивался оттѣнокъ личнаго раздраженія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы непристойное заглавіе одного изъ трактатовъ Антисѳена, направленныхъ противъ Платона — *Σάθων ἢ περὶ τοῦ ἀντιλέγειν*. Платонъ не оставался въ долгу, какъ показываетъ его Евтидемъ. За утратой сочиненій Антисѳена, многія изъ которыхъ были посвящены теоріи познанія, *) мы можемъ судить о его спорѣ съ Платономъ лишь по діалогамъ этого послѣдняго. Конечно, картина, которая получается такимъ образомъ, страдаетъ неполнотой; но все же она объясняетъ намъ до нѣкоторой степени историческія условія возникновенія Евтидема.

Киники доказывали безплодность попытокъ теоретическаго знанія, невозможность „синтетическихъ сужденій", общихъ опредѣленій и понятій и глумились надъ Платономъ за то, что онъ обращалъ отвлеченныя понятія въ какія то вѣчныя сущности, сообщающія своимъ „присутствіемъ" (*παρουσία*) тѣ или другія общія свойства и качества вещамъ. Сюда относится острота Діонисіодора (301*A*) на счетъ быка, „присутствіе" котораго дѣлаетъ насъ быками, подобно тому какъ „прекрасное" дѣлаетъ прекрасными тѣ вещи, коимъ оно „присуще" **). Аргументъ столь же грубый, какъ тотъ, который преданіе приписываетъ Діогену: узнавъ, что Платонъ опредѣляетъ человѣка, какъ „животное двуногое и безпёрое", онъ принесъ ему общипаннаго пѣтуха (Diog. L. VI, 2, 40)—Общія опредѣленія, разсуждали киники, ложны уже потому, что существуетъ только частное, единичное: нѣтъ общихъ, реально существующихъ свойствъ, нѣтъ реальныхъ „родовъ" и „видовъ". Я вижу че-

*) Таковы его *Ἀλήθεια, π. τοῦ διαλέγεσθαι ἀντιλογικός, Σάθων ἢ π. τοῦ ἀντιλέγειν* (*Σάθων* отъ *σάθη*), *π. ὀνομάτων χρήσεως ἐριστικός, π. ἐρωτήσεως καὶ ἀποκρίσεως, π. δόξης καὶ ἐπιστήμης, δόξαι ἢ ἐριστικός, π. τοῦ μανθάνειν προβλήματα* и др.

**) Ср. аргументацію Діонисіодора 298 и 301 А: *τίνα τρόπον ἑτέρου ἑτέρῳ παραγενομένου τὸ ἕτερον ἕτερον ἂν εἴη;*

ловѣка, а не *человѣчность*" говорилъ Антисѳенъ; „это потому, что у тебя нѣтъ на это глазъ", отвѣчалъ Платонъ. *) Киники признаютъ реальность лишь видимаго, осязаемаго; общія начала, постигаемыя умомъ, мыслимыя отношенія, недоступныя чувствамъ, въ дѣйствительности не существуютъ вовсе; **) киники — грубые матеріалисты, и отсюда то объясняется ихъ ученіе о познаніи ***).

Каждая вещь есть то, что она есть. Поэтому сказуемое должно быть тожественно съ подлежащимъ, учили киники; допустите, что о подлежащемъ можетъ сказываться нѣчто отъ него отличное и вы впадете въ рядъ абсурдовъ, доказывая, что то, о чемъ вы говорите есть нѣчто другое, чѣмъ оно само (А=не А). Но вѣдь сами же вы, возражаетъ Платонъ, доказываете невозможность лжи и противорѣчія и тѣмъ сами себѣ зашиваете ротъ. Разрывая связь между подлежащимъ и сказуемымъ и отрицая возможность общихъ предикатовъ, вы уничтожаете возможность не только всякаго противорѣчія, но и всякаго познанія. —Пусть такъ, отвѣчали киники: если знаніе невозможно, то все же можетъ быть „истинное мнѣніе" — положеніе, которое Платонъ пространно разсматриваетъ въ Ѳеететѣ.

Въ Евтидемѣ, гдѣ онъ высмѣиваетъ своихъ противниковъ, онъ заставляетъ ихъ аргументировать болѣе грубымъ образомъ: невѣжда не можетъ учиться тому, чего онъ не знаетъ, и знающій не можетъ учиться тому, что онъ уже знаетъ. Знаніе *есть*, или его *нѣтъ*, и переходъ между ними столь же не мыслимъ,—какъ отъ бытія къ небытію и обратно ****). Знающій не можетъ быть незнающимъ, говоритъ Евтидемъ, и потому, если человѣкъ чего либо не знаетъ, то онъ есть уже незнающій; и наоборотъ, „всѣ знаютъ все, коль скоро знаютъ что нибудь одно", прибавляетъ Діонисіодоръ. Какъ ни карикатурно грубы эти софизмы, въ нихъ можно докопаться до серьезной мысли: еслибы челѣкъ *безусловно*, абсолютно зналъ что-либо, онъ обладалъ бы всевѣдѣніемъ, и наоборотъ, всякое ограниченіе человѣческаго знанія показываетъ, что абсолютное вѣдѣніе ему не дано—

*) Ср. Zeller II, 1,4 295.

**) Plat. Soph. 246 et—247 E.

***) Zeller, 296 сл.

****) Какъ увидимъ впослѣдствіи, самъ Платонъ вынужденъ былъ допускать сферу среднюю между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ—сферу правильнаго, (хотя и безотчетнаго) мнѣнія,—чтобы объяснить возможность такого перехода.

истинно сократовская мысль, искаженная софистикой киниковъ, которые понимаютъ слово „знаніе" въ абсолютномъ смыслѣ. Но въ затщиу ихъ можно сказать, что и самъ Платонъ, ограничивая знаніе сферой абсолютныхъ идей, въ извѣстномъ смыслѣ стоялъ на одной почвѣ съ киниками. Еще болѣе грубъ другой софизмъ, влагаемый въ уста Діонисіодору, который изображенъ еще болѣе наивнымъ, чѣмъ его братъ: „ты уже знаешь то, что́ ты учишь наизусть, какъ скоро ты знаешь всѣ буквы, изъ которыхъ состоитъ то, что ты учишь„. Но и въ этомъ софизмѣ осмѣивается философскій тезисъ киниковъ, который обсуждается въ Ѳеететѣ совершенно серьезно: киники учили, что элементы всего познаваемаго, которые они сравнивали съ буквами, составляющими слоги и слова, сами не доступны логическому опредѣленію: ихъ нельзя опредѣлять чѣмъ либо *отличнымъ* отъ нихъ самихъ, чѣмъ либо *другимъ*: ихъ можно только *называть*. Опредѣлять можно лишь нѣчто *сложное*, поскольку мы *знаемъ* составныя части, элементы этого сложнаго цѣлаго. Рѣчь есть „сочетаніе именъ", какъ имя или слово—сочетаніе буквъ. Я не могу знать ничего, если я не знаю всѣхъ элементовъ познаваемаго; и наоборотъ, если бы я зналъ эти элементы, то я зналъ бы все, такъ же какъ я умѣю читать все, зная буквы. Въ софизмѣ Діонисіодора пародируется эта теорія и приводится къ абсурду, но ясно, что Платонъ имѣетъ въ виду ее и что изъ нея заимствовано сравненіе элементовъ познаваемаго—съ буквами.

Мы не можемъ прослѣдить во всѣхъ софизмахъ нашего діалога (Боницъ насчитываетъ ихъ 21) явныя указанія на ученіе киниковъ; въ отдѣльныхъ изъ нихъ, и въ особенности въ тѣхъ, которыми доказываются общія положенія, такія указанія ясны въ связи съ свидѣтельствами другихъ источниковъ; въ другихъ, иллюстрирующихъ собою эти положенія, мы можемъ только съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ подозрѣвать отголоски оживленной полемики между киниками и Платономъ.

Мы привыкли видѣть въ киникахъ философовъ, преслѣдующихъ исключительно моральную цѣль, и съ перваго взгляда намъ трудно представить себѣ, что бы Евтидемъ и Діонисіодоръ, выступающіе съ своей антилогической діалектикой, олицетворяли собой проповѣдниковъ аскетической добродѣтели суровыхъ обличителей всѣхъ условностей современнаго общества, заслужившихъ прозвище „собачьихъ" философовъ или „псовъ", какъ за суровость своихъ обличеній, такъ и за то „упрощеніе" жизни и возвращеніе къ естественному состоя-

нію, которое они проводили на практикѣ *). Въ началѣ діалога оба брата извѣщаютъ Сократа, что реторикой они занимаются теперь лишь между дѣломъ, посвятивъ себя всецѣло обученію *добродѣтели*. Но Сократъ проситъ ихъ отложить свои лекціи до другого раза, а теперь показать лишь образчикъ своей протрептики, убѣдивъ молодаго Клинія заниматься философіей и прилежать къ добродѣтели. Здѣсь то и обличается несостоятельность обоихъ учителей, которые начинаютъ съ полнѣйшаго софистическаго нигилизма и совершеннаго отрицанія самой возможности ученія и знанія. Если нравственное ученіе киниковъ оставляется въ сторонѣ, если Евтидемъ и Діонисіодоръ ничего не говорятъ о добродѣтели, то вѣдь и въ Ѳеететѣ споръ съ киниками ведется исключительно на почвѣ гносеологіи. Какъ видно, полемика самихъ киниковъ была направленна именно на этотъ пунктъ ученія Платона.

Въ послѣдней группѣ софизмовъ Евтидема и Діонисіодора мы находимъ однако и такіе, гдѣ явно пародируются отдѣльные пункты нравоученія киниковъ, или, скорѣе, аргументы, которыми они доказывались. Таковы положенія—человѣкъ не нуждается въ большомъ количествѣ (внѣшнихъ) благъ, или золото не есть „собственное" благо человѣка, которое онъ могъ бы носить въ себѣ самомъ **). Аргументы Діонисіодора напоминаютъ здѣсь грубыя „капуцинады" Діогена. Спорящіе иронизировали другъ надъ другомъ, стремясь обратить насмѣшки противника на его же голову.

Смыслъ отдѣльныхъ насмѣшекъ намъ непонятенъ. Если-бы мы имѣли въ рукахъ утраченныя сочиненія Антисѳена „объ употребленіи именъ", „о вопросахъ и отвѣтахъ" или его „эристическій" и „антилогическій" трактаты, то безъ сомнѣнія мы поняли бы многіе намеки Платона, остающіеся для насъ совершенно неясными. Здѣсь мы можемъ только дѣлать догадки. Что значитъ напр. непонятная намъ острота по поводу „зрячихъ" или „способныхъ къ видѣнію" плащей? Есть ли это на-

*) Школа киниковъ получила свое названіе отъ посвященной Гераклу гимназіи Киносаргъ, гдѣ она имѣла свое первоначальное мѣстопребываніе: тамъ собирались эти своеобразные атлеты, „панкратіасты" философіи. Насмѣшливое прозвище „псовъ" осталось за ними однако не по одному мѣсту жительства.

**) Нѣсколько странны намеки на гонораръ, взимаемый обоими софистами (272 A. 304 C), повидимому, это не вяжется съ нашимъ представленіемъ о киникахъ. Однако и помимо Евтидема свидѣтельства Исократа (Helen. 6, Soph. 4) и Діогена Лаэрт. VI, 9 заставляютъ думать, что и киники брали съ учениковъ гонораръ, хотя и весьма незначительный.

мекъ на тѣ дырявые плащи, сквозь которые выглядывало тщеславіе киниковъ (Diog. L. VI, 8), *) или же какой нибудь каламбуръ Антисѳена, въ отвѣтъ на упрекъ Платона, что онъ признаетъ реальными лишь чувственно воспринимаемые, осязаемые или „видимые" предметы? Что означаютъ остроты о поварѣ, которому пристало жаренье, о кузнецѣ, которому пристала ковка, объ Аполлонѣ, котораго можно продавать или рѣзать, какъ свое „животное"? По всей вѣроятности, и это — насмѣшки киниковъ надъ діалектиками съ ихъ общими опредѣленіями въ родѣ „двуногаго безперагo", или съ ихъ разсужденіями о „согласованіи родовъ" и сочетаніи понятій. Повторяю, попытка объяснить всю соль отдѣльныхъ эпиграммъ, разсѣянныхъ въ нашемъ діалогѣ, поневолѣ окажется тщетной. Въ одномъ случаѣ однако Платонъ весьма недвусмысленно указываетъ, кого бьетъ его сатира: послѣ того какъ Діонисіодоръ доказалъ, что отецъ Ктесиппа—пёсъ и что Ктесиппъ бьетъ въ немъ собственнаго своего отца, обиженный юноша замѣчаетъ: „много справедливѣе было бы мнѣ бить вашего отца, котораго нелегкая угораздила произвести такихъ мудрыхъ сыновей. Но въ самомъ дѣлѣ Евтидемъ многими благами поживился *вашъ, онъ же и собачій отецъ* отъ вашей мудрости!" Отецъ собаченокъ (*ὁ ὑμέτερος τε καὶ τῶν κυνιδίων πατήρ*) есть, очевидно, „песъ" (*κύων*). отецъ „кинической школы" (299 A).

Противъ киниковъ же направлена, повидимому, и та ироническая рѣчь Сократа, гдѣ онъ столь страннымъ для насъ образомъ говоритъ о борьбѣ Геракла съ гидрой и ракомъ (297 c): гидра была сущая софистка „которая, по мудрости своей, выпускала на мѣсто одной отсѣченной главы разсужденія множество новыхъ", а ракъ—другой софистъ „какъ кажется недавно приплывшій съ моря", который удручалъ его „не въ добрый часъ разговаривая (*ἐπ' ἀριστερὰ λέγων*) и кусаясь"; не даромъ самъ Гераклъ не могъ справиться съ двумя такими противниками и вынужденъ былъ призвать на помощь племянника своего Іолая. Съ перваго взгляда совершенно непонятно, къ чему тутъ Гераклъ и Іолай и все это натянутое сравненіе съ гидрой и ракомъ, которое производитъ впечатлѣніе какого то непонятнаго намека. Оно объясняется само собою, когда мы припоминаемъ что въ Аѳинахъ святилищемъ Геракла и Іолая, гдѣ они были

*) 300 A. *ὁρᾷς οὖν τὰ ἡμέτερα ἱμάτια; ναί. δυνατά οὖν ὁρᾶν ἐστιν ταῦτα; ὑπερφυῶς ἔφη ὁ Κτήσιππος. τί δέ; ἦδ'ὅς. μηδέν. σύ δ'ἴσως οὐκ οἴει αὐτὰ ὁρᾶν οὕτως ἡδὺς εἶ.*

чтимы вмѣстѣ, служилъ *Киносаргъ*, — мѣстопребываніе кинической школы (Paus. I, 14, 3). Ссылка на ея патроновъ, на обоихъ святыхъ Киносарга, которымъ киники мнили подражать своимъ подвижническимъ образомъ жизни, пріобрѣтаетъ особую пикантность, если съ гидрой сравнивается антилогическая, многоглавая софистика Антисѳена, а съ ракомъ — рѣчи „недавно приплывшаго,“ „кусающаго“ (*δάκνων*) софиста — Діогена *).

IV.

Такимъ образомъ Евтидемъ представляется намъ отголоскомъ не борьбы Сократа съ софистами, а борьбы сократическихъ школъ между собою. Ученіе Платона, какъ и ученіе Антисѳена представляется вполнѣ сложившимся, и полемика между ними повидимому успѣла не только обстриться, но и получить схоластическій характеръ, Антисѳенъ выступаетъ учителемъ добродѣтели, преемникомъ Сократа, хранителемъ подлинныхъ его завѣтовъ; онъ прикрывается его авторитетомъ и обращаетъ свою діалектику противъ идеологіи Платона. И посторонніе зрители, подобные Исократу, осуждаютъ Сократа въ лицѣ Антисѳена. Когда Платонъ черезъ 12 лѣтъ послѣ смерти учителя вернулся изъ Сициліи и основалъ свою собственную школу,— Академію, онъ нашелъ сильныхъ соперниковъ въ лицѣ киниковъ, считавшихъ себя сократической школой и пытавшихся присвоить себѣ Сократа. Платонъ вынужденъ былъ выступить въ защиту не только своего ученія, но и своего учителя, заставить его самого говорить противъ его мнимыхъ послѣдователей. И съ этою цѣлью онъ выводитъ его въ бесѣдѣ съ Евтидемомъ и Діонисіодоромъ, софистами, о которыхъ извѣстны почти лишь одни ихъ имена,—и влагаетъ имъ въ уста антилогическое ученіе киниковъ. Что заставило Платона избрать маску именно Евтидема и Діонисіодора, какія аналогіи существовали между искусствомъ словопренія этихъ двухъ софис-

*) Въ „ракѣ, недавно прибывшемъ морскимъ путемъ“ нельзя видѣть намека на „заморскихъ учителей“, а развѣ на *одного* заморскаго учителя, „недавно пріѣхавшаго“ софиста. Гидра ни откуда не приплыла,—Антисѳенъ, былъ уроженецъ Аѳинъ; Діогенъ *Синопскій* прибылъ въ Аѳины изъ Дельфъ, или, по другому преданію, *изъ Делоса, послѣ* смерти Сократа „Кусательными“ считали его рѣчи не только другіе, но и онъ самъ (Diog. L. VI, 2, 60); *ἐπ' ἀριστερὰ λέγων καὶ δάκνων*—характеристика Діогена, весьма естественная въ устахъ Платона.

товъ и эристикой Антисѳена — мы не знаемъ *). Во всякомъ случаѣ цѣль діалога была достигнута болѣе чѣмъ успѣшно: ученіе, влагаемое въ уста Евтидему и его брату, настолько отличается отъ подлиннаго ученія Сократа и до такой степени приближается къ софистикѣ, что въ немъ долгое время не подозрѣвали доктрину ученика Сократа. Въ глазахъ Платона эта доктрина и есть не что иное, какъ софистика худшаго сорта. И онъ обличаетъ ее не во имя своего ученія, не въ интересахъ какого либо опредѣленнаго философскаго догмата, а въ интересахъ самой философіи, связанной для него съ именемъ Сократа, философа по преимуществу. Отъ этого удары его получаютъ двойную силу. Евтидемъ—мастерское полемическое произведеніе, въ которомъ Платонъ поражаетъ противника, ни минуты не обнажая ему своего собственнаго ученія, не оставляя ему никакой возможности для перехода въ нападеніе.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести написаніе Евтидема? За отсутствіемъ внѣшнихъ основаній для рѣшенія этого вопроса мы не можемъ высказаться категорически. Въ словахъ Сократа о томъ, что вопросъ объ изучимости добродѣтели требуетъ пространнаго обсужденія и что рѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ принято пока безъ доказательства—*можетъ быть* возможно усмотрѣть нѣкоторое указаніе на Менонъ, написанный не раннѣе 395 г. Равнымъ образомъ, *если* принимать съ нѣкоторыми критиками, что рѣчь Исократа противъ софистовъ написана около 390 г. **), то Евтидема *съ тѣмъ большимъ вѣроятіемъ* можно отнести къ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, т. е. къ эпохѣ, когда Платонъ основалъ свою собственную школу и выступилъ учителемъ. Ранѣе этого времени едва ли возможенъ былъ тотъ школьный споръ, столь оживленный и горячій, несмотря на свои схоластическія тонкости,—о которомъ свидѣтельствуетъ нашъ діалогъ. Схоластическій характеръ спора естественно заставляетъ насъ относить діалогъ къ возможно болѣе позднему времени. Съ другой стороны его

*) Аристотель приводитъ одинъ софизмъ Евтидема Soph. El. 20. 177 b. 12), представляющійся совершенно безсодержательною игрою словъ. Что Платонъ нерѣдко выводилъ своихъ противниковъ подъ маской тѣхъ или другихъ софистовъ, обличаемыхъ Сократомъ, въ этомъ намъ еще не разъ предстоитъ убѣдиться. Помѣщенный въ настоящемъ томѣ діалогъ Иппій Меньшій, какъ замѣчательно хорошо показалъ Ф. Дюммлеръ (Antisthenica, 1882, 31 сл.), также посвященъ Антисѳену и его превратнымъ толкованіямъ Гомера.

**) Ср. Blass, Die attische Beredsamkeit, II (1892).

заключеніе, написанное, повидимому, подъ неостывшимъ впечатлѣніемъ нападокъ Исократа, не позволяетъ намъ относить Евтидемъ слишкомъ далеко отъ рѣчи этого оратора „противъ софистовъ"—рѣчи, которую едва ли слѣдуетъ относить позже 390 г.

V.

Предлагаемое объясненіе Евтидема имѣетъ важное значеніе и для исторіи греческой софистики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и для исторіи кинической школы въ ея борьбѣ съ новорожденной Академіей. Исторія кинической школы обогащается новымъ источникомъ; софистика, наоборотъ, въ лицѣ Евтидема освобождается отъ одного изъ самыхъ опасныхъ свидѣтелей, какіе выставлялись для ея обвиненія.

Но за то не заставляетъ ли насъ подобное толкованіе Евтидема существенно измѣнить наше мнѣніе о кинизмѣ —къ невыгодѣ послѣдняго? Едва ли. Ибо убѣждаясь въ томъ, что Евтидемъ направленъ противъ киниковъ, мы допускаемъ это лишь на основаніи тѣхъ свѣденій о ихъ ученіи, которыя мы имѣемъ помимо Евтдема и которыя позволяютъ намъ узнать въ этомъ діалогѣ каррикатуру, сатиру на означенное ученіе.

Была ли эта сатира заслужена и справедлива? Самъ Платонъ въ другихъ произведеніяхъ позволяетъ намъ видѣть, что въ основаніи „антилогики" Киниковъ лежали серьезныя проблемы, которымъ и онъ не могъ дать окончательнаго рѣшенія. Отвлеченный номиналистическій индивидуализмъ Антисѳена представляется противоположностью отвлеченнаго универсализма самого Платона: Антисѳенъ признаетъ реальность единичнаго, частнаго и отрицаетъ реальное существованіе общаго; Плтонъ, наоборотъ, приписываетъ подлинное бытіе только умопостигаемому, общему, и признаетъ преходящимъ и призрачнымъ все единичное, чувственное, матеріальное. Здѣсь завязывается споръ между *номинализмомъ* и *реализмомъ*,—споръ, которому суждено было тянуться въ теченіе среднихъ вѣковъ, да и впослѣдствіи, вплоть до нашихъ дней. *Евтидемъ показываетъ намъ, какъ рано зародилась схоластика и какъ тѣсно примыкаетъ она къ софистикѣ у самой колыбели философіи понятія.*

Но какъ бы мы ни рѣшали для себя споръ между реализмомъ и номинализмомъ, между Платономъ и Антисѳеномъ, мы должны признать историческую правоту Платона и его побѣду, одержанную не во имя той или другой спеціальной философской теоріи, а во имя философіи и въ духѣ Сократа. Побѣда Антисѳена съ его „антилогикой" была бы несомнѣннымъ пораженіемъ не только умозрѣнія, но и философіи вообще. Побѣда Платона была побѣдою философіи, побѣдой Сократовскаго принципа свободнаго изслѣдованія, одушевленнаго вѣрой въ „разумъ истины". И въ этомъ высшемъ смыслѣ Владиміръ Сергѣевичъ былъ правъ, видя въ Евтидемѣ вѣяніе Сократова духа и отраженіе „Сократовской борьбы",—хотя нашъ діалогъ былъ несомнѣнно написанъ много позже Сократа и вызванъ споромъ о его духовномъ наслѣдствѣ.

ЕВТИФРОНЪ

(ИЛИ О БЛАГОЧЕСТIИ)

Собесѣдники: ЕВТИФРОНЪ. СОКРАТЪ.

ЕВТИФРОНЪ.

Евт. Что это, Сократъ, съ тобою приключилось, что ты 2 A.
оставилъ Ликей и пребываешь теперь здѣсь у царскаго портика? [1]). Вѣдь не жалоба же у тебя какая-нибудь къ царю, какъ вотъ у меня.

Сокр. Конечно нѣтъ, Евтифронъ; Аѳиняне, по крайней мѣрѣ, называютъ это не жалобой, а обвиненіемъ въ уголовномъ преступленіи.

Евт. Что ты говоришь? Тебя, оказывается, обвинили въ уголовномъ преступленіи? Вѣдь чтобы ты самъ обвинилъ другого, этому я не повѣрю. B.

Сокр. Ну конечно.

Евт. Значитъ другой тебя?

Сокр. Вотъ именно.

Евт. Кто это?

Сокр. Я и самъ, Евтифронъ, хорошенько-то не знаю этого человѣка, потому что мнѣ кажется, что это кто-то изъ молодыхъ и неизвѣстныхъ; зовутъ же его, какъ мнѣ думается, Мелитомъ, а изъ дема онъ будетъ изъ Пиѳа [2]). Представляешь ты себѣ нѣкоего пиѳейца Мелита, такого—съ прямыми волосами и съ жидковатой бородой, курносаго? [3]).

Евт. Нѣтъ, не представляю, Сократъ. Но какъ же онъ тебя всетаки обвинилъ? C.

---

[1]) О *Ликеѣ* и *Царскомъ портикѣ* смотри Томъ I стр. 233,289 примѣчанія.

[2]) *Демъ*—соб. деревня или село; послѣ реформы Клисѳена вся Аттика и Аѳины дѣлились на демы и съ именемъ каждаго гражданина соединялось названіе дема, къ которому онъ былъ причисленъ.

[3]) Драматургъ и эротическій поэтъ по профессіи Мелитъ прославился какъ главный изъ трехъ обвинителей Сократа. Сократъ въ *Апологіи* говоритъ: „По этой же причинѣ (изъ оскорбленнаго самолюбія) обрушились на меня и Мелитъ, и Анитъ и Ликонъ; Мелитъ—негодуя за поэтовъ, Анитъ—за художниковъ, а Ликонъ—за риторовъ“. Apol. Cap. X, 232.

Сокр. Какъ обвинилъ? Да такъ, что это дѣлаетъ ему честь по моему. Въ молодые годы распознать такое важное дѣло,—это вѣдь не шутка. Ему видишь ли извѣстно, говоритъ онъ, какимъ образомъ гибнутъ молодые люди, и кто ихъ губитъ. И выходитъ онъ вродѣ какъ мудрецъ какой-то. И вотъ, усмотрѣвъ какъ я, по своему невѣжеству, развращаю его сверстниковъ, идетъ онъ и жалуется на меня городу, какъ матери. И мнѣ кажется, что изъ государственныхъ мужей онъ одинъ правильно начинаетъ дѣло, потомучто
D. правильно сначала позаботиться о молодыхъ людяхъ, чтобы они были какъ можно лучше, точно такъ же какъ доброму земледѣльцу подобаетъ сначала позаботиться о молодыхъ растеніяхъ, а ужъ послѣ того и объ остальныхъ. Ну
3. вотъ должно быть также и Мелитъ сначала хочетъ выполоть насъ, заглушающихъ, какъ онъ говоритъ, побѣги юности, а ужъ тамъ попорядку очевидно позаботится онъ и о старшихъ и сдѣлается для города виновникомъ множества величайшихъ благъ; такъ, по крайней мѣрѣ, должно случиться съ тѣмъ, кто началъ съ такого начала.

Евт. Я бы этого желалъ, Сократъ; только боюсь, не случилось бы противнаго, потомучто мнѣ кажется, что онъ просто начинаетъ разрушать домъ съ очага [4]), если замышляетъ противъ тебя неправое дѣло. Скажи мнѣ однако, что собственно по его мнѣнію ты дѣлаешь такого, что развращаетъ юношей?

B. **Сокр**. Послушать его, — такъ нелѣпости, мой дорогой. А именно онъ говоритъ, что я—сочинитель боговъ, и вотъ за то, что я сочиняю новыхъ боговъ, а старыхъ не признаю, за это самое онъ меня и обвинилъ, какъ онъ говоритъ.

Евт. Понимаю, Сократъ! Это безъ сомнѣнія потому, что самъ ты говоришь, что тебѣ часто бываетъ божественное знаменіе. Значитъ онъ теперь обвинилъ тебя за то, что ты вводишь новшества относительно божественнаго, и конечно онъ является на судъ съ клеветою, зная, что большинство охотно
C. вѣритъ подобнымъ клеветамъ. А надо мной, когда я въ народномъ собраніи говорю о божественномъ и предсказываю имъ будущее, вѣдь они и надо мной смѣются какъ надъ сумашедшимъ! Хотя изъ того, что я предсказывалъ, нѣтъ

---

[4]) Буквально: начинаетъ повреждать городъ съ очага (*ἀφ'ἑστιάς ἄρχεσθαι κακουργεῖν τὴν πόλιν*); очагъ былъ главною, священною частью дома.

ничего, что бы я сказалъ невѣрно, а всетаки они всегда завидуютъ такимъ, какъ мы съ тобою. Только на нихъ не нужно обращать никакого вниманія, а итти напроломъ.

Сокр. Но, милый Евтифронъ, осмѣяннымъ-то быть пожалуй и не важно. Аѳинянъ, видишь ли, не очень это смущаетъ, если они находятъ кого-нибудь сильнымъ въ дѣлѣ философіи, но въ то же время неспособнымъ научать своей философіи другихъ; а вотъ о комъ они думаютъ, что онъ и другихъ дѣлаетъ такими же, какъ самъ, на того они сердятся, или по зависти, какъ вотъ ты говоришь, или еще по чему-нибудь. D.

Евт. Ну на этотъ счетъ я не очень-то желаю узнавать, какъ они ко мнѣ относятся.

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ должно быть имъ кажется, что ты рѣдко выходишь на народъ и не желаешь научать другихъ своей философіи, а за себя я опасаюсь, не кажется ли имъ, что я по человѣколюбію безъ удержу говорю всякому все, что могу сказать, не только безъ вознагражденія, но и самъ приплачивая съ удовольствіемъ, лишь бы ктонибудь желалъ меня слушать. Вотъ я и повторяю, еслибы они надо мною собирались посмѣяться, какъ они, говоришь ты, смѣются надъ тобою, то ничего бы тутъ не было непріятнаго—провести время въ судѣ за шутками да за смѣхомъ; E.
ну а если они не шутятъ, то вотъ изъ этого-то что выйдетъ, это ни для кого не ясно, кромѣ какъ для васъ, прорицателей.

Евт. Да должно быть, Сократъ, важнаго ничего не будетъ, а и ты удачно будешь отстаивать свое дѣло, думаю, что и я свое.

Сокр. Ну а у тебя-то, Евтифронъ, какое такое дѣло? Тебя преслѣдуютъ судомъ или ты самъ преслѣдуешь?

Евт. Самъ преслѣдую.

Сокр. Кого?

Евт. Того преслѣдую, что, дѣлая это, опять-таки кажусь сумашедшимъ. 4.

Сокр. Какъ такъ? Хочешь поймать птицу на лету? [5]).

Евт. Куда ему тамъ летать такому старому!

Сокр. Кто же это такое?

Евт. Мой отецъ.

Сокр. Твой отецъ, любезнѣйшій?

---

[5]) Буквально: преслѣдуешь летящаго? (*πετόμενόν τινα διώκεις;*)—поговорка, означавшая преслѣдовать что-нибудь несбыточное.

Евт. Вотъ именно.

Сокр. Въ чемъ же состоитъ обвиненіе и о чемъ идетъ дѣло.

Евт. Объ убійствѣ.

Сокр. Гераклъ! Ну конечно, Евтифронъ, большинству неизвѣстно, насколько тутъ дѣло обстоитъ правильно. Мнѣ
B. не думается, чтобы всякому было по плечу сдѣлать это правильно, а развѣ только тому, кто уже далеко зашелъ въ философіи.

Евт. Безъ сомнѣнія далеко, Сократъ.

Сокр. Конечно умершій по винѣ твоего отца — кто-нибудь изъ домашнихъ? Это уже очевидно; вѣдь не сталъ же бы ты обвинять его въ убійствѣ изъ-за чужого.

Евт. Смѣшно это, Сократъ, что ты думаешь, будто есть какая-то разница въ томъ, будетъ ли убитый чужой или домашній, а того не думаешь, что слѣдуетъ смотрѣть только на то, имѣлъ ли убившій право убивать или нѣтъ, и если имѣлъ, то его нужно оставить въ покоѣ, а если нѣтъ, то преслѣдовать судомъ, даже еслибы убившій былъ твоимъ
C. сожителемъ и сотрапезникомъ. Вѣдь это то же оскверненіе, если ты завѣдомо будешь жить съ такимъ человѣкомъ и не очистишь и себя и его, обратившись къ суду. Умершій, видишь ли, былъ однимъ изъ моихъ служителей и, когда мы воздѣлывали землю въ Наксосѣ [6]), работалъ у насъ тамъ по найму. И вотъ, напившись пьянымъ и разсердясь на одного изъ нашихъ рабовъ, убиваетъ онъ его наповалъ. Тогда отецъ связываетъ ему ноги и руки, сваливаетъ его въ какую-то яму и посылаетъ сюда человѣка, чтобы узнать отъ экзегета [7]), что слѣдуетъ дѣлать, а самъ тѣмъ временемъ

---

[6]) Евтифронъ и его отецъ были очевидно клерухами на островѣ Наксосѣ, т. е. получили участокъ земли, отнятой у жителей острова за возстаніе противъ Аѳинъ. Въ 405 г. Наксосъ отложился отъ аѳинскаго союза, и клерухи должны были вернуться на родину, а разговоръ Сократа съ Евтифрономъ представляется происходившимъ въ 399 г., слѣдовательно Евтифронъ надумалъ судить своего отца спустя пять лѣтъ послѣ преступленія; но возможно, что это просто одинъ изъ тѣхъ анархонизмовъ, которыхъ не мало у Платона. См. Томъ I, 136 стр., прим. 7.

[7]) Экзегетами назывались въ Аѳинахъ три лица, назначавшихся Дельфійскимъ оракуломъ, которые были обязаны руководить гражданъ въ разныхъ дѣлахъ, касавшихся культа; между такими дѣлами было и совершеніе обряда очищенія надъ убійцами.

не обращаетъ на связаннаго никакого вниманія и не забо- D.
тится о немъ въ виду того, что это убійца, дескать не важное дѣло, если и умретъ, что съ нимъ и случилось: отъ голода, холода и отъ того, что былъ связанъ, онъ умеръ прежде, чѣмъ пріѣхалъ посланный отъ экзегета. Вотъ за это-то и негодуетъ на меня отецъ и прочіе домашніе, что я изъ-за убійцы обвиняю въ убійствѣ отца, который и не убивалъ по настоящему, какъ они утверждаютъ, а еслибы и убилъ, такъ какъ убитый самъ убійца, то не слѣдуетъ безпокоиться о такомъ человѣкѣ; потому дескать нечестиво это,
чтобы сынъ преслѣдовалъ отца за убійство. Плохо они, Со- E.
кратъ, знаютъ о божествѣ, что оно считаетъ благочестивымъ и что нечестивымъ.

Сокр. Ну а себя Евтифронъ, считаешь ли ты по правдѣ настолько свѣдущимъ въ вопросахъ богословія или благочестія и нечестія, что хотя бы все это случилось такъ, какъ ты говоришь, ты все-таки не боишься сдѣлать нечестивое дѣло, преслѣдуя отца судомъ?

Евт. Не было бы отъ меня, Сократъ, никакой пользы, и Евтифронъ ничѣмъ бы не отличалася отъ большинства
людей, еслибы не зналъ всего подобнаго въ точности. 5.

Сокр. Такъ не будетъ ли для меня всего лучше, чуднѣйшій мой Евтифронъ, если я сдѣлаюсь твоимъ ученикомъ и, прежде чѣмъ отвѣчать на обвиненіе Мелита, поставлю ему это на видъ и скажу, что я и въ прежнее время высоко цѣнилъ богословіе, а теперь, когда онъ утверждаетъ, будто я виновенъ относительно божественнаго въ самочинныхъ новшествахъ, сдѣлался даже твоимъ ученикомъ. „И вотъ, Мелитъ", — могъ бы я тогда сказать, — „если Евтифрона ты признаешь мудрымъ относительно подобныхъ вещей, B.
то и меня считай благомыслящимъ и не суди меня, а если нѣтъ, то раньше, чѣмъ на меня, подавай жалобу на моего учителя за то, что онъ губитъ стариковъ, меня и своего отца, меня — научая, его — проучая и наказывая". И если онъ меня не послушаетъ и не освободитъ отъ суда, или не подастъ жалобу на тебя вмѣсто меня, то не говорить ли мнѣ и на судѣ то же самое, что я напередъ поставлю ему на видъ?

Евт. Да ужъ конечно, Сократъ, вздумай онъ только преслѣдовать меня судомъ, такъ ужъ я найду у него слабое
мѣсто, какъ мнѣ думается, и гораздо скорѣе пойдетъ у насъ C.
на судѣ рѣчь о немъ, нежели обо мнѣ.

Сокр. Поэтому-то и я, милый мой другъ, будучи въ этомъ увѣренъ, стремлюсь сдѣлаться твоимъ ученикомъ, зная, что какъ всякій другой, такъ вотъ и этотъ Мелитъ тебя-то словно даже и не видятъ, а меня онъ такъ зорко и легко разглядѣлъ, что подалъ противъ меня обвиненіе въ нечестіи. Ну а скажи-ка ты мнѣ теперь ради Зевса о томъ, на чемъ ты сейчасъ такъ сильно настаивалъ, говоря, что это тебѣ доподлинно извѣстно: въ чемъ по твоему заключаются благочестіе и нечестіе, какъ по отношенію къ убійству, такъ и по отно-
D. шенію къ остальному? Или этого не бываетъ, что во всякомъ дѣлѣ благочестивое подобно самому себѣ, а нечестивое въ свою очередь всему благочестивому противоположно, самому же себѣ подобно и имѣетъ одинъ какой-то образъ [8]), разумѣю все, что только нечестиво?

Евт. Это во всякомъ случаѣ, Сократъ.

Сокр. Ну вотъ и скажи мнѣ, что ты называешь благочестивымъ и нечестивымъ?

Евт. Вотъ я и говорю, что благочестиво какъ разъ то самое, что дѣлаю теперь я,—преслѣдовать судомъ того, кто нарушаетъ законъ убійствомъ, ограбленіемъ храмовъ, или еще согрѣшаетъ какъ-нибудь въ этомъ родѣ, будетъ ли это отецъ, или мать, или еще кто-нибудь, а не преслѣдовать—нечестиво.
E. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, посмотри какое я тебѣ приведу сильное доказательство въ пользу этого мнѣнія, о чемъ я и другимъ уже говорилъ, что было бы правильно поступать такимъ образомъ—не потакать преступнику, кто бы онъ ни былъ. Вѣдь сами же люди считаютъ Зевса наилучшимъ и спра-
6. ведливѣйшимъ изъ боговъ, а согласно признаютъ, что онъ заковалъ собственнаго отца за то, что тотъ пожиралъ своихъ сыновей, ни въ чемъ не виновныхъ, а его отецъ въ свою очередь оскопилъ своего отца за нѣчто подобное же. А на меня они негодуютъ за то, что я жалуюсь въ судъ на преступнаго отца, и такимъ образомъ сами себѣ противорѣчатъ относительно боговъ и меня.

Сокр. Ужъ не за то ли, Евтифронъ, меня и обвиняютъ въ уголовномъ преступленіи, что всякій разъ, когда разсказываютъ что-нибудь подобное о богахъ, я какъ-то съ трудомъ это принимаю? Скажутъ, пожалуй, что въ этомъ-то и
B. есть мой грѣхъ. Ну а теперь, когда и ты, хорошо знающій все подобное, подтверждаешь это, то ужъ и нашему брату

---

[8]) Идею—*ἰδέαν*.

необходимо кажется согласиться. Да и что же намъ еще сказать, когда сами мы признаемся, что ничего объ этомъ не знаемъ? Но скажи мнѣ ради Охранителя Дружбы [9]), самъ-то ты по правдѣ думаешь, что такъ это и было?

Евт. Бывало и того удивительнѣе, Сократъ, о чемъ большинство и не вѣдаетъ.

Сокр. Ты думаешь, значитъ, что у боговъ бываетъ и война другъ съ другомъ, и страшная ненависть, и поединки, и многое другое въ этомъ родѣ, о чемъ говорится у поэтовъ
и чѣмъ украшаютъ намъ добрые живописцы разные священ- C.
ные предметы, ну вотъ, между прочимъ то облаченіе съ богатыми вышивками, которое во время великихъ панаѳиней [10]) привозятъ въ акрополь. Думать ли намъ, что это правда, Евтифронъ?

Евт. Не только-что это, Сократъ, но, повторяю, я могу, если хочешь, разсказать тебѣ о богахъ много и другого, отчего ты навѣрное остолбенѣешь, когда услышишь.

Сокр. Что мудренаго! Только ты мнѣ потомъ объ этомъ разскажешь, на досугѣ, а теперь постарайся яснѣе выразить
то, о чемъ я тебя давеча-то спрашивалъ. Вѣдь ты, мой другъ, D.
раньше недостаточно мнѣ растолковалъ, когда я спросилъ тебя относительно благочестиваго, что это такое можетъ быть, а сказалъ мнѣ, что благочестивое есть то, что ты самъ теперь дѣлаешь, преслѣдуя отца за убійство.

Евт. И я говорилъ правду, Сократъ.

Сокр. Положимъ. Но вѣдь ты же, Евтифронъ, признаешь, что и многое другое бываетъ благочестивымъ?

Евт. Конечно бываетъ.

Сокр. Такъ не помнишь ли ты, что я не о томъ тебя просилъ, чтобы ты изъ многаго благочестиваго показалъ мнѣ что-нибудь одно или два, а показалъ бы тотъ самый видовой образъ [11]), которымъ все благочестивое—благочестиво? Вѣдь

---

[9]) Одинъ изъ эпитетовъ Зевса.

[10]) Великія панаѳинеи,—праздникъ Аѳины, Заступницы города (*Πολιάς*),—чествовались каждые три года. Въ четвертый день праздника былъ ходъ въ акрополь, аѳинскій кремль: на корабрѣ везли новое облаченіе для богини,—четыреугольный шерстяной платъ, вышитый руками аѳинскихъ дѣвушекъ; вышивки изображали подвиги Аѳины въ ея борьбѣ съ титанами и великанами. По прибытіи въ акрополь облаченіе торжественно надѣвалось на деревянную статую богини (Ср. Il. VI, 293—305).

[11]) или *видъ—εἶδος*.. Слова: *εἶδος* (видъ) и *ἰδέα* (обликъ, образъ) употреблены въ этомъ мѣстѣ, какъ однозначащія, почему мы и переводимъ ихъ однимъ словомъ—*образъ*.

ты же сказалъ, что единымъ образомъ все нечестивое—нече-
E. стиво, а также благочестивое—благочестиво; или не пом-
нишь?

Евт. Помню.

Сокр. Ну вотъ и разъясни мнѣ этотъ самый образъ, что это такое, чтобы, смотря на него и пользуясь имъ какъ образцомъ, въ случаѣ еслибы ты или кто-нибудь другой дѣлалъ что-нибудь подобное ему, могъ я сказать, что это—благочестиво, а если не подобное, то нечестиво.

Евт. Да если ты этого, Сократъ, желаешь, то я и это могу сказать.

Сокр. Да конечно желаю.

Евт. Въ такомъ случаѣ то, что угодно богамъ,—благо-
7. честиво, а что не угодно—нечестиво.

Сокр. Превосходно, Евтифронъ! И какимъ образомъ я добивался, чтобы ты отвѣчалъ, такъ ты теперь и отвѣтилъ. Хотя вѣрно ли отвѣтилъ, этого я еще не знаю, но ужъ дальше ты очевидно покажешь, что то, что ты говоришь,—вѣрно.

Евт. Конечно покажу.

Сокр. А ну-ка разберемъ, что мы такое говоримъ. Богоугодное и человѣкъ богоугодный—благочестивы, а богоненавистное и богоненавистный—нечестивы; благочестивое же и нечестивое—не одно и то же, а самое противоположное, не такъ ли?

B. **Евт.** Да ужъ конечно такъ.

[**Сокр.** И пожалуй-что хорошо говорятъ?

Евт. Я думаю, Сократъ; вѣдь говорятъ же].

Сокр. Такъ вѣдь и то, что боги заводятъ усобицы и бываютъ несогласны другъ съ другомъ, и что бываетъ у нихъ вражда между собою, вѣдь и это, Евтифронъ, тоже говорятъ?

Евт. Рузумѣется говорятъ.

Сокр. А вражду и ненависть производитъ несогласіе относительно чего? Посмотримъ-ка такъ: ну вотъ хотя бы мы съ тобою, если бы мы были несогласны относительно числа, какое изъ двухъ чиселъ больше, развѣ несогласіе относительно этого произвело бы между нами вражду и ненависть, или же въ такомъ дѣлѣ мы скоро бы согласились, обратившись къ вычисленію?

C. **Евт.** Конечно.

Сокр. Вотъ и относительно того, что́ крупнѣе и что́ мельче, еслибы мы объ этомъ спорили, то, обратившись къ измѣренію, скоро бы прекратили нашъ споръ?

Евт. Это такъ.

Сокр. А подойдя къ вѣсамъ, мы бы ужъ разобрали, полагаю, что́ тяжеле и что́ легче.

Евт. Еще бы!

Сокр. А въ чемъ же мы тогда должны быть несогласны и чего не въ состояніи разрѣшить, для того, чтобы намъ враждовать другъ съ другомъ и злобиться? Можетъ быть
тебѣ не приходитъ на умъ, такъ посмотри, какъ я объ этомъ D.
думаю: не будетъ ли этимъ самымъ справедливое и несправедливое, прекрасное и безобразное, доброе и злое? Не есть ли это то самое, въ спорѣ о чемъ мы не можемъ притти къ удовлетворительному рѣшенію, и потому становимся враждебными другъ къ другу, и ты, и я, и всѣ прочіе люди, когда бы намъ ни случилось враждовать?

Евт. Да бываетъ, Сократъ, несогласіе и относительно этого.

Сокр. А какъ же теперь относительно боговъ, Евтифронъ? Если они въ чемъ-нибудь несогласны, то не будутъ ли они несогласны именно въ этомъ?

Евт. Непремѣнно.

Сокр. Значитъ и изъ боговъ, благородный Евтифронъ, E.
судя по твоимъ словамъ, одни одно считаютъ справедливымъ, и несправедливымъ, другіе — другое; тоже и относительно прекраснаго и безобразнаго, добраго и злого; вѣдь не возставали бы они другъ на друга, еслибы у нихъ не было относительно этого несогласія, не такъ ли?

Евт. Правильно говоришь.

Сокр. Стало быть, кто только находитъ что-нибудь прекраснымъ, добрымъ, справедливымъ, тотъ это и любитъ, а противоположное этому ненавидитъ?

Евт. Конечно.

Сокр. Одно и то же, какъ ты самъ говоришь, одни счи-
таютъ справедливымъ, другіе — несправедливымъ, споря о 8.
чемъ, они и заводятъ усобицы и воюютъ другъ съ другомъ. Развѣ не такъ?

Евт. Такъ.

Сокр. Значитъ выходитъ какъ-будто, что одно и то же бываетъ и ненавидимо богами, и любимо, и одно и тоже можетъ быть и богоненавистнымъ, и богоугоднымъ.

Евт. Повидимому.

Сокр. Стало быть, Евтифронъ, одно и тоже можетъ быть
и благочестивымъ и нечестивымъ, судя по этому разсуж-
денію.

Евт. Пожалуй.

Сокр. Такъ вѣдь ты отвѣтилъ не на то, о чемъ я
спрашивалъ, чудеснѣйшій. Конечно я спрашивалъ не о томъ,
что заразъ бываетъ и благочестивымъ и нечестивымъ [12]); а
вѣдь что богоугодно, то, оказывается, и богоненавистно. Та-
кимъ образомъ, Евтифронъ, относительно того, что ты самъ
B. теперь дѣлаешь, наказывая отца,—нѣтъ ничего мудренаго,
что, дѣлая это, ты дѣлаешь угодное Зевсу, и противное Кро-
ну и Урану, угодное Гефесту, и противное Герѣ [13]); и дру-
гимъ богамъ такимъ же образомъ, въ случаѣ еслибы кто-ни-
будь изъ нихъ расходился съ другимъ въ этомъ же отно-
шеніи.

Евт. Но ужъ относительно этого, Сократъ, я думаю что
ни одинъ изъ боговъ не расходится съ другимъ, что убив-
шій кого-либо незаконно долженъ нести наказаніе.

Сокр. Ну а отъ людей, Евтифронъ, тебѣ уже приходи-
C. лось слышать, чтобы кто-нибудь оспаривалъ то, что убив-
шій незаконно или сдѣлавшій еще какую-нибудь несправед-
ливость долженъ нести наказаніе?

Евт. Да еще бы! Они постоянно спорятъ объ этомъ и
въ судѣ и въ другихъ мѣстахъ. Преступая законъ, они дѣ-
лаютъ и говорятъ все на свѣтѣ, чтобы избѣжать суда.

Сокр. Но при этомъ, Евтифронъ, соглашаются-ли они, что
преступаютъ законъ, и, соглашаясь, въ то же время утвер-
ждаютъ, что не должны нести наказанія?

Евт. Ни въ какомъ случаѣ.

Сокр. Значитъ они уже не все дѣлаютъ и говорятъ.
Этого они, полагаю, не рѣшаются говорить и не оспарива-
ютъ того, что ужъ если преступаешь законъ, то слѣдуетъ
нести наказаніе; но, я думаю, они не соглашаются, что пре-
D. ступаютъ. Не правда ли?

Евт. Вѣрно говоришь.

[**Сокр.** Стало быть не о томъ они спорятъ, что престу-

---

[12]) Выше (7 А.) Сократъ напередъ условился съ Евтифрономъ, что „благочестивое и нечестивое не одно и то же, а самое противоположное“.

[13]) Гера, которая не любила своего сына Гефеста за хромоту, столкнула его съ Олимпа на землю; Гефестъ отомстилъ матери тѣмъ, что сковалъ ее.

пающій законъ не долженъ нести наказанія, а спорятъ они
должно быть о томъ, кто именно преступаетъ законъ, чѣмъ и
когда.

Евт. Вѣрно говоришь.]

Сокр. Тоже самое, значитъ, бываетъ и съ богами, если
только они, какъ ты говоришь, возстаютъ изъ-за справедли-
ваго и несправедливаго, и одни изъ нихъ говорятъ, что
другіе ихъ несправедливо обижаютъ, а тѣ говорятъ, что
нѣтъ? Потому что это этого-то, чудеснѣйшій, никто уже не
рѣшается говорить, ни изъ боговъ, ни изъ людей, будтобы E.
тому, кто несправедливо обижаетъ, не слѣдуетъ нести на-
казаніе.

Евт. Да, Сократъ, это ты вообще вѣрно говоришь.

Сокр. Но объ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ мнѣ думается,
Евтифронъ, спорятъ тѣ, что спорятъ, и люди и боги, если
только боги спорятъ; не соглашаясь относительно какого-ни-
будь поступка, одни говорятъ, что онъ совершонъ справед-
ливо, а другіе, что несправедливо. Развѣ не такъ?

Евт. Конечно.

Сокр. А теперь, мой другъ Евтифронъ научи ка ты и
меня, чтобы мнѣ быть умнѣе, какое у тебя есть доказатель- 9.
ство, что всѣ боги считаютъ безъ вины погибшимъ того,
кто, находясь въ услуженіи, оказался убійцею и, будучи
связанъ владѣльцемъ убитаго, скончался преждевременно
отъ того, что былъ связанъ, раньше чѣмъ связавшій его
успѣлъ узнать отъ экзегетовъ, что съ нимъ нужно дѣлать, и
что изъ-за такого-то вотъ человѣка правильно будетъ сыну
преслѣдовать отца и обвинять его въ убійствѣ: ну-ка поста-
райся мнѣ какъ-нибудь ясно доказать, что всѣ боги счи-
таютъ этотъ поступокъ какъ нельзя болѣе правильнымъ, и
если ты мнѣ докажешь удовлетворительно, то я никогда B.
не перестану превозносить тебя за мудрость.

Евт. Но пожалуй долго это будетъ объяснять, Сократъ;
а всетаки я бы тебѣ это могъ доказать самымъ яснымъ об-
разомъ.

Сокр. Я понимаю: дѣло въ томъ, что я тебѣ кажусь
менѣе понятливымъ, чѣмъ судьи; а всетаки имъ, по крайней
мѣрѣ, ты очевидно уже докажешь, что это дѣло несправед-
ливое, и что всѣ боги ненавидятъ подобные поступки.

Евт. Какъ нельзя яснѣе, Сократъ, если только они меня
будутъ слушать. C.

Сокр. Да они будутъ слушать, если имъ покажется,

что ты хорошо говоришь. А вотъ что мнѣ пришло на умъ, пока ты это говорилъ, и о чемъ я думаю про себя: если бы Евтифронъ доказалъ мнѣ какъ нельзя болѣе, что всѣ боги до единаго считаютъ такую смерть несправедливою, то узналъ ли бы я отъ Евтифрона что-нибудь новое относительно того, что такое благочестивое и нечестивое? Повидимому это дѣло дѣйствительно было бывъ такомъ случаѣ богоненавистнымъ но вѣдь благочестивое и нечестивое, какъ давеча оказалось, опредѣляется не этимъ, потому-что богоненавистное оказалось также и богоугоднымъ. Такъ ужъ отъ
D. этого-то я тебя увольняю, Евтифронъ; если хочешь, пускай всѣ боги считаютъ это дѣло несправедливымъ и всѣ его ненавидятъ. Но не хотимъ ли мы теперь поправить наше разсужденіе такъ: то, что ненавидятъ всѣ боги—нечестиво, а что они любятъ—благочестиво, а что нѣкоторые любятъ, а другіе ненавидятъ, то уже будетъ ни то, ни се или и то, и се: такъ ли тебѣ хочется, чтобы у насъ было рѣшено относительно благочестиваго и нечестиваго?

Евт. Что же этому мѣшаетъ, Сократъ?

Сокр. Мнѣ-то ничто не мѣшаетъ, а ты вотъ объ себѣ подумай: если ты это предположишь, такъ-то ли тебѣ легко будетъ доказать мнѣ то, что ты обѣщалъ?

E. **Евт**. Но съ своей стороны я бы тоже сказалъ, что благочестивое есть то, что всѣ боги любятъ, и наоборотъ, то, что всѣ боги ненавидятъ, то—нечестиво.

Сокр. Такъ какъ же, Евтифронъ? Будемъ-ли мы опять разсматривать, хорошо ли это сказано, или оставимъ такъ и условимся за себя и за всѣхъ другихъ, кто бы что ни утверждалъ, — мы согласны? Или можетъ быть слѣдуетъ разсмотрѣть, что именно разумѣетъ говорящій?

Евт. Слѣдуетъ разсмотрѣть; а всетаки, что касается меня, то я думаю, что теперь это хорошо сказано.

Сокр. Скоро, добрѣйшій, мы это лучше узнаемъ. Поду-
10. май-ка ты вотъ о чемъ: потому-ли благочестивое любимо богами, что оно благочестиво, или потому оно и благочестиво, что оно ими любимо?

Евт. Не понимаю, что ты говоришь, Сократъ.

Сокр. Ну такъ я постораюсь выразиться яснѣе. Мы называемъ что-нибудь несомымъ и несущимъ, ведомымъ и ведущимъ, наблюдаемымъ и наблюдающимъ; понимаешь ли ты, что все подобное разнится одно отъ другого и чѣмъ именно разнится?

Евт. Да,—мнѣ кажется я понимаю.

Сокр. Значитъ что-нибудь бываетъ также и любимымъ, а соотвѣтствующее ему другое—любящимъ?

Евт. Разумѣется.

Сокр. Ну вотъ и скажи мнѣ, потому ли несомое бываетъ несомо, что его несутъ, или еще по чему-нибудь? B.

Евт. Нѣтъ, именно поэтому.

Сокр. А ведомое — конечно потому, что его ведутъ, и наблюдаемое—потому, что его наблюдаютъ?

Евт. Разумѣется.

Сокр. Не потому, значитъ, что-нибудь наблюдаютъ, что что-нибудь бываетъ наблюдаемо, а наоборотъ, потому оно и бываетъ наблюдаемо, что его наблюдаютъ, и не потому ведутъ, что ведомо, а потому и ведомо, что ведутъ; и не потому несутъ, что несомо, а потому и несомо, что несутъ. Понятно ли, Евтифронъ, то что я хочу сказать? Я вотъ что хочу сказать: если что-нибудь происходитъ, или C.
претерпѣваетъ что-нибудь, то не потому происходитъ, что бываетъ происходящимъ, а потому и бываетъ происходящимъ, что происходитъ; и не потому претерпѣваетъ, что бываетъ претерпѣвающимъ, а потому и бываетъ претерпѣвающимъ, что претерпѣваетъ. Или ты съ этимъ не согласенъ?

Евт. Согласенъ.

Сокр. Такъ не есть ли и любимое также или что-нибудь происходящее, или претерпѣвающее что-нибудь?

Евт. Конечно.

Сокр. Значитъ и съ этимъ бываетъ то же, что съ тѣми: не потому его любятъ, что оно любимо, а потому оно и любимо, что его любятъ.

Евт. Непремѣнно.

Сокр. Что же мы теперь скажемъ относительно благо- D.
честиваго? Не то ли, что всѣ боги его любятъ, какъ ты говорилъ?

Евт. Да.

Сокр. Потому ли что оно благочество, или еще почему-нибудь?

Евт. Нѣтъ, именно поэтому.

Сокр. Потому, значитъ, его и любятъ, что оно благочестиво, а не потому оно благочестиво, что его любятъ?

Евт. Повидимому.

Сокр. А богоугодное ужъ конечно—богоугодно и любимо потому, что его любятъ боги.

Евт. Не иначе.

Сокр. Богоугодное, стало быть, не есть благочестивое, Евтифронъ, также и благочестивое не есть богоугодное, но одно—одно, а другое—другое.

Евт. Это почему, Сократъ?

E. **Сокр.** Потому что о благочестивомъ-то мы согласились,
что его любятъ потому, что оно благочестиво, а не потому
оно благочестиво, что его любятъ; не такъ ли?

Евт. Такъ.

Сокр. А богоугодное, оттого что его любятъ боги, отъ этой самой любви и богоугодно, а не потому его любятъ, что оно богоугодно.

Евт. Вѣрно говоришь.

Сокр. А будь только богоугодное и благочестивое одно
и то же, то въ случаѣ если бы благочестивое любили потому,
11. что оно благочестиво, то и богоугодное любили бы потому,
что оно богоугодно; а съ другой стороны, въ случаѣ если бы
богоугодное было богоугодно потому, что его любятъ боги,
то и благочестивое было бы благочестиво потому, что его
любятъ: а теперь ты видишь, выходитъ наоборотъ, такъ какъ
это совсѣмъ не одно и то же: одно дорого тѣмъ, что его
любятъ, а другое потому и любятъ, что оно дорого. И вы-
ходитъ, Евтифронъ, какъ будто ты, будучи спрошенъ о
томъ, что такое благочестивое, не хочешь разъяснить мнѣ
его сущность, а говоришь, что оно любимо всѣми богами,
что составляетъ лишь нѣкоторое состояніе, претерпѣваемое
B. благочестивымъ; а въ чемъ его сущность, этого ты еще
не сказалъ. Такъ ужъ будь любезенъ, не скрывай отъ
меня, а скажи опять сначала, что такое благочестивое, все
равно—будетъ ли оно любимо богами, или съ нимъ случится
еще что-нибудь; вѣдь относительно этого мы съ тобою не разой-
демся; но скажи прямо, что такое благочестивое и нече-
стивое?

Евт. Не знаю я, Сократъ, какъ тебѣ сказать то, что я думаю. Кружится какъ-то около насъ все, что мы предположимъ, и не желаетъ стоять тамъ, гдѣ мы его утвердимъ.

Сокр. На издѣлія моего предка Дедала [14]) похоже то,

[14]) Дедалъ—легендарный ваятель. Схоліастъ сообщаетъ, что Дедалъ первый началъ дѣлать статуи съ открытыми глазами и отдѣлять ноги отъ туловища; этотъ успѣхъ въ дѣлѣ реализаціи искусства вначалѣ сильно поразилъ дѣтское воображеніе грековъ: статуи Дедала казались совсѣмъ живыми; ихъ привязывали, чтобы онѣ не убѣжали. (*Δαί-*

что ты говоришь, Евтифронъ; и если бы это были мои слова C.
и положенія, то ты вѣроятно съострилъ бы на мой счетъ,
что вотъ и у меня, по родству съ нимъ, мои словесныя
издѣлія тоже убѣгаютъ и не хотятъ стоять тамъ, гдѣ ихъ
поставятъ; но теперь вѣдь это твои собственныя предположе-
нія, такъ ужъ острота-то не годится. Это у тебя, они не хо-
тятъ оставаться на мѣстѣ, какъ и самому тебѣ кажется.

Евт. А мнѣ, Сократъ, кажется, что эта же острота под-
ходитъ приблизительно и къ моимъ словамъ, потому что не
я вложилъ (въ нихъ) эту способность—расхаживать и не
стоять на томъ же мѣстѣ, а ты-то вотъ и есть этотъ самый
Дедалъ, какъ мнѣ кажется. Ужъ у меня-то они такъ бы себѣ
и оставались на мѣстѣ. D.

Сокр. Такъ ужъ я, мой другъ, пожалуй буду посильнѣе
въ искусствѣ, чѣмъ онъ, въ томъ отношеніи, что онъ-то
дѣлалъ подвижными только свои собственныя издѣлія, а я,
кромѣ своихъ, повидимому также и чужія. И разумѣется са-
мая-то тонкость моего искусства въ томъ, что я не волёнъ
въ немъ: вѣдь чтобы мысли мои твердо стояли на мѣстѣ,—
этого я желалъ бы больше, чѣмъ обладать не только-что
искусствомъ Дедала, но и богатствомъ Тантала [15]). Однако
довольно объ этомъ. А такъ какъ мнѣ кажется, что ты рас- E.
пустился, то я самъ помогу тебѣ научить меня относительно
благочестія, и ужъ ты не отставай. Ну вотъ смотри, не ка-
жеся ли тебѣ, что все благочестивое необходимо должно быть
праведнымъ?

Евт. Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ будетъ ли и все праведное благочести-
вымъ, или же благочестивое все будетъ праведнымъ, а пра-
ведное не все благочестивымъ, но одно благочестивымъ, а 12.
другое еще чѣмъ-нибудь?

Евт. Я, Сократъ, за тобой не поспѣваю.

Сокр. А вѣдь ты моложе меня по крайней мѣрѣ настолько же, насколько мудрѣе! Говорю я тебѣ, что ты распустился отъ избытка мудрости. Но, радость моя, подтяни

δαλος πρῶτος ἀναπετάννυσί τε τὰ τούτων βλέφαρα, ὡς δόξαι βλέπειν αὐτά, καὶ τοὺς πόδας, ὡς νομίσαι βαδίζειν, διίστησι καὶ διὰ τοῦτο δεδέσθαι, ἵνα μὴ φύγοιεν, ὡς δῆθεν ἐμψύχων ἤδη γεγονότων αὐτῶν). Сократъ называетъ себя потомкомъ Дедала по своему отцу Софрониску, который былъ скульпторомъ; да и самъ Сократъ въ молодости занимался ваяніемъ.

[15]) Богатство фригійскаго царя Тантала вошло у грековъ въ поговорку.

ты себя; да и вовсе не трудно уразумѣть то, что я хочу сказать. Именно я хочу сказать какъ разъ обратное тому, что говоритъ поэтъ:

B. Зевса, который все создалъ и самъ все устроилъ,
Зевса не хочешь назвать: знать со страхомъ и стыдъ неразлученъ [16]).

Такъ вотъ несогласенъ я съ этимъ поэтомъ. Сказать тебѣ въ чемъ?

Евт. Разумѣется скажи.

Сокр. Мнѣ не кажется, чтобы гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Бояться-то, кажется, многіе боятся, и болѣзней, и бѣдности, и многаго другого въ этомъ родѣ, но при всемъ страхѣ ничего такого не стыдятся. Не кажется ли и тебѣ то же самое?

Евт. Конечно.

Сокр. А вотъ гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ; въ самомъ дѣлѣ, есть ли такой человѣкъ, который бы совѣстился и
C. стыдился какого-нибудь дѣла и въ то же бы время не укрывался и не боялся дурной молвы?

Евт. Конечно всякій боится.

Сокр. Неправильно, стало быть, говорить: гдѣ страхъ, тамъ ужъ и стыдъ; но гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ, то есть не вездѣ, гдѣ только страхъ, тамъ и стыдъ, потому что страхъ, полагаю, распространяется на большее число случаевъ, чѣмъ стыдъ; стыдъ вѣдь есть часть страха, какъ нечетное есть часть числа, такъ что нѣтъ того, чтобы гдѣ было число, тамъ и нечетное, но гдѣ нечетное, тамъ и число. Теперь ужъ ты поспѣваешь какъ-нибудь?

Евт. Ну конечно.

Сокр. То же вотъ самое разумѣлъ я и тогда, когда спрашивалъ: тамъ, гдѣ праведное, бываетъ ли тамъ и благочестивое, или же гдѣ благочестивое, тамъ и праведное, а гдѣ праведное, тамъ не всегда благочестивое; благочестивое
D. вѣдь есть часть праведнаго. Такъ ли мы скажемъ, или тебѣ иначе кажется?

Евт. Нѣтъ, именно такъ. Мнѣ сдается, что ты вѣрно говоришь.

---

[16]) По мнѣнію схоліаста двустишіе это взято изъ такъ называемыхъ *Κύπριοι*,—поэмъ, въ которыхъ разсказывалось о событіяхъ, предшествовавшихъ описанному въ Иліадѣ, и авторомъ которыхъ считался кипріотъ Стасинъ.

Сокр. А смотри-ка дальше: если благочестивое есть часть праведнаго, то ужъ кажется намъ необходимо найти, какою частью праведнаго будетъ благочестивое. Если бы ты самъ, положимъ, спросилъ меня о чемъ-нибудь такомъ, напримѣръ какою частью числа будетъ четное, и что это за число, я сказалъ бы, что это такое число, которое не хромаетъ на одну сторону, а держится на равныхъ ногахъ [17]); или не такъ по твоему?

Евт. По моему такъ. E.

Сокр. Вотъ и ты постарайся показать мнѣ точно такъ же, какою частью праведнаго будетъ благочестивое, чтобы и Мелиту могъ я сказать, чтобы онъ нашего брата больше не притѣснялъ и не обвинялъ бы въ нечестіи, потому де мы уже отъ тебя достаточно узнали, что благочестиво и что нѣтъ.

Евт. Въ такомъ случаѣ, Сократъ, мнѣ кажется, что благочестивое есть та часть праведнаго, которая относится къ заботѣ о богахъ, а та, которая относится къ заботѣ о людяхъ,—остальная часть праведнаго.

Сокр. И по моему ты хорошо говоришь, Евтифронъ; 13.
только мнѣ не достаетъ самой малости: не пойму я еще, о какой заботѣ ты говоришь. Вѣдь ты же не хочешь сказать, что забота о богахъ бываетъ такая же, какъ и обо всемъ прочемъ. Въ самомъ дѣлѣ говоримъ же мы,—я это къ примѣру,—что не всякій умѣетъ заботиться о лошадяхъ, а только наѣздникъ, не такъ ли?

Евт. Конечно.

Сокр. Потому что наѣздничество есть забота о лошадяхъ?

Евт. Да.

Сокр. Конечно и о собакахъ умѣетъ заботиться не всякій, а только охотникъ?

Евт. Такъ. B.

Сокр. Потому что охотничье дѣло есть забота о собакахъ?

Евт. Да.

Сокр. А уходъ за скотомъ—забота о скотѣ?

Евт. Разумѣется.

---

[17]) Представленіе, находящееся въ связи съ представленіемъ равнобедреннаго треугольника: треугольникъ съ разными сторонами представлялся грекамъ и назывался ими ***хромымъ, припадающимъ на сторону*** (*σκαληνός*).

Сокр. Ну а благочестіе и благоговѣніе передъ богами—забота о богахъ, Евтифронъ? Ты такъ это разумѣешь?

Евт. Я такъ разумѣю.

Сокр. Такъ вѣдь всякая такая забота производитъ одно и то же. Скажемъ такъ: къ добру и къ пользѣ нѣкоторой служитъ она тому, о комъ заботятся, какъ вотъ и самъ же ты видишь, что лошади отъ искусства наѣздника получаютъ пользу и становятся лучше. Или тебѣ не кажется?

Евт. Мнѣ кажется.

C. **Сокр.** Ну конечно и собаки—отъ искусства охотника, и быки—отъ ухода за ними, и все прочее точно такъ же. Или ты думаешь, что такая забота бываетъ ко вреду для того, о комъ заботятся?

Евт. Право не думаю.

Сокр. Но къ пользѣ?

Евт. Не иначе.

Сокр. Ну а благочестіе, будучи заботою о богахъ, приноситъ ли богамъ пользу и дѣлаетъ ли боговъ лучшими? И можешь ли ты самъ согласиться съ тѣмъ, что каждый разъ, какъ ты совершаешь что-нибудь благочестивое, ты дѣлаешь кого-нибудь изъ боговъ лучшимъ?

Евт. Да нѣтъ же, право.

Сокр. Я тоже, Евтифронъ, не думаю, чтобы ты хотѣлъ
D. сказать именно это; куда ужъ тамъ! Но по тому-то я и спросилъ, о какой ты говоришь заботѣ о богахъ, не думая, чтобы ты разумѣлъ именно такую заботу.

Евт. И ты не ошибся, Сократъ: я такой не разумѣю.

Сокр. Хорошо, но какою же тогда заботою о богахъ можетъ быть благочестіе?

Евт. Такою, Сократъ, какая бываетъ у рабовъ о господахъ.

Сокр. Понимаю; кажется это будетъ нѣкотораго рода служба богамъ.

Евт. Вотъ именно.

Сокр. Можешь ли ты въ такомъ случаѣ сказать о службѣ врачамъ, къ произведенію чего ведетъ эта служба Не кажется ли тебѣ, что къ произведенію здоровья?

Евт. Къ произведенію здоровья.

Сокр. Ну а служба корабельному мастеру, она къ чему
E. ведетъ?

Евт. Очевидно, Сократъ, къ произведенію корабля.

Сокр. А служба зодчимъ—къ произведенію домовъ?

Евт. Да.

Сокр. Вотъ и скажи, любезнѣйшій, къ произведенію чего можетъ вести служба богамъ? Кому другому, а тебѣ это очевидно извѣстно, разъ ты говоришь, что лучше всѣхъ знаешь божественное.

Евт. И я это вѣрно говорю, Сократъ.

Сокр. Скажи же ради Зевса, что такое то хорошее дѣло, которое производятъ боги, пользуясь нашею службой?

Евт. Много они производятъ хорошаго, Сократъ.

Сокр. И военачальники точно такъ же, мой другъ; но при этомъ ты легко можешь назвать главное ихъ дѣло,— 14.
то, что они готовятъ побѣду на войнѣ. Или не такъ?

Евт. Такъ.

Сокр. Думаю, что и земледѣльцы производятъ много хорошаго, а всетаки главное ихъ дѣло—производство пищи изъ земли.

Евт. Конечно.

Сокр. Ну а изъ того многаго хорошаго, что производятъ боги, что именно будетъ главнымъ дѣломъ?

Евт. Только-что я тебѣ сказалъ, Сократъ [18]), что слишкомъ долго понять все это въ точности, какъ оно есть, а
скажу я тебѣ просто вотъ какъ: если кто умѣетъ говорить B.
и дѣлать богамъ пріятное, молясь имъ и принося жертвы, то это и есть благочестіе, и все такое спасаетъ не только отдѣльные дома, но и цѣлыя государства, а противоположное пріятному—нечестіе, что конечно разрушаетъ и губитъ все.

Сокр. Еслибы ты только хотѣлъ, Евтифронъ, ты бы по истинѣ могъ мнѣ назвать гораздо короче то главное, о чемъ я спрашивалъ. Но у тебя нѣтъ желанія научить меня, это очевидно; ну вотъ сейчасъ, чуть только къ этому подошелъ,
какъ и свернулъ въ сторону. Если бы ты отвѣтилъ, я бы C.
отъ тебя уже достаточно зналъ, что такое благочестіе, а теперь вопрошающему необходимо слѣдовать за вопрошаемымъ, куда бы тотъ ни повелъ. Ну,—какъ же ты опять разумѣешь благочестіе и нечестіе? Ужъ не есть ли это нѣкоторое умѣнье приносить жертвы и молиться?

Евт. Вотъ именно.

---

[18]) См. выше 9. B.

Сокр. Такъ вѣдь приносить жертвы значитъ дарить боговъ, а молиться значитъ просить боговъ?

Евт. И весьма, Сократъ.

Сокр. Отсюда выходитъ, стало быть, что благочестіе
D есть наука о томъ, какъ нужно дарить и просить боговъ.

Евт. Очень ты, Сократъ, хорошо понялъ то, что я сказалъ.

Сокр. Да вѣдь я, мой другъ, жажду твоей мудрости и ловлю ее всею душой, такъ что ни одно твое слово не пропадетъ даромъ. Но скажи мнѣ, въ чемъ состоитъ эта служба богамъ? Ты говоришь въ томъ, чтобы дарить и просить
14. ихъ?

Евт. Да, въ этомъ.

Сокр. Такъ не будетъ ли правильнымъ прошеніемъ— просить ихъ о томъ, въ чемъ мы нуждаемся отъ нихъ?

Евт. А то о чемъ же?

E. **Сокр.** А съ другой стороны не будетъ ли это правильнымъ даяніемъ, если мы будемъ отдаривать ихъ тѣмъ, въ чемъ они отъ насъ нуждаются? Вѣдь не ловко это—кого-нибудь, кто даетъ, отдаривать тѣмъ, въ чемъ онъ нисколько не нуждается.

Евт. Вѣрно говоришь, Сократъ.

Сокр. Значитъ благочестіе, Евтифронъ, будетъ нѣкотораго рода торговлю между богами и людьми.

Евт. Да, торговлю, если тебѣ такъ нравится.

Сокр. Мнѣ-то нисколько не нравится, если это не вѣрно.
15. Но объясни мнѣ, какая можетъ быть польза богамъ отъ тѣхъ даровъ, которые они получаютъ отъ насъ. Что они даютъ, всякому ясно, потому что нѣтъ ни одного блага, которое бы не они давали, а какая имъ польза въ томъ, что они получаютъ отъ насъ? Или ужъ мы въ этой торговлѣ, наживаемся на ихъ счетъ такъ, что сами получаемъ отъ нихъ всѣ блага, а они отъ насъ ничего?

Евт. Но развѣ, Сократъ, ты думаешь, что боги пользуются тѣмъ, что они отъ насъ получаютъ?

Сокр. А что же это тогда будетъ, Евтифронъ,—наши дары богамъ?

Евт. Да что же по твоему иное, какъ не честь, почетные подарки, то, что имъ пріятно, какъ я сейчасъ говорилъ.

B. **Сокр.** Значитъ, Евтифронъ, благочестивое есть то, что пріятно, а не то, что полезно, и не то, что угодно богамъ?

Евт. Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что всего скорѣе то, что угодно.

Сокр. Такъ вотъ оно опять что, благочестивое,—то, что угодно богамъ, кажется.

Евт. Какъ нельзя болѣе.

Сокр. И ты послѣ этого удивляешься, что тебѣ кажется, будто твои слова не стоятъ на мѣстѣ, а бродятъ туда и сюда, и обвиняешь меня, Дедала, въ томъ что я заставляю ихъ бродить, а самъ куда поискуснѣе Дедала и заставляешь ходить ихъ кругомъ? Или ты не замѣчаешь, что наше разсужденіе, обойдя кругомъ, возвращается на то же мѣсто? Вѣдь ты же помнишь, что въ началѣ благочестивое и бого- C.
угодное оказались у насъ не однимъ и тѣмъ же, а различными одно отъ другого. Или не помнишь?

Евт. Помню.

Сокр. Такъ развѣ теперь не видишь, что благочестивымъ ты называешь то, что угодно богамъ? Что же это, какъ не богоугодное? Или нѣтъ?

Евт. Конечно да.

Сокр. Такъ или мы тогда не хорошо рѣшили, а если тогда рѣшили хорошо, то теперь утверждаемъ неправильно.

Евт. Повидимому.

Сокр. Стало быть намъ нужно опять разсмотрѣть сначала, что такое благочестивое, потому что пока я не узнаю, добровольно не сдамся. Только ты не презирай меня, а соберись съ духомъ и скажи теперь всю правду какъ она есть. Вѣдь ты же ее знаешь, какъ никто, и тебя, какъ Про- D.
тея [19]), слѣдуетъ отпускать не раньше, чѣмъ ты дашь отвѣтъ. Вѣдь еслибы ты не зналъ въ точности, что благочестиво и что нечестиво, то никоимъ образомъ не задумалъ бы изъ-за наемника обвинять въ убійствѣ престарѣлаго отца, но побоялся бы и боговъ, какъ бы не оказалось, что ты дѣлаешь это неправильно, да и людей постыдился бы.

---

[19]) Протей—морской богъ, „проницательный старецъ", жившій со своими тюленями на островѣ Фарѣ, возлѣ Египта. Схваченный во время сна Менелаемъ онъ оборачивался страшными звѣрями и разными предметами, но Менелай, по совѣту дочери бога, держалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не принялъ своего обычнаго вида и не повѣдалъ царю объ участи ахейскихъ вождей (Од. IV, 350—570).—Въ сравненіи Евтифрона съ Протеемъ двойная иронія: похожій на Протея способностью увертываться отъ преслѣдованія истины, Евтифронъ вовсе не имѣлъ его проницательности.

Е. Ну а ужъ теперь я увѣренъ, что ты считаешь себя въ точности знающимъ, что благочестиво и что нѣтъ. Скажи же безъ утайки, любезнѣйшій Евтифронъ, какъ ты объ этомъ думаешь.

Евт. Скажу другой разъ, Сократъ, потому что теперь я кое-куда спѣшу, и мнѣ пора итти.

Сокр. Что ты это дѣлаешь, пріятель! Уходишь, отнимая у меня великую надежду узнать отъ тебя, что благочестиво и что нѣтъ, и тѣмъ самымъ избѣгнуть обвиненія со
16. стороны Мелита, заявивши ему, что Евтифронъ уже научилъ меня относительно божественнаго и что я больше не вольнодумничаю и не новшествую относительно этого, да и остальную жизнь авось буду жить лучше.

РАЗСУЖДЕНІЕ ОБЪ ЕВТИФРОНѢ.

I.

Близъ царскаго портика Сократъ встрѣчается съ извѣстнымъ прорицателемъ Евтифрономъ. Сократъ подвергнутъ уголовному преслѣдованію Мелетомъ, который обвиняетъ его въ развращеніи юношества: измышляя новыхъ боговъ и отвергая старыхъ, онъ виновенъ въ нечестіи. Евтифронъ напротивъ того самъ подвергаетъ уголовному преслѣдованію родного отца который, нечаянно уморилъ пойманнаго имъ преступнаго наемника. Евтифронъ знаетъ, что многіе найдутъ его поступокъ нечестивымъ, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, единственный путь къ тому, чтобы избавиться отъ оскверненія, причиняемаго кровью убитаго, состоитъ въ уголовномъ преслѣдованіи убійцы, кто бы онъ ни былъ, свой или чужой. Гордый своимъ благочестіемъ и богословскими знаніями, Евтифронъ пренебрегаетъ мнѣніемъ людей, не знающихъ, какъ само Божество относится къ благочестію и къ нечестію.

Услышавъ это, Сократъ, по обычаю, выражаетъ желаніе пойти къ Евтифрону въ науку и проситъ его дать ясное опредѣленіе того, что есть благочестіе и нечестіе. Въ своемъ отвѣтѣ Евтифронъ начинаетъ съ логической ошибки, обычной въ устахъ многихъ изъ собесѣдниковъ Сократа, выводимыхъ Платономъ: вмѣсто требуемаго общаго понятія онъ указываетъ на единичный случай: благочестиво то, что онъ дѣлаетъ, преслѣдуя отца своего за преступленіе, имѣющее религіозный характеръ (убійство, какъ и святотатство, относится именно къ этому роду преступленій и связано съ *μίασμα* или оскверненіемъ). Въ доказательство своего благочестія Евтифронъ ссылается на примѣръ лучшаго и справедливѣйшаго изъ боговъ—Зевса, который за различныя преступленія связалъ своего отца. Такой отвѣтъ, конечно, не удовлетворяетъ Сократа: во-первыхъ

онъ высказываетъ свое невѣріе по отношенію къ подобнаго рода миѳамъ о враждѣ и битвахъ боговъ, а во-вторыхъ требуетъ, чтобы Евтифронъ, не ограничиваясь указаніемъ единичныхъ случаевъ благочестія, показалъ бы ему самыя общія черты благочестія, его внутренній образъ, или „идею", которая дѣлаетъ все причастное ей или подобное ей благочестивымъ. Въ отвѣтъ на это Евтифронъ даетъ *второе опредѣленіе*: благочестиво то, что угодно богамъ, нечестиво—то, что имъ не угодно. На это Сократъ замѣчаетъ, что, по мнѣнію Евтифрона, межъ самихъ боговъ нѣтъ согласія: однимъ изъ нихъ можетъ нравиться нѣчто такое, что ненавистно другимъ,—пріятное Зевсу можетъ быть, ненавистно Кроносу и наоборотъ; съ такой точки зрѣнія боги, подобно людямъ, должны расходиться въ своихъ сужденіяхъ о добрѣ и злѣ, о справедливомъ и несправедливомъ, а стало быть одно и то же можетъ быть и ненавидимо и любимо богами. Но въ такомъ случаѣ одно и то же можетъ быть заразъ и благочестиво и нечестиво. Сократъ предлагаетъ Евтифрону внести поправку въ его опредѣленіе и признать нечестивымъ то, что ненавидятъ *всѣ* боги и благочестивымъ то, что любятъ *всѣ* боги; то, что любезно однимъ и ненавистно другимъ,—безразлично. Но и это исправленное опредѣленіе не удовлетворяетъ Сократа, который ставитъ знаменательный вопросъ, потому ли благочестивое благочестиво, что оно любимо богами, или наоборотъ, потому оно любимо богами, что оно благочестиво? Діалектика Сократа приводитъ его къ этому послѣднему утвержденію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ опроверженію предложеннаго опредѣленія. Опредѣляя благочестивое какъ то, что любимо богами или угодно богамъ, мы раскрываемъ не сущность (*οὐσία*) благочестія, а лишь одну изъ его „акциденцій", нѣчто такое, что ему случайно, какъ производное свойство, зависящее отъ отношенія благочестія къ отличнымъ отъ него богамъ. И Сократъ проситъ вновь своего собесѣдника сказать ему, въ чемъ сущность благочестія, все равно, любимо ли оно богами или случается съ нимъ еще что либо другое.

Евтифронъ признается въ своемъ затрудненіи и жалуется на то, что всѣ предположенія его оказываются неустойчивыми. Сократъ приходитъ къ нему на помощь и даетъ новое опредѣленіе благочестія какъ „части праведнаго" или „справедливаго" (*μέρος τοῦ δικαίου*). Но какую часть праведности составляетъ благочестіе? Ту, которая относится къ попеченію о богахъ, между тѣмъ какъ остальная часть ея относится къ попеченію

о людяхъ. Въ чемъ однако состоитъ наше попеченіе о богахъ? Совершая что либо благочестивое, приносимъ ли мы богамъ какую нибудь пользу или дѣлаемъ ли мы ихъ лучшими, какъ это случается тамъ, гдѣ мы печемся о нашихъ ближнихъ или о домашнихъ животныхъ? Очевидно нѣтъ, и потому попеченіе о богахъ опредѣляется здѣсь, какъ своего рода служба или служеніе. Всякое служеніе или служба предполагаетъ однако какую нибудь дѣятельность, цѣлямъ которой подчиняются служащіе. Такъ, тѣ кто служатъ врачамъ, кораблестроителямъ или зодчимъ, служатъ достиженію спеціальныхъ цѣлей медицины, кораблестроенія или зодчества. Поэтому, если мы хотимъ познать сущность благочестія, мы должны опредѣлить, въ чемъ состоитъ то спеціальное дѣло боговъ, для котораго имъ нужна наша служба. Евтифронъ явно затрудняется указать, въ чемъ состоитъ это „хорошее дѣло", говоря, что боги дѣлаютъ много хорошаго и что понять все въ точности, какъ оно есть, заняло бы слишкомъ много времени. Желая упростить дѣло, онъ даетъ еще новое опредѣленіе благочестія, какъ умѣнья дѣлать богамъ пріятное, молясь имъ и принося имъ жертвы, отъ чего зависитъ благоденствіе и спасеніе какъ отдѣльныхъ домовъ, такъ и цѣлыхъ государствъ. „Но вѣдь приносить жертвы значитъ дарить боговъ, а молиться значитъ просить боговъ", замѣчаетъ Сократъ, „откуда выходитъ, что благочестіе есть наука о томъ, какъ нужно дарить и просить боговъ". Мы просимъ у нихъ то, что намъ нужно и даримъ имъ то, что имъ нужно, такъ что благочестіе обращается въ какой то торговый обмѣнъ между людьми и богами. Но Сократу не нравится подобное опредѣленіе: „какая можетъ быть польза богамъ отъ тѣхъ даровъ, которые они отъ насъ получаютъ? Всякому ясно, что они даютъ, потому что нѣтъ ни одного блага, котораго бы они не давали. Но какая имъ польза въ томъ, что они отъ насъ получаютъ? „Евтифронъ отвѣчаетъ, что боги получаютъ отъ насъ не пользу а честь и почетъ, которые имъ любезны и милы, вслѣдствіе чего рѣчь возвращается снова къ прежнему опредѣленію благочестиваго, какъ любезнаго или угоднаго богамъ. Сократъ констатируетъ это и жалуется, что Евтифронъ уходя отъ него, лишаетъ его великой надежды узнать, въ чемъ суть благочестія и нечестія.

II.

Таково содержаніе этого небольшого діалога. Онъ представляетъ значительный интересъ не только для изученія нрав-

ственной философіи Платона и Сократа, но и для освѣщенія того духовнаго кризиса, который переживала греческая религіозная мысль въ пятомъ и четвертомъ вѣкѣ и который подготовлялся уже издавна, съ тѣхъ поръ какъ нравственное сознаніе грековъ стало перерастать ихъ боговъ и ихъ миѳологію. Уже съ шестого вѣка (если не ранѣе) начинаетъ проявляться все болѣе и болѣе рѣзко неудовлетворенность философской мысли и религіознаго чувства, которая сказывается какъ въ попыткахъ зарождающагося раціонализма и религіозной критики, такъ и въ попыткахъ религіозной реформы и развитія греческаго мистицизма.

Развитіе раціонализма легко прослѣдить въ исторіи ранней философіи грековъ. Если первые начатки этой философіи и слѣдуетъ искать въ религіозномъ умозрѣніи и если античная мысль долго сохраняетъ религіозную окраску, то тѣмъ не менѣе протестъ противъ миѳологіи появляется крайне рано. Мы находимъ его во всей силѣ уже у поэта-философа Ксенофана (VI в.). Онъ не хочетъ повторять старыя и нелѣпыя басни про битвы боговъ и кентавровъ: повидимому, онъ относится къ этимъ баснямъ, какъ Сократъ въ нашемъ діалогѣ (6); подобно ему, онъ хочетъ чтить боговъ разумною рѣчью, бесѣдуя о добродѣтели и высказывая рѣзкое осужденіе народному культу и антропоморфизму Гомера и Гесіода:

Все, что могли, приписали богамъ Гомеръ съ Гесіодомъ,
Что у людей почитается стыднымъ и всѣми хулимо.
Множество дѣлъ беззаконныхъ они про боговъ возвѣстили,—
Какъ воровали они, предавались обману и блуду...

Люди дѣлаютъ боговъ по своему подобію: рыжіе, голубоглазые у ѳракійцевъ, они черны и курносы у эѳіоповъ:

Если бы львамъ и быкамъ въ удѣлъ даны были руки,
Если бъ писали они иль ваяли, какъ дѣлаютъ люди,
То и они бъ рисовали боговъ и тѣла бъ имъ создали,
Какія самимъ имъ даны, сообразно строенію каждыхъ:
Кони—конями, быками—быки боговъ бы творили...

Ксенофанъ настаиваетъ на единствѣ, вѣчности, разумности божества, которое все видитъ и все слышитъ, управляя всѣмъ и не подобно ничему смертному. Признавать бога рожденнымъ есть такое же нечестіе, какъ считать его смертнымъ, и изображеніе страстей боговъ представляется философу нечестіемъ и безуміемъ не только въ эпосѣ, но и въ культѣ: если боги смертны, нечего приносить имъ жертвъ, а если они боги,—нечего ихъ оплакивать и совершать въ ихъ честь траурные, печальные обряды, какъ это дѣлается въ иныхъ культахъ.

Такъ училъ Ксенофанъ за сто лѣтъ до Платона. И если ему, какъ рапсоду, приходилось болѣе опредѣленно, чѣмъ прочимъ философамъ, установить свое отношеніе къ религіозному содержанію эпоса, то другіе философы, не вступая въ прямую полемику съ Гомеромъ и Гесіодомъ, расходились не менѣе глубоко съ народными вѣрованіями и миѳологическими представленіями. Въ тѣхъ различныхъ попыткахъ физическаго міробъясненія, которыя мы у нихъ находимъ, въ ихъ астрономіи, космологіи и метеорологіи, боги не играютъ никакой дѣятельной роли. Кажущіяся исключенія только подтверждаютъ это общее положеніе, какъ напр. у Эмпедокла, у котораго четыре божества,—Зевсъ, Гера, Аидоней и Нестисъ,—являются олицетвореніями или даже простыми наименованіями четырехъ стихій, или у пиѳагорейцевъ, гдѣ боги распредѣляются по планетамъ, которыя движутся согласно вѣчнымъ математическимъ законамъ гармоніи.

Естественно, что физика подкапывала миѳологію, и въ связи съ попытками раціональнаго объясненія вселенной мы постоянно встрѣчаемся съ попытками раціонализировать и самые миѳы—путемъ аллегорическаго ихъ объясненія. Первую систематическую попытку въ этомъ направленіи мы находимъ у Метродора изъ Лампсака, ученика Анаксагора; но отдѣльныя раціоналистическія объясненія миѳовъ встрѣчаются и гораздо раньше. Не рѣдкостью было въ исходѣ пятаго вѣка и чисто-отрицательное, крайне скептическое отношеніе къ религіи. Несомнѣнно, софистика съ ея поверхностнымъ раціонализмомъ много способствовала распространенію такого скептицизма въ широкихъ кругахъ общества; но видѣть въ ней источникъ нечестія и безбожія, какъ это дѣлали многіе древніе и новые ея обличители, было бы крайне несправедливымъ. За немногими единичными исключеніями, профессіональные софисты не были оригинальными мыслителями; преподавательская дѣятельность ихъ опредѣлялась спросомъ, а ихъ нравственная философія—ходячими мнѣніями. Раціоналистическій характеръ былъ присущъ всему греческому просвѣщенію, и аѳинянину V вѣка не нужно было учиться у софистовъ, что-бы смѣяться надъ Аристофановымъ Стерпсіадомъ съ его мужицкими вѣрованіями. Консерваторъ Аристофанъ, обличающій не только софистовъ, но и самого Сократа, какъ опаснѣйшаго изъ софистовъ,—Аристофанъ, ревнитель добрыхъ старыхъ нравовъ и древняго благочестія, ярче другихъ свидѣтелей показываетъ намъ, какъ глубоко расшатались такіе нравы и такое благочестіе. И онъ

дѣлаетъ это не только своей сатирой и обличеніемъ, своимъ изображеніемъ нравственнаго состоянія современнаго ему общества: онъ самъ обращаетъ въ комическія маски тѣхъ самыхъ боговъ, которыхъ онъ защищаетъ отъ ихъ отрицателей. Обличая философію и физическую метеорологію, онъ противополагаетъ ей невѣжественнаго, придурковатаго Стерпсіада, который думаетъ, что Зевсъ мочится черезъ рѣшето, когда идетъ дождикъ...

Не слѣдуетъ однако представлять себѣ греческое общество эпохи аттическаго просвѣщенія враждебнымъ или равнодушнымъ къ религіи, зараженнымъ повальнымъ сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Напротивъ, иногда оно является намъ крайне суевѣрнымъ, способнымъ къ настоящимъ взрывамъ фанатизма (напр. процессъ осквернителей Гермъ или хотя бы процессъ Сократа). Своеобразная смѣсь суевѣрія и свободомыслія является характернымъ признакомъ не только всего общества указаннаго времени, но и отдѣльныхъ выдающихся его представителей напр. того же Аристофана, или даже самого Сократа, соединявшаго крайній раціонализмъ съ вѣрой въ мантику и оракуловъ; правда, эта послѣдняя черта, быть можетъ, отчасти преувеличена у Ксенофонта—другого. Крайне суевѣрнаго, раціоналиста того времени; но она въ достаточной мѣрѣ засвидѣтельствована и самимъ Платономъ.

Быть можетъ нигдѣ и никогда мы не встрѣчаемъ такого разнообразія духовной жизни, такого роскошнаго расцвѣта всевозможныхъ формъ человѣческаго творчества, такого богатаго и свободнаго развитія человѣческой личности, какъ именно въ Аѳинахъ V вѣка. Но это развитіе было бы не полнымъ и одностороннимъ, если бы тѣ религіозные инстинкты, которые такъ глубоко коренятся въ нашей природѣ, были въ немъ подавлены. Этого и не было. Среди крайняго раціонализма философская мысль, свободная отъ всякаго внѣшняго авторитета, приходитъ въ лицѣ Сократа и Платона къ ученію, религіозному въ самой своей основѣ. Среди высшаго напряженія человѣческаго творчества и высшей идеализаціи человѣческой чувственности рождается сознаніе сверхъ-человѣческой вѣчной красоты и правды, слагается убѣжденіе въ высшей реальности духовнаго міра, въ возможности и необходимости высшей духовной жизни для человѣка. И въ свѣтѣ этого новаго религіознаго сознанія прежніе боги являются призраками и прежнія вѣрованія—грубымъ, недостойнымъ суевѣріемъ, которое должно уступить мѣсто *новому благочестію*.

Но если этотъ идеалъ открывается духовнымъ очамъ немногихъ избранниковъ, отрекшихся отъ прежнихъ идоловъ и подвигомъ философскаго дѣланія возвысившихся надъ простымъ разсудочнымъ отрицаніемъ,—древнее благочестіе продолжаетъ жить въ греческомъ обществѣ, несмотря на софистику и просвѣщеніе, на высокіе идеалы искусства и философіи, на сатиру комиковъ, на вольнодумство интеллигенціи. Оно крѣпко держится старыхъ преданій и, въ защиту отъ нигилизма, призываетъ на помощь новое суевѣріе и новый мистицизмъ. Оно относится враждѣбно къ софистикѣ, къ сомнѣнію и отрицанію; и естественнымъ образомъ въ Сократѣ, въ провозвѣстникѣ новой духовной истины, оно нашло еще злѣйшаго и опаснѣйшаго врага.

Мы сказали, что неудовлетворенность религіозной мысли и чувства сказывается въ развитіи греческаго раціонализма. Но она сказывается и въ развитіи греческаго мистицизма,—который получаетъ значительное распространеніе одновременно съ зарожденіемъ греческой философіи,—и въ различныхъ попыткахъ религіозной реформы, связанныхъ этимъ мистическимъ движеніемъ. Неудовлетворенный своими богами и культами, вѣрующій нерѣдко ищетъ чисто внѣшнимъ способомъ успокоить или подавить объявшую его тревогу: онъ строитъ великолѣпные чертоги богамъ, которыхъ прежде чтили подъ открытымъ небомъ; онъ изображаетъ боговъ, прежде вовсе не имѣвшихъ образа, въ величественныхъ и прекрасныхъ кумирахъ; онъ приноситъ имъ больше жертвъ чѣмъ когда либо и чтитъ ихъ пышными, сложными церемоніями. Роскошные храмы нерѣдко являются надгробными памятниками религіи. Но съ другой стороны и наоборотъ, иныя пышныя гробницы становятся святилищами. Роскошь внѣшняго культа можетъ свидѣтельствовать о внутреннемъ упадкѣ вѣры; но нельзя отрицать и того, что эта роскошь по своему, питаетъ вѣру, гипнотизируетъ вѣрующихъ. Внѣшнимъ культомъ однако нельзя удовлетворить ни разума, ни самаго религіознаго чувства. И съ той минуты, какъ оно перестало удовлетворяться имъ, оно ищетъ новыхъ культовъ и новыхъ боговъ-искупителей, которые могли бы дать ему увѣренность въ конечномъ спасеніи. Въ усложненіи культа, въ заимствованіи и усвоеніи новыхъ пришлыхъ боговъ—вся исторія древняго политеизма. И до самаго конца язычества, мы можемъ указать цѣлый рядъ новыхъ культовъ, постепенно проникавшихъ въ Грецію.

Но недостаточно вводить новыхъ боговъ. Нужно вступить въ новое болѣе интимное отношеніе съ ними, пріобщиться ихъ жизни и силамъ, ихъ благодать; нужно познать тайны духов-

наго міра путемъ новаго откровенія. И вотъ съ VII в. постепенно усиливается вѣра въ мантику и появляется рядъ боговдохновенныхъ сивиллъ, волхвовъ и пророковъ, посредниковъ новаго откровенія, которые возвѣщаютъ людямъ волю боговъ, производятъ очистительные обряды, основываютъ новые культы и таинства, а иногда даже особые религіозные союзы съ опредѣленнымъ мистическимъ богословскимъ ученіемъ.

Легенда рано завладѣла образами этихъ божьихъ людей; нѣкоторые изъ нихъ, каковы Орфей или Мусей, всецѣло представляются ея созданіями; другіе, какъ Эпименидъ, принадлежатъ ей наполовину. Но дѣло ихъ принадлежитъ исторіи и, какъ не скудны наши свѣденія объ этихъ пророкахъ VII и VI вѣка, мы должны видѣть въ нихъ первыхъ возбудителей того могущественнаго духовнаго движенія, которое дало толчекъ развитію греческихъ мистерій и греческаго мистицизма, которое породило орфиковъ и пиѳагорейцевъ, отразилось на всей исторіи ранней греческой философіи и оставило глубокій слѣдъ въ лирикѣ Пиндара и въ умозрѣніи самого Платона.

Какъ ни было глубоко и плодотворно это духовное движеніе, оно не привело ни къ реформѣ, ни къ созданію новой религіи и постепенно вошло въ общія рамки греческаго политеизма. Религіозная реформа въ средѣ этого національнаго политеизма могла бы вести лишь къ замѣнѣ однихъ боговъ другими и была бы осуществима лишь вмѣстѣ съ политической революціей, при помощи политическаго заговора.

Не даромъ орфики группировались вокругъ Пизистратидовъ въ Аѳинахъ, а пиѳагорейцы составляли въ Великой Греціи политическій союзъ, преслѣдовавшій цѣли аристократической партіи. Изгнаніе Пизистратидовъ и погромъ пиѳагорейцевъ предрѣшали не только политическую, но и религіозную будущность этихъ союзовъ. Пиѳагорейскій союзъ получаетъ свое историческое значеніе главнымъ образомъ въ качествѣ философской школы, а секта орфиковъ, завѣщавъ свои пантеистическія идеи другимъ философамъ, постепенно вырождается, умножая собою лабиринтъ греческихъ культовъ и суевѣрій.

О созданіи какой либо единой церкви на почвѣ помѣстныхъ культовъ греческаго политеизма, очевидно, не могло быть и рѣчи: само христіанство не могло въ послѣдствіи окончательно побороть греческаго національнаго. Но пиѳагорейцы или орфики всего менѣе думали о какой либо универсальной религіи, ревниво охраняя свои таинства отъ непосвященныхъ. И потому несмотря на тѣ новыя религіозныя идеи, которыя нашли въ

нихъ свои выраженіе (пантеизмъ орфиковъ, вѣра въ загробное возмездіе и жизнь будущаго вѣка), эти таинства не могли измѣнить основнаго строя греческой религіи. Тѣмъ не менѣе, мистическая потребность была пробуждена и зародившееся духовное движеніе захватывало не одни верхніе аристократическіе слои; не даромъ оно связывалось съ деревенскимъ, демократическимъ богомъ оргіастическаго экстаза, съ Діонисомъ, культъ котораго лишь постепенно переходитъ изъ деревни въ городъ. Государство старалось овладѣть этимъ движеніемъ, ввести его въ общее русло своей религіи. И оно достигло этого при помощи организаціи *мистерій*, вошедшихъ въ систему государственнаго культа. Въ Аѳинахъ орфики, вѣроятно, способствовали этому процессу; болѣе чѣмъ кто либо они акклиматизировали, приручили „дикаго“ Діониса. Но, естественно, ихъ собственное значеніе должно было упасть, когда ихъ частныя оргіи были совершенно затемнены блескомъ пышныхъ таинствъ Элевсина. Объ орфикахъ или орфеотелестахъ, торгующихъ своимъ таинственнымъ гнозисомъ мы слышимъ впослѣдствіи: они производятъ очистительныя церемоніи, они обольщаютъ не только частныхъ лицъ, но и цѣлые города (Plat. Resp. II, 7), принося искупительныя жертвы за прогрѣшенія живыхъ и мертвыхъ, освобождая людей отъ божественной кары, отъ всевозможныхъ бѣдствій, слѣдующихъ за вольнымъ или невольнымъ оскверненіемъ. Но не одни орфики вступаютъ на почву этого практическаго мистицизма: по слѣдамъ Эпименида, является множество „вѣдуновъ“ или гностиковъ претендующихъ на познаніе воли боговъ и на познаніе спеціальныхъ средствъ искупленія. Иногда они даютъ совершенное освобожденіе отъ гнѣва божества иногда — отсрочку грозящей кары (ср. Plat. Conv. 201 D); они обладаютъ даромъ предсказанія, являются частными прорицателями, которые соперничаютъ съ оффиціальными оракулами. Они, подобно нашему Евтифрону, выдаютъ себя за спеціалистовъ благочестія; они являются хранителями древнихъ преданій и миѳовъ, наряду съ которыми они разсказываютъ и многія другія фантастическія басни про дѣла боговъ и демоновъ.

Но эти эпигоны мистиковъ VII и VI вѣка уже не играютъ выдающейся роли въ духовномъ движеніи Греціи. Правда, въ лицѣ Эмпедокла мы видимъ философа, который выступаетъ въ роли практическаго теософа приписываетъ себѣ чудесныя способности и чудесное вѣденіе, пишетъ трактатъ объ „очищеніяхъ“. Но это едва ли не послѣдній гностикъ древнѣйшаго пе-

ріода; и то онъ представляетъ собою переходный типъ соединяя, мистику съ раціоналистической физикой и катартику съ реторикой. Если онъ послѣдній мистикъ V вѣка то онъ же и первый софистъ. Во всякомъ случаѣ, обыкновенные бродячіе гадатели, прорицатели и хресмологи на него не похожи: это „спеціалисты благочестія“ въ родѣ нашего Евтифрона, которые ничего не знаютъ, кромѣ басенъ, и ничему не могутъ научить кромѣ суевѣрій.

III.

И вотъ такого то спеціалиста выводитъ Платонъ въ спорѣ съ Сократомъ, котораго обвиняютъ въ нечестіи. Евтифронъ сначала принимаетъ Сократа за собрата: вѣдь и Сократъ претендуетъ на особаго рода спеціальное откровеніе, на особаго рода „демоническое“ знаменіе, которое „указываетъ“ ему волю Божію. Евтифронъ думаетъ, что Сократъ возбуждаетъ къ себѣ тоже недоброжелательное и насмѣшливое отношеніе, съ какимъ приходится встрѣчаться и ему самому, когда онъ прорицаетъ передъ большою публикой. Онъ охотно дѣлится съ Сократомъ своею мудростью, и здѣсь то, въ ихъ бесѣдѣ, раскрывается вся бездна, раздѣляющая старое и новое благочестіе.

Для Евтифрона все благочестіе есть лишь собраніе миѳовъ и обрядовъ, корень которыхъ лежитъ въ суевѣрномъ страхѣ. Его отношеніе къ богамъ противно разуму и лишено всякаго нравственнаго характера: это простая боязнь передъ слѣпою прихотью демоновъ, ихъ случайнымъ гнѣвомъ, ихъ гибельными чарами. Религія сводится къ внѣшнему культу, къ искусству ухаживать за богами, какъ будто боги нуждаются въ внѣшнемъ, физическомъ попеченіи. Культъ состоитъ въ жертвахъ и молитвахъ, въ дарахъ и прошеніяхъ. Мы просимъ у боговъ то, что намъ нужно, и даримъ имъ то, что имъ нужно, такъ что благочестіе обращается въ торговый обмѣнъ между людьми и богами, причемъ въ такомъ обмѣнѣ человѣкъ стремится къ возможно большей выгодѣ.

Обличая всю нелѣпость такихъ вѣрованій, Сократъ поднимаетъ великій вопросъ о нравственномъ характерѣ религіознаго долга, религіозныхъ отношеній, религіи вообще: зависитъ ли нравственно-должное въ религіозной сферѣ отъ случайной прихоти, отъ расположенія боговъ, или же наоборотъ, нравственно-должное опредѣляетъ собою расположеніе неизмѣнно благой, разумной воли боговъ? Потому ли благочестивое имѣетъ

нравственную цѣну, что его любятъ боги, или наоборотъ, потому они его любятъ, что оно благо? Для Сократа не можетъ быть сомнѣнія. Боги благи и „нѣтъ ни одного блага, котораго бы они не давали“. Они благи, потому что они разумны, потому что они „знаютъ добро“, „знаютъ благо“. Извѣстно, что къ такому знанію Сократъ сводилъ всю добродѣтель и всѣ добродѣтели. Поэтому то благочестіе и не можетъ быть особою, отдѣльною частью праведности: обнимая собою всю сферу служенія человѣка богамъ, оно обхватываетъ и всю возможную сферу его дѣятельности, въ которой онъ можетъ творить добро:—„нѣтъ ни одного блага, котораго бы не давали боги“, а потому, дѣлая добро, человѣкъ естественно служитъ богамъ какъ подателямъ благъ. Нравственно добрая дѣятельность и нравственно добрая жизнь есть поэтому единственное истинное благочестіе, истинное служеніе богу, какъ мы увидимъ это въ „Апологіи“, „Евтифронъ“ ограничивается повидимому лишь отрицательнымъ результатомъ,—совершеннымъ изобличеніемъ стараго благочестія. Смущенный и безпомощный, божественныхъ дѣлъ мастеръ Евтифронъ не въ силахъ опредѣлить или показать Сократу „идею“ истиннаго благочестія; но самъ Сократъ, обличающій своего собесѣдника, явно знаетъ, чего онъ хочетъ. И въ самой его діалектикѣ, въ самомъ требованіи показать „идею“ благочестія, точно также какъ въ раскрытіи всей внутренней лжи ходячихъ религіозныхъ представленій, сказывается глубокая вѣра въ *автономію добра*: въ сферѣ самой религіи и религіозныхъ отношеній оно *самозаконно* не зависитъ отъ случайной прихоти боговъ; оно не опредѣляется ихъ произволомъ, но само опредѣляетъ всякую разумную волю.

Совмѣстимъ ли такой возвышенный религіозный идеалъ съ языческимъ политеизмомъ? Не правы ли были обвинители Сократа, утверждавшіе, что онъ своимъ ученіемъ въ корнѣ подрываетъ отеческую вѣру? Но вѣра отеческая была въ достаточной мѣрѣ подорвана и безъ Сократа и распадалась сама собою въ духовномъ ростѣ греческаго общества. Да и самъ Сократъ, очевидно, хотѣлъ не подрывать религію, а наоборотъ очистить ее, утвердить благочестіе на высшемъ и незыблемомъ разумномъ основаніи.

Тѣмъ не менѣе, этотъ высшій пророческій идеалъ несомнѣнно перехватываетъ за рамки языческаго политеизма. Надъ его ограниченными богами воздвигается высшее идеальное начало объективнаго Добра, та „Идея Блага“, которая впослѣдствіи является въ качествѣ верховнаго Божества въ Платоновомъ

Государствѣ. Въ нашемъ діалогѣ философъ еще не говоритъ объ этомъ „умномъ солнцѣ", которое подаетъ всему жизнь и свѣтъ, но уже здѣсь добро признается началомъ самодовлѣющимъ, независимымъ отъ субъективной прихоти или расположенія самихъ боговъ. Платонъ не опредѣляетъ, какимъ образомъ боги относятся къ этому высшему началу, нормирующему ихъ волю: но ясно, что съ такой точки зрѣнія они должны послѣдовательно обратиться въ служебныхъ духовъ. Для боговъ въ смыслѣ прежняго миѳическаго пантеизма не остается болѣе мѣста: они осуждены и разумномъ и нравственнымъ чувствомъ.

IV.

Къ какой эпохѣ въ жизни Платона можно съ наибольшимъ вѣроятіемъ отнести „Евтифрона"? Высказывалось предположеніе, что онъ былъ написанъ въ то самое время, къ которому относится воспроизводимый разговоръ, т. е. въ началѣ процесса Сократа, до суда надъ нимъ. Согласно другому мнѣнію Евтифронъ былъ написанъ вскорѣ послѣ смерти Сократа въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ „Апологіей" и „Критономъ".

Первое предположеніе едва ли допустимо. Хотя Евтифронъ и служитъ отвѣтомъ на обвиненіе въ нечести, выставленное противъ Сократа, но обнародованіе этого діалога въ началѣ процесса оказало бы философу плохую услугу и могло бы дать его врагамъ лишнее оружіе, такъ какъ нашъ діалогъ явно направленъ противъ стараго благочестія.

Относить Евтифрона къ чисто-Сократическому періоду дѣятельности Платона мѣшаетъ намъ и заключающіяся въ немъ указанія если не самое ученіе объ идеяхъ, составляющее личную особенность Платона, то во всякомъ случаѣ на священную съ этимъ ученіемъ діалектику. „Развѣ благочестивое, святое, не тожественно самому себѣ во всякомъ дѣйствіи, говоритъ Сократъ, и развѣ нечестивое во всемъ что ни есть нечестиваго не противоположно всему благочестивому, не подобно себѣ самому и не имѣетъ, по своему нечестію, нѣкоторую единую общую форму („идею")"? И далѣе Сократъ требуетъ, чтобы Евтифронъ показалъ ему „тотъ самый общій видъ (εἶδος), которымъ все благочестивое—благочестиво; вѣдь ты же установилъ, что единая „идея" дѣлаетъ все нечестивое нечестивымъ или все благочестивое благочестивымъ" „такъ научи же меня этой самой идеѣ, что она такое, дабы взирая на нее и поль-

зуясь ею какъ образцомъ (*παράδειγμα*), я признавалъ благочестивымъ то, что будетъ подобнымъ ей" (6 D E).

Правда Боницъ и Целлеръ указываютъ, что здѣсь слова „идея" и „видъ" обозначаютъ лишь *форму*, а подъ образцомъ разумѣется не первообразъ самихъ вещей, а лишь общее понятіе, представляющееся нормой для частныхъ случаевъ. „Хотя Платонъ и стоитъ здѣсь у порога Сократова ученія о понятіи, говоритъ Целлеръ. но онъ еще не перешагнулъ черезъ него". Однако гдѣ же доказательство, что онъ черезъ него не перешагнулъ? Боницъ ссылается на параллельныя мѣста въ Менонѣ 72 С и Политикѣ 262 В гдѣ *εἶδος* и *ἰδέα* дѣйствительно означаютъ лишь „видъ" и „форму"; но въ этихъ двухъ діалогахъ Платонъ уже безспорно очень далеко ушелъ отъ „сократической" философіи своей первоначальной молодости. Во всякомъ случаѣ „единая, всегда тождественная себѣ самой форма, дѣлающая все благочестивое благочестивымъ", и служащая „первообразомъ" или „нормой" для сужденій о благочестіи единичныхъ поступковъ, представляетъ собою чисто Платоновскую концепцію Сократовы діалектики, всего болѣе близкую къ ученію объ идеяхъ. „Взирая на единую идею сводить разсѣянное во многихъ мѣстахъ" и „умѣть снова дѣлить по видамъ"—вотъ требованія, которыя Сократъ предалъ истинному діалектику въ Платоновомъ „Федрѣ" (265 D E) и которыя мы находимъ и въ нашемъ діалогѣ: благочестіе относится къ высшему роду—праведности, который затѣмъ дѣлится на два подвида (12).

Такимъ образомъ въ Евтифронѣ мы находимъ не только методологическія особенности позднѣйшей Платоновой діалектики, но и самую терминологію этой діалектики (идея, видъ, образецъ (*παράδειγμα*), сущность (*οὐσία*)—въ отличіе отъ *πάθος*—случайнаго свойства). Съ другой стороны намъ понятно, почему критики затруднялись отдѣлять Евтифрона отъ „сократическихъ" діалоговъ. Діалектическая разработка вопроса о существѣ благочестія принадлежитъ Платону, но самый вопросъ несомнѣнно возбужденъ Сократомъ и споръ, воспроизведенный Платономъ и пріуроченный имъ къ началу процесса учителя, служитъ важнымъ и живымъ отголоскомъ „Сократической борьбы". Бесѣда съ Евтифрономъ, очевидно, вымышленна, какъ и прочіе діалоги; но въ этой вымышленной формѣ Платонъ даетъ намъ дѣйствительное историческое содержаніе, показываетъ, уясняетъ намъ отношеніе своего учителя къ современному благочестію и

объясняетъ то роковое столкновеніе въ которое онъ вступилъ съ его представителями.

Когда же написанъ былъ Евтифронъ? По всей вѣроятности по истеченіи нѣкотораго времени послѣ смерти Сократа вмѣстѣ съ рядомъ сочиненій предназначенныхъ частью апологіи учителя, частью же — обличенію того общества, которое его осудило. Наиболѣе яркимъ и сильнымъ изъ такихъ обличительныхъ діалоговъ является Горгій. Въ какомъ отношеніи къ Горгію стоитъ Евтифронъ, сказать трудно: тамъ обличаются риторы и политики, мастера дѣлъ человѣческихъ, претендующіе знать, что есть справедливость; здѣсь обличается божественныхъ дѣлъ мастеръ, спеціалистъ по благочестію. Благочестивое опредѣляется у Ксенофонта (Mem. IV. 6. 4), какъ *законное* относительно боговъ, въ Евтифронѣ,— какъ *справедливое* по отношенію къ богослуженію, въ Горгіи—какъ *должное* по отношенію къ богамъ: не трудно убѣдиться въ тожествѣ этихъ трехъ опредѣленій, хотя нельзя рѣшить, которая изъ трехъ формулъ принадлежитъ Сократу. Susemihl, сравнивая Горгія съ Евтифрономъ, считалъ послѣдній болѣе позднимъ, точно такъ же какъ и Гомперцъ: въ Горгіи и Протагорѣ благочестіе представляется еще особою добродѣтелью наряду съ справедливостью, мужествомъ, мудростью и воздержаніемъ, между тѣмъ какъ въ Евтифронѣ благочестіе перестаетъ быть особою добродѣтелью наряду съ справедливостью: благочестивое—праведно, и дѣланіе добра и правды есть истинное служеніе богамъ, какъ „подателямъ благъ"—воззрѣніе близкое къ тому, какое мы находимъ въ „Государствѣ" Платона. Вторая книга этого послѣдняго сочиненія, заключающая въ себѣ пространное обличеніе миѳологическихъ представленій, „даетъ содержательный комментарій къ сжатому тексту Евтифрона".

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

Послѣ обвинительныхъ рѣчей.

I. Какъ подѣйствовали мои обвинители на васъ, о мужи St. I, p. 17.
аѳиняне [1], я не знаю; что же меня касается, то отъ ихъ рѣчей я чуть было и самъ себя не забылъ: такъ убѣдительно они говорили. Тѣмъ не менѣе, говоря безъ обиняковъ, вѣрнаго они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному,—тому, что они говорили, будто вамъ слѣдуетъ остерегаться, какъ бы я васъ не провелъ своимъ ораторскимъ искусствомъ; не смутиться передъ тѣмъ, что они тотчасъ же будутъ опро- B.
вергнуты мною на дѣлѣ, какъ только окажется, что я вовсе не силёнъ въ краснорѣчіи, это съ ихъ стороны показалось мнѣ всего безстыднѣе, конечно если только они не считаютъ сильнымъ въ краснорѣчіи того, кто говоритъ правду; а если это они разумѣютъ, то я готовъ согласиться, что я—ораторъ, только не на ихъ образецъ. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а отъ меня вы услышите ее всю. Только ужъ разумѣется, о мужи аѳиняне, вы не услышите рѣчи разноряженной, украшенной, какъ у этихъ людей, изысканными выраженіями, а услышите рѣчь простую, состоящую изъ первыхъ попавшихся словъ. Ибо я вѣрю, что то, что я буду говорить—правда, и пусть никто C.
изъ васъ не ждетъ ничего другого; да и неприлично было бы мнѣ въ моемъ возрастѣ выступать передъ вами, о мужи, на подобіе юноши съ придуманною рѣчью.

1) Обычнымъ обращеніемъ на судѣ было: *„о мужи судьи“*, но Сократъ въ Апологіи обращается съ почетнымъ названіемъ *„судьи“* только къ тѣмъ изъ аѳинянъ, которые высказались за его оправданіе (См. глава XXXI).

Такъ вотъ я и прошу васъ убѣдительно и умоляю, о мужи
аѳиняне: услыхавши, что я защищаюсь тѣми же словами, каки-
ми привыкъ говорить и на площади у мѣняльныхъ лавокъ, гдѣ
многіе изъ васъ слыхали меня, и въ другихъ мѣстахъ,—не-
D. удивляйтесь и не поднимайте изъ-за этого шума. Дѣло-то вотъ
въ чемъ: въ первый разъ пришелъ я теперь въ судъ, будучи
семидесяти лѣтъ отъ роду; такъ вѣдь здѣшній-то языкъ про-
сто оказывается для меня чужимъ, и какъ вы извинили бы
меня, еслибы я, будучи въ самомъ дѣлѣ иностранцемъ, го-
ворилъ на томъ языкѣ и тѣмъ складомъ рѣчи, къ которымъ
18. привыкъ съ дѣтства, такъ и теперь я прошу у васъ не
болѣе, чѣмъ справедливости, какъ мнѣ кажется,—позволить
мнѣ говорить по моему обычаю,—хорошъ онъ или нехорошъ
все равно,—и смотрѣть только на то, буду ли я говорить
правду или нѣтъ; въ этомъ вѣдь и заключается долгъ судьи,
долгъ оратора—говорить правду.

II. И вотъ правильно будетъ, о мужи аѳиняне, если
сначала я буду защищаться противъ обвиненій, которымъ
подвергался раньше, и противъ первыхъ моихъ обвините-
лей, а ужъ потомъ противъ теперешнихъ обвиненій и про-
B. тивъ теперешнихъ обвинителей. Вѣдь у меня много было
обвинителей передъ вами и раньше, много уже лѣтъ, и
всётаки ничего истиннаго они не сказали; ихъ-то опасаюсь
я больше, чѣмъ Анита [2]) съ товарищами. И эти тоже страш-
ны, но тѣ еще страшнѣе, о мужи! Большинство изъ васъ
они возстановляли противъ меня, когда вы были дѣтьми,
и внушали вамъ противъ меня обвиненіе, въ которомъ не
было ни слова правды, говоря, что существуетъ нѣкій Со-
кратъ, мудрый мужъ, который испытуетъ и изслѣдуетъ все,
что надъ землею, и все, что подъ землею, и выдаетъ ложь за
C. правду. Вотъ эти-то люди, о мужи аѳиняне, пустившіе эту
молву, и суть страшные мои обвинители, потому что слуша-
ющіе ихъ думаютъ, что тотъ, кто изслѣдуетъ подобныя
вещи, тотъ и боговъ не признаетъ. Кромѣ того, обвини-
телей этихъ много и обвиняютъ они уже давно, да и гово-
рили они съ вами въ томъ возрастѣ, когда вы больше всего
вѣрили на слово, будучи дѣтьми, нѣкоторые же юноша-

---

[2]) Главнымъ оффиціальнымъ обвинителемъ Сократа былъ Мелитъ, двое другихъ (Анитъ и Ликонъ) были только *„сообвинителями“* (*συνήγοροι*), но Анитъ былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ.

ми, словомъ—обвиняли заочно, въ отсутствіе обвиняемаго.
Но всего нелѣпѣе то, что и по имени-то ихъ никакъ не уз-
наешь и не назовешь, развѣ вотъ только сочинителей ко-
медій [3]). Ну а всѣ тѣ, которые возстановляли васъ противъ D.
меня по зависти и злобѣ, или по тому, что сами были воз-
становлены другими, тѣ всего неудобнѣе, потому что никого
изъ нихъ нельзя ни привести сюда, ни опровергнуть, а
просто приходится какъ бы сражаться съ тѣнями, защи-
щаться и опровергать, когда никто не возражаетъ. Такъ
ужъ и вы тоже согласитесь, что у меня, какъ я сказалъ,
два рода обвинителей: одни обвинившіе меня теперь, а дру- E.
гіе давнишніе, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, и признайте,
что сначала я долженъ защищаться противъ давнишнихъ,
потому что и они обвиняли меня передъ вами раньше и
гораздо больше, чѣмъ теперешніе. Хорошо. Итакъ, о мужи
аѳиняне, слѣдуетъ защищаться и постараться въ малое вре- 19.
мя опровергнуть клевету, которая уже много времени дер-
жится между вами. Желалъ бы я, разумѣется, чтобы такъ
оно и случилось и чтобы защита моя была успѣшной, ко-
нечно если это къ лучшему и для васъ, и для меня. Только
я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, ка-
кое это предпріятіе. Ну да ужъ относительно этого пусть
будетъ, какъ угодно богу, а законъ слѣдуетъ исполнять и
защищаться.

III. Припомнимъ же сначала, въ чемъ состоитъ обви-
неніе, отъ котораго пошла обо мнѣ дурная молва, пола- B.
гаясь на которую Мелитъ и подалъ на меня жалобу. Хо-
рошо.—Въ какихъ именно выраженіяхъ клеветали на меня
клеветники? Слѣдуетъ привести ихъ показаніе, какъ пока-
заніе настоящихъ обвинителей: *Сократъ преступаетъ за-
конъ, тщетно испытуя то, что подъ землею, и то, что
въ небесахъ, выдавая ложь за правду, и другихъ научая
тому же.* Приблизительно въ этомъ родѣ,—именно то, что C.
вы сами видѣли въ комедіи Аристофана [4]), какъ какой-то
Сократъ болтается тамъ въ корзинкѣ, говоря, что онъ гу-
ляетъ по воздуху, и несетъ еще много разнаго вздору, въ
которомъ я ничего не смыслю. Говорю я это не въ укоръ

---

[3])—*πλὴν εἴ τις κωμῳδοποιὸς τυγχάνει ὤν* (буквально: кромѣ какого-нибудь, (того или другого) творца комедій). Кромѣ Аристофана, о которомъ дальше упоминается опредѣленно, Сократа выводили на сценѣ также и другіе, менѣе извѣстные драматурги.

[4]) См. комедію Аристофана *Облака*.

подобной наукѣ и тому, кто достигъ мудрости въ подобныхъ
вещахъ (недоставало, чтобы Мелиты обвиняли меня еще и
D. въ этомъ!), а только вѣдь это, о мужи Аѳиняне, нисколько
меня не касается. А въ свидѣтели этого призываю большинство изъ васъ самихъ и требую, чтобы это дѣло обсудили между собою всѣ тѣ, кто когда-либо меня слышалъ; вѣдь изъ васъ много такихъ. Спросите же другъ у друга, слышалъ ли кто изъ васъ когда либо, чтобы я хоть сколько нибудь разсуждалъ о подобныхъ вещахъ, и тогда вы узнаете, что настолько же справедливо и все остальное, что обо мнѣ говорятъ.

IV. А если еще, кромѣ всего подобнаго, вы слышали отъ
кого нибудь, что я берусь воспитывать людей и зарабатываю
E. этимъ деньги, то и это неправда; хотя мнѣ кажется, что и
это дѣло хорошее, если кто способенъ воспитывать людей, какъ напримѣръ леонтіецъ Горгій, кеецъ Продикъ, элидецъ Иппій. Всѣ они, о мужи, разъѣзжаютъ по городамъ и убѣждаютъ юношей, которые могутъ даромъ пользоваться наставленіями любого изъ своихъ согражданъ, оставлять сво-
20. ихъ и поступать къ нимъ въ ученики, платя имъ деньги, да
еще съ благодарностью. А вотъ и еще, какъ я узналъ, проживаетъ здѣсь одинъ ученый мужъ изъ Пароса. Встрѣтился мнѣ на дорогѣ человѣкъ, который переплатилъ софистамъ денегъ больше, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ,—Каллій, сынъ Иппоника; я и говорю ему,—а у него двое сыновей,—„Каллій!—говорю я ему,—еслибы твои сыновья были жеребята или бычки, то намъ слѣдовало бы нанять для нихъ воспитателя, который бы сдѣлалъ ихъ совершенными въ
B. добродѣтели, свойственной каждому изъ нихъ, и человѣкъ
этотъ былъ-бы изъ наѣздниковъ или земледѣльцевъ; ну а теперь, разъ они'—люди, кого думаешь взять для нихъ въ воспитатели? Кто бы это могъ быть знатокомъ подобной доблести, человѣческой или гражданской? Полагаю ты объ этомъ подумалъ, пріобрѣтя сыновей. Есть ли таковой,— спрашиваю я,—или нѣтъ?"—„Конечно, —отвѣчаетъ онъ,—есть".—„Кто же это?—спрашиваю я,—откудова онъ и почемъ беретъ за обученіе?"—„Эвенъ,—отвѣчаетъ онъ,—изъ Пароса,
C. беретъ по пяти минъ, Сократъ" [5]). И благословилъ я этого
Эвена, если правда, что онъ обладаетъ такимъ искусствомъ и такъ недорого беретъ за обученіе. Я бы и самъ чванился

Пять минъ—около 100 рублей.

и гордился, еслибы былъ искусенъ въ этомъ дѣлѣ; только вѣдь я въ этомъ не искусенъ, о мужи аѳиняне!

V. Можетъ быть кто нибудь изъ васъ возразитъ: „Однако, Сократъ, чѣмъ же ты занимаешься? Откуда на тебя эти клеветы? Въ самомъ дѣлѣ, еслибы самъ ты не занимался чѣмъ нибудь особеннымъ, то и не говорили бы о тебѣ такъ много. Скажи намъ, что это такое, чтобы намъ зря не
выдумывать". Вотъ это, мнѣ кажется, правильно, и я D.
самъ постараюсь вамъ показать, что именно дало мнѣ извѣстность и навлекло на меня клевету. Слушайте же. И хотя бы кому нибудь изъ васъ показалось, что я шучу, будьте увѣрены, что я говорю сущую правду. Эту извѣстность, о мужи аѳиняне, получилъ я не инымъ путемъ, какъ благодаря нѣкоторой мудрости. Какая же это такая мудрость? Да ужъ должно быть человѣческая мудрость. Этою мудростью я пожалуй въ самомъ дѣлѣ мудръ; а тѣ, о которыхъ я сей-
часъ говорилъ, мудры или сверхчеловѣческою мудростью, E.
или ужъ не знаю, какъ и сказать; что же меня касается, то я конечно этой мудрости не понимаю, а кто утверждаетъ обратное, тотъ лжетъ и говоритъ это для того, чтобы оклеветать меня. И вы не шумите, о мужи Аѳиняне, даже если вамъ покажется, что я говорю нѣсколько высокомѣрно; не свои слова буду я говорить, а сошлюсь на слова, для васъ достовѣрныя. Свидѣтелемъ моей мудрости, если только это мудрость, и того, въ чемъ она состоитъ, я приведу
вамъ бога, который въ Дельфахъ. Вѣдь вы знаете Хере- 21.
фонта. Человѣкъ этотъ съ молоду былъ и моимъ и вашимъ приверженцемъ, раздѣлялъ съ вами изгнаніе и возвратился вмѣстѣ съ вами. И вы конечно знаете, каковъ былъ Херефонтъ, до чего онъ былъ неудержимъ во всемъ, что бы ни затѣвалъ. Ну вотъ тоже, пріѣхавъ однажды въ Дельфы, дерзнулъ онъ обратиться къ оракулу съ такимъ вопросомъ.—Я вамъ сказалъ—не шумите, о мужи!—Вотъ онъ и спросилъ, есть ли кто-нибудь на свѣтѣ мудрѣе меня, и пиѳія ему отвѣтила, что никого нѣтъ мудрѣе. И хотя самъ онъ умеръ, но вотъ братъ его засвидѣтельствуетъ вамъ объ этомъ.
VI. Посмотрите теперь, зачѣмъ я это говорю; вѣдь мое B.
намѣреніе—объяснить вамъ, откуда пошла клевета на меня. Услыхавъ это, сталъ я размышлять самъ съ собою такимъ образомъ: что бы такое богъ хотѣлъ сказать и что это онъ подразумѣваетъ? Потому что самъ я конечно ни мало не сознаю себя мудрымъ; что же это онъ хочетъ сказать,

говоря, что я мудрѣе всѣхъ? Вѣдь не можетъ же онъ лгать:
не полагается ему это. Долго я недоумѣвалъ, что такое онъ
хочетъ сказать; потомъ, собравшись съ силами, прибѣгнулъ
къ такому рѣшенію вопроса: пошелъ я къ одному изъ
C. тѣхъ людей, которые слывутъ мудрыми, думая, что тутъ-
то я скорѣе всего опровергну прорицаніе, объявивъ ора-
кулу, что вотъ этотъ, молъ, мудрѣе меня, а ты меня наз-
валъ самымъ мудрымъ. Ну и когда я присмотрѣлся къ
этому человѣку,—называть его по имени нѣтъ никакой
надобности, скажу только, что человѣкъ, глядя на кото-
раго я увидалъ то, что я увидалъ, былъ однимъ изъ госу-
дарственныхъ людей, о мужи Аѳиняне,—такъ вотъ когда
я къ нему присмотрѣлся (да побесѣдовалъ съ нимъ), то
мнѣ показалось, что этотъ мужъ только кажется мудрымъ,
и многимъ другимъ и особенно самому себѣ, а чтобы
въ самомъ дѣлѣ онъ былъ мудрымъ, этого нѣтъ; и я ста-
рался доказать ему, что онъ только считаетъ себя муд-
D. рымъ, а на самомъ дѣлѣ не мудръ. Отъ этого и самъ
онъ, и многіе изъ присутствовавшихъ возненавидѣли меня.
Уходя оттуда, я разсуждалъ самъ съ собою, что этого-то
человѣка я мудрѣе, потомучто мы съ нимъ пожалуй оба
ничего хорошаго не знаемъ, но онъ, не зная, думаетъ, что
что-то знаетъ, а я, коли ужъ не знаю, то и не думаю,
что знаю. На такую-то малость, думается мнѣ, я буду муд-
рѣе, чѣмъ онъ,—что разъ я чего не знаю, о томъ и не
думаю, что знаю. Оттуда я пошелъ къ другому, изъ тѣхъ,
которые кажутся мудрѣе, чѣмъ тотъ, и увидалъ то же са-
E. мое; и съ тѣхъ поръ возненавидѣли меня и тотъ первый,
и многіе другіе.

VII. Ну и послѣ этого сталъ я уже ходить по порядку.
Замѣчалъ я, что дѣлаюсь ненавистнымъ, огорчался этимъ
и боялся этого, но въ то же время мнѣ казалось, что слова
оракула необходимо ставить выше всего. Итакъ, чтобы по-
нять, что означаетъ изреченіе бога, мнѣ казалось необхо-
димымъ пойти ко всѣмъ, которые слывутъ знающими что-
либо. И клянусь вамъ собакою, о мужи Аѳиняне,—ужъ
22. вамъ то я долженъ говорить правду,—что я по истинѣ
испыталъ нѣчто въ такомъ родѣ: тѣ, что пользуются самою
большою славой, показались мнѣ, когда я изслѣдовалъ дѣло
по указанію бога, чуть ли не лишенными всякаго разумѣ-
нія, а другіе, тѣ что считаются похуже,—ближе стоящими
къ истинѣ. Но нужно мнѣ разсказать вамъ о томъ, какъ

я странствовалъ, точно я трудъ какой-то несъ, и все это
для того только, чтобы прорицаніе оказалось неопровергну-
тымъ. Послѣ государственныхъ людей ходилъ я къ поэтамъ,
и къ трагическимъ, и къ диѳирамбическимъ, и ко всѣмъ
прочимъ, чтобы на мѣстѣ уличить себя въ томъ, что я B.
невѣжественнѣе, чѣмъ они. Бралъ я тѣ изъ ихъ произве-
деній, которыя, какъ мнѣ казалось, всего тщательнѣе ими
обработаны, и спрашивалъ у нихъ, что именно они хотѣли
сказать, чтобы кстати и научиться отъ нихъ кое-чему.
Стыдно мнѣ, о мужи, сказать вамъ правду, а сказать все-
таки слѣдуетъ. Ну да однимъ словомъ чуть ли не всѣ
присутствовавшіе лучше могли бы объяснить то, что сдѣ-
лано этими поэтами, чѣмъ они сами. Такимъ образомъ и
относительно поэтовъ вотъ что я узналъ въ короткое время: C.
не мудростью могутъ они творить то, что они творятъ, а
какою то прирожденною способностью и въ изступленіи,
подобно гадателямъ и прорицателямъ; вѣдь и эти тоже го-
ворятъ много хорошаго, но совсѣмъ не знаютъ того, о чемъ
говорятъ. Нѣчто подобное, какъ мнѣ показалось, испыты-
ваютъ и поэты; и въ то же время я замѣтилъ, что вслѣд-
ствіе своего поэтическаго дарованія, они считали себя муд-
рѣйшими изъ людей и въ остальныхъ отношеніяхъ, чего
на дѣлѣ не было. Ушелъ я и оттуда, думая, что превос-
хожу ихъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ и государственныхъ людей.

VIII. Подъ конецъ уже пошелъ я къ ремесленникамъ.
Про себя я зналъ, что я попросту ничего не знаю, ну D.
а ужъ про этихъ мнѣ было извѣстно, что я найду ихъ
знающими много хорошаго. И въ этомъ я не ошибся; въ
самомъ дѣлѣ они знали то, чего я не зналъ, и этимъ были
мудрѣе меня. Но, о мужи Аѳиняне, мнѣ показалось, что
они грѣшили тѣмъ же, чѣмъ и поэты: оттого, что они хо-
рошо владѣли искусствомъ, каждый считалъ себя самымъ
мудрымъ также и относительно прочаго, самаго важнаго,
и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у нихъ
была; такъ что, возвращаясь къ изрѣченію, я спрашивалъ
самъ себя, что бы я для себя предпочелъ, оставаться ли E.
мнѣ такъ, какъ есть, не будучи ни мудрымъ ихъ мудростью,
ни невѣжественнымъ ихъ невѣжествомъ, или, какъ они, быть
и тѣмъ и другимъ. И я отвѣчалъ самому себѣ и оракулу,
что для меня выгоднѣе оставаться какъ есть.

IX. Вотъ отъ этого самаго изслѣдованія, о мужи Аѳиняне,
съ одной стороны многіе меня возненавидѣли, притомъ какъ 23.

нельзя сильнѣе и глубже, отъ чего произошло и множество
клеветъ, а съ другой стороны начали мнѣ давать это на-
званіе мудреца; потому что присутствующіе каждый разъ
думаютъ, что самъ я мудръ въ томъ, относительно чего я
отрицаю мудрость другого. А на самомъ дѣлѣ, о мужи, муд-
рымъ-то оказывается богъ, и этимъ изрѣченіемъ онъ желаетъ
сказать, что человѣческая мудрость стоитъ немногаго или
вовсе ничего не стоитъ, и кажется при этомъ онъ не имѣ-
етъ въ виду именно Сократа, а пользуется моимъ именемъ
для примѣра, все равно какъ если бы онъ говорилъ, что
B. изъ васъ, о люди, мудрѣйшій тотъ, кто подобно Сократу
знаетъ, что ничего-то по правдѣ не стоитъ его мудрость.
Ну и что меня касается, то я и теперь, обходя раз-
ныя мѣста, выискиваю и допытываюсь по слову бога, не
покажется ли мнѣ кто-нибудь изъ гражданъ или иностран-
цевъ мудрымъ, и какъ только мнѣ это не кажется, спѣшу
поддержать бога и показываю этому человѣку, что онъ не
C. мудръ. И благодаря этой работѣ не было у меня досуга
сдѣлать что нибудь достойное упоминанія ни для города, ни
для домашняго дѣла, но черезъ эту службу богу пребываю
я въ крайней бѣдности.

X. Кромѣ того, слѣдующіе за мною по собственному
почину молодые люди, у которыхъ всего больше досуга,
сыновья самыхъ богатыхъ гражданъ, рады бываютъ по-
слушать, какъ я испытываю людей, и часто подражаютъ мнѣ
сами, принимаясь пытать другихъ; ну и я полагаю, что они
находятъ многое множество такихъ, которые думаютъ, что
они что-то знаютъ, а на дѣлѣ ничего не знаютъ или знаютъ
одни пустяки. Отъ этого тѣ, кого они испытываютъ, сер-
D. дятся не на самихъ себя, а на меня, и говорятъ, что есть
какой то Сократъ, негоднѣйшій человѣкъ, который развра-
щаетъ молодыхъ людей. А когда спросятъ ихъ, что онъ
дѣлаетъ и чему онъ учитъ, то они не знаютъ, что сказать,
но, чтобы скрыть свое затрудненіе, говорятъ то, что во-
обще принято говорить обо всѣхъ любителяхъ мудрости:
онъ де занимается тѣмъ, что въ небесахъ и подъ землею,
боговъ не признаетъ, ложь выдаетъ за истину. А ска-
зать правду, думаю, имъ не очень то хочется, потому что
тогда оказалось бы, что они только дѣлаютъ видъ, будто
E. что-то знаютъ, а на дѣлѣ ничего не знаютъ. Ну а такъ
какъ они, думается мнѣ, честолюбивы, могущественны и
многочисленны, и говорятъ обо мнѣ согласно и убѣдитель-

но, то и переполнили ваши уши, клевеща на меня издавна и
громко. Отъ этого обрушились на меня и Мелитъ, и Анитъ, и
Ликонъ; Мелитъ,—негодуя за поэтовъ, Анитъ за ремесленни-
ковъ, а Ликонъ за риторовъ. Такъ что я удивился бы, какъ 24.
говорилъ вначалѣ, еслибы оказался способнымъ опроверг-
нуть передъ вами въ столь малое время столь великую кле-
вету. Вотъ вамъ, о мужи Аѳиняне, правда, какъ она есть,
и говорю я вамъ безъ утайки, не умалчивая ни о важномъ,
ни о пустякахъ. Хотя я можетъ быть и знаю, что черезъ
это становлюсь ненавистнымъ, но это и служитъ доказатель-
ствомъ, что я сказалъ правду и что въ этомъ-то и состоитъ
клевета на меня, и таковы именно ея причины. И когда бы
вы ни стали изслѣдовать это дѣло, теперь или потомъ, всегда B.
вы найдете, что это такъ.

XI. Итакъ, что касается первыхъ моихъ обвинителей, этой
моей защиты будетъ для васъ достаточно; а теперь я поста-
раюсь защищаться противъ Мелита, добраго патріота, какъ
онъ говоритъ, и противъ остальныхъ обвинителей. Опять-
таки конечно возьмемъ ихъ обвиненіе, какъ будто бы это
были другіе обвинители. Кажется такъ: Сократъ, говоритъ
онъ, *преступаетъ законъ тѣмъ, что развращаетъ моло-
дыхъ людей, и боговъ, которыхъ признаетъ городъ, не
признаетъ, а признаетъ другія, новыя демоническія зна-
менія.* Таково именно обвиненіе; разсмотримъ же каждое C.
слово этого обвиненія отдѣльно. Онъ говоритъ, что я пре-
ступаю законъ, развращая молодыхъ людей, а я, о мужи
Аѳиняне, утверждаю, что преступаетъ законъ Мелитъ, по-
томучто онъ шутитъ важными вещами и легкомысленно
призываетъ людей на судъ, дѣлая видъ, что онъ заботится
и печалится о вещахъ, до которыхъ ему никогда не было
никакого дѣла; а что оно такъ, я постараюсь показать это
и вамъ.

XII. Ну вотъ, Мелитъ, скажи-ка ты мнѣ: неправда ли,
для тебя очень важно, чтобы молодые люди были какъ D.
можно лучше?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ скажи-ка ты вотъ этимъ людямъ,
кто именно дѣлаетъ ихъ лучшими? Очевидно ты знаешь,
коли заботишься объ этомъ. Развратителя ты нашелъ, какъ
говоришь: привелъ сюда меня и обвиняешь; а назови-ка
теперь того, кто дѣлаетъ ихъ лучшими, напомни имъ, кто
это. Вотъ видишь, Мелитъ, ты молчишь и не знаешь, что

сказать. И тебѣ не стыдно? И это не кажется тебѣ достаточнымъ доказательствомъ, что тебѣ нѣтъ до этого никакого дѣла? Однако, добрѣйшій, говори же: кто дѣлаетъ ихъ лучшими?

— Законы.

E. — Да не объ этомъ я спрашиваю, любезнѣйшій, а кто такое тотъ человѣкъ, который во-первыхъ знаетъ тоже вотъ и это, законы.

— А вотъ они, Сократъ,—судьи.

— Что ты говоришь, Мелитъ! Вотъ эти самые люди способны воспитывать юношей и дѣлать ихъ лучшими?

— Какъ нельзя болѣе.

— Всѣ? Или одни способны, а другіе нѣтъ?

— Всѣ.

— Хорошо же ты говоришь, клянусь Герой, и какое множество полезныхъ дѣятелей! Ну а вотъ они, слушающіе [6]), дѣлаютъ юношей лучшими или нѣтъ?

25. — И они тоже.

— А совѣтники? [7]).

— И совѣтники.

— Но въ такомъ случаѣ, Мелитъ, не портятъ-ли юношей тѣ, что участвуютъ въ собраніи? [8]). Или и тѣ тоже, всѣ до единаго, дѣлаютъ ихъ лучшими?

— И тѣ тоже.

— Повидимому, значитъ, кромѣ меня всѣ Аѳиняне дѣлаютъ ихъ добрыми и прекрасными, только я одинъ порчу. Ты это хочешь сказать?

— Какъ разъ это самое.

— Большое же ты мнѣ, однако, приписываешь несчастіе. Но отвѣть-ка мнѣ: кажется ли тебѣ, что такъ же бы-

B. ваетъ и относительно лошадей, что улучшаютъ ихъ всѣ, а портитъ кто-нибудь одинъ? Или же совсѣмъ напротивъ, улучшать способенъ кто-нибудь одинъ или очень немногіе, именно наѣздники, а когда ухаживаютъ за лошадьми и пользуются ими всѣ, то портятъ ихъ? Не бываетъ ли, Мелитъ, точно такъ же не только относительно лошадей, но

[6]) Подъ *слушающими* разумѣется здѣсь публика, допускавшаяся въ засѣданія аѳинскаго суда.

[7]) т. е. 500 членовъ *Совѣта*, верховнаго правительственнаго учрежденія.

[8]) Въ народномъ собраніи участвовали всѣ свободные граждане, достигшіе совершеннолѣтія.

и относительно всѣхъ другихъ животныхъ? Да ужъ само собою разумѣется, согласны ли вы съ Анитомъ на это или несогласны; потомучто это было бы удивительное счастіе для юношей, еслибы ихъ портилъ только одинъ, остальные же приносили бы имъ пользу. Впрочемъ, Мелитъ, ты до- C

статочно показалъ, что никогда не заботился о юношахъ, и ясно обнаруживаешь свое равнодушіе; тебѣ нѣтъ никакого дѣла до того самаго, изъ-за чего ты привелъ меня въ судъ.

XIII. А вотъ, Мелитъ, скажи намъ еще ради Зевса: что пріятнѣе,—жить ли съ хорошими гражданами или съ дурными? Ну, другъ, отвѣчай! Я вѣдь не спрашиваю ничего труднаго. Не причиняютъ ли дурные какого нибудь зла тѣмъ, которые всегда съ ними въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ, а добрые—какого-нибудь добра?

— Конечно.

— Такъ найдется ли кто нибудь, кто желалъ бы скорѣе получать отъ ближнихъ вредъ, чѣмъ пользу? Отвѣчай, добрѣйшій; вѣдь и законъ повелѣваетъ отвѣчать. Существуетъ ли кто нибудь, кто желалъ бы получать вредъ? D.

— Конечно нѣтъ.

— Ну, вотъ. А привелъ ты меня сюда, какъ человѣка, который портитъ и ухудшаетъ юношей намѣренно или ненамѣренно?

— Который портитъ намѣренно.

— Какъ же это такъ, Мелитъ? Ты, такой молодой, настолько мудрѣе меня, что тебѣ уже извѣстно, что злые причиняютъ своимъ ближнимъ какое нибудь зло, а добрые— E.

добро, а я, такой старый, до того невѣжественъ, что не знаю даже, что если я кого нибудь изъ близкихъ сдѣлаю негоднымъ, то долженъ опасаться отъ него какого нибудь зла, и вотъ такое-то великое зло я совершаю намѣренно, какъ ты утверждаешь. Въ этомъ я тебѣ не повѣрю, Мелитъ; да и никто другой, я думаю, не повѣритъ. Но или я не порчу, или, если порчу, то ненамѣренно; такимъ 26.

образомъ у тебя-то выходитъ ложь въ обоихъ случаяхъ. Если же я порчу ненамѣренно, то за такіе (невольные) проступки не слѣдуетъ по закону приводить сюда, а слѣдуетъ, обратившись частнымъ образомъ, учить и наставлять; потому ясное дѣло, что, уразумѣвши, я перестану дѣлать то, что дѣлаю ненамѣренно. Ты же меня избѣгалъ и не хотѣлъ научить, а привелъ меня сюда, куда по за-

кону слѣдуетъ приводить тѣхъ, которые имѣютъ нужду въ
наказаніи, а не въ наученіи.

XIV. Но вѣдь это уже ясно, о мужи Аѳиняне, что Ме-
B. литу, какъ я говорилъ, никогда не было до этихъ вещей
никакого дѣла; а всетаки ты намъ скажи, Мелитъ, какимъ
образомъ, по твоему, порчу я юношей? Не ясно ли, по об-
виненію, которое ты противъ меня подалъ, что я порчу ихъ
тѣмъ, что учу не почитать боговъ, которыхъ почитаетъ го-
родъ, а почитать другія, новыя демоническія знаменія? Не
это ли ты разумѣешь, говоря, что я порчу своимъ уче-
ніемъ?

— Вотъ именно это самое.

— Такъ ради нихъ, Мелитъ, ради этихъ боговъ, о ко-
торыхъ теперь идетъ рѣчь, скажи еще разъ то же самое
C. яснѣе и для меня, и для этихъ вотъ мужей. Дѣло въ томъ,
что я не могу понять, что ты хочешь сказать: то ли, что
нѣкоторыхъ боговъ я учу признавать, а слѣдовательно и
самъ признаю боговъ, такъ что я не совсѣмъ безбожникъ,
и не въ этомъ мое преступленіе, а только я учу призна-
вать не тѣхъ боговъ, которыхъ признаетъ городъ, а дру-
гихъ, и въ этомъ-то ты меня и обвиняешь, что я признаю
другихъ боговъ,—или же ты утверждаешь, что я вообще
не признаю боговъ, и не только самъ не признаю, но и
другихъ этому научаю.

— Вотъ именно, я говорю, что ты вообще не признаешь
боговъ.

— О мой удивительный Мелитъ! Зачѣмъ ты это говоришь.
D. Значитъ я не признаю богами ни солнца, ни луну, какъ
признаютъ прочіе люди?

— Право же такъ, о мужи судьи, потому что онъ ут-
верждаетъ, что солнце—камень, а луна—земля.

— Берешься обвинять на судѣ, о другъ Мелитъ, и такъ
презираешь судей и считаешь ихъ столь несвѣдущими по ча-
сти литературы! Ты думаешь имъ неизвѣстно, что книги Анак-
сагора Клазоменскаго переполнены подобными мыслями? А
молодые люди, оказывается, узнаютъ это отъ меня, когда
они могутъ узнать то же самое, заплативши за это въ
E. орхестрѣ [9]) иной разъ не больше драхмы, и потомъ смѣять-

9) *Καὶ δὴ καὶ οἱ νέοι ταῦτα παρ᾽ ἐμοῦ μανθάνουσιν, ἃ ἔξστιν ἐνίοτε, εἰ πάνυ πολλοῦ, δραχμῆς ἐκ τῆς ὀρχήστρας πριαμένοις Σωκράτους καταγελᾶν κτέ.*—Мѣсто это различно толкуется комментаторами. Одни (Dacier, Böckh, Polle, Schöne) полагаютъ, что рѣчь идетъ о книгахъ Анаксагора, кото-

ся надъ Сократомъ, еслибы онъ приписывалъ эти мысли
себѣ, къ тому же еще столь нелѣпыя! Но скажи ради Зев-
са, такъ-таки я по твоему никакихъ боговъ и не признаю?

— То есть вотъ ничуточки!

— Это невѣроятно, Мелитъ, да мнѣ кажется ты и самъ
этому не вѣришь. Что касается меня, о мужи Аѳиняне, то
мнѣ кажется, что человѣкъ этотъ большой наглецъ и озор-
никъ, и что онъ подалъ на меня эту жалобу просто по
наглости и озорству, да еще по молодости лѣтъ. Похоже, 27.
что онъ придумалъ загадку и пробуетъ: замѣтитъ ли Со-
кратъ, нашъ мудрецъ, что я шучу и противорѣчу самъ
себѣ, или мнѣ удастся провести и его, и прочихъ слуша-
телей? Потому что мнѣ кажется, что въ своемъ обвиненіи
онъ самъ себѣ противорѣчитъ, все равно какъ еслибы онъ
сказалъ: Сократъ нарушаетъ законъ тѣмъ, что не призна-
етъ боговъ, а признаетъ боговъ. Вѣдь это же шутка!

XV. Ну вотъ посмотрите, такъ ли онъ это говоритъ, какъ
мнѣ кажется. Ты, почтеннѣйшій Мелитъ, отвѣчай намъ, а вы
помните, о чемъ я васъ просилъ въ началѣ,—не шумѣть, B.
если я буду говорить по своему. Есть ли, Мелитъ, на свѣтѣ
такой человѣкъ, который дѣла бы людскія признавалъ, а
людей не признавалъ? Скажите ему, о мужи, чтобы онъ
отвѣчалъ, а не шумѣлъ бы то и дѣло. Есть ли на свѣтѣ
кто-нибудь, кто бы лошадей не признавалъ, а все лошади-
ное признавалъ бы? Или: флейтистовъ бы не признавалъ,
а игру на флейтѣ признавалъ бы? Не существуетъ такого,
о наилучшій изъ людей! Если ты не желаешь отвѣчать,
то я самъ буду говорить тебѣ, а такъ же вотъ и имъ. Ну
а ужъ на слѣдующее ты долженъ самъ отвѣтить: есть ли C.
на свѣтѣ кто-нибудь, кто бы знаменія демоническія призна-
валъ, а демоновъ бы не признавалъ?

рыя можно было купить иной разъ очень недорого въ *Орхестрѣ*, извѣстной книжной лавкѣ, находившейся на аѳинской площади (см. Ivan von Müller, Handbuch d. griech Privataltertümer, 253). Другіе (Forster, Engelh) думаютъ, что Сократъ имѣлъ въ виду театральныя представленія, въ которыхъ дѣйствующія лица высказывали взгляды Анаксагора: въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы перевести такъ: „. . . то, что они могутъ иногда узнать въ театрѣ, заплативъ самое большое драхму“. По смыслу оба толкованія одинаково подходятъ, но кажется, что вопросъ рѣшается языкомъ, который не допускаетъ втораго изъ этихъ толкованій; по этому толкованію слова *ἐνιότε* и *ἐκ ὀρχήστρας* приходится относить не къ *πριαμένοις*, а къ подразумѣваемому *μαθεῖν*, что едва ли возможно.

— Нѣтъ.
— Наконецъ-то! Какъ это хорошо, что они тебя заста-
вили отвѣтить! Итакъ ты утверждаешь, что демоническія
знаменія я признаю и научаю другихъ признавать,—новыя
или старыя—все равно, только ужъ самыя-то демоническія
знаменія признаю, какъ ты говоришь, и ты подтвердилъ
это клятвою; а если я признаю демоническія знаменія, то
мнѣ уже никакъ невозможно не признавать демоновъ. Развѣ
не такъ? Конечно такъ. Принимаю, что ты согласенъ, если
D· не отвѣчаешь. А не считаемъ ли мы демоновъ или богами,
или дѣтьми боговъ? Да или нѣтъ?
— Конечно считаемъ.
— Итакъ, если демоновъ я признаю, какъ ты утвер-
ждаешь, а демоны суть своего рода боги, то оно и выходитъ
такъ, какъ я сказалъ, что ты шутишь и предлагаешь за-
гадку, утверждая, что я не признаю боговъ и въ тоже вре-
мя, что я признаю боговъ, потому что демоновъ-то я по
крайней мѣрѣ признаю. А съ другой стороны, если демоны
въ родѣ какъ побочныя дѣти боговъ, отъ нимфъ или еще
отъ кого, какъ это и принято думать, то какой же чело-
вѣкъ, признавая божьихъ дѣтей, не будетъ признавать
боговъ? Это было бы также нелѣпо, какъ если бы кто
E. нибудь признавалъ, что существуютъ мулы,—лошадиныя
и ослиныя дѣти,—а что существуютъ лошади и ослы, не
признавалъ бы. Нѣтъ, Мелитъ, не можетъ быть, чтобы
ты подалъ это обвиненіе иначе, какъ желая испытать насъ,
или же ты недоумѣвалъ, въ какомъ бы настоящемъ пре-
ступленіи обвинить меня. А чтобы ты могъ убѣдить кого-
нибудь, у кого есть хоть немного ума, что одинъ и тотъ же
человѣкъ можетъ признавать и демоническое, и божествен-
ное и въ тоже время не признавать ни демоновъ, ни боговъ,
это никоимъ образомъ невозможно.
28. XVI. Впрочемъ, о мужи Аѳиняне, что я не виновенъ
въ томъ, въ чемъ меня обвиняетъ Мелитъ, это, мнѣ ка-
жется, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, довольно
будетъ и сказаннаго. А что у многихъ явилось противъ
меня сильное ожесточеніе, о чемъ я и говорилъ вначалѣ,
это, будьте увѣрены, истинная правда. И если что по-
губитъ меня, такъ именно это; не Мелитъ и не Анитъ,
а клевета и недоброжелательство многихъ,—то, что погу-
било уже не мало честныхъ людей,—думаю, что и еще по-
B. губитъ; опасаться, что дѣло остановится на мнѣ, нѣтъ ни-

какого основанія. Но пожалуй кто-нибудь скажетъ: не сты-
дно-ли тебѣ, Сократъ, заниматься такимъ дѣломъ, отъ ко-
тораго можетъ быть тебѣ придется теперь умереть? А на это
я по справедливости могу возразить: не хорошо ты это го-
воришь, мой милый, будто человѣку, который приноситъ хотя
бы малую пользу, слѣдуетъ принимать въ разсчетъ смерть,
а не смотрѣть во всякомъ дѣлѣ только на то, дѣлаетъ ли
онъ дѣла справедливыя или несправедливыя, дѣла добраго
человѣка или злого. Плохими, по твоему разсужденію, ока-
жутся всѣ тѣ полубоги, которые скончались подъ Троей, C.
въ томъ числѣ и сынъ Ѳетиды, который, изъ страха сдѣ-
лать что нибудь постыдное, до того презиралъ опасность,
что когда мать его, богиня, видя, что онъ горитъ жела-
ніемъ убить Гектора, сказала ему, помнится, такъ: дитя
мое, если ты отомстишь за убійство друга твоего Пат-
рокла и убьешь Гектора, то самъ умрешь, — „тотчасъ
за Гекторомъ вслѣдъ и твоя рѣшена будетъ участь“,—[10])
то онъ, услыхавъ это, не посмотрѣлъ на смерть и опас-
ность, а гораздо больше убоялся оставаться въ живыхъ,
будучи дурнымъ и не мстя за друзей,—умереть бы, говоритъ, D
мнѣ тотчасъ, наказавши виновнаго, только бы не оставать-
ся еще здѣсь у кривыхъ кораблей посмѣшищемъ для на-
рода и бременемъ для земли. Кажется ли тебѣ, что онъ
подумалъ при этомъ о смерти и объ опасности? Вотъ оно
какъ бываетъ по истинѣ, о мужи Аѳиняне: гдѣ кто по-
ставилъ себя, думая, что для него это самое лучшее мѣ-
сто, или же поставленъ начальникомъ, тамъ и долженъ пе-
реносить опасность, не принимая въ разсчетъ ничего кромѣ
позора,—ни смерти, ни еще чего-нибудь.
XVII. Было бы ужасно, о мужи Аѳиняне, еслибы, послѣ
того какъ я оставался въ строю, какъ и всякій другой, и
подвергался опасности умереть тогда, когда меня ставили E.
начальники, вами выбранные для начальства надо мною,—
при Потидеѣ, Амфиполѣ, Деліи,—[11]) еслибы теперь, когда
меня поставилъ самъ богъ, для того, думаю, чтобы мнѣ
жить, занимаясь философіей, и испытывать самого себя и
другихъ, еслибы теперь я испугался смерти или еще чего-

---

[10]) См. Иліада, XVIII, 95 и слѣд.—Отмѣченное ковычками передано Платономъ дословно.

[11]) Сократъ вспоминаетъ здѣсь о трехъ сраженіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе.

29. нибудь и бѣжалъ изъ строя; это было бы ужасно, и тогда
въ самомъ дѣлѣ можно было бы по справедливости судить
меня за то, что я не признаю боговъ, такъ какъ не слу-
шаюсь оракула, боюсь смерти и считаю себя мудрымъ, не
будучи таковымъ; потому что бояться смерти есть не что
иное какъ думать, что знаешь то, чего не знаешь. Вѣдь
никто же не знаетъ ни того, что такое смерть, ни того,
не есть ли она для человѣка величайшее изъ благъ, а всѣ
боятся ея, какъ будто знаютъ навѣрное, что она есть ве-
B. личайшее изъ золъ. Но не самое ли это позорное невѣже-
ство—думать, что знаешь то, чего не знаешь? Что же меня
касается, о мужи, то пожалуй я и тутъ отличаюсь отъ боль-
шинства людей только однимъ: если я кому-нибудь и ка-
жусь мудрѣе другихъ, то развѣ только тѣмъ, что недостаточно
зная объ Аидѣ, такъ и думаю, что не знаю. А что нару-
шать законъ и не слушаться того, кто лучше меня, будь
это богъ или человѣкъ, не хорошо и постыдно,—это вотъ
я знаю. Никогда поэтому не буду я бояться и избѣгать
того, что можетъ оказаться и благомъ, болѣе чѣмъ того,
C. что навѣрное есть зло. Такъ что еслибы вы меня отпу-
стили, не повѣривъ Аниту, который сказалъ, что или мнѣ
вообще не слѣдовало приходить сюда, а ужъ если пришелъ,
то невозможно не убить меня, и внушалъ вамъ, что если
я уйду отъ наказанія, то сыновья ваши, занимаясь тѣмъ,
чему учитъ Сократъ, развратятся уже въ конецъ всѣ до
единаго,—даже если бы вы меня отпустили и при этомъ
сказали мнѣ: на этотъ разъ, Сократъ, мы не согласимся
съ Анитомъ и отпустимъ тебя, съ тѣмъ однако, чтобы ты
больше не занимался этимъ изслѣдованіемъ и оставилъ фи-
лософію, а если еще разъ будешь въ этомъ уличенъ, то
D. долженъ будешь умереть,—такъ вотъ, говорю я, если бы
вы меня отпустили на этомъ условіи, то я бы вамъ сказалъ:
желать вамъ всякаго добра—я желаю, о мужи Аѳиняне, и
люблю васъ, а слушаться буду скорѣе бога, чѣмъ васъ, и
пока есть во мнѣ дыханіе и способность, не перестану
философствовать, уговаривать и убѣждать всякаго изъ васъ,
кого только встрѣчу, говоря то самое, что обыкновенно гово-
рю: о лучшій изъ мужей, гражданинъ города Аѳинъ, величай-
шаго изъ городовъ и больше всѣхъ прославленнаго за муд-
E. рость и силу, не стыдно ли тебѣ, что ты заботишься о день-
гахъ, чтобы ихъ у тебя было какъ можно больше, о славѣ
и о почестяхъ, а о разумности, объ истинѣ, и о душѣ своей,

чтобы она была какъ можно лучше, не заботишься и не
помышляешь? И если кто изъ васъ станетъ возражать и
утверждать, что онъ заботится, то я не оставлю его и не
уйду отъ него тотчасъ же, а буду его расспрашивать, пы-
тать, опровергать, и если мнѣ покажется, что въ немъ
нѣтъ доблести, а онъ только говоритъ, что есть, буду по- 30.
прекать его за то, что онъ самое дорогое не цѣнитъ ни
во что, а плохое цѣнитъ дороже всего. Такъ я буду по-
ступать со всякимъ, кого только встрѣчу, съ молодымъ и
старымъ, съ чужеземцами и съ вами, съ вами особен-
но, потому что вы мнѣ ближе по крови. Могу васъ
увѣрить, что такъ велитъ богъ, и я думаю, что во всемъ
городѣ нѣтъ у васъ большаго блага, чѣмъ это мое слу-
женіе богу. Вѣдь я только и дѣлаю, что хожу и убѣждаю
каждаго изъ васъ, молодаго и стараго, заботиться раньше
и сильнѣе не о тѣлахъ вашихъ или о деньгахъ, но о душѣ,
чтобы она была какъ можно лучше, говоря вамъ: не отъ B.
денегъ рождается доблесть, а отъ доблести бываютъ у лю-
дей и деньги и всѣ прочія блага, какъ въ частной жизни,
такъ и въ общественной. Да, еслибы такими словами я
развращалъ юношей, то слова эти были бы вредными. А
кто утверждаетъ, что я говорю что нибудь другое, а не
это, тотъ говоритъ вздоръ. Вотъ почему я могу вамъ ска-
зать, Аѳиняне: послушаетесь вы Анита, или нѣтъ, отпу-
стите меня, или нѣтъ,—поступать иначе, чѣмъ я поступаю,
я не буду, даже если бы мнѣ предстояло умирать много C.
разъ.

XVIII. Не шумите, мужи Аѳиняне, исполните мою прось-
бу—не шумѣть по поводу того, что я говорю, а слушать;
слушать вамъ будетъ полезно, какъ я думаю. Я намѣренъ
сказать вамъ и еще кое-что, отъ чего вы навѣрное поже-
лаете кричать, только вы никоимъ образомъ этого не дѣ-
лайте. Будьте увѣрены, что если вы меня, такого какъ я
есть, убьете, то вы больше повредите себѣ, нежели мнѣ.
Мнѣ-то вѣдь не будетъ никакого вреда ни отъ Мелита, ни
отъ Анита; да они и не могутъ мнѣ повредить, потому D.
что я не думаю, чтобы худшему было позволено вредить
лучшему. Разумѣется онъ можетъ убить, изгнать изъ отече-
ства, отнять всѣ права. Но вѣдь это онъ, или еще кто-нибудь,
считаетъ все подобное за великое зло, а я не считаю; го-
раздо же скорѣе считаю я зломъ именно то, что онъ те-
перь дѣлаетъ, замышляя несправедливо осудить человѣка

на смерть. Такимъ образомъ, о мужи Аѳиняне, я защищаюсь
теперь совсѣмъ не ради себя, какъ это можетъ казаться,
а ради васъ, чтобы вамъ, осудивши меня на смерть, не про-
глядѣть дара, который вы получили отъ бога. Въ самомъ
E. дѣлѣ, если вы меня убьете, то вамъ не легко будетъ найти
еще такого человѣка, который, смѣшно сказать,—пристав-
ленъ къ городу какъ къ лошади, большой и благородной,
но облѣнившейся отъ тучности и нуждающейся въ томъ,
чтобы ее подгоняли шпорой. Въ самомъ дѣлѣ мнѣ кажется, что
богъ послалъ меня городу, какъ такого, который цѣлый день,
31. не переставая, всюду садится и каждаго изъ васъ будитъ, уго-
вариваетъ, упрекаетъ. Другого такого вамъ не легко будетъ
найти, о мужи, а меня вы можете сохранить, если вы мнѣ
повѣрите. Но очень можетъ статься, что вы, какъ люди, кото-
рыхъ будятъ во время сна, ударите меня и съ легкостью убьете,
послушавшись Анита, и тогда всю остальную вашу жизнь
проведете въ снѣ, если только богъ, жалѣя васъ, не по-
шлетъ вамъ еще кого-нибудь. А что я такой,—какъ будто
бы данъ городу богомъ, это вы можете усмотрѣть вотъ изъ
B. чего: похоже ли на что-нибудь человѣческое, что я за-
бросилъ всѣ свои собственныя дѣла, и столько уже лѣтъ
терпѣливо переношу упадокъ домашняго хозяйства, а ва-
шимъ дѣломъ занимаюсь всегда, обращаясь къ каждому
частнымъ образомъ, какъ отецъ или старшій братъ, и убѣ-
ждая заботиться о добродѣтели. И если бы я отъ этого
пользовался чѣмъ-нибудь и получалъ бы плату за эти на-
ставленія, тогда бы еще былъ у меня какой-нибудь разсчетъ,
а то сами вы теперь видите, что мои обвинители, которые
C. такъ безстыдно обвиняли меня во всемъ прочемъ, тутъ по
крайней мѣрѣ оказались неспособными къ безстыдству и
не представили свидѣтеля, что я когда либо получалъ или
требовалъ какой-нибудь платы; потому, думаю, что я могу
представить вѣрнаго свидѣтеля того, что я говорю правду—
мою бѣдность.

XIX. Можетъ, въ такомъ случаѣ, показаться стран-
нымъ, что я подаю эти совѣты частнымъ образомъ, обходя
всѣхъ и во все вмѣшиваясь, а выступать всенародно въ ва-
шемъ собраніи и давать совѣты городу не рѣшаюсь. Причина
этому та самая, о которой вы часто и всюду отъ меня
D. слышали, а именно, что мнѣ бываетъ какое-то божествен-
ное или демоническое знаменіе, надъ чѣмъ и Мелитъ посмѣ-
ялся въ своей жалобѣ. Началось у меня это съ дѣтства:

вдругъ—какой-то голосъ, который всякій разъ отклоняетъ
меня отъ того, что я бываю намѣренъ дѣлать, а склонять
къ чему-нибудь никогда не склоняетъ. Вотъ этотъ то го-
лосъ и не допускаетъ меня заниматься государственными
дѣлами. И кажется прекрасно дѣлаетъ, что не допускаетъ.
Будьте увѣрены, о мужи Аѳиняне, что если бы я попро-
бовалъ заниматься государственными дѣлами, то уже давно
бы погибъ и не принесъ бы пользы ни себѣ, ни вамъ.
И вы на меня не сердитесь, если я вамъ скажу правду: E.
нѣтъ такого человѣка, который могъ бы уцѣлѣть, если бы
сталъ откровенно противиться вамъ или какому-нибудь дру-
гому большинству [12]) и хотѣлъ бы предотвратить все то
множество несправедливостей и беззаконій, которыя совер- 32.
шаются въ государствѣ. Нѣтъ, кто въ самомъ дѣлѣ ратуетъ
за справедливость, тотъ, если ему и суждено уцѣлѣть на
малое время, долженъ оставаться частнымъ человѣкомъ, а
выступать на общественное поприще не долженъ.

XX. Доказательства этому я вамъ представлю самыя
вѣскія, не разсужденія, а то, что вы цѣните дороже,—
дѣла. И такъ, выслушайте что со мною случилось, и тогда
вы увидите, что я и подъ страхомъ смерти никого не мо-
гу послушаться вопреки справедливости,—а не слушаясь,
могу отъ этого погибнуть. То, что я намѣренъ вамъ раз-
сказать, досадно и скучно слушать, за то это истинная
правда. Никогда, Аѳиняне, не занималъ я въ городѣ ни- B.
какой другой должности, но въ совѣтѣ я засѣдалъ [13]). И
пришла нашей филѣ (Антіохидѣ) очередь засѣдать въ то
время, когда вы желали судить огуломъ десятерыхъ стра-
теговъ, которые не подобрали пострадавшихъ въ морскомъ
сраженіи,—судить не законно, какъ вы сами признали это
въ послѣдствіи [14]). Тогда я, единственный изъ притановъ,

---

[12]) О значеніи термина *πλῆθος* смотри Busolt, Griech. Staats-und Rechtsaltertümer, второе изданіе, § 45.

[13]) Члены Аѳинскаго Совѣта (*Βουλή*) выбирались на годъ по жребію изъ всего свободнаго населенія Аттики, которое раздѣлялось на 10 филъ, по 50 человѣкъ отъ каждой филы; но изъ 500 совѣтниковъ одновременно засѣдали только 50, принадлежавшихъ къ одной и той же филѣ; каждая фила засѣдала по очереди втеченіе 35–39 дней, и этотъ періодъ времени назывался *пританій*, а сами совѣтники *пританами*.—Сократъ былъ родомъ изъ дема Алопеки, входившаго въ составъ филы Антіохиды.

[14]) Морскимъ сраженіемъ (*ναυμαχία*) называлась знаменитая побѣда, одержанная аѳинянами надъ пелопоннесцами при Аргинузскихъ островахъ въ 406 г. Поднявшаяся вскорѣ послѣ сраженія буря помѣшала стра-

возсталъ противъ нарушенія закона, и въ то время, когда
ораторы готовы были обвинить меня и посадить въ тюрьму,
и вы сами этого требовали и кричали, въ то время я ду-
малъ, что мнѣ скорѣе слѣдуетъ, несмотря на опасность,
C. стоять на сторонѣ закона и справедливости, нежели, изъ
страха передъ тюрьмою или смертью, быть за одно съ
вами, желающими несправедливаго. Это еще было тогда,
когда городъ управлялся народомъ, а когда наступила Оли-
гархія, то и тридцать [15]) въ свою очередь призвали меня
и еще четверыхъ гражданъ въ Круглую Палату [16]) и ве-
лѣли намъ привезти изъ Саламина Саламинца Льва [17]), что-
бы казнить его. Многое въ этомъ родѣ приказывали они
дѣлать и многимъ другимъ, желая отыскать какъ можно больше
D. виновныхъ. Только и на этотъ разъ опять я доказалъ не
словами, а дѣломъ, что для меня смерть, если не грубо
такъ выразиться,—самое пустое дѣло, а вотъ воздерживаться
отъ всего беззаконнаго и безбожнаго, это для меня самое
важное. Такимъ образомъ какъ ни могущественно было это
правительство, а меня оно не испугало настолько, чтобы
заставить сдѣлать что-нибудь несправедливое, но, когда
вышли мы изъ Круглой Палаты, четверо изъ насъ отпра-
вились въ Саламинъ и привезли Льва, а я отправился до-
мой. И по всей вѣроятности мнѣ пришлось бы за это уме-
реть, если бы правительство не распалось въ самомъ ско-
E. ромъ времени. И всему этому у васъ найдется много сви-
дѣтелей.

XXI. Кажется ли вамъ послѣ этого, что я могъ бы про-
жить столько лѣтъ, если бы занимался общественными дѣ-

тегамъ подобрать остатки войска, находившіеся на разбитыхъ судахъ, но народъ не хотѣлъ признавать этого оправданія и обвинялъ стратеговъ въ нерадѣніи; они были преданы суду и казнены. Незаконность суда заключалась во-первыхъ въ томъ, что дѣло было изъято изъ суда присяжныхъ и отдано на рѣшеніи народнаго собранія, а во-вторыхъ въ томъ, что всѣхъ подсудимыхъ судили заразъ, а не каждаго отдѣльно, какъ этого требовалъ законъ. — „*Десятерыхъ* стратеговъ“— сказано неточно, потому что въ дѣлѣ участвовало только восемь стратеговъ, изъ коихъ двое при томъ не явились на судъ.

[15]) т. е. правительство тридцати тирановъ.

[16]) *Θόλος*—круглое зданіе, въ которомъ собирались и обѣдали на казенный счетъ пританы.

[17]) Саламинецъ Левъ, аѳинскій полководецъ и богатый человѣкъ, погибъ вмѣстѣ со многими другими богатыми гражданами жертвою корыстолюбія тридцати тиранновъ.

лами, занимался бы притомъ достойно порядочнаго человѣка,
спѣшилъ бы на помощь къ правымъ и считалъ бы это са-
мымъ важнымъ, какъ оно и слѣдуетъ? Никоимъ образомъ,
о мужи Аѳиняне. И никому другому это не возможно. А я
всю жизнь оставался такимъ какъ въ общественныхъ дѣлахъ, 33.
насколько въ нихъ участвовалъ, такъ и въ частныхъ, ни-
когда и ни съ кѣмъ не соглашаясь вопреки справедливости,
ни съ тѣми, которыхъ клеветники мои называютъ моими
учениками, ни еще съ кѣмъ нибудь. Да я и не былъ ни-
когда ничьимъ учителемъ, а если кто, молодой или старый,
желалъ меня слушать и видѣть, какъ я дѣлаю свое дѣло,
то я никому никогда не препятствовалъ. И не то чтобы я,
получая деньги, разговаривалъ, а не получая, не разгова-
ривалъ, но одинаково, какъ богатому, такъ и бѣдному пре- B.
доставляю я меня спрашивать, а, если кто хочетъ, то и
отвѣчать мнѣ и слушать то, что я говорю. И за то, хоро-
ши ли эти люди или дурны, я по справедливости не могу от-
вѣчать, потому что никого изъ нихъ никогда никакой наукѣ
я не училъ, и не обѣщался научить [18]). Если же кто ни-
будь утверждаетъ, что онъ частнымъ образомъ научился
отъ меня чему нибудь или слышалъ отъ меня что нибудь,
чего бы не слыхали и всѣ прочіе, тотъ, будьте увѣрены,
говоритъ неправду.

XXII. Но отчего же нѣкоторые любятъ подолгу бывать
со мною? Слышали вы это, о мужи Аѳиняне; самъ я вамъ
сказалъ всю правду: потому что они любятъ слушать, какъ C.
я пытаю тѣхъ, которые считаютъ себя мудрыми, не будучи
таковыми. Это вѣдь не лишено удовольствія. А дѣлать это,
говорю я, поручено мнѣ богомъ и черезъ прорицанія, и въ
сновидѣніяхъ, вообще всякими способами, какими когда либо
еще обнаруживалось божественное опредѣленіе и поручалось
человѣку дѣлать что-нибудь. Это не только вѣрно, Аѳиняне,
но и легко доказуемо. Въ самомъ дѣлѣ, если однихъ юношей
я развращаю, а другихъ уже развратилъ, то вѣдь тѣ изъ нихъ, D.
которые уже состарились и узнали, что когда-то, во время ихъ
молодости, я совѣтовалъ имъ что-то дурное, должны бы были
теперь притти мстить мнѣ и обвинять меня. А если сами
они не захотѣли, то кто нибудь изъ ихъ домашнихъ, отцы,
братья, другіе родственники, если бы только ихъ близкіе

---

[18]) Сократу ставили въ вину, что въ числѣ его учениковъ были такіе испорченные и вредные люди, какъ Критій, главный тираннъ, и Алкивіадъ.

потерпѣли отъ меня что-нибудь дурное, вспомнили бы теперь объ этомъ. Да ужъ конечно многіе изъ нихъ тутъ,
E. какъ я вижу: ну вотъ, во-первыхъ, Критонъ, мой сверстникъ и изъ одного со мною дема, отецъ вотъ его, Критовула; затѣмъ сфиттіецъ Лисаній, отецъ вотъ его, Эсхина; еще кифисіецъ Антифонъ, отецъ Эпигена; а еще вотъ братья тѣхъ, которые ходили за мною, Никостратъ, сынъ Θеозотида и братъ Θеодота; что касается Θеодота, то онъ скончался, такъ что этотъ по крайней мѣрѣ не могъ упросить брата, чтобы онъ не говорилъ противъ меня; — вотъ и Паралъ, Демодоковъ сынъ, которому Θеагъ приходился бра-
34. томъ; а вотъ Адимантъ, Аристоновъ сынъ, которому вотъ онъ,—Платонъ, приходится братомъ, и Эантодоръ, братъ вотъ этого, Аполлодора. Я могу назвать еще многихъ другихъ, и Мелиту въ его рѣчи всего нужнѣе было выставить кого-нибудь изъ нихъ, какъ свидѣтеля; а если тогда онъ забылъ это сдѣлать, то пусть сдѣлаетъ теперь,—я ему разрѣшаю [19]), и если онъ можетъ заявить что-нибудь такое, пусть говоритъ. Но вы увидите совсѣмъ противоположное, о мужи, увидите, что всѣ готовы броситься на помощь ко мнѣ, къ тому развратителю, который дѣлаетъ зло
B. ихъ домашнимъ, какъ утверждаютъ Мелитъ и Анитъ. У самихъ развращенныхъ пожалуй еще можетъ быть основаніе защищать меня, но у ихъ родныхъ, которые не развращены, у людей уже старыхъ, какое можетъ быть другое основаніе защищать меня, кромѣ прямой и справедливой увѣренности, что Мелитъ говоритъ ложь, а я говорю правду.

XXIII. Но объ этомъ довольно, о мужи! Вотъ приблизительно то, что я могу такъ или иначе привести въ свое
C. оправданіе. Возможно, что кто-нибудь изъ васъ разсердится, вспомнивъ о себѣ самомъ, какъ самъ онъ, хотя дѣло его было и не такъ важно, какъ мое, упрашивалъ и умолялъ судей съ обильными слезами и, чтобы разжалобить ихъ какъ можно больше, приводилъ своихъ дѣтей и множество другихъ родныхъ и друзей,—а вотъ я ничего такого дѣлать не намѣренъ, хотя подвергаюсь, какъ оно можетъ казаться, самой крайней опасности. Такъ вотъ возможно, что,

19) Для рѣчей обѣихъ сторонъ полагалось опредѣленное количество времени (*воды*, какъ говорили Греки, потому что время измѣрялось водяными часами), а потому запрещалось перебивать рѣчь противника безъ его разрѣшенія.

подумавъ объ этомъ, кто нибудь не сочтетъ уже нужнымъ стѣсняться со мною, и разсердившись подастъ свой голосъ въ сердцахъ. Думаетъ ли такъ кто-нибудь изъ васъ въ са- D.
момъ дѣлѣ, я этого не утверждаю; а если думаетъ, то мнѣ кажется, что я отвѣчу ему правильно, если скажу: есть у меня, любезнѣйшій, и кое-какіе родные; тоже вѣдь и я, какъ говорится у Гомера [20]), не отъ дуба родился и не отъ скалы, а произошелъ отъ людей; есть у меня и родные, есть и сыновья, о мужи Аѳиняне, цѣлыхъ трое, одинъ уже взрослый, а двое—младенцы; тѣмъ не менѣе ни одного изъ нихъ не приведу я сюда и не буду просить васъ о помилованіи. Почему же, однако, не намѣренъ я ничего этого дѣлать? Не по презрѣнію къ вамъ, о мужи Аѳиня- E.
не, и не потому, что бы я не желалъ васъ уважить. Боюсь ли я или не боюсь смерти, это мы теперь оставимъ, но для чести моей и вашей, для чести всего города мнѣ кажется было бы не хорошо, если бы я сталъ дѣлать что нибудь такое въ мои года и при томъ прозвищѣ, которое мнѣ дано [21]), вѣрно оно или невѣрно,—все равно. Какъ ни какъ, а вѣдь принято всетаки думать, что Сократъ отличается кое-чѣмъ 35.
отъ большинства людей; а если такъ будутъ себя вести тѣ изъ васъ, которые повидимому отличаются или мудростью, или мужествомъ, или еще какою-нибудь доблестью, то это будетъ позорно. Мнѣ не разъ приходилось видѣть какъ люди казалось бы почтенные продѣлывали во время суда надъ ними удивительныя вещи, какъ будто они думали, что имъ предстоитъ испытать что-то ужасное, если они умрутъ; можно было подумать, что они стали бы безсмертными, если бы вы ихъ не убили! Мнѣ кажется, что эти люди позорятъ городъ, такъ что и какой-нибудь иностранецъ можетъ заподозрить, что у Аѳинянъ люди, которые отличаются B.
доблестью, и которыхъ они сами выбираютъ на должности и прочія почетныя мѣста, что эти самые люди ничѣмъ не отличаются отъ женщинъ. Такъ вотъ, о мужи Аѳиняне, не только намъ, людямъ какъ бы то ни было почтеннымъ, не слѣдуетъ этого дѣлать, но и вамъ не слѣдуетъ этого позволять, если мы станемъ это дѣлать,—а напротивъ вамъ

20) Слова Пенелопы, обращенныя къ Одиссею:
Но разскажи мнѣ теперь, откудова будешь ты родомъ:
Вѣдь не скала же тебя родила и не дубъ пресловутый.
(Odyss. XIX, 162).

21) Подразумѣвается прозвище *мудреца*. См. выше 23 А.

нужно дѣлать видъ, что вы гораздо скорѣе признаете виновнымъ того, кто устраиваетъ эти слезныя представленія и навлекаетъ насмѣшки надъ городомъ, нежели того, кто ведетъ себя спокойно.

C. XXIV. Не говоря уже о чести, мнѣ кажется, что это и не правильно, о мужи,—просить судью и избѣгать наказанія просьбою, вмѣсто того, чтобы разъяснять дѣло и убѣждать. Вѣдь судья посаженъ не для того, чтобы миловать по произволу, но для того, чтобы творить судъ; и присягалъ онъ не въ томъ, что будетъ миловать кого захочетъ, но въ томъ, что будетъ судить по законамъ. А потому и намъ не слѣдуетъ пріучать васъ нарушать присягу, и вамъ не слѣдуетъ къ этому пріучаться, а иначе мы можемъ съ вами одинаково впасть въ нечестіе. Такъ ужъ вы мнѣ не говорите, о мужи Аѳиняне, будто я долженъ продѣлывать пе-
D. редъ вами то, чего я и такъ не считаю ни хорошимъ, ни правильнымъ, ни согласнымъ съ волею боговъ, да еще продѣлывать это теперь, когда вотъ онъ, Мелитъ, обвиняетъ меня въ нечестіи. Ибо очевидно, что если бы я васъ уговаривалъ и вынуждалъ бы своею просьбою нарушить присягу, то научалъ бы васъ думать, что боговъ не существуетъ, и вмѣсто того чтобы защищаться, попросту самъ бы обвинялъ себя въ томъ, что не почитаю боговъ. Но на дѣлѣ оно совсѣмъ иначе; почитаю я ихъ, о мужи Аѳиняне, больше, чѣмъ кто-либо изъ моихъ обвинителей, и предоставляю вамъ и богу разсудить меня такъ, какъ будетъ всего лучше и для меня, и для васъ.

Послѣ обвинительнаго приговора [22]).

E. XXV. Многое, о мужи Аѳиняне, не позволяетъ мнѣ
36. возмущаться тѣмъ, что сейчасъ случилось, тѣмъ, что вы меня осудили, между прочимъ и то, что это не было для меня неожиданностью. Гораздо болѣе удивляетъ меня чис-

[22]) По нѣкоторымъ дѣламъ за рѣшеніемъ вопроса о виновности слѣдовало обсужденіе вопроса о наказаніи (*ἀγῶνες τιμητοί*). Обвинитель въ своей жалобѣ могъ требовать одного наказанія, подсудимый другого, болѣе легкаго; судьямъ оставалось только выбирать между требованіями сторонъ, а сами назначать наказаніе они не имѣли право. Мелитъ требовалъ для подсудимаго смертной казни; по желанію Сократа и съ согласія судей наказаніе это могло быть замѣнено изгнаніемъ, заключеніемъ въ тюрьму, или денежною пеней.

ло голосовъ на той и на другой сторонѣ. Что меня касается, то вѣдь я не думалъ, что буду осужденъ столь малымъ числомъ голосовъ, я думалъ, что буду осужденъ большимъ числомъ голосовъ. Теперь же, какъ мнѣ кажется, перепади тридцать одинъ камешекъ съ одной стороны на другую, и я былъ бы оправданъ [23]). Ну а отъ Мелита по моему я и теперь ушелъ; да не только ушелъ, а еще вотъ что очевидно для всякаго, что еслибы Анитъ и Ликонъ не пришли сюда, чтобы обвинять меня, то онъ

[23]) Для сбора голосовъ, на возвышеніи, гдѣ сидѣли присяжные, находилось два глиняныхъ сосуда (*κάδοι*), въ которые опускались камешки, въ одинъ сосудъ—за обвиненіе, въ другой за оправданіе (какимъ образомъ сохранялась при этомъ тайна,—достовѣрно неизвѣстно). — Разсчетъ Сократа повидимому противорѣчитъ сообщенію Діогена Лаертскаго, и противорѣчіе это, на нашъ взглядъ, не уничтожается обычнымъ объясненіемъ. Въ лучшихъ рукописяхъ это мѣсто читается такъ: „Теперь же, *какъ мнѣ кажется,* перепади *только тридцать* камешковъ съ одной стороны на другую, и я былъ-бы оправданъ“ (*νῦν δὲ, ὡς ἔοικεν, εἰ τριάκοντα μόναι μετέπεσον τῶν ψήφων, ἀπεπεφεύγη ἄν*). Такъ какъ общее число присяжныхъ равнялось обыкновенно 501 (см. Busolt, Griech Staats-und Rechtsaltertümer, § 210) и для оправданія требовалось самое меньшее 251 голосъ, то изъ словъ Сократа оказывается, что за него было подано 221 голосъ и противъ него 280, но Діогенъ сообщаетъ (II, 41), что обвинителей Сократа было 281, а за него, стало быть, подано было 220 голосовъ, и слѣдовательно для оправданія число однихъ голосовъ должно было бы уменьшиться, а другихъ увеличиться на 31, а не на 30, какъ говоритъ Сократъ. Противорѣчіе это думаютъ устранить предположеніемъ, что Сократъ привелъ круглое число 30 вмѣсто точнаго 31, но это невѣроятно по тремъ причинамъ: во-первыхъ, *не видно* побужденія округлять такое небольшое число, во вторыхъ не слѣдовало его округлять, если принять во вниманіе, что въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, одинъ лишній голосъ рѣшалъ вопросъ о жизни и смерти, и наконецъ, еслибы Сократъ сознательно замѣнилъ число 31 числомъ 30, то ему незачѣмъ было бы прибавлять оговорку: „какъ мнѣ кажется“, или: „если не ошибаюсь“. Въ такомъ случаѣ вѣрно ли сообщеніе Діогена? Но прежде чѣмъ думать объ ошибкѣ въ сообщеніи Діогена, которое не подаетъ для этого никакого повода, правильнѣе будетъ заподозрить въ невѣрности вышеприведенное мѣсто Апологіи, которое во всякомъ случаѣ испорчено и въ разныхъ рукописяхъ читается различно; въ худшихъ рукописяхъ вмѣсто *тридцати* (*τριάκοντα*) значится *три* (*τρεῖς*)—число, уже ни съ чѣмъ не сообразное, которое и не встрѣчаются больше въ лучшихъ изданіяхъ; но если при механической перепискѣ легко можно было превратить *τριάκοντα* (тридцать) въ *τρεῖς* (три), то еще легче, можно было превратить слѣдующее слово *μία* (одинъ) въ *μόναι* (только), вслѣдствіе чего, вмѣсто согласнаго съ сообщеніемъ Діогена: „тридцать одинъ“, получилось: „только тридцать“.

B. былъ бы принужденъ уплатить тысячу драхмъ, какъ не по-
лучившій пятой части голосовъ [24]).
XXV. Ну а наказаніемъ для меня этотъ мужъ полагаетъ
смерть. Хорошо. Какое же наказаніе, о мужи Аѳиняне,
долженъ я положить себѣ самъ? Не ясно ли, что заслу-
женное? Такъ какое-же? Чему по справедливости подверг-
нуться, или сколько долженъ я уплатить за то, что ни съ
того ни съ сего всю свою жизнь не давалъ себѣ покоя, за
то, что не старался ни о чемъ такомъ, о чемъ старается
большинство, ни о наживѣ денегъ, ни о домашнемъ устрое-
ніи, ни о томъ, чтобы попасть въ стратеги, ни о томъ
чтобы руководить народомъ, вообще не участвовалъ ни въ
управленіи, ни въ заговорахъ, ни въ возстаніяхъ, какія бы-
ваютъ въ нашемъ городѣ, считая себя право же слишкомъ
C. порядочнымъ человѣкомъ, чтобы оставаться цѣлымъ, участ-
вуя во всемъ этомъ; за то, что я не шелъ туда, гдѣ я
не могъ принести никакой пользы ни вамъ, ни себѣ, а
шелъ туда, гдѣ могъ частнымъ образомъ всякому оказать

---

[24]) Когда за обвиненіе высказывалось менѣе пятой части присяжныхъ, т. е. въ обыкновенныхъ случаяхъ менѣе 100, обвинитель платилъ пеню въ 1000 драхмъ (около 250 руб.) и лишался нѣкоторыхъ правъ (Busolt, Gr. Staats-und Rechtsaltertümer, § 216).—По мнѣнію Stallbaum'a Сократъ намекаетъ здѣсь на незначительность и неспособность Мелита (cum ipsius auctoritas et gratia non tanta esse videatur, quae efficere sola potuerit, ut judices ipsum condemnarent). Cron (въ комментаріяхъ, обработанныхъ Uhle) приписываетъ Сократу слѣдующій простой разсчетъ: безъ двухъ другихъ обвинителей Мелитъ собралъ бы только одну треть всѣхъ 281 голосовъ (см. примѣчаніе 23-е), т. е. менѣе, чѣмъ 100 голосовъ.—и затѣмъ ограничивается краткимъ замѣчаніемъ, что разумѣется—это только насмѣшка со стороны Сократа (Natürlich ist das nur Spott). Но еслибы не было никакого основанія для приведеннаго разсчета, — а какого-нибудь *основанія* Cron, повидимому, не предполагаетъ, — то и насмѣшка не имѣла бы смысла. Не зная рѣчей обвинителей и состава присяжныхъ, трудно сказать съ увѣренностью, въ чемъ тутъ соль, но невольно вспоминаются слова Сократа въ Апологіи: „Отъ этого обрушились на меня и Мелитъ и Анитъ, и Ликонъ; Мелитъ,—негодуя за поэтовъ, Анитъ за ремесленниковъ, а Ликонъ за риторовъ". Сопоставляя оба эти мѣста, можно предполагать, что обвинители Сократа явственно (*παντὶ δῆλον τοῦτό γε*) раздѣлялись на три категоріи: на ремесленниковъ (диміурговъ) и риторовъ, увлеченныхъ рѣчами своихъ представителей Анита и Ликона, и на поэтовъ вмѣстѣ съ ихъ почитателями, представителемъ которыхъ былъ Мелитъ, и которыхъ разумѣется было всего меньше, меньше даже чѣмъ треть.

величайшее, повторяю, благодѣяніе, стараясь убѣждать каж-
даго изъ васъ не заботиться ни о чемъ своемъ раньше,
чѣмъ о себѣ самомъ,—какъ-бы ему быть что ни на есть
лучше и умнѣе, не заботиться также и о томъ, что при-
надлежитъ городу, раньше, чѣмъ о самомъ городѣ, и обо
всемъ прочемъ такимъ же образомъ. И такъ, чего же я за-
служиваю, будучи таковымъ? Чего-нибудь хорошаго, о мужи D.
Аѳиняне, если уже въ самомъ дѣлѣ воздавать по заслугамъ,
и притомъ такого хорошаго, что бы для меня подходило. Что
же подходитъ для человѣка заслуженнаго и въ тоже вре-
мя бѣднаго, который нуждается въ досугѣ вашего же ради
назиданія? Для подобнаго человѣка, о мужи Аѳиняне, нѣтъ
ничего болѣе подходящаго, какъ получать даровой обѣдъ
въ Пританіѣ [25]), по крайней мѣрѣ для него это подходитъ
гораздо больше, нежели для того изъ васъ, кто одержалъ
побѣду въ Олимпіи верхомъ, или на парѣ, или на тройкѣ,
потому что такой человѣкъ старается о томъ, что-бы вы
казались счастливыми, а я стараюсь о томъ, что-бы вы были
счастливыми, и онъ не нуждается въ даровомъ пропитаніи,
а я нуждаюсь. Итакъ, если я долженъ назначить себѣ E.
что-нибудь мною заслуженное, то вотъ я что себѣ назна- 37.
чаю—даровой обѣдъ въ Пританіѣ.
XXVII. Можетъ быть вамъ кажется, что я и это го-
ворю по высокомѣрію, какъ говорилъ о просьбахъ со сле-
зами и съ колѣнопреклоненіями; но это не такъ, Аѳиня-
не, а скорѣе дѣло вотъ въ чемъ: самъ-то я убѣжденъ въ
томъ, что ни одного человѣка не обижаю сознательно, но
убѣдить въ этомъ васъ я не могу, потому что мало вре-
мени бесѣдовали мы другъ съ другомъ; въ самомъ дѣлѣ,
мнѣ думается, что вы бы убѣдились, если бы у васъ, какъ
у другихъ людей [26]), существовалъ законъ рѣшать дѣло о B.
смертной казни втеченіи не однаго дня, а нѣсколькихъ; а
теперь не такъ-то это легко—въ малое время снимать съ
себя великія клеветы. Ну такъ вотъ, убѣжденный въ томъ,
что я не обижаю ни одного человѣка, ни въ какомъ случаѣ

---

[25]) *Пританій*—одно изъ главныхъ общественныхъ зданій въ Аѳинахъ, въ которомъ находился государственный очагъ и гдѣ обѣдали на городской счётъ пританы, иностранные послы и нѣкоторые граждане, заслужившіе чѣмъ-нибудь признательность города, между прочимъ побѣдители на играхъ.

[26]) Разумѣются Спартанцы, государственное устройство и весь бытъ которыхъ Платонъ и его учитель нерѣдко хвалили.

не стану я обижать самого себя, говорить о себѣ самомъ, что я достоинъ чего-нибудь нехорошаго, и назначать себѣ наказаніе. Съ какой стати? Изъ страха подвергнуться тому, чего требуетъ для меня Мелитъ, и о чемъ, повторяю еще разъ, я не знаю, хорошо ли это или дурно? Такъ вотъ вмѣсто этого я выберу и назначу себѣ наказаніемъ что нибудь такое, о чемъ я знаю навѣрное, что это—зло? Вѣчное заточеніе?
C. Но ради чего сталъ бы я жить въ тюрьмѣ рабомъ постоянно мѣняющейся власти? [27]) Денежную пеню и быть въ заключеніи пока не уплачу? Но для меня это то же, что вѣчное заточеніе, потому что мнѣ не изъ чего уплатить. Въ такомъ случаѣ не долженъ-ли я назначить для себя изгнаніе? Къ этому вы меня пожалуй охотно присудите. Сильно бы, однако, долженъ былъ я трусить, еслибы растерялся настолько, что не могъ бы сообразить вотъ чего:
D. вы, собственные мои сограждане, не были въ состояніи вынести мое присутствіе и слова мои оказались для васъ слишкомъ тяжелыми и невыносимыми, такъ что вы ищете теперь, какъ бы отъ нихъ отдѣлаться; ну а другіе легко ихъ вынесутъ? Никоимъ образомъ, Аѳиняне. Хороша же въ такомъ случаѣ была бы моя жизнь,—уйти на старости лѣтъ изъ отечества и жить, переходя изъ города въ городъ, будучи отовсюду изгоняемымъ. Я вѣдь отлично знаю, что куда бы я ни пришелъ, молодые люди вездѣ будутъ меня слушать такъ же, какъ и здѣсь; и если я буду ихъ отгонять, то они сами меня выгонятъ, подгово-
E. ривъ старшихъ, а если я не буду ихъ отгонять, то ихъ отцы и домашніе выгонятъ меня изъ-за нихъ-же.

XXVIII. Въ такомъ случаѣ кто-нибудь можетъ сказать: но развѣ, Сократъ, уйдя отъ насъ, ты не былъ бы способенъ проживать спокойно и въ молчаніи? Вотъ въ этомъ-то и всего труднѣе убѣдить нѣкоторыхъ изъ васъ. Въ самомъ дѣлѣ, если я скажу, что это значитъ не слушаться бога, а что не слушаясь бога, нельзя оставаться спокойнымъ, то вы не повѣрите мнѣ, и подумаете, что я шучу; съ другой стороны, если я скажу, что ежедневно бесѣдовать о доблестяхъ и обо всемъ прочемъ, о чемъ я съ вами бесѣдую,
38. пытая и себя, и другихъ, есть къ тому же и величайшее благо

[27]) Наблюденіе надъ тюрьмами и исполненіемъ судебныхъ приговоровъ лежало на обязанности одиннадцати чиновниковъ, избиравшихся ежегодно.

для человѣка, а жизнь безъ такого изслѣдованія не есть жизнь для человѣка,—если это я вамъ скажу, то вы повѣрите мнѣ еще меньше. На дѣлѣ то оно какъ разъ такъ, о мужи, какъ я это утверждаю, но убѣдить въ этомъ не легко. Да къ тому же я и не привыкъ считать себя до-
стойнымъ чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда B.
бы я назначилъ уплатить деньги, сколько полагается; въ этомъ для меня не было бы никакого вреда; но вѣдь ихъ же нѣтъ, развѣ если вы мнѣ назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй я вамъ могу уплатить мину серебра; ну, столько и назначаю. А вотъ они, о мужи Аѳиняне,—Платонъ, Критонъ, Критовулъ, Аполлодоръ, велятъ мнѣ назначить тридцать минъ, а поручительство берутъ на себя; ну такъ назначаю тридцать, а поручители въ уплатѣ
денегъ будутъ у васъ надежные. C.

Послѣ смертнаго приговора [28]).

XXIX. Немного не захотѣли вы подождать, о мужи Аѳиняне, а вотъ отъ этого пойдетъ о васъ дурная слава между людьми, желающими хулить нашъ городъ, и они будутъ обвинять васъ въ томъ, что вы убили Сократа, извѣстнаго мудреца. Конечно, кто пожелаетъ васъ хулить, тотъ будетъ утверждать, что я мудрецъ, хотя это и не такъ. Вотъ если бы вы не много подождали, тогда бы это случилось для васъ само собою; подумайте о моихъ годахъ, какъ много уже прожито жизни, и какъ близко смерть.
Это я говорю не всѣмъ вамъ, а тѣмъ, которые осудили D.
меня на смерть. А еще вотъ что хочу я сказать этимъ самымъ людямъ: быть можетъ вы думаете, о мужи, что я осужденъ потому, что у меня не хватило такихъ словъ, которыми я могъ бы склонить васъ на свою сторону, если бы считалъ нужнымъ дѣлать и говорить все, чтобы уйти отъ наказанія. Вовсе не такъ. Не хватить-то у меня правда что не хватило, только не словъ, а дерзости и безстыдства и желанія говорить вамъ то, что вамъ всего пріятнѣе было бы слышать, вопія и рыдая, дѣлая и говоря, повторяю E.

[28]) Послѣдствіемъ предыдущей рѣчи было то, что при рѣшеніи вопроса о наказаніи враждебное Сократу большинство увеличилось на 80 голосовъ.

я вамъ, еще многое меня недостойное,—все то, что вы при-
выкли слышать отъ другихъ. Но и тогда, когда угрожала
опасность, не находилъ я нужнымъ сдѣлать изъ-за этого что-
нибудь рабское; и теперь не раскаиваюсь въ томъ, что за-
щищался такимъ образомъ, и гораздо скорѣе предпочитаю уме-
реть послѣ такой защиты, нежели оставаться живымъ защи-
щавшись иначе. Потому что ни на судѣ, ни на войнѣ, ни
39. мнѣ, ни кому либо другому не слѣдуетъ избѣгать смерти
всякими способами безъ разбора. Потому что и въ сраже-
ніяхъ часто бываетъ очевидно, что отъ смерти-то можно иной
разъ уйти, или бросивъ оружіе или начавши умолять преслѣ-
дующихъ; много есть и другихъ способовъ избѣгать смерти,
въ случаѣ какой нибудь опасности, для того, кто отважится
дѣлать и говорить все. Отъ смерти уйти не трудно, о мужи,
а вотъ что гораздо труднѣе—уйти отъ нравственной порчи,
B. потому что она идетъ скорѣе, чѣмъ смерть. И вотъ я, че-
ловѣкъ тихій и старый, настигнутъ тѣмъ что идетъ тише,
а мои обвинители, люди сильные и проворные—тѣмъ, что
идетъ проворнѣе,—нравственною порчей. И вотъ я, осуж-
денный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные исти-
ною, уходятъ на зло и неправду; и я остаюсь при своемъ
наказаніи, и они при своемъ. Такъ оно, пожалуй, и должно
было случиться, и мнѣ думается, что это правильно.
C. XXX. А теперь, о мои обвинители, я желаю предска-
зать, что будетъ съ вами послѣ этого. Вѣдь для меня уже
настало то время, когда люди особенно бываютъ способны
пророчествовать,—тогда, когда имъ предстоитъ умереть.
И вотъ я утверждаю, о мужи меня убившіе, что тотчасъ
за моею смертью придетъ на васъ мщеніе, которое будетъ
много тяжелѣе той смерти, на которую вы меня осудили.
Вѣдь теперь, дѣлая это, вы думали избавиться отъ необ-
ходимости давать отчетъ въ своей жизни, а случится съ
вами, говорю я, совсѣмъ обратное: больше будетъ у васъ
D. обличителей,—тѣхъ которыхъ я до сихъ поръ сдерживалъ
и которыхъ вы не замѣчали, и они будутъ тѣмъ невыно-
симѣе, чѣмъ они моложе, и вы будете еще больше него-
довать. Въ самомъ дѣлѣ, если вы думаете, что, убивая
людей, вы удержите ихъ отъ порицанія васъ за то, что
вы живете неправильно, то вы неправильно это думаете.
Вѣдь такой способъ самозащиты и не вполнѣ возможенъ,
и не хорошъ, а вотъ вамъ способъ и самый хорошій, и
самый легкій: не закрывать рта другимъ, а самимъ ста-

раться быть какъ можно лучше. Ну вотъ, предсказавши
это вамъ, которые меня осудили, я ухожу отъ васъ. E.
XXXI. А съ тѣми, которые меня оправдали, я бы охот-
но побесѣдовалъ о самомъ этомъ происшествіи, пока ар-
хонты [29]) заняты своимъ дѣломъ и мнѣ нельзя еще итти
туда, гдѣ я долженъ умереть. Побудьте пока со мною, о
мужи! Ничто не мѣшаетъ намъ поболтать другъ съ другомъ, 40.
пока есть время. Вамъ, друзьямъ моимъ, я хочу показать,
что собственно означаетъ теперешнее происшествіе. Со
мною, о мужи судьи,—васъ-то я по справедливости могу
называть судьями,—случилось что-то удивительное. Въ са-
момъ дѣлѣ, втеченіи всего прошлаго времени обычный для
меня вѣщій голосъ слышался мнѣ постоянно и останав-
ливалъ меня въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, когда я на-
мѣревался сдѣлать что-нибудь не такъ; а вотъ теперь, какъ
вы сами видите, со мною случилось то, что можетъ пока-
заться величайшимъ изъ золъ, по крайней мѣрѣ такъ при-
нято думать; тѣмъ не менѣе божественное знаменіе не
остановило меня ни утромъ, когда я выходилъ изъ дому, B.
ни въ то время, когда я входилъ въ судъ, ни во время
всей рѣчи, что бы я ни хотѣлъ сказать. Вѣдь прежде-то,
когда я что-нибудь говорилъ, оно не рѣдко останавливало ме-
ня среди слова, а теперь, во всемъ этомъ дѣлѣ ни разу оно не
удержало меня ни отъ какого-нибудь поступка, ни отъ ка-
каго-нибудь слова. Какъ же мнѣ это понимать? А вотъ я
вамъ скажу: похоже, въ самомъ дѣлѣ, что все это про-
изошло къ моему благу, и быть этого не можетъ, что бы
мы правильно понимали дѣло, полагая, что смерть есть
зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство, по- C.
тому что быть этого не можетъ, чтобы не остановило меня
обычное знаменіе, еслибы то, что я намѣренъ былъ сдѣлать,
не было благомъ.
XXXII. А разсудимъ-ка еще вотъ какъ,—велика-ли на-
дежда, что смерть есть благо. Умереть, говоря по правдѣ,
значитъ одно изъ двухъ; вѣдь это значитъ: или перестать
быть чѣмъ бы то ни было, такъ что умершій не испыты-
ваетъ никакого ощущенія отъ чего бы то ни было, или же
это есть для души какой-то переходъ, переселеніе ея
отсюда въ другое мѣсто, если вѣрить тому, что объ этомъ
говорятъ. И если бы это было отсутствіемъ всякаго ощу-

[29]) Смотри выше примѣчаніе 27.

D. щенія, все равно что сонъ, когда спятъ такъ, что даже
ничего не видятъ во снѣ, то смерть была бы удивитель-
нымъ пріобрѣтеніемъ. Мнѣ думается въ самомъ дѣлѣ, что
если-бы кто нибудь долженъ былъ взять ту ночь, въ которую
онъ спалъ такъ, что даже не видѣлъ сна, сравнить эту ночь съ
остальными ночами и днями своей жизни, и подумавши ска-
зать, сколько дней и ночей прожилъ онъ въ своей жизни
лучше и пріятнѣе, чѣмъ ту ночь,—то я думаю не только вся-
кій простой человѣкъ, но и самъ великій царь [30]) нашелъ
E. бы, что сосчитать такіе дни и ночи сравнительно съ ос-
тальными ничего не стоитъ. Такъ если смерть такова, я,
съ своей стороны, назову ее пріобрѣтеніемъ, потому что
такимъ-то образомъ выходитъ, что вся жизнь ничѣмъ не
лучше одной ночи. Съ другой стороны, если смерть есть
какъ бы переселеніе отсюда въ другое мѣсто, и если правду
говорятъ, будто бы тамъ всѣ умершіе, то есть ли что ни-
будь лучше этого, о мужи судьи? Въ самомъ дѣлѣ, если
прибудешь въ аидъ, освободившись вотъ отъ этихъ такъ
41. называемыхъ судей, и найдешь тамъ судей настоящихъ,
тѣхъ что, говорятъ, судятъ въ аидѣ,—Миноса, Радаманѳа,
Эака, Триптолема, и всѣхъ тѣхъ полубоговъ, которые въ своей
жизни отличались справедливостью,—развѣ это будетъ плохое
переселеніе? А чего бы не далъ всякій изъ васъ за то, чтобы
быть съ Орфеемъ, Мусеемъ, Гесіодомъ, Гомеромъ? Что меня
касается, то я желаю умирать много разъ, если все это прав-
да; для кого другого, а для меня было бы удивительно вести
тамъ бесѣды, если бы я встрѣтился, напримѣръ, съ Пала-
B. мидомъ и Теламоновымъ сыномъ Эантомъ, [31]) или еще съ
кѣмъ нибудь изъ древнихъ, кто умеръ жертвою непра-
веднаго суда, и мнѣ думается, что сравнивать мою судьбу
съ ихнею было бы не непріятно. И наконецъ самое главное,
это—проводить время въ томъ, чтобы распознавать и раз-
бирать тамошнихъ людей точно такъ же, какъ здѣшнихъ,
а именно, кто изъ нихъ мудръ, и кто изъ нихъ только

---

30) *Великій царь*—титулъ царя Персидскаго.

31) Паламидъ, сынъ эвбейскаго царя, оклеветанный Одиссеемъ, былъ обвиненъ ахеянами въ измѣнѣ и побитъ камнями подъ стѣнами Трои (Верг. Эн. II, 82; Овид. Метам. XIII),—Эантъ (или Аяксъ). одинъ изъ храбрѣйшихъ ахейскихъ вождей, спорилъ съ Одисеемъ за обладаніе оружіемъ Ахилла; когда войско присудило оружіе Одиссею, поддавшись обольщенію его ловкой рѣчи, Эантъ не перенесъ обиды и закололся мечомъ (Овид. Метам. XIII; Одисс. XI, 541 и слѣд.).

думаетъ что мудръ, а на самомъ дѣлѣ не мудръ; чего не
далъ бы всякій, о мужи судьи, что бы узнать доподлинно
человѣка, который привелъ великую рать подъ Трою, [32]) или C.
узнать Одиссея, Сизифа и множество другихъ мужей и женъ,
которыхъ распознавать, съ которыми бесѣдовать и жить
вмѣстѣ было бы несказаннымъ блаженствомъ. Не можетъ
быть никакого сомнѣнія, что ужъ тамъ-то за это не уби-
ваютъ, потому что помимо всего прочаго тамошніе люди
блаженнѣе здѣшнихъ еще и тѣмъ, что остаются все время
безсмертными, если вѣрно то, что объ этомъ говорятъ.

XXXIII. Но и вамъ, о мужи судьи, не слѣдуетъ ожи-
дать ничего дурного отъ смерти и ужъ если что принимать
за вѣрное, такъ это то, что съ человѣкомъ хорошимъ не
бываетъ ничего дурного ни при жизни, ни послѣ смерти, и D.
что боги не перестаютъ заботиться о его дѣлахъ; то же
вотъ и моя судьба устроилась не сама собою, напротивъ,
для меня очевидно, что мнѣ лучше уже умереть и освобо-
диться отъ хлопотъ. Вотъ почему и знаменіе ни разу меня
не удержало, и я самъ не очень то пеняю на тѣхъ, кто
приговорилъ меня къ наказанію и на моихъ обвинителей.
Положимъ что они постановляли приговоръ и обвиняли меня
не по такому соображенію, а думая мнѣ повредить; это E.
въ нихъ заслуживаетъ порицанія. А все-таки я обращаюсь
къ нимъ съ такою маленькою просьбою: если, о мужи, вамъ
будетъ казаться, что мои сыновья, сдѣлавшись взрослыми,
больше заботятся о деньгахъ или еще о чемъ нибудь, чѣмъ
о доблести, отомстите вы имъ за это, преслѣдуя ихъ тѣмъ
же самымъ, чѣмъ и я васъ преслѣдовалъ; и если они бу-
дутъ много о себѣ думать, будучи ничѣмъ, укоряйте ихъ
такъ же, какъ и я васъ укорялъ, за то, что они не забо-
тятся о должномъ и воображаютъ о себѣ не вѣсть что,
между тѣмъ какъ сами ничего не стоятъ. И, дѣлая это, вы
накажете по справедливости не только моихъ сыновей, но 42.
и меня самого.—Но вотъ уже время итти отсюда, мнѣ—
чтобы умереть, вамъ—что-бы жить, а кто изъ насъ идетъ
на лучшее, это ни для кого не ясно, кромѣ Бога.

---

32) Подразумѣвается вождь народовъ—Агамемнонъ,

РАЗСУЖДЕНІЕ ОБЪ АПОЛОГІИ СОКРАТА.

I.

„Мы должны жить для познанія и дѣланія того, что само по себѣ хорошо и потому не зависитъ ни отъ внѣшняго авторитета, ни отъ мотивовъ кажущейся выгоды и мнимаго удовольствія. Истинная же выгода и подлинное удовольствіе или удовлетвореніе получается отъ слѣдованія *самому добру*, познаваемому свободный дѣятельностью ума, причемъ склонность людей къ злу вмѣсто добра объясняется лишь незнаніемъ и умственными ошибками“ — такъ резюмируетъ В. С. Соловьевъ сущность ученія Сократа, усвоенную Платономъ. *Познаніе блага* есть высшая цѣль человѣческой дѣятельности, и та человѣческая жизнь, которая къ ней не направлена, есть недостойная, рабская, дурная. Пробудить въ человѣкѣ сознаніе этой высшей цѣли, этого высшаго призванія къ самоцѣнному добру, вызвать въ немъ ту свободную дѣятельность ума, посредствомъ которой оно познается,—такова была жизненная задача Сократа.

„Самое добро“ ни отъ чего внѣшняго не зависитъ, а потому ему нельзя учить внѣшнимъ образомъ, какъ за это берутся софисты: къ нему можно лишь направить человѣческую дѣятельность — поскольку добро человѣка есть добро его души. А чтобы заставить человѣка искать такого добра, надо начать съ того, чтобы вселить въ него духовную жажду, показавъ ему всю ложь и несостоятельность его мнимыхъ правилъ и убѣжденій и тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремится. Если склонность къ злу объясняется незнаніемъ добра, то необходимо прежде всего обличить это незнаніе или мнимое знаніе, ибо человѣкъ тогда начнетъ стремиться къ истинѣ, когда пойметъ, что онъ во лжи.

Этимъ опредѣлялась проповѣдь Сократа, его многолѣтнее служеніе, столь великое по своему значенію въ духовной исто-

ріи человѣчества. Воспитательное дѣйствіе Сократа и притягательная сила его личности проявляется въ самомъ разнообразіи умовъ, которые оплодотворились въ его общеніи: Антисѳенъ, Аристиппъ, Ксенофонтъ, Платонъ, Алкивіадъ, Критій, чтобы не называть другихъ преданныхъ ему восторженныхъ почитателей,—вотъ имена, за которыми скрываются величайшія умственныя и нравственныя противоположности и которыя свидѣтельствуютъ о единственной въ своемъ родѣ духовной мощи Сократа. Тайна его обаянія заключалась въ глубинѣ и яркости его духовной жизни, въ замѣчательной гармоніи, единствѣ умственнаго и нравственнаго въ немъ. Это былъ *философъ* по существу, живое воплощеніе философіи, какъ особеннаго настроенія ума и воли, особенной искренней и чистой любви къ мудрости. Эта то философія сообщалась, передавалась другимъ, заражала другихъ. Она была не подкупна и никогда не обманывалась на счетъ человѣческихъ мнѣній, каковы бы и чьи бы они ни были, и никогда не принимала ихъ за свой конечный предметъ, за идеалъ. Вѣра въ этотъ идеалъ истины и добра была живою, а потому и мораль Сократа не была отвлеченною моралью; его нравственныя требованія, при всей своей высотѣ и строгости, никогда не являлись формѣ внѣшнихъ заповѣдей; они жили въ глубинѣ его духа, гдѣ за голосомъ его разума ему слышался другой вѣщій голосъ, охранявшій его отъ зла. Онъ училъ, что у человѣка нѣтъ сокровища дороже его собственной души и требовалъ, чтобы человѣкъ, прежде чѣмъ заботиться о чемъ либо внѣшнемъ, хотя бы о самой жизни своей, заботился о своей душѣ, о ея благѣ и правдѣ. И эта нравственная истина, это убѣжденіе въ безотносительной цѣнности человѣческой личности, столь краснорѣчиво выраженное въ Апологіи (29 D сл.), привлекало и увлекало не потому только, что оно впервые высказывалось въ такой глубинѣ и ясности сознанія, а потому что Сократъ умѣлъ неотразимо внушать его своимъ друзьямъ. Съ прозорливостью влюбленнаго видѣлъ онъ внутреннюю идеальную красоту и цѣнность каждой человѣческой личности, съ которой онъ вступалъ въ нравственное общеніе, и въ то же время умѣлъ дать почувствовать каждому несоотвѣтствіе его образа жизни и душевнаго строя этой высшей природѣ, этой идеальной цѣнности, заключающейся въ человѣкѣ. Въ „Федрѣ“ и „Пиршествѣ“ Платонъ съ геніальной художественной силой показываетъ намъ тайну могущества Сократа въ изумительномъ сочетаніи величайшей ироніи съ глубокимъ нравственнымъ идеализмомъ, трезвой разсудочности съ мистической

внутренней жизнью. Отсюда восторженное отношеніе учениковъ къ Сократу и тѣ могущественныя нравственныя связи, которыя ихъ соединяли съ нимъ.

Повидимому однако не всѣ ученики, — или, какъ онъ называлъ ихъ, „товарищи", „друзья" — были одинаково близки къ нему. Многихъ привлекала одна внѣшняя и отрицательная сторона его философіи — его діалектическое искусство — тотъ словесный *ἀγών*, то постоянное умственное состязаніе, въ которомъ Сократъ, какъ бы играя, постоянно и со всѣми пробовалъ свои силы. Онъ самъ говоритъ, что досужая молодежь ходитъ за нимъ и рада послушать, какъ онъ это дѣлаетъ, чтобы затѣмъ подражать ему (23 C); и онъ отлично знаетъ, что всюду, куда онъ ни пойдетъ, будетъ то же самое (37 D). Не удивительно поэтому, что иные приходили къ нему просто для того, чтобы послушать „софиста Сократа" и поучиться у него „словесному искусству".

Дѣятельность Сократа привлекла ему фанатическихъ поклонниковъ, но она же, естественно, возбудила противъ него много враговъ. Еще за четверть вѣка до осужденія Сократа Аристофанъ выступилъ противъ него „въ мудрѣйшей изъ своихъ комедій", какъ онъ называетъ „Облака". Апологія Сократа свидѣтельствуетъ о томъ, какъ долго сохранилось впечатлѣніе этой комедіи, гдѣ философъ былъ изображенъ учителемъ нечестія и развратителемъ молодежи. Аристофанъ оказывается болѣе строгимъ, чѣмъ самые судьи Сократа: онъ зажигаетъ домъ Сократа и устами Стрепсіада призываетъ согражданъ къ крайнимъ мѣрамъ, чтобы положить конецъ величайшему и гибельному соблазну. И если въ 399 г. противъ Сократа были выставлены тѣ же обвиненія, что у Аристофана, если въ „Апологіи" онъ прежде всего считаетъ нужнымъ опровергать клевету комедіи, то приходится удивляться лишь тому, что катастрофа не наступила раньше.

Она произошла при реставраціи аѳинской демократіи и дѣло было возбуждено патріотами и ревнителями благочестія. Главный обвинитель Мелитъ, тщеславный озлобленный неудачникъ, былъ ничтожнымъ выскочкой и Сократъ, повидимому, имѣлъ основаніе думать, что безъ помощи Ликона и Анита, Мелитъ былъ бы неизбѣжно оштрафованъ, не собравъ и пятой части голосовъ. Но за нимъ стоялъ Анитъ, вождь народно-демократической партіи, человѣкъ вліятельный, уважаемый и богатый, главный сподвижникъ Ѳразибула, горячій патріотъ, который въ своей враждѣ противъ Сократа руководился очевидно тѣми

же консервативными побужденіями, что Аристофанъ. Какъ человѣкъ, положившій душу на реставрацію аѳинской демократіи, онъ былъ ревнителемъ ея старины, ея преданій и вѣрованій. Для него не было ничего выше Аѳинъ и боговъ аѳинскихъ, аѳинской славы и могущества. Онъ вѣрилъ въ отечественныхъ боговъ, въ цензуру и полицію и, подобно многимъ охранителямъ, думалъ, что возможно управлять движеніемъ умовъ путемъ поощрительныхъ и карательныхъ мѣръ. Ранѣе чѣмъ выступить обвинителемъ Сократа, онъ наградилъ Геродота: онъ былъ восторженнымъ почитателемъ великаго историка и въ началѣ своей общественной дѣятельности убѣдилъ согражданъ подарить ему 10 талантовъ за то, что въ своей исторіи онъ превознесъ Аѳины надъ всѣми городами грековъ и воздвигъ имъ великій памятникъ. Понятно, что такой человѣкъ не благоволилъ къ софистамъ, учителямъ вольномыслія, подкапывающимъ отеческія преданія, законы и вѣрованія, изъ школы которыхъ выходятъ такіе люди какъ Критій или Хариклъ *). Въ вопросахъ воспитанія Анитъ былъ строгимъ консерваторомъ и считалъ, что лучшее воспитаніе есть то, которое дѣти получаютъ отъ отцевъ, учась у нихъ вести домашнія и общественныя дѣла и назидаясь отъ нихъ въ любви къ отечеству и всякой иной добродѣтели. Въ глазахъ его, какъ и въ глазахъ многихъ, Сократъ былъ худшимъ изъ софистовъ уже по одному тому, что онъ былъ самымъ извѣстнымъ и популярнымъ изо всѣхъ; къ тому же онъ хотѣлъ сбить съ толка собственнаго сына Анита, находя его слишкомъ способнымъ, чтобы обучаться кожевенному дѣлу, — ремеслу Анита.

Въ основаніи обвиненія противъ Сократа лежало недоразумѣніе и непониманіе, на которое указываетъ Апологія: въ дѣйствительности Сократъ не былъ ни софистомъ, ни тѣмъ болѣе метеорософистомъ, натурфилософомъ школы Діогена Аполлонійскаго, какимъ изображаетъ его Аристофанъ. И тѣмъ не менѣе, тутъ было нѣчто большее, чѣмъ простое недоразумѣніе. Осужденіе Сократа нельзя объяснять случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ или извинять его судебной ошибкой. Великій и неумирающій интересъ этой драмы, ея общечеловѣческое значеніе обусловливается тѣмъ, что здѣсь произошла дѣйствительная коллизія добра и зла, свѣта и тьмы. Сократъ палъ жертвою ложнаго націонализма, ложнаго патріотизма и ложнаго право-

*) Ср. это обвиненіе у Исократа XI § 5. См. Ivo Bruns, d. literarische Porträt d. Griechen 1896, стр. 193—195.

вѣрія. Пусть онъ не былъ софистомъ, а философомъ, — развѣ это не то же самое, развѣ это не хуже для такихъ патріотовъ какъ Анитъ, если бы только они могли уловить различие между философией и софистикой? Вмѣсто суевѣрій древняго благочестія—идеалъ высшаго универсальнаго разума и универсальной, самодовлѣющей правды, (Ср. Евтифрона) вмѣсто національнаго патріотическаго самомнѣнія—самоизслѣдованіе, самоиспытаніе, вмѣсто заботы о приращеніи могущества и богатства Аѳинскаго государства — забота о самомъ существѣ государства, о его нравственномъ строѣ, *о воспитаніи гражданъ въ любви къ мудрости*. Пусть Сократъ не метеорософистъ, не астрономъ, какъ Анаксагоръ; пусть онъ „свелъ философію съ неба на землю" и ограничилъ ее нравственною областью, дѣлами человѣческими. Тѣмъ хуже, — онъ коснулся заповѣдной области, въ которой всего менѣе слѣдовало бы допускать умствованіе, онъ человѣческія дѣла переноситъ съ земли на небо, и въ то время какъ демократическое правительство не признаетъ никакихъ законовъ кромѣ писанныхъ и уничтожаетъ неписанный законъ обычнаго права *), онъ грезитъ о какомъ то вѣчномъ и высшемъ законѣ правды, который выше самихъ боговъ. И при томъ еще онъ ссылается на свое божественное посланничество. Софистъ или философъ, онъ виновенъ въ нечестіи — онъ вводитъ новыя божества и онъ развращаетъ молодежь, эмансипируя ее отъ традиціонныхъ убѣжденій и мнѣній, требуя отъ нея свободнаго изслѣдованія всего принятаго на вѣру, возбуждая въ ней духъ критики и наконецъ, вселяя въ нее иные нравственные идеалы, которые онъ признаетъ высшими вѣковѣчныхъ отечественныхъ идеаловъ. И пусть онъ никогда не выходилъ изъ роднаго города и вѣрно ему служилъ: его идеалъ внѣ Аѳинъ, выше Аѳинъ.

Защитительная рѣчь Сократа разсѣяла недоразумѣнія въ нѣкоторыхъ, но въ результатѣ она увеличила число голосовъ обвиненія. Голосъ Анита, голосъ фарисейскаго націонализма и православія пересилилъ голосъ свидѣтеля истины. Тутъ было недоразумѣніе и непониманіе, но и нѣчто большее чѣмъ недоразумѣніе и непониманіе; тутъ была и вражда, ожесточеніе противъ высшей правды, о которой свидѣтельствовалъ Сократъ, или, какъ выражается В. С. Соловьевъ, — „глубина зла, какую нельзя было объяснить однимъ незнаніемъ и непониманіемъ **).

*) Ср. Eduard Meyer Gesch. d. Alterthums, V (1902) § 848.

**) Какъ долго держалось въ нѣкоторыхъ кругахъ озлобленіе противъ Сократа, видно изъ того, что болѣе чѣмъ черезъ полвѣка послѣ его смерти Эсхинъ, желая уязвить своего противника Демосѳена, сравниваетъ его съ „софистомъ Сократомъ" (противъ Тимарха, § 173).

II.

Что такое Апологія Сократа и какое значеніе имѣетъ она въ качествѣ историческаго свидѣтельства о жизни и дѣятельности Сократа, о его процессѣ, о его защитѣ передъ судьями? Вотъ вопросъ, который до сихъ поръ обсуждается критиками съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Апологія не есть стенографическій протоколъ судебнаго засѣданія, и она не есть точная запись защитительной рѣчи Сократа. Это не фотографія, а художественный портретъ, изображеніе, въ которомъ дѣйствительныя воспоминанія о томъ, что было сказано учителемъ, соединяются съ тѣмъ, что его незабвенный образъ продолжаетъ говорить Платону въ отвѣтъ на обвиненія, выставленныя противниками, старыми и новыми, начиная съ Аристофана, который вывелъ Сократа въ своихъ Облакахъ, когда Платону было всего четыре года (424 г.), и кончая тѣми софистами, которые, какъ Поликратъ, писали противъ него обвинительныя рѣчи черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти.

Отказываясь обдумывать свою Апологію, Сократъ, по словамъ Ксенофонта, отвѣчалъ, что онъ наилучшимъ образомъ позаботился о ней всею своей праведной жизнью. Произведеніе Платона есть творческое изображеніе именно такой идеальной апологіи, которая является плодомъ, вѣнцомъ всей жизни Сократа.

Отсюда ея неотразимое впечатлѣніе: кажется, что Сократъ не могъ говорить иначе, что онъ долженъ былъ говорить именно такъ, какъ онъ говоритъ у Платона. Отсюда объясняется то, что въ Апологіи видѣли чуть ли не подлинный текстъ Сократовой рѣчи—иллюзія, которая показываетъ всю силу художника, увѣковѣчившаго просвѣтленный образъ Сократа. Въ нашъ вѣкъ филологической критики эти иллюзія была поколеблена, причемъ, какъ это обыкновенно бываетъ, иные изслѣдователи ударились въ крайность: убѣдившись, что геніальное изображеніе Платона не воспроизводитъ дѣйствительность съ фотографической точностью, они стали отрицать самое сходство и признали Апологію Платона за „чистую фикцію", лишенную историческаго характера. На самомъ дѣлѣ слѣдовало ограничиться правильнымъ наблюденіемъ того, что Апологія не есть простой судебный отчетъ. Укажемъ нѣкоторыя основанія въ пользу такого взгляда. Первое обвиненіе противъ Сократа состояло въ томъ, что онъ вводитъ *религіозныя новшества* (таковъ

дѣйствительный смыслъ словъ *καινὰ δαιμόνια*—) *) и что онъ не чтитъ боговъ, признанныхъ государствомъ. Въ Апологіи, приписываемой Ксенофонту, Сократъ начинаетъ съ отвѣта на это обвиненіе, указывая на то, что онъ всегда публично исполнялъ свои религіозныя обязанности, участвуя въ установленномъ культѣ, и что онъ не признавалъ никакихъ новыхъ боговъ помимо Зевса, Геры и тѣхъ, которые чтимы вмѣстѣ съ ними. У Платона онъ не говоритъ объ этомъ ни слова, а защищается противъ обвиненія въ безбожіи, которое было выставлено противъ него не на судѣ, а въ театрѣ и литературѣ. Что Сократъ въ своей рѣчи могъ имѣть въ виду и такія обвиненія своихъ многочисленныхъ враговъ, — это вполнѣ возможно и въ томъ случаѣ, если онъ не обдумывалъ заранѣе своей рѣчи; но чтобы онъ имѣлъ въ виду однихъ литературныхъ противниковъ, не отвѣчая на самое обвиненіе—это мало вѣроятно и помимо свидѣтельства Ксенофонта. Есть и другія формальныя основанія, заставляющія насъ видѣть въ произведеніи Платона нѣчто иное, чѣмъ простой судебный отчетъ: во-первыхъ бесѣда съ Мелитомъ, этотъ маленькій „сократическій діалогъ", чисто литературнаго характера, который едва ли могъ имѣть мѣсто въ дѣйствительности и въ которомъ вдобавокъ Сократъ выступаетъ съ чисто софистической аргументаціей, а Мелитъ обращается въ послушнаго собесѣдника, безпомощно дающаго ему реплику. Во вторыхъ пространное заключительное слово Сократа, съ философскими разсужденіями о жизни и смерти: это слово, влагаемое въ уста Сократа по постановленіи смертнаго приговора, также едва ли могло быть сказано и услышано, такъ какъ судоговоренье кончилось и притомъ среди настроенія, крайне враждебнаго Сократу. Въ третьихъ, обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе свидѣтельскихъ показаній, которыя всегда приводятся въ дошедшихъ до насъ судебныхъ рѣчахъ аттическихъ ораторовъ и которыя несомнѣнно должны были приводиться и здѣсь: Ксенофонтъ о нихъ упоминаетъ, и самъ Платонъ ихъ предполагаетъ **).

Такимъ образомъ мы стали бы напрасно искать въ Апологіи Платона дословной передачи Сократовой рѣчи. Но даетъ ли это намъ право признавать ее „чистой фикціей"? Прежде чѣмъ это сдѣлать, мы должны во всякомъ случаѣ отвѣтить на вопросъ,

*) *δαιμόνιον* въ смыслѣ демонъ только въ Н. Зав.

**) Xen. Apol. 22 *συναγορεύοντες φίλοι* ср. Платона 21 сл. ссылка на брата Херефонта и перечисленіе возможныхъ свидѣтелей 33 D и слѣд. Возможно, что такимъ перечисленіемъ Платонъ замѣняетъ самыя показанія.

что собственно могло заставить Платона уклоняться отъ истины, или сочинять другую рѣчь, отличную отъ той, какую Сократъ дѣйствительно произнесъ въ его присутствіи передъ аѳинскими судьями? Въ другихъ діалогахъ онъ влагаетъ въ уста Сократа свое собственное ученіе. Но здѣсь мы этого не видимъ, хотя въ отдѣльныхъ мѣстахъ апологіи и можно найти указаніе на подлинное ученіе историческаго Сократа, точнѣе на основные жизненные принципы этого ученія. Совершенный отказъ отъ натурфилософіи; требованіе самопознанія и самоиспытанія, самоуглубленія; философскій скепсисъ, обличающій несовершенство всякаго человѣческаго знанія и вмѣстѣ отправляющійся отъ идеала совершеннаго, божественнаго разума; вѣра въ такой разумъ и связанный съ этой вѣрой глубокій нравственный идеализмъ; признаніе промысла и признаніе безотносительной нравственной цѣнности человѣческой личности,—*души* человѣческой; наконецъ самый интеллектуализмъ Сократа, его ученіе о томъ, что доброе есть вмѣстѣ хорошее и полезное—всѣ эти черты нашли въ Апологіи яркое, отчетливое выраженіе. И вмѣстѣ мы не находимъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на спеціально Платоновскія мысли или ученія. Въ отличіе отъ другихъ сократическихъ діалоговъ, мы не находимъ здѣсь никакого отвлеченнаго разсужденія, никакого отвлеченнаго вопроса вообще.

Весь интересъ сосредоточивается вокругъ личности Сократа, которая изображается во весь ростъ въ сознаніи своего религіознаго служенія, въ своемъ отношеніи къ богамъ и къ людямъ, къ государству, къ общественной дѣятельности, къ философіи и софистикѣ, къ друзьямъ, къ молодежи, къ ближнимъ вообще. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ Апологіи можно искать отголоски *настроенія* Платона, напр. въ разсужденіи о ничтожествѣ благъ человѣческой жизни: но это только набѣжавшая тѣнь, которая еще ярче заставляетъ выступать духовную ясность, безмятежно свѣтлое настроеніе самого Сократа; то же слѣдуетъ сказать о томъ сдержанномъ паѳосѣ, о томъ торжественно-религіозномъ настроеніи, которое сквозитъ въ рѣчи Сократа. Быть можетъ и тутъ Платонъ усилилъ краски, какъ художникъ, который достигаетъ высшей идеальной правды не тамъ, гдѣ онъ гонится за внѣшнимъ сходствомъ, а тамъ, гдѣ онъ, слѣдуя своему вдохновенію, освѣщаетъ и выдвигаетъ то, что составляетъ самую жизненную суть воспроизводимаго имъ образа. И въ сдержанномъ паѳосѣ Апологіи, въ томъ сознаніи высшаго достоинства и высшаго призванія, въ которомъ говоритъ Сократъ, какая

спокойная, величавая простота, какое полное отсутствіе того кичливаго самовосхваленія, которое мы находимъ въ Апологіи Ксенофонта!

Такимъ образомъ, если Апологія Платона представляетъ собою отступленія отъ дѣйствительности, то это во всякомъ случаѣ не въ какомъ либо догматическомъ или теоретическомъ интересѣ. Остается предположить, что они вызваны литературными, художественными требованіями или апологетическою цѣлью. Но художественно-литературныя требованія заключаются въ наибольшей яркости и правдивости изображенія—цѣль, которая всего менѣе достигалась бы изображеніемъ чисто-фиктивнымъ, представляющимъ простое искаженіе дѣйствительности. Такое искаженіе было бы безцѣльнымъ и не допустимымъ и съ точки зрѣнія апологетической, а слѣдовательно мы не видимъ основанія его допускать. Апологія Платона, дающая намъ законченную характеристику Сократа въ рамкахъ его судебной рѣчи, представляетъ собою не искаженіе дѣйствительности, но и не вполнѣ реальное ея воспроизведеніе, а идеальное художественное изображеніе. Это „стилизированныя истина“, stilisirte Wahrheit, какъ выражается Гомперцъ; и, конечно, никакой анализъ не поможетъ намъ различить, что̀ въ Апологіи было дѣйствительно сказано самимъ Сократомъ, и что̀ было только внушено имъ его геніальному ученику. Платонъ воспроизводитъ эту рѣчь, опуская то, что представляется ему менѣе существеннымъ, выдвигая, обобщая типическое. Онъ обобщаетъ какъ художникъ, онъ обобщаетъ и какъ апологетъ, ибо та апологія, которую онъ даетъ, заключаетъ въ себѣ отвѣтъ не однимъ случайнымъ обвинителямъ, каковы были Анитъ, Мелитъ и Ликонъ, а всему аѳинскому обществу, которое стоитъ за ними, отвѣтъ на всѣ обвиненія, недоразумѣнія, клеветы, какимъ подвергался учитель въ теченіи болѣе четверти вѣка. Точнѣе, въ Апологіи Платона отвѣтъ Сократа его случайнымъ обвинителямъ получаетъ общее значеніе. Это правда о Сократѣ, правда, которою проникнутъ Платонъ и которую онъ хочетъ высказать не иначе, какъ устами самого Сократа. „И теперь я не раскаиваюсь въ томъ, что я защищался такимъ образомъ и скорѣе предпочитаю умереть послѣ такой защиты, нежели остаться живымъ, защищавшись иначе“ (38 Е.). Эти слова, которыя Платонъ заставляетъ сказать Сократа, равносильны клятвенному подтвержденію вѣрной передачи „Апологіи Сократа“, — засвидѣтельствованію того, что въ ней нѣтъ лжи или прямого искаженія дѣйствительности.

III.

„Сократическая борьба“, борьба за Сократа и противъ Сократа не кончилась съ его смертью, а продолжалась съ новою силой. „Апологія“ Платона была далеко не единственной въ своемъ родѣ. Несмотря на все непониманіе, которому онъ подвергался, Сократъ пользовался не только самымъ восторженнымъ поклоненіемъ своихъ друзей, но и самою громкою извѣстностью и популярностью: это доказываетъ аттическая комедія, которая дѣлаетъ его однимъ изъ излюбленныхъ своихъ героевъ—кромѣ Аристофана, Телеклидъ, Евполисъ, Амейпсій, Каллій выводятъ его на сцену; это доказываетъ свидѣтельство дельфійскаго оракула въ отвѣтъ на вопросъ Херефонта *), это доказываетъ наконецъ и самый процессъ Сократа. Еще при жизни Сократа среди его друзей и сторонниковъ, въ противовѣсъ комикамъ, выводившимъ его на сцену, развивается новая литературная форма,—такъ называемый *сократическій діалогъ*, въ которомъ Сократъ выводится въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица философскаго разговора. Что Платонъ писалъ такіе діалоги еще при жизни учителя, это признается многими, и это всего убѣдительнѣе показываетъ В. С. Соловьевъ въ блестящемъ разсужденіи въ концѣ I тома. По всей вѣроятности такіе *λόγοι σωκρατικοί* писалъ не одинъ Платонъ. Когда Сократъ умеръ, во всякомъ случаѣ къ нему присоединились многіе, и апологія Сократа повидимому послужила темой для *многихъ* произведеній этой сократической литературы: по крайней мѣрѣ Ксенофонтъ говоритъ намъ, что *многіе* уже до него писали на эту тему. Быть можетъ онъ имѣлъ въ виду апологію Платона, хотя это и спорно, какъ мы увидимъ далѣе; быть можетъ—рѣчь Лисія, написанную въ отвѣтъ на обвинительную рѣчь противъ Сократа,—риторическое упражненіе, составленное софистомъ Поликратомъ около 393 г. **). Кто были остальные изъ „мно-

*) Текстъ оракула приводится различно, причемъ простѣйшую редакцію даетъ Платонъ. На вопросъ Херефонта, есть ли кто нибудь мудрѣе Сократа „пиѳія отвѣчала, что никого мудрѣе нѣтъ“. У Діогена Лаэрція—„всѣхъ мужей Сократъ мудрѣйшій“; (II, 5, 18); у схоліаста—„мудръ Софоклъ, мудрѣе Еврипидъ, всѣхъ мужей Сократъ мудрѣйшій“; у Ксенофонта—очевидная амплификація—“Аполлонъ отвѣчалъ, что нѣтъ никого ни благороднѣе, ни праведнѣе, ни мудрѣе“.

**) Содержаніе рѣчи Поликрата сохранилось у Ксенофонта Memor. I, 2, 9—61; онъ влагаетъ ее въ уста Анита и обвиняетъ его въ томъ, что онъ приводитъ своихъ учениковъ къ осужденію существующаго порядка (напр. избранія посредствомъ жребія); онъ учитъ ихъ праздности, онъ пользуется

гихъ“, намъ неизвѣстно, и мы лишены возможности сравнить ихъ произведенія съ Апологіей Платона, что разумѣется помогло бы намъ глубже понять и оцѣнить ея особенности, ея мѣсто среди другихъ памятниковъ „сократической“ литературы. Единственное уцѣлѣвшее произведеніе, которое мы можемъ съ нею сопоставить—есть небольшее, наивное сочиненіе Ксенофонта, переводъ котораго мы предлагаемъ читателю (см. приложеніе). Судьба его была довольно плачевна, поскольку оцѣнка его почти всегда бывала обратно пропорціональной оцѣнкѣ геніальнаго произведенія Платона, съ которымъ оно, очевидно, не выдерживаетъ сравненія ни въ какомъ отношеніи. Въ наши дни однако, когда „сверхъ-критика“ поколебала авторитетъ показаній Платона, оцѣнка маленькой апологіи Ксенофонта значительно повысилась: нашлись даже цѣнители, которые, отвергнувъ историческую цѣнность большой Апологіи, признали маленькую за подлинное историческое свидѣтельство о рѣчи Сократа, чѣмъ показали мѣру своего критическаго чутья *).

Другіе, наоборотъ, и при томъ столь авторитетные судьи, какъ Целлеръ или Виламовицъ Меллендорфъ **), считаютъ Ксенофонтову „апологію“ безусловно неподлинной и не имѣющей никакой цѣны. Повидимому однако и то и другое мнѣніе—крайности: апологія Ксенофонта несомнѣнно уступаетъ апологіи Платона во всѣхъ отношеніяхъ, и тѣмъ не менѣе она является и подлинной и цѣнной, поскольку она сохраняетъ отдѣльныя историческія черты, опущенныя этой послѣдней и даетъ намъ важныя указанія для ея оцѣнки и пониманія.

Подлинность Ксенофонтовой Апологіи доказывается прежде всего тщательнымъ анализомъ ея языка: это несомнѣнный подлинный языкъ Ксенофонта, съ его излюбленными выраженіями, его особенными отступленіями отъ чисто-аттической рѣчи, которыя еще въ древности объяснялись странствованіями и лагерной жизнью автора ***). Подлинность этой апологіи доказы-

---

толкованіемъ поэтовъ, чтобы распространять революціонныя, анти-національныя воззрѣнія,—не даромъ изъ среды его учениковъ вышли такіе люди какъ Алкивіадъ и Критій. Что касается до рѣчи Лисія, то, какъ предполагаютъ иные, напр Герке, ею въ значительной мѣрѣ воспользовался Либаній въ своей Апологіи (IV в. по Р. Х.).

*) Ср. Wetzel, Die Apologie d. Xenophon въ Neue Iahrbucher f. d. Klass. Altertum 1900, 389.

**) Zeller, Philos. d. 9 г. II, 195; v. Wilamowitz Moellendorff., Hermes XXXII 1897, стр. 99 сл.

***) Ср. O. Immisch въ Neue Jahrbücher f. d. Kl. Altertum 1900 s. 415: wäre die Apologie ohne Verfassernamen da, man könnte auf Grund der sprachlichen

вается и тѣмъ неподражаемымъ простодушіемъ, тѣмъ особеннымъ специфическимъ пониманіемъ, или, лучше сказать, непониманіемъ Сократа, который отличаетъ автора „Воспоминаній“: тѣ частныя различія или противорѣчія, какія отмѣчались между Ксенофонтовой Апологіей и Воспоминаніями *), отходятъ на задній планъ и объясняются простымъ различіемъ источниковъ и литературныхъ вліяній, когда мы видимъ, какимъ образомъ авторъ этой Апологіи настаиваетъ на строгости благочестія Сократа и самую смерть его объясняетъ утилитарными соображеніями.

При написаніи своей апологіи Ксенофонтъ руководился какъ свидѣтельствомъ Гермогена, такъ и показаніями другихъ предшественниковъ **). Произведенія этихъ послѣднихъ, судя по Ксенофонту, не были свободны отъ той литературной ошибки, въ какую впадаетъ онъ самъ, влагая похвальное слово Сократу въ уста самого Сократа. По этому поводу даже Ксенофонтъ выражаетъ нѣкоторое недоумѣніе: во всѣхъ апологіяхъ Сократъ самъ себя хвалитъ, и если всѣ такъ пишутъ, значитъ так оно и было; но только зачѣмъ же онъ такъ неразумно себя хвалилъ? Вѣдь этимъ онъ, очевидно, могъ лишь возстановить противъ себя своихъ судей.

Поведеніе Сократа представлялось загадочнымъ для многихъ изъ его друзей: онъ какъ бы самъ вызывалъ свой смертный приговоръ; противники его не ожидали даже, что онъ явится на судъ: они полагали, вѣроятно, что онъ покинетъ Аѳины, подобно Анаксагору или Протагору, какъ это можно заключить изъ словъ Анита (Plat. Apol. 29 C.). Какъ же объяснить его вызывающее поведеніе на судѣ, въ особенности послѣ того, какъ онъ былъ признанъ виновнымъ и когда ему предоставлено было высказаться по поводу назначенія ему наказанія? Судя

Kennzeichen kaum anders als sie eben dem Schriftsteller zuweisen dessen Namen sie jetst in der Ueberlieferung trägt. Und die Kennzeichen sind so zufälliger, so unaufdringlicher Art, dass eine bewusste Nachahmung... so gut wie ganz ausgeschlossen ist.

*) Главнѣйшія изъ этихъ различій между Апологіей и Меморабиліями сводятся къ слѣдующему: въ первой Сократъ не защищается отъ обвиненій въ атеизмѣ и метеорософистикѣ и признаетъ что воспитаніе (παιδεία) есть его призваніе (20); въ Меморабиліяхъ Ксенофонтъ считаетъ нужнымъ оправдывать его отъ обвиненія въ метеорософистикѣ и безбожіи, яко-бы выставленномъ противъ него (1, 2, 64.... ὡς ἐν τῇ γραφῇ ἐγέγραπτο), вѣроятно подъ вліяніемъ памфлета Поликрата, а можетъ быть и Апологіи Платона. Далѣе въ Меморабиліяхъ же онъ настаиваетъ, подобно Платону, что Сократъ не признавалъ за собою учительства.

**) Помимо возможнаго литературнаго вліянія, на которое указываетъ сличеніе съ Платоновой апологіей (см. ниже), укажемъ на Apol. 28 и 29, гдѣ λέγεται можетъ быть указываетъ на источникъ отличный отъ Гермодора.

по словамъ Ксенофонта, будто никто изъ его предшественниковъ этого не объясняетъ, можно было бы подумать, что Апологія Платона ему неизвѣстна. Какъ бы то ни было, сомнѣнія его разрѣшилъ Гермогенъ, отъ котораго онъ узналъ, что Сократъ заранѣе почелъ за лучшее умереть въ полномъ обладаніи своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, дабы избѣжать немощей и недуговъ старости: „велерѣчіе" Сократа, возбудившее противъ него судей, соотвѣтствовало его намѣренью. И вотъ, воспользовавшись этимъ соображеніемъ, Ксенофонтъ заставляетъ Сократа говорить себѣ самому похвальное слово, „сильно восхищаясь собою", (*ἰσχυρῶς ἀγάμενος ἐμαυτόν*) и не брезгуя плохою реторикой (напр. 18... *τὸ δὲ τοὺς ἄλλους μὲν τὰς εὐπαθείας ἐκ τῆς ἀγορᾶς πολυτελεῖς πορίζεσθαι, ἐμὲ δὲ ἐκ τῆς ψυχῆς ἄνευ δαπάνης ἡδίους ἐκείνων μηχανᾶσθαι*). Какимъ образомъ нашлись критики, признавшіе эту апологію достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о дѣйствительной рѣчи Сократа,—понять трудно, тѣмъ болѣе, что самъ Ксенофонтъ не оставляетъ читателя въ сомнѣніи и со свойственной ему наивностью ставитъ точку надъ і. Передавши по своему рѣчь Сократа, онъ торопится замѣтить: „очевидно и самимъ Сократомъ и друзьями, говорившими въ его защиту, было сказано больше этого; *но я не старался разсказать все, что было на судѣ, и мнѣ было достаточно показать, что Сократъ болѣе всего дорожилъ тѣмъ, чтобы не быть нечестивымъ по отношенію къ богамъ и не явиться несправедливымъ къ людямъ*, а чтобы ему не умирать, объ этомъ онъ не считалъ нужнымъ упрашивать, полагая, что ему самое время умереть" *). Такимъ образомъ Ксенофонтъ указываетъ цѣль своего произведенія—поговорить о благочестіи, праведности и мудрости Сократа: „не могу не вспомнить объ этомъ мужѣ, а воспоминая не могу не хвалить". При этомъ благочестивый и суевѣрный Ксенофонтъ старается особенно подчеркнуть совершенное православіе Сократа: онъ можетъ умереть спокойно и сохранить о себѣ столь же высокое мнѣніе какъ и до осужденія, потому что оказалось, что никакихъ новыхъ боговъ, кромѣ Зевса, Геры и сущихъ съ ними, онъ не почиталъ. За свое благочестіе онъ и удостоился отъ боговъ особаго пророческаго дара и свидѣтельства дельфійскаго бога.

Апологія Ксенофонта имѣетъ многихъ литературныхъ предшественниковъ и передаетъ свѣдѣнія полученныя изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ самъ Ксенофонтъ, въ отличіе отъ Платона, на

*) Ср. Апологію Платона 32 D.

судоговореніи не присутствовалъ. Его апологія написана сравнительно поздно—въ ней говорится, что Анитъ и послѣ смерти пользуется худою славой, а между тѣмъ еще въ началѣ 387 г. Анитъ занималъ правительственную должность *). И тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, на свой риторическій характеръ, эта апологія, какъ сказано, сохраняетъ нѣкоторыя историческія черты, опущенныя Платономъ. Мы отмѣтили уже, что онъ упоминаетъ о свидѣтеляхъ защиты (*συναγορεύοντες φίλοι*), что онъ указываетъ отвѣтъ Сократа на обвиненіе въ религіозныхъ новшествахъ: *Платонъ опускаетъ этотъ отвѣтъ, противополагая обвиненію энергичную контръ-атаку въ Евтифронѣ*; воспроизводить ее въ Апологіи было бы неумѣстнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и представлялось бы погрѣшностью противъ исторической и художественной правды. Съ другой стороны, было бы наивнымъ распространяться о правовѣріи Сократа, какъ это дѣлаетъ Ксенофонтъ. Объ отношеніи сократовой философіи къ древнему благочестію Платонъ предпочиталъ поговорить особо, а здѣсь, въ Апологіи ему подлежало выяснить высшій обще-религіозный характеръ служенія Сократа.

Это становится особенно яснымъ при сличеніи обѣихъ апологій въ ихъ ссылкахъ на дельфійскій оракулъ. У Ксенофонта Сократъ просто ссылается на него какъ на засвидѣтельствованіе свыше въ отвѣтъ на обвиненіе въ нечестіи и развращеніи юношества, и это повидимому—правильное историческое воспоминаніе. Затѣмъ слѣдуетъ риторика: приведя оракулъ, Сократъ приглашаетъ судей убѣдиться въ его истинности и подъ этимъ предлогомъ вдается въ напыщенное прославленіе собственныхъ добродѣтелей. У Платона, понятно, подобнаго безвкусія мы не находимъ, но самая ссылка на оракулъ получаетъ у него совершенно особый смыслъ. Онъ пользуется ею чрезвычайно искусно, чтобы показать религіозное значеніе дѣятельности учителя, и вмѣстѣ онъ какъ бы стремится снять съ него всякій упрекъ въ „неразумномъ велерѣчіи" **) которое Ксенофонтъ, напротивъ того, доводитъ до нелѣпости. У Платона Сократъ толкуетъ оракулъ въ томъ смыслѣ, что богъ призналъ его мудрѣйшимъ изъ людей, дабы показать все ничтожество человѣческой мудрости передъ мудростью божественной, такъ какъ онъ одинъ признаетъ про себя, что онъ ничего не знаетъ:

*) Онъ былъ *σιτοφύλαξ* см. Lys. 22, 8 и Wilamowitz, Aristoteles und Athen, II, 374 сл.; вскорѣ послѣ этого онъ повидимому умеръ.

**) 20 E... *μὴ θορυβήσετε, μηδ'ἐὰν δόξω τι ὑμῖν μέγα λέγειν* и т. д. Ср. 34 Д, 37 А.

„на самомъ дѣлѣ мудрымъ то оказывается богъ, и этимъ изреченіемъ онъ хочетъ показать, что человѣческая мудрость стоитъ немногаго, или вовсе ничего не стоитъ“. Вслѣдствіе этого и обличеніе мнимаго знанія и мнимой мудрости человѣческой представляется служеніемъ богу и проповѣдью мудрости божественной. Но этого мало: Сократъ говоритъ, что оракулъ послужилъ *началомъ* его философской дѣятельности: его обличительный допросъ, обращенный къ ближнимъ и въ особенности къ тѣмъ, кто почитались въ чемъ либо мудрыми и свѣдущими, вызванъ будто бы однимъ стремленіемъ провѣрить и подтвердить истину словъ оракула. Такой пріемъ чрезвычайно искусенъ, показывая и объясняя въ доступномъ для всѣхъ образѣ ту внутреннюю связь, какая существовала въ дѣйствительности между положительнымъ содержаніемъ, идеальною сутью философіи Сократа и отрицательной формой, въ которой она являлась. И тѣмъ не менѣе, это всетаки лишь пріемъ, литературный или риторическій, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что какъ оракулъ, на который ссылается Сократъ, такъ и самый вопросъ Херефонта, его восторженнаго почитателя, уже *предполагаютъ* не только начало философской дѣятельности Сократа, но и его извѣстность. И чѣмъ искуснѣе такой пріемъ, тѣмъ болѣе вѣроятія приписывать его самому Платону *). Повидимому философъ, ссылаясь на оракулъ, указывалъ на него, какъ на высшее свидѣтельство своего религіознаго служенія, какъ на внѣшнее подтвержденіе своего внутренняго оракула; онъ говорилъ передъ судьями о своей миссіи, своемъ посланничествѣ, какъ это показываетъ Платонъ (29—31) и это то и показалось судьямъ тою „хулою“, за которую онъ былъ признанъ повиннымъ смерти.

И такимъ образомъ изъ этого сопоставленія обѣихъ апологій оказывается, что Платонъ ближе къ истинѣ, даже тамъ, гдѣ онъ повидимому отъ нея отклоняется. Пусть у Ксенофонта случайно сохранился первоначальный, болѣе простой смыслъ ссылки на дельфійскаго бога; онъ искажаетъ его тѣмъ, что онъ

*) Съ точки зрѣнія судебнаго краснорѣчія чрезвычайно удачна самая форма ссылки на Херефонта—„приверженца моего да и большинства изъ васъ, который раздѣлялъ съ вами изгнаніе и возвратился вмѣстѣ съ вами“ (очевидно по сверженіи 30 тиранновъ): Сократъ обращается къ представителямъ господствующей партіи, вожакомъ которой былъ Анитъ и которая косо смотрѣла на Сократа за его сношенія съ нѣкоторыми изъ олигарховъ. Это нужно имѣть въ виду и при разсказѣ Сократа о его одинаковой стойкости передъ демократическимъ и олигархическимъ деспотизмомъ (32).

влагаетъ въ уста Сократа сейчасъ же вслѣдъ за нею. Пусть Платонъ, напротивъ того, даетъ нѣсколько искусственное толкованіе оракула,—онъ тѣмъ глубже и вѣрнѣе раскрываетъ религіозный смыслъ сократовой мудрости. Ксенофонтъ стремится показать, что Сократъ всего болѣе стремился быть благочестивымъ и не дѣлать несправедливости, а смерть вмѣнялъ ни во что (22); у Платона самъ Сократъ показываетъ это на дѣлѣ (32 D). Ксенофонтъ стремится оправдать „велерѣчіе“ Сократа, которое самому ему казалось неразумнымъ, желаніемъ Сократа вызвать смертный приговоръ, что могло бы служить оправданіемъ судьямъ скорѣе, чѣмъ осужденному. У Платона Сократъ говоритъ въ мужественномъ сознаніи своего высшаго достоинства, какъ носитель высшей правды и вмѣстѣ съ вѣрою и смиреніемъ передъ тѣмъ Богомъ, которому онъ служитъ. Онъ не боится смерти и не сдѣлаетъ ни одного шага, чтобы избѣгнуть ее, но онъ ее и не ищетъ; онъ не только отказывается назначить себѣ наказаніе, какъ свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ, но требуетъ себѣ содержанія въ Пританіѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не отказывается уплатить денежной пени и не мѣшаетъ друзьямъ платить за него. Чтобы показать отношеніе Сократа къ ожидающей его смерти, Ксенофонтъ передаетъ его бесѣды съ друзьями до и послѣ процесса; Платонъ, въ противность вѣроятію, заставляетъ Сократа высказывать философскія размышленія о смерти въ самой рѣчи, въ обращеніи къ судьямъ *). Но насколько плоски и тривіальны мысли, высказываемыя Сократомъ Гермогену, настолько размышленія Платоновскаго Сократа представляются возвышенными, проникнутыми глубокою вѣрою въ безотносительную цѣнность нравственнаго добра и правды и вмѣстѣ подлинными по существу напр. 29 A и B, или (41 C D).

IV.

Апологія Платона представляется настолько проникнутой объективнымъ интересомъ — правдивой и вмѣстѣ философски осмысленной характеристикой Сократа въ защитѣ его передъ судомъ аѳинскимъ, что вопросъ о времени ея написанія для исторіи внутренняго развитія философіи самого Платона представляется второстепеннымъ и вмѣстѣ—трудно разрѣшимымъ. Отсутствіе признаковъ спеціально-Платоновскихъ ученій здѣсь ничего не доказываетъ. Повидимому, однако, Апологія едва ли была написана немедленно или вскорѣ послѣ катастрофы, иначе

*) 29 и заключительная рѣчь послѣ смертнаго приговора.

субъективное настроеніе Платона какимъ либо образомъ прорвалось бы въ ней, какъ оно прорывается въ Горгіи, гдѣ чувствуется неостывшее, потрясающее впечатлѣніе пережитой драмы. Апологія слишкомъ выдержана въ своей ясности и величавомъ спокойствіи. Затѣмъ умолчаніе относительно отвѣта на первое обвиненіе—въ нечестии — заставляетъ предполагать написаніе Евтифрона.

Нѣкоторые критики идутъ еще далѣе, доказывая, что если Апологія Платона оказала вліяніе на автора Меморабилій, то она была еще *неизвѣстна* ему при написаніи его Апологіи, которая, какъ мы видѣли, не могла быть написана до 3876 года, когда Анитъ былъ еще живъ, а слѣд. даже не ранѣе конца 80 годовъ. Дѣйствительно, сужденіе Ксенофонта относительно предшествовавшихъ апологій плохо подходитъ къ произведенію Платона, который гораздо глубже и вѣрнѣе объясняетъ отношеніе Сократа къ своей смерти и несравненно лучше оправдываетъ его отъ обвиненія въ „велерѣчіи". Тѣмъ не менѣе, между обѣими апологіями есть совпаденія въ деталяхъ, которыя трудно признать случайными. Оставляемъ въ сторонѣ трехъ-частное дѣленіе обѣихъ апологій, ссылку на оракула, на демоническое знаменіе, на собственную бѣдность—все это можно объяснять дѣйствительными воспоминаніями. Болѣе обращаютъ на себя вниманія частности напр. упоминаніе о невинно убіенномъ Паламедѣ (Ксен. 26, Плат. 41 В), о пророческомъ дарѣ умирающихъ (Ксен. 30, Плат. 39 В сл.), или двукратное упоминаніе о шумѣ среди присяжныхъ (Ксен. 14 и 15, Плат. 20 Е и 21 А) *). Вліяніе Ксенофонта на Платона немыслимо и недопустимо; обратное вліяніе допустимо, хотя быть можетъ приведенныя совпаденія и не достаточны, чтобы его доказать и могутъ быть объясняемы заимствованіями Ксенофонта изъ какой либо другой апологіи, написанной кѣмъ либо изъ свидѣтелей суда надъ Сократомъ. Впрочемъ мы не беремся взвѣшивать здѣсь вѣроятія различныхъ возможностей. Да онѣ и не имѣютъ существеннаго значенія для оцѣнки Апологіи Сократа.

*) Любопытно сопоставить слѣдующіе тексты:

Ксенофонтъ.	Платонъ.
(22)..., *ἀλλ᾽ ἤρκεσέ μοι δηλῶσαι ὅτι Σωκράτης τὸ μεν μήτε περὶ θεοὺς ἀσεβῆσαι, μήτε περὶ ἀνθρώπους ἄδικος φανῆναι περὶ παντὸς ἐποιεῖτο* (23) *το δὲ μὴ ἀποθανεῖν οὐκ ᾤετο λιπαρητέον εἶναι.*	(32) D... *τότε μέντοι ἐγὼ οὐ λόγῳ, ἀλλ᾽ ἔργῳ αὖ ἐνεδειξάμην ὅτι ἐμοὶ θανάτου μὲν μέλει, ἐι μὲν μὴ ἀγροικότερον ἦν εἰπεῖν, οὐδ᾽ ὁτιοῦν, τοῦ δὲ μηδὲν ἄδικον μηδ᾽ ἀνόσιον ἐργάζεσθαι τούτου δὲ τὸ πᾶν μέλει.*

КРИТОНЪ.

(ИЛИ О ДОЛЖНОМЪ)

Собесѣдники: СОКРАТЪ, КРИТОНЪ.

КРИТОНЪ.

I. **Сокр.** Что это ты въ такое время, Критонъ? Или уже не рано? St. I. p. 43.

Кр. Очень рано.

Сокр. А какъ?

Кр. Едва свѣтаетъ.

Сокр. Удивляюсь, какъ это сторожъ согласился впустить тебя.

Кр. Ужъ онъ меня знаетъ, Сократъ, потому что я часто сюда захожу; къ тому же я отчасти и ублаготворилъ его.

Сокр. А ты сейчасъ только пришелъ, или давно?

Кр. Порядочно давно.

Сокр. Почему же ты не разбудилъ меня тотчасъ, а сидишь себѣ возлѣ меня и молчишь? B.

Кр. Сохрани меня Зевсъ, Сократъ! Я бы и самъ не желалъ—въ такой бѣдѣ да еще не спать. На тебя же давно удивляюсь, глядя какъ ты сладко спишь, и нарочно тебя не будилъ, чтобы тебѣ было какъ можно пріятнѣе. Разумѣется мнѣ и прежде, во время всей твоей жизни, нерѣдко приходилось удивляться твоему нраву, но особенно я удивляюсь ему теперь, при этомъ несчастіи, какъ ты его легко и терпѣливо переносишь.

Сокр. Да вѣдь это было бы и нелѣпо, Критонъ, въ мои годы—роптать на то, что приходится умереть. C.

Кр. И другимъ, Сократъ, случается попадать на старости лѣтъ въ такую бѣду, однакоже старость нисколько не мѣшаетъ имъ роптать на свою судьбу.

Сокр. Это правда. Но зачѣмъ же ты такъ рано пришелъ?

Кр. Я пришелъ съ печальнымъ извѣстіемъ, Сократъ, печальнымъ и тягостнымъ не для тебя, какъ вижу, а для меня и для всѣхъ твоихъ близкихъ,—съ извѣстіемъ, которое мнѣ всего труднѣе, кажется, вынести.

Сокр. Съ какимъ это? Ужъ не пришелъ ли изъ Делоса
D. корабль, съ приходомъ котораго я долженъ умереть? [1]).

Кр. Притти-то еще не пришелъ, но думается мнѣ, что придетъ сегодня, судя по словамъ тѣхъ, которые пришли изъ Сунія [2]) и оставили его тамъ. Ну вотъ изъ того, что они передаютъ,—очевидно, что онъ придетъ сегодня, и завтра, Сократъ, тебѣ необходимо будетъ окончить жизнь.

II. **Сокр.** Да въ добрый часъ, Критонъ! Если богамъ
44. угодно такъ, пусть будетъ такъ. Только я не думаю, чтобы онъ пришелъ сегодня.

Кр. Изъ чего ты это заключаешь?

Сокр. Я тебѣ скажу. Вѣдь мнѣ слѣдуетъ умереть на другой день послѣ того, какъ придетъ корабль.

Кр. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ завѣдующіе этимъ [3]).

Сокр. Въ такомъ случаѣ я думаю, что онъ придетъ не сегодня, а завтра. Заключаю же я это изъ нѣкотораго сна, который видѣлъ этою ночью незадолго передъ тѣмъ, какъ проснуться, и пожалуй оно было кстати, что ты не разбудилъ меня.

---

[1]) Въ діалогѣ „Фэдонъ" Фэдонъ объясняетъ Ехекрату: „Это, какъ говорятъ Аѳиняне, тотъ самый корабль, на которомъ Ѳесей отвозилъ нѣкогда на Критъ семь юношей и семь дѣвицъ, причемъ и ихъ спасъ, и самъ спасся (т. е. отъ Минотавра). Говорятъ, они и дали тогда обѣтъ Аполлону, въ случаѣ если спасутся,—посылать ежегодно ѳеорію (торжественное посольство съ жертвоприношеніемъ) въ Делосъ; отъ этого и теперь еще Аѳиняне не перестаютъ посылать богу ѳеорію каждый годъ. Такъ вотъ у нихъ и обычай, какъ только начинается ѳеорія,—очищать городъ и никого въ это время не казнить, пока корабль не прибудетъ въ Делосъ и не вернется обратно, а это бываетъ иногда очень долго, когда случатся противные вѣтры. А начинается ѳеорія, какъ только жрецъ Аполлона увѣнчаетъ корму корабля, было же это, повторяю, наканунѣ суда. Вотъ почему Сократу и пришлось долго пробыть въ тюрьмѣ со дня судебнаго разбирательства и до его смерти". (Phaedo, 58 ABC.). Ксенофонтъ говоритъ: „Случилось же такъ, что послѣ суда онъ (Сократъ) долженъ былъ прожить тридцать дней, потому что въ тотъ мѣсяцъ были Деліи". (Memorab, Lib. IV, cap. VIII 2).

[2]) Суніемъ называлась южная оконечность Аттики съ городомъ того же имени, мимо котораго долженъ былъ проходить корабль, возвращавшійся съ Делоса кратчайшей дорогой.

[3]) См. выше *Апологія*, примѣч. 27.

Кр. А какой же это былъ сонъ?

Сокр. Мнѣ казалось, что подошла ко мнѣ какая то прекрасная и величественная женщина въ бѣлыхъ одеждахъ, назвала меня по имени и сказала: „Сократъ! B.

Въ третій отнынѣ ты день въ плодородную Фтію прибудешь" [4]).

Кр. Какой странный сонъ, Сократъ!

Сокр. А вѣдь смыслъ-то его какъ будто ясный, Критонъ.

III. **Кр.** Слишкомъ, кажется. Но, дорогой мой Сократъ, и теперь еще говорю тебѣ: послушайся ты меня и не отказывайся отъ своего спасенія. Вѣдь меня, если ты умрешь, постигнетъ не одна бѣда: кромѣ того, что я лишусь друга, какого мнѣ никогда и нигдѣ больше не найти, но еще многимъ изъ тѣхъ, которые не близко знаютъ насъ съ то- C.
бою, покажется, что, я не позаботился спасти тебя, будучи въ состояніи сдѣлать это, еслибы захотѣлъ истратить деньги. Ну а можетъ ли быть хуже такой славы, — когда о насъ думаютъ, что мы цѣнимъ деньги больше, чѣмъ друзей? Вѣдь большинство не повѣритъ, что ты самъ не захотѣлъ уйти отсюда, несмотря на наши старанія.

Сокр. Но для чего же намъ такъ заботиться о мнѣніи большинства, мой милый Критонъ? Люди со смысломъ, которыхъ скорѣе стоитъ принимать въ разсчетъ, будутъ думать, что это случилось такъ, какъ это случилось.

Кр. Но вѣдь ты уже видишь, Сократъ, что необхо- D.
димо также заботиться и о мнѣніи большинства. Теперь-то оно ясно, что большинство способно причинять не какое-нибудь маленькое, а пожалуй что и величайшее зло тому, кто передъ нимъ оклеветанъ.

Сокр. О еслибы, Критонъ, большинство способно было дѣлать величайшее зло, съ тѣмъ чтобы быть способнымъ и на величайшее добро! Хорошо бы это было! А то вѣдь оно не способно ни на то, ни на другое: оно не можетъ сдѣлать человѣка ни разумнымъ, ни неразумнымъ, а дѣлаетъ что попало.

IV. **Кр.** Положимъ, что это такъ, Сократъ, но вотъ ты E.
мнѣ что скажи: ужъ не боишься ли ты за меня и за прочихъ близкихъ, что если ты уйдешь отсюда, доносчики причинятъ намъ непріятности за то, что мы тебя отсюда похитили, и что мы должны будемъ потерять довольно много денегъ, а то и все наше состояніе, или даже подвергнуться

---

[4]) Il. IX, 363.

сверхъ того еще чему-нибудь? Если ты боишься чего-нибудь
45. такого, то оставь это, потому что справедливость требуетъ, чтобы мы, ради твоего спасенія, подверглись подобной опасности, а если понадобится, то и большей. Нѣтъ, послушайся ты меня и не дѣлай иначе.

Сокр. Не этого одного я опасаюсь, Критонъ, но и многаго другого.

Кр. Этого ужъ ты не бойся. Да и немного просятъ денегъ за то, чтобы спасти тебя и вывести отсюда. Что же касается нашихъ доносчиковъ, то развѣ ты не знаешь, какой это дешевый народъ, и что для нихъ вовсе не можетъ понадобиться много денегъ. Ты же можешь вполнѣ
B. располагать моимъ имуществомъ, и я думаю, что его будетъ достаточно. Если, наконецъ, заботясь обо мнѣ, ты думаешь, что не нужно тратить моего имущества, то вотъ твои иноземные друзья, которые здѣсь, готовы за тебя заплатить; одинъ уже и принесъ необходимыя для этого деньги,—Симмій ѳиванецъ. То же самое готовъ сдѣлать и Кевитъ, и еще очень многіе. Повторяю я тебѣ—не бойся ты этого и не отказывайся отъ своего спасенія; не смущайся тоже и тѣмъ, о чемъ ты говорилъ на судѣ, что, уйдя отсюда, ты не зналъ бы, на что себя употребить: и во многихъ другихъ мѣстахъ, куда бы ты ни пришелъ,
C. тебя будутъ любить. А если бы ты пожелалъ отправиться въ Ѳессалію, то у меня тамъ есть друзья, которые будутъ тебя высоко цѣнить и оберегать, такъ что во всей Ѳессаліи ни одинъ человѣкъ не доставитъ тебѣ огорченія.

V. А къ тому же, Сократъ, ты затѣялъ, мнѣ кажется, несправедливое дѣло—предавать самого себя, когда можешь спастись. Вѣдь ты добиваешься для себя того же самаго, чего могли бы добиваться—да и добились уже—твои враги, желая погубить тебя. Мало того, мнѣ кажется, что ты предаешь и своихъ собственныхъ сыновей, оставляя ихъ на произволъ судьбы, между тѣмъ какъ могъ бы и прокормить и
D. воспитать ихъ, и твоя это вина, если они будутъ жить, какъ придется; придется же имъ испытать, разумѣется, то самое, что выпадаетъ обыкновенно сиротамъ на ихъ сиротскую долю. Въ самомъ дѣлѣ, или не нужно и заводить дѣтей, или уже нести всѣ заботы о нихъ,—кормить и воспитывать ихъ, а ты, мнѣ кажется, выбираешь самое легкое; слѣдуетъ же тебѣ выбирать то, что выбираетъ человѣкъ добросовѣстный и мужественный, особенно если го-

ворить, что всю жизнь заботишься о добродѣтели. Что меня касается, то мнѣ стыдно и за тебя, и за насъ, тво- E.
ихъ близкихъ, если станутъ думать, что все это случилось съ тобою по какой-то трусости съ нашей стороны: и самое вступленіе дѣла въ судъ,—то, что ты явился, между тѣмъ какъ могъ и не являться,—и самый судъ, какъ онъ происходилъ, и наконецъ эта смѣшная развязка, —какъ будто бы мы отступили по какой-то негодности и трусости съ нашей
стороны, что ни мы тебя не спасли, ни самъ ты себя не 46.
спасъ, между тѣмъ какъ это было вполнѣ возможно, если бы мы только на что нибудь годились. Вотъ ты и смотри, Сократъ, какъ бы все это не оказалось не только вреднымъ, но и позорнымъ для насъ съ тобою. Однако, подумай; вѣрнѣе, впрочемъ, что и думать-то уже некогда, а нужно рѣшить, рѣшеніе же можетъ быть одно, потому что въ слѣдующую ночь все уже должно быть сдѣлано, а если еще будемъ ждать, то уже ничего нельзя будетъ сдѣлать. Но умоляю тебя всячески, Сократъ, послушайся меня и ни въ какомъ случаѣ не поступай иначе.

VI. **Сокр**. О милый Критонъ, твое усердіе стоило бы B.
дорогого, еслибы оно было направлено сколько-нибудь вѣрно, а иначе, чѣмъ оно больше, тѣмъ тяжелѣе. А потому слѣдуетъ обсудить, нужно ли намъ это дѣлать или нѣтъ. Таковъ уже я всегда, а не теперь только, что изъ всего, что во мнѣ есть, [5]) я неспособенъ руководствоваться ничѣмъ, кромѣ того разумнаго убѣжденія, которое по моему разсчету оказывается наилучшимъ. А тѣ убѣжденія, которыя я высказывалъ прежде, я не могу отбросить теперь, послѣ того какъ случилось со мною это несчастіе;
напротивъ, они кажутся мнѣ какъ будто все такими же, C.
и я почитаю и уважаю то же самое, что и прежде, и если въ настоящее время мы не найдемъ ничего лучшаго, то можешь быть увѣренъ, что я съ тобою отнюдь не соглашусь, даже если бы всесильное большинство вздумало устрашать насъ, какъ дѣтей, еще большимъ количествомъ пугалъ, чѣмъ теперь, когда оно насылаетъ на насъ оковы, казни и лишеніе имущества. Какъ же бы, въ такомъ случаѣ, изслѣдовать намъ это дѣло всего правильнѣе? Не вернуться ли сначала къ тому, о чемъ ты говорилъ,—къ вопросу о мнѣ-

---

[5]) Буквально—*изъ своего* (*τῶν ἐμῶν*), т. е. изъ всѣхъ своихъ желаній, чувствъ, мыслей.

ніяхъ, и посмотрѣть, хорошо ли говаривали мы неоднократно,
D. что на одни мнѣнія слѣдуетъ обращать вниманіе, а на дру-
гія нѣтъ; или, можетъ быть, это было хорошо говорено въ
то время, когда мнѣ еще не нужно было умирать, ну а
теперь уже стало ясно, что мы это такъ только говорили,
а что по правдѣ это были сущіе пустяки? Что касается
меня, Критонъ, то я очень желаю разсмотрѣть вмѣстѣ съ
тобою, покажутся ли мнѣ эти слова сколько-нибудь иными,
послѣ того какъ я попалъ въ настоящую бѣду, или они
покажутся мнѣ все такими же, и захотимъ ли мы ихъ ос-
тавить, или послѣдовать имъ. Какъ ни какъ, а люди,
которые знали, что говорили, неоднократно, мнѣ думается,
утверждали то самое, что я сейчасъ сказалъ,—что изъ
E. мнѣній, какія бываютъ у людей, одни слѣдуетъ, а другія не
слѣдуетъ высоко цѣнить. Скажи мнѣ ради боговъ, Кри-
тонъ, развѣ это, по твоему, не хорошо было говорено?
Вѣдь тебѣ, судя по человѣчески, не предстоитъ завтра
умереть, и у тебя нѣтъ въ настоящее время такого нес-
47. частія, которое могло бы сбивать тебя съ толку; такъ по-
смотри же, правильно ли это, по твоему, говорятъ люди,
что не всѣ человѣческія мнѣнія слѣдуетъ уважать, но одни
слѣдуетъ уважать, а другія нѣтъ. Какъ по твоему? Не хо-
рошо ли это говорятъ?

Кр. Хорошо.

Сокр. Значитъ хорошія мнѣнія нужно уважать, а дур-
ныя не нужно?

Кр. Да.

Сокр. Но хорошія мнѣнія—это мнѣнія людей разум-
ныхъ, а дурныя—неразумныхъ?

Кр. Какъ же иначе?

B. VII. **Сокр**. Ну а какъ мы рѣшали такой вопросъ:
тотъ, кто занимается гимнастикой, обращаетъ ли вниманіе
на мнѣніе, похвалу и порицаніе всякаго, или только од-
ного, а именно врача и учителя гимнастики? [6]).

Кр. Только его одного.

Сокр. Значитъ ему нужно бояться порицаній и радо-
ваться похваламъ одного того, а не всѣхъ?

Кр. Очевидно.

Сокр. Стало быть онъ долженъ вести себя, упражнять

6) Оба эти знанія или искусства, медицина и гимнастика, были тѣсно связаны одно съ другимъ и соединялись иногда въ одномъ лицѣ.

свое тѣло, ну и разумѣется ѣсть и пить,—такъ, какъ это
кажется нужнымъ одному,—тому, кто къ этому дѣлу при-
ставленъ и понимаетъ въ немъ, а не такъ, какъ это ка-
жется нужнымъ всѣмъ остальнымъ.

Кр. Это вѣрно.

Сокр. Хорошо. А если онъ этого одного не послу- C.
шается и не будетъ цѣнить его мнѣнія, а будетъ цѣнить
слова большинства, или тѣхъ, которые въ этомъ ничего не
понимаютъ, то не потерпитъ ли онъ какого-нибудь зла?

Кр. Конечно потерпитъ.

Сокр. Какое же это зло? Чего оно касается? Изъ того,
что принадлежитъ ослушнику, чего именно?

Кр. Очевидно—тѣла; вѣдь его оно и разрушаетъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Ужъ не такъ ли и въ
остальномъ, Критонъ, чтобы не перечислять всѣхъ случаевъ?
Ну вотъ, конечно, и относительно справедливаго и несправед-
ливаго, безобразнаго и прекраснаго, добраго и злого,—того,
самаго, о чемъ мы теперь совѣщаемся,—нужно ли намъ
относительно всего этого бояться и слѣдовать мнѣнію боль-
шинства, или же мнѣнію одного, если только есть такой, D.
кто это понимаетъ, и кого должно стыдиться и бояться
больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ? Вѣдь если
мы не послѣдуемъ за нимъ, то мы испортимъ и уничто-
жимъ то самое, что отъ справедливости становится луч-
шимъ, а отъ несправедливости погибаетъ, какъ мы и раньше
это утверждали. Или это не такъ?

Кр. Думаю, что такъ, Сократъ.

VIII. **Сокр**. Ну а ежели, послѣдовавъ мнѣнію не-
вѣждъ, мы погубимъ то, что отъ здороваго становится лучше,
а отъ нездороваго разрушается, будетъ ли стоить жить,
послѣ того какъ оно будетъ разрушено? Я говорю это о E.
тѣлѣ, не правда ли?

Кр. Да.

Сокр. Такъ стоитъ ли намъ жить съ негоднымъ и
разрушеннымъ тѣломъ?

Кр. Никоимъ образомъ.

Сокр. Ну а стоитъ ли намъ жить, когда разрушено
то, чему несправедливость вредитъ, а справедливость бываетъ
на пользу? Или, можетъ быть, то, къ чему относятся спра-
ведливость и несправедливость,—что бы это тамъ ни было,— 48.
мы цѣнимъ меньше, нежели тѣло?

Кр. Никоимъ образомъ.

Сокр. А напротивъ цѣнимъ больше?

Кр. Да и много больше.

Сокр. Стало быть уже не такъ-то должны мы заботиться о томъ, что скажетъ о насъ большинство, мой милый, а должны заботиться о томъ, что скажетъ о насъ тотъ, кто понимаетъ, что справедливо и что несправедливо,—онъ одинъ, да еще сама истина. Такимъ образомъ, въ твоемъ разсужденіи неправильно во-первыхъ то, что ты утверждаешь, будто мы должны заботиться о мнѣніи большинства относительно справедливаго, прекраснаго, добраго и имъ
B. противоположнаго. Да, но вѣдь большинство, скажутъ на это, способно убивать насъ.

Кр. Это тоже очевидно, Сократъ.

Сокр. Вѣрно говоришь... Но, мой милѣйшій, не знаю какъ тебѣ, а мнѣ относительно этого разсужденія сдается, что подобное ему было у насъ и раньше *). Подумай-ка ты опять вотъ о чемъ: стоимъ ли мы еще за то, или не стоимъ, что всего больше нужно цѣнить не то, чтобы жить, но чтобы хорошо жить.

Кр. Конечно стоимъ.

Сокр. А что хорошее, прекрасное, справедливое, что все это одно и то же,—стоимъ ли мы за это или не стоимъ?

Кр. Стоимъ.

IX. **Сокр**. Такъ вотъ на основаніи того, въ чемъ мы
C. согласны, намъ и слѣдуетъ разсмотрѣть, будетъ ли справедливо, если я буду стараться уйти отсюда вопреки волѣ Аѳинянъ, или же это будетъ несправедливо, и если окажется, что справедливо, то попытаемся это сдѣлать, а если нѣтъ, то оставимъ. Что же касается твоихъ соображеній относительно расходовъ, общественнаго мнѣнія, воспитанія дѣтей, то, говоря по правдѣ, Критонъ, не есть ли это соображенія людей, которые одинаково готовы убивать, а потомъ, еслибы это было можно, воскрешать, такъ себѣ ни съ того ни съ сего,— соображенія того же самаго большинства? Но намъ съ тобою, какъ этого требуетъ наше разсужденіе, слѣдуетъ, кажется разсмотрѣть только то, о чемъ мы сейчасъ говорили,— справедливо ли мы поступимъ, если будемъ платить деньги
D. и благодарить тѣхъ, которые меня отсюда выведутъ, или если будемъ сами выводить и сами выходить,—или же наоборотъ, дѣлая все это, мы по истинѣ нарушимъ справедливость; и еслибы

*) Ср. Апологію 28 сл. Быть можетъ здѣсь слѣдуетъ видѣть ссылку и на Горгія, гдѣ этотъ вопросъ обсуждается пространно. С. Т.

оказалось, что поступать такимъ образомъ—несправедливо, тогда бы ужъ не слѣдовало безпокоиться о томъ, что, оставаясь здѣсь и ничего не дѣлая, мы должны умереть или подвергнуться еще чему-нибудь, если ужъ иначе приходится нарушить справедливость.

Кр. Говорить-то, мнѣ кажется, ты хорошо говоришь, но разбери-ка, что намъ слѣдуетъ дѣлать, Сократъ.

Сокр. Разберемъ-ка, милѣйшій, сообща, и если у тебя найдется возразить что-нибудь на мои слова, то возражай, и я тебя послушаюсь; а если не найдется, то ужъ ты перестань, мой милѣйшій, говорить мнѣ одно и то же, будто E.
я долженъ уйти отсюда вопреки Аѳинянамъ, ибо, что меня касается, то я очень дорожу тѣмъ, чтобы поступать въ этомъ дѣлѣ съ твоего согласія, а не вопреки тебѣ. Замѣть же особенно начало изслѣдованія, покажется ли оно тебѣ удовлетворительнымъ, и постарайся отвѣчать по чистой совѣсти. 49.

Кр. Я постараюсь.

X. **Сокр**. Полагаемъ ли мы, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ добровольно нарушать справедливость, или что въ одномъ случаѣ слѣдуетъ, а въ другомъ нѣтъ? Или же мы полагаемъ, что ужъ нарушать справедливость никоимъ образомъ не можетъ быть хорошо или честно, въ чемъ мы и прежде нерѣдко съ тобою соглашались? Или всѣ эти наши прежнія соглашенія улетучились за нѣсколько послѣднихъ дней, и вотъ оказывается, что мы, люди не молодые, Кри- B.
тонъ, давно уже бесѣдуя другъ съ другомъ какъ будто о дѣлѣ, и не замѣчали того, что мы ничѣмъ не отличаемся отъ дѣтей? Или же всего вѣроятнѣе, что, какъ мы тогда говорили, такъ оно и есть: согласно или не согласно съ этимъ большинство, пострадаемъ ли мы отъ этого больше или меньше, чѣмъ теперь, а ужъ нарушеніе справедливости во всякомъ случаѣ вредно и постыдно для того, кто ее нарушаетъ? Полагаемъ мы это или нѣтъ?

Кр. Полагаемъ.

Сокр. Значитъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ нарушать справедливость?

Кр. Нѣтъ, конечно.

Сокр. Значитъ, вопреки мнѣнію большинства, нельзя C.
и воздавать несправедливостью за несправедливость, если ужъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ нарушать справедливость?

Кр. Очевидно нѣтъ.

Сокр. А теперь вотъ что, Критонъ: дѣлать зло—должно или нѣтъ?

Кр. Разумѣется не должно, Сократъ.

Сокр. Ну а воздавать зломъ за зло, какъ этого требуетъ большинство, справедливо или несправедливо?

Кр. Никоимъ образомъ.

Сокр. Потому, кажется, что дѣлать людямъ зло или нарушать справедливость—одно и то же.

Кр. Вѣрно говоришь.

Сокр. Сталобыть не должно ни воздавать за несправедливость несправедливостью, ни дѣлать людятъ зло, даже если бы пришлось и пострадать отъ нихъ какъ-нибудь. Только ты смотри, Критонъ, какъ бы не оказалось, что,
D. соглашаясь съ этимъ, ты соглашаешься вопреки собственному мнѣнію, потому что я знаю, что такъ думаютъ и бу-
49. дутъ думать очень немногіе. Ну а когда одни думаютъ такъ, а другіе не такъ, тогда уже не бываетъ общаго совѣта, а непремѣнно каждый презираетъ другого за его образъ мыслей. То же вотъ и ты, разсмотри-ка это какъ можно лучше, согласенъ ли ты со мною, кажется ли это тебѣ такъ же, какъ и мнѣ, и можемъ ли мы начать совѣщаніе съ того, что ни нарушать справедливость, ни воздавать за несправедливость несправедливостью, ни воздавать зломъ за претерпѣваемое зло—ни въ какомъ случаѣ
E. неправильно. Или ты отступаешься и не согласенъ съ этимъ началомъ? Мнѣ же и прежде такъ казалось, и теперь еще кажется, а если по твоему это иначе какъ-нибудь, то говори и научай. Но если ты остаешься при прежнихъ мысляхъ, тогда слушай дальше.

Кр. И остаюсь при прежнихъ мысляхъ, и думаю то же, что и ты. Говори же.

Сокр. Ну ужъ послѣ этого разумѣется я скажу или вѣрнѣе спрошу: ежели ты призналъ что-либо справедливымъ, нужно ли это исполнять или не нужно?

Кр. Нужно.

XI. **Сокр.** Вотъ ты и смотри теперь; уходя отсюда
50. безъ согласія города, не причиняемъ ли мы этимъ зло кому-нибудь, и если причиняемъ, то не тѣмъ ли, кому всего менѣе можно его причинять? и исполняемъ ли мы то, что признали справедливымъ, или нѣтъ?

Кр. Я не могу отвѣчать на твой вопросъ, Сократъ: я этого не понимаю.

Сокр. Ну такъ посмотри вотъ на что: еслибы, въ то время какъ мы собирались бы удрать отсюда,—или какъ бы это тамъ ни называлось,—если бы въ это самое время пришли сюда законы и государство, стали бы и спросили: „скажи-ка намъ, Сократъ, что это ты задумалъ дѣлать? Не задумалъ ли ты этимъ самымъ дѣломъ, къ которому приступаешь,
погубить и насъ, законы, и все государство, насколько B.
это отъ тебя зависитъ? Или тебѣ кажется, что еще можетъ стоять цѣлымъ и невредимымъ то государство, въ которомъ судебные приговоры не имѣютъ никакой силы, но по волѣ частныхъ лицъ становятся недѣйствительными и уничтожаются?“ Что скажемъ мы на это или на что-нибудь подобное, Критонъ? Вѣдь не одни только риторы могутъ сказать многое въ защиту того закона, который мы отмѣняемъ, и который требуетъ, чтобы судебныя рѣшенія сохраняли силу.[7]). Или можетъ быть мы возразимъ, что вѣдь это же городъ поступилъ съ нами несправедливо и рѣшилъ дѣло
неправильно? Это мы что-ли имъ скажемъ? C.

Кр. Разумѣется это самое, Сократъ!

XII. **Сокр.** Какъ же это такъ,—могутъ сказать законы,—развѣ у насъ съ тобою, Сократъ, былъ еще какой-нибудь договоръ, кромѣ того, чтобы твердо стоять за судебныя рѣшенія, которыя постановитъ городъ?“ И если бы мы стали этому удивляться, то вѣроятно они сказали бы; „Ты нашимъ словамъ не удивляйся, Сократъ, но отвѣчай; кстати это твое обыкновеніе—пользоваться вопросами и отвѣтами. Отвѣчай же намъ: за какую нашу вину собираешься ты погубить
насъ и городъ? Не мы ли, во-первыхъ, родили тебя, и не D.
съ нашего ли благословенія отецъ твой получилъ себѣ въ жены мать твою и произвелъ тебя на свѣтъ? Ну вотъ и скажи: порицаешь ли ты что-нибудь въ тѣхъ изъ насъ, которые относятся къ браку?“ — „Нѣтъ, не порицаю,“ — сказалъ бы я на это.—„Но можетъ быть ты порицаешь тѣ, которые относятся къ воспитанію родившагося и къ его образованію, каковое ты и самъ получилъ? Развѣ не хорошо распорядились тѣ изъ насъ, которые этимъ заправляютъ,—требуя отъ твоего отца, чтобы онъ воспитывалъ тебя

[7]) Въ Аѳинахъ существовалъ обычай назначать адвокатовъ для защиты закона, который желали отмѣнить.— Относительно ироническаго упоминанія о риторахъ сравни съ первой главой *Апологіи*.

E. въ музыкѣ и гимнастикѣ?“ [8]) „Хорошо,“—сказалъ бы я на
это.—„Такъ. Ну а послѣ того, что ты родился, воспитанъ и
образованъ, можешь ли ты отрицать во-первыхъ, что ты наше
пороженіе и нашъ рабъ,—и ты и твои предки? Если же это
такъ, то думаешь ли ты, что по праву можешь съ нами рав-
няться? и что бы мы ни намѣрены были съ тобою дѣлать,
находишь ли ты справедливымъ и съ нами дѣлать то же
самое? Или, можетъ быть, ты думаешь такъ, что еслибы
у тебя былъ отецъ или господинъ, то, по отношенію къ нимъ
ты не былъ бы равноправнымъ, такъ что еслибы ты отъ нихъ
терпѣлъ что-нибудь, то не могъ бы воздавать имъ тѣмъ же
самымъ, ни отвѣчать бранью на брань, ни побоями на по-
51. бои, и многое тому подобное,—ну а ужъ съ отечествомъ
и законами все это тебѣ позволено, такъ что если мы, на-
ходя это справедливымъ, вознамѣримся тебя уничтожить,
то и ты, насколько это отъ тебя зависитъ, вознамѣришься
уничтожить насъ, — отечество и законы, и при этомъ бу-
дешь говорить, что поступаешь справедливо,—ты, который
по истинѣ заботишься о добродѣтели? Или ужъ ты въ своей
мудрости не замѣчаешь того, что отечество драгоцѣннѣе и
матери, и отца, и всѣхъ остальныхъ предковъ, что оно
B. неприкосновеннѣе и священнѣе и въ большемъ почетѣ и у
боговъ и у людей, у—тѣхъ, у которыхъ есть умъ,—и что
если отечество сердится, то его нужно бояться, уступать и
угождать ему больше, нежели отцу, и либо его вразумлять,
либо дѣлать то, что оно велитъ, и если оно приговоритъ къ
чему-нибудь, то нужно претерпѣвать это спокойно,—будутъ
ли то розги или тюрьма, пошлетъ ли оно на войну, пошлетъ
ли на раны или на смерть, — что все это нужно дѣлать,
и что это справедливо, и что отнюдь не слѣдуетъ сдаваться
врагу, или бѣжать отъ него, или бросать свое мѣсто, но что
C. и на войнѣ, и на судѣ, и повсюду слѣдуетъ дѣлать то, что
велитъ городъ и отечество, или же вразумлять ихъ, когда
этого требуетъ справедливость, учинять же насиліе надъ
матерью или надъ отцомъ, а тѣмъ паче надъ отече-
ствомъ — есть нечестіе.“ — Что мы на это скажемъ, Кри-
тонъ? Правду ли говорятъ законы, или нѣтъ?

Кр. Мнѣ кажется—правду.

[8]) Платонъ въ „Государствѣ“ (II. 376E) говоритъ, что для воспита-
нія тѣла служитъ гимнастика, для воспитанія души—музыка; сюда, кромѣ
музыки въ собственномъ смыслѣ, входило еще изученіе поэтовъ,—Го-
мера, Гесіода, Пиндара.

XIII. **Сокр.** „Ну вотъ и разсмотри, Сократъ,“ —ска-
жутъ вѣроятно законы,—„правду ли мы говоримъ, что ты
задумалъ несправедливо — то, что ты задумалъ теперь
съ нами сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, мы, которые тебя ро-
дили, вскормили, воспитали, надѣлили всевозможными бла-
гами, и тебя и всѣхъ прочихъ гражданъ—въ то же время
мы предупреждаемъ каждаго изъ аѳинянъ, послѣ того какъ D.
онъ занесенъ въ гражданскій списокъ и познакомился съ
государственными дѣлами и съ нами, законами,—что, если мы
ему не нравимся, то ему предоставляется взять свое иму-
щество и итти, куда онъ хочетъ, и если мы съ городомъ
кому-нибудь изъ васъ не нравимся, и пожелаетъ кто-ни-
будь изъ васъ ѣхать въ колонію или поселиться еще гдѣ-
нибудь, ни одинъ изъ насъ, законовъ, не ставитъ ему пре-
пятствій и не запрещаетъ уходить куда угодно, сохраняя
при этомъ свое имущество. О томъ же изъ васъ, кто остается, E.
зная, какъ мы судимъ въ нашихъ судахъ и ведемъ въ
городѣ прочія дѣла, о такомъ мы уже говоримъ, что онъ
на дѣлѣ согласился съ нами исполнять то, что мы велимъ;
а если онъ не слушается, то мы говоримъ, что онъ втройнѣ
нарушаетъ справедливость: тѣмъ, что не повинуется намъ,
своимъ родителямъ, тѣмъ, что не повинуется намъ, сво-
имъ воспитателямъ, и тѣмъ, что, согласившись намъ по-
виноваться, онъ и не повинуется намъ, и не вразумля- 52.
етъ насъ, когда мы дѣлаемъ что-нибудь нехорошо, и хотя
мы предлагаемъ, а не грубо повелѣваемъ исполнять наши
рѣшенія и даемъ ему на выборъ одно изъ двухъ, или вра-
зумлять насъ, или исполнять, онъ не дѣлаетъ ни того, ни
другого.

XIV. Такимъ-то вотъ обвиненіямъ, говоримъ мы, бу-
дешь подвергаться и ты, если сдѣлаешь то, что у тебя на
умѣ, и притомъ не меньше, а больше чѣмъ всѣ аѳиняне“.—
А если-бы я сказалъ: почему же?—то они пожалуй спра-
ведливо замѣтили бы, что вѣдь я-то крѣпче всѣхъ Аѳинянъ
условился съ ними насчетъ этого. Они сказали бы: „у B.
насъ, Сократъ, имѣются великія доказательства тому, что
тебѣ нравились и мы, и нашъ городъ, потому что не си-
дѣлъ бы ты въ немъ такъ, какъ не сидитъ ни одинъ Аѳи-
нянинъ, если бы онъ не нравился тебѣ такъ, какъ ни одному
Аѳинянину; и никогда-то не выходилъ ты изъ города ни на
праздникъ [9]), ни еще куда бы то ни было, развѣ что на

[9]) т. е. на какой-нибудь изъ четырехъ великихъ общеэллинскихъ

войну, и никогда не путешествовалъ, какъ прочіе люди, и не нападала на тебя охота увидать другой городъ и другіе C. законы, но съ тебя было довольно насъ и нашего города: вотъ до чего предпочиталъ ты насъ и соглашался жить подъ нашимъ управленіемъ; да и дѣтьми обзавелся ты въ нашемъ городѣ потому, что онъ тебѣ нравится. Наконецъ, если бы хотѣлъ, ты еще на судѣ могъ бы потребовать для себя изгнанія и сдѣлалъ бы тогда съ согласія города то самое, что задумалъ сдѣлать теперь безъ его согласія. Но въ то время ты напускалъ на себя благородство и какъ будто бы не смущался мыслію о смерти и говорилъ, что предпочитаешь смерть изгнанію; а теперь и словъ этихъ не стыдишься, и на насъ, на законы, не смотришь, намѣ-
D. реваясь насъ уничтожить, и поступаешь ты такъ, какъ могъ бы поступить самый негодный рабъ, намѣреваясь бѣжать вопреки обязательствамъ и договорамъ, которыми ты обязался жить подъ нашимъ управленіемъ. Итакъ, прежде всего отвѣчай намъ вотъ на что: правду ли мы говоримъ или неправду, утверждая, что ты не на словахъ, а на дѣлѣ согласился жить подъ нашимъ управленіемъ?“—Что мы на это скажемъ, мой милый Критонъ? Не согласимся ли мы съ этимъ?

Кр. Непремѣнно, Сократъ.

Сокр. „Въ такомъ случаѣ,—могутъ они сказать,—не
E. нарушаешь ли ты обязательства и договоры, которые ты съ нами заключилъ, не бывши принужденнымъ ихъ заключать и не бывши обманутымъ и не имѣвши надобности рѣшить дѣло въ короткое время, а втеченіе семидесяти лѣтъ, втеченіе которыхъ тебѣ можно было уйти, если бы мы тебѣ не нравились и еслибы договоры эти казались тебѣ не справедливыми. Ты же не предпочиталъ ни Лакедемона, ни Крита, столь благоустроенныхъ, какъ ты по-
53. стоянно это утверждаешь, ни еще какого-нибудь изъ эллинскихъ или варварскихъ государствъ, но выходилъ отсюда рѣже, чѣмъ выходятъ хромые, слѣпые и прочіе калѣки,—такъ особливо, по сравненію съ прочими Аѳинянами, нра-

праздниковъ (въ Олимпіи, Дельфахъ, Немеѣ и на Истмѣ); буквально—*на зрѣлище* (*ἐπὶ θεωρίαν*), но понимать здѣсь это слово въ общемъ смыслѣ (какъ понято въ словарѣ Pape-Sengebusch'a) и переводить: „не выходилъ изъ города *посмотрѣть на что-нибудь*“ — не позволяютъ дальнѣйшія выраженія мѣста: „ни еще куда бы то ни было“ (*οὔτε ἄλλοσε οὐδαμόσε*).

вился тебѣ и нашъ городъ, и мы, законы. А вотъ теперь ты отказываешься отъ нашихъ условій? Послѣдовалъ бы ты нашему совѣту, Сократъ, и не смѣшилъ бы ты людей своимъ выходомъ изъ города!

XV. Подумай-ка въ самомъ дѣлѣ: нарушивъ эти условія B.
и оказываясь виновнымъ въ чемъ-нибудь подобномъ,—что сдѣлаешь ты хорошаго для себя самого и для своихъ близкихъ? Что твоимъ близкимъ будетъ угрожать изгнаніе, что они могутъ лишиться родного города или потерять имущество, это по меньшей мѣрѣ очевидно. Что же касается тебя самого, то если ты пойдешь въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ, въ Ѳивы или Мегару, такъ какъ они оба, Сократъ, управляются хорошими законами, то ты придешь туда врагомъ государственнаго порядка этихъ городовъ, и всякій, кому дорогъ его городъ, будетъ на тебя коситься, считая тебя разрушителемъ законовъ, и ты утвердишь за твоими судьями славу, будто бы они правильно рѣшили дѣло, потому что разрушитель законовъ весьма можетъ показаться C.
развратителемъ молодежи и людей неразумныхъ [10]). Такъ не намѣренъ ли ты избѣгать и городовъ, которые управляются хорошими законами, и людей самыхъ достойныхъ? Но въ такомъ случаѣ стоитъ ли тебѣ продолжать жить? Или ты пожелаешь сблизиться съ этими людьми и не постыдишься съ ними бесѣдовать? Но о чемъ же бесѣдовать, Сократъ? Или о томъ же, о чемъ и здѣсь,—о томъ, что для людей нѣтъ ничего дороже, какъ доблесть и праведность, соблюденіе уставовъ и законовъ? И ты не полагаешь, что это было бы D.
недостойно Сократа? Надо бы полагать. Но, положимъ, ты ушелъ бы дальше отъ этихъ мѣстъ и прибылъ въ Ѳессалію къ друзьямъ Критона; это точно, что безпорядокъ тамъ и распущенность величайшіе, и вѣроятно они съ удовольствіемъ стали бы слушать твой разсказъ о томъ, какъ это было смѣшно, когда ты бѣжалъ изъ тюрьмы переряженный, надѣвши козлиную шкуру, [11]) или еще что-нибудь, что надѣваютъ обыкновенно при побѣгѣ, и перемѣнивъ себѣ лицо.
А что ты, старый человѣкъ, которому по всей вѣроят- E.
ности не долго осталось жить, рѣшился такъ малодушно цѣпляться за жизнь,—этого тебѣ никто не замѣтитъ? Мо-

[10]) По гречески въ обоихъ случаяхъ одно и тоже слово—*διαφθορεύς* (развратитель, разрушитель).

[11]) *διφθέρα* — обыкновенная одежда греческаго пастуха.

жетъ быть и не замѣтятъ, если ты никого не обидишь, а иначе, Сократъ, ты услышишь много такого, чего вовсе и не заслужилъ. И вотъ будешь ты жить, заискивая у всякаго рода людей, да и что тебѣ тамъ дѣлать, кромѣ какъ наслаждаться ѣдой, все равно какъ если бы ты отправился въ Θессалію на ужинъ. А бесѣды о справедливости и про-
5 . чихъ добродѣтеляхъ, онѣ куда дѣнутся? Но разумѣется ты желаешь жить ради дѣтей, для того, чтобы вскормить и воспитать ихъ? Какъ же это однако? Вскормишь и воспитаешь, уведя ихъ въ Θессалію, и вдобавокъ ко всему прочему сдѣлаешь ихъ иностранцами? Или ты этого не думаешь дѣлать, а думаешь, что они получатъ лучшее воспитаніе и образованіе, если будутъ воспитываться при твоей жизни, хотя бы и вдали отъ тебя? Или ты думаешь, что твои близкіе будутъ о нихъ заботиться, если ты переселишься въ Θессалію, а если переселишься въ Аидъ, то не будутъ?
B. Надо полагать, что будутъ, если они только на что-нибудь годятся, такъ называемые твои близкіе.

XVI. Нѣтъ, Сократъ, послушайся ты насъ, своихъ воспитателей, и не ставь ничего впереди справедливости,— ни дѣтей, ни жизни, ни еще чего-нибудь, чтобы, придя въ аидъ, ты могъ оправдаться этимъ предъ тамошними правителями. Въ самомъ дѣлѣ, если ты сдѣлаешь то, что намѣренъ сдѣлать, то и здѣсь не будетъ хорошо, ни для тебя ни для кого-нибудь изъ твоихъ,—не будетъ ни справедливо, ни согласно съ волею боговъ,—да и послѣ того какъ придешь туда, будетъ не лучше; а если ты уйдешь теперь, то уйдешь обиженный не нами, законами,
C. а людьми. Если же выйдешь изъ тюрьмы, столь постыдно воздавши за несправедливость и зло, нарушивши заключенные съ нами договоры и обязательства и причинивъ зло какъ разъ тѣмъ, кому всего менѣе слѣдовало причинять его,—самому себѣ, друзьямъ, отечеству, намъ, то и мы будемъ на тебя сердиться при твоей жизни, да и тамъ наши братья, законы аида, не примутъ тебя съ радостью, зная, что ты и насъ готовъ былъ уничтожить, насколько это отъ тебя зависѣло. Но да не убѣдитъ тебя Критонъ послу-
D. шаться скорѣе его, нежели насъ.

XVII. Увѣряю тебя, милый другъ, что мнѣ кажется, будто я все это слышу, подобно тому какъ корибанствующимъ кажется, что они слышатъ флейты [12]), и отъ этихъ-то вотъ

[12]) Коривантами назывались жрецы великой матери боговъ Кибелы

рѣчей звонъ стоитъ у меня въ ушахъ и не позволяетъ мнѣ слышать ничего другого. Вотъ ты и знай,—такъ, по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ теперь,—что если ты будешь говорить противное, то будешь говорить понапрасну. Впрочемъ, если думаешь сказать сильнѣе, говори.

Кр. Но мнѣ нечего говорить, Сократъ.

Сокр. Оставимъ же это, Критонъ, и сдѣлаемъ такъ, E. какъ Богъ указываетъ.

или Реи; отсюда *корибанствовать* значило учавствовать въ таинствахъ или оргіяхъ этой богини, сопровождавшихся пляскою и музыкой. Изъ словъ Сократа можно заключить, что участники этихъ оргій продолжали и въ обыкновенное время слышать музыку, поразившую ихъ слухъ во время экстаза.

рѣчей этого стоитъ у меня въ ушахъ и не позволяетъ мнѣ слышать ничего другого. Вотъ знай же—такъ по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ теперь—что если ты будешь возражать противное, то будешь говорить понапрасну. Впрочемъ если думаешь сказать что нибудь, говори.

Кр. Но мнѣ нечего говорить, Сократъ.

Сокр. Оставимъ же это, Критонъ, и сдѣлаемъ такъ, какъ Богъ указываетъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О КРИТОНѢ.

Сыновнее повиновеніе отечественнымъ законамъ есть безусловная обязанность каждаго гражданина, хотя бы такое повиновеніе требовало его смерти. Испробовавъ законные пути убѣжденія, каждый долженъ подчиниться суду отечественному, хотя бы онъ и считалъ несправедливымъ его рѣшеніе, ибо неповиновеніе закону въ корнѣ подрываетъ законъ, которымъ держится отечество. И если мы не можемъ насиловать разгнѣваннаго отца, хотя бы онъ билъ насъ, или если мы не должны ослушаться воли родительской, то тѣмъ паче передъ людьми и богами неправедно и нечестиво неуваженіе къ закону, ослушаніе отечеству.

Таковъ смыслъ этого маленькаго діалога, въ которомъ Сократъ изображается самымъ любящимъ и покорнымъ изъ сыновъ своего отечества, благодарнымъ и преданнымъ охранителемъ его законовъ, привязаннымъ къ Аѳинамъ до самой смерти болѣе всѣхъ своихъ согражданъ. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ иного рода защиту нежели въ „Евтифронѣ" или „Горгіи". Въ первомъ Сократъ защищается отъ обвиненія въ нечестіи, обличая суевѣрное благочестіе своихъ современниковъ и противополагая ему вѣру въ начала добра и правды. Въ Горгіи онъ осуждаетъ всю государственную жизнь и дѣятельность Аѳинъ, всѣ стремленія величайшихъ изъ мужей аѳинскихъ, создателей славы и могущества родного города; онъ противополагаетъ ихъ суетнымъ усиліямъ, ихъ ложной политикѣ свою единую спасающую истинную политику, направленную на нравственную реформу общества, ту реформу, о которой онъ говоритъ и въ Апологіи, отвѣчая на обвиненіе въ развращеніи юношества. Въ обоихъ діалогахъ Платонъ противополагаетъ обвиненію энергичную контръ-атаку, которая является особенно сильною и рѣзкою въ Горгіи—діалогѣ, по мнѣнію большинства совре-

менныхъ критиковъ, написанному подъ неостывшимъ впечатлѣніемъ казни Сократа.

„Критонъ" дышетъ другимъ настроеніемъ, исполненнымъ глубокаго мира, и защищаетъ Сократа совершенно инымъ оружіемъ. Законы отеческіе являются здѣсь предметомъ благоговѣйнаго уваженія и благодарности со стороны осужденнаго философа. Передъ смертью въ темницѣ онъ свидѣтельствуетъ, что не отъ нихъ, не отъ законовъ аѳинскихъ терпитъ онъ неправду, а отъ людей. Законы его родили, вскормили, воспитали. Сократъ видитъ въ нихъ устои отечества, признаетъ за ними высшую нравственную санкцію и называетъ ихъ „братьями" тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которые царствуютъ въ Аидѣ, въ мірѣ загробномъ. Они превосходятъ законы другихъ городовъ и народовъ, и хотя философъ и хвалитъ постоянно законы Крита и Спарты, соотвѣтствующіе аристократическому строю, однако же онъ не промѣнялъ на нихъ отечественныхъ законовъ, сохранивъ имъ вѣрность до конца и самою смертью запечатлѣвъ свое послушаніе имъ и свою преданность Аѳинамъ. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь смягченіе тѣхъ положеній, которыя съ такою силой высказаны въ „Горгіи". Въ Критонѣ слышится голосъ аѳинскаго гражданина Периклова вѣка, который звучитъ какимъ-то анахронизмомъ: идеалъ свободнаго народа, въ которомъ нѣтъ иной власти, кромѣ законовъ и вѣчнаго божественнаго права, какъ ихъ общей, неписанной основы—этотъ возвышенный идеалъ высказывается и въ знаменитой Перикловой рѣчи (Ѳук. II, 37), и въ драмѣ Софокла, въ Эдипѣ (865), въ Антигонѣ (450 сл.).

Шлейермахеръ (I, 2, 162) считаетъ Критона чуть ли не записью дѣйствительнаго разговора Сократа, и Целлеръ видитъ въ немъ одинъ изъ „наиболѣе раннихъ и наиболѣе историческихъ" діалоговъ Платона (II, I^3, 142). Указанныя особенности его заставляютъ однако усумниться какъ въ раннемъ происхожденіи Критона, такъ и въ его историческомъ характерѣ. Не слѣдуетъ впрочемъ смѣшивать этихъ двухъ вопросовъ.

Время написанія Критона дѣйствительно представляется болѣе позднимъ, чѣмъ полагалъ Целлеръ, повидимому болѣе позднимъ, чѣмъ эпоха написанія Горгія, Евтифрона, Апологіи. Помимо примирительной тенденціи, которая отличаетъ отъ нихъ нашъ діалогъ, мы находимъ въ немъ такое рѣшительное и послѣдовательное утвержденіе принципа neminem laede (никому не вреди), которое встрѣчается только въ „Государствѣ" и является чуждымъ не только Ксенофонтову Сократу, но даже

Платону въ его „Горгіи“, гдѣ, наоборотъ, высказывается мысль, что мы должны содѣйствовать гибели нашего врага, способствуя его безнаказанности (480 *E*) *). Далѣе Гомперцъ младшій приводитъ весьма вѣскія соображенія, заставляющія насъ признать, что Критонъ написанъ послѣ Фэдона, въ которомъ находится прозрачная ссылка на апологію, между тѣмъ какъ Критонъ не только не предполагается, но повидимому еще неизвѣстенъ. На вопросъ Фэдона знаетъ ли онъ объ обстоятельствахъ относящихся къ суду Сократа, Эхекратъ, въ началѣ діалога „Фэдонъ,“ отвѣчаетъ, что они были возвѣщены (*ταῦτα μὲν ἡμῖν ἤγγειλέ τις*), но что онъ недоумѣваетъ, почему приговоръ столь долго не былъ приведенъ въ исполненіе. Фэдонъ подробно объясняетъ ему причину задержки—въ отправленіи священнаго корабля въ Делосъ, до возвращенія котораго смертный приговоръ не могъ быть исполненъ, при чемъ Фэдонъ говоритъ и о самомъ учрежденіи делійской Θеоріи. *Въ Критонѣ все это предполагается извѣстнымъ*: „или судно (*τὸ πλοῖον*) пришло изъ Делоса?“ спрашиваетъ Сократъ. Далѣе Эхекратъ справляется пускали ли друзей къ Сократу въ темницу, что также показываетъ, что „Критонъ“ еще неизвѣстенъ **).

И такимъ образомъ этотъ діалогъ повидимому написанъ послѣ Горгія, Евтифрона, Фэдона и Менона (на котораго ссылается Фэдонъ). Въ этомъ діалогѣ Платонъ, возвратившійся въ Аѳины и начавшій свою учительскую дѣятельность, мирится съ роднымъ городомъ, показывая въ образѣ самого Сократа, что его требованія коренной нравственной реформы, его обличеніе неправды, царящей въ обществѣ, совмѣстимо съ любовью къ отечеству и съ вѣрностью государству до послѣдняго издыханія: мало того, философія Сократа, его нравственно-общественный идеалъ сходится съ тѣмъ, что есть наиболѣе возвышеннаго въ аѳинской государственной идеѣ, какъ ее понимали величайшіе и лучшіе люди аѳинскіе V-го вѣка.

Итакъ Критонъ не принадлежитъ къ числу раннихъ діалоговъ Платона. Но вѣренъ ли тотъ образъ Сократа, который онъ намъ даетъ? Справедливо ли въ историческомъ смыслѣ такое истолкованіе дѣятельности Сократа? Быть можетъ, еслибы Критонъ былъ написанъ ранѣе, Платонъ не выдвинулъ бы столь энергично чисто аттическій патріотизмъ своего учителя.

---

*) Мы отмѣтили въ Критонѣ мѣсто, которое *можетъ быть* ссылкою на Горгія см. стр. 350. Ср. также Апологію 28 В—31.

**) H. Gomperz въ Zeitschr. f. Philos. und philos. Kritik Bd. 109 (1896) 2, 176 сл.

И тѣмъ не менѣе, эта аѳинская окраска политическаго идеализма, которая останавливаетъ наше вниманіе въ Сократѣ Критона—есть подлинная историческая черта. Сократъ дѣйствительно, съ полнымъ правомъ могъ сказать про себя, что онъ былъ вскормленъ и воспитанъ аѳинскими законами, что нравственно-общественный идеалъ Аѳинъ Периклова вѣка былъ воспринятъ имъ и возведенъ на высшую ступень философскаго сознанія. Этотъ идеалъ человѣческаго общества, управляемаго законами, въ основаніи которыхъ лежитъ вѣчное право—божественный законъ,—входитъ органически въ философію Сократа и послѣ него передается его преемникамъ, великимъ философамъ аѳинскимъ. „Знать законное“ относительно боговъ и людей—въ этомъ ключъ благочестія и справедливости, въ этомъ высшая цѣль разумной человѣческой дѣятельности,—частной и общественный. И государственный идеалъ Периклова вѣка, идеалъ государства, какъ свободно-разумнаго союза людей, осуществимъ лишь при томъ условіи, что-бы граждане „познали законное“, прониклись сознаніемъ права и закона, который только тогда и будетъ дѣйствительно царствовать, станетъ живою нормой. Но „познать законное“ для Сократа еще не значитъ знать законы писанные и неписанные; самое понятіе „неписаннаго закона“ въ эпоху Сократа было двусмысленно, обнимая въ себѣ какъ обычай (*ἔθη*), положенія обычнаго права, такъ и высшій божественный законъ (*θεῖος νόμος*) — общія и вѣчныя нормы права, которыя еще Гераклитъ признавалъ какъ основу и источникъ всѣхъ человѣческихъ законовъ. И объ этомъ самомъ вѣчномъ законѣ, объ естественномъ правѣ, среди греческой интеллигенціи велся горячій споръ: имѣетъ ли онъ разумный, этическій характеръ, или же онъ сводится только къ праву силы и лежитъ за предѣлами, по ту сторону добра и зла? Для Сократа вѣчный и божественный законъ есть разумная норма, есть вѣчная правда, справедливость (*τὸ νόμιμον—δίκαιον*). То противорѣчіе между правомъ и закономъ, въ сознаніи котораго разлагалась государственная идея, исчезнетъ тогда, когда законодатели и правители проникнутся правосознаніемъ, сознаніемъ справедливости. Законы перестанутъ быть произвольнымъ постановленіемъ господствующей партіи или господствующей власти, когда „познаніе добра“ или познаніе правды станетъ общемъ достояніемъ. Если Сократъ осуждалъ современный ему строй, то это во имя этого идеала и если онъ осуждалъ государственныхъ людей, современныхъ ему и предшествовавшихъ ему, то за недостатокъ яснаго сознанія этого

идеала, за то, что ни одинъ изъ нихъ, не исключая Перикла, не умѣлъ дать отчетъ въ томъ, что такое государство, что такое законъ, что такое справедливость. Онъ не только былъ величайшимъ политическимъ идеалистомъ, но самый идеализмъ его коренился въ аѳинской почвѣ. Нерѣдко указывали на его симпатіи къ спартанскому строю въ противоположность уклоненіямъ аѳинскаго демократическаго радикализма и распущенности. Но тѣ черты, которыя онъ цѣнилъ у спартанцевъ—уваженіе къ закону, строгость дисциплины, заботу о нравственномъ воспитаніи юношества—еще не дѣлаютъ его политическимъ сторонникомъ лаконской партіи. Этого мало, его этическій идеалъ государства, какъ нравственно-разумнаго цѣлаго, благо котораго совпадаетъ съ благомъ отдѣльныхъ гражданъ и осуществляется въ ихъ разумномъ взаимодѣйствіи, въ наиболѣе цѣлесообразномъ раздѣленіи труда, соотвѣтствующемъ способности, умѣнію, знаніямъ каждаго,—такой идеалъ могъ вырости лишь на свободной аѳинской почвѣ, а не на почвѣ узкаго спартанскаго традиціонализма.

Критонъ даетъ намъ исторически вѣрное изображеніе, и въ основаніи его могутъ лежать дѣйствительныя воспоминанія. Это не значитъ однако, что бы нашъ діалогъ былъ простою записью разговора Сократа съ его ученикомъ, какъ предполагаетъ Шлейермахеръ (I, 2, 162), хотя авторъ могъ съ большимъ правомъ сказать про него то же, что онъ говоритъ и про остальные въ своемъ письмѣ къ Діонисію II 314 C... „да и нѣтъ никакого сочиненія Платона и впредь не будетъ, а то, что говорится здѣсь, принадлежитъ Сократу, сдѣлавшемуся вновь молодымъ и прекраснымъ“ (*οὐδ' ἔστι σύγγραμα Πλάτωνος οὐδὲν, οὐδ' ἔσται, τὰ δὲ νῦν λεγόμενα Σωκράτους ἐστὶ καλοῦ καὶ νέου γεγονότος*).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Ксенофонтова Апологія Сократа.

Мнѣ представляется достойнымъ воспомининіемъ о Сократѣ также и то, [1]) какимъ образомъ онъ, будучи привлеченъ къ суду, разсуждалъ о своей защитительной рѣчи и о кончинѣ жизни. Писали объ этомъ и другіе, и всѣ коснулись его самовосхваленія, откуда ясно, что и въ дѣйствительности Сократъ говорилъ такимъ образомъ. Но что онъ тогда уже считалъ, что смерть для него предпочтительнѣе жизни, этого они не объяснили, вслѣдствіе чего самовосхваленіе его кажется мало разсудительнымъ. 2) Между тѣмъ Гермогенъ сынъ Иппониковъ, который былъ его товарищемъ, сообщилъ о немъ такого рода свѣдѣнія, что самовосхваленіе его оказывается соотвѣтствующимъ его намѣренію. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ Гермогена, видя, что Сократъ бесѣдуетъ обо всѣмъ на свѣтѣ, только не о своемъ процессѣ, онъ сказалъ ему: 3) „не слѣдуетъ ли Сократъ, разсмотрѣть также и то, что ты скажешь въ свою защиту“. А тотъ отвѣтилъ во-первыхъ: „развѣ не кажется тебѣ, что я прожилъ всю жизнь, заботясь о моей апологіи?“ Когда же Гермогенъ спросилъ „какимъ образомъ“?—„А что я всю жизнь не дѣлалъ никакой неправды, отвѣчалъ онъ,—это я и считаю наилучшей заботой о своей защитѣ“ 4) Гермогенъ снова сказалъ: развѣ ты не знаешь судилища аѳинскія, какъ часто судьи, убѣжденные словомъ, убиваютъ ни въ чемъ не виновныхъ, а виновныхъ, которые либо разжалобили ихъ словомъ, либо говорили вкрадчиво, часто оправдываютъ?“—„Да клянусь Зевсомъ, сказалъ Сократъ, я уже два раза пытался поразмыслить о моей защитѣ, но мнѣ противится божество. 5)

---

[1]) δὲ повидимому указываетъ на другія воспоминанія о Сократѣ, предшествовавшія Апологіи; возможно однако, что оно принадлежитъ издателю, составившему собраніе сочиненій Ксенофонта.

„Ты говоришь удивительныя вещи“ сказалъ Гермогенъ.—„Развѣ ты считаешь удивительнымъ, отвѣчалъ тотъ, что самому богу кажется лучшимъ для меня, что-бы я умеръ теперь же? Или ты не знаешь, что до сихъ поръ я не допускалъ, что-бы кто либо могъ прожить свою жизнь лучше меня? И, что всего пріятнѣе, я зналъ, что всю жизнь я прожилъ свято и праведно, такъ что, сильно восхищаясь самимъ собою, я находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и близкіе мои обо мнѣ того же мнѣнія. 6) Теперь же, если еще продлятся лѣта мои, я знаю, что необходимо совершится то, что свойственно старости,—и видѣть я буду хуже, и слышать меньше, и стану менѣе способнымъ къ ученію, и болѣе забывчивымъ къ тому, чему я научился. Если же я буду чувствовать, что дѣлаюсь хуже, и буду недоволенъ собою, то какъ же я еще буду находить удовольствіе въ жизни? 7) Такимъ образомъ, продолжалъ онъ, пожалуй самъ богъ, по благоволенію, даетъ мнѣ не только кончить жизнь во благовременіи лѣтъ моихъ, но и кончить ее наиболѣе легкимъ образомъ. Ибо если теперь приговоръ надо мною состоится, то ясно, что мнѣ будетъ дозволено воспользоваться тѣмъ родомъ смерти, который завѣдующіе этимъ дѣломъ признаютъ наиболѣе легкимъ, который даетъ наименѣе заботы друзьямъ и который всего болѣе желателенъ для самого умирающаго. Ибо когда въ умѣ присутствующихъ не оставляется ни чего либо непристойнаго, ни чего либо тягостнаго, но угасаетъ человѣкъ, имѣющій здоровое тѣло и душу, настроенную дружелюбно, то какъ же не признать этого желательнымъ? 8) Итакъ, продолжалъ онъ, правильно противились боги моему размышленію о рѣчи, когда намъ казалось, что слѣдуетъ всячески изыскивать средства для оправданія. Ибо если бы я это сдѣлалъ, то вмѣсто того, что-бы оставить жизнь теперь же, я приготовилъ бы себѣ лишь то, чтобы окончить ее мучимый болѣзнями или старостью, къ которой стекается все, что есть тягостнаго и самаго безотраднаго. 9) Право же, Гермогенъ, сказалъ онъ, я не буду и стремиться къ этому; но я выставлю на показъ все прекрасное, что я, какъ думаю, получилъ отъ боговъ и отъ людей, а также и то мнѣніе, какое я самъ о себѣ имѣю, и если этимъ я разсержу своихъ судей, то скорѣе предпочту умереть, нежели, рабски вымоливъ себѣ жизнь, проводить существованіе много худшее нежели смерть.

10) И вотъ, по словамъ Гермогена, когда Сократъ, державшійся такого образа мыслей, былъ обвиненъ своими противниками въ томъ, что онъ не признаетъ тѣхъ боговъ, которыхъ

признаетъ государство, а вводитъ новыя божества и развращаетъ молодежь, тогда онъ, выступивши впередъ, сказалъ: 11) что касается меня, мужи, то я удивляюсь прежде всего тому, откуда это Мелитъ узналъ, что я, какъ онъ говоритъ, не признаю боговъ, чтимыхъ государствомъ, когда и другіе присутствующіе и самъ Мелитъ, если бы хотѣлъ, могли видѣть меня приносящимъ жертвы на общихъ праздникахъ и на публичныхъ алтаряхъ? 11) И какимъ образомъ могъ бы я вводить новыя божества, говоря, что мнѣ является голосъ божій, знаменующій, что надлежитъ дѣлать? Вѣдь и тѣ, кто гадаютъ по крикамъ птицъ или человѣческимъ предзнаменованіямъ, принимаютъ указаніе отъ голосовъ? Кто же станетъ спорить что громы голосятъ, или что они суть величайшее изо всѣхъ вѣщихъ знаменій? А въ Дельфахъ жрица на треножникѣ, развѣ сама она не голосомъ возвѣщаетъ то, что отъ бога? 13) Также вотъ и то, что богъ предвидитъ будущее и предзнаменуетъ кому хочетъ, вѣдь и это не я одинъ говорю, но такъ же точно и другіе это утверждаютъ и признаютъ. Только другіе называютъ то, что даетъ предзнаменованія,—птицами, вѣщими звуками, знаками, прорицателями, я же называю—божествомъ и думаю, что, называя такимъ образомъ, я выражаюсь и болѣе истинно и болѣе благочестиво, чѣмъ тѣ, которые приписываютъ птицамъ силу боговъ. А что я не лгу на бога, тому я имѣю и слѣдующее доказательство: и многимъ изъ друзей моихъ я сообщалъ совѣты божіи и никогда не оказывался лжецомъ“. 14) Когда же, услыхавши это, судьи стали шумѣть,—одни недовѣряя его словамъ, а другіе завидуя тому, что и отъ боговъ онъ сподобился большаго нежели они,—Сократъ сказалъ снова: ну такъ услышьте еще и другое, что-бы желающіе изъ васъ еще болѣе не вѣрили тому, что я почтенъ свыше. Когда однажды Херефонтъ въ присутствіи многихъ вопрошалъ обо мнѣ въ Дельфахъ, Аполлонъ отвѣчалъ, что нѣтъ никого изъ людей ни благороднѣе, ни праведнѣе, ни разумнѣе“. 15) Когда же, услыхавши это, судьи, разумѣется, стали шумѣть еще больше, Сократъ заговорилъ опять: „однако о Ликургѣ, законодателѣ Лакедемонянъ, богъ высказалъ въ оракулахъ большее, нежели обо мнѣ, мужи. Говорятъ, что богъ такъ обратился къ нему при входѣ его въ храмъ: „размышляю, богомъ ли мнѣ тебя назвать или человѣкомъ“? Меня же онъ не уподобилъ богу, хотя и призналъ за мною превосходство надъ людьми во многомъ. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ вы не вѣрьте богу безъ разсужденія, а разсмотрите въ отдѣльности то, о чемъ говорилъ богъ. 16) Кого знаете

вы, кто бы менѣе меня рабствовалъ вожделѣніямъ тѣла? Кого благороднѣе меня, ни отъ кого не принимающаго ни дара, ни мзды? А кого вы по заслугамъ признали бы болѣе справедливымъ нежели того, кто приспособляется къ своему положенію такъ, чтобы не нуждаться ни въ чемъ чужомъ? И какъ по достоинству не признать мудрымъ человѣка, какъ я, который, съ тѣхъ поръ какъ сталъ понимать, что говорится, никогда не переставалъ искать и учиться, чему только могъ хорошему? 17) А что я не всуе трудился, не кажется ли вамъ доказательствомъ этому то, что многіе граждане,—изъ тѣхъ, что стремятся къ доблести, а такъ же и́ многіе чужеземцы, предпочитаютъ мое общество всякому другому? А какую укажемъ мы причину того, что, хотя всѣ знаютъ, что я всего менѣе могъ бы отдаривать деньгами, многіе всетаки желаютъ подарить мнѣ что-нибудь? Или что никто никогда не требуетъ отъ меня отплаты за какое либо благодѣяніе, между тѣмъ какъ многіе признаютъ себя обязанными мнѣ благодарностью? 18) Или что во время осады иные плакали надъ собою, а я проживалъ ничѣмъ не стѣсненнѣе нежели тогда, когда городъ благоденствовалъ въ высшей степени? Или что другіе добываютъ себѣ на рынкѣ дорогіе предметы наслажденія, а я безъ затраты, изъ собственной души доставляю себѣ услады болѣе пріятныя, нежели тѣ? Если же въ томъ, что я сказалъ о себѣ, никто не можетъ уличить меня во лжи, то какъ же не было бы справедливымъ, что-бы меня хвалили и боги и люди? 19) И ты всетаки, Мелитъ, утверждаешь, что при такомъ образѣ жизни я развращаю молодыхъ людей? Вѣдь мы знаемъ, конечно, въ чемъ состоитъ развращеніе молодежи. Такъ скажи же, знаешь ли ты кого-нибудь, кто-бы сталъ черезъ меня изъ благочестиваго нечестивымъ, изъ скромнаго дерзкимъ, изъ живущаго умѣренно расточительнымъ, изъ трезваго пьяницей, изъ трудолюбиваго изнѣженнымъ или побѣжденнымъ какимъ либо другимъ порочнымъ удовольствіемъ?“ 20) „Но клянусь Зевсомъ, сказалъ Мелитъ, я знаю тѣхъ, кого ты убѣдилъ слушаться тебя, болѣе чѣмъ отца съ матерью“.—„Согласенъ, отвѣчалъ Сократъ,—это относительно воспитанія: вѣдь они знаютъ, что въ этомъ моя забота. Относительно здоровья вѣрятъ же люди врачамъ болѣе нежели родителямъ, и въ собраніяхъ народныхъ, несомнѣнно, всѣ аѳиняне вѣрятъ тѣмъ, кто говоритъ всего разумнѣе, болѣе, нежели родственникамъ. И въ военноначальники не избираете ли вы тѣхъ, кого считаете наиболѣе свѣдущими въ военномъ дѣлѣ, предпочтительно и передъ отцами, и передъ братьями и даже, клянусь Зевсомъ, передъ самими собою“? „Вѣдь такъ оно и полезно, и принято Сократъ“ молвилъ Мелитъ. 21) „Въ такомъ случаѣ, сказалъ Сократъ, не кажется ли тебѣ удивительнымъ, что въ прочихъ дѣлахъ наиболѣе выдающіеся получаютъ не только равенство, но и предпочтеніе, я же подвергаюсь отъ тебя преслѣдованію на смерть за то, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, превосхожу другихъ въ дѣлѣ, составляющемъ высшее благо людей,—въ дѣлѣ воспитанія“?

22) Очевидно, что было сказано больше этого, какъ самимъ Сократомъ, такъ и друзьями, говорившими въ его пользу. Но я не старался о томъ, что-бы разсказать все, бывшее на судѣ, и мнѣ было достаточно показать, что Сократъ болѣе всего дорожилъ тѣмъ, что-бы не быть нечестивымъ по отношенію къ богамъ и не явиться несправедливымъ по отношенію къ людямъ, 23) а что-бы ему не умирать, объ этомъ онъ не считалъ нужнымъ упрашивать, находя, что ему самое время окончить жизнь. Что онъ полагалъ именно такъ, стало всего яснѣе когда состоялся обвинительный приговоръ. Ибо вопервыхъ, когда ему велѣли назначить себѣ наказаніе [1]) онъ и самъ не назначилъ и друзей не допустилъ, но сказалъ на это, что назначать себѣ наказаніе приличествуетъ тому, кто признается въ преступленіи. Далѣе, онъ не послѣдовалъ товарищамъ, которые хотѣли его похитить, но, къ тому же, повидимому, и посмѣялся надъ ними, спросивъ, знаютъ ли они внѣ Аттики какое нибудь мѣсто, куда нѣтъ доступа смерти“?

24) Когда же судъ окончился, онъ сказалъ: „однако тѣ мужи, которые научили, какъ надо, давъ ложную клятву, лжесвидѣтельствовать противъ меня, а также и тѣ, кто послушались ихъ, должны сознавать за собою великое нечестіе и неправду. Но мнѣ то почему болѣе подобаетъ смириться теперь, чѣмъ до моего осужденія, разъ я не былъ изобличенъ въ содѣяніи чего либо изъ того, въ чемъ Мелитъ принесъ на меня жалобу? Вѣдь не оказалось же, что-бы я, вмѣсто Зевса, Геры и соприсущихъ съ ними боговъ, приносилъ жертвы какимъ то новымъ демонамъ, или клялся другимъ богамъ или чтилъ ихъ? Что же касается юношей, то какимъ образомъ могъ бы я развращать ихъ, пріучая ихъ къ воздержанію и простотѣ? Изъ тѣхъ дѣяній, за которыя полагается смертная казнь,—каковы святотатство, взломъ жилищъ, продажа свободнаго человѣка въ рабство,

[1]) *ὑποτιμᾶσθαι* вм. обычнаго *ἀντιτιμᾶσθαι, τιμᾶσθαι, τιμᾶν ἑαυτῷ,* — назначить себѣ мѣру наказанія,—разумѣется денежный штрафъ.

государственная измѣна,—и самые обвинители не приписывали мнѣ ничего такого, такъ что мнѣ кажется удивительнымъ, какъ это вы усмотрѣли за мною дѣяніе, достойное смерти? 26) Однако и изъ за того, что я несправедливо преданъ смерти, не слѣдуетъ мнѣ менѣе высоко мыслить. Вѣдь это постыдно не для меня, а для тѣхъ, кто меня осудили. Къ тому же утѣшаетъ меня и Паламедъ, окончившій жизнь приблизительно такъ же, какъ и я. Вѣдь и теперь еще онъ внушаетъ гимны, много прекраснѣйшіе, нежели Одиссей, неправедно его умертвившій [1]). Знаю, что и обо мнѣ не только будущимъ, но и прошедшимъ временемъ засвидѣтельствовано будетъ, что я никого никогда не обидѣлъ и не сдѣлалъ худшимъ, благодѣтельствуя собесѣдовавшимъ со мною, уча даромъ чему только могъ хорошему. 27) Сказавъ же это, Сократъ отошелъ въ полномъ соотвѣтствіи сказанному, бодрый взглядомъ и видомъ и поступью. Замѣтивъ же, что идущіе за нимъ—въ слезахъ, онъ сказалъ: „что это? или вы заплакали? Развѣ вы не знаете уже давно, что смерть была присуждена мнѣ природой съ тѣхъ поръ какъ я родился? Ясно, конечно, что если бы я погибалъ въ виду притекающихъ благъ, не успѣвъ ихъ достигнуть, то мнѣ и моимъ доброжелателямъ слѣдовало бы печалиться; если же я кончаю жизнь, когда ожидаются бѣдствія, то, я полагаю, вамъ всѣмъ слѣдуетъ радоваться этому, какъ моему счастью“. 28) Бывшій при этомъ нѣкій Аполлодоръ, большой приверженецъ его, а впрочемъ человѣкъ простоватый, сказалъ: „Но вотъ мнѣ что невыносимо, Сократъ,—видѣть тебя несправедливо преданнымъ смерти“. Онъ же, говорятъ, взявъ его за голову, сказалъ: „а ты, милѣйшій Аполлодоръ, предпочиталъ бы видѣть меня справедливо осужденнымъ на смерть“? И при этомъ онъ разсмѣялся. 29) Разсказываютъ также, что, увидавъ проходившаго Анита, онъ сказалъ: „однако торжествуетъ сей славный мужъ, какъ будто онъ совершилъ нѣчто великое и прекрасное, убивши меня за то, что я, видя, какъ городъ удостоиваетъ его высшихъ должностей, говорилъ, что сына его не слѣдуетъ обучать кожевенному мастерству. Что за несчастный! продолжалъ онъ, повидимому онъ и не знаетъ, что тотъ изъ насъ, кто въ жизни сдѣлалъ всего больше прекраснаго и полезнаго, тотъ и есть побѣдитель. 30) Однако, сказалъ онъ, если и Гомеръ приписываетъ нѣкоторымъ людямъ, находящимся на исходѣ жизни, способность предсказывать будущее, то и я хочу предречь нѣчто.

[1]) Повидимому намекъ на драму Еврипида „Паламедъ“.

Я былъ когда-то краткое время въ общеніи съ Анитовымъ сыномъ и онъ показался мнѣ не слабымъ душою: поэтому я утверждаю, что онъ не останется при томъ рабскомъ занятіи, которое приготовилъ ему отецъ; но, не имѣя никакого хорошаго попечителя, онъ впадетъ въ какую либо постыдную страсть и далеко пойдетъ въ развращенности“. 31) Сказавши это, онъ не солгалъ, ибо юноша, пристрастившись къ вину, не переставалъ пить день и ночь и подъ конецъ оказался никуда не годнымъ, ни для города, ни для друзей, ни для себя самого. Анитъ, благодаря дурному воспитанію сына и благодаря собственному неразумію, даже и послѣ смерти пользуется худою славой, 32) а Сократъ, возбудивши зависть своимъ самовозвеличеніемъ на судилищѣ, тѣмъ сильнѣе побудилъ судей постановить ему обвинительный приговоръ. Но мнѣ кажется, что онъ сподобился блаженнѣйшей участи: ибо онъ оставилъ самую худшую часть жизни, а изъ смертей получилъ въ удѣлъ самую легкую изо всѣхъ. 33) И онъ выказалъ силу своей души. Ибо, признавъ, что умереть для него лучше нежели жить, онъ, какъ прочимъ благамъ не противился, такъ и передъ смерью не ослабѣлъ, но радостно и ожидалъ ее, и принялъ. 34) Я же, разсматривая мудрость этого мужа и его благородство, не могу не вспоминать о немъ, а вспоминая, не могу не хвалить. Если же кто изъ стремящихся къ добродѣтели имѣлъ общеніе съ кѣмъ либо болѣе полезнымъ, чѣмъ Сократъ, то я считаю достойнымъ признать такого человѣка блаженнѣйшимъ.

Протагоръ Платона въ связи съ развитіемъ его нравственнаго ученія.

Въ своемъ изслѣдованіи объ авторѣ діалога „Протагоръ“, В. С. Соловьевъ со свойственнымъ ему остроуміемъ и талантомъ затронулъ интересный вопросъ, имѣющій существенное значеніе не только для пониманія Платона, но и для всей исторіи нравственной философіи грековъ.

Вопреки единогласному мнѣнію компетентныхъ критиковъ, В. С. энергично оспариваетъ подлинность указаннаго діалога. Онъ разсуждаетъ такъ: въ діалогѣ „Протагоръ“ Сократъ является проповѣдникомъ гедонизма или морали удовольствія, отожествляя доброе съ пріятнымъ и обосновывая нравственное поведеніе на разумной расцѣнкѣ, измѣреніи удовольствій; принципъ наибольшаго удовольствія оказывается высшимъ разумнымъ принципомъ нормальнаго человѣческаго поведенія. Такое ученіе равно противно какъ историческому Сократу, такъ и самому Платону. Оно сродно лишь той киренской школѣ, которая заслужила прозваніе „гедонической“. А слѣдовательно діалогъ Протагоръ, несомнѣнно носящій „сократическій“ характеръ, могъ быть написанъ лишь однимъ изъ всѣхъ учениковъ Сократа,—Аристиппомъ, основателемъ киренской школы. „Я, по крайней мѣрѣ, рѣшительно отказываюсь представить хотя бы генетическое построеніе Платоновой философіи какъ чего-то осмысленнаго, если нужно включить туда гедонизмъ, навязанный Сократу авторомъ Протагора“,—такъ заключаетъ нашъ критикъ свое разсужденіе.

Вопросъ поставленъ чрезвычайно опредѣленно и разрѣшается съ такою же опредѣленностью. Какъ въ самомъ дѣлѣ объяснить гедонизмъ нашего діалога? Это вопросъ, который возникаетъ передъ каждымъ читателемъ, знакомымъ съ Платономъ, при чтеніи „Протагора“; мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось сталкиваться съ нимъ постоянно при разборѣ этого произведенія на университетскихъ семинаріяхъ. Если считать „Протагоръ“ раннимъ произведеніемъ Платона въ его „сократическую“ эпоху, когда онъ стремился воспроизвести подлинное ученіе Сократа, то какъ объяснить подобное уклоненіе отъ нравственныхъ началъ этого философа? А если видѣть въ Протагорѣ зрѣлое произведеніе Платона, то какъ объяснить подобную измѣну его собственнымъ принципамъ? Остается либо вмѣстѣ съ В. С. Соловьевымъ отвергнуть подлинность Протагора, либо же, если это невозможно, признать, что гедонизмъ въ извѣстной степени былъ моментомъ въ нравственномъ ученіи Сократа и Платона. Вотъ почему мы и полагаемъ, что вопросъ объ авторѣ „Протагора„ не есть простой вопросъ филологическаго любопытства, а что онъ имѣетъ серьезное историко-философское значеніе для пониманія греческой этики.

Заслуга В. С. Соловьева состоитъ въ энергичной и ясной постановкѣ задачи. Тѣмъ не менѣе мы рѣшительно отказываемся принять предлагаемое имъ рѣшеніе и признать Аристиппа авторомъ „Протагора“. Основанія у насъ слѣдующія: 1) если откинуть тѣ пять предпослѣднихъ главъ этого діалога, гдѣ Сократъ говоритъ объ удовольствіи въ качествѣ принципа поведенія, то въ остальныхъ частяхъ мы не видимъ ни одной черты, свидѣтельствующей противъ авторства Платона, и находимъ нѣкоторыя существенныя особенности, прямо исключающія авторство Аристиппа; 2) ученіе объ удовольствіи, развиваемое Сократомъ въ помянутыхъ пяти предпослѣднихъ главахъ, отлично отъ того, которое развивалъ Аристиппъ; 3) ученіе объ удовольствіи, заключающееся въ „Протагорѣ“, аналогично тому, которое мы находимъ у самого Платона въ его старческомъ произведеніи „Законахъ“ (V, 5—6), откуда слѣдуетъ, что вопросъ объ отношеніи Платона къ принципу удовольствія долженъ быть рѣшенъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ это дѣлаетъ В. С. Соловьевъ, и во всякомъ случаѣ нуждается въ тщательномъ разсмотрѣніи.

I.

Разсмотримъ же всѣ указанные пункты въ отдѣльности.

„Протагоръ“ представляетъ довольно растянутое произведеніе, отдѣльныя части котораго плохо связаны между собою—въ отличіе отъ болѣе зрѣлыхъ произведеній Платона. Не даромъ В. С. Соловьевъ считаетъ возможнымъ допустить, что Протагоръ составленъ изъ шести маленькихъ діалоговъ, и хотя

такое предположеніе мало вѣроятно, впечатлѣнія цѣльности этотъ діалогъ не даетъ, такъ что возможность отдѣльныхъ вставокъ вполнѣ допустима (наприм., растянутое, неуклюжее толкованіе Симонидова стихотворенія). Тѣмъ не менѣе, изъ тѣхъ шести частей, на которыя, по мнѣнію В. С. Соловьева, дѣлится діалогъ, только одна, обнимающая главы 55—39 (351 B—360 A), могла дать нашему критику серьезный поводъ для его сомнѣній; такъ что если бы возможно было помѣстить заключительное разсужденіе о мужествѣ въ гл. 39 (360 B) непосредственно вслѣдъ за разсужденіемъ о томъ же предметѣ въ гл. 34, предшествующей помянутымъ пяти главамъ, то самъ В. С. Соловьевъ едва ли рѣшился бы отвергать подлинность нашего діалога и приписывать его Аристиппу.

Онъ замѣчаетъ правда, что въ „Протагорѣ“ высказывается иное отношеніе къ софистамъ, чѣмъ то, какое встрѣчается въ другихъ діалогахъ Платона. Но, признаться, мы такой разницы не видимъ, какъ не видитъ ее и Георгъ Гротъ, столь хорошо выяснившій отношеніе Платона къ софистамъ вообще [1]). Гиппій и въ особенности Продикъ изображаются въ комическомъ видѣ, и авторъ „Протагора“ пародируетъ ихъ слогъ, подобно тому какъ стиль Горгія пародируется въ Платоновомъ „Пиршествѣ“ въ рѣчи Агаѳона. Самое сборище софистовъ въ домѣ Каллія описано съ неподражаемымъ, чисто Платоновскимъ юморомъ въ знаменитой сценѣ (314 C—316 A), составляющей одинъ изъ лучшихъ образцовъ художественнаго изображенія во всемъ собраніи діалоговъ Платона. „Съ минимальной долей ироніи“ выведенъ учитель Аристиппа, Протагоръ. Но къ этому софисту Платонъ относился съ уваженіемъ и въ несомнѣнно подлинныхъ своихъ произведеніяхъ, гдѣ, какъ въ Ѳеететѣ, онъ показывалъ все серьезное значеніе его сенсуализма и релативизма, который несомнѣнно вошелъ, какъ подчиненный моментъ, и въ ученіе самого Платона. „Рѣзкой каррикатуры“ на софистовъ мы не находимъ у Платона нигдѣ, за исключеніемъ развѣ Евтидема; да и тамъ подъ личиной злосчастныхъ Евтидема и Діонисіодора бичуются родоначальники кинической школы [2]). Правда принципіальная разница между продажной софистикой, торгующей мнимымъ знаніемъ, и между философіей, безкорыстнымъ служеніемъ истинѣ, заботой о благѣ души, никогда не упускается Платономъ изъ виду. Но сознаніе такой разницы

[1]) G. Grote, History of Greece VIII, 474—544.

[2]) См. выше мое разсужденіе объ Евтидемѣ Платона.

ясно высказывается съ первыхъ же страницъ нашего діалога, гдѣ Сократъ столь серьезно ставитъ передъ совѣстью своего юнаго друга вопросъ о нравственной цѣнности софистической мудрости, о ея пользѣ или вредѣ для души, которая, какъ сосудъ, наполняется пріобрѣтеннымъ ученіемъ. Иппократъ краснѣетъ при одной мысли, что его могутъ заподозрѣть въ желаніи сдѣлаться софистомъ (312), и на вопросъ Сократа, „не стыдно ли было бы тебѣ ради боговъ представиться эллинамъ въ качествѣ софиста?“ — отвѣчаетъ безъ обиняковъ „ей-богу стыдно, Сократъ, если сказать, что думаю“. Далѣе софисты характеризуются, какъ разнощики, торгующіе душевной пищей сомнительнаго достоинства, какъ люди „развозящіе по городамъ науку и продающіе ее всякому желающему оптомъ и въ розницу (*πωλοῦντες καὶ καπηλεύοντες*)“, при чемъ они хоть и выхваляютъ все, чѣмъ они торгуютъ, но сами зачастую „не знаютъ толку въ томъ, что они продаютъ,—хорошо ли или худо оно для души“ (313 C. D.).

Подобныя рѣчи, вполнѣ понятныя въ устахъ Сократа или Платона, были бы по меньшей мѣрѣ странны въ устахъ Аристиппа, который, согласно всему, что мы о немъ знаемъ, былъ софистомъ и до и послѣ своего знакомства съ Сократомъ и обращалъ свою философію въ средство къ обезпеченному, пріятному существованію. Странно было бы слышать отъ космополита, индивидуалиста, освобождавшаго себя отъ всякихъ соціальныхъ узъ, выраженіе недовѣрія къ странствующимъ софистамъ, къ которымъ Аристиппъ всего болѣе подходилъ по образу жизни [1]).

Перейдемъ къ другой части Протагора — къ тѣмъ страницамъ, гдѣ Сократъ доказываетъ единство добродѣтелей и сводитъ ихъ къ знанію. Здѣсь мы находимся всецѣло на почвѣ діалектики историческаго Сократа — настолько, что Аристотель и его ученики ссылались на нашъ діалогъ какъ на выраженіе подлиннаго ученія Сократа [2]). Сенсуалистическая теорія познанія Аристиппа, противъ которой направлена полемика первой части Ѳеетета, отсутствуетъ здѣсь всецѣло. Отсюда мы хотимъ сдѣлать только одинъ выводъ: *за исключеніемъ „гедонизма“ пяти*

[1]) О гонорарѣ, который Аристиппъ взималъ за свое преподаваніе — въ противность правиламъ Сократа см. Zeller Philos. d. Griechen II, 1_4 338,5. О его странствованіяхъ и космополитизмѣ ib. 339 и др., ср. Xenoph. Mem. II, 1, 8, 13 *οὐδ' εἰς πολιτείαν ἐμαυτὸν κατακλείω, ἀλλὰ ξένος πανταχοῦ εἰμι.* Аристотель прямо причисляетъ его къ софистамъ Met. II, 2, 996 a 32.

[2]) Ср. Zeller, II, 1^4, 336 слѣд.

предпосльднихъ главъ мы не находимъ въ Протагорљ никакихъ основаній въ пользу авторства Аристиппа или противъ авторства Платона [1]).

II.

Обратимся теперь къ самому „гедонизму“ помянутыхъ главъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи и въ нихъ мы не находимъ ученія Аристиппа. Что извѣстно намъ достовѣрнаго объ этомъ философѣ, столь близкомъ къ софистамъ, несмотря на свою связь съ Сократомъ? „Въ теоретической философіи,—говоритъ В. С. Соловьевъ,—онъ усвоилъ себѣ сенсуалистическую точку зрѣнія Протагора: подлиннымъ основаніемъ истины и для него была субъективная и относительная дѣйствительность единичныхъ ощущеній“. Мы ничего не знаемъ и не можемъ знать, кромѣ субъективныхъ состояній нашего сознанія. Какъ граждане осажденнаго города не знаютъ ничего, что происходитъ внѣ его стѣнъ, такъ и для насъ закрыта вся внѣшняя дѣйствительность: намъ даны только впечатлѣнія и ощущенія. Объективное познаніе невозможно; но ощущенія наши мы можемъ познавать и расцѣнивать. Всѣ они дѣлятся на пріятныя и непріятныя, и намъ важно только одно—имѣть какъ можно болѣе пріятныхъ ощущеній или удовольствій и какъ можно меньше страданій. И если мы освободимся отъ предразсудковъ, то поймемъ, что естественная цѣль человѣка состоитъ въ удовольствіи, а удовольствіе есть положительное наслажденіе, не простое отсутствіе страданія. Такъ, сенсуализмъ Аристиппа служитъ обоснованіемъ его гедонизма.

Всякое ощущеніе есть внутреннее движеніе ощущающаго: легкое, нѣжное, нормальное движеніе вызываетъ удовольствіе; грубое и рѣзкое, чрезмѣрное движеніе производитъ страданіе. Покою или слишкомъ слабому движенію соотвѣтствуетъ безразличное, безчувственное состояніе, чуждое удовольствія и страданія. Если Эпикуръ, слѣдуя Демокриту, училъ впослѣдствіи, что счастье заключается въ отсутствіи страданій и спокойствіи духа, то по Аристиппу такое состояніе уподобляется сну. Удовольствіе есть пріятное возбужденіе, вызываемое движеніемъ (ἡδονὴ ἐν κινήσει), по необходимости преходящее и кратковременное (ἡδυπάθεια μονόχρονος), т.-е. частное удовольствіе (ἡδονὴ μερική), ограниченное *настоящимъ*: прошедшее и будущее—не въ нашей власти. Раскаяніе столь же безплодно, какъ и несбыточныя надежды или страхи за будущее. Только настоящее намъ принадлежитъ, только въ настоящемъ мы дѣйствительно страдаемъ или наслаждаемся. Постоянное удовольствіе, длящееся всю жизнь, конечно, желательно, но недостижимо, и стремиться къ нему значило бы принимать на себя много напрасныхъ трудовъ и лишеній. Счастіе цѣнно лишь какъ сумма отдѣльныхъ настоящихъ наслажденій, и счастливъ тотъ, чья жизнь преизбыточествуетъ такими наслажденіями. Наиболѣе сильны физическія, чувственныя наслажденія, которыя потому и желательнѣе всѣхъ прочихъ: не даромъ преступниковъ караютъ именно физическими лишеніями и страданіями. Есть и духовныя наслажденія, доставляемыя общеніемъ съ людьми, дружбой, искусствомъ, патріотизмомъ; но, очевидно, и они расцѣниваются лишь по степени реальнаго ощутимаго удовольствія, ими доставляемаго, и только впослѣдствіи Аникерисъ, одинъ изъ послѣдователей киренской школы, призналъ ихъ высшую цѣнность. Понятія справедливаго и несправедливаго, постыднаго и похвальнаго послѣдовательно признаются условными, искусственными (οὐ φύσει ἀλλὰ νόμῳ καὶ ἔθει), хотя благоразумный человѣкъ и не будетъ преступать ихъ, чтобы не навлечь на себя наказаній и непріятностей. Хорошо все, что служитъ средствомъ къ нашей цѣли, дурно то, что ей противно.

Для достиженія этой цѣли — наибольшаго наслажденія жизнью—человѣкъ нуждается прежде всего въ разумѣ, разсудительности (φρόνησις). Вмѣстѣ съ Сократомъ Аристиппъ признаетъ, что она нужна для правильной расцѣнки благъ и золъ и тѣхъ средствъ, которыя ведутъ къ нашимъ цѣлямъ. Затѣмъ, разсудительность нужна для того, чтобы умѣть бесѣдовать съ людьми и убѣждать ихъ согласно нашимъ желаніямъ. Наконецъ она нужна для того, чтобы сознать истинную цѣль жизни и освободить себя отъ всякаго рода соціальныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ предразсудковъ, отъ всякаго рода страстей и привязанностей, мѣшающихъ намъ преслѣдовать эту

[1]) Хотя въ древности Аристиппу и приписывались діалоги, нѣкоторые изъ которыхъ были написаны на аттическомъ, а другіе на дорійскомъ нарѣчіи (Diog. L. II, 8, 83), но *неизвљстно*, были ли это *сократическіе* діалоги. Панэцій (ib. II, 7, 64) признавалъ подлинными лишь сократическіе діалоги Платона, Ксенофонта, Эсхина и Антисѳена, сомнѣвался относительно діалоговъ, приписывавшихся Фэдону и Эвклиду, и отвергалъ всѣ остальные. Если даже и не придавать безусловной вѣры сужденію Панэція, приходится допустить, что тѣ діалоги, которые приписывались Аристиппу, по своимъ заглавіямъ, не имѣютъ ничего общаго ни съ Сократомъ, ни съ Протагоромъ (Артабазъ, къ испытавшимъ кораблекрушеніе, къ бѣглецамъ, къ нищему, къ Лаидѣ о зеркалѣ, къ домашнимъ, къ бранившимъ его за пріобрѣтеніе стараго вина и гетеръ, за роскошный столъ и т. п.).

цѣль и отклоняющихъ нашу дѣятельность отъ пути къ наибольшей суммѣ наслажденій. Мудрость состоитъ въ умѣніи пользоваться благами жизни, наслаждаться ими, приспособляясь къ мѣсту, времени и лицамъ, господствуя надъ обстоятельствами и надъ собою—sibi res, non se rebus subjungere [1]). Мудрость нужна не для воздержанія, а для самообладанія: „я обладаю, а не обладаемъ" (*ἔχω οὐκ ἔχομαι*), говорилъ Аристиппъ про свою любовницу, красавицу-гетеру Лаиду. Ясно, что такая мудрость не есть цѣль въ себѣ, какъ у Сократа, не есть та истинная духовная пища, къ выбору которой Сократъ въ нашемъ діалогѣ рекомендуетъ относится съ такою совѣстливой осмотрительностью. Это только средство для успѣха, для достиженія наслажденій. Философъ счастливѣе другихъ, потому что онъ всѣхъ умнѣе и всѣхъ находчивѣе. Онъ дорожитъ прежде всего своей индивидуальной свободой, не связывается никакими путами и предразсудками, все умѣетъ цѣнить, ничѣмъ слишкомъ не дорожитъ, ни о чемъ не сожалѣетъ. Философія даетъ ему превосходство передъ ближними и умѣніе обходиться со всякимъ (*τό πᾶσι θαῤῥοῦντως ὁμιλεῖν*)—самый цѣнный результатъ воспитанія. По Діогену философія научаетъ человѣка разговаривать съ самимъ собою, по Аристиппу она научаетъ его разговаривать съ ближними.

Вотъ несомнѣнно яркое и опредѣленное міросозерцаніе. Съ нашей точки зрѣнія оно лежитъ „по ту сторону добра и зла"; но съ точки зрѣнія нравственныхъ воззрѣній грековъ подобный приговоръ требуетъ большихъ оговорокъ. Во всякомъ случаѣ это не мораль Сократа и не мораль Платона. Но есть ли это мораль нашего „Протагора"? Ничего подобнаго мы не находимъ во всѣхъ шести его частяхъ, не исключая и послѣдней. Здѣсь нѣтъ ни сенсуалистической подстройки гедонизма Аристиппа, ни своеобразнаго ученія объ удовольствіи, которое составляло самое сердце его ученія и заслужило похвалу самого Платона за свою послѣдовательность [2]); здѣсь нѣтъ ни нравственнаго нигилизма, признающаго условность всѣхъ нравственныхъ цѣнностей, искусственность всѣхъ нравственныхъ нормъ, ни, наконецъ, утилитарнаго воззрѣнія на мудрость, обращающаго ее въ средство для жизненнаго успѣха,—воззрѣнія, выросшаго на почвѣ софистики.

---

[1]) См. Горація въ посл. I, 1, 18 nunc in Aristippi furtim praecepta relabor et mihi res non me rebus subjungere conor.

[2]) См. ниже.

Несомнѣнно, что и въ „Протагорѣ" то искусство, которое даетъ человѣку счастіе, то знаніе добра, которымъ обусловливается правильное поведеніе, опредѣляется какъ искусство измѣрять удовольствія и страданія. Мудрый знаетъ, что лучше, потому что онъ вѣрно измѣряетъ, что пріятнѣе. Моментъ гедонизма тутъ есть безъ всякаго сомнѣнія, но это не гедонизмъ Аристиппа и обосновывается онъ иначе, чѣмъ у Аристиппа. Собесѣдникъ Сократа, Протагоръ, отдѣляетъ доброе отъ полезнаго: Сократъ, напротивъ того, отожествляетъ благо съ тѣмъ, что полезно людямъ (какъ онъ постоянно дѣлаетъ это и въ Меморабиліяхъ Ксенофонта); Протагоръ отдѣляетъ доброе отъ пріятнаго, Сократъ отожествляетъ и ихъ въ понятіи блага (*τἀγαθόν*), которое обнимаетъ въ себѣ и полезное, и хорошее (*καλόν*), и пріятное: хорошее, прекрасное поведеніе есть и то, которое наиболѣе полезно людямъ, и то, которое доставляетъ имъ наибольшую сумму удовольствія — разумѣется прочнаго, постояннаго удовольствія, а не тѣхъ пріятныхъ возбужденій, тѣхъ мимолетныхъ, но реальныхъ наслажденій, о которыхъ говоритъ Аристиппъ. Понимаемое такимъ образомъ, ученіе Сократа въ Протагорѣ приближается къ тому, которое излагаетъ Ксенофонтъ. Съ нашей точки зрѣнія собесѣдникъ Сократа, различающій между добрымъ и пріятнымъ, можетъ быть ближе къ истинѣ, чѣмъ Сократъ съ своимъ неопредѣленнымъ понятіемъ блага. Но слѣдуетъ помнить, что этика Сократа была этикой счастія, и что такой евдемонизмъ былъ бы неполнымъ, если бы въ немъ не было отведено подобающаго мѣста удовольствію. Добро есть реальное, истинное благо, потому что оно не только прекрасно, но вмѣстѣ и полезно и пріятно человѣку; поведеніе, согласное съ разумомъ, ведетъ къ *счастію*, потому что самый міръ управляется Высшимъ Разумомъ—таково интимное убѣжденіе Сократа, а впослѣдствіи и Платона.

Разсматривая ближе нѣсколько запутанное разсужденіе послѣднихъ главъ „Протагора", мы еще болѣе убѣждаемся въ томъ, насколько авторъ его близокъ къ ученію подлиннаго Сократа и далекъ отъ чистаго гедонизма Киренской школы. Верховный принципъ этики Сократа есть „знаніе добра"; въ своемъ крайнемъ интеллектуализмѣ онъ проповѣдуетъ, что „знающій" добро не можетъ сознательно дѣлать зло, или выбирать зло: „никто не порочен̆ъ добровольно"—это любимое положеніе Сократа, которое подтверждается и въ нашемъ діалогѣ (358 с.). Противъ этого положенія является естественное возраженіе: какъ же дѣлаютъ тѣ, кто, сознавая добро, поступаетъ противъ

своего сознанія, уступая удовольствіямъ [1])? Такое возраженіе могло быть сдѣлано всякимъ, но прежде всего и наибольшую силу имѣло оно со стороны тѣхъ изъ собесѣдниковъ Сократа, которые признавали верховнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій не разумъ, а удовольствіе или влеченіе къ удовольствію. Среди современниковъ Сократа были и помимо Аристиппа сторонники такого воззрѣнія—иные софисты [2]), Демокритъ или единомышленники Калликла въ Платоновомъ „Горгіи“. Въ „Протагорѣ“ Сократъ пытается отвѣтить на это возраженіе противъ верховенства разума. Онъ прямо спрашиваетъ Протагора, такъ ли онъ относится къ познанію, какъ толпа, которая не видитъ въ немъ „нѣчто сильное, главенствующее, начальствующее“ въ насъ? Толпа полагаетъ „что, хотя познаніе и присуще человѣку, но не оно управляетъ имъ, а нѣчто другое,—иногда аффектъ воли (*θυμός*), *иногда удовольствіе*, иногда скорбь, иной разъ любовь, а часто страхъ,—неразумно представляя себѣ познаніе въ видѣ какой-то невольницы, которую тащатъ за собою всѣ прочіе“ (*ἀτεχνῶς διανοούμενοι περὶ τῆς ἐπιστήμης, ὥσπερ περὶ ἀνδραπόδου, περιελκομένης ὑπὸ τῶν ἄλλων ἁπάντων*). По мнѣнію Сократа, ясно здѣсь высказанному, человѣкомъ правитъ *не удовольствіе, а познаніе или разумъ* (*φρόνησις*): „познаніе есть нѣчто прекрасное, чему свойственно управлять человѣкомъ, и если кто узнаетъ добро и зло, ничто уже не заставитъ его дѣлать что-либо другое, чѣмъ то, что велитъ познаніе; достаточно разума, чтобы помогать человѣку“ (352 BC). Съ этой точки зрѣнія „быть побѣжденнымъ удовольствіемъ“, или „плошать передъ удовольствіемъ“ (перев. Вл. С. Соловьева), объясняется просто какъ „величайшее невѣдѣніе“ (357 E). Правда, что люди ищутъ удовольствія какъ добра и избѣгаютъ страданія какъ зла (354 C). Но поэтому знаніе добра и заключаетъ въ себѣ истинную мѣру удовольствія, или, точнѣе, искусство измѣрять удовольствіе и страданіе. Оно ведетъ насъ къ счастію, которое не только прекрасно, но и блаженно, заключая въ себѣ и полезное и пріятное.

Такимъ образомъ намъ думается, что моментъ гедонизма заключается въ евдемонизмѣ Сократа, хотя онъ и оставался всегда подчиненнымъ высшему началу,—интеллектуализму Сократа, его оптимистической вѣрѣ въ Разумъ. Сократъ не былъ гедоникомъ, но онъ не былъ и киникомъ, хотя и гедоники и

[1]) Xenoph. Memor. IV, 2, 19; Protag. 352 D 353; Hipp. min. 376 B.
[2]) Cp. Dümmler. Akademika, 171.

киники вели отъ него свое начало. Какъ бы то ни было, то ученіе, которое мы находимъ въ послѣдней части нашего діалога, не принадлежитъ Аристиппу, а слѣдовательно, „Протагоръ“ долженъ быть возвращенъ по принадлежности тому собственнику, которому онъ искони приписывался, т.-е. Платону.

III.

Но за Платона говорятъ не одни права давности. Онъ самъ говоритъ за себя въ пятой книгѣ „Законовъ“, гдѣ возвращается къ „измѣрительному искусству“ или „метретикѣ“ своего Протагора. Признавъ, что, послѣ боговъ, самое цѣнное достояніе человѣка есть его душа и что забота о ней должна стоять впереди всего въ достойномъ человѣческомъ существованіи (гл. I), Платонъ излагаетъ правила нравственной жизни. Но недостаточно разсматривать эти правила въ ихъ божественной правдѣ (*ὅσα θεῖά ἐστιν*): Платонъ сознаетъ, что онъ обращается къ людямъ, а не къ богамъ. Люди же, говоритъ онъ, по необходимости, по природѣ озабочены прежде всего удовольствіями и страданіями; а поэтому истинно добрую жизнь недостаточно проповѣдовать за ея красоту или доставляемую ею добрую славу: надо представить ее людямъ какъ такую жизнь, которая ведетъ ихъ къ достиженію всѣми желаемой цѣли—наибольшаго удовольствія и наименьшаго страданія въ теченіе всего человѣческаго существованія (*τὸ χαίρειν πλείω, ἐλάττω δὲ λυπεῖσθαι παρὰ τὸν βίον ἅπαντα* 733 A). Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо сопоставить различные образы порочной и добродѣтельной жизни, сравнивая ихъ *съ точки зрѣнія общей суммы удовольствій и страданій*, заключающихся въ каждой изъ нихъ. При этомъ абсолютная сумма или интенсивность удовольствій данной жизни не имѣетъ рѣшающаго значенія: надо измѣрить ихъ отношеніе къ соотвѣтственной суммѣ страданій той же жизни. Возьмемъ съ одной стороны воздержанную, мужественную, здоровую жизнь, а съ другой—нездоровую, невоздержанную, малодушную, безумную. Съ одной стороны мы будемъ имѣть умѣренныя желанія, умѣренныя удовольствія и умѣренныя лишенія и страданія; съ другой—болѣе сильныя наслажденія, безумныя страсти, безмѣрныя желанія и болѣе сильныя страданія. Въ общемъ, въ правильной жизни удовольствія будутъ перевѣшивать страданія, а въ порочной жизни страданія будутъ преобладать, хотя бы наслажденія безумца и были болѣе интенсивны, чѣмъ тихія радости мудраго. Такимъ образомъ въ результатѣ предпринятаго измѣренія оказывается, что нравствен-

ная жизнь пріятнѣе безнравственной (*ὥστε ἡδίους εἶναι τοὺς βίους τῶν βίων, σώφρονα καὶ ἀνδρεῖον καὶ φρόνιμον καὶ ὑγιεινόν δειλοῦ καὶ ἄφρονος καὶ ἀκολάστου καὶ νοσώδους*); она имѣетъ преимущество передъ порочной жизнью какъ въ отношеніи удовольствія, такъ
и во всѣхъ отношеніяхъ—по красотѣ, правильности, доблести
чести; и поэтому люди, избравшіе добрую жизнь, во всѣхъ
отношеніяхъ *счастливѣе* тѣхъ, кто избралъ противополож-
ную (734).

Это мѣсто изъ „Законовъ" бросаетъ свѣтъ и на „Протагора", и на ученіе историческаго Сократа: добродѣтель пре-
красна сама по себѣ, но мы говоримъ не съ богами, а съ жи-
выми людьми, по природѣ стремящимися къ счастію и наслаж-
денію. Поэтому добродѣтельную жизнь слѣдуетъ восхвалять не только какъ наиболѣе прекрасную и почетную, какъ это дѣлаютъ киники и популярные „учители добродѣтели", но и какъ наиболѣе полезную, счастливую и пріятную. Такъ поступаетъ Сократъ у Ксенофонта, такъ поступаетъ онъ и въ тѣхъ „увѣ-
щательныхъ словахъ" (*λόγοι προτρεπτικοί*), какія влагаетъ ему
въ уста самъ Платонъ, напр. въ Евтидемѣ, или въ нашемъ діалогѣ. И это не простой іезуитскій пріемъ: вѣра въ един-
ство добродѣтели и счастія лежитъ въ основаніи евдемонизма
Сократа.

IV.

Вышеприведенныя основанія достаточно свидѣтельствуютъ въ пользу подлинности „Протагора". Но для того, чтобы уни-
чтожить всякое сомнѣніе, слѣдуетъ уяснить себѣ мѣсто „Про-
тагора" въ ряду другихъ произведеній Платона; въ связи съ
этимъ стоитъ вопросъ о томъ значеніи, какое получаетъ евде-
монизмъ въ различныхъ сочиненіяхъ философа и въ частности,
какое значеніе получаетъ начало удовольствія въ евдемонизмѣ
Платона.

Несмотря на совпаденіе „Протагора" съ „Законами", позд-
нѣйшимъ, старческимъ произведеніемъ Платона, мы относимъ
этотъ діалогъ къ раннимъ „сократическимъ" произведеніямъ его,
какъ это дѣлаютъ Целлеръ и Гомперцъ. Въ пользу такого пред-
положенія свидѣтельствуетъ, помимо нѣкоторой незрѣлости въ
аргументаціи, отсутствіе специфическихъ чертъ Платоновой
идеологіи и этики средняго и послѣдняго періода: единство всѣхъ
добродѣтелей и тожество ихъ съ знаніемъ утверждается въ пол-
номъ согласіи съ ученіемъ Сократа въ отличіе отъ позднѣй-
шаго воззрѣнія самого Платона, и не даромъ Аристотель и его

ближайшіе ученики ссылались на „Протагора", говоря объ ученіи историческаго Сократа.

Однако въ „Протагорѣ" всего менѣе можно искать окончательнаго выраженія сократической мысли, хотя бы такъ, какъ ее понималъ Платонъ. Самъ Сократъ указываетъ на то, что въ „Протагорѣ" онъ не говоритъ своего послѣдняго слова; и онъ дѣлаетъ это не изъ одной вѣжливости къ своимъ собесѣдникамъ. Вѣдь о значеніи удовольствія въ нашемъ діалогѣ говорится все-таки лишь мимоходомъ, а главный вопросъ, около котораго вертится весь разговоръ,—вопросъ о томъ, „изучима ли добродѣтель"—такъ и остается нерѣшеннымъ, къ посрамленію софистовъ. Онъ отлагается до другого раза,—до „Менона", который всецѣло посвящается этому вопросу и служитъ какъ бы продолженіемъ Протагора. Тѣмъ не менѣе, этотъ діалогъ знаменуетъ собой дѣйствительную ступень въ развитіи Платоновой мысли, быть можетъ послѣднюю ступень его сократическаго періода. Въ своей статьѣ о Платонѣ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и въ „предварительномъ очеркѣ" въ первомъ томѣ „Твореній" Платона (стр. 21) В. С. Соловьевъ даетъ прекрасную характеристику этой „подготовительной эпохи" въ жизни Платона: „Онъ получилъ отъ учителя... общій отвѣтъ на вопросъ о цѣли и смыслѣ жизни: мы должны жить для познанія и дѣланія того, что само по себѣ хорошо и потому не зависитъ ни отъ внѣшняго авторитета, ни отъ мотивовъ кажущейся выгоды и мнимаго удовольствія; истинная же выгода и подлинное удовольствіе или удовлетвореніе получаются отъ слѣдованія *самому добру*, познаваемому свободною дѣятельностью ума, при чемъ склонность людей къ злу вмѣсто добра объясняется лишь незнаніемъ и умственными ошибками. Эта послѣдняя сторона въ ученіи Сократа,—его отрицаніе зла какъ такого,—придаетъ ему оптимистическій жизнерадостный характеръ, который однако долженъ былъ исчезнуть изъ настроенія Платона послѣ смерти его учителя". Вотъ, какъ намъ кажется, самое правильное, простое и вмѣстѣ мѣткое объясненіе той ступени въ развитіи Платона, которой соотвѣтствуетъ „Протагоръ".

Но „смертный приговоръ Сократу за его рѣшимость держаться одного чистаго добра и правды обнаруживалъ въ человѣческой природѣ и жизни такую глубину зла, какую нельзя было объяснить однимъ незнаніемъ и нелогичностью. Потрясающее впечатлѣніе этого событія, не измѣняя сразу главныхъ сократическихъ убѣжденій Платона, должно было сообщить но-

вый характеръ его общему взгляду на міръ и на жизнь“ (ib.). И вотъ въ Горгіи, геніальномъ произведеніи, насквозь проникнутомъ этимъ впечатлѣніемъ, мы находимъ какъ бы антитезу Протагора. Здѣсь Платонъ переростаетъ наивный оптимизмъ и наивный евдемонизмъ своей юности и даетъ первое краснорѣчивое выраженіе тому идеализму, который В. С. Соловьевъ характеризуетъ какъ „пессимистическій“ или „отрѣшенный“. Та цѣнность удовольствія, которая признавалась безусловно въ „вѣнцѣ Сократическихъ діалоговъ“ и которую онъ допускаетъ въ качествѣ существеннаго элемента счастья или „евдемоніи“ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, отвергается здѣсь самымъ рѣшительнымъ образомъ. Платонъ обличаетъ весь нравственный строй греческаго общества, бичуетъ его „какъ новый Архилохъ“, раскрываетъ несостоятельность его идеаловъ, ничтожество его великихъ людей, направлявшихъ свои усилія на суетныя призрачныя цѣли. Разница между добрымъ и пріятнымъ, между стремленіемъ къ сверхъ-личной вѣчной правдѣ и стремленіемъ къ наслажденію, вражда между духомъ и плотью раскрывается ему во всей своей силѣ. Онъ глубже понимаетъ самый идеализмъ своего учителя: смерть Сократа была судомъ и осужденіемъ греческому міру, и вмѣстѣ она послужила Платону откровеніемъ реальности духа, живой реальности того чистаго Добра, которому служилъ Сократъ.

Въ борьбѣ противъ гедонизма Платонъ приближается здѣсь всего болѣе къ своему будущему противнику Антисѳену, столь чуждому его аристократической натурѣ по всему своему умственному и нравственному складу. И однако Платонъ обличаетъ нравственный строй современнаго ему общества не во имя проповѣди опрощенія, и не во имя „естественнаго закона“, который киники, по слѣдамъ софистовъ, противополагали искусственности человѣческихъ установленій. Калликлъ,—этотъ предшественникъ Ницше, выставляющій идеалъ сверхъ-человѣка, свободнаго отъ всякихъ нравственныхъ нормъ,—встрѣчаетъ въ лицѣ Сократа не киника, отрѣшающагося отъ всякихъ внѣшнихъ узъ и избѣгающаго наслажденій, чтобы найти невозмутимый покой въ самодовлѣющей и безчувственной личной свободѣ: въ Сократѣ говоритъ практическій идеалистъ, каждое слово котораго проникнуто вѣрою въ абсолютную, вѣчную объективную Правду. Эта Правда одна должна царствовать и въ личной и въ общественной жизни; она должна осуществлять себя безусловно, и если въ чувственномъ мірѣ она не торжествуетъ явно, не проявляется въ полномъ блескѣ, то въ ду-

ховномъ, загробномъ мірѣ, обнаженномъ отъ плоти, она раскрывается совершенно. Такая вѣра въ царство правды проникаетъ собою Горгія. Самый гедовизмъ Калликла опровергается съ идеальной точки зрѣнія: выясняя различіе между добрымъ и пріятнымъ, Платонъ прибѣгаетъ даже къ одному изъ положеній своего теоретическаго идеализма—къ понятію „парусіи“ (497 E) или „присущества“ идей. „Горгій“ служитъ введеніемъ къ изслѣдованію самой идеи правды или справедливости, которой посвящена „Государство“ Платона.

Повидимому въ Горгіи мы имѣемъ зрѣлое выраженіе Платоновой мысли. Смерть Сократа произвела полный переворотъ въ нравственномъ сознаніи философа, послужила его духовнымъ крещеніемъ. Отнынѣ онъ выступаетъ съ проповѣдью нравственнаго абсолютизма, въ которомъ немыслимъ никакой компромиссъ съ дѣйствительностью, а тѣмъ болѣе съ стремленіями къ наслажденіямъ, приковывающими насъ къ плотской, чувственной жизни. Міръ, въ которомъ возможно явное торжество неправды, „весь во злѣ лежитъ“; это ложный призрачный міръ, которому противополагается міръ идеальный, духовный, сверхъчувственный, вѣчный и неизмѣнный. Тѣло есть могила духа ($\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha = \sigma\tilde{\eta}\mu\alpha$), а потому потребенъ разрывъ съ чувственною жизнью, какъ мы видимъ это въ Ѳеететѣ, Федонѣ, VI и VII кн. „Государства“. Философъ долженъ умирать для плоти, умирать для міра, чтобы жить духомъ и созерцать вѣчную истину.

Однако Платонъ не успокаивается на этомъ „отрѣшенномъ“ идеализмѣ. Прежде всего въ самой чувственности онъ открываетъ идеальное начало эроса, стремленіе къ полнотѣ бытія, къ красотѣ, къ воплощенію красоты и соединенію съ нею. По мнѣнію В. С. Соловьева, испытанная, пережитая любовь и была тѣмъ „жизненнымъ факторомъ“, который заставилъ философа перейти къ положительному, оптимистическому идеализму: „благодаря ей онъ уже не могъ вернуться къ тому отрѣшенному идеализму, который равнодушенъ къ жизни и міру. Почувствованная любовь уже сама по себѣ, какъ субъективное состояніе, снимаетъ безусловную грань между двумя мірами. И для Платона послѣ его эротической эпохи, увѣковѣченной въ „Фэдрѣ“ и „Пиршествѣ“, начинается періодъ практическаго идеализма“. Это замѣчаніе представляется въ высшей степени цѣннымъ; но на ряду съ эротическимъ мотивомъ Платонова идеализма не слѣдуетъ упускать изъ вида и этическое его начало, — вѣру Сократа въ *разумъ и силу добра*, а равно и завѣщанную имъ практическую задачу реформы, перевоспитанія общества. Вер-

ховнымъ началомъ идеализма Платона является Добро или Благо—творческое, божественное начало, чуждое зависти, которое, какъ солнце, даетъ міру свѣтъ и жизнь. Надо стремиться къ этому идеалу, пріобщаться ему, пріобщать ему другихъ и съ этою цѣлью показывать другимъ не только его красоту, но и его дѣйствительность. И вотъ наряду съ проповѣдью отрѣшенія отъ міра въ этикѣ Платона сказывается другая примирительная тенденція, возвращеніе къ прежнему Сократову евдемонизму. Онъ проповѣдуетъ благо не только какъ идею, но какъ дѣйствительное благо человѣческаго общества и единичнаго человѣка, дающее ему истинное счастіе. Сознавая, что онъ обращается не къ богамъ, а къ людямъ, онъ долженъ допустить относительную цѣнность наслажденья и видитъ въ немъ необходимое послѣдствіе разумной дѣятельности человѣка въ мірѣ, управляемомъ высшимъ Разумомъ.

И такой взглядъ встрѣчается не только въ старческихъ произведеніяхъ Платона—Филебѣ или Законахъ,—но и въ другихъ его діалогахъ, относящихся къ болѣе раннему времени. Высказывая его, Платонъ остается вполнѣ послѣдовательнымъ и вѣрнымъ основнымъ началамъ своего идеализма, какъ мы видимъ это въ „Евтидемѣ“ или въ „Государствѣ“—этомъ наиболѣе цѣлостномъ выраженіи подлиннаго ученія Платона

V.

„Евтидемъ“ подобно „Протагору“ преслѣдуетъ „протрептическую“ цѣль. Сократъ проситъ двухъ софистовъ показать ему свою „увѣщательную мудрость“ (*προτρεπτικὴν σοφίαν*), убѣдивъ Клинія заботиться „о мудрости и добродѣтели“, и, чтобы объяснить, что самъ онъ подъ этимъ разумѣетъ, даетъ образчикъ собственнаго увѣщанія. Всѣ люди хотятъ себѣ добра и всевозможныхъ благъ, богатства, здоровья, славы, удачи или благополучія. Но удача или благополучіе дается мудростью, ибо всякое дѣло приводится къ благополучному концу тѣмъ, кто знаетъ, какъ его надо вести. „Значитъ мудрость даетъ людямъ благополучіе во всемъ. Вѣдь не можетъ же она въ чемъ-нибудь ошибиться; но ей необходимо дѣйствовать правильно и удачно, иначе это вовсе не будетъ мудрость“. Далѣе, еще не достаточно обладать благами: надо умѣть ими пользоваться, ибо само по себѣ одно обладаніе еще не даетъ счастія тому, кто не умѣетъ пользоваться. Поэтому, сами по себѣ, всѣ такъ называемыя блага не имѣютъ цѣны и даже могутъ служить

злу; единственное подлинное добро есть мудрость, которая даетъ человѣку *счастіе* черезъ *правильное употребленіе* вещей (282). „Царственное искусство“ состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать людей богатыми, свободными, безмятежными, а въ томъ, чтобы дѣлать людей *добрыми* и *счастливыми*, сообщая имъ знаніе.

Итакъ, „увѣщательная“ мудрость Сократа въ Евтидемѣ, какъ и въ Протагорѣ, состоитъ въ указаніи единодержавія и главенства разума, который одинъ даетъ человѣку *мудрость* и *счастіе*. Правда, въ Евтидемѣ не говорится о томъ, даетъ ли мудрость удовольствіе: царственное искусство опредѣляется какъ такое, „которое приноситъ людямъ *пользу* и дѣлаетъ людей *счастливыми*“ (292 B). Гедонизма здѣсь нѣтъ, но евдемонистическое обоснованіе морали, какъ системы разумнаго поведенія, утверждается здѣсь съ еще большею отчетливостью, чѣмъ въ Протагорѣ. Было ли въ такомъ евдемонизмѣ мѣсто для удовольствія? Входило ли оно въ составъ *счастія* по представленію Платона? Отвѣтомъ является сочиненіе, занимающее центральное мѣсто въ литературной дѣятельности философа, — его „Государство“.

Въ этомъ капитальномъ сочиненіи вопросъ о природѣ справедливости самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ вопросомъ о томъ, ведетъ ли справедливость къ счастью—въ личной и общественной жизни. Вѣрно ли, что несправедливость служитъ болѣе надежнымъ путемъ къ личному счастію? Вопросъ этотъ разрѣшается для Платона въ связи съ признаніемъ абсолютной реальности добра. Платонъ ставитъ себѣ впервые ту самую задачу „оправданія добра“, которая послужила предметомъ главнаго труда В. С. Соловьева. Платонъ хочетъ разсмотрѣть справедливость или „правду“ въ ней самой и показать, какъ и почему она есть истинное добро или благо и почему она *сама по себѣ* приноситъ пользу обладающему ею, между тѣмъ какъ несправедливость *сама по себѣ* приноситъ вредъ (*βλάπτει* 367 D).

Чтобы выполнить эту задачу, онъ разсматриваетъ справедливость „тамъ, гдѣ она написана большими буквами“, т.-е. въ собирательномъ цѣломъ государства, и онъ развиваетъ свой планъ идеальнаго политическаго устройства, въ которомъ царитъ совершенная справедливость. Эта справедливость состоитъ въ гармоническомъ соотношеніи частей цѣлаго, изъ которыхъ каждая отправляетъ свойственную ей функцію (*τὰ οἰκεῖα πράττει*), не нарушая нормальной дѣятельности другихъ. Какъ извѣстно, Платоново государство обнимаетъ въ себѣ три сословія: низ-

шее, рабочее сословіе земледѣльцевъ и ремесленниковъ, служилое сословіе воиновъ или „стражей", представляющее военно-полицейскую силу государства, и, наконецъ, коллегію философовъ, управляющихъ государствомъ. Рабочіе обезпечиваютъ матеріальное благосостояніе цѣлаго, воины или стражи — его внѣшній и внутренній миръ, философы-правители пекутся о единствѣ и благѣ цѣлаго, объ устраненіи раздоровъ, о наилучшемъ воспитаніи и распредѣленіи гражданъ по различнымъ сословіямъ, смотря по способностямъ каждаго. Три сословія соотвѣтствуютъ тремъ частямъ человѣческаго духа — сословіе философовъ—разуму, сословіе воиновъ—волѣ или сердцу, сословіе промышленниковъ—низшей, чувственной сторонѣ нашей духовной природы съ ея плотскими аппетитами. И какъ въ разумной человѣческой душѣ воля повинуется разуму и господствуетъ надъ чувственными страстями, такъ и въ разумно устроенномъ государствѣ стражи должны господствовать надъ низшимъ классомъ и управлять имъ, подчиняясь указаніямъ правителей философовъ. При такомъ условіи правильнаго распредѣленія труда въ обществѣ процвѣтутъ добродѣтели: въ философахъ — мудрость, въ воинахъ — мужество, въ низшемъ классѣ—воздержаніе, въ цѣломъ — справедливость или разумное, нормальное взаимоотношеніе и взаимодѣйствіе частей, сообразное природѣ каждой. А результатомъ будетъ сила, крѣпость, здоровье и *счастіе* такого государства, его внутренній миръ, единство и солидарность гражданъ, устойчивость порядка и общее довольство. Цѣлое станетъ однимъ существомъ, которому дороги будутъ отдѣльныя части, такъ же какъ и отдѣльнымъ частямъ будетъ всего дороже цѣлое. И такимъ образомъ идеальная справедливость въ своемъ конечномъ осуществленіи приведетъ къ наибольшей суммѣ общаго счастія.

Но Платонъ не ограничивается разсмотрѣніемъ идеальнаго строя праведной души или идеальнаго государственнаго устройства. Въ VIII книгѣ онъ разсматриваетъ различныя дѣйствительныя формы государственнаго устройства, отличныя отъ его философской аристократіи, а затѣмъ тѣ индивидуальные нравственные типы, которые соотвѣтствуютъ этимъ несовершеннымъ государственнымъ формамъ, точно такъ же какъ праведная душа соотвѣтствуетъ справедливому государственному строю. Въ тимократіи, олигархіи, демократіи и тиранніи онъ видитъ какъ бы нисходящія ступени, все болѣе и болѣе удаляющіяся отъ нормъ этого справедливаго строя, точно такъ же, какъ онъ указываетъ прогрессивное ухудшеніе въ типахъ

„тимократическаго", „олигархическаго", „демократическаго" человѣка и „тирана", участь котораго представлялась столь завидной ницшеанцамъ того времени въ родѣ Калликла.

Если въ VIII кн. изображаются несчастія, которымъ неизбѣжно подвергаются государства по мѣрѣ ихъ уклоненія отъ нормъ справедливости, то въ IX кн., гдѣ подводятся итоги „Государства", показывается, что уклоненіе отъ этихъ нормъ ведетъ къ несчастію и страданію не только общество, но и отдѣльное лицо. Если государство уподобляется человѣку, то и единичный человѣкъ уподобляется государству. Проводя художественную параллель между государствомъ, управляемымъ тираномъ, и „тираническимъ" характеромъ, Платонъ приходитъ къ заключенію, что человѣкъ, обладающій имъ, не только порочнѣе, но и несчастнѣе всѣхъ, между тѣмъ какъ наибольшая *праведность* и наибольшее *счастіе* принадлежатъ аристократической или „царственной" душѣ (580 C). Это первое доказательство. Второе состоитъ въ *разсмотрѣніи и сравненіи удовольствій*, свойственныхъ различнымъ характерамъ людей. Сообразно тремъ элементамъ нашего существа Платонъ различаетъ три нравственныхъ характера: въ философахъ преобладаетъ умъ, въ воинѣ—честолюбіе, въ человѣкѣ низшаго класса матеріальныя, чувственныя влеченія. Каждый предпочитаетъ извѣстный образъ жизни и считаетъ его наиболѣе *пріятнымъ*, независимо отъ его нравственной цѣнности. Кто же изъ нихъ правъ? Очевидно ни честолюбецъ, ни сластолюбецъ, или корыстолюбецъ не могутъ цѣнить высшихъ умственныхъ наслажденій, даваемыхъ знаніемъ; философъ, наоборотъ, наряду съ этими послѣдними, можетъ вкусить и тѣ, которыя даются удовлетвореніемъ честолюбія и чувственности. Поэтому *онъ одинъ въ состояніи произвести правильную расцѣнку удовольствій*; его мнѣніе заслуживаетъ наибольшей вѣры и его выборъ есть правильный выборъ.

Наконецъ *третьимъ* доказательствомъ въ пользу добродѣтели является разсмотрѣніе самой природы удовольствія. Здѣсь Платонъ доказываетъ, что только удовольствіе мудраго есть положительное, чистое и подлинное, между тѣмъ какъ удовольствіе прочихъ — „какое-то призрачное" (*ἐσκιαγραφημένη τις*), отрицательное. Большая часть чувственныхъ наслажденій ошибочно принимаются за таковыя, будучи на самомъ дѣлѣ лишь прекращеніемъ предшествовавшаго страданія—боли, голода, мучительной потребности. Какъ и въ „Горгіи", Платонъ показываетъ, что такія удовольствія соотносительны страданіямъ и

предполагаютъ страданія: люди, преданные имъ, постоянно переходятъ отъ состоянія положительнаго страданія къ прекращенію такого страданія, ошибочно принимая за удовольствіе простое утоленіе, которое на самомъ дѣлѣ находится посрединѣ между удовольствіемъ и страданіемъ. Надъ такой серединой эти люди не могутъ подняться и не знаютъ подлинныхъ и чистыхъ, положительныхъ удовольствій, свободныхъ отъ примѣси страданія. А такія удовольствія существуютъ, и они даются всего болѣе разумной части нашей души. Если пища и питье, чувственныя блага и почести не могутъ дать намъ прочнаго удовлетворенія, пребывающаго исполненія нашихъ потребностей, то это потому, что такія блага призрачны и не обладаютъ истиннымъ пребывающимъ бытіемъ.

Полнота бытія присуща лишь идеальному, умопостигаемому, и потому нашъ разумъ, который наполняется этой подлинной реальностью, безсмертной сущностью истины, способенъ радоваться высшей, чистой радостью, соединенной съ чистымъ и безпримѣснымъ удовольствіемъ, тогда какъ неразумныя души, въ погонѣ за призрачнымъ наслажденіемъ, неизбѣжно идутъ къ страданію, неудачѣ, несчастью, гибели. Въ отличіе отъ киниковъ, Платонъ высказываетъ, что разумъ требуетъ не упраздненія, а подчиненія нашихъ аффектовъ. Подъ водительствомъ разума наше сердце и наша чувственность достигаютъ истинной своей цѣли наиболѣе вѣрнымъ путемъ; и тотъ, кто ищетъ побѣды или славы, и тотъ, кто ищетъ выгоды, скорѣе достигнетъ цѣли и получитъ наибольшее сообразное природѣ наслажденіе, если будетъ повиноваться разуму. „Если же душа будетъ всецѣло и безъ раздвоенія подчиняться любви къ мудрости, то каждой части ея дано будетъ дѣлать свое дѣло и быть справедливой и вмѣстѣ вкушать самыя лучшія и самыя истинныя наслажденія, свойственныя каждой"! „Знаешь ли ты, спрашиваетъ далѣе Сократъ, во сколько разъ *непріятнѣе* (*ἀηδέστερον*) живется тирану, нежели царю?". И затѣмъ, какъ бы для того, чтобы дать образчикъ своего „измѣрительнаго искусства", Платонъ путемъ довольно замысловатыхъ выкладокъ показываетъ, что „царь" живетъ въ 729 разъ „пріятнѣе" тирана!

Вопросъ объ отношеніи разума и наслажденія, объ относительномъ значеніи послѣдняго въ счастіи человѣка, занимаетъ Платона и въ тѣхъ его произведеніяхъ, которыя были написаны послѣ „Государства". Я разумѣю „Филеба" и „Законы", о которыхъ мы уже упоминали.

Въ Филебѣ Платонъ признаетъ нормальной и наилучшей ту человѣческую жизнь, въ которой сочетается разумъ и наслажденіе: благо человѣка не въ одномъ наслажденіи, какъ это признавали гедоники, но и не въ одной самодовлѣющей разумности, которая можетъ быть удѣломъ однихъ боговъ. Платонъ полемизируетъ противъ односторонняго гедонизма, но замѣчательно, что то ученіе, которое онъ имѣетъ въ виду въ этомъ случаѣ, принадлежитъ не Аристиппу, а Евдоксу книдскому,— знаменитому астроному, другу и „сотоварищу" Платону по академіи [1]). Этого мало: оспоривая положенія Евдокса, Платонъ съ *похвалою* ссылается на ученіе Аристиппа, объяснявшаго удовольствіе, какъ видъ движенія [2]). И такимъ образомъ Платонъ признаетъ относительную истину за ученіемъ Аристиппа объ удовольствіи, какъ онъ признаетъ относительную истину его сенсуалистической теоріи познанія.

Нравственный идеалъ Филеба—какъ и всюду у Платона—есть идеалъ господства разума. Но разумъ господствуетъ надъ наслажденіемъ не для того, чтобы упразднить его вовсе, а чтобы умѣрять наши безумныя страсти и похотѣнія и осуществлять въ нашей жизни мѣру и гармонію. Отъ нормальнаго нравственнаго воспитанія, отъ разумной и праведной жизни зависитъ и наибольшая сумма истиннаго человѣческаго счастія и удовольствія. Вотъ положеніе, къ которому подъ конецъ своей дѣятельности приходитъ авторъ „Протагора".

VI.

Подводя итоги этому пространному обзору, мы полагаемъ что „Протагоръ" можетъ безпрепятственно занять свое мѣсто въ „генетическомъ построеніи Платоновой философіи". Изъ сказаннаго мы могли убѣдиться, что Платонъ въ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ различнымъ періодамъ его литературной дѣятельности, за исключеніемъ развѣ Горгія, являлся защитникомъ евдемонизма, и притомъ въ такой формѣ, которая допускала элементъ удовольствія въ человѣческомъ благѣ, считая истинное наслажденіе нераздѣльно связаннымъ съ истинной правдой. Доказательство этой связи представляется Платону существенно необходимымъ въ цѣляхъ „оправданія добра"; и

[1]) Это явствуетъ изъ Arist. Eth. Nic. X, 2, ср. Usener въ Preuss. Jahrb. 53 (1883), 16.

[2]) Ср. Zeller, Archiv f. Gesch. d. Philos. I, 172 сл. и Philos. d. Gr. II, I, 352, 1. Также Dümmler, *Akademika*, 166 сл.

этому доказательству онъ посвящаетъ капитальное изслѣдованіе—„Государство“. Но этого мало: онъ считалъ, повидимому, что нѣтъ лучшаго способа для обращенія людей къ философскимъ занятіямъ и къ нравственной жизни, какъ убѣдительное указаніе всей той пользы, счастья и удовольствія, какія являются естественнымъ результатомъ такихъ занятій и такой жизни. Это одна изъ главныхъ задачъ платоновскаго, или, если угодно, сократическаго „увѣщательнаго слова“ (λ. προτρεπτικός), обращеннаго къ слушателямъ.

Протрептическую цѣль мы легко можемъ указать во многихъ діалогахъ Платона, отчасти напр. въ Евтидемѣ, который В. С. Соловьевъ помѣщаетъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Протагоромъ. Съ „увѣщательными рѣчами“ къ слушателямъ обращались киники, сократовцы, софисты разныхъ толковъ. Всѣ они соперничали другъ съ другомъ, стараясь показать товаръ лицомъ, при чемъ они нерѣдко обращали свое „увѣщательное слово“ въ словесное состязаніе или реторическое представленіе (ἐπίδειξις), гдѣ ораторъ преподавалъ образчики своего искусства.

Въ „Протагорѣ“ мы находимъ образчикъ литературной „протрептики“ въ соединеніи съ полемикой противъ другихъ учителей-софистовъ и съ реторическимъ эпидейксисомъ, въ которомъ Платонъ и, какъ мы думаемъ, еще юный Платонъ, не вполнѣ проникшійся чувствомъ мѣры, старается показать свое превосходство во всѣхъ родахъ рѣчи—и въ притчѣ, и въ разсужденіи, и въ діалектикѣ, и въ объясненіи стихотвореній, и въ монологѣ, и въ діалогѣ, и въ лаконической краткости и въ реторическомъ многоглаголаніи. Онъ обладаетъ искусствомъ Протагора, Гиппія, Продика и оставляетъ ихъ всѣхъ за собою. Діалогъ кончается неразрѣшеннымъ вопросомъ, загадкой; онъ приводитъ къ парадоксу и ставитъ проблему, къ которой Сократъ обѣщаетъ вернуться „въ другой разъ“. И такой конецъ всего болѣе подходитъ сократическому „увѣщательному слову“. Мы знаемъ, какъ Платонъ смотрѣлъ на задачи философскаго преподаванія: оно должно быть прежде всего устнымъ. И въ ранній сократическій свой періодъ онъ, естественно, крѣпче всего держался этого взгляда своего учителя. Ни въ одномъ изъ діалоговъ этого періода онъ не даетъ доказательства какихъ-либо философскихъ положеній, и нигдѣ не приходитъ къ какимъ-либо окончательнымъ положительнымъ результатамъ—все сводится къ обличенію, ниспроверженію мнимаго знанія,

или къ постулату истиннаго знанія, какъ основы разумнаго поведенія.

При такомъ отношеніи къ литературной дѣятельности вообще философское произведеніе и не могло служить инымъ цѣлямъ, кромѣ „протрептики“. Убѣдить читателей заниматься философіей и заниматься ею не у софистовъ, а вмѣстѣ съ истинными учениками Сократа; убѣдить ихъ въ высшей *пользѣ* этихъ занятій для личнаго счастія каждаго; наконецъ привлечь читателей искусствомъ слова и заинтересовать ихъ философскими проблемами, которыя предлагаются для совмѣстнаго изслѣдованія—вотъ тѣ „протрептическія“ цѣли, которыя мы находимъ въ большой части Платоновыхъ діалоговъ и которымъ ранніе изъ нихъ предназначены служить и вмѣстѣ, и въ отдѣльности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.